ASKR SVARTE

POLEMOS

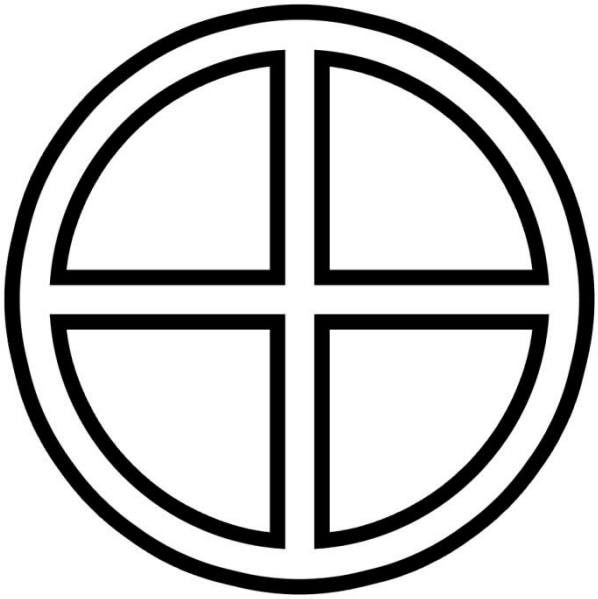
ЯЗЫЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

ТОМ I

ЗАРЯ ЯЗЫЧЕСТВА?

Polemos:

Языческий Традиционализм

Языческая Заря?

Askr Svarte (Нечкасов Е.А.)

«Polemos: Языческий Традиционализм. Языческая Заря?»

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

Polemos – (греч. битва, война) Бог и спутник Бога Войны Ареса, олицетворяющий саму войну и битвы. Согласно Гераклиту: «война (polemos) – отец всех, царь всех: одних она объявляет Богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Нам также известно «военное искусство» — полемика, являющаяся философским спором об Истине.

В книге автор исследует стратегии и проблемы возрождения языческих традиций в современном мире, выделяя ряды оппозиций: Язычество и Креационизм, Язычество и Модерн, Язычество и Постмодерн. Каждая оппонирующая язычеству сторона связана друг с другом и разными способами проникает в идеологию современных язычников. Тем самым отчуждая их самих от сущности Языческого, превращая их деятельность и опыт в подделку и симуляцию языческих традиций.

Книга ориентирована на широкий спектр интеллектуальных читателей, представителей академических религиоведческих, культурологических, исторических, философских и других наук. Книга рекомендована теоретикам и практикам современного язычества.

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

© Нечкасов Е.А., 2016.

Оглавление

I Пролегомены 7
I.I Заря? 7
I.II Язычество: доктрина, имена и символы 9
Доктрина 9
Имена 10
Символы 14
I.III Традиционализм 16
II Время и Инициация 24
Цикличное время 24
Линейное время 31
II.I Золотой век 35
II.II Серебряный и Бронзовый века 39
II.III Профанное 42
II.IV Герои 45
II.V Железный век 47
II.VI Онтология сословий 51
II.VII Языческая инициация 67
Инициация как смерть 68
Инициация как социальный феномен 71
Инициация и образование 72
Историческое наследие 73
Горизонталь и вертикаль 78
Язык и мышление 80
Два языка 84
Перевод и обряд 87
Вертикальная инициация 91
Аспекты посвящений в современном язычестве 95
II.VIII Проблематика контриниициации 97
II.IX Триумф титанов 101
III Язычество и Модерн 112

III.I Дхарма и должное 112
Дхарма в Кали-Югу 114
III.II Модерн и сословия 116
III.III Конструкты Модерна 123
Человек 126
Гуманизм 128
Материальный взгляд на общества Традиции 136
Рефлексия 137
Реальность 137
Примитивность 140
Гносеологический расизм 142
Техника 147
Свобода 152
III.IV Постмодерн 153
Постонтология и постгносеология 156
Постчеловек 164
Постобщество 171
Общество потребления 174
Бунт, аномия и смерть в обществе потребления 178
Ризома 180
Постпространство 181
Поствремя 183
Поствойна 184
Промежуточный итог 188
III.V Горизонты контриниициации 189
Пострелигия 190
III.VI Судьба Европы – судьба мира? 196
Место и время Постмодерна 198
Потенциал России 200
IV О современном опыте 205

IV.I Аутентичное и чуждое 206
Типология язычников 210
Субкультурные инфильтрации 213
IV.II Современный опыт 221
Персоналии 225
Критические замечания к практике 240
IV.III Симулякры и секты 262
Запад 265
Россия и постсоветское пространство 275
Восток и Азия 295
IV.IV Компромиссы 297
V Послесловие к первому тому 303
VI Приложения 304
Доброслав: взгляд традиционалиста 304
Велеслав: Язычник в эпоху Постмодерна... 310
Summary 312
Избранная библиография 313

I
Пролегомены

Язычество – это Песня, прекрасная Песнь Вечной Мудрости и Единства. Песнь забытая, но не утраченная. Сегодня, в эпоху Модерна, в Железный век всё чаще можно услышать напев и мелодию Древней Песни. Напев, пока ещё сбивчивый, с оговорками и обрывками воспоминаний, но уверенный в своём глубинном начале. И если вы читаете эти строки, значит вас, так или иначе, коснулась эта мелодия.

I.I Заря?

Язычество сегодня – живо и является, неотъемлемой частью жизни множества людей по всему миру. Язычество также было абсолютной реальностью и в древние времена. Но, как известно, между далеким прошлым и окружающей нас современностью, доминирование язычества было прервано сначала монотеистическими религиями (иудаизм, христианство и ислам), а после – эпохой Просвещения, становлением научной, секулярной картины мира, которая отрицает в своем основании не только монотеистическую Сакральность и мистику, но *Сакральность как таковую*. Поэтому основная полемика – война – происходила между христианскими церквами и научным сообществом, по итогам которой научная атеистическая картина мира доминирует и по сей день, вытесняя сторонников Сакральной ориентации бытия на маргинальную периферию.

Подъем исследовательского интереса к дохристианским, языческим традициям Европы начался в XIX веке, мы встречаем его в романтизме – реакции на Просвещение, в живописи, поэзии и литературе, философии и оккультных сообществах. В России одними из первых, кто обратил внимание на дохристианские, народные традиции и мотивы, были славянофилы-народники XIX века, передавшие эстафету блестящему Серебряному веку русской поэзии.

Если первые исследователи в Европе и России, были христианами (католиками или православными соответственно), философами-теоретиками либо просто эзотериками, то XX век можно по праву считать веком расцвета практического воплощения, восстановления язычества в жизни. Это время возникновения языческих общин, сообществ, век

активной практики в социальной, политической, культурной и философской областях.

В Европе первые прото-языческие сообщества возникают ещё во второй половине XIX века, в это же время Европа открывает для себя философию и доктрины Востока, особенно Индии, что знаменуется возникновением про-восточных кружков. В России практическое воплощение язычества, возрождение родной дохристианской традиции славянских народов, начинается со второй половины XIX века, опираясь на широкие исторические, археологические и этнографические исследования (В. Даль, В. Милорадович, А. Афанасьев, Б. Рыбаков, Е. Головин), соседствуя с не прерывавшимися языческими традициями Поволжья (удмурты, марийцы) и малых народов Сибири (шаманизм).

К концу XX и в начале XXI веков, в связи со снятием многих запретов, как религиозных, так и светских, количество языческих общин, ветвей разных традиций и литературы на эту тему стало неуклонно расти и входить в массы, что многие склонны рассматривать как долгожданную Зарю, следующую после Железного века. Из современных русских язычников можно выделить наиболее нам интересных: Алексея Добровольского – Доброслава (1938-2013гг.); Илью Черкасова – Велеслава, и Богумила Гасанова – содружество общин Велесов Круг; Вадима Казакова – Союз Славянских Общин Славян Родной Веры.

Мы не ставим себе задачу описания всей истории возрождения и становления языческих традиций в Новое время (Модерн), но запомним XIX век как время начала языческой зари, реакции на Просвещение, как одну из опорных точек нашего повествования.

Перед язычеством разных народов, будь то сохранившиеся без прерывания традиции малых народов, и возрождающиеся, реконструируемые традиции дохристианской Европы, России и Востока, в современном мире встает ряд рисков и проблем, связанных с преодолением влияния монотеистических и научно-атеистических идей. Огромные пласты экзотерических проявлений традиций утратили свою актуальность из-за смены образа жизни и мышления. Например, основополагающие народные циклы, связанные с земледелием и плодородием не актуальны для жителей городов, и во многом даже для жителей деревень. А для новых обычаев и ситуаций индустриального и постиндустриального мира отсутствуют мифологические объяснения.

В данном труде мы обратимся к наследию Индии, обладающему богатым набором текстов и восхитительной способностью к синтезу и

интеграции; к возрождающимся славяно-русским традициям и особенном потенциале России; к возрожденным европейским языческим традициям, развивавшимся в специфических условиях пост-христианской Европы. Основная ось: Европейские традиции – Славянские традиции – Индуистские традиции охватывает континент в его протяженности и цивилизационном индоевропейском разнообразии.

Мы ставим себе задачей не столько охватить язычество в исторической и пространственной перспективе – что в принципе является колоссальной задачей, – сколько схватить его принципиальные смысл и структуру, сокрытые в глубинах, как корни Мирового Древа, чтобы дать полноценное описание той ситуации язычества и язычников, в которой мы с вами пребываем. Очертить стратегии борьбы с этим чуждым нам профанным миром, чтобы та «языческая заря», о которой так много говорят сегодня, не выродилась в спектакль и игры в традицию-по-выходным.

И, наконец, обратить наш взор на тёмную перспективу язычества.

I.II Язычество: доктрина, имена и символы

Доктрина

Язычество – это манифестационизм.

Манифестационизм – по-латински «manifestatia», от глагола «manifestare», «проявлять» – это доктрина проявления. Согласно манифестационизму, весь мир – это проявление Божественного, раскрытие его аспектов, мир – это самообнаружение Бога. В манифестационизме нет «творца» и «творения», мир и Бог тождественны, они равны онтологически, изначально по своей природе. В язычестве это очень ярко выражено в словах «Мы – дети и внуки Божьи», иными словами человек родственен Богам. Так же языческие Боги, особенно верховные, нередко наделены эпитетами «Отец» и «Мать», Один-Всеотец, Земля-Матушка (Матерь Мокошь у славян) и так далее. В Индии, где доктрина манифестационизма наиболее широко представлена в текстах, распространено приветствие «Намасте», что означает: «Божественное во мне приветствует и соединяется с Божественным в тебе».

Иными словами, Божественное *проявляется* в мире, даже когда разные Боги выступают в роли Демиургов (творцов, создателей) Космоса или человека. К этому же принципу можно отнести повсеместно

распространенные мифы об убийстве первосущества и устройстве мира из его частей.

Пуруша в Индуизме: *«Луна родилась из сознания Пуруши, из его взгляда родилось солнце, из его рта – Индра и Агни, из его дыхания родился ветер. Воздушное пространство вышло из его ноздри, из его головы родилось солнце, из его ног – земля, из его уха – восточные страны; так были устроены миры» (Ригведа)*.

Имир в скандинавской традиции: «Имира плоть стала землёй, кровь его — морем, кости – горами, череп стал небом, а волосы — лесом» (Речи Гримнира, Старшая Эдда).

И мифы о соединении Богов и первоначал Неба/Огня и Земли/Воды и порождению ими существ: Уран и Гея в греческой традиции, Огонь Муспельхейма и Лед Нифльхейма при контакте порождают Имира. Иногда этот манифестационистский принцип именуется [creatio] ex Deo – [творение] из Бога, против creatio ex Nihilo – творения из ничто – авраамических религий.

Такое принципиальное, онтологическое тождество Бога и мира не исключает иерархического устройства мира. Мир наполнен старшими и младшими Богами, духами и животными, но эта иерархия не порождает разрыва между миром и Принципом. Следует уточнить, что эта недвойственность не означает единственности Бога. Здесь можно привести слова родноверов о том, что «Род един и множественен», иными словами, многие Божества так же равны между собой и миром, а «Род» в данном случае означает сам принцип недвойственности манифестационизма.

Манифестационизм – это изначальная доктрина живого непосредственного восприятия реальности как она есть, недеформированная разрывом между Богом и миром, которым отмечены авраамические традиции.

Имена

Нельзя обойти и не рассмотреть вопрос определения имен, которыми мы будем оперировать, и который сразу погружает нас в проблематику темы. Выше мы уже ввели главный, определяющий принцип и термин – манифестационизм.

Вынесенный в заглавие нашего труда термин «язычество» восходит к церковно-славянскому языку, в котором есть слово «ꙗзы́къ», что означает «народ», «племя», соответствующее греческому «ἔθνος» – этнос. Название иных, нехристианских народов «язычниками» восходит к переводам

Библии на славянский, и на протяжении многих столетий термин сохранял негативные коннотации. Так, с точки зрения христиан, язычниками являлись все нехристиане, иноверцы (позднее иудаизм и ислам были реабилитированы), а также язычество – это любое поклонение тварному, а не Творцу, т.е. идолопоклонничество. Заглядывая вперёд, можно сказать, что исходя из этого, термин «язычество» был ещё больше демонизирован. Так «язычеством» сегодня называют материализм, либерализм, консюмеризм (поклонение «Золотому Тельцу»). Всё это с точки зрения христианства и, шире, авраамических религий.

В Европе почти аналогичную ситуацию мы видим с латинским словом «paganus» – сельский, от «pagus» – округ, в противовес «urbanus» – городской. Слово «paganus» можно встретить ещё у Ливия, без негативной окраски, в своем изначальном значении, которое было очернено позже. Само значение «paganus = язычник» закрепляется как юридический термин при императоре Феодосии I в 380-е года, который проводил политику запрета языческих культов.

А так как христианство в средневековье (и на Руси в том числе) больше распространялось через элиты, а обычные крестьяне неохотно расставались со своими суевериями, обычаями, приметами, то возник термин «religia pagana» – «деревенская вера», имеющая также уничижительный смысл[1]. Помимо paganismus/pagani христианские авторы использовали и другой, характерный термин: ethnici – от греч. Ethnikoi, «язычники», представители других народов, буквальный перевод древнееврейского «гоим» – «нееврейские народы, поклоняющиеся не единому истинному Богу, а идолам».

Несмотря на разную этимологию слов, между «paganus» и «ꙗ҆зы́къ» есть принципиальное сходство: изначально уничижительное название народных поверий и обычаев, сохранившихся в противовес крещёной элите, которое со временем очищается и входит в научный язык и как широкое самоназвание самих язычников – тех, кто следует древним традициям.

В современном язычестве есть расхожая фраза: «Сколько народов (языков) – столько и язычеств», что означает, что каждый этнос имеет свою традицию. Соотношение «ꙗ҆зы́къ» (язык) = «ἔθνος» (этнос) говорит о неразрывной связи веры и народа, её хранящего, в противовес мировым

[1] Максимально близким аналогом «язычества» является распространенный в современной языческой среде немецкий термин «Folkishe/Volkishe», что можно перевести как «народничество».

религиям, не привязанным к этносам, так в Библии мы встречаем известный пассаж:

«Несть иудей, ни эллин: несть раб ни свободь; несть мужеский пол, ни женский; вси бо вы едино есте о Христе Иисусе» (Гал. 3:28).

То есть, христианская религия вводит абсолютное равенство всех, кто уверовал во Христа: больше они не иудеи или эллины (греки), а христиане. Таким образом, происходит отрыв от этно-религиозного единства в пользу строго религиозной идентичности. К этой теме мы ещё вернемся ниже.

В современной науке под язычеством понимаются:

- Все политеистические религии;
- Культы, обряды и поверия архаических народов до принятия ими одной из авраамических религий;
- Иногда используется как синоним термина «неоязычество»;

Термин «неоязычество» означает уже современные реконструкции и *новые* учения, которые носят синкретический характер. Одно из научных определений дает религиовед Алексей Гайдуков:

«*Неоязычество – совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, которые в своей деятельности обращаются к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимаются их возрождением и реконструкцией».*

Неоязычество является строго современным явлением, которое в своем позитивном пределе стремится к преодолению аффектов Модерна и монотеизма, а в негативном является вырождением до профанных тоталитарных сект, которые смешивают внешние формы и обрывки разных традиций и выдают их за древние знания, с целью личной наживы. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что неоязыческие движения в большинстве тяготеют к нижнему пределу и использование этого термина является неудовлетворительным[2]. Поэтому мы остановились на термине «язычество» и понимаем его всегда не только как традицию какого-либо народа, его веру, но и как синоним термина «манифестационизм».

Помимо обобщающих терминов «язычество», «неоязычество», «паганизм» мы также встречаем и некоторые более узкие названия тех или иных традиций, например, «Родноверие», «Одинизм» или «Форн Сидр»

[2] У Доброслава мы можем найти более органичный и красивый термин – младоязычники.

или «Асатру». В данном случае речь идёт о современных самоназваниях традиций, общин и субкультур, как правило, этноцентричных.

Так, например, «Родноверие»[3] – это современное самоназвание русских язычников, возводящих свою традицию к верованиям древних славян, а «Асатру» – «Вера в Асов» – это язычество скандинавов и иногда встречается как самоназвание германских язычников. Термин «Одинизм» не такой однозначный, в современном мире под «Одинизмом» чаще понимают доктрину расово-религиозного превосходства белого язычника над всеми остальными народами, что в корне не верно, и будет рассмотрено ниже. В скандинавской традиции также встречается два аутентичных варианта самоназвания – древнескандинавский «Forn Siðr»[4], «Древний Обычай» и «Forneskja», древнеисландские «Старые [языческие] времена». Термин «Индуизм» также является неологизмом начала XIX века, т.к. на территории современного Индостана находится невероятное множество течений, школ, сект и ответвлений от разных традиций, которые лишь условно объединены одним названием. В Индии мы можем встретить и секты шиваитов, ганапатов, вайшьев, ведантистов и нечто среднее между исламом и индийскими традициями – другими словами, Индия поражает разнообразием культов разных божеств, каст и сословий, поэтому в частных случаях мы будем уточнять конкретную школу или течение, к которому обращаемся.

Суть же самоназваний лежит в необходимости идентификации и самоидентификации в современном мире. Язычник дохристианской эры не мог сказать, например, «я – родновер», скорее, «внук Даждьбожий» или «славный сын Одина», либо шиваит – преданный почитатель Бога Шивы, либо ганапат – адепт культа Ганапаты/Ганеши.

Основная проблема в вопросе самоназвания – это аутентичность термина и его емкость, охват того, что он должен определять; термин должен схватывать явление и передавать его смысл остальным. Поэтому термин «Асатру» сегодня больше описывает одно из течений в рамках неоязыческой реконструкции северной традиции, и членов различных организаций, использующих это слово в названии, например, американская «Asatru Folk Assembly». А исконный термин «Forneskja» будет отсылать нас к исландскому язычеству, как и простой, но, на наш

[3] Термин в данном виде введен волхвом Велеславом (Ильей) Черкасовым в 90-е годы XX века.

[4] Одноименная религиозная организация зарегистрирована в Дании в 2003 году.

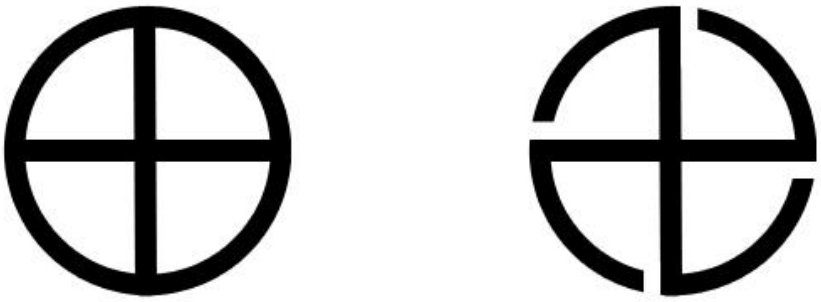
взгляд, емкий термин «Одинизм»[5], с поправкой на очищение его от негативных коннотаций, указных выше. Здесь же уместно вспомнить последнего языческого императора Юлиана Верного (361-363гг., более известен в христианской историографии как «Отступник»), который называл свою религию hellenismos, «эллинство», что является примером органичного проявления названия традиции, связанного с названием народа. Другой занятный пример это самоназвание современных англо-саксонских язычников: Theodism (Теодизм), восходящее к «теоду» – племени, обществу, округу. Здесь снова угадывается известный мотив связи села, округа, общества либо племени в религиозно-этнической самоидентификации, как и в случае с ıǻзы́к», ἔθνος (ethnici), volk, paganus и близкого им odal (родовой надел у скандинавов, odalism).

В случае славяно-русского «Родноверия» мы видим ситуацию, когда новое название попало в архетип, случился резонанс нового с глубинным древним основанием, и этот термин мы встречаем чаще, чем все остальные, более спорные названия: правь[о]славие, староверие и др.

Символы

Весьма похожая ситуация, на которую нередко направлено острие критики язычества – это вопрос аутентичности и правомерности символов разных традиций. Так, в случае с авраамическими традициями, за ними исторически закрепились символы щита Давида – за иудаизмом, креста – за христианством, полумесяца – за исламом. Язычеству же наиболее часто приписывают два символа: свастику и кельтский крест, как выражение солярности и солнцепочитания. Оба символа отражают фундаментальные принципы практически любой индоевропейской традиции. Свастика как солнцеворот, ход Солнца по небосклону и самый распространенный символ среди многих, даже не индоевропейских культур, и кельтский крест как символ Года и четырех важнейших солярных праздника: Летнее и Зимнее Солнцестояния и Весеннее и Осеннее Равноденствия.

[5] Есть распространенная на Западе версия, что термин впервые использован О. Браунсоном в 1848 году, в книге «Возрождение Одинизма или старого скандинавского язычества».

Кельтский крест и свастика

В новое время Родноверие, Одинизм и Индуизм подняли на свои знамена и конкретные символы – Коловрат, Мьёльнир и Ом.

Ом (Аум) – является Сакральной мантрой и изначальным звуком в индуисткой и ведийской традициях, и используется многими школами, даршанами и учениями повсеместно. Выделение его как символа Индуизма является органичным жестом. Но не стоит забывать, что в разнообразии сект в рамках Индуизма мы можем встретить и иные, более узкие символы отдельных школ, например, Трезубец Шивы у шиваитов и агхори.

Мьёльнир – Молот Тора – издревле считается оберегом от нечистой силы, исполненным в виде подвески или начертания, схематически изображающего Молот, которым Бог-защитник Тор расправлялся с великанами. Менее известным, но не менее органичным является и символ в виде руны Odal, «Родная земля», «родовой надел».

Odal

Коловрат в этом ряду имеет наибольшую проблематику, так как археологические и этнографические находки, подтверждающие, что у славян был такой символ, – отсутствуют. Наиболее раннее и весомое, с точки зрения этнографии, изображение Коловрата можно найти в книге поляка Станислава Якубовского «Праславянские мотивы в архитектуре»

(1923г.), там он утверждает, что данный символ вырезался на деревянных монументах и приводит графическую реконструкцию. Но этот артефакт является спорным. Самый похожий на Коловрат символ – солярный круг с множественными вращающимися лучами – довольно распространен в деревянном зодчестве и на предметах быта, но может служить лишь далеким прообразом Коловорота.

Сам Коловрат/Коловорот, как символ Родноверия, часто изображаемый желтым на красном фоне, ввел в обиход в 80-е годы Александр Добровольский, более известный как Доброслав. И в этом случае мы снова сталкиваемся с попаданием в архетип, где скорее не авторская работа оказалась удачной, сколько глубинные пласты древней традиции проявили себя в новой, органичной традиции форме, поэтому символ Коловрата очень быстро и крепко прижился и стал неотъемлемым символом славяно-русского язычества сегодня.

Коловрат, Мьёльнир и Ом

Подводя итог этому рассмотрению, мы можем оценить результат процесса создания символов и терминов самоидентификации интересующими нас традициями, с указанными поправками и замечаниями к аутентичности и органичности, как в целом положительный.

I.III Традиционализм

Традиционализм – философское направление, возникшее в начале XX века в Европе, связанное с такими именами как: Рене Генон, Юлиус Эвола, Мирча Элиаде, имеет для нас огромное значение и потенциал.

Он возникает как идеология, которая выступает за полный и бескомпромиссный возврат к ценностям традиционной эпохи, а современный мир она рассматривает как абсолютное отрицание высших, традиционных принципов – как царство профанного и количественного, как главного критерия. Традиционализм не является религией, ни новой, ни старой; *традиционализм это не Традиция*. Своими корнями традиционализм уходит в концепцию «перрениализма», Sophia Perennis (Санатана Дхарма в Индуизме) – Вечной Мудрости, единой основы всех религий, метафизического источника.

Философия традиционализма разворачивается вокруг следующих ключевых положений:

Представления о единой Примордиальной Традиции как о Древе и общем корне всех частных этнических традиций и религий. Иначе говоря, в своей эзотерической (внутренней, сокрытой) части все традиции и религии мира, в формах их собственной народной культуры, выражают единый Принцип. Постижение эзотерического знания осуществляется через цепь посвящений. Само слово «традиция» восходит к латинскому «tradere» – «передавать», то есть речь идет о непосредственной передачи инициации (посвящения) от учителя к ученику, от старшего – младшему, и т.д. К примордиальным, то есть изначальным также относятся космогонические мифы о создании мира, о первичных и вечных переживаниях и началах; вечных не как *длящихся постоянно*, но как пребывающих *вне (сверху) времени*, без начала и, следовательно, – без конца. Историческое существование изначальной единой религии древних, которая со временем распадается на сомн разных традиций, представляется весьма спорным утверждением, хотя на него указывали, как и сам Рене Генон, так и другой искатель и реконструктор языка древней единой традиции – Герман Вирт. Само слово «примордиальная» означает «изначальная», то есть речь идет об идеальном состоянии Золотого века, которое характеризуется абсолютной, без исключений, Сакральностью всего мироздания и, соответственно, Сакрально обоснованной естественной иерархией и должным поведением человека. Из этой предпосылки мы утверждаем, что изначальным корнем всех традиций является неразделенное единство (синтема) Сакрального, Должного и Иерархии, которые в различных *формах* проявляются в общественном и человеческом бытии разных народов.

Утверждения о том, что реальность метафизической Традиции, трансцендентного уровня бытия, является доминирующей по отношению к

современному профанному и вырожденческому миру. Человек, его индивидуальная и общественная жизнь, само общество и государство должны выстраиваться в четком согласии с Сакральным порядком.

Юлиус Эвола писал: *«Для нас Традиция — это победоносное и созидательное присутствие в этом мире мистической силы более могущественной, чем человеческая или материальная, — Духа»* («О секрете вырождения»).

Утверждения о том, что сегодня в эпоху современности – Модерна, цепь передачи порвана, Традиция умерщвлена секулярной позитивистской наукой, профанирована проходимцами, сведшими её до развлечения светского общества; сведена до «обычая» и «привычки». Иначе, сегодня мы живем в анти-традиционное время, которое основоположники философии традиционализма справедливо называли Железным веком или Кали-Югой. Если ранее европейские общества жили согласно своим народным традициям, то есть находились в традиции – в цепи передачи Вечной Мудрости от Золотого века, то в эпоху современности цепь порвана. И в эту эпоху появляется традиционализм.

Традиционализм объявляет войну Модерну, как десакрализованному, безбожному и беспорядочному миру, призывая к радикальной переоценке ценностей, ориентируясь на высшие идеалы и порядок организации общества, государства и всего мира[6].

Сегодня же распространена путаница, когда Традицию путают с традицией (с маленькой буквы), где последняя – это та или иная религия, традиция того или иного народа. Ветвь на едином древе Традиции. Отсюда берет свои корни иное, в корне неверное, понимание термина «традиционализм», которое является новым эвфемизмом этноцентризма и шире – национализма, расизма; где традиционализм – это приверженность народной религии, культуре и языку.

В таком контексте широко распространенные характеристики «традиционалистичности» и «традиционности», приписываемые тому или иному явлению, идее либо автору в контексте той или иной традиции, являются оксюмороном.

«Традиционное» – относящееся к конкретной традиции, «традиционалистское» – относящее к философии традиционализма.

---

[6] По мнению французского историка и традиционалиста Рене Алло, традиционализм по своей фундаментальности и радикальности может рассматриваться наряду с марксизмом, и является «самым революционным направлением в философии Нового времени».

Как соотносятся эти три начала: Традиция, традиция и традиционализм? Традиция как Изначальный Принцип, Исток и общее основание всех иных традиций. Традиция с маленькой буквы – это естественная вера какого-либо народа, проявление Сакрального в уникальной для каждого этноса форме, которая и является тем языком (ꙗзы́къ) на котором божественное раскрывается народу (ethnos), и посредством которого, в виде мифов, ритуалов, культов, должного поведения, обычаев, культурных форм и наконец – самого языка, народы общаются и восходят к единому Сакральному и передают (tradere) это Знание.

Традиционализм возникает в ситуации, когда цепь передачи, традиции, прерывается, когда утрачивается мирооописание через Сакральный язык мифа и ритуала. Традиционализм, как было отмечено выше, не является традицией, но является ориентацией на традиционные принципы и их приоритет в современном мире, выраженной в философии. В своей радикальной максиме традиционализм должен выходить за свои рамки и приводить *в традицию*. Но, с точки зрения классиков традиционализма, сегодня приводить некуда, поэтому традиционализм, а не традиция, является путем для ищущих Сакральности в наши дни.

Отцом традиционализма можно смело назвать французского мистика и философа Рене Генона, который в своих трудах заложил основные положения философии и дал подробное описание той ситуации, в которой находится человечество на сегодняшний день.

Второй не менее значимой фигурой в традиционализме является итальянский мыслитель, барон Юлиус Эвола. В то время как Генон представлял собой проявление созерцательное, пассивное, то Эвола был активным борцом с современным миром, что заметно даже в перекличке в названиях их трудов: Рене Генон пишет труд «Кризис современного мира», на что Эвола отвечает работой «Восстание против современного мира».

Юлиус Эвола и его философия наиболее интересны на нашем пути, так как одной из первых его работ была книга «Языческий Империализм» (1928г.), а поздние его труды приоткрывают совсем иные измерения традиционализма и его стратегий по отношению к миру. И, в отличие от Генона, который уехав в Египет, принял ислам и стал суфием, Эвола показал иной путь, верность высшим идеалам и презрение к вырожденному миру, последовательно разворачивая в своей философии те положения, которые мы находим необходимыми для приложения к языческим традициям, для их укрепления и обогащения.

Но прежде следует важное отступление касательно спорных моментов традиционализма относительно наших намерений применить традиционалистский метод к язычеству. В поздний период своего творчества барон Эвола высказывал сожаление об использовании термина «язычество» в названии одной из первых своих работ, и запретил переиздавать «Языческий Империализм», также в 1942 году выходит его статья «Против неоязычников», где он обрушивается с критикой на попытки некоторых радикалов оживить языческие культы на основе христианских описаний и примитивного натурализма, замыкающего индивида на имманентной Природе. Забегая вперед скажем, что критика Эволы во многом оправдана и справедливо относится именно к «неоязычникам», что будет более подробно рассмотрено в главе IV.III «Опыт современных общин», а многие положения из «Языческого Империализма» нашли свое более полное развитие в последующих книгах барона.

Другой, более важный аспект традиционализма связан с тем, что его основатель Рене Генон в своих трудах уже (или ещё?) аффектирован авраамическим дуализмом. Иначе говоря, Генон, несмотря на глубокий интерес к индийской Веданте и Адвайте (учению о Недвойственности), возводит категории Сакрального и Профанного, Инициации (Посвящения) и Контриниициации до абсолютных значений, и описывает их в христианских тонах, как борьбу Абсолютного Зла с Абсолютным Добром, доходя до заговорческих теорий Контриниициатических сил. Данное утверждение об авраамическом характере дуализма в «генонизме» косвенно подтверждается тем, что сам Рене Генон позже мигрировал в Египет и принял ислам, став суфийским мастером, и позже рекомендовал всем, кто искал ещё живой цепи передачи посвящения в Традицию, обратить внимание на суфийский орден Алавийя, который возглавлял другой традиционалист – Фритьоф Шуон.

Как уже было сказано, основная причина интереса к исламу заключалась в убежденности Генона в том, что в суфизме ещё существует цепь подлинного и живого посвящения. На пути к этому, философ отказал в инициатичности Католической церкви, масонским и оккультным кругам в том числе.

Фритьоф Шуон подтверждает эту версию:

«Нам доводилось слышать вопрос, почему Генон «выбрал исламский путь», а не какой-нибудь другой. «Материальный» ответ состоит в том, что у него и не было никакого выбора: ведь он не признавал

инициатический характер христианских таинств, индуистская инициация из-за кастовой системы была для него недоступна, а буддизм в то время считался им гетеродоксальным учением. Ключ к этой проблеме лежит в том, что Генон желал лишь инициации: ислам давал ему эту возможность, а также все необходимые и второстепенные сопутствующие детали».

Такая изначальная экспозиция традиционализма позднее привела к пересмотру и преодолению ряда ошибок и заблуждений «ортодоксального генонизма» поздними представителями этой философии. Признавая авторитет и роль Рене Генона как основателя традиционализма, для наших целей необходимо преодолеть авраамические аффекты традиционализма, что уже частично сделано нашими предшественниками и на чем мы не будем останавливаться подробно в ходе нашего повествования.

Традиционализм как одна из наиболее радикальных философий XX века, призывающая обратиться к великому наследию человечества как к единственно истинной реальности, к трансцендентным уровням бытия, является неоспоримым и необходимым подспорьем на пути схватывания метафизических принципов язычества.

Близкую нашей тематику язычества в связке с традиционализмом разрабатывали французский философ Ален Де Бенуа в своей работе «Как можно быть язычником», и французский историк Доминик Веннер[7].

Веннер предлагал отойти от анализа всех традиций, языческих и авраамических как равных, который проделывали классики традиционализма, в пользу более узкого и органичного следования каждым народом своей традиции. В случае Европы речь идет о европейской языческой традиции. Данный подход Веннер предлагает называть неологизмом «традиционизм» (traditionism).

«Для европейцев, как и для других народов, подлинной традицией может быть только их собственная. Это традиция, выступающая против нигилизма благодаря возвращению к тем истокам, которые были характерны для предков европейцев»[8].

Отталкиваясь от позиции Веннера, мы рассматриваем более сложную систему взаимоотношений между манифестационизмом, креационизмом и современным атеистическим миром (Модерном), в противовес классической традиционалистской дихотомии Традиции и Модерна.

[7] Доминик Веннер застрелился 21го мая 2013 года в соборе Нотр Дам, в знак протеста против нарастающей во Франции кампании по разрушению традиционных ценностей.

[8] См. Веннер Доминик «Жить в соответствии с нашей традицией».

Отдавая несомненный приоритет древней Вечной Мудрости, излагаемую нами философию и воззрения на язычество в современные последние дни, можно назвать языческим традиционализмом.

Последний момент, на котором мы остановимся – это внутреннее деление традиционализма на два направления: жесткий традиционализм и мягкий традиционализм[9].

Жесткий традиционализм, представителями которого, несомненно, являются Генон и Эвола, заключается в радикальном противопоставлении традиционного мира и его ценностей миру современности и его ценностям. Рене Генон и барон Эвола представляют два варианта радикального пути против мира Модерна: путь ухода от этого мира, уединение в ещё живой традиции и религиозном обществе (Генон); либо радикальное противостояние современному миру в самом его центре, подвергая сомнению даже широко распространенные институты церкви. Речь идет о Католической церкви, в инициативности которой очень сомневался Эвола.

Жесткий традиционализм – это выбор стороны божественного, традиционного мировосприятия и отказ от социального статуса, общественного мнения, экономических требований к потреблению, как от каких-либо значимых критериев в жизни. Главными ценностями и критериями становятся ценности той традиции, в которую посвящается человек. Компромиссы с современным миром либо недопустимы вовсе, либо чрезвычайно минимальны как количественно, так и качественно; им не придается значения и не дается возможности связать, обусловить бытие человека.

Мягкий традиционализм более лоялен к современному миру и допускает определенные компромиссы, это путь «мягкой силы» изменения окружающего мира. Ярчайший представитель мягкого традиционализма – великий румынский религиовед, историк и писатель Мирча Элиаде.

В своих трудах философ-религиовед оформил и внедрил новый подход к изучению и описанию религий мира, он отошел от господствующего ранее подхода к изучению религий как ересей и «примитивных» культов «варварских» народов, и стал рассматривать религии как самостоятельные и самоценные, важные и органичные традиции каждого конкретного народа (либо народов). Элиаде отрицал некоторые положения генонизма, как то – идею Примордиальной Традиции, и сам оставался правоверным

[9] См. Марк Сэджвик «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века» *(Здесь и далее полные выходные данные см. в библиографии – прим. Автора)*.

христианином, но многие его труды посвящены непредвзятому изучению языческих традиций мира, истории религий и метафизике Сакральных мистерий. Мягкий, научно-академический подход Элиаде, и его акцент на том, что традиционные ценности, Сакральный мир имели высшую ценность для древних народов и актуальны, ценны и сейчас, в XXI веке, принесли свои плоды в ученом мире, и славу ученому как основателю современного религиоведения. И стали катализатором фундаментального пересмотра отношения к архаическим культам и верованиям, как со стороны ученого мира, так и общественности.

Мягкий традиционализм, как мы уже говорили, является «мягкой силой», не призывающей к революциям и радикальному восстанию против современного мира, но ведущей свою борьбу внутри «системы», последовательно, неторопливо развертывая своё пространство со своими ориентирами в рамках академических дисциплин, культуры, литературы и общественной жизни. В России яркими представителями именно такого мягкого подхода является философ-традиционалист Александр Дугин, один из основателей русской школы традиционализма; Велеслав Черкасов, один из виднейших мыслителей-язычников современной России.

Два вышеописанных пути, на наш взгляд, могут только взаимодополнять друг друга. Мягкий традиционализм создает плацдармы и пространство внутри системы, создает альтернативные современному миру векторы и центры притяжения; разрабатывает философские, культурологические и религиоведческие проблемы и знания, которые, несомненно, могут быть полезны на пути жесткого традиционализма. Который, в свою очередь, может переводить «мягкие» теории в религиозно-общинную, социальную и политическую (от системной до радикальной) практику, служить источником пламенного вдохновения для «мягких» исследователей и мыслителей.

Хотя иногда бывают и фанатичные перекосы, приводящие к конфронтации «жесткого» и «мягкого» путей (упреки в «недостаточном» либо «излишнем» радикализме), которые мы считаем контрпродуктивными в общем деле. В рамках же нашего подхода мы более тяготеем к позициям и опыту жестких традиционалистов, отдавая дань благодарности мягким традиционалистам за их необъятные труды и вклад в общее дело.

II
Время и Инициация

Быть язычником сейчас – это сделать бросок в Бездну.

Это чисто волюнтаристский акт, т.е. он не подкрепляется никакими гарантиями вообще, никак и никем.

Ты прыгаешь и выдерживаешь испытание, воспаряя ввысь из самого "дна", либо разбиваешься о титанические осколки.

Все или ничего.

Вопрос о Времени и нашем местоположении в истории является определяющим всё. Это положение – наша башня, с которой мы смотрим, как история разворачивается *в нашем направлении и какое место мы в ней занимаем*. Время же определяет наше положение относительно Вечности. Вечности, понимаемой не как постоянное повторение/наличие «это было *вчера*, есть *сегодня* и неизменно будет *завтра*», то есть наличие, помещённое *во время*, но как Вечность *над временем*, без начала и без конца. Таким образом, история сопричастна Времени и является его наполнением.

Среди представлений о Времени нам широко известны два: цикличное и линейное. Цикличное время соотносится с манифестационизмом (язычеством), а линейное с креационизмом (авраамизмом). На основе этих двух представлений мы можем рассмотреть отношения между Вечностью и Временем в двух онтологически разных доктринах, названных выше.

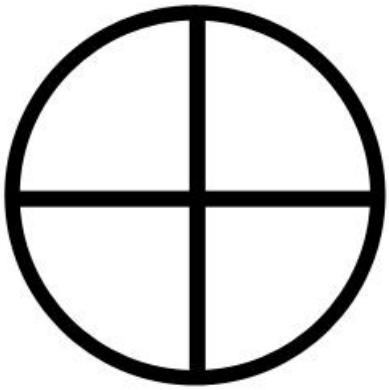
Цикличное время

Мы можем выразить это представление о времени древним и лаконичным символом – окружностью с точкой в центре, circumpunct. Точка, помещённая в центр, означает Вечность, метафизический Центр, Единое и Сакральное; это точка абсолютного качества и отсутствия Времени и Пространства. Окружность наоборот является областью количества, истории, Времени и Пространства.

Время бежит по окружности, цикл сменяет цикл на всех уровнях: от цикла дня и ночи к циклу года, восходя вверх к циклу Жизни и Смерти, к метафизическим циклам становления и разрушения Космоса. Где каждый малый цикл есть подобие большего цикла, и включает один в другой как цикл дня и ночи образует цикл года, а цикл жизни и смерти человека

образует цикл жизни и смерти его рода. Это подобие является проявлением одного образцового принципа, проявлением Вечности во Времени. Окружность является областью становления и растворения явлений и вещей во времени, явления же Богов (теофании) в мире времени носят характер моментального проявления «здесь и сейчас»; Боги проявляют себя в мире сразу же в том виде, в котором хотят. Они творят либо разрушают вещи мгновенно, минуя время.

Если же мы проведем через центр окружности – метафизический Центр – две прямые, вертикальную и горизонтальную, то получим другой древнейший символ – кельтский крест. Получившийся крест, вписанный в окружность, является универсальным ключом к языческому пониманию истории, отношения Времени и Вечности, восхода и захода, становления и старения явлений и вещей.

Нижняя точка пересечения окружности и вертикальной линии – это исток, начало хода по окружности направо. Это точка рождения, начала нового цикла, года, поворот солнца на рост зимой (Йоль, Коляда, Зимнее Солнцестояние) и т.д. Верхняя точка вертикали – это точка высшего пика развития, силы, зрелости, поворот солнца на убыль летом (Мидсумар, Купала, Летнее Солнцестояние). Между ними располагается горизонтальная линия Весеннего и Осеннего Равноденствий, делящих две половины окружностей на равные части – это точки перехода доминирования дня над ночью и наоборот. После Осеннего Равноденствия темное время суток увеличивается, и год идет на убыль, солнце спускается к своей низшей точке, жизненный цикл подходит к смерти – нижней точке пересечения окружности и вертикальной линии. Жизненный круг и кельтский крест можно соотнести и следующим образом: Рождение (Восход, Зимнее Солнцестояние) – Юность (Весеннее Равноденствие) – Зрелость (Летнее Солнцестояние) – Старость (Закат, Осеннее Равноденствие) – Смерть (Зимнее Солнцестояние). Отметим особую

мистериальную значимость именно Зимнего Солнцестояния как точки перехода от конца к новому началу, как время метафизической Ночи и зимы. По сути, все иные солярные праздники являются отражениями именно Йоля/Купалы, его метафизической насыщенности на разных этапах циклов, и именно Зимнее Солнцестояние является подлинным Новым Годом. Даты Сакральных праздников разрывают протяженность цикличного времени, являясь Священным Временем – проекцией самой Вечности, так как обрядово-ритуальное действие воспроизводит мифы и действия Богов. Священный праздник разрывает Время и его «время» является Вечностью на окружности, Вечностью в настоящем.

Мирча Элиаде указывает, что во многих языках аборигенов Северной Америки, и у якутов и юкки слово «Мир», «Космос» тождественно в значении «Году». Якутское «Мир прошел» означает, что «прошел год», дакоты говорят «Год – это круг вокруг Мира». Символизм года и круга мы найдем и в устройстве жилища, поселения и святилищ, алтарей и храмов. Обережный круг вокруг мага, и его ориентация внутри него во время ритуала, либо ограда и ориентация построек внутри капища воплощают этот древний и метафизический архетип. Брахманы Индии также знали, что Праджапати – это Год.

Возвращаясь к символам язычества, отметим что свастика, особенно свастика выполненная с закругленными концами, является не только солярным, но и шире – годичным символом, напрямую отсылающим к кельтскому кресту, который является нормативным символом всех календарных и космологических представлений. Иначе говоря, он есть идеальное представление, карта года и времени, которое может иметь свои нюансы и отклонения в разных традициях.

Кельтский крест, помимо богатого временного символизма, так же является и картой Пространства, где Север и Юг располагаются на вертикали сверху и снизу соответственно, а Восток и Запад на горизонтали справа и слева соответственно. Стоит понимать, что люди севера видели год иначе, чем люди, которые жили южнее 22-го градуса северной широты. Выше этого градуса день длился полгода, и полгода длилась полярная ночь, это явление можно наблюдать и сегодня на севере. Южнее уже заметно дробление года и дня на четыре части: утро, день, вечер, ночь – весна, лето, осень, зима соответственно, что так же можно вписать в окружность с крестом.

Отметим, что перекрестие горизонтальной и вертикальной осей в кельтском кресте совпадает с точкой Сакрального Центра, который

является недвижимой осью движимого, вращающегося мироздания. Сакральное как лучи света изливается из благого в щедрого центра на периферию окружности, и возвращается обратно. Выражением этой окружности в мифах является скандинавский Ёрмунганд, обвивающийся вокруг мирового Древа Иггдрасиль (окружность и ось соответственно) и кусающий свой хвост, что отсылает нас к известному символу Уробороса, который изображается держащим свой хвост либо в нижней, либо в верхней точках окружности, что соответствует Зимнему либо Летнему Солнцестояниям. В связи с Ёрмунгандом несомненно вспоминаются мифы о его противостоянии солярному Богу-охранителю Тору, выступающему как божественный, Сакральный Центр против хтонического змея-окружности, а вся прекрасная напряженность жизни разворачивается в пространстве между ними (в борьбе, греч. polemos[10]), и вместе с ними гибнет.

В Индуизме окружность – это колесо Сансары либо змей Анатна-шеша, свернувшийся в кольцо, так же символизирующий Космос, плавающий в извечных водах Хаоса. Представления о мировом Древе, Столбе, Горе (ось) или как о Яйце (окружность, сфера) отражают эту же структуру.

Сопоставляя временное, пространственное и качественное (Дух-материя, Центр-периферия) мы получим картину насыщенного, бьющегося Космоса. Как микрокосмоса человека, так и общины и общества, государства, Богов и макрокосмоса. Кельтский крест и есть Космос: Время с Пространством и Вечность Единого. Время от рождения до смерти и пространство от Юга до Севера, от Востока до Запада создают качественную карту мира, подводя нас к приложению ключа кельтского креста к ларцу истории.

Согласно Гесиоду, как сменилось несколько поколений Богов, так же насчитывается пять поколений смертных людей: поколения Золотого века, Серебряного века, Медного (Бронзового) века, поколения Героев и века Железного. В своей поэме «Труды и дни» он дает первое осмысление истории в развитии и утверждает её регрессивный характер; мир деградирует от Золотого века к Железному. Гесиод описывает Золотой век как время правления Крона, первого поколения Богов и людей, живших в празднестве и достатке, пока Крон не был свергнут. После Боги творят генерацию людей Серебряного века, но Зевс уничтожает их за их грехи (прекращение жертвоприношений Богам) и создает людей Бронзовой

[10] Гераклит: «Война — отец всех, царь всех: [одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными]».

эпохи – жестоких воинов. Переход от Бронзы к Железу пересекает Поколение Героев, прославившихся в битвах за Фивы и Трою, выживших из которых Зевс поселяет на Блаженных Островах на краю земли, где правит Крон, тем самым Герои оказываются способными преодолеть ниспадающее в своем качестве Время, и вернуться к состоянию Золотого века правления Крона. Далее же наступает Железный век, про людей которого Гесиод лаконично восклицает: «Если бы мог я не жить с поколением пятого века!» («Труды и дни»).

Описывая теологию этрусков, Мирча Элиаде приводит их представление об истории, согласно libri fatales. Этрусски представляли, что человеческая жизнь состоит из двенадцати семилетий, при этом после окончания двенадцатого люди утрачивают дух и связь с Богами, которые «больше не подают им никаких знаков»[11]. Элиаде особенно отмечает архаичность и парадигмальность этой концепции, встречающейся у многих народов.

Версия истории и падения от лучшего к худшему, с течением времени и новыми поколениями людей (антропология деградации человека), Гесиода во многом сходна с индийским учением о четырех югах. Согласно Индуизму, самый большой цикл проявления и существования мира называется *кальпой*, что означает *порядок* (Космос) и символизируется Праджапати – Господином, Породившим Всё и кругом. Кальпа складывается из 14 подциклов – манвантар. Манвантара восходит к Ману, «человеку», индусы считают что в одну манвантару правит один Ману – Царь Царей и высший из людей, а также Ману означал и время существования *одного земного человечества*, его материального проявления. Манвантара в свою очередь складывается из четырех юг: Сатья-Юга, Трета-Юга, Двапара-Юга и Кали-Юга. Таким образом, манвантару можно представить как великий год с четырьмя неравными сезонами: Сатья-Юга длится 4/10 длительности всей манвантары, Трета-Юга 3/10, Двапара-Юга 2/10 и Кали-Юга 1/10. Также им соответствуют цвета в том же порядке: белая, красная, желтая и черная.

Сатья-Юга соотносится с Железным веком Гесиода, с весной на годовом круге и её цвет белый, чистый свет. Золотой век *длится дольше* всех остальных веков, но качественно он *лишен Времени*, так как полон Сакрального бытия и Боги живут вместе с людьми в празднестве.

[11] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства».

Соответственно совпадают и Серебряный век – Трета-Юга (красный), Медный – Двапара-Юга (желтый) и Железный – Кали-Юга – черный век.

Кали-Юга названа так в честь Богини Кали – жены Бога Шивы, Кали переводится как «черная» и «время», это Богиня разрушения деградировавшего мира. Несмотря на то, что Кали-Юга или Железный век длится всего 1/10 манвантары, она полностью погружена в тягучее Время и может казаться, что ей нет конца.

Если мы соотнесем последовательность Юг с пятью элементами индуисткой традиции, то мы также сможем увидеть проявление принципа деградации, упадка в истории.

Сатья-Юга, как самая длительная, целиком охватывает два цикла самых легких стихий – Эфира и Воздуха.

Трета-Юга, как менее длительная, охватывает целиком цикл Огня и половину цикла Воды. Здесь мы уже отмечаем качественное изменение, уплотнение Времени.

Двапара-Юга, как ещё менее длительная, охватывает половину цикла Воды и половину цикла Земли. Ещё большее уплотнение.

Кали-Юга, как наименьшая по длительности, охватывает половину цикла Земли. Как видно, качества Времени и Пространства совпадают в Золотом и Железном веках: эфирно-воздушное безвременье в начале цикла, и инертное земельное время в его конце.

Представления о Золотом веке, эпохе благоденствия и непосредственной близости к Богам можно найти практически в каждой традиции, как и эсхатологическую идею о Конце Света – финальном падении мира, битве Богов с чудовищами, разрушении мироздания Богами. Идея эсхатологии подводит черту процессу деградации человека и мира, выраженного в метафизическом принципе смены юг.

Два отрывка из Прорицания Вельвы (Старшая Эдда), иллюстрируют эсхатологические представления в Одинизме и новое начало после Рагнарёка[12]:

«44
Гарм лает громко
у Гнипахеллира,

«57
Солнце померкло,
земля тонет в море,

[12] В древнеисландском Ragnarøkr: ragna — род. падеж от regin — «владыки», «великие»; røk — «рок», то есть Рагнарёк не только сама битва Асов с Йотунами, но и судьба Богов и мира. Выражение «Сумерки Богов» является некорректным переводом, хотя и не лишено поэтической привлекательности.

привязь не выдержит
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

45
Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

46
Игру завели
Мимира дети,
конец возвещён
рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует».

срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.

...

59
Видит она:
вздымается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;
падают воды,
орел пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить.

...

62
Заколосятся
хлеба без посева,
зло станет благом,
Бальдр вернется,
жить будет с Хёдом
у Хрофта в чертогах,
в жилище богов -
довольно ли вам этого?»

Качественное ухудшение находит свое отражение и в русских сказках, в сказаниях о разных царствах – золотом, серебряном и медном. В былинах так же отмечается тема регресса: после времени богатырей наступает упадок, измельчание. Интересную поговорку, отражающую идею регресса приводит В. Даль: *«Раньше были волоты, мы – тужики, а дальше будут пыжики»*. Где волоты – «великаны», пыжики – «карлики». То есть раньше

люди – «мы» – были могучими и статными, сейчас «мы» «тужимся», то есть уже прилагаем усилия, а далее будут совсем слабые карлики.

Так как смена происходит циклично, невозможно повернуть колесо Времени вспять. Новая Сатья-Юга обязательно наступит в свое время, после Кали-Юги, как наступит новая кальпа после махапралайи – великого растворения. Поколение Героев Гесиода, к которым позже прибавились посвященные мудрецы и избранники Богов, не преодолевают Время вспять, но прорываются из него в Вечность.

Возвращаясь к символу кельтского креста мы может символически соотнести каждый из четырех равных секторов окружности с одной из юг, не забывая об их разной длительности и вновь увидеть насыщенную жизнь Божественного Космоса. Так же можно соотнести Золотой век с метафизическим Центром, а Железный век с окружностью Времени, тем самым все напряжение истории разворачивается между Началом цикла и его Концом, как и напряжение жизни между рождением и смертью, и так далее.

Таким образом, мы более сосредоточены на рассмотрении истории и Времени в трехчастном виде: Золотой век – эпохи падения, Серебряный и Бронзовый века – Железный век (Кощный век или Рагнарек), в сердце которого, согласно Гесиоду, индуистским даршанам, традиционалистам и современным язычникам мы с вами и пребываем. Особо отметим, что согласно Индуизму человечество находится не просто в сердце Кали-Юги, но сама эта Кали-Юга находится в седьмой манвантаре из четырнадцати – последней из семи манвантар *удаления* (выдоха Брахмы), то есть на максимально возможном удалении от Центра к периферии. И только в следующем цикле начнутся семь манвантар *возврата* (вдоха Брахмы)[13].

Нам кажется, что мы ходим по земле и над нами воздух, но на самом деле «небо» над нами – это вода, а мы пребываем на дне, на уровень ниже земли, увязшие в илистых отложениях реки Времени.

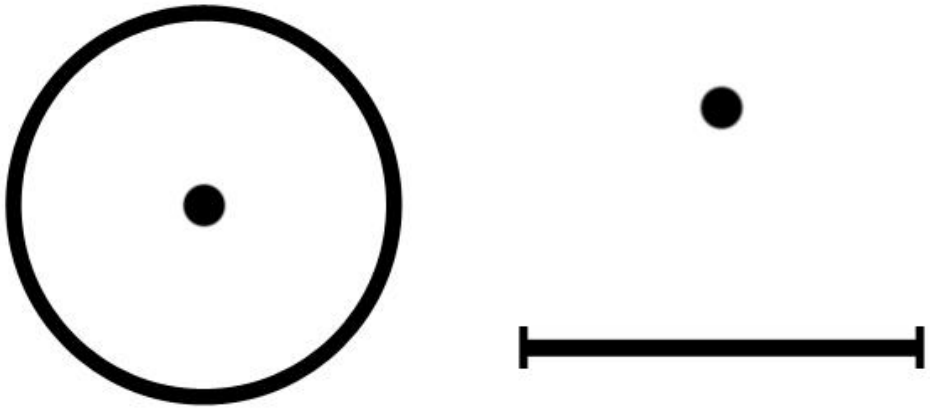
Мы пребываем в самом центре Сердца Ночи.

Линейное время

Перед тем, как обратиться к рассмотрению веков более подробно, кратко рассмотрим особенности линейного времени, которое появляется в креационизме и находит свое продолжение в научной атеистической картине мира.

[13] См. также А. Дугин «Абсолютная Родина».

В отличие от язычества, где несмотря на напряжение, качественную и количественную разницу между Центром и периферией, отсутствует онтологический разрыв их природы: Время есть проявление Вечности, Архетипа и разворачивается вокруг него, всегда на равном удалении, а историческое наполнение подчиняется метафизическим циклам. Боги и люди соучастны в совместной судьбе Космоса, но модель линейного времени креационизма фиксирует фундаментальную, онтологическую разницу между Богом и миром.

Цикличное время и линейное время

В креационизме, выраженном в авраамических религиях – иудаизм, христианство, ислам, Время не является *проявлением* Божественной Вечности, но является *творением* Бога и, как и мир, не сопричастны ему по природе. В авраамизме Время представляет собой один и единственный – однократный – отрезок с началом и концом, располагающийся ниже Бога, обладающего всей полнотой бытия и Вечностью.

Наконец, в креационизме четко проявляется разделение на трансцендентный (лат. transcendens – превосходящий) и имманентный (лат. immanens – пребывающий внутри) уровни. Бог как высший и отличный по своей природе от мира, занимает трансцендентный уровень, уровень бытия. Мир же занимает имманентный, замкнутый на самом себе в негативном смысле уровень. Для людей Бог трансцендентен и непознаваем, из-за разницы в онтологической природе человек не может стать Богом, он им не является ни коим образом. Бог же, в силу своей трансцендентности, высоты-как-могущества, способен снизойти в мир, ниспослать свой глас, деяние и волю. В креационизме для человека возможно только *стремление* к Богу, сообщение с Богом возможно лишь по его желанию и воле сверху вниз, от трансцендентного к имманентному.

Человек же в своем восхождении вверх всегда в пределе упирается в онтологический разрыв природ, но чаще ранее этого его восхождению препятствует сам Бог, что демонстрируют мифы об изгнании Адама и Евы из Эдема, и миф о строительстве Вавилонской башни[14]. Утверждения об имманентности, единосущности Бога миру попадают под третий канон анафем, провозглашённых Первым Ватиканским собором.

В язычестве картина отличается тем, что Божественное имманентно миру в позитивном смысле; каждая вещь является воплощением светлых эйдосов (идей), в вещах скрыты духи, Божества, каждая вещь является символом и отсылкой к более высшему измерению, к её сущности. Трансцендентность в манифестационизме подчеркивает аспект иерархии, но не онтологической разницы. Философ, аскет, волхв, монах, мудрец, практикуя ритуалы и жертвоприношения, философствуя и созерцая, совершают трансценденцию – восхождение своего ума к Божественному Единому. Таким образом, трансцендентность в язычестве не носит характера разрыва, она может быть иллюзорна (ср. инд. Майя), иногда даже очень убедительно иллюзорна, но всегда наличествует возможность снять покров иллюзии (трансцендентно-имманентное представление мира, когда наличествует необходимость подчеркнуть иерархическую и могущественную разницу, процесс духовного становления и реализации собственной Божественной Природы).

Отношения трансцендентного и имманентного можно проследить и на иллюстрации цикличного времени как окружности с точкой в центре, и линейного времени как отрезка и точки сверху. В манифестационизме и его цикличном времени, само Время является проявлением Вечности, оно ему сопричастно. Как вещь содержит в себе зерно Божественного, так Время обрамляет Вечность, имманентно-трансцендентным образом. В креационизме мы видим соответствующую ему картину, когда трансцендентная Вечность не сопричастна имманентному Времени; человек заброшен в отрезок времени и, как он не может обожиться, так он не может вырваться из него в Вечность.

В христианстве Золотому веку соответствует время пребывания Адама и Евы в райском саду Эдеме. Время возникает после изгнания первых людей из Рая, Время – это часть наказания человечества за первородный грех, неотъемлемый атрибут мира, куда были изгнаны, обличенные в «кожаные одежды» (уплотнение, ухудшение среды) Адам и Ева. Так начинается христианская история, идущая от своего начала к финальному разрешению

[14] Подробнее см. версию Алена де Бенуа в «Как можно быть язычником».

от этого бремени – к Апокалипсису, Великому Суду и спасению праведных.

Единственная авраамическая традиция, которая мыслит историю не как процесс деградации, ведущей от лучшего к худшему, а, наоборот, от худшего к лучшему – это иудаизм. Согласно представлениям иудеев, все испытываемые ими исторические тяготы и скитания окупятся в будущем с приходом Мессии-Мошиаха, который избавит народ Израиля и человечество от невзгод и установит мир.

Известное пренебрежение христианами этим «тварным» миром, Природой, как лишенной бытия «глиной», распространяется и на Время. Линейность и разовость, конечность Времени в креационизме подчеркивает не-сопричастность его Вечности, как в цикличном времени манифестационизма; Время это наказание, то, от чего следует избавиться (сбежать, а не героически преодолеть). Конец авраамического времени разрешается желанным спасением праведных. В христианстве тоже можно проследить позитивное направление истории, но оно пресекается периодом упадка мирской Церкви, эпохой царствования Антихриста и Апокалипсисом и Судом, то есть в целом носит ярковыраженный регрессивный характер.

В эпоху Просвещения и упадка христианства, представление о линейном времени развивают философы и ученые нового времени. Они переворачивают идею о смене веков в обратном направлении, объявляя, что человечество, со всеми его новыми открытиями, социальными и научными достижениями, движется от тёмных веков «детства человечества» к «золотому веку». Финальная эсхатология заменяется новыми мифами о прекрасном просвещённом будущем, о мире порядка и технического развития, мифами об утопиях, одна из самых известных – «золотой век» коммунизма. Так воплощается один из основных мифов Модерна – миф о прогрессе, развитии *к лучшему*.

Но, вслед за отрицанием финальной эсхатологии, отбрасывается и миф грядущего «золотого века». Окончательно закрепляется отрицание всякого трансцендентного уровня и измерения бытия, метафизика забрасывается на периферию от основной магистрали человеческого развития. Конечный отрезок превращается в разомкнутый луч. История теряет свою конечную цель, пессимистическую и оптимистическую, и приобретает вид пущенной в бесконечность, но не в Вечность, стрелы прогресса и количественного развития мира. Воцаряется душная и тяжелая имманентность мира самому себе, без трансцендентного измерения (и тем более без имманентно-

трансцендентного); человек более не видит в вещи символ, отсылку к более высшему, теряет зерно Божественности.

Такое видение Времени и истории – как бесконечного количественного развития, дробления качества, соответствует Железному веку всего мироздания. Чёрный век Кали-Времени. Ещё более плотное видение истории и невыносимой тягучести Времени заключается в концепции «конца истории»[15]. Пьер Шоню отмечает что «соблазн отвергнуть историю испытывают цивилизации, порождённые иудео-христианством»[16].

Конец истории не является эсхатологическим финалом – пралайей, Рагнарёком или Апокалипсисом, но означает максимальное однообразие жизни, её застывание на месте; это бесконечное «сегодня, продленное в завтра» – данное видение не противоречит количественному умножению материальных вещей, но венчает его как абсолютная бессмыслица и плотность Кали-Юги.

II.I Золотой век

Дать подробное описание и характеристику Золотого века – это значит сделать практически невозможное, чрезвычайно сложное. В каждой традиции есть свои космогонические мифы, мифы, излагающие идеальный порядок золотой эпохи, мифы об упадке и новом начале.

Золотой век Традиции – это время, когда Золотые века различных традиций были явью. Когда человек пребывал в нем и соответствовал ему.

Представления о Золотом веке, Сатья-Юге носят идеалистический и утопический характер, но это не означает, что они никогда не существовали и являются фантазийной фикцией, призванной регламентировать социально-политическую и бытовую жизнь общества. Строгое следование этому десакрализирующему (отсекающему более возвышенные толкования мифов), функциональному социологическому подходу нам чуждо.

Выше мы уже дали часть характеристик, которые можно отнести к Золотому веку – это насыщенность качественной, пронизанной лучами Божественного жизни всего Космоса, имманентность Богов миру, должное поведение и Сакрально-вдохновленная иерархия общества. Многие

[15] См. Фрэнсис Фукуяма «Конец истории и последний человек»: Ф. Фукуяма связывал конец истории с установлением глобальной гегемонии США и либеральной демократии.

[16] См. Ален де Бенуа «Как можно быть язычником».

характеристики манифестационизма являются изначальными в Сатья-Югу, претерпевая метаморфозы форм и траекторий, по которым они разворачиваются на своем временном и историческом пути к Кали-Юге.

Сакральность (лат. Sacrum – священное) является важной характеристикой Золотого века, так как он является её концентрированным выражением. Латинское прилагательное «sacer» означает «посвященный/инициированный», «священный», «магический», «великий»; к этому же корню восходит современное английское «sacrifice» – «жертвоприношение». Английское же «bless» – «освящать/благославлять» – восходит к прото-германскому «bloþisona», «окроплять/освящать кровью»; кровь – bloþa. Связь священного, крови и жертвоприношений широко известна и закреплена во многих традициях. По Гесиоду, прекращение человеком жертвоприношений Богам вызвало их гнев и послужило причиной конфликта и умаления Сакрального присутствия Божеств.

По сути, в условиях изначального благоденствия человек не мог сказать, что он живет в Сакральном мире, так как он не знал другого, профанного измерения жизни, поэтому Сакральность воспринималась им как естественная данность и полнота жизни, благость Богов. Похожую ситуацию мы встречали выше, разбирая самоназвания современных языческих традиций, отмечая отсутствие необходимости в такой рефлексии в древности. Мир был холистским.

Холизм (др.-греч. ὅλος — целый, цельный) – это представление о явлении, вещи и совокупности явлений и вещей, где цельное предшествует частному. Изначальное предшествует конечным различным вариациям, Вечное – Временному. Вещь можно рассмотреть как механизм, как совокупность элементов, деталей которые составляют функционирующий автомат. Холизм находится на противоположном полюсе и утверждает, что органическая целостность вещи предшествует её делению на составные элементы. Целое есть нечто большее, чем просто сумма составных деталей вещи. Вещь намекает, делает указание на нечто большее, чем она есть. Из этого большего вещь либо явление черпают свое бытие, как и их составные части, опосредованно так же указывающие на это высшее.

Греческое слово ὅλος, «холос», родственно английскому «whole» («целое»), русскому «целый, цельный», немецким «Heil» («благо», «здоровье») и heilig («священное»). Холизм – это благая, здоровая и священная целостность. Холистский метод познания – это схватывание всего явления, всей вещи не просто как совокупности её частей и функций,

но и схватывание того, на что вещь указывает, бросает жест. В холизме вещь никогда не равна сама себе, она всегда вещь+*нечто*, указание. В этом проявляется Сакральный символизм любого узора, резьбы, вещи, слова, кенинга, стиха, явления – оно всегда не только то, что есть, но по цепочке указаний на *нечто ещё*, Ум может взойти к самим Богам, божественным символам и Единому Невыразимому. Тому, что является тем Изначальным Цельным, частями которого являются и Боги, духи, демоны, люди, явления и вещи.

Холизм – это Сакральность. Холистский принцип обнаруживает нити, тонкие лучи света Божественного, тянущиеся к каждой вещи, вдоль которых выстраиваются иерархии духов, берегинь, стражей, ангелов и Богов, как и леших, чертей, демонов, титанов, если мы пойдем вниз. Высказывание человека, что он является кузнецом, говорит не только о том, что в общине человек занимается работой с металлами. Это вообще последнее, о чем говорит это высказывание. В первую очередь холистские нити возводят кузнечное дело к божественному демиургу – Богу-творцу Сварогу у славян, к Гефесту у греков. Либо к хтоническим сущностям, как то дворфы и гномы в северной традиции, считающиеся умелыми кузнецами. Таким образом, высказывание «я кузнец» говорит о том, что человек сопричастен либо высшим творящим, либо воинствующим силам, либо к подземным и опасным. В фольклоре широко известно сопоставление кузни с местом обитания демонов и чертей, а сам кузнец с кузней нередко располагался на окраине села. Аналогичное разворачивание вдоль холистских меридиан можно провести с любой вещью. Рыбак – он не просто рыбак, он запросто может оказаться Богом Тором, и вместо рыбы выудить самого Ёрмунганда, сотрясая весь мир. Поэтому рыбак может быть опаснейшим Божеством и жителем поселка. Повстречавшийся в поле конь может запросто обернуться Пегасом, а забредший в гости нищий странник оказаться самим Одином.

В холизме нет строгого деления на привычную и кажущуюся «естественной» нам пару «субъект-объект». Субъект (смотрящий, познающий) в некотором роде, следуя холизму, всегда смыкается с объектом (наблюдаемым, познаваемым). И обратно: объект всегда смыкается с субъектом, имеет субъектное измерение. В этом мы видим повсеместно распространенные мотивы превращений, метаморфоз, оживлений, казалось бы «неживых» объектов и обращений живых «в камень».

Сложным является и вопрос исторической датировки Золотого века в языческой среде. Традиции обычно говорят о днях и годах Богов, которые равны целым эпохам в мире людей, тем самым подчеркивая отдаленность благой эры от современного мира.

Наиболее распространенным местом во времени, куда помещают Золотой век религиоведы (М.Элиаде, Г.Вирт) и современные видные языческие деятели (Велеслав, Доброслав и др.) являются времена палеолита и неолита (каменного века), охотничьего образа жизни и связанных с ним культов. Точная датировка эпох палеолита и неолита представляет из себя сложный вопрос, но можно утверждать что мы имеем дело с временами, предшествующими нам на несколько десятков тысяч лет.

Концом Золотого века часто называют неолитическую революцию – переход к оседлой жизни и земледелию, увеличение роли культуры (лат. cultura, от глагола colo, colere — возделывание, позже — воспитание, образование) и появление противопоставления культуры, человека и общины Природе, natura.

Продолжительность неолитической революции оценивается близко к семи тысячам лет, и заканчивается она примерно в III тысячелетии до н.э. Согласно такой датировке и соотнесению с ней известных времен формирования духовного наследия, материальных артефактов и текстов великих цивилизаций, мы можем утверждать, что они были созданы во время перехода, либо после Золотого века. Возникновение письменности и книг на территории современного Индостана расценивалось древними индусами и тибетцами как признаки упадка, то есть они уже рефлексировали умаление Сакральности в мире (необходимость письменной фиксации и передачи знания против устного предания), и стремились максимально записать, сохранить и передать Сакральные знания, наставления и философию (инд. даршаны).

Единодушие касательно Золотого века проявляется ещё и в том, что он обязательно грядет в будущем, новом цикле. Эта уверенность не имеет ничего общего с перверсией представления о «золотом веке» прогрессистов Просвещения, но целиком органична учениям о цикличности времени и смене эпох.

II.II Серебряный и Бронзовый века

Серебряным веком можно считать пространство времени между Золотым веком и появлением и усилением креационистских религий.

Серебряный век Традиции – это вступление традиций в период упадка, размывания ритуалов и мистерий, сведение традиции к обычаю и праву.

Процесс упадка не происходит равномерно для всего человечества, стоит сказать, что европейская часть человечества первой входит в более плотные и темные времена, поэтому в разных регионах и разных культурах явные признаки упадка можно зафиксировать в разные века и даже тысячелетия, хотя в целом темп регресса нарастал.

Исторически в Европе уже Платон зафиксировал упадок религиозности своих сограждан и пытался вдохнуть новую жизнь в ритуалы, провести реформу общества согласно его идеальному государству и философии.

Более пессимистичное отношение к жизни и посмертной жизни в подземном царстве у греков отражает нарастание дистанции между трансцендентным и имманентным, свет Богов медленно, но верно начинает тускнеть. М.Элиаде приводит утверждения Феогнита, Пиндара и Софокла, что человеку лучше не рождаться, а если он родился, то умереть как можно скорее. Гомер видит загробную жизнь тягостной и жалкой[17], похожее представление о Хельхейме, одном из нижних миров мертвых, бытовало и у скандинавов. Геродот приводит случай, когда набожная гречанка заклинала Аполлона наградить её детей наивысшим даром – Аполлон исполнил её желание: дети умерли мгновенно и без мучений.

Также греки острее начинают чувствовать предопределенность судьбы, рока – нитей трех Мойр, или Норн в Одинизме, подобные воззрения о судьбе как страдании получают широкое и более драматическое развитие в учении о карме и страдании в Индуизме.

В позднем Риме вырождение традиции доходит до сведения Богов к правовым фигурам, к которым обращаются на судах, приглашают в свидетели; делают их элементом республиканского права. Результаты гадания перед битвой при жертвоприношении записываются в специальную книгу, дабы в случае поражения привлечь их как правовую «справку» при слушаниях в сенате.

Сомнительными можно считать и культы синкретических божеств Сераписа, введенный Александром Великим для объединения египетской и греческой традиций на завоеванных землях; и культы некоторых

[17] М. Элиаде «История веры и религиозных идей», т.1.

римских императоров, возомнивших себя Богами в порыве собственного гедонизма – Нерон, Гелиогабал и культ его сирийского солярного Бога Элагабала, который подорвал римскую религию. На Руси свидетельством упадка была реформа Владимиром киевского пантеона, с возведением Перуна в ранг главенствующего Божества. Несмотря на логичность и определенную оправданность реформы, её недолговечность и последующее крещение Руси перечеркнули весь возможный потенциал этой инициативы.

Сложившаяся ситуация, когда традиция утрачивает свои мощь и свет, когда Боги низводятся до удовлетворителей молитв и свидетелей на судах, когда люди начинают *творить* «богов» для мирских, земных нужд, подготовила почву для более легкого внедрения христианства, идущего с востока римской ойкумены, и отсутствия ему должного противодействия в первое время.

Креационизм – это Бронзовый век Традиции.

Доктрина креационизма заключается в утверждении принципиального, онтологического различия Бога и мира. Наглядно это утверждение иллюстрируется метафорой о мастере и сотворенном глиняном горшке. Конечно, горшок несет на себе отпечаток мастера, но между ними – непреодолимое различие уровней. Бог трансцендентен, мир – имманентен, как мы уже замечали выше.

Соотнесение креационизма с Бронзовым веком Традиции обосновано тем, что после креационизма в истории религий не появляется ничего принципиально *нового*, что могло бы проявить себя на поле боя между язычеством, авраамизмом и Модерном. А Модерн, в свою очередь, ставит себя в оппозицию всему традиционному. После креационизма не рождается новой фундаментальной традиционной онтологии и метафизики, новых традиций. Современные нам формы новой религиозности (Новые Религиозные Движения – НРД) являются либо перверсиями старых известных религий, сектами и спекуляциями, либо являются более мелкими осколками тех же традиций, смешанных друг с другом синкретическим образом, приправленные дешевыми фокусами спиритуализма и обрывками медицинских, психологических и психиатрических фактов и мифов (soft religion и soft ideology).

Ставя вопрос следующим образом: какая-либо религиозность либо никакой религиозности, ответ всегда однозначный в пользу высших принципов Божественного порядка. Поэтому креационизм находится на низшей границе Бронзового века, максимально близко к Железному.

Но креационизм не закупоривает эпоху Традиции, как нижняя стенка сосуда, перед Модерном. Ситуация креационизма является срединной и, с одной стороны содержит Сакральные измерения и множество языческих реликтов, с другой – он является ключом, истоком из которого берет своё начало река Современного Мира. В нем проявляют себя те предпосылки, которые найдут свое развитие в Кали-Югу.

По версии Лактанция и Блаженного Августина, само слово «религия» от латинского глагола «religare», что означает «связывать, воссоединять», говорит о характере взаимоотношений Бога и человека. Характерно, что religia появляется в древнем Риме ранее, чем там укрепляется христианство, отмечая указанную выше нарастающую дистанцию между Сакральным и мирским. Но именно с креационизмом термин «религия» ассоциируется наиболее прочно, закрепляя разрыв уровней и потребность в «воссоединении».

В мирском выражении эта разделенность, жаждущая «religare», проявляется в жестком делении аспектов жизни на «священные» и «профанные», согласно указанной оппозиции Бога и мира: священное время литургий, священное пространство храма, Небо/Небеса как обиталище Бога против твари-Земли.

Исторические границы Бронзового века более четко очерчены. Это времена от развитого иудаизма, появления в его среде учения Христа в I веке нашей эры, через завершение формального крещения Европы на рубеже X-XII веков, далее – до Ренессанса.

С Бронзовым веком связаны и вопросы датировки христианского, светского и языческого календарей. христианское летоисчисление «от Р.Х.» и светское «от н.э.» идентичны и считают своей исходной точкой Рождество Христово. Проблема заключается в том, что согласно хроникам и мифам, установить точный год рождения Христа невозможно, поэтому в светской записи «от н.э.» дата рождения Христа может отклоняться до 12 лет. Например, до введения календаря «нашей эры» использовалось летоисчисление Константинопольской эры, которое указом Петра I было заменено в 1700 году с 1-го января, до этого подошел к концу 7208 год «от сотворения мира» в христианской теологии.

В исламе точкой отсчета календаря является Хиджра – переселение Мохаммеда из Мекки в Медину в 622 году н.э., 2014 год н.э. соответствует 1435 году исламского летоисчисления.

Между языческими традициями, существующими сегодня, отсутствует какая-либо единая точка отсчета летоисчисления и календаря. Каждая

традиция и некоторые течения, секты и общины внутри нее, ведут собственный отсчет от разных дат, будь то: даты основания поселения, города; даты славных битв, побед или поражений; даты установления династий или коронаций монархов либо мифические события.

В русском Родноверии распространено летоисчисление от падения Арконы (Яромарсбург, о. Рюген, сов. Германия) в 1168 году н.э. от меча датского короля Вальдемара I. Выбор этой даты обосновывается тем, что Аркона якобы была последним языческим центром славян – Русь на тот момент уже крестили – и её падение знаменует наступление тёмной эпохи. Согласно этой точке отсчета, 2014 год соответствует 846 году от падения Арконы, «от п.А.».

Некоторые норвежские одинисты так же берут за дату начала летоисчисления годы крещения Норвегии, как начало тёмной эпохи христианского доминирования. Также встречается точка отсчета от даты объединения Норвегии первым её королем Харальдом Прекрасноволосым, около 872 года н.э. Примечательно, что только спустя через век его потомку Олафу II удалось одержать вверх над сопротивлявшимися христианизации язычниками. Согласно этой отправной точке, 2014 год соответствует 1142 году от объединения Норвегии.

Существует также способ датировки, основанный на использовании современного светского календаря через приписку «era vulgaris» – «общепризнанного летоисчисления» в конце. В таком формате 2014 год н.э. становится 2014 годом e.v. – era vulgaris, вульгарной, то есть принадлежащей, признанной широким низким массам эрой и летоисчислением.

Возрастающая актуальность датировок летоисчисления и ведения последовательного календаря лет напрямую отсылает нас к идее нисходящей смены эпох, погружения во Время ещё более глубоко.

II.III Профанное

В процессе упадка особое место занимает явление профанного, мирского. Профанное от греч. pro – прежде и лат. fanum – святилище, храм, профанное – то, что перед храмом или капищем, вне его стен. Шире профанное обозначает все, что не причастно священному: непосвященных в таинства мирян (руск. мір – община, а священник – «пастырь»), неинициированных в культ людей, невежд, вещи и явления, не отмеченные Божественной благодатью и знаками. Так как в креационизме Бог

спускается сверху в мир, то эти явления воспринимаются людьми как чудеса и Сакральный опыт, а все что им сопричастно наделяется священным значением и встраивается в культ. Мир креационизма, в отличие от языческого мира, не абсолютно Сакрален, но *сакрализирован* периодическими явлениями Божества, визитами Мастера к творению.

В «священно-профанной» картине мира особое место занимает храм, святилище. Выделение ритуального пространства в особое пространство известно ещё задолго до христианства, но именно в креационизме пространство храма достигает своей кульминации. До этого священными местами являлись целые леса, рощи, скалы и реки; лес мог считаться домом одного из Богов, протекающая рядом река быть рекой мира (мотив славянской мифологии), а огромный валун уснувшим великаном или обратившимся в скалу богатырем. Так, Тацит в своем труде «Германия» пишет:

«… германцы считают несоответствующим величию божественных существ заключать их в стены храмов, а также изображать в каком-либо человеческом виде; они посвящают им рощи и дубравы и именами Богов называют то сокровенное, что созерцают только с благоговением».

Все вместе это создавало непрерывный ансамбль проявлений священного пространства всего космоса. Сакральность пространства была непрерывной, но могла быть отмечена возвышенностями и низменностями, горами и болотами, темными хвойными лесами и светлыми лугами цветов.

В не-языческой картине мира священное также занимает центральное место, но локализуется в определенных местах, отмеченных в мифах: гора Голгофа, где был распят Христос, место нагорной проповеди у христиан; Мекка и Медина у мусульман; Храм Соломона у иудеев, и т.д. Помимо мифических мест выделяется и храм, который по своей архитектуре является imago mundi – образом мира, т.е. повторяет тот же, что и в язычестве, принцип подобия малого большому, и устройства Сакрального (в язычестве все Сакрально) пространства согласно космогоническим мифам, но в согласии со своими авраамическими мифами. В христианстве известны архитектурные мотивы, когда храм повторяет священные места – например постройки, символически воспроизводящие Голгофу, место рождения Христа, место его гробницы. Это отклонение от imago mundi в сторону частных священных мест и связанных с ними мифов.

В структуре священного храм, fanum, занимает качественное место, так как является *пересечением* tempus и templum, Времени и Пространства[18]. Примечательно, что на латыни храм – тоже templum, в английском языке temple. Литургическая церемония (евхаристия) в храме является особым местом и временем, где совершается religare с Богом; храм считается домом Бога в мире. Сходный символизм мы уже встречали в imago mundi кельтского креста, в дни солярных праздников, но здесь он локализован в пространстве и времени, он дисконтинуален, прерывист. Соответственно все, что не является пересечением Времени и Пространства в специальном строении, является profanum, стоящим перед храмом, перед откровением, перед Богом. Но не с Богом, с Богом община и человек встречаются в храме на литургии; тем более не являясь Богом.

Как мы отмечали выше, в язычестве Сакральность непрерывна ни в пространстве, ни во времени. Профанное в язычестве не выражает разрыва «здесь Святое и Бог (Храм), а там – ничто и пустота (не отмеченная Божественным) мира», но отражает иерархическую структуру священного, на всех уровнях сопричастного Единому по природе (онтологически) – проявленного им. Разным сословиям, занимающим разные этажи иерархической пирамиды, присущи разные мифические сюжеты, предпочтительные Божества и их проявления, соответствующие природе каждого сословия. Профанное трактуется как «менее лучшее», при взгляде с верхнего этажа сословия на стоящий ниже этаж. Профаном может быть представитель другой секты, культа, не посвященный в специфическую доктрину какого-либо «нашего» культа или мистерии; он «менее хороший», но *может стать* «более хорошим». В качестве примера рассмотрим ситуацию с лесом, посвященным Бальдру. Лес – это fanum, храм Бальдра, его земля и он с ней связан его культом. Соответственно стояние на опушке, в поле перед лесом – это нахождение себя pro-fanum, перед священным лесом Бальдра. Но, если лес – это пространство, дом Бога, то поле в свою очередь принадлежит духам, нимфам, альвам, берегине речки, которая протекает через поляну, оно может принадлежать и Богу плодородия и быть засеянным. Таким образом, реализуется непрерывность Сакрального. Человек всегда находится profanum к чему-то, к какому-либо пространству духов или Богов, но одновременно он всегда находится в fanum, храме и пространстве какого-то Бога или духов. Так мы получаем картину насыщенного природного пространства (священные горы, реки, леса и поля) и насыщенного священного

[18] См. М.Элиаде «Сакральное и профанное».

пространства общества (мистерии, культы, сословные ритуалы и мифы гильдий, ремесленных артелей и т.д.). Мир в язычестве – это сплошная иерофания, явление Сакрального. По сути это география священного: ландшафт гор и долин, бездн и пиков, лесов и морей, различных течений и нюансов внутри как отдельной традиции, так и Традиции в целом.

В завершение отметим, сближение понятий «профанное» и «нечистое», противопоставляемых священному, выражаемому в эпитетах «высокий», «чистый», «белый/светлый». Такое противопоставление в более жесткой форме отражает неравномерность пространства, «ландшафта», в своем пределе доходящее до разделения на чистые и нечистые ритуальные действия и пути духовных практик. Особое внимание теме «чистого/нечистого» в отношении священного уделяли тибетцы и индусы, разрешая проблему противостояния вскрывая иллюзорность его природы (ср. Майя), к чему мы вернемся в последних главах нашего труда.

II.IV Герои

Выше мы уже затрагивали описание Гесиодом поколения Героев, прославившихся в битвах за Фивы и Трою, выживших из которых Зевс поселяет на Блаженных Островах на краю земли. Юлиус Эвола так же дает сходное описание эпохе Героев, называя ее «циклом ариев» и относя к ним Тесея, Персея и Геракла.

Эпоха Героев, к которым позже добавились посвященные мудрецы (ср. инд. Дживанмукта), идет вразрез с ниспадающей сменой циклов, представляя собой особый тип людей, пребывающих в колоссальном напряжении воли, – обращенных к «нордическим» идеалам Гипербореи, и совершающих волевой рывок к Божественному в самых неблагоприятных экзистенциальных и онтологических условиях накануне Железного века.

Греческий лирик Пиндар указывал, что в Гиперборею нельзя найти дороги ни сушей, ни морем, что подчеркивает её трансцендентную удаленность в неблагоприятную эпоху. Образ героя всегда тесно сопряжен с войной либо битвой, сопряженными с крайним волевым и физическим напряжением, что строго соответствует классическим героям античности, названным выше. Образ просветленного в тёмную эпоху мудреца, монаха либо аскета также сопряжен с невероятным волевым и *интеллектуальным* напряжением. Герой и мудрец, аскет, осознанно разрушают свою «зону комфорта», делая рывок «ни сушей, ни морем», но волей, – бросаясь навстречу войнам, подвигам, преодолевая сопротивление титанических

масс окружающей реальности. Мудрец, мыслитель, аскет в свою очередь делают такой же бросок против современного мира (и его зоны комфорта) *в уме*, отказывая вырождающейся реальности в признании её ценностей и смыслов, тем самым совершая фундаментальный жест, не просто бросая вызов чудищу, но отвергая и объявляя войну всему, что привело этого монстра к бытию. Герои и мудрецы, в разных режимах войны, всегда выбирают высшие идеалы и измерения бытия.

Судьба героя всегда драматична, вспомним печальную участь Геракла и гераклидов. В русских былинах трагична и судьба богатырей, в конце своего времени они обращаются в камень (по одной из версии становятся фигурами Киевской крепости). Сходный миф окаменения есть и у скифов в легенде о богатыре Бартаклае. Богатырь пускает стрелу, по другой версии – бросает лук на землю, и он обращается в гору[19].

Герои – это последний луч заходящего солнца, блеск которого дает последний ориентир в наступающей после него тьме: вопреки всё нарастающей инерции земли, деградации и растворения Сакрального в обществе, держите путь к Солнцу, к метафизическому Северу.

Вспомним слова Эрнста Юнгера: *«В истории всегда будут повторяться эпохи, требующие от отдельного человека образцовых поступков и жертв; они необходимы для восстановления меры, в согласии с которой рождаются и воспитываются люди».*

Напоследок, дабы подчеркнуть характер окружавшей генерацию Героев среды, приведем слова Ницше и Алена де Бенуа, рассуждавших о героизме и христианстве:

«Господин Ренан, этот гаер in psychologicis, для объяснения типа Иисуса дал два самых неуместных понятия, какие только возможны: понятие гений и понятие герой (heros). Но что только можно назвать неевангельским, так это именно понятие «герой». Как раз всё, противоположное борьбе, противоположное самочувствию борца, является здесь как инстинкт: неспособность к противодействию делается здесь моралью («не противься злому» — глубочайшее слово Евангелия, его ключ в известном смысле); блаженство в мире, в кротости, в неспособности быть врагом» («Антихрист»).

Бенуа:

«В античности образцовая фигура героя представляет собой ступень между двумя уровнями. Герой является полубогом – идея, казавшаяся

[19] Современные алтайцы – пришлые в XVII веке киргизы – приписывают этот миф своей культуре.

совершенно естественной древним грекам и римлянам и неизбежно являющаяся полным богохульством для Библии. Когда у греков или римлян человек причислялся к героям, это встречалось с восторгом. В Библии же, когда «змей» предлагает Еве быть «как боги» (Бытие 3, 5), это рассматривается как «мерзость». Позднее Эрих Фромм показал, насколько противоположны друг другу фигуры героя и христианского мученика: «Мученик представляет собой полную противоположность языческому герою, олицетворенному греческими и германскими героями (...); для языческого героя ценность человека заключается в храбрости, которая позволяет ему добиться власти и удерживать её, и он радостно умирает на поле битвы в самый миг своей победы» («Как можно быть язычником»).

II.V Железный век

Проще обстоит ситуация с датировкой начала Железного века – он берет начало с эпохи Возрождения XV века и наращивает свою мощь на протяжение всей эпохи Просвещения (примерно с XVII века). В этот период возникает деление истории на три части: древнюю, среднюю и новую, так возникает Новое время – эпоха, длившаяся до начала XX века, позже сменившаяся Новейшим временем – с 1918г. по сей день.

Несмотря на повышенный интерес к античности, что иногда трактуется как ренессанс языческих (греческих) Богов, Возрождение в первую очередь характеризуется тем ,что человек окончательно отворачивается от Божественного – на тот момент христианского, католического – и обращается к человеку и его деятельности. В культуре нарастает светскость, антропоцентризм и гуманизм, происходит подмена понятия «духовное», в которое теперь закладывается наука и культура, и вытесняется Сакральное измерение. Следующая за Ренессансом эпоха Просвещения, начавшаяся с научной революции в Англии в XVII веке и поддержанная французскими философами, подхватывает направление десакрализации – развенчания мифа – и поднимает на свои знамена, в лице французских мыслителей, свободомыслие и рациональный разум. Важной вехой в обращении к человеку, и в деле его освобождения и уравнивания – читай разрушения иерархии, – стали Американская декларация независимости и французская Декларация прав человека и гражданина.

Поступательно отказывая христианской церкви в праве на власть, развенчивая Бога физикой, математикой и естествознанием.

Позитивистские ученые, и следующее за ними светское общество, логично навлекают на себя гнев самой церкви. Провозглашенное свободомыслие в научной и социальной сферах было клеймено церковью как проявления язычества, «излишнего внимания к Природе и восторга её устройством»; в свою очередь церковь обвиняли в обскурантизме, от лат. obscurum – тёмный, против просвещенных (просветленных рациональным разумом) мужей. Отсюда берет свое начало известная конфронтация религии и науки, и на этом поле боя язычество пока было не способно однозначно осмыслить своё положение и сторону. С одной стороны Просвещение снимало тиранию креационизма, что проявилось во всплеске интереса к демонологии, алхимии, поэзии и прозе, посвященной древним Богам, о чем мы говорили в самом начале нашей книги; с другой стороны секулярное научное сообщество, ставшее локомотивом общественной мысли, не замедлило набросить на сознание новую сеть физических законов и интерпретаций Природы и реальности, в которой места Божественному не нашлось. На светских вечерах и раутах стало модным демонстрировать научные достижения: камера обскура, горящая лампочка, механические узлы и машины, и с жаром разоблачать магию фокусников и иллюзионистов с точки зрения техники, которую последние активно использовали в своих целях. С другой стороны вошли в моду спиритические сеансы, общение с духами и призраками, открывались даже целые салоны и появлялись «гуру» общения с иными мирами. Такой профанный подход активно критиковал Рене Генон, посвятив этому явлению книгу «Заблуждение спиритов».

Важно также уточнить, о каком именно Боге говорили и первые натурфилософы и ученые. Известно, что многие первые ученые были представителями священства либо имели религиозное воспитание (Ньютон), научная среда не возникла из ничего, сразу противопоставленной Богу. Постепенное умаление Божественного в натурфилософском описании мира, и позднее в позитивистской науке выражается в появлении следующих концепций (приведем наиболее знаковые):

Теизм – мировоззрение, утверждавшее веру в Бога или Богов, и что они принимают прямое либо косвенное соучастие в жизни мира. Сущность теизма заключается в признании, что мир не мог возникнуть по случаю, но сотворен с умыслом, целесообразностью, которую выражает Божество. Теизм допускает как мистическое познание Бога, так и рационалистическое, и в целом является упрощенной объединяющей аркой

для тех, кто признает его положения, в основном это религии креационизма.

Атеизм – вопреки устоявшемуся значению, утверждает только отсутствие Божественного начала у мира. Радикальную форму активного отрицания Божественного (моно либо пантеистического) мироустройства являет собой **антитеизм.**

Об атеизме выразительно высказался русский традиционалист, язычник и алхимик Евгений Головин:

«Атеизм – просто форма негативной теологии, усвоенная некритично или вообще бессознательно. Атеист наивно верит во всемогущество разума как фаллического инструмента, способного проникнуть сколь угодно глубоко в сокровенность «матери-природы». Попеременно то восхищаясь «удивительной гармонией, царящей в природе», то возмущаясь «стихийными, слепыми силами природы», он, подобно избалованному сынку, хочет получить от нее все, ничего не давая взамен. В последнее время он, напуганный экологическими бедствиями и перспективой переселения в недалеком будущем на гостеприимные земли других планет, взывает, правда, к милосердию и гуманизму.

Но «солнце разума» — только блуждающий болотный огонек, а фаллический инструмент — только игрушка в хищных руках «великой матери». Нельзя приближаться к порождающему и столь же активно убивающему женскому началу. «Дама Натура» требует дистанции и поклонения. Это хорошо понимали наши патриархальные предки, которые, остерегаясь изобретать автомобиль и атомную бомбу, ставили на дорогах изображение бога Термина и писали на Геркулесовых столбах «non plus ultra[20]».

Деизм – философское направление, признающее наличие Бога и творение им вселенной, но утверждающее что в последствии Бог никак не проявляет себя и не участвует в жизни мира. Деизмом отрицаются сверхестественные явления и описания. Распространенной метафорой деизма является образ часовщика, который создал и завел механизм часов, и больше к нему не прикасался. В то же время деизм предполагает, что разум, логика и наблюдение за природой — единственные средства для познания Бога и Его воли. Желая примерить религию и науку, деисты открыто «кастрируют» Сакральное измерение бытия в угоду своим естество-научнымм интересам, так что более верным является не определение «примерения», но определение деизма как «подчинения»

[20]Лат. «Ничего сверх меры». См. Е. Головин «Эра гинекократии».

религии интересам науки. Яркими представителями деизма были шотландский философ, агностик и позитивист Дэвид Юм, Вольтер, Жан-Жак Руссо, Томас Джефферсон, Исаак Ньютон, Михаил Ломоносов.

С деизмом тесно сопряжен **агностицизм** – утверждение о непознаваемости мира через субъективное созерцание метафизических принципов (идей). Фактически в данной сфере агностицизм утверждает, что Бог непознаваем, и, следовательно, непознаваем и божественный замысел (целеполагаение) этого мира.

Апатеизм является кульминацией выхолащивания Бога из светского, современного мироописания. Апатеизм, устами французского философа-просветителя Дени Дидро, провозглашает апатичное, *безразличное* отношение к вопросу о существовании Бога. Ему принадлежит известная фраза:

«Крайне важно не путать петрушку с болиголовом; но совершенно не важно верить в Бога или нет».

Сделать шаг от этой мрачно-ироничной максимы до полного отрицания Бога было закономерным актом, что и было предпринято.

В итоге в Железном веке миф и мифологическое восприятие мира сняты как преодоленная, «детская» стадия ещё не развитого человечества. Французский социолог-позитивист Огюст Конт сформулировал версию прогресса, противопоставив *теологическую* фазу «детской наивности» – современной ему *научной* фазе человечества, осознавшего материальность мира.

Властителям дум Возрождения и Просвещения была противна *любая* метафизическая надстройка над эмпирически познаваемой реальностью, а методы умозрительного рационального познания и заключений были подчинены строгой логике и научной верифицируемости. «Святой» троицей познания мира стали физика, математика и логика, основанная на строгом математическом тождестве А=А. Физико-математический аппарат с их логикой были спроецированы на гуманитарную и социальную сферу, требуя строго детерминированных и математически прогнозируемых результатов, теорий и описаний. Все лишнее, более, чем человеческое и физическое, «срезалось» бритвой Оккама[21]: *«Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости»*. Бритва Оккама, по сути, определяет порядок рассмотрения описаний и гипотез. Если гипотеза объясняет природу явления, опираясь на известные законы физики,

[21] Уильям Оккам, английский монах-францисканец и философ-номиналист, 1285-1349гг.

механики тел, и т.п., то она является удовлетворительной, и нет нужды в привлечении метафизических сущностей, таких как духи или Боги. В случае если гипотеза не объясняет явление, то привлечение новых сущностей означает не введение сверхестественного (над-Природной, над-физической инстанции), но *углубление и расширение* знания о естественном. Привлекаемые «новые сущности» могут браться в горизонтальном и материальном измерении, но не в высшем и трансцендентном; это можно признать отказом в Божественном начале и соучастии в жизни мира, либо рассмотреть «новые сущности» как подмену понятия «высшее» на «более сложное» (количественное).

В итоге, в период Возрождения для язычества открылось окно, когда христианская церковь была подвергнута фундаментальному сомнению и отстранена от верховной власти над обществом, в котором нашли вдохновение многие поэты, писатели и некоторые мистики и философы. Но они были вытеснены на периферию общественной мысли, очернены как иррационалисты антитеистическими учеными-позитивистами, выступившими против всего Сакрального, выраженному на тот момент в лице христианства. Поэтому мы можем заключить, что война безбожной картины мира, известная нам сегодня как война науки против религии, на поле боя которых находятся и не-христианские религии, ведется не против авраамизма, а против Сакрального как такового. Это принципиальная война низшего с высшим, и, сложись так исторически, на месте христианских церквей против Просвещения стояли бы языческие пантеоны – были бы подвергнуты сомнению, осмеяны и выброшены и они.

В этом противостоянии мы можем определить наш, языческий, фронт как строго противостоящий Модерну, и всем его институциям и мирописанию. Подробнее о тактиках и инфильтрациях модерна в языческие миропонимание и философию мы рассмотрим в следующей главе, и в соответствующей главе отношение к третьей стороне конфликта – креационизму (в трех его базовых религиях).

II.VI Онтология сословий

Неоднократно обращаясь к теме иерархии выше, далее мы рассмотрим нормативные представления об иерархии традиционных обществ, являющихся мирским выражением Божественных законов.

Главный принцип иерархического устройства в Традиции – это принцип сословности. Чаще встречается название этого принципа как «кастовая

система», что является неверным. Касты, являясь специфическим явлением Индии, не тождественны сословиям, хотя по ряду определений могут и совпадать. Кратко отличие можно сформулировать следующим образом: в рамках одного сословия могут находиться разные касты, так, например, в сословии Производителей могут быть свои закрытые касты гончаров, рыбаков, охотников. Также касты могут быть и среди изгоев: касты воров, касты разбойников и убийц. Главный признак, который роднит касты с сословиями – это отношение той или иной касты, как и сословия, к покровительствующему Божеству. Аналогом сословия в Индии является варна.

Об индийской кастовой доктрине Рене Генон пишет[22]:

«На самом же деле каста соответствует собственной природе каждого человека, то есть его глубинному призванию. <…> Никто не усомнится в том, что в одной семье существуют чёткие различия между детьми и что они демонстрируют их очень рано. Один из них, например, демонстрирует лёгкость в пении и владении музыкальными инструментами. Другой предпочитает заниматься механическими или ручными задачами. А иной, с вдумчивой натурой, легко предаётся учению. Эти различия сущностно определены и они демонстрируют склад каждого из них, составляя то, что мы называем их естественным «призванием».

Для раскрытия иерархической структуры традиционных индоевропейских обществ мы обратимся к французскому мифологу Жоржу Дюмезилю. В XX веке Дюмезиль вскрыл присущую индоевропейским обществам (по его мнению – только индоевропейским) трехчастную, или в его терминологии – трехфункциональную структуру[23].

Согласно ей общества делятся на три сословия, согласно исполняемым ими функциям:

Первое и высшее сословие – жреческое.

Второе, близкое к высшему, сословие – воинское.

Третье, последнее сословие – земледельческое.

Ж. Дюмезиль соотносил исполняемые сословиями функции с Богами, выполняющими эти же функции (либо покровительствующие им) на метафизическом уровне.

---

[22] Рене Генон «Индийская кастовая доктрина».

[23] По Ж. Дюмезилю в наиболее чистом виде трехчастная структура общества сохранилась у кавказских осетин и в нартском эпосе.

Обобщенная таблица соответствий сословий и Божеств выглядит следующим образом:

Народ	Жреческое сословие	Воинское сословие	Земледельческое сословие
Греки	Зевс	Арес	Деметра
Римляне	Юпитер	Марс	Церера/Квирин
Скандинавы/Германцы	Один/Вотан	Тор/Тюр	Фрейр
Славяне	Сварог[24]	Перун	Велес
Иранцы	Митра	Бахром	Анахита
Индусы	Варуна	Индра	Вишну
Кельты	Теутатес	Таранис	Эсус

В Индуизме три сословия также имеют свои названия: Жреческое – Брахманы, Воинское – Кшатрии, Земледельческое (Производительное, включая ремесленников) – Вайшьи. Иногда выделяется четвертая группа зависимых – шудры. Здесь мы так же можем видеть отголоски покровительствующих сословиям Божеств:

Брахманы – Брахма, верховный Бог.

Кшатрии – от санскр. kṣatriya – «властный, благородный» либо ра́джан, от санскр. rājan – «повелитель», раджа.

Вайшьи – Вишну, Бог третьего сословия. Иногда вайшьев называют вишнуитами либо вайшнавами.

В индуистских мифах происхождение сословий описывается согласно законам Ману, брахманы порождены ото рта, кшатрии – от рук, вайшьи – от бедер, шудры – от ног Брахмы. А изгои (чандалы, парии) из праха под его ногами. Тем самым дается Сакральное и холистское обоснование общественного устройства: весь мир в совокупности является проявлением Божества, и каждая варна занимает свое место, что является выражением древнейшего принципа справедливости: каждому своё.

Уже из это также следует, что традиционное видение общества является холистским и прямопротивоположным современному индивидуалистическому взгляду на человека и на атомарное общество, как

[24] Верховным Богом славян Дюмезиль называет Перуна, но его образ соответствует второму, воинскому сословию и рассматривается современными русскими язычниками именно таким, что связано с возвеличиванием Перуна в результате реформы воина-князя Владимира. В современном Родноверии принято считать верховным Богом (Богом Неба) Сварога.

сумму индивидов. В мире Традиции нет современного самотождественного индивидуума «Я – это Я», есть холистское измерение человека «Я – это *сословие*, и выше – Божественность/Бог». Не сумма отдельных индивидов составляет общество, но Божественное проявляются в сословиях, и сословия (те же Божественные функции) живут через человека, поэтому он принципиально неиндивидуален.

В русском Родноверии варнам соответствуют верви: вервь жрецов/волхвов, вервь воинов и правителей (князей) и вервь производителей. Касательно древней сословной структуры славянского общества, волхв Велеслав пишет следующее:

«Сакральная Традиция славян знает и другую, более древнюю, систему деления общества, относящуюся ко времени, предшествующему разделению единой индоевропейской общности на различные этносы. Она, как и древнеиндийская, состояла из четырех вервей:

- *белой, символически связанной со стихией Воздуха (жрецы, волхвы);*
- *красной, связанной со стихией Огня (правители, воины);*
- *желтой, связанной со стихией Воды (ремесленники, торговцы);*
- *черной, связанной со стихией Земли (скотоводы, земледельцы).*

Четыре верви символически соотносились с четырьмя символическими положениями Солнца в году и, соответственно, с четырьмя временами года. Зимнее Солнце символически считалось Черным (или Навьим), Весеннее — Желтым, Летнее — Красным, а Осеннее — Белым»[25].

В индоевропейской трехчастной системе верховное место в иерархии по праву занимает Жрец (Годи, Волхв), как наиболее близкий к Богам человек, реализовавший свою божественную природу. Рядом с ним, на ступень ниже, стоит Царь-правитель, воин. Он может быть вершиной социального, государственного устройства, так как Жреческое сословие подчеркнуто аскетично. Индийские тексты сохранили уже легендарное, мифическое упоминание о древней варне жрецов-царей – Хамсе, которая со временем разделилась на две варны: Брахманы и Кшатрии. Восстановить подобный порядок пытался и император Юлиан Верный в фигуре царя-жреца, в своей реставрации эллинской религии, что, к сожалению, не увенчалось триумфом. Уже в XX веке Юлиус Эвола предложит более адекватную его времени и видению фигуру *воина-жреца*, объединяющую две функции в отсутствие адекватных инициатических институтов Жречества и Царской/Императорской власти.

[25] Волхв Велеслав, статья «Общество и касты».

В традиционализме органическим проявлением союза брахманического и кшатрийского начал являются Рене Генон и Юлиус Эвола. Генон манифестирует собой созерцание и констатацию упадка мира, Эвола манифестирует восстание против этого упадка, неистовый кшатризм воина-жреца.

Ниже воинов располагаются подчиненные, подданные государства, миряне – общинники.

В индийских мифах дается такое объяснение данному расположению варн:

«Поистине, вначале [все] это было одним Брахманом. Будучи одним, он не расширялся. Он сотворил еще лучший образ: кшатру – тех, кто кшатрии среди богов: Индру, Варуну, Сому, Рудру, Парджанью, Яму, Мритью, Ишану. Поэтому нет ничего выше кшатры. Поэтому при раджасуйе брахман почитает кшатрия как более высокого, он воздает эту честь одной кшатре. И все же Брахман – источник кшатры. Поэтому, если царь и достигает высшего положения, под конец он находит прибежище в Брахмане, своем источнике. И кто оскорбляет его [Брахмана], тот нападает на собственный источник. Он становился тем хуже, чем лучше тот, кого он оскорбил» («Брихадараньяка-упанишада»).

В отношении, например, германцев Ж. Дюмезиль пишет следующее:

«Прежде всего, это то, что вторая функция — нужды и морали войны — глубоко проникла в первую, верховную. Она ее не подавила и не присоединила, несмотря на конкуренцию, по выражению Тацита, «dux»'а и «rex»'а, но пронизала и отклонила в свою сторону[26]*.*

…

Пример ведийских индийцев и древнейших римлян заставляет нас, напротив, ожидать пары верховных богов, пары, которая хотя в принципе и равноправна, но более или менее выведена из равновесия в пользу одного из ее членов (Варуна, Юпитер) в ущерб другому (Митра, Дий Фидий). Что же, Wödanaz (Вотан) и Tiwaz (Тюр) вполне соответствуют этой структуре» («Верховные боги индоевропейцев»).

Подтверждение о властной и правовой роли Тюра мы можем найти и в Старшей Эдде, в Lokasenna – Перебранке Локи, где он переиначивает и упрекает Тюра на пиру у Эгира:

---

[26] Dux и Rex – духовная и государственная власть. В германской историографии обычно признаются Heerkönigtum (военная королевская власть) и Sakralkönigtum (сакральная, религиозная в своей основе, королевская власть).

«Молчи, Тюр! Никогда ты не умел
примирить двух противников...»

В диалоге «Политик» Платон пишет, что Бог, вылепивший людей, к способным править примешал при рождении золота, к помощникам (воинам) серебра, а меди и железа – к земледельцам и ремесленникам. Поэтому правители (философы по Платону, ср. жрецам) наиболее ценны, и к ним плотно примыкает серебряное сословие воинов-стражников. К материальному богатству, золоту, по Платону стремятся те, у кого его нет внутри, поэтому купцы всегда выделяются в третье сословие.

Такую трехчастную систему Платон закладывает в свою основу идеального государства, которая является архитипической для индоевропейских обществ.

Также Платон подчеркивает открытость сословий, вопреки расхожему заблуждению (на основе деградировавших индийских каст) о непроходимой закрытости, отсутствии мобильности между сословиями.

Там же Платон пишет:

«Вы все родственны, по большей части рожаете себе подобных, хотя все же бывает, что от золота родится серебряное потомство, а от серебра – золотое, то же и в остальных случаях. От правителей Бог требует прежде всего и преимущественно, чтобы именно здесь они оказались доблестными стражами и ничто так усиленно не оберегали, как свое потомство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок родится с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, т. е. включать его в число ремесленников или земледельцев; если же родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи или в помощники. Ведь есть предсказание, что государство разрушится, когда его будет охранять железный страж или медный».

Об открытости вервей в славянском обществе упоминает также и Велеслав.

Три типа жизни мы встречаем и у Аристотеля в «Никомаховой этике»:

1) βίος θεωρητικός – Жизнь созерцательная, для сущности человеческого в себе и истины.

2) βίος πολιτκός – Жизнь политическая, для славы.

3) βίος άπολαυστικός – Жизнь для удовольствий, гедонизм.

Эти типы можно сопоставить с сословиями:

Первое: Совершенный человек достигает полного самовластия через философию и созерцание.
Второе: Герои стремятся сделать благо внутренним и неотделимым через славу, но все-таки еще зависят, пусть не от природы, но от общества.
Третье: Простолюдины заботятся домостроительством (экономикой) и полностью зависят от внешнего мира, от социума и природы.
Несмотря на различие между Платоном и Аристотелем, архитипическая трехчастная структура является идентичной.

Помимо трех сословий в обществе также присутствуют те, кто вышел за рамки всех сословий – просветленные мудрецы, освобожденные при жизни (Джвиванмукта), волхвы – это ативарна, буквально «над варнами», формально находясь в высшем сословии. И изгои, неприкасаемые парии и чандалы, преступники и ничтожества – аварна, буквально «вне варн».

Схожей с теорией Ж. Дюмезиля, является трехчастная структура Божеств, спроецированная на историю и кельтский крест. Согласно ей выделяются триады Божеств, соответствующие трем жизненным стадиям: Рождения/Создания – Становления/Кульминации – Старения/Разрушения.

Этой структуре соответствуют следующие Божества:

Народ	Боги созидатели	Боги охранители	Боги разрушители
Индусы	Брахма	Кришна	Шива
Германцы	Один	Тор	Один (+Локи)
Славяне	Сварог	Перун	Велес
Греки	Зевс	Афина	Дионис

Также в этой структуре повышается внимание к женской паре Богов-разрушителей, ср. тантрической шакти – энергии жизни, в гневных аспектах являющейся Богиней Смерти; шире речь идет именно о Богинях Смерти, нередко выступающих супругами Богам Смерти и Разрушения.

Мы подчеркиваем принципиальную разницу между статусами Бога Смерти и Бога загробного мира, так как эти функции не всегда совпадают в фигуре одного Божества, а иногда и управляются небожественными существами. Быть наместником области, мира, и быть Вратами и Проводником в этот иной мир – две разные вещи. Умертвить существо мог любой Бог, и не только он, но Богам Разрушения эта функция и покровительство над ней присуща по преимуществу.

Бог Смерти	Супруга Бога
Шива	Кали/Дурга
Бхайрава	Бхайрави
Локи	Сигюн
Один	Фрейя
Велес	Морена/Мара
Дионис	Ариадна

Рассмотрим каждую триаду и диаду Божеств более подробно.

Боги-созидатели часто занимают высшее место в пантеонах, иногда уступая место Богам-воителям и охранителям. Боги-разрушители нередко находятся в конфронтации с Богами-охранителями. В Индии известны мифы о спорах Шивы с Вишну, и конфликте Шивы и Брахмы в вопросе верховенства. В Пуранах мы встретим образцовую Тримурти Богов: Брахма, Вишну, Шива, упомянутую нами в таблице. В Бахагавад-гите именно Шива является Богом-покровителем племени Кауравов, против которых на поле Курукшетра сражались Пандавы, чьим покровителем был Бог Кришна; окончание этой битвы ознаменовало наступление Кали-Юги. Жена Шивы – благая Парвати, в гневной ипостаси известна как Богиня Кали, а в самой гневной как Дурга.

Наиболее гневная форма Бога Шивы – Бхайрава, Уничтожающий Миры и Богов. И его жена – Бхайрави.

В скандинавских эпосах Локи выступает сразу против всех Богов («Перебранка Локи», «Рагнарёк»). Вопрос «Божественного» статуса Локи спорный. С одной стороны он происходит из ётунов, и эта его природа впоследствии сыграет ключевую роль в судьбе Богов, принявших его в свою семью. Как отец некоторых гигантов (йотунов), он функционально враждебен Тору, хотя нередко путешествует вместе с ним, равно как и причиняет неудобство Божественной семье. В Рагнарёк Локи и его дети, Фенрир и Ёрмунганд, будут сражаться против асов и ванов в финальной битве. Жена Локи – Богиня Сигюн, сопровождает Локи после его наказания Богами: его приковывают к скале и змея над ним источает жгучий яд, который Сигюн собирает в чашу. А когда она отворачивается её опрокинуть, яд капает на Локи, и происходят землетрясения. С другой стороны Локи – это типичный Бог-трикстер, принятый в род Асов как брат Одина. Он нередко становится причиной бед, но зачастую сам же их разрешает, т.е. выручает и спасает Богов и Богинь, то есть выступает на их стороне против гигантов. Поэтому, пока Локи выступает на стороне Богов

– он сам соотвествтует должному поведению Аса, но в решающий момент он соскальзывает с этого статуса и становится по ту сторону от Асов и Ванов. В этом его миф и фигура очень близки фигуре и мифу Прометея.

Один отнесен к Богам Смерти неспроста. Сама фигура Одина является интегрирующей многие функции; он недуален. В поисках мудрости Один часто оказывается по ту сторону от Жизни: он спускается в мир мертвых для беседы с Вёльвой («Прорицание Вёльвы»), он приносит себя самого себе в жертву и раскрывает тайну рун, он – Бог повешенных, и наконец – он, в образе смертного человека Ода, является мужем Фрейе, который бесследно пропал [умер]. От этого Фрейя считается вдовой и именно она, а не Хель, является Богиней Смерти, в ипостаси безумной жены-вдовы, мастерицы сейда. Так же как и верховная жена Одина Фригг, Фрейя (буквально «Госпожа») отвечает за чертог для умерших возлюбленных, она – одна из признанных покровительниц мёртвых[27]. В свою очередь Хель, владычица Хельхейма – мира мёртвых – вовсе не является Богиней, она дочь Локи и великанша (йотунша), наместница территорий и с ней не связаны мистериальные либо магические мифы.

Выше мы уже упоминали о правке в классификации Ж. Дюмезиля места Перуна в пантеоне родноверов, перемещая его с главенствующей позиции на охранительную, и выдвигая Сварога во главу Божественной семьи. Противостояние Перуна Велесу, известному в образе змея (змія, ящера) настолько глубоко отразилось в русском фольклоре, что нашло отражение даже в православной иконографии Георгия Победоносца, поражающего дракона. Ситуация с Велесом подобна ситуации с Одином, он так же является биполярным Божеством. В Родноверии выделяется Велес Скотий – покровитель скота, плодородия, именно об этой ипостаси Велеса писал Ж. Дюмезиль. Иной Велес – Велес Кощный, Божество Кощной Эпохи (Железного века) – Бог Мудрости и провожатый во Смерть. Парой Велесу приписывают темноволосую Богиню Смерти Мару-Морену, от имени которой происходят слова: мор, заморить, уморить, мороз.

Для строго солярной греческой традиции фигура Диониса является проблематичной в силу его открытости нижним мирам, он спускается в Аид и возвращается оттуда, его свита – хтонические существа: фавны, паны, сатиры. Дионис-Вахк – покровитель смертельных оргиастических мистерий – вакханалий. Сам Дионис гибнет от рук титанов, которые

[27] Образ Фрейи как инициатической Богини и провожатой в Вальхаллу разбирает Kvilhaug Maria в своей работе «The maiden with the mead. A goddess of initiation in norse mythology?»

разрывают, варят и съедают его мясо. Но его Сердце, божественную сущность, спасает Богиня Афина. Жена Диониса – изначально смертная женщина Ариадна, невеста Тесея, становится его женой и получает от Зевса заслуженное бессмертие, но не находит более глубокого отражения в мифах.

В эллинизме место Бога-охранителя занимает Богиня Афина. В Афине мы сталкиваемся со сложным, для такой стереотипической мужской функции, парадоксом женщины на мужском месте. Парадокс разрешается тем, что в структуре эллинизма Афина обладает только и только мужскими атрибутами: шлем, доспехи, копье. Она выходит из головы Зевса, что делает её принципиально интеллектуальной, что является подчеркнуто мужской чертой. Фактически Афина максимально маскулинна и минимально феминна, она – мужчина, и выполняет мужскую охранительную функцию: спасает Диониса, покровительствует полису Афины и грекам в войнах. От названия её доспехов, а по иной версии – от щита Зевса Эгида, который иногда вручался Афине – происходит известное выражение «находиться под эгидой», т.е. «под защитой, покровительством».

Представив кельтский годовой круг, мы можем отметить Богов-созидателей и Богов-охранителей в правой и верхней половинах круга, а Богов-разрушителей в левой и нижней. Сразу бросаются в глаза моменты наложения функционала, переходные моменты в исторических циклах и жизненном пути. В году Боги-охранители и воинские Божества будут строго соответствовать лету, верхней части круга, Летнему Солнцестоянию – пику света и вершине хода солнца по небу. Боги-разрушители, Божества Смерти будут соответствовать зиме, нижней части круга, Зимнему Солнцестоянию – нижней точке хода солнца по небу. Многие праздники и даты поминания усопших предков приходятся на осеннее-зимнюю пору. Богам-созидателям, Божествам плодородия будут соответствовать Весна и Осень – ярковыраженные сельскохозяйственные, плодородные отрезки времени: засев поля и сборы урожая, заготовка запасов. Это точки Весеннего и Осеннего Равноденствий.

Заметна разница и некоторое смещение покровительствующих Божеств в верхнем сословии. Это объясняется тем, что ж. Дюмезиль описывал идеальное состояние, тяготеющее к Золотому веку, при этом, не учитывая регрессивного циклического ниспадения. Выдвижение на первый план Божеств Разрушение и Смерти в эпоху Кали-Юги связано с тем, что в это время критической становится проблематика инициации, с которой всегда

сопряжена тематика смерти; по сути, вопрос инициации – это всегда отчасти и вопрос смерти, всегда актуальный для высшего сословия.

Сводная таблица Божеств по Ж. Дюмезилю и кельтскому кресту, с соотнесением сословий с почитаемыми и покровительствующими Богами:

Сословие	По Ж. Дюмезилю	По кельтскому кресту
Жреческое	Зевс, Один, Сварог, Брахма	Дионис, Один, Велес Кощный, Шива/Фрейя, Мара, Кали
Воинское	Арес, Тюр, Перун, Индра	Афина, Тор и Тюр, Перун, Кришна
Производственное	Деметра, Фрейр, Велес, Вишну	Деметра, Фрейр, Велес Скотий, Вишну

Причины разницы в почитаемых Божествах в разных сословиях кроются в разной природе, онтологическом видении и описания мира в разных сословиях. Выше мы находили замечание о разной природе варн у Платона, где он отмечал наличие в человеке разных металлов: золота, серебра, меди и железа.

Каждое сословие возводит на первое – наиболее почитаемое – место в пантеоне определенного Бога, выстраивая вокруг него иерархию остальных Богов по значимости. Так, для земледельцев более актуальны Боги плодородия, жизни, нового солнца и весны (начала посева), Боги охоты и покровители скота, а также важны Боги-защитники, к которым обращаются за помощью и защитой от природных ненастий, падения и пожирания хищниками скота, и за защитой от внешних врагов других обществ. Верховный Бог воспринимается больше как демиург, грозный творец и управитель вселенной.

Воины на первое место ставят Богов войны, справедливости, Богов-кузнецов (оружия и доспехов). Повышенное внимание уделяется великим воинам, легендарные герои равные Богам берутся за идеал. Боги земледельцев отходят на третий план. Верховные Божества почитаются как Отцы и более великие и умелые воители. Например, Бог войн и побед Один (верховное Божество) и его сын Бог-воин и охранитель Тор, подвески в виде его молота Мьёльнира были широко распространенным народным оберегом.

В жреческом видении на первый план выходят Божества-демиурги, творящие упорядоченный Космос, всеотцы (одно из имен Одина – Alföðr – Всеотец) и Божества Смерти. Об особенности выполнения жреческих функций и различности жреческих ритуалов и ритуалов *для жрецов* говорит Велеслав, объясняя что в различных ситуациях в роли жреца, ведущего обряд, может выступать старший/достойный в общине, в роду или в семье. Но радения и практики жрецов допустимы для исполнения только волхвами в закрытом кругу посвященных, так как для неподготовленного взора они могут показаться непонятными и чуждыми его картине мира. В Бхагавадгите мы встречаем следующие строки: *«Обязанности брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр различаются по качествам, рождённым их природой».*

Каждое сословие обладает присущим ему набором посвящений, ритуалов, связанных и мифически объясняющих его деятельность, поверий и примет, инструментов и одежды. Фактически, каждое сословие выстраивает свою картину мира, в которой учитывает и объясняет всё. Устойчивость общества достигается тем, что все сословия имеют дело с одним общим набором мифов, из которых складывается традиция, но по-разному интерпретирует их содержание и делает различные выводы. Разность интерпретаций нивелируется священной иерархией, где на вершине находятся просветленные мудрецы (жрецы, философы, волхвы), к ним примыкают близкие и «союзнические» воины, и замыкают «тело Брахмы» производители со своим, земным набором поверий и мифов.

Изгои же вообще не имели своих собственных мифов и ритуалов, либо пытались подражать всем сословиям сразу, порождая недееспособную смесь всевозможных примет и обрядов, также удовлетворяясь низшей магией и бытовым колдовством.

Жречество воспринимает Бога недуально (адвайта, имманентность), воины опираются на ограниченную дуальность (двайта-адвайта, имманентно-трансцендентность), а ремесленники воспринимают Бога преимущественно как творца (трансцендентность).

Недвойственное видение ативарна снимает мнимое противоречие между восхвалением и почитанием созидательных Божеств в Сатья-Югу и разрушительных в Кали-Югу. Каждому соответствует своё, в то время как менее чистые сословия подвержены большему риску впасть в морок, иллюзию и утерять связь с Божественным – разрушить органичную священную иерархию и впасть в неведение о Сакральном измерении бытия (ср. инд. авидья – буквально «неведение своей Божественной природы»).

Опираясь на различную сословную онтологию, мы можем рассмотреть исторический упадок на примере деградации и смены доминации в истории различных варн.

Золотой век – время священного порядка во главе со жреческим сословием – философами в идеальном государстве Платона.

Серебряный век – время, так же сохраняющее порядок, но с опорой на силу и власть воинского сословия. Оттеснение жречества от верховенства.

Бронзовый – время революции третьего сословия – производителей, ремесленников, земледельцев и особенно – купцов и торгашей, против двух высших сословий, и шире – любой аристократии и сословного неравенства.

Железный – время полного освобождения всех, ещё остававшихся на тот момент категорий людей, от какого-либо сословного гнета. Время освободившихся и доминирующих парий, чандал и изгоев, неспособных к восприятию Сакрального в иерархическом и целостном виде, но только к смешению, либо отрицанию высшего измерения, согласно которому они и находились на самом дне иерархии.

Исторический регресс, таким образом, предстает как серия революций более низших сословий против вышестоящих. Оттеснение жречества с высшей позиции обуславливается регрессией этого сословия, вырождения его от общения с Вечной Божественностью и трансляции воли Богов к костному консерватизму. Таким образом, ещё полноценное воинское сословие по праву узурпирует власть ради сохранения должного порядка. Эвола называет это сменой власти Духа властью Крови, временем вождей, судей и абсолютных правителей. Но и они подвергаются коррозии и инфильтрации в него интересов и представителей третьего сословия в лице купеческой, торговой «элиты». Прекрасными иллюстрациями этого времени являются древний воинский имперский Рим и триумф в нем христианской «рабской и плебейской» веры, и реформа князем Владимиром киевского пантеона, вскоре после которой он отвратился от родной веры к христианству.

В книге «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера», Эвола пишет на этот счет уже о современной эпохе[28]:

«Эпохе третьего сословия неведомо единство свободы и служения, единство свободы и порядка; она «никогда не знала чудесной власти этого единства, ибо достойными стремления ей казались только слишком легкодоступные и слишком человеческие удовольствия». Обратной

[28] См.Ю. Эвола «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера».

стороной этого абстрактного, индивидуалистического, собственнического понимания свободы является идея социума как системы, определяемой принципом общественного договора. Именно благодаря подобному абстрактному представлению о свободе буржуа присуще стремление к разложению всякого органического единства, к «превращению всех отношений, основанных на долге и ответственности, в договорные отношения, которые можно расторгнуть».

Свой пик революция третьего сословия находит в становлении христианства и закономерном последующем отказе от него в эпоху Просвещения, открывая дорогу четвертому сословию, о чем также упоминал и Эвола. Революции третьего и четвертого сословий уже не связаны с сохранением и поддержанием Сакральной иерархии, но только со своими сословными и частными интересами, с освобождением и властью ради своих целей.

Заметим, что ЖЖ. Руссо, чьими идеями была вдохновлена Французская революция, свергнувшая монархию, идеалом человека описывал «благородного дикаря», живущего в гармонии с природой по законам равенства и справедливости. Идеал Руссо – это крестьянин, представитель третьего сословия, освобожденный от «гнета» аристократии и церковных клириков – воинства и жречества. Показательно, что одним из символов французской революции был фригийский колпак – символ восстания рабов в Риме.

Особенно подчеркнем, что речь идет о процессе деградации сословий. То есть само по себе второе, третье сословия не являются «злом». Занимая своё должное место в Сакральной иерархии общества каждое из них раскрывает аспекты Божественного и свои собственные функции. Проблемы начинаются с регрессивным вырождением и деформацией сознания сословий, которые ведут к упадку и освобождению самых низких сил, берущих верх над сознанием.

«*Ведь есть предсказание, что государство разрушится, когда его будет охранять железный страж или медный»* – Платон.

Обратим внимание на связь сословной структуры общества с этносоциологической теорией аллогенного происхождения государства.

Согласно этой теории, большинство государств создается путем завоевания местного (автохтонного) населения более воинственными кочевниками. Зачастую это завоевание кочевниками-скотоводами оседлых земледельцев, и возведение в высшие сословия жрецов и воинов

представителей доминирующего завоевывающего этноса, а завоеванному населению преимущественно остается сословие производителей. Этнос победителей несет с собой свою мифологию, язык и культуру. Постепенно открытый этнодуализм двух верхних сословий одного этноса и нижних сословий и каст другого этноса смягчается, элементы народных поверий и мифы автохтонной религии проникают и смешиваются с религией пришельцев, образуя единый новый культурный тип. Детальное прослеживание становления индуистской традиции путем синтеза до-арийского и арийского элементов дает Мирча Элиаде, попытку спроецировать эту же логику на становление скандинавской традиции делает современный западный философ Колин Клири[29].

Нашествие арийских кочевников на Балканы выразилось в завоевании ахейцами минойцев и микенцев, а следы дорийцев остались в героической Спарте.

В Индуизме пришлыми кочевниками-завоевателями являются Дэвы, выступающие против автохтонных асуров. Пример синтеза до-арийского Бога Рудры и позднего Бога Шивы в единый шиваистский культ приводит в том же тексте и К. Клири.

В скандинавской традиции захватчиками являются Асы, покоряющие Ванов. Характерным жестом установления общественного мира является обмен Божеств после окончания вражды между ванами (Боги второго порядка) и Асами (Боги первого порядка): возведение в первый порядок Фрейи и Фрейра. Фрейя – из рода ванов, дочь вана Ньёрда, который также становится приемным сыном Одина. В другом месте мы уже упоминали брак Фрейи с Одином, в ипостаси человека Ода.

В свою очередь, из Асгарда ванам в залог посылаются уважаемый Одином великан Мимир и Хёнир. В последствие Хёнир становится вождем ванов, а Мимир обезглавливается по наговору. Возможная интерпретация этого мифа в этносоциологическом ключе заключается в том, что Мимир был почитаемой фигурой в высших сословиях, о чем говорит повышенная забота Одина о его посмертной жизни, вплоть до самоувечья, но недостойным (непонятым?) залогом для автохтонов. Положительным моментом нормализации отношений между двумя этносами, завершающим становление общей культуры, является появление Бога Мудрости – Квасира, возникшего из слюны Асов и ванов.

Становление *русской* культуры и русского общества, поверх завоеванных разнородных славянских племен подробно разбирает А.

[29] См. Колин Клири «Какому Богу поклонялся Один?».

Дугин в труде «Социология русского общества»[30]. В нем автор выделяет структуру русского общества, состоящую из следующих пластов:

Донеолитический пласт культуры финно-угорских племен, сохранившийся, по Я.Проппу, в широчайшем пласте русских сказок.

Крестянский пласт славянских оседлых племен, занимавшихся подсечным земледелием.

Героический пласт, знаменующийся призывом варягов на Русь – время становления Киевского княжества и активного покорения соседних племен.

О синтезе всех пластов А. Дугин пишет:

«Героический пласт бессознательного, так же как и крестьянский и донеолитический, никуда не исчезает со временем и периодически всплывает в общенародном масштабе, особенно в эпоху войн, бунтов и революций. Но несмотря на то что русское государство на всем протяжении своей истории вынуждено постоянно воевать, этот тип не становится преобладающим и исключительным. Он накладывается на аграрно-миролюбивые пласты, вписывается в них, но и не вытесняет и не подавляет их. («Социология русского общества»).

Так социология, используя свой язык, пересказывает мифическую органичность и единство общества как тела Брахмы.

Ярким примером позднего кочевого – монгольского – влияния на русскую культуру является смена почитаемого в народе дерева. Сегодня кажется само собой разумеющимся выделение березы как символа русского, в то время как береза является тюркским особым деревом, а славяне особо почитали иву. Эту разницу можно отчетливо заметить, если пересечь Россию с запада (Киев-Москва) на восток (Сибирь и Дальний Восток): березы начинают доминировать в лесном массиве после хребта Уральских гор, на северо-востоке сменяясь хвойной тайгой.

Опираясь на вышеизложенные взгляды, мы можем интерпретировать глубинную причину выдвижения разными традициями на современном этапе различных символов, о которых мы упоминали вначале. Так, из скандинавской традиции наиболее пристальное внимание и распространение получил воинский архетип жителя севера – это викинги (кочевники моря), берсерки и вульфсерки. Молот Тора, Валькнут и руна Одал как символы Одина напрямую отсылают нас к этому второму сословию, во вторую и третью очередь, затрагивая жреческо-магический и земледельческий аспекты соответственно.

[30] См. также А.Дугин «Этносоциология».

Коловрат как символ славяно-русского язычества всегда трактуется как солярный символ и символ года – кологод – годичный круг, что прямо отсылает нас к сельскохозяйственной, земледельческой тематике и архетипу третьего сословия. Это особо подчеркивается тем, что на Руси критически мало сохранилось языческих текстов, и одним из основных источников для восстановления язычества в XX-XXI веках стали большие пласты народных поверий, суеверий, фольклора и этнографии. Это особо сказалось на трудности раскрытия волховской мудрости, которое происходило в большей степени с опорой на мистические прозрения деятелей современного Родноверия.

ОМ как священный слог и мантра Индуизма лаконично подчеркивает архетип высшего сословия, наиболее ярко проявляющийся в этой традиции. Справедливо на это указывают огромное количество текстов и вторичность внимания на воинской и производственной варнах, которые нередко трактуются также через призму присущей им ритуально-духовной практики и аспектов их освобождения из Сансары.

Напоследок приведем важное замечание М. Элиаде о том, что большинство всех религиозных текстов, которые сохранились в различных культурах – это тексты, создававшиеся, предназначавшиеся и бытовавшие в высших сословиях общества – жрецов и воинов, царей. Что ярчайшим образом подводит черту значимости наследия и учения высших каст: знание космогонии, иерархии Божеств, метафизики, правильной ритуальной практики, управления государством, достижения освобождения/реализации Божественной природы и т.д.

Именно высшее сословие философов в античности является учителями будущих царей и императоров, как Аристотель был учителем Александра Великого. В Индии же чтение Вед было доступно и третьему сословию ремесленников, дабы те, творя новые вещи, осознавали проявление в своем сословии демиургической функции Божеств-творителей.

II.VII Языческая инициация

Проблема инициации является краеугольной темой философии традиционализма и особенно языческого традиционализма. Важность инициации можно кратко подчеркнуть следующим образом: без инициации *любые* построения о язычестве прошлого, и тем более настоящего, любая ритуальная и обрядовая практика будут лишь сотрясанием воздуха и напрасными телодвижениями.

Инициация – это вино в сосуде форм, сущность эзотерического, облекаемая и достигаемая через экзотерические, изменяющиеся от культуры к культуре, и во времени обряды, ритуалы и практики. Если традиция – это цепь передачи, которая согласно Генону берет свое начало вне человека, на метафизическом уровне, то инициация – это то, что одновременно и *сковывает* эту цепь, и то, что *передается* в этой цепи.

Как действие инициация означает переход человека в иной модус существования. Все обряды принятия мальчика в мужчины, девочки в женщины означают переход из одной формы – через умирание – к другой форме жизни в обществе. Посвящение человека делает его завершенным, настоящим человеком. До этого человек пребывает на «естественном» уровне существования, он не самостоятелен и не принимает участия в делах общества на равных.

Мирча Элиаде пишет о посвящении следующее:

«Посвящение обычно включает тройное откровение: священного, смерти и сексуальности. Все три вида опыта у ребенка отсутствуют; посвященный узнает о них, принимает их и включает в структуру своей новой личности. Добавим, кстати, что неофит, умирая в своей детской мирской невозобновляемой жизни для того, чтобы возродиться в новом, освященном, воскресает и для нового способа бытия, делающего возможным познание. Посвященный – это не только «новорожденный» или «воскресший»; он человек, который знает; ему открыты тайны, известны откровения метафизического порядка. Обучаясь в глубине джунглей, он познает священные тайны: мифы о богах и происхождении мира, истинные имена богов, назначение и происхождение ритуального инструментария, используемого во время посвящения. Посвящение равноценно духовному возмужанию; оглядываясь на всю религиозную историю человечества, мы постоянно встречаем эту идею: посвященнй тот, кто узнал тайны, т.е. тот, кто знает»[31].

Шатапатха-Брахмана содержит следующие строки о посвящении:

«Прошедший посвящение сближается с богами и сам становится одним из них».

Инициация как смерть

Говоря о посвящении, мы всегда говорим о смерти. Если инициация – краеугольный камень Традиции, то смерть – краеугольный камень

[31] Мирча Элиаде «Священно и мирское», подчеркивание – М.Э.

инициации. В ритуалах посвящения смерть может выражаться в разных формах: от буквального закапывания инициированного под землю, спуска в пещеру или ущелье, увод инициируемого из селения, запирание неофита под землей либо в отдельной хижине. Там же у Элиаде мы встречаем пример из африканских племен мандиа и банда, которые практикуют посвящение через разыгрывание мифа о чудовище Нгаколе, которое пожирает людей и отрыгивает их обновленными. Неофит заходит в хижину, которая символизирует чрево Нгаколы, и там его секут плетьми и мучают, поясняя что он «входит в чрево Нгаколы». После испытания посвященному объявляют, что он переродился и чудовище возвращает его.

Смерть в посвящении играет двоякую роль. Для того, кто подходит к посвящению, кто его ищет и жаждет – это смерть. Тот человек, кто предстает *в начале* ритуала, и тот человек, что выходит *после* окончания ритуала – это разные люди. Несовершенный, неопытный, *не-посвященный* человек погибает для мирской жизни окончательно и бесповоротно. С другой стороны смерть – это проводник, переход в этот мир того, кто *посвящен*, нового полноценного человека. В связи с этим посвящение состоит из нераздельного единства трех составляющих: зарождения, смерти и возрождения. Ритуальное уединение посвящаемого символически воспроизводит космогонию. Изымаясь из общества на необходимое время, неофит пребывает за рамками жизни общины. Молодых людей уводят и они считаются мертвыми, их могут оплакивать либо носить траур по ним. Для неофита это исключение из состояния упорядоченного Космоса и возвращение в материю – к Великой Матери; это приближение к Первородному Хаосу, из которого он, путем ритуала посвящения, проходит свою личную демиургию и в новом качестве возвращается в общину. Поэтому один из мотивов посвящения – это возвращение в утробу, принятие неофитом позы зародыша, прятанье его в такой позе в подпол жилища – ближе к земле. Возвращение в утробу также является аллюзией на смерть, смягченную ярко выраженным аспектом перехода, перерождения.

Отрешенность от своего умершего «Я» подчеркивается тем, что посвящаемый получает новое имя, обязанности и привилегии. Нередко посвящение знаменуется ритуальным шрамированием, нанесением татуировок, сбритием волос (либо наоборот – правом-и-обязанностью носить бороды), переодеванием одежд. Трагичность ритуала и новизну посвященного ярко иллюстрирует шаманское посвящение, распространенное повсеместно у народов, исповедующих шаманизм.

Посвящаемый в шаманы в состоянии опьянения алкоголем (грибами, травами) приглашает на пир всех духов. Главное блюдо-подношение духам – это тело самого шамана. Духи слетаются на зов, разрывают шамана на части, едят и собирают его кости в новое тело. Если духи поставят какую-либо кость неверно, либо на зов придут духи болезней – то по возрождению шаман получит соответствующее увечье, либо приобретет «шаманскую» болезнь. Нередко после возвращения с «пира» шаман становится сумасшедшим; блаженным шаманом[32]. Аналогичный мотив присутствует в ритуале тибетского буддизма Чод. Адепт ради высшего посвящения, используя барабан из двух сводов человеческого черепа (домару) и трубу из бедренной кости человека (канглин), в уединенном месте вызывает ужасных духов трех миров и подносит им свое тело и чашу своей крови, исполненную из своего черепа. Выдержавший это сложнейшее испытание становился свободным от всех страхов и пробужденным.

Повышенное внимание к аспектам плодовитости, витальности уделялось в женских посвящениях Weinerbunde – Женских союзов. Посвящение девушек в женщины осуществлялось с началом менструаций. Многие мотивы уединения в хижине, в лесу, или ритуальной дефлорации жрецом[33] также указывают на ритуальную смерть предшествующего человека. Женщины посвящаются в главное священное таинство – *быть женщиной*, творцом жизни. Специфический опыт, который невозможно передать в мужской инициации. На Руси пересечением таинства родов, таинства смерти и Weinerbunde являлись сообщества повитух, которые встречаются до сих пор в некоторых отдаленных селах. Бабка-повитуха забирала ребенка после родов, топила баню – очень тревожное и смертельно опасное место в жизненном мире древних славян, с которым связано много суеверий и фольклора – и уединялась там с младенцем, растирая в течение нескольких часов ему голову руками и сопровождая это заговорами и песнями[34].

---

[32] «Сумасшедший» мы понимаем без современных клинических и социальных негативных коннотаций. Состояние распада личности при посвящении Элиаде называл «психическим хаосом», как приближение к Хаосу.

[33] В некоторых африканских племенах бытуют «дикие» с точки зрения «цивилизованного» современного человека обычаи, когда ритуальную дефлорацию проводит отец, либо все мужчины общины. Этим самым подчеркивается патриархальность общества, и женщина наделяется повышенной витальностью.

[34] Профанное измерение этого действия гласит, что повитухи таким образом формировали правильный округлый свод черепа у младенца.

Прямое указание на смерть у Юлиуса Эволы выражается в термине «разрыв уровня» – «la rottura del livello». В нем легко угадывается ритуал перехода от мирской (профанной) картины мира к восхождению к высшей мудрости. Разрыв уровня – это ситуация, когда человек резко и отчетливо осознает что вся сфера его обыденной жизни является *не всем*, но лишь создает иллюзию, *претендует* на то, чтобы быть всем. Это фундаментальное подозрение фактически приводит всю предшествующую неполную картину мира к «схлопыванию», человек обнаруживает, что над всем миром есть еще «этажи» – это обнаружение, «схлопывание» мира и вскрытие высших измерений – и есть разрыв уровня, инициация.

Если попробовать дать описание состояниям, переживаемым в момент разрыва уровня, то самым точным и обобщающим все второстепенные переживания, которые могут быть лишь разными выражениями одного начала, будет состояние ужаса. Опыт инициации, опыт смерти – это опыт чистого – очищающего – ужаса. Эвола особо отмечал травматичность, экзистенциальное напряжение как критерий посвящения.

Повышенное внимание и почтение высшего сословия к Богам и Богиням Смерти и Мудрости в эпоху Кали-Юги также связано с проблематикой инициации, рассмотрение которой ведем в данной главе. В этой связи примечательно, что в Индуизме Бог Мудрости Ганеша приходится сыном Бога Разрушения Шивы.

В Одинизме в поиске мудрости Один нередко сталкивается со смертью; голова Мимира, чью мудрость чтит Всеотец, так же в некотором роде мертва.

«Путь к Мудрости – это Путь к Смерти» – отмечает волхв Велеслав.

Инициация как социальный феномен

Как социальный феномен посвящение связано с наделением неофитов новыми социальными функциями, правами и обязанностями. Посвящение мальчиков в мужчины дает им право полноценного участия в жизни мужской части обществ, участия в обсуждении вопросов жизни общины, право заводить семью и т.д. Девушки после посвящения в женщины входят в женские союзы (повитухи, гадалки, травницы и др.) и дают сигнал, что они могут вступать в брак и производить потомство.

Также важную роль играют посвящения в сословия – принятие, на что указывал Платон, в высшее сословие на воспитание ребенка с преобладающим в его природе «золотом»; либо отдача «серебряного» ребенка в воинское сословие. Посвящение в отдельные касты под

покровительством различных Божеств, в рамках одного сословия, например, в поздние времена охотники или кузнецы.

Посвящение в разные рода войск, ярким примером которого являются «поединки достоинства», а также широко известные ритуалы схватки с медведем или волком в состоянии измененного сознания – ритуалы завоевания титула берсерк или вульфсерк соответственно. К этому тесно примыкают внутрисословные иерархические посвящения сродни чинам в армиях и иерархам в жречестве, мастеру и подмастерью.

Барон Юлиус Эвола о сословной роли посвящения писал следующее:

«Традиционное отличие плебея от патриция состояло не столько в неимении предков, сколько в неимении ритуалов. В арийской иерархии отличие высших каст от низших состояло в основном во Втором Рождении. Арья в отличие от шудры (слуги) был двиджа — «дважды рожденный». И показательно, что в Манавадхармашастре (11, 172) утверждается, что брахман, не прошедший инициацию, ничем не отличается от шудры. Точно так же в древнем Иране три высших класса характеризовались тем, что каждый из них соответствовал одному определенному небесному «огню». Нордические аристократы были аристократами потому, что в их жилах текла кровь Асов, «небесной» силы, находящейся в постоянной борьбе с существами стихий. И аристократизм великих средневековых институтов рыцарства, среди которых наиболее значимой была организация тамплиеров, был связан с инициацией».

Обратным социальному посвящению актом можно указать изгнание человека из сословия и из общества – его ритуальное умерщвление, отголоски которого бытовали еще в XX веке, в виде перелома меча, разрезания на теле сословных одежд, клеймения огнем либо краской, одеждой (колокольчиками).

Инициация и образование

Кратко коснемся такого аспекта инициации, как доступ к знанию и передача этого знания. Выделим здесь два аспекта: получение знания о своей и других традициях из литературных источников и организацию обучения детей *в традиции* в условиях современности.

Насчет первого Рене Генон занимал жесткую позицию о том, что быть просто формально эрудированным – это не значит ровным счетом ничего. Можно прочесть множество книг, наблюдать ритуалы и т.п., но если нет разрыва уровня, то нет вообще ничего, кроме количественного багажа

фактов. В этом есть взаимодополнение Генона и Эволы: первый посвятил жизнь описанию Традиции и выявлению фронта с современностью, второй практиковал и описывал оперативные аспекты Традиции в разных ситуациях. Инициация – это не чтение книг, это изменение модуса экзистенции. Это – опыт, опыт Сакрального ужаса, субъективный и обязательный для настоящей реализации.

Второй аспект касается более институализированной и мирской сферы передачи знания о Богах, мифах, обычаях, принятых в традиции и общине детям, чьи родители являются приверженцами языческой традиции. На этом поприще мы вынуждены констатировать глубочайший кризис. Современные языческие сообщества осуществляют попытки создания общего, хотя бы на уровне рекомендации, образовательного курса для детей. Так, американская организация «Asatru Folk Assembly» выпускает обучающие книжки для детей, приближенные к современным формам детских развивающих книг. Русское сообщество родноверов[35] отметилось выпуском обучающих сказок для детей, в отличие от уже существующего культурного наследия, заточенных под языческое воспитание. Пристальное внимание «языческой школе» уделяет Велимир (Н. Сперанский), но в его представлении она носит ремесленно-трудовой и фольклорный характер. Языческая школа существует при ССО СРВ. Но эти примеры являются скорее исключениями из общей картины. Более сложные и педагогически емкие проекты, направленные на образование детей, пока не получили реализации в языческой среде. На фоне прошедших в прошлом реформ образования, закрепившим два вектора в преподавании: светский научный и религиозно-креационистский (уроки православной культуры, ислама и т.п.), должная подготовка ребенка в русле языческого мировоззрения усложняется многократно, не говоря уже о надлежащей подготовке к инициатическим ритуалам.

Историческое наследие

В этой части можно было бы перечислить огромное языческое наследие, выраженное в текстах, культурных артефактах, показать огромное количество авторов, обращавшихся к язычеству от первых лет христианства и до сегодняшних дней, но тогда нам бы не хватило и

[35] При поддержке редакции журнала «Родноверие» и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ).

десятков томов для этого рассмотрения. Поэтому мы ограничимся указанием общих линий, поясняющих направление нашей мысли.

Не вызывает споров то, что в разных странах Европы христианизация происходила не одновременно и не однородно. В высших сословиях, которые первые приняли христианскую веру, долго сохранялись языческие реликты в обрядах погребения, причитания, самом способе ведения дел и судах чести. В третьем же сословии производителей процесс усвоения новой религии шел еще медленнее, и новые правила, догматы и культура существовали одновременно с языческой традицией, вступая в сложные отношения вражды, синтеза, дополнения либо не пересекаясь открыто. Данное явление получило название двоеверия.

В России двоеверие начиналось складываться с самого крещения Руси и оформляется уже в XI веке, и по некоторым источникам, продолжалось до XIV-XV века. Хотя находка старообрядческой иконы-короба «Неопалимая Купина», датированной экспертами началом XVII века и содержащей на коробе руническую надпись-имя «Радегаст», увеличивает возможный срок эпохи двоеверия еще на два века. Помимо сохранявшейся в глухих и отдаленных местах дохристианской традиции, о которой мы не можем утверждать, что линия передачи в ней не прервалась и вообще вышла на свет сегодня, язычество очень органично вплелось в ткань православия и очень живо сохранилось в народе. Отмечается интересный факт, что в наиболее чистом виде две культуры сосуществовали на периферии общества: с одной стороны в творениях византийских мыслителей и художников, приглашенных на Русь, с другой – в народном фольклоре, мало затронутом церковью[36]. Здесь стоит отметить обычаи зимнего колядования, сжигания чучела зимы (Морены) на Масленицу, с которыми официальное христианство борется до сих пор.

Так, известно, что русские скоморохи, появившиеся в XI веке, корнями восходят к волхвам, и так же были гонимы царем и церковью, пока их репертуар не был выхолощен от глум (социальная сатира), былин, сказаний и др., оставив ярмарочное пустое развлечение. Фигуры скоморохов-гудцов присутствовали на башне Софии Киевской, времен Ярослава. Многие языческие приметы, поверья и суеверия, фигуры фольклора живо сохранились в народе, в народном творчестве: сказки, песни, поэзия, резьба и вышивка – везде присутствуют также и языческие мотивы, а зачастую и только они. Примерами тому служат двусторонние обереги-змеевики, на одной стороне изображавшие Богородицу, а на

[36] См. «Введение христианства на Руси».

другой – «змееволосая Богиня»; «громовые стрелки» из камня с начертанным на них крестом. В Скандинавии подобным образом видоизменялся Молот Тора, подражая христианскому равноконечному кресту. Даже сегодня сибирские шаманы в определенных ритуалах очищения используют именно православные, храмовые свечи, потому, что подходят именно они.

Также почти все важные православные праздники совпадают или непосредственно близки к языческим солярным праздникам, а некоторые святые являются очевидными аналогами языческих Божеств, яркий пример – христианский праздник Ивана Купала-Иоанна Крестителя, отмечается православными с разницей около месяца с языческим Летним Солнцестоянием – Купалой.

Другой показательный пример двоеверия – это развитый культ и особое почитание Богородицы, Девы Марии, матери земного воплощения Иисуса Христа, зачатого непорочно Святым Духом.

Мы не встретим такого пристального внимания к матери Мухаммеда, или к женским фигурам в иудаизме, как в христианстве и особенно в православии. Данный акцент скрывает под собой народную языческую основу, которой характерно почитание Земли-Матери в разных аспектах, матери в земном роду. Мать часто ассоциируется с плодоносной землей, с глубинами и тёмным (сокрытым, неявным). В креационизме Небо и Бог противопоставляются тварной земле и миру, в православии же мы видим очень сильный культ Богородицы. Также в писаниях Богородицу называют Приснодевой, то есть она сохраняет чистоту и непорочность до и после рождения Христа, то есть соотносимая с землей Богоматерь чиста перед Богом и миром, что также соответствует позитивному пониманию земли у язычников. Другая женщина, сопровождавшая Христа, Мария Магдалина, святая и мироносица, тоже является важным женским акцентом в православии, она равна апостолам и вместе с девой Марией удаляется к Иоанну Богослову. Н.Н. Воронин обращал внимание, что во владимировском культе Богородицы очень мало христианского: *«На первых порах Владимировская икона сохраняет полуязыческие черты женского божества – она, в сущности, и действует как языческий оберег»*[37]. Такое отношение к Богородице отражает распространенный для славян, с их ярко выраженным третьесословным мышлением, мотив заступничества и земельного плодородия.

[37] Там же.

Иные Боги «растворились» в большом «пантеоне» православных святых, отношение к которым в народе, кроме как «языческим» назвать сложно: Перун и Ярило нашли свои отражения в Илье, Борисе и Глебе, Георгие Победоносце. Перун-Георгий встречается со змеем-Велесом в известном христианском мотиве. Сам Велес почти отождествился со святым Власием – покровителем скота. Макошь слилась и с Параскевой Пятницей. На основе такого осмысления народом родных и пришлых Божеств, по мнению исследователей[38], выросла в XIV веке ересь Маркиана, «исказившего» догмат о троичности в духе многобожия.

Краткая таблица соответствий языческих праздников, отмечаемых родноверами, и православных святых дат выглядит следующим образом:

Дата	Языческий праздник	Православный праздник
06.01	Праздник Бога Велеса	Рождественский сочельник
07.01	Коляда	Рождество Христово
24.02	Велесов день (покровителя скота)	День Святого Власия (покровителя животных)
02.03	День Марены	День Святой Марианны
21.03 яз./ плавающая дата	Весеннее Равноденствие	Пасха
06.05	День Даждьбога (первый выгон скота)	День Святого Георгия Победоносца
21.06 яз/07.07 прав.	Купала	День Ивана Купалы (Иоанна Крестителя)
21.09 яз./ 01.10 прав.	Осеннее Равноденствие	Покров

Огромный вклад в описание язычества на Руси внесло и само христианство, в своих описаниях языческих обрядов. Так, например, бесспорный образчик внимания христианства к язычеству – «Слово о законе и благодати» Илариона[39] (XI в.). Но с христианскими источниками существует определенная проблема, которую подчеркивал и Ю. Эвола – это субъективность их описаний языческих поверий и ангажированность в очернении народной веры в угоду своим целям. Слепое использование

[38] Там же, с. 272.

[39] Там же, с. 266.

церковных источников, согласно Эволе и другим авторам, приводит к созданию нелепых конструктов, далеких от язычества, но воплощающих карикатурность христианской апологетики. Поэтому к христианским источникам стоит подходить с большой осторожностью и вниманием.

Уникальным явлением в России стали старообрядцы или староверы. Не вдаваясь в теологические и политические подробности церковного раскола в XVII веке (отметим, что они затрагивали и важную тематику языка) мы считаем, что старообрядцы, отколовшиеся от церкви и ушедшие в затворы, бежавшие в Сибирь и тайгу и организовавшие там автономные замкнутые деревни, в определенной мере законсервировали не только христианство до-никоновской формы, но и вплетенные в него языческие компоненты древней Руси. Так, Мельников-Печерский в книге «Белые голуби» приводит описание радения хлыстов, отражающее почитание Матери-Земли:

«Главное, годовое радение бывает... около Троицына дня. В то время в иных, весьма, впрочем, немногих кораблях [общинах – прим. A.S.] хлысты, радея, поют песни, обращенные к «матушке сырой земле», которую отождествляют с Богородицей. Чрез некоторое время Богородица, одетая в цветное платье, выходит из подполья, вынося на голове чашку с изюмом или другими сладкими ягодами. Это сама «мать сыра земля» со своими дарами. Она причащает хлыстов изюмом, приговаривая: «даром земным питайтесь, Духом Святым услаждайтесь, в вере не колебайтесь», потом помазывает их водою, приговаривая: «даром Божьим помазайтесь, Духом Святым наслаждайтесь и в вере не колебайтесь».

Также летописные упоминания о поверьях славян есть у арабских и греческих авторов и историков. В современности изучением, описанием и реконструкцией языческого мировоззрения древних занимались видные ученые, среди которых: К.Г. Юнг, М. Элиаде, Дж. Фрезер, Б. Рыбаков, А.Н. Афанасьев и другие.

В свою очередь к упоминавшимся во введении примерам, в Европе сохранилось большее число письменных источников и архитектурных артефактов, как то: Старшая Эдда, скальдические песни о героях, Беовульф, Песнь о Нибелунгах, финно-угорская Калевала и другие; мегалитические памятники Стоунхендж, Экстерштайн, рунические камни скандинавов (обнаружены даже в Северной Америке). Огромное письменное наследие и, можно утверждать, непрерывная традиция сохранилась на территории современного Индостана. На севере, в

Исландии, даже сегодня одновременно сосуществуют официально равнопризнанные древняя и христианская религии. Аналогична русской и ситуация с датированием языческих и пришлых христианских праздников.

Французский социолог и культуролог Жорж Батай, рассматривая произведение Жюля Мишле «Ведьма», пишет следующее:

«Ночные обряды средневековья, вероятно, в каком-то смысле продолжают обряды Древних (сохраняя её подозрительные стороны: Сатана в известном смысле есть Dionysos redivivus); это обряды paganorum[40], крестьян, крепостных, жертв господствующего порядка вещей и власти господствующей религии»[41].

Этот отрывок прямо указывает на феномен двоеверия, существовавший и в Европе, следы которого мы найдем в народной культуре так же, как и у славян[42]. Языческие реликты в жесткой форме преследовались Инквизицией в виде «ведьмовства» и «сатанизма». Не говоря уже о том, что средневековый образ рыцаря многими исследователями считается всплеском языческой воинской этики; образ рыцарства занимал важное место в философии Эволы.

Можно привести и большее количество примеров, а с учетом того, что европейская цивилизация во времени и пространстве является самой детально изученной культурой в мире, список можно продолжать бесконечно, поэтому мы ограничимся этим указанием направлений поиска для всех желающих.

Горизонталь и вертикаль

Высказанные выше замечания об инициации касаются больше внешних и социальных форм, что мы можем назвать горизонтальным измерением посвящения. К нему относятся изменчивые во времени и пространстве формы ритуалов, внутрисословные акценты, образовательное и статусное сопровождение перехода-посвящения. В самом профанном виде отголоски горизонтального аспекта посвящения мы можем найти и в современном обществе, в его стереотипах и мифах о том, как и что «должно» знать и уметь к определенному возрасту, и что «должно» испытать к нему. Но эти представления носят сугубо конвенциональный и необязательный

[40] Dionysos redivivus – «Дионис воскресающий», paganorum – «языческие».

[41] См. Жорж Батай «Литература и Зло».

[42] Об исландском двоеверии накануне Просвещения см. Л. Кораблев «Йоун Книжник-Чародей».

характер, что нивелирует какую-либо их значимость для рассматриваемой нами темы.

Констатация того факта, что к сегодняшнему дню инициатические центры в лице церквей, ветвей разных традиций, дошедших до современности, выродились, закостенели и цепь передачи Традиции в них прервалась, относятся к горизонтальному измерению. Да, рассчитывать на подлинную инициацию в подавляющем большинстве современных языческих, и авраамических в том числе, организаций было бы слишком оптимистично. С другой стороны, о возобновлении празднования языческих обрядов современный английский мыслитель Найджел Пенник оптимистично пишет:

«Даже если проведение ритуала возобновляется после векового перерыва, как в случае с первомайским празднеством рочестерских трубочистов, это означает, что перерыв между праздниками был более длительным, чем обычно. И всё.

Всегда существуют устойчивые составные части Традиции, которые могут быть восстановлены в правах в любой момент; фактически происходит их воскрешение, возвращение к жизни – в очередной раз, после длительного пребывания в забвении»[43].

Ален де Бенуа приводит такие слова Гельдерлина[44]:

«Если божественное существовало, говорит Гельдерлин, тогда оно вернётся, потому что оно вечно».

Также касаясь «горизонтали» посвящения, отметим несомненную пользу ещё здорового третьего сословия в деле сохранения языческого наследия в теле народа, как на Руси так и в Европе. Как мы упоминали вначале, сами термины «язычество» и «panagus» восходят именно к «сельскому, деревенскому».

Дать определение тому, что мы в дополнение к горизонтальному аспекту посвящения, называем вертикальным посвящением, можно используя следующую аллегорию. Если горизонтальная инициация – это буквально цепь (tradere) из посвященных людей, идущая от века к веку, от посвящающего к посвящаемому, то вертикальная инициация – это установление связи посвящаемого с высшим трансцендентным началом, его посвящение в Сакральное Знание, Вечную Мудрость. Говоря о посвящении, о восхождении от профанной периферии к Духовному Центру. Р. Генон отмечал, что чем ближе адепт подходит к нему, тем

[43] См. Найджел Пенник «Практическая магия в Северной Традиции».

[44] См. Ален де Бенуа «Как можно быть язычником».

больше стираются различия между путями[45]. В Едином многое *снимается,* как лучи восходят к источнику, сокращая дистанцию между друг другом, вплоть до слияния. Важно подчеркнуть, что речь не идет о смешении на уровне периферии, на уровне разных внешних форм традиций, а об их едином истоке, структуре; невыразимой формальным языком сути. В таком свете можно говорить о том, что языческая традиция одного народа – это язык общения народа с Божественным, которое в ответ раскрывается опытом Сакрального: восторгом, ужасом, безмолвием, охватывающими все естество человека.

В мире может сохраниться историческая преемственность посвящения – линия «рукоположения» – но оно может быть выхолощенным от его вертикального измерения, то есть являться только повторением форм, никак не влияющим на неофита. Горизонтально – инициация есть, вертикально – отсутствует. Проблема именно вертикальной инициации в актуальную нам эпоху больше всего и волновала как традиционалистов, так и язычников, возрождающих древние традиции сегодня. Вопрос инициатичности является одним из основных направлений критики язычества сегодня. Выше мы доказали, что огромное наследие языческих форм и артефактов сохранилось и здравствует и по сей день, обеспечивая должным образом, не без указанных нами проблем, горизонтальный аспект инициации. Далее мы обратимся к внутреннему, вертикальному измерению посвящения.

Но, перед тем, как перейти к вопросу вертикальной инициации, рассмотрим важную тему, которую мы можем отнести к промежуточной, связующей горизонтальный и вертикальный уровни посвящения в единое целое.

Язык и мышление

Великий философ XX века Мартин Хайдеггер говорил следующее: «Язык есть дом бытия, [ибо в качестве сказа он есть способ события, его мелодия]». Рене Генон называл изменение мышления человека в худшую сторону причиной деградации и наступления современности. Рассматривая проблему передачи языческого мировосприятия и посвящения в это видение, невозможно обойти стороной важнейшие аспекты языка и мышления. В русском языке игра слов «язык» и «іа́зы́къ» сам подводит нас к аналогии «язык и мышление» = «народ и [его] мышление». Частично

[45] См. Р. Генон «Заметки об Инициации».

проблему языка мы затрагивали во введении к данному труду, в подглавах об именах и символах, сейчас мы более подробно остановимся на этой теме.

В этом направлении интересны исследования Владимира Викторовича Колесова, русского филолога и историка[46]. Колесов выделяет три порядка языка, возникающие в период христианизации Руси (исторически точка отмечена на 988г.) и осуществления перевода ключевых христианских текстов с греко-христианского на архаический древнеславянский. Но в результате этого не возникает собственно сам перевод, а конструируется сложнейший новый язык – церковно-славянский, конструируются новые понятия, образуются слова и термины отсутствующие, как в древнеславянском, так и в греческом.

Итак, три порядка языка, выделенные Колесовым: *эквиполентность, градуальность, привативность*.

Колесов о них говорит следующее:

«Эквиполентность помогала выделять конкретные предметы, данные во всей их конкретности (мужчина-женщина, день-ночь, верх-низ и т.д.). Градуальность вводила в рассмотрение идеи (представления) о вещах, а представить можно вполне фантастические предметы, лица и всякую тварь вообще в бесконечности её проявлений. Привативность же служит не образу и символу, но понятию как наиболее строгому и в научном отношении точному содержанию словесного знака. (…)

Эквиполентность существует в режиме подобий и тождеств, градуальность – сходств и подобий, привативность – сущностных сходств и различий»[47].

Согласно Колесову языческому миросозерцанию соответствует эквиполентный порядок языка. Термин «эквиполентность» образован от латинских слов «equi-» и «pollens», которые означают «равный» и «быть сильным», «мочь» соответственно.

Вновь обратимся к Колесову:

«Самый простой способ идентификации вещи, попавшей в поле нашего зрения, — сравнить ее с другой вещью того же рода. (…) Таково «языческое» понимание классификации вещного мира путем попарного сравнения «тел» общего основания. Мужчина и женщина — совместно «человек», верх и низ — совместно это пространство и простор и т. д.

---

[46] См. серию книг под общим названием «Древняя Русь».

[47] Колесов В.В. «Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова»,. цит. по Дугин А.Г. «В поисках Тёмного Логоса».

(...) Древнерусская эпоха времен христианизации и долго после того, почти до XIV века, — это время господства эквиполентной оппозиции, обусловившей многие особенности нашей истории и культуры». (...)

Свет и тьма противопоставлены друг другу и воспринимались как равнозначные, одинаково существующие, не сводимые друг к другу сущности. Они объяснялись одно через другое»[48].

Это означает, что наличествующие полюса (верх-низ, день-ночь) в равной мере принадлежат бытию, они равно есть и определяются одно через другое. Отсутствие мужчины не означает некоего «немужчину», а вполне насыщенную женщину. Отсутствие жизни – это смерть, но смерть не как забвение, а как *иная жизнь*, отсюда развитый культ предков и описания загробной жизни в языческих традициях. Колесов указывает, что доминирование этого порядка языка сохранилось почти до XIV века, что коррелирует с датировками эпохи двоеверия. Доминирование эквиполентного порядка языка далее сменяется иным порядком.

Колесов считает, что с IX века русское общество вступает в эпоху Средневековья, и это вступление сопровождается трансформацией языка. Создается и развивается церковно-славянский язык, который смешивается с народным эквиполентным языком, но становится присущим политическим и социальным элитам. То есть церковные служители и элита начинают говорить, а, следовательно, и мыслить в русле иной рациональности, чем обычный народ. Точкой смены доминирования Колесов считает XV век, когда на Руси широко распространился перевод работ Дионисия Ареопагита, сделанный монахом Исайей Сербом. Строй средневекового русского языка является *градуальным*.

Градуальность является тройственной системой и отличается от эквиполентности принципиально по следующим пунктам:

- Выделяются три члена, вместо двух.
- Расположение членов приобретает вертикальную иерархию, вместо горизонтального расположения.
- Появляется ниспадающая с верхнего термина энтропия.

Например: Бог-человек-бес (либо Бог-Ангел-человек), или крона-ствол-корни у дерева. Где Бог занимает верхнее положение и благ, человек – срединное и добр, а бес – низшее и зол, с фигурой Ангела логика остается такой же, но смещается на ступень выше: Бог верховен и благ, Ангел чист и легок, близок к Богу и посредничает между ним и грешным человеком. То же самое и с деревом, где крона – наверху и несет плоды, ствол

[48] Там же.

посередине и крепок, надежен, а корни – внизу, где-то в земле (плодов нет, досок не настрогать – пользы нет).

Можно соотнести эквиполентный строй языка с языческой имманентностью, градуальный с имманентно-трансцендентностью языческой иерархии, саморазвития и самопознания, с платоническими эманациями Единого сверху-вниз и возвращению снизу-вверх, т.е. в градуальном строе языка мы ещё свидетельствуем возможность Божественных проявлений в мире и восхождения человека к Богам. Вырисовывается градиент от светлого-благого к тёмному-злому, от более хорошего к менее хорошему. Эквиполентный и градуальный строи языка укладываются в принцип холизма, где в эквиполентной логике бросок от вещи к тому, на что она указывает (а указывать она может на несколько иных вещей сразу), происходит сразу же, здесь и сейчас, «клен/неклен». А в градуальной топике происходит постепенное распутывание, следование по нити-меридиану указаний и намеков вверх, либо вниз[49].

Но также мы уже видим и предпосылку для осуществления разрыва между уровнями, подобного онтологическому в креационизме.

Железному же веку соответствует *привативный* порядок языка.

Привативный порядок языка строится на радикальной оппозиции 1 и 0, одного и другого. Причем, первый позитивен, он *есть*, он – бытие, а другой нет – его *нет*, он негативен, он Ничто. Градуальная система градиента разрывается на абсолютные полюса, где высший полностью отрицает любое бытие низшего (собственное или по касательной). Привативный порядок упрощает язык, отбрасывая сложные, перегруженные архаическими и градиентными смыслами, понятия.

«Если в эквиполентной паре «не-» указывало на другое наделенное автономным бытием и дедуктивно связанное с данным бытие (вспомним пару «клен»/«неклен»), если то же самое «не-» означало «недо» в градуальной топике, то в привативной грамматической системе «не-» автоматически вводит «ноль» как «ничто», как «бездну», как «дыру» в ткани бытия, запуская в ткань языка «ужасающую силу негатива» (Гегель)»[50].

[49] Рискнем предположить, что можно соотнести мгновенный прыжок от вещи к тому, на что она указывает и постепенный переход от вещи к высшему/низшему/другому с постепенным изменением качества времени и/или среды: с уплотнением Пространства и загустением Времени по мере отпадения от Золотого Века.

[50] Дугин А. «В поисках Тёмного Логоса».

Привативный строя языка, с одной стороны – это строй всей современной науки, автоматики и робототехники, электроники и современного дигитального мышления простыми парами. Ярчайшим представителем позитивистского подхода к языку является австрийский философ Людвиг Витгенштейн (1889-1951). В своих ранних трудах Витгенштейн жестко утверждает, что существует лишь вещь как эмпирическая единица, что есть только означающее/знак и строго ему соответствующее единственное означаемое[51]. От вещи отсекается её смысл, её символьное и холистское измерение, и таким образом, согласно австрийцу, философия должна прийти к системе точных соответствий. Только «атомарный факт» является реальностью. Вся онтология, мифология и архаические наслоения должны быть отброшены (бритва Оккама), а философия должна строиться на математической и строго логической основе.

Это выбор «нуля», а не «единицы». С другой стороны, выбирая условную единицу, мы можем обнаружить религиозных фанатиков в рамках любой традиции и без нее, в современном неоязычестве, спиритуализме и нью-эйдж сектанстве. Но особенно тяготеют, в силу своей метафизики, к этому строю креационистские религии, внутри которых на сегодняшний день можно назвать ярких представителей такого бинарного мышления: сионисты в иудаизме, уранополиты и протестанты в христианстве, салафиты и ваххабиты в исламе.

Исходя из обзора концепции Колесова, можно сказать, что языческое мировосприятие через язык доминировало до XIV века, а после ушло в «подполье» сознания. Порядки языка, соответствующие Золотому и Серебряному векам Традиции, сохранялись ещё дольше, пока не были вытеснены дистиллированным порядком привативности.

Два языка

Очень тесно к вопросу строя языка прилегают исторические изменения самого государственного языка, и в его русле – формирование ритуально-обрядового языка в современном язычестве.

Современные языки чрезмерно подвержены глобализации, и как следствие – сильному влиянию доминирующего сегодня «глобального» языка – английскому. Глобализация в языке отражается в повышенном, неумеренном росте заимствований из чужих языков, фонетическом

[51] См. Л. Витгенштейн «Логико-философский трактат».

заимствовании слов и вытеснении ими исконных аналогичных понятий. Так как язык – это носитель культуры, в данном случае чужой, вопрос о проникновении в родной язык инородных слов – вопрос о чистоте языка – становится практически национальным интересом. В России заимствование иностранных слов резко возросло со времен правления Петра I, ориентированного на Европу и «модернизировавшего» Российскую Империю под её образцы. Но уже во времена правления его наследников вопрос о заимствованиях поднимался на государственном уровне. Так, М. Ломоносов стремясь внедрить в русский язык общепринятые мировые научные термины, параллельно добавлял к ним русские аналоги и переосмысления. Начиная с эпохи Просвещения, в России – с правления Екатерины II (Просвещенный абсолютизм) и до сегодняшнего дня можно выделить три мощнейших волны заимствований в языке: французскую, германскую и английскую. Причем английская приходится уже на Новейшее Время и её проводником преимущественно являются не ученые и аристократия, как было с французским и немецким языками до революции, а торговцы, маркетологи и массовые медиа. То есть мы имеем дело с агрессивной культурной экспансией на низшем уровне смыслов.

Как следствие, в языческой среде присутствует закономерная неприязнь к новомодным англицизмам и переносам, распространены призывы к чистоте языка (пуризм).

Интересный опыт сохранения языка мы найдем в современной Исландии. Как островное государство, имевшее мало контактов с соседями, исландский язык сохранился практически неизменным[52], по отношению к древне-исландскому и древне-норвежскому. А национальная политика в отношении языка не допускает введения заимствований, минимизируя их количество в языке. Специальная комиссия обязана рассматривать новые слова и подбирать им эквиваленты в поле родного языка, нередко обращаясь к мифологическим мотивам и кённингам, что является, несомненно, положительным опытом[53].

В русской языческой среде конструирование ритуально-обрядового языка происходило с элементами реконструкции на основе фольклорного

[52] Язык испытал сильное влияние датского, во время датского владычества над Исландией, но после движение романистов занялось очищением языка от заимствований.

[53] Примечательно, что движение исландских пуристов сделало символом борьбы за чистоту языка Молот Тора.

материала (сказки, летописи, народные напевы), обращаясь и к церковно-славянскому, в некоторой степени сохранившему дореформенные славянские слова, и используя данные филологии и лингвистики. Мы не будем глубоко касаться вопроса, насколько убедительной вышла реконструкция «языческого» русского языка, а напротив, – отметим, что проблема заключается в том, что данный язык существует в отрыве от повседневного и далек от современного литературного и бытового русского языка. В отличие от Исландии, где язык сохранялся и «присутствовал» непрерывно, в России предлагаемый вариант «славянского языка» возвращается (даже в реформированном виде) спустя большой исторический отрезок отсутствия. Поэтому сегодня его бытование ограничивается ритуально-обрядовой практикой, языческой литературой, в меньшей степени – бытовым общением и ориентиром, противопоставленным влиянию глобализации[54].

Такая ситуация ставит следующие вопросы: насколько актуальными являются слова и языковые конструкции, предлагаемые в «языческом» языке, для современного язычника? Не является ли вариант внутренней реформы современного русского языка, на основе классификации Колесова с предпочтением эквиполентному и градуальному строям, с введением некоторых адекватных терминов, более продуктивным, чем противопоставление «современного русского» реконструированному «славянско-языческому»?

Однозначно можно сказать, что для современного, во многом городского язычника предлагаемый ритуальный язык является чуждым. Он может повторять слова на обряде, может читать тексты, но этот язык для него состоит из «анахронизмов», «устаревших слов». Иначе говоря, он вне его повседневного опыта; бытие этого языка и бытие язычника пересекаются недостаточно мало и в ограниченных условиях обрядовой практики. Простое повторение слов вслед за жрецом, не понимая их смыслов и бытия, не дает ровным счетом ничего к духовному опыту, кроме иллюзий. Поэтому более продуктивной, но и более долгой во времени, представляется тактика «мягкой силы» – постепенное возвращение в обиход «устаревших» слов, очищение от заимствований и приоритетное использование русских аналогов, по возможности умеренное использование в обрядовой практике «обыденных» слов, дабы передать на обряде не внешнюю форму красивого слова, но смысл, сущность действия.

[54] Простейший пример: вместо всемирно распространенного американского «ok» говорить «ладо», «добро», вместо «фотографии» –- «светопись», и т.д.

Понимание смысла ритуального действия, важности аутентичности в итоге должно – замыкая круг – вызывать больший интерес к аутентичности и чистоте языка, иными словами, человек должен сам раскрыть в себе необходимость очищения своего родного языка, ради продвижения в своем духовном пути.

В свете вышесказанного легко рассмотреть различие отношений к вещам, явлениям, феноменам как в исторической перспективе (ухудшение века и сословия), так и в качественно *синхронной*. Ибо сейчас, как мы отмечали выше, язык Традиции, язык язычества (эквиполентный и градуальные вариации), бытует «по соседству» с обыденным привативным языком, пересекаясь, контактируя и конфликтуя с ним в разных условиях.

В таком свете мы можем говорить о необходимости подхода к языку как к посвящению; *посвящению в язык*. Посвящение в язык есть качественный переход к иному мышлению. Встать на сторону, противоположную дигитальному привативному строю – значит сделать шаг навстречу прекрасной древности, совершая работу по переложению обыденного языка общения на другую структуру.

Перевод и обряд

Тематика посвящения в язык, в другом, не структурном смысле, актуальна и для русскоязычных последователей иных языческих традиций (Индуизм, Одинизм и др.). В то время как для язычников-автохтонов (малые народы, исповедующие шаманизм) более актуальна проблема сохранения языка, связи младших поколений со старшими через язык и культуру в ситуации двуязычия – формального русского и народного родного, для представителей иных традиций в России становится актуальным вопрос ритуально-обрядового языка. Выбора языка, либо соотношения между аутентичным традиции языком и аутентичным адепту языком.

Обращая внимание на эту проблему, в среде русскоязычных последователей северной традиции была выдвинута версия о формировании двух видов обряда: северном и восточном[55]. Суть северного обряда заключается в постановке во главу угла один из языков из ареала распространения традиции: древнеисландский, датский, шведский, с оговорками – норвежский, прого-германский, готский и т.д. И воплощение

[55] Из личных бесед автора с представителями традиции.

ритуалов, обрядов, заклинаний, оберегов и магии используя язык традиции[56].

В свою очередь, восточный обряд основывается на использовании в ритуально-обрядовой деятельности русского языка, с частичным переводом аналогичных терминов из исходного языка на русский, и использовании транслитерации основных понятий. Например, скандинавские «аптанги» в восточном варианте становятся «нежитью».

Одним из факторов возникновения восточного обряда, помимо естественной причины рождения в русскоязычной среде, можно назвать невероятную сложность перевода эддических и скальдических песен, стихов и сказов в аналогичную структуру и форму на русский язык. Выстроенная изначально по лекалам исландского или древненемецкого языка аллитерация и используемые кеннинги и хейти Богов практически непереводимы, по структуре, на русский язык. То есть, можно перевести буквальное значение, но невозможно сохранить специфическую форму аллитерации, и зачастую сопряженную с руническим написанием, магическую составляющую текста.

Приведем один пример: мы выбрали протогерманский язык как основу ветви германских языков. Если взять древнеисландский, то это ответвление языка уведет нас на север, с его спецификой. В таком языковом контексте сам термин «Северная традиция» обретает свой строгий смысл. Англосаксонский уведет нас на запад, а готский – на восток, древневерхненемецкий говорит сам за себя. Но протогерманский является их общей базой, в то время как ответвления формируют широкую картину вариаций традиций.

Текст на прото-германском	Текст на русском
Wiratīwaz wīsīþi,	Тиу людей учит,
Walamōdēr wikkōþi,	Мать павших ворожит,
Wiha-Þunraz warōþi.	Освящающий-Тунар защищает[57].

[56] См. Rowo Rekwaz «Hwitaz Hrabnaz».

[57] Использованы следующие хейти: Тиу людей – Вотан, Мать павших – Фрейя, Освящающий Тунар – Тор.

Руническое написание

На протогерманском наглядно выражена аллитерация всех первых букв во всех строках на W- и рифма окончаний на -þi, что мы можем видеть и на примере рун ᚹ и ᚻ. В русском переводе с оригиналом косвенно перекликается только рифма окончаний на -ит/ет.

Развитие восточного обряда проходит под сильным влиянием северного, так как даже дело перевода требует знания языка, понимания значения употребляемых терминов, имен Божеств, животных и духов. В противном случае, ситуация будет соответствовать пустому повторению слов без понимания их значения, роли того или иного кеннинга/хейти в общем описании Божества, и так далее. Отчасти эту же проблему и решает использование русского языка и приемов стихосложения – это гарантирует понимание формы и содержания славлений, гимнов, заклинаний и обращений практиком. Примером удачного сложения можно взять строку «Мать павших ворожит» – то есть «Фрейя [как мастерица сейда] ворожит». В строке не используются заимствования, но она передает смысл и максимально понятна русскоязычному приверженцу северной традиции. Но, повторимся, знание того что Walamōdēr – это Мать павших – Фрейя дается только через изучение языка оригинала, способное обогатить русскоязычные варианты священных текстов и славлений специфическими формами германских и скандинавских оборотов и метафор. Таким образом, сочетание двух языков порождает гармоничное двойное созерцание явлений, позволяет преодолеть ограниченность современного языка относительно ритуально-обрядовых славлений и речевых конструкций.

В аналогичной русским одинистам ситуации находятся и русские индуисты. Место различных германских и скандинавских языков

занимают санскрит, непальский и их вариации. Русские индуисты максимально стараются сохранить использование оригинальных терминов, приводя их в транслитерации.

Вопрос о переводе тибетского традиционного учения Бон на язык русской традиции в недавнем времени стал камнем преткновения между тибетскими и русскими последователями. Согласно предлагаемому как версия (гипотеза) переводу, ядро традиции Бон приходя на разные земли облекалось в различные одеяния-формы, так, придя в Японию учение приняло японские черты, в Китае – соответственно китайские. В России было предложено выразить учение Бон в образах и именах русских Богов: Бог Мудрости – Велес, священная птица Гаруда – славянская птица Гамаюн, и т.д., подкрепляя эти данные этнографией и лингвистикой. Но данный подход, вопреки его логичности и интересности с точки зрения сравнительной мифологии, скорее нашел своих противников в лице некоторых лам и их русских последователей[58]. Идею такого перевода поддержал волхв Велеслав, но в данный момент активное развертывание учения Бон в языке русской традиции не ведется.

Древние формы языков, на которых были записаны германские Эдды и скальдические саги, индийские Веды и Упанишады, равно как и русские летописи и сказания, уже давно утрачены либо не бытуют в повседневности, остаются уделом лингвистов и самоотверженных последователей традиции. Даже максимально сохранившийся исландский язык не уберег самих исландцев от модернизации мышления, отказа от сакрально-мифической картины мира в пользу светско-научной, пусть и в своем локальном языковом пространстве они имеют иные названия для техники и явлений современности.

Поэтому посвящение в язык – древнюю форму языка для носителей традиции на родной земле и в эквиполентную и градуальную структуру для русских язычников, вкупе с изучением аутентичного языка для русскоязычных представителей Одинизма или Индуизма – является особенно важным началом, оказывающим влияние, как и на внешнюю форму следования традиции, так и на само мышление.

[58] Из личной беседы автора с А. Хосмо, основателем образовательного центра Бон «Шен Линг», республика Горный Алтай, Россия, 2014 г.

Вертикальная инициация

Ранее мы доказали, что экзотерические (внешние) формы языческих традиций сохранялись и передавались, и дошли до наших времен. Что множество бытовых и мелко-магических поверий, обрядов и т.д. до сих пор бытуют в современном мире. Наконец, мы рассмотрели вопрос посвящения в язык и мышление языческого мировосприятия и мировоззрения. Остается важным только вопрос о связи Божественного и мирского, о наполнении внешнего сосуда вином Мудрости.

Выше мы уже кратко затрагивали посвящение, названное нами вертикальным. В отличие от горизонтальной инициации, которую Р. Генон называл «метаморфозой» (отождествляя с инд. «samskaras»), доступной каждому члену общества, вертикальная инициация касается высших метафизических аспектов; знания высших сословий. Связи и трансляции Божественного с миром и человеком. Речь именно о высших сословиях[59], элите.

И Р. Генон и Ю. Эвола оценивали возможность инициации в эпоху современности очень критично. Генон ставил во главу угла абсолютную непрерывность цепи посвящения от человека к человеку, в рамках инициатической организации. Даже если она вырождается, сам факт непрерывного, из поколения в поколение, «наложения рук» способен оказать инициатическое влияние на подготовленного адепта.

В свою очередь, Ю. Эвола большее внимание уделял тому, о чем мы уже упоминали – разрыву уровня, и подготовленности человека к инициации.

Об этой подготовленности и об инициатических организациях он говорит следующее:

«Чтобы инициация стала возможной, необходимо наличие центра с людьми, «способными инициировать». Сегодня это особенно ясно, учитывая мистификации всякого рода: кажется, в Сан-Франциско существует даже инициация по почте, о чём нельзя говорить без смеха. Препятствие заключается именно в этом: в наличии или отсутствии индивидуума или группы, способной осуществить подобного рода действие над инициируемым. Для этого необходимы два условия: во-первых, чтобы инициируемый был способен к инициации и, во-вторых, чтобы инициирующий был действительно таковым. Первое связано с определёнными испытаниями, которые должен пройти инициируемый. В частности, в древности, прежде чем удостоиться инициации, человек подвергался испытаниям, которые, похоже, по большей части,

[59] Р. Генон называл высшими все три сословия. См. «Заметки об Инициации».

затрагивали область инстинктивных реакций. Существовали испытания огнем, водой и т. д. Кроме того, необходимо, чтобы эти действия затрагивали индивида, чтобы он был в некотором роде предрасположен к ним, мог бы почувствовать внутри себя то, что можно было бы определить как «толчок»[60].

Таким образом, вертикальная инициация ставится в зависимость от внутреннего состояния, готовности посвящаемого и от внешней компетентности, инициатичности организации (общины, посвящающего). Возможность контакта с живой традицией ставится под сомнение, хотя даже сегодня она принципиально не отрицается[61].

Эвола приводит показательный пример профанации посвящения через «инициацию по почте»; подобную же профанацию можно сегодня встретить в т.н. «школах языческих жрецов», преподающих знание посредством сети Интернет. Это ярко иллюстрирует наличие привативного мышления, которое отсекает архаические «лишние» уровни и легитимизирует современные, профанные способы «передачи» Сакрального знания.

Но в философии Эволы над опорой на инициатическую организацию (внешнюю среду, группу), доминирует принцип разрыва уровня, который он допускает и вне инициатической среды, принципиально допуская явление самоинициации, о чем он критично говорит следующее:

«…Если под инициацией понимают выход на уровень, отличный от чисто человеческого индивидуального сознания, то в этом смысле существуют две основные возможности: первая – это кратчайший путь так называемой самоинициации, введший в заблуждение немало умов. Например, антропософы, то есть штейнерианцы твердят об автоинициации и, более того, противопоставляют древние инициации, которые они считают устаревшими, современной инициации, имеющей индивидуальный, активный и независимый характер. Но это чистый вымысел, поскольку инициация подобного рода мыслима лишь в исключительных случаях: в целом же инициация чисто индивидуального характера, то есть без вмешательства высшей силы, походила бы на

---

[60] См. Последнее интервью Юлиуса Эволы, на основе беседы, состоявшейся в квартире Эволы в Риме, на Корсо Витторио 197, 27 декабря 1973 г., в ней принимали участие Джанфранко де Туррис и Себастьяно Фуско.

[61] Так, Сейид Хоссейн Наср, философ, религиовед, считается ведущим мусульманским философом современности, не исключает контакта с живой традицией на востоке. См. интервью Н. Сперанской.

попытку барона Мюнхгаузена, который вытащил сам себя, потянув за волосы. Чтобы инициация была действенной, необходимо вмешательство фактора, трансцендентного по отношению к индивиду, что лишь в крайне редких случаях может произойти самопроизвольно: такую инициацию можно было бы назвать дикой, подобно тому, как Рембо называли мистиком в диком состоянии. Случается, что экзистенциальная травма сама по себе приводит к подобному открытию горизонтов, даже если тот, с кем это происходит, сам не осознаёт того. Это может произойти и в современном мире, хотя, наблюдая постоянно нарастающую материализацию (и добавим закрытость) современного индивидуума, подобная возможность становится всё более сомнительной. Вот что можно ответить на ваш вопрос об «инициации в современном мире»[62].

Соглашаясь с бароном в его заключении о том, что «самоинициация» чаще является плодом заблуждений и восторженности от довольно простых чудес, случайностей или просто необычного состояния ума, открытия нового факта, остановимся на двух аспектах, которые он полагает ключами к самоинициации.

Первый – это вмешательство высшей силы (без которого она не могла бы быть). Если у Генона она выражается в земной непрерывной цепи людей, то мы укажем на цепь, фактически состоящую из одного звена: Божественного и человека. Где Божественное находится на верхнем пике звена, а человек – на нижнем. Речь идет о прямом посвящении от Бога к человеку, о даровании прозрения (инд. самадхи). О чем известно, например, в кашмирском шиваизме, в виде освобождения, спонтанно даруемого Шивой адепту[63]. Данная метафора одного звена прямо намекает и на единство природ Богов и людей, и на то, что существует лишь различие ступеней. Это наглядный пример прямой вертикальной инициации.

Другой аспект – это экзистенциальная травма, обеспечивающая внутреннюю готовность человека и разрыв уровня (о котором он может и не догадываться)[64]. Самое наглядное описание этого принципа мы находим в алхимической метафоре получения философского огня.

---

[62] См. последнее интервью Ю. Эволы.

[63] См. «Кашмирский шиваизм. Наслаждение и освобождение».

[64] Здесь важно отметить, что Р. Генон жестко разделял инициатические испытания и профанные «тяжелые переживания» обыденной жизни, с которыми сталкивается человек.

Первый способ получения Огня – это погружение субстанции в огонь такой силы, что он зажигает любые, самые сырые дрова. Это общество Традиции, в котором Сакрально абсолютно всё и любая душа, попавшая в него так же сакрализируется.

Второй способ – это погружение в абсолютный лёд, в пустоту. В этом случае огонь зажигается *изнутри*, как радикальное несогласие на тождество окружающей среде. Это сознание себя в самой толще льда, в самой тёмной ночи, в сердце Ада, но также это и осознание своего отличия от окружающей среды.

Гераклит говорил: *«Когда наступает ночь, люди зажигают огонь»*.

Важной особенностью Кали-Юги, согласно Велеславу, является то, что путь к Прозрению (Высшему Посвящению) является самым коротким и одновременно – самым опасным и рисковым. Инициатические группы и сообщества сегодня не действительны, в своей сумме они не образуют качественной среды, попадая в которую преображается каждый. Акцент посвящения и Духовного Делания смещается внутрь человека, погруженного в толщи льда современности. Только изнутри возможно истинное посвящение, отмечает Велеслав. Изменение превалирования между инициатической средой (посвящением в общине) и внутренней готовностью (самоинициацией) иллюстрирует следующая его цитата:

«Истинная Традиция – это передача Живого Огня, а не сохранение пепла. Истинная Мудрость – это Духовное Прозрение ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, а не память о прошлом, сколь бы великим и величественным оно ни было».

Сходную мысль об индивидуальном пути выражает и Ю. Эвола:

«Тем не менее, те, кто приняли карму этой цивилизации, в коей им выпало родиться, будучи в высшей степени уверенными в своем призвании, и желают двигаться вперед посредством собственных своих сил, взыскуя контакта с метафизической реальностью вместо простого горизонтального присоединения к организациям, обещающим им поддержку в их поисках, естественно вступают на опасный путь, что мы хотели бы здесь особенно подчеркнуть: они предпринимают путешествие по дикой стране, не имея ни «верительных грамот», ни точных географических карт. Однако, по сути, если в профаническом мире считается естественным, что лицо благородного происхождения рискует собственной жизнью ради достижения достойной цели, нет никаких оснований полагать иначе в случае того, кто благодаря стечению

обстоятельств, не имеет иного выбора в борьбе за инициацию и освобождение от цепей человеческого бытия»[65].

Из вышесказанного следует, что в современном мире высшая и подлинная инициация является уделом пытливых и самоотверженных единиц, нередко – одиночек на своем пути. Об исключительности и редкости инициированных персон, представляемых как элита (высшие сословия), Р. Генон делает следующее замечание:

«В сущности, мы могли бы сказать, что элита в нашем понимании представляет совокупность тех, кто обладает качествами, требуемыми для инициации, и кто, естественно, всегда составляет меньшинство среди людей; в определенном смысле все они «званы», в силу «центрального» положения, какое занимает человеческое существо в данном экзистенциальном состоянии среди всех остальных существ, которые также пребывают в нем, но мало «избранных», а в условиях нынешней эпохи их явно меньше, чем когда-либо» («Заметки об инициации»).

Существование инициатических сообществ, какими их видел Р. Генон, нами представляется сомнительным, и возможным разве что в отдаленных районах Азии и, возможно, у шаманских народов России. И абсолютно исключено в т.н. New-Age группах.

Большим благом будет, если во главе языческой общины или объединения будет находиться инициированный человек, способный направлять других на их *собственном* пути. Но это довольно оптимистичная картина, и многие, к сожалению, останавливаются на определенном не самом высоком уровне, достигаемом через горизонтальную инициацию и соответствующее внутреннее делание.

Аспекты посвящений в современном язычестве

Для наглядности, рассмотрим пару примеров посвящений, практикуемых в современном язычестве, связанных со вхождением в традицию нового члена, как с рождения, так и в более старшем возрасте, «из вне». Обряды посвящения в традицию не были широко актуальны в древности. Дети рождались уже в традиции, и еще до их появления на свет проводили гадания об их судьбе, имени, повитухи ворожили над матерями при родах и т.д., то есть ребенок еще до рождения испытывал на себе традиционные ритуалы и воздействия. Далее уже следовало только

[65] См. Ю. Эвола «Пределы инициатической регулярности».

обучение обычаям, именам и славлениям Богов и разных духов, и специфическим сословным обрядам и навыкам, совмещая это с возрастными посвящениями – изменениями статуса (samskaras).

Вхождение же в традицию было актуально для рабов, для подданных империи на завоеванных землях, для иных чужаков. Здесь имеют место обряды очищения, принесения первых даров и жертвоприношений Богам, смена имени. С этим комплексом и сегодня связаны обряды *вхождения* в традицию у современных язычников.

Новорожденного члена рода представляют стихиям, роду, нарекают именем. Практикуется пронос ребенка через расщеп в рябине: отец расщепляет молодое дерево посередине, но не до конца, раздвигает расщеп до достаточной ширины. Мать показывает ребенка всем духам и представляет его «малого да слабого, беды никому не чинившего» и передает его через расщеп отцу. При этом говоря духам «нет больше ребенка, в дереве увяз», в это время отец подносит ребенка к огню и больше духи ему не страшны. Другой сходный ритуал – пронос ребенка между оторванным порогом и полом, после чего порог прибивают на место и говорят «что ребенка Домовой унес». Оба обряда призваны символически скрыть ребенка от нечистой силы и злых духов, также представляя его добрым духам, стихиям (огню, земле в виде дерева) и Домовому, дабы он его не тревожил.

Важным элементом первого посвящения (представления духам, стихиям и Богам) ребенка является имянаречение – представление Богам и роду ребенка через его имя на родном языке, языке традиции[66]. В современном Родноверии существует отдельный обряд имянаречения для взрослых людей. Это обряд с одной стороны, вполне соответствует тому, что в традиции существовали разные возрастные посвящения, которые могли быть сопряжены с изменением имени. С другой, сегодня обряд имянаречения является первой ступенью, вхождением в традицию и, зачастую, в конкретную общину единоверцев. По своей структуре и смысловому наполнению этот современный обряд нередко практикуется с так называемым обрядом раскрещивания – т.е. снятия привязки и влияния предшествующей, например христианской, традиции. По сути, обряд раскрещивания является очищающим и предваряющим имянаречение действом. Некоторые русские родноверческие жрецы одним из главных

[66] В современном родноверии чаще используются более поздние, двусоставные имена, как то: Влади-мир, Веле-слав, Богу-мил, Добро-слав и т.п., а также реже некоторые скандинавские: Ольг/Ольга, Рагнар и др.

смыслов этого обряда выделяют вывод человека из «маяты христианства и антихристианства», т.е. снятие внутреннего напряжения и фанатичной конфликтности; освобождение человека от душевного груза ради дальнейшего пути.

Исторический пример приводит Генрих Латвийский, который отмечает массовые случаи раскрещивания у населения Прибалтики в конце XII века, для которого христианство было религией завоевателей-саксов:

«… вероломные ливы, выйдя из обыкновенных бань, стали обливаться водой в Двине, говоря: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство; принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам».

В свою очередь, волхв Доброслав предлагал простой – и в этой простоте невероятно чистый и сильный – обряд очищения и имянаречения: посвящаемому следует выйти поутру в поле, умыться росой с травы и поприветствовать Природу и Солнце, и представиться им своим новым русским именем.

В предлагаемом Доброславом варианте мы одновременно видим отсылки к самопосвящению (через открытость Природе во время простого обряда), и к важности родного языка для общения с Богами, о чем мы подробно рассказали выше.

II.VIII Проблематика контриниациации

Одним из спорных и проблемных мест философии традиционализма, разрабатываемой Рене Геноном, является вопрос «контриниациации». Под контриниациацией Р. Генон понимал вполне конкретные силы и организации, которые сознательно уводили человека с пути посвящения и познания Вечной Мудрости, Традиции. Представление о тайных организациях, уводящих человека от блага посвящения, и утверждение об их универсальности, дают почву разнообразным теориям оккультного заговора, что представляется нам очень шаткой почвой. Универсализм инициации/контриниациации, подобный абсолютным категориям добра и зла, является креационистским элементом в традиционализме. Показательно, что для обозначения контриниациатических сил Р. Генон использовал исламский термин «авлийя эш-шайтан» – «святые Сатаны». Представители контриниациации, в его же версии, стоят и за всеми негативными явлениями и аспектами современного мира: деградация, материализация, исчезновение духовности.

Говоря об универсальных, подобно креационистскому абсолютизму, контриницииации и инициации, следует сделать важное уточнение смыслов и терминов. В данном вопросе в «классическом» традиционализме существует определенное смешение, о котором мы упоминали выше, соглашаясь с Домиником Веннером. Мы проводим фундаментальное различие между двумя метафизиками, двумя онтологиями: креационизмом и манифестационизмом. Так как языческие традиции изначально существуют в этно-религиозной связи, на что указывает и сам термин «язычество», то на них невозможно распространить универсальные категории. От народа к народу, от языка к языку, от традиции к традиции существует разнообразие форм, тонких нюансов и узоров Божественного *проявления*. В случае манифестационизма верным является представление об Едином Истоке, который манифестирует себя во множественных проявлениях, традициях-языках и народах. Соответственно, не приходится говорить об универсальной инициации и контриницииации. В каждом народе наличествуют свои ритуально-обрядовые формы посвящения, имена Богов, кастовые и сословные дробления со всеми наслоениями многих нюансов, делающих каждый народ неповторимым в своем пути. Но все они выражают единую Сакральную структуру, подробное описание которой дал Платон и его последователи. В общественном измерении эту структурную константу вскрыл и описал Ж. Дюмезиль. Там, где инициатический путь достигает своей кульминации, где заканчивается язык народа и традиция-язык, где наступает Божественное Безмолвие – о достижении этого состояния можно говорить как о *посвящении в Единое*. За пределами имен и форм, за рамками языков и выразимого. Это – верхний полюс Сакральной вертикали, оси мироздания, проявления которого мы видим в вертикальной (пирамидальной) иерархии, инициациях, патриархальном Логосе.

Онтология креационизма утверждает единственность (количественную) Творца и единичность его творения – мира и человека. Авраамические религии креационизма подчеркнуто не народные, не привязанные к этносу-носителю, к языку[67]. Народ Христа или Аллаха – это не конкретный этнос, это в первую очередь религиозная идентичность, независящая от этнической. Здесь полномочно говорить об *универсальности* авраамических норм для всего мира (всех, кто принял их как свою веру и символ). Относительно креационизма уместны универсальные категории

[67] За частичным исключением иудаизма, где существуют серьезные ограничения для принятия веры не евреями. Но принципиальная открытость наличествует.

добра и зла, Бога и Сатаны, их противостояния за душу человека. В этом кроется и концепция Р. Генона об универсальных силах контриницации. И наличествует смешение метафизик язычества и авраамизма, с обобщением инициации как общего и универсального явления.

Как мы уже указывали выше, универсализм является чертой креационизма, единство множества традиций в Высшем Божественном соответствует манифестационизму.

Представление об универсальной контриницации относительно языческих традиций разбивается уже о возможность множественных течений, путей и сословных, кастовых сект внутри одной традиции. Будет ли инициатический путь внутри одной секты контриницатическим, с точки зрения другой? Так как возможно почитание разных Богов одного пантеона, которые являются эманациями, ликами, Единого Божественного, то речь может идти только о разных формах и путях посвящения, например, разные покровительствующие сословиям Боги и связанные с ними культы. Более сложным вопросом является отношение одной традиции к другой, является ли чужая вера «достойной», либо нет? В древней Греции и Риме мы находим примеры, когда историки, путешественники и философы описывали традиции иных народов и находили аналогии в своей вере, сопоставляя, например, египетских и греческих Богов. Используя те же сословные характеристики, функции и атрибуты, признавая их достоинство как поклонение тем же Богам, но под другими именами. Утверждение об абсолютной контриницатичности иной традиции верно только в рамках креационизма: христианство отвергает иудаизм как ветхий и более не актуальный завет, и Мохаммеда как лже-пророка. Ислам, в свою очередь, признает подлинную инициатичность только за самим собой, считая иудаизм и христианство предшествующими, искаженными версиями, иудаизм и вовсе не признает Христа и Мохаммеда пророками, считая христианство и ислам сектами. Все три авраамические религии, в свою очередь, вовсе отрицают какую-либо инициатичность неавраамических традиций. В целом, эта ситуация является корнем сугубо креационистского феномена религиозных войн.

Ярким подтверждением тому являются следующие строки из Второзакония (13:6-10):

«6 Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, [сын отца твоего или] сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоем, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: "пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои",

7 богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, от одного края земли до другого,-

8 то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалей его и не прикрывай его,

9 но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа;

10 побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвратить тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;».

Языческие традиции постулируют принципиальную множественность путей, являющуюся качественной в силу многобожия: почитание и служение тому или иному Богу не является противоречием по отношению к другим Богам, а мнимая «контриницiатичность» наиболее ярко проявляется в случае почитания светлых Божеств-творителей и тёмных Божеств Смерти. Так, может *показаться*, что тантрики и агхори, медитируя на кладбищах и поедая сырое мясо, уходят далеко прочь от Божественной инициации, по сравнению с брахманами и кшатриями, но на самом деле это различие является грубой иллюзией. Русский философ-традиционалист А. Дугин, комментируя концепцию контриницiации применительно к авраамическим традициям, декларирует схожий взгляд на ереси:

«Чаще всего религиозные нонконформисты («еретики», «сатанисты» и т.д.) ищут тотальности сакрального опыта, которые не могут им предложить представители ортодоксии»[68].

Исходя из этого, можно заключить, что внутритрадиционные различия, течения и секты, понимаемые индусами без негатива, не являются контриницiатическими.

Более основательными явлениями, мешающими на инициатическом пути, являются слепое повторение (формализм) за учителем, гуру или копирование со смешением разнородных форм и практик; а также то, что называют следованием не своему пути. Перефразируя известное высказывание, то лучше плохо пройти свой [инициатический] путь, чем хорошо пройти по чужому. То есть, подражание романтически манящему, на уровне внешних форм, пути учителя или святого волхва, по сути, не приводит никуда и не дает ничего, кроме иллюзий. Совершая ошибки на своем пути, адепт стяжает свой опыт и своё становление. Проживая жизнь

[68] См. А. Дугин «Пути абсолюта», либо «Абсолютная Родина».

по чужим лекалам, адепт в некотором смысле, всегда остается перед вратами посвящения, так и не шагнув через их порог.

Неспособность удержать свои эмоции, страсти, западание в определенные состояния (депрессия, экзальтация, апатия) либо чрезмерное упоение новизной, внешним обликом, первичным изменением статуса и знания, наконец – властью. Все это является препятствием на инициатическом пути, но также может быть использовано как то, что должно преодолеть, сродни экзистенциальному испытанию. Как известно, первая ступень посвящения таит в себе большую опасность впасть в соблазн и иллюзию якобы всезнания, когда адепт, только увидевший первый луч, мнит себя самим светилом. Но эти размышления о контриниициации носят скорее личностный характер и могут быть приняты как довольно общие человеческие пороки и низкие начала, стремящие человека от Духа к материи.

Итак, поиск контриниициатического начала в традиции приводит нас к тому, что мешает, размывает и угрожает, переходя в атаки, Божественному миропорядку, священной иерархии, Богам и героям, царям и труженикам, Империям и общинам.

II.IX Триумф титанов

Говоря о противостоянии модерна и традиции, секулярного и священного, инициатического и контриниициатического, мы попадаем в ситуацию двойственности: есть *священное всё* и *несвященное всё*. Логика привативности, 1 и 0. Две картины мира, находящиеся в состоянии войны. Мы соотносим полюс священного с Божественным – с Олимпом, нордическим Асгардом, с интерпретацией всего мироздания, исходящей из этого топоса. Языка мифа более чем достаточно для описания всего цикла Времени и истории, *включая в себя и современные идеи, провозглашающие отказ от мифа и Божественного*. А значит, чтобы определить, *кто* или *что* выступает за маской современности, Нового времени, нам нужно пристально посмотреть на тех, кто всегда и везде является противниками Богов…

Речь идет о хтоническом начале, о богоборцах-титанах, чудищах угрожающих людям и космосу, которым противостоят Боги и герои. Титаны пытаются захватить Олимп в греческой мифологии. Сторукие гиганты, циклопы, змей Пифон и другие химерические звери выступают как зло и угроза всему живому и Сакральному. Говоря «небожественное»

мы имеем ввиду насыщенное своей особой жизнью и логикой, титаническое. С осторожностью, но мы даже можем предположить, что в рамках *их собственного мышления*, картины мира, Логоса, их взгляды носят *свою специфическую* Сакральную ценность.

Титаны преследуют и разрывают Бога Диониса. В скандинавской традиции Тор является вечным противником йотунов и турсов, а в эсхатологической битве на Идавелль поле Боги и люди сходятся с волком Фенриром, змеем Ёрмунгандом и мертвецами с Нагльфара, возглавляемыми освободившимся Локи. Фенрир проглатывает Одина, змей гибнет от орудия Тора, успев его смертельно отравить. Конец битве кладет древнейший огненный великан Муспельхейма Сурт, срубающий мировое дерево Иггдрасиль; священная иерархия рушится, Боги исчезают из мира.

В Индуизме Дэвам противостоят Асуры, воинственные демоны, подчас также имеющие смешанные с животными формы. Полчища ракшасов (нежити) угрожают человеку, который просит защиты от них у Богов.

Перун, как и многие славянские герои-богатыри, сражается со змием Горынычем, Лихом, разной нечистью и нежитью, чертями и бесами.

Противники людей, героев и Богов являются хтоническими порождениями, ведущими своё существование еще со времен космогонии. Они присутствуют в мифах, как относительно-нейтральные первосущества (Гея, Кронос, Имир), люди испытывают к ним уважительный трепет, как и перед любым древним и могущественным, нередко, присваивая им статус Бога. Так, одними из первых из предвечного Хаоса появляются земля-материя Гея, гиганты и титаны. Из бездны Гинунгагап первыми появляются миры инеистых великанов и огненных гигантов – Нифльхейм и Муспельхейм соответственно. Космогония в традициях описывается как расчленение одного из первых и мощнейших титанов, и сотворение из его останков мира. Северные Боги творят мир из тела Имира. Этот акт является утверждением Божественного порядка и доминирования Сакрального, выраженного в иерархии, где Боги занимают её вершину. Отныне мир упорядочен, утроен Божественными руками и их законами и впредь выстраивается согласно им. Оставшиеся титаны сброшены в Тартар, либо вытеснены на периферию космоса, в нижние и дальние миры. Чудища скованы либо повержены, прячутся от Божественного света в складках материи. Точнее, прятались, до сегодняшних дней.

В этом месте, которое требует от нас предельного внимания и напряжения, мы делаем в традиционализме шаг вперед. С точки зрения

ортодоксального «генонизма», возможно, он бы выглядел как шаг в сторону. Повторимся, что мы не умаляем заслуги и авторитет первых традиционалистов, но раскрываем заложенные ими направления.

Наш шаг заключается в утверждении, что представление о современности, о Модерне как об антитрадиционном, не мифологическом и не мифическом профанном мире является заблуждением. Мир никогда не прекращал развиваться по традиционным, мифическим лекалам и направлениям.

Когда мы характеризуем наше время как антитрадиционное, секулярное, где все архаическое преодолено как «детское заблуждение человечества», мы одновременно лишаем себя права называть эту эпоху в терминах традиции – Кали-Югой, Железным веком. Если же мы говорим о Модерне как о Кощном веке, эпохе свершения Рагнарёка, то мы даем ему традиционные характеристики и описание. Если вокруг нас Железный век, то никакой антитрадиционности нет. Мы внутри традиции здесь и сейчас. Всегда были в ней. Ситуация окружающего упадка полностью укладывается в традиционные эсхатологические пророчества. Метафизические законы, колесо кельтского креста, продолжают работать и вращаться. Мы в самом сердце ночи.

Мы живем в традиционном мире, где Боги удалились, сокрылись. Мы живем в традиционном мире, где титаны и хтонические материальные чудовища одерживают вверх в битве с Богами. Титаны, хтонь как Великая Мать, всегда антагонистичны к Богам. Это продолжение самой первой войны, в результате которой победившие Боги организовали пространство в упорядоченный космос. Греческая традиция дала название этой войне: Титаномахия.

Итак, мы можем посмотреть на традицию и современный мир не только через исторический взгляд деградации, постепенной смены разных веков во времени, но и посмотреть на него как на синхронность. Мы имеем дело не с циклическим и линейным временем Традиции и Модерна, но с вертикальным временем. В нем Золотое, Серебряное и Железное человечества существуют одновременно всегда. Они тесно переплетены, и сегодня доминирует Железное начало, а носители Золота Духа вытеснены на маргинальную периферию и единичны. Современный мир, являющийся успехом титанов в войне с Богами, имеет свои корни, и в сжатом состоянии есть и в Традиции. Это уже названные нами титаны и миры ада, железные леса, миры болот и забвения. Это многочисленные ведийские миры ада, Нарака. Это тянущийся в своем тягучем времени и

бессмысленности Хельхейм скандинавов, Тартар греков. В Золотом веке герои отправлялись туда за славой и битвами, в эти удаленные миры и страны, либо повергали на родной земле пришельцев оттуда. Это культы и секты Великой Матери материи, адепты титанических фигур. Натурфилософы, эпикурейцы и атомисты Демокрит и Ксенофан.

Демокрит развил учение атомистского материализма, заложив в его основу бытие неделимого атома, коих бесчисленное количество и пустоту между ними. Согласно легенде, Платон скупал все книги Демокрита и сжигал их. Ксенофан же подверг нападкам Гомера и Гесиода, призывая не уделять внимания титаномахии, а Богов представлял как плоды фантазии людей (чем сближался с Эвгемером). Началом всего Ксенофан полагал землю и воду – хтоническое и ипохтоническое начала.

В Чхандогья-упанишаде разница между восприятием высшего Брахмана и сложившимися культами дэвов и асуров описана очень наглядно, и мы приведем один отрывок:

«Седьмая глава

1. «Атман, который лишен зла, свободен от старости, от смерти, от печали, от голода, от жажды, чье желание – истина, чья воля – истина, – того [Атмана] надо искать, надо стремиться познать. Тот достигает и всех миров, и [исполнения] всех желаний, кто находит и познает этого Атмана», – так сказал Праджапати.

2. Боги и асуры, – и те и другие, – услышали это. И они сказали: «Что же! Давайте искать того Атмана, найдя которого достигают и всех миров, и [исполнения] всех желаний». И вот Индра выступил среди богов, Вирочана – среди асуров. Не зная друг о друге, они приблизились к Праджапати с топливом в руках.

3. Тридцать два года они жили [у него] в учениках. И Праджапати сказал им: «С каким желанием жили вы [здесь]?» Они сказали: «Атман, который лишен зла, свободен от старости, от смерти, от печали, от голода, от жажды, чье желание – истина, чья воля – истина, – того [Атмана] надо искать, надо стремиться познать. Тот достигает и всех миров, и [исполнения] всех желаний, кто находит и познает этого Атмана», – так наставляют слова почтенного. Стремясь к этому [Атману], мы жили [здесь]».

4. Праджапати сказал им: «Тот пуруша, который виден в глазу, – это Атман». И он сказал: «Это бессмертный, бесстрашный, это Брахман». –

«А тот, который виден в воде и в зеркале, – кто он такой, почтенный?» – «Он и виден во всем этом, – сказал [Праджапати].

Восьмая глава

1. – Посмотрите на себя в сосуд с водой и скажите мне о том, чего вы не обнаружите в себе». Они посмотрели в сосуд с водой. Праджапати сказал им: «Что вы видите?» Они сказали: «Мы целиком видим, почтенный, собственное отображение – от волос до ногтей».

2. Праджапати сказал им: «Разукрасьте себя получше, наденьте прекрасные одежды, нарядитесь и поглядите в сосуд с водой». Они разукрасились, надели прекрасные одежды, нарядились и поглядели в сосуд с водой. Праджапати сказал им: «Что вы видите?»

3. Они сказали: «Какие мы есть, почтенный, – разукрашенные, одетые в прекрасные одежды, наряженные, – таковы и эти [наши подобия]: разукрашенные, одетые в прекрасные одежды, наряженные». – «Это Атман, – сказал он, – это бессмертный, бесстрашный, это Брахман». И они удалились с успокоенным сердцем.

4. И, глядя им вслед, Праджапати сказал: «Они ушли, не постигнув и не найдя Атмана. Те, которые будут следовать этому учению, боги то или асуры, погибнут». И вот Вирочана с успокоенным сердцем пришел к асурам. Он передал им это учение: «Лишь тело следует здесь почитать, о теле следует заботиться. Почитающий здесь тело, заботящийся о теле достигает обоих миров – и этого и того».

5. Поэтому и по сей день о [человеке], не подающем [милостыни], неверующем, не совершающем жертвоприношений, говорят: «Увы, [он] – асура!», ибо это учение асуров. Тело умершего они покрывают тем, что получили в милостыню – одеждой, украшениями, ибо думают, что таким образом приобретут тот мир.

Девятая глава

1. Индра же, не дойдя до богов, усмотрел в этом [скрытую] опасность [и подумал]: «Ведь подобно тому, как этот [Атман] разукрашен, когда тело разукрашено; прекрасно одет, когда оно прекрасно одето; наряжен, когда оно наряжено – точно так же он слеп, когда оно слепо; хром, когда оно хромает; изувечен, когда оно изувечено. Он гибнет вслед за гибелью этого тела. Я не вижу в этом добра…»

Далее Чхандогья-упанишада повествует о возвращении Индры и постижении учения Праджапати о высшем Брахмане (пара-Брахман, Брахман ниргуна). А Асуры остаются удовлетворенными принесенным Вирочаной ответом и учением.

Сегодня эти мрачные миры и почитание тела распространились повсеместно, стали одним глобальным. Сжали пространство сетями транспорта и опутали его одной сетью своих интерпретаций, смыслов, исключающих своих заклятых врагов, Богов и их порядок, из легитимной картины мира. Святые титанов – ученые Просвещения. Кафедры физико-математических наук – алтари чудовищ, с которых Ёрмунганд брызжет яд. Известное противостояние науки Просвещения традиционным институтам является одним из ярких проявлений этой войны.

Но хтоническое начало Великой Матери, порождающей химер, чудовищ и титанов, многогранно и проявляется в самых разных, порою очень тонких формах. Окутывая, подменяя своими дублями и копиями то, что кажется Божественным и священным. Буквальное толкование мифов о пожирании Фенриром солнца как о событии, когда крупных физических размеров волк должен будет проглотить звезду-солнце, является одной из таких уловок, не позволяющей просвещенному обывателю даже усомниться в истинности её речей. «Ведь такого не бывает», скажет он. Таким образом, от мифа отсекаются нити-меридианы, ведущие к многим смыслам и интерпретациям высшего порядка. В этом легко разглядеть привативный строй современного языка.

Современное язычество больше сосредоточено на противостоянии формальным христианским институтам и культуре. Оно во многом существует в рамках этой двойственной логики, в то время как картина мира имеет более, чем два измерения. Язычество во многом игнорирует влияние Модерна на само себя и на то же христианство, ислам и креационизм вообще. Пропускает в себя тонкие, а далее и более явные, инфильтрации титанических начал и идей, которые в итоге подменяют образы и ориентиры в виде священных Богов. Картина мира сложнее, чем противостояние язычников христианам, чем противостояние религиозной и научной картины мира. Сосредоточение внимания только на этом фронте уводит нас от кукловода всей ситуации, побеждающего (но не победившего) титанического начала. Воистину, это один из прекрасных приемов войны, которая согласно Гераклиту является отцом всех вещей, натравить своего противника на другого, отведя от себя внимание.

Мы сталкиваемся с двумя языками описания реальности, абсолютно всеобъемлющими все мироздание и дающими пояснения и интерпретации всем явлениям и вещам во все времена и во всех краях света.

Первый язык – это олимпийский Божественный язык, язык Сакрального. Язык нордических Богов Асгарда, язык арийских Дэвов Индии. Его мироописание каждый народ раскрывает в своих традициях: языке, эпосах, преданиях, культуре. Структурно мы дали сжатое описание этого языка в предыдущих главах. В отношении современности этот язык описывает её как атакующих монстров, нижние мрачные меланхоличные миры, миры, где правят йотуны и Асуры, где живут аптанги и ракшасы, мёртвые. Это океанические бездны, подземелья и хтонические плотные слои материи. Это Lokasenna, атака титана Локи на всех Богов. Он подвергает сомнению их благость и статус. Как позже это сделают ученые мужи Нового времени, положив принцип сомнения в основу познания.

Второй язык – язык самой материи, Великой Матери и её порождений. В нем Небу, Богам и всему их порядку, всему, что они облагораживают своим светом, присваиваются негативные описания. Титаны не забывают и не прощают своего свержения в Тартар, ненавидя и желая мести Богам. Их язык – язык строгих тождеств, лишенный Сакральных высших измерений. Такой язык возникает в Новое время и становится языком науки и светской культуры. Атомарный факт Витгенштейна, привативность единицы или нуля. Вытеснение, осмеяние и забвение религиозности как маргинальной и наивной, детской, ненаучной картины мира. Глядя на небо, посвященный в Божественное человек увидит синий плащ Бога Одина, в котором сияют отверстия-звезды. Глядя на дерево, он увидит сам Иггдрасиль, само мироздание, космос и себя. Человек, посвященный в науку, в материализм, глядя на небо вспомнит, что наука просветила его в том, что небо синее в силу преломления света в атмосфере и специфике восприятия волн сетчаткой глаза. Плаща Одина он не увидит.

Эти два языка антагонистичны. В каждом из них присутствует в сжатом состоянии другой, облеченный в соответствующие смыслы. Каждому врагу в противоположном языке отказывается в собственной логике и мышлении.

Для людей, героев и Богов материя – это то, что должно преобразить с помощью Сакральных образцов, идей и предать ей форму. Боги даруют людям инструменты, обучают собирательскому, пахарскому, охотничьему, кузнечному, гончарному, родительскому, воинскому, артизанскому и другим делам. С точки зрения Богов земля – это поле, которое должно

возделать, дабы оно дало плоды. Земля дает плоды от Божественного семени, таким образом, венчается их союз, отраженный в Богах Неба и Земли, дарующих плодородие от земли и от неба.

Для Великой Материи и её детей Божественное вмешательство есть боль, вторжение, узурпация и низвержение. Они нарушают её самодостаточный сон, её забвение, и она вступает с ними в противостояние. Боги разрывают её детей и устанавливают порядок, творя мир из их останков.

Сакральный взгляд на историю открывает нам падение в Железный век, умаление Божественного присутствия, нарушение священной иерархии, размытие сословий и их взаимоотношений, забвение традиций и обычаев, проблематизацию посвящения, профанацию доктрин. Хтонический взгляд открывает нам триумф прогресса, развития, расширения завоеванных титанами пространств, загустения времени. То есть возвращения к покою, монотонности, отсутствию подлинных событий, лишь мягкое повторение одного и того же, «сегодня, продленное в завтра». Эволюция, прогресс, развитие наконец-то отбросили ненужные, архаические представления о «каких-то богах», теперь просвещенный и освобожденный от «диктатуры» традиционных норм человек может делать что угодно. Играть в религиозные *игрушки*, изучать строение атома или ходить в кино. Всеобщее равенство, права и возможности. И он набивает своей желудок и засыпает перед телевизором. Великая Мать поглощает его в своей утробе материальности.

Языческое мировоззрение, языческая философия в современную эпоху оказывается подвержена многим ударам и инфильтрациям со стороны традиций креационизма, и еще более уязвимы – и уязвлены – влияниями титанического начала. Хтоническое начало конструирует для каждого сословия свои наборы иллюзий, особым образом размывает свойственные их природе и должному направления и духовный путь в жизни.

Поэтому расхожее мнение, что конфликт современной, условно физической, научной, механической картины и мира и религиозной, выраженной в традиции креационизма, и наиболее ярко в лице европейского христианства, не касается язычников – является неверным. Более того, допущение, что можно поддержать науку в развенчании христианства и его власти является одним из больших заблуждений, с точки зрения языческой мысли. Науке, понимаемой нами в изложении Модерна, нет разницы между Богами манифестационизма или Богом креационизма. Наука – как инструмент, одно из оружий титанов –

направлено против любой иерархии и Божественности. Принципы физики, математики, позитивной рациональной науки переносятся и в сферу гуманитарных и социальных наук, в идеологию и политику, заражая активные сословия помощников (Платон), воинов и героев, пассионарных людей, реализующих свою природу властителей.

Другое орудие размывает традиционные институты, выхолащивая из традиций Сакральную глубину, занимая оставленный трон верховного Бога, выдавая себя за него. Хтоническое начало может порождать даже религиозные формы. В древности мы находим их в подавленных культах Великой Матери (не путать с Матерью-Землей, *Богиней* плодородия), культах титанов, скопцов Гекаты-Кибелы и др. Это направление еще требует аккуратного и рискованного погружения[69]. Сегодня религиозные игрушки титанов легкие, не глубокие, смешанные из самых разных частей (синкретизм), soft-theology. Религии New-Age, дешевый спиритуализм и развлечение. «Традиция» становится одним из товаров для потребления.

Инфильтрации затрагивают и пуризм языка. Сохраняя свой язык максимально чистым, делая перевод заимствованных слов и новых терминов, используя аналогии из родного языка и культуры, тонкая подмена ценностей и мировоззрения вскрывается тем, из какой области выбираются аналогии для нового слова. Переводя термин «Интернет» как «Нити», которые помогали героям найти дорогу или выход, мы видим наделение нового слова позитивными коннотациями, связанными с героическими мифами. В то время, как его следовало бы облечь в демонические тона. Использование техники – это чистая черная магия, обманывающие дары подземных двергов и свартальвов, которые следует использовать при всем комплексе обережной магии и словесных определений через демоническое начало. Таким образом, ценность языкового пуризма может быть поставлена под вопрос, если не обращать внимание на важность негативного толкования переводов новых терминов, а слепо калькировать слова.

Может показаться, что столь строгое и радикальное очерчивание дихотомии Божественного и Титанического – черта иной метафизики креационистского толка, что является заблуждением. Война всегда требует жесткости и решительных стратегий. Даже отсутствие абсолютных, и тем более моральных, категорий добра и зла, не снимает накала битв, необходимости исполнения судьбы и должного.

---

[69] Фундаментальное рассмотрение титанического начала от древности до современной эпохи приводит А. Дугин в пяти томах «Ноомахии».

В мифологической картине мира наличествуют два лагеря, каждый из которого обладает своей онтологией, метафизической или строго физико-математической. В мифе первая является нормативной, а второй отказывается даже в возможности своего выражения. Когда Боги смотрят на материю, они видят лишь материю, платоновскую «хору». Вместе с онтологией утверждаются и два языка мироописания. Язык мифа инклюзивен, включает в себя титаническое, называя его именно таким – титаническим, хтоническим. Опасным врагом. Язык титанов в своем модернистском апогее заявляет о своей эксклюзивности, исключительности. Он говорит, что он не титаничен, ибо «больше нет ни Богов ни титанов – это пережиток детства человечества». Он скрывает, и одновременно им же, привативным строем, выражает свое начало. Сакральная карта времени показывает: «дальше только хуже». Титаническое линейное время успокаивает: «дальше только лучше, развитее». Язык титанов, их логика, ценности, их – не побоимся этого слова – философия, раскрываются в последние века Гесиода. Врата Тартара распахнуты, отныне он везде.

Модерн и креационизм можно встроить в языческое мировоззрение. Языком язычества, языческих традиций можно описать нашу реальность и историю, как продолжающуюся битву, титаномахию. Языком язычества можно описать все теории Модерна, как черные чудеса и подземные дары. Модерн в свою очередь, утверждает, что языком традиции невозможно описать его социальный, биологический, научно-технический прогресс. Модерн постулирует тотальную эксклюзивность своего языка; гносеологичесикй расизм и привативность только своей точки зрения. Согласно бинарности 1 и 0, титаническое начало отказывает в бытии Божественному измерению. Оно «топит» его в ничто. Как писал Ницше: «Пустыня растет, горе тому, кто несет в себе пустыню», говоря о европейском нигилизме, сметающем всё традиционное и подводящем всё под ноль, Ничто.

Рассмотрению различных аспектов, связанных с влиянием Модерна на язычество, влиянием Модерна на креационизм, отношениям между манифестационизмом и креационизмом в этой вскрывшейся оптике, мы посвятим наши следующие главы. Аккуратно, но строго распутывая хитросплетение идей, метафизик, влияний, очищая языческую основу – Суть – и более четко определяя её перспективы. Далее, говоря о Новом времени, «антитрадиционности», контриницатичности (или о «посвящении» в культы материи, через отказ от Божественного) мы будем

подразумевать как само собой разумеющееся, что мы живем в Традиции здесь и сейчас, и полноценно проживаем её эсхатологию. Участвуем в ней.

Необходимо мыслить традиционализм и современность в иной перспективе Не в диахроническом виде, предполагающем, что Традиция *была*, в рамках неё произошел её же Рагнарёк, а после настало Новое время, в котором нет ни Богов, ни титанов. А в синхроничном виде, где Рагнарёк свершается здесь и сейчас. Вскрыть, что явления современности – есть новое обличие титанов, йотунов, асуров.

В связи с этим, мы считаем, что прозрение о том, что сегодня мы живем именно в такую, описанную нами эпоху и ситуацию, является, несомненно, важным и обязательным шагом, который *должен* совершить язычник, ищущий и взыскующий Божественного в наши дни.

III
Язычество и Модерн

Вставая на сторону вечного, вне Времени, Божественного начала, утверждая героический тип в эпоху Модерна, не остается иного, как декларировать и вести войну. В непростых и запутанных условиях, когда противник силен, хитер, неблагороден и, на первый взгляд, находится везде и нигде. Но будем помнить, что Боги всегда побеждают титанов, герои стяжают славу и находят бессмертие.

Поэтому необходимо смело противопоставлять высокую древность низкой современности, свершая *должное*.

III.I Дхарма и должное

Представление о *должном* является одним из базовых, вечных и утверждающих священную иерархию и порядок, началом. Традиции креационизма опираются на мораль как на связующий, сцепляющий людей компонент. Страх перед посмертным наказанием, общественное порицание за греховность и необходимость страдания и покаяния являются истоками морали. Максимальное выражение этот принцип нашел в католическом утверждении о наследовании первогреха Евы и Адама, делая любого человека априори несущим первородный грех по родству от первых людей.

Язычество строится не на моральном страхе, являясь принципиально чистым и невинным, а на естественном Божественном порядке. Сакральная иерархия, на уровне общины и государства, выражается в пирамиде сословий, на уровне самих сословий, а через него в каждом человеке, выражается в должном поведении. Человек – это не индивидуум, это сословие и каста, это его внутренняя глубинная природа. Золото, серебро или железо его души. Следование сословному и кастовому должному скрепляет, поддерживает все тело общества (тело Брахмы) и мироздание. Именно как «поддерживать» переводится индийское слово «дхар», образующее термин Дхарма – общий закон бытия, долг и нравственные устои. В этой трактовке прослеживается развертывание Дхармы для трех сословий: как главный для всех живых существ закон бытия, Сакральный Закон Богов; как долг сродни воинскому служению и воле; как

нравственный закон для широких слоев общества. Санатана Дхарма – самоименование Индуизма в Индии.

В русском Родноверии аналогом Дхармы является представление о Ладе. Лад, как присутствующий во всем порядок Рода, является ориентиром для язычников. Жизнью в Ладу с природой, общиной, родом и самим собой достигается Лад в душе и в мире. К нему этимологически возводят слова: наладить, уладить, ладно, складно и др. Волхв Велимир предлагает иное обозначение лада – термин Дарна. Термин дарна заимствуется им из литовского современного язычества, общины Ромува во главе с Й. Трискунасом (1939-2014гг.). Й. Трискунас признает заимствование дарны от индуистской Дхармы, обосновывая это тем, что представление об универсальном законе мироздания, поддерживающем мир и порядок, является общим для индоевропейских традиций. В видении Велимира дарна получает дополнения в виде ритуальных практик, социальных и этических, нравственных измерений. Но в целом не находит широкого распространения в языческой среде[70].

В Одинизме близким аналогом Дхармы является Вирд – высшее предназначение и судьба. Другим близким словом является Рок, так же близкое по значению к судьбе. Его мы встречаем в составе слова Ragnarokr – Судьба Богов (Владык). Здесь мы встречаем тесное сплетение Божественного порядка, должного и судьбы. Языческое понимание судьбы не является трагически и пессимистично понимаемой тотальной предопределенностью, сродни физическому детерминизму материальных законов. Фактически реализация своей собственной природы – это следование Дхарме, Ладу, Вирду или Року. Это и есть судьба – осознание природы своего пути, его милевых столбов, путь между которыми человек проходит самостоятельно[71].

Как мы уже упоминали выше, следование своему пути, своей природе – соблюдение Дхармы, должного – есть высшее благо, честь и доблесть, залог духовного продвижения. Лучше плохо пройти свой путь, чем хорошо чужой. В эпосе «Беовульф» слияние должного и судьбы находит свою кульминацию в максиме: «Судьба свершается, как должно».

---

[70] Дарна в версии Велимира признается его общиной «Коляда вятичей» и Кругом Языческой Традиции (КЯТ), которые находятся ближе к периферии языческой философии и жизни в современной России. Подробнее см. также Р. Шиженский «Почвенник от язычества».

[71] См. брошюру ССО СРВ «Славянская Родная Вера», 2013г. В ней незыблемые законы Рода именуются как Правь.

Несоблюдение должного, Дхармы[72], называется адхармой, ведущей к авидье – неведению, заблуждению. В Деви-Махатмье[73] Калика призывает Рактабиджу оставить разговоры, неподобающие воину, и исполнить свою Дхарму – вступить с ней в поединок и умереть. Верность своей природе есть латинское semper fidelis – «всегда верен», ср. инд. бхакти – преданность Божественному в разных формах. Божество есть высшее начало сословия, Боги жрецов, Боги воинов, Боги земледельцев, ремесленников являются теологическим выражением должного, внутренней природой человека. Вышеизложенные положения находят свое проявление и в древних истинах suum cuique и nosce te ipsum – «каждому своё» и «познай себя» соответственно.

Дхарма в Кали-Югу

В общих чертах мы уже давали описание представлений о должном для каждого сословия. Так, ремесленники, земледельцы, производители более акцентированы на семье, роде, продолжении жизни в роду, земледельчестве или ремесленничестве. Широкий род, семья, более устойчив и гарантирует выживание. Их магия носит преимущественно заговорный, обережный и просящий благ, урожая и здоровья характер.

Воинская доблесть, fides, состоит в делах власти, войны, царствования и героизма. Отношения к роду рассматриваются как династические, определяемые должной честью и достоинством будущих сыновей к имени отца, как самого отца к Богу. Ценность жизни определяется смертью в бою, против смерти «на сене», которая не страшит земледельцев. Третьи могут считать, что вторые в войнах защищают простой люд, народ. Вторые же в первую очередь в войнах, наступающих и оборонительных, утверждают свой суверен, свою волю и установленный в обществе и границах государства порядок. Долг воина – быть воином. Не защищать строго одни заповеди, видеть мир в свете морального дуализма, а именно следовать своей природе. Так, воины с обеих сторон поля боя, равно исполняют свою Дхарму воинов. Ни одна из сторон при этом не является морально-злой или не исполняющей должное.

Жреческое nosce te ipsum, высеченное на фронтоне Дельфийского оракула, максимально выражает должное этого сословия. Познание себя

[72] Термин «дхарма» сменяет в индийской философии более ранний термин «рита», со сходным значением.

[73] См. «Деви-Махатмья».

как Божества есть внутреннее делание. Его внешнее проявление – исполнение жреческих функций, наставление и поучение, общение с Божественным. Свершение космического мифа совместно со всеми остальными частями, образующими единое целое тело Брахмы. Передача света (порядка) от Богов людям.

Объединяющим сословия мотивом мы видим следование за Божественным, строгое принятие этой стороны. В разных сословиях преданность Божественным формам (бхакти) находит свои различные выражения, которые необходимо рассматривать не как сумму трех начал, как части, а как единое выраженное во многом.

В отношении Модерна Дхарма земледельца, воина, волхва выражается кратко: fidelis est Deus. Что можно толковать в общем высоком смысле как последовательное и безапелляционное отстаивание Сакральной картины мира против её профанаций и отрицания. На сословном уровне – это следование Богу-архетипу (ср. Ж. Дюмезилю), природе и Вирду сословия. Жить, максимально соответствуя Ладу.

«Я бы призвал товарищей язычников и традиционалистов распознать истинно Радикальный характер нашего пути. Быть «язычником-по-выходным» – этого недостаточно, мы должны преобразовать всю нашу жизнь, детально, каждую минуту.

Мы должны ограничить воздействие на нас негативного влияния фундаментализма, монотеизма и материализма, перепрограммировать себя, чтобы стать истинным язычником» – Вульф Гримссон[74].

На практическом уровне применительно к любой языческой общине или организации, существующей сегодня, это означает обязательное соблюдение в рамках общины сословного деления и почитания иерархии. Малое отражает большее, в данном случае архетип. В такой оптике, например, практика демократического управления на основе равного голосования всех членов общины является глубинным самопротиворечием. Так как община должна являться, либо стремиться к такому, единому организму (ср. Брахме), то его части должны следовать своей природе и соподчиняться иерархически. Особо отметим, что данный подход не является апологией тирании или диктатуры, о чем мы еще непременно скажем далее. Верность Божественному, природе сословия и выражающему её Богу-архетипу является залогом здравой организации. Когда глава, человек кшатрийской либо брахманической природы, возглавляет и ведет сообщество к поставленной цели. В таком случае

[74] Интервью с Вульфом Гримссоном, 2013г.

претензии ремесленников, людей третьего сословия, на обязательный учет их мнения (под которым они подразумевают, что их мнение и должно быть реализовано) становится безосновательными. Воля высших сословий исключает диктатуру меньшинства, чем и является демократия в общинах.

III.II Модерн и сословия

Продолжая рассмотрение истории как деградации эпох и, соответственно им, сословий, остановимся подробнее на сословном основании Модерна. Выше мы уже говорили, что в процессе регрессии от Золотого века к современности, в Бронзовом веке доминантной является третье сословие, состоящее из земледельцев, ремесленников и к которым мы отнесли представителей торговцев. При анализе индоевропейской сословной системы мы можем выделить, что торговцы, как особый тип людей, принадлежит к семитскому ареалу обитания и является пришлым элементом в индоевропейских народах. Как пришлый и не принадлежащий сословию воинов или жрецов элемент, он был встроен в самый низ иерархии, будучи маргинальным даже в рамках третьего сословия производителей. Не оформленные как полноценное сословие или внутрисословная каста, торговцы представляли из себя подобия «профессиональных» анклавов, с этнической спецификой. Ярким примером такой организации и инкорпорации в индоевропейскую систему, на протяжении всей истории, являются общины иудеев. Сопровождающая их на протяжении всей истории нетерпимость берет корни из их фундаментальной чуждости индоевропейской структуре общества. Историческим примером жесткой конфронтации торговой цивилизации с сословной, индоевропейской являются Пунические войны Карфагена с Римом соответственно. Исходом трех войн было уничтожение Каргфагена с лица земли и проклятие места, где он стоял. Как того требовал известный римский политик из плебса, Марк Порций Катон Старший, Карфаген был разрушен.

Но с ростом городов и постепенным разложением высших сословий в эпоху Просвещения, разрозненные и неоформленные в сословия группы торговцев, прислуги аристократических слоев начинают формировать принципиально новую идентичность – городскую буржуазию.

В «Государстве» Платон выделяет особый тип правления – «тимократию», когда [уже разложившиеся] воины начинают вести себя как торговцы. В этом мы видим смешения истока и природы власти к

торговому денежному началу, к олигархии. Окончательно буржуазия формируется в Европе в Новое время, что приводит к серии буржуазных революций и свержению монархий, к установлению новой общественной формации, в основание которой закладываются секулярные просвещенческие концепции выбора из равных (Локк). В буржуазных революциях свергается сакрально-сословная иерархия (насколько качественной она была к тому моменту тоже представляет вопрос) и устанавливается позитивистское представление об обществе как о сумме отдельных равных индивидуумов. Вертикаль упраздняется в пользу горизонтали.

Юлиус Эвола характеризовал это изменение как приход к власти разнузданных шудр, которые в перспективе открывают врата для прихода к освобождению и власти бессословных элементов: парий, чандал, изгоев аварна.

Атака буржуазии направлена на все три сословия и является принципиально антисословной, а не критикой конкретного временного упадка в защиту сословного идеала. Иначе говоря, что мы уже неоднократно подчеркивали, тот факт что острие модернистской критики было направлено против христианства, это не стоит рассматривать как апологию языческих ценностей. Мы не будем гадать, какие формы критики могли бы быть, окажись на месте католицизма в Европе язычество, лишь подчеркнем, что она носит принципиально анти-сакральный характер, независимо от традиции и метафизики.

Против жречества устанавливаются секулярные ценности автономной морали и научный атеизм как форма познания (Бритва Оккама). Церковь лишается властных полномочий.

От феодальной аристократии воинства требуют отказа от привилегий, побора законных налогов с крестьянства.

Крестьянство, с точки зрения просвещенной буржуазии, является «невеждами» сродни канавной грязи, которые верят «в религиозные пережитки» и неспособны принять свет научных фактов. Вспомним, что несмотря на активную христианизацию элит, крестьянство дольше всего сохраняло двоеверие – особый сплав языческой и христианской культуры.

Сословия, в свою очередь уже отмеченные вырождением и принятием авраамической традиции, делают шаг навстречу, предавая здоровое следование своей природе. В среду христианских клириков медленно, но проникают ядовитые идеи Просвещения. Католическая и Православные Церкви склоняются под власть просвещенных монархов. В Российской

Империи радикальный поворот в сторону запада, определивший судьбу России вплоть до революции 1917 года, совершает Петр I. Упраздняя патриаршество, он подчиняет церковь государству, создавая священный Синод. В Европе доминирование папской власти падает вместе с монархиями. Власть воинской аристократии подвергается ударам вместе с монархами, так как существует с ними нераздельно. Император – верховный главнокомандующий. В России царь и его окружение – это генералы и адмиралы. Петр I подрывает определенную закрытость сословий, выражающуюся в династической форме передачи принадлежности к ней, введением табеля о рангах, с изменениями просуществовавшего до 1917 г. Преследуя цель «… тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получать», то есть дать возможность талантам из низов выйти «в люди» и получить вход в высшее потомственное дворянство. Разумеется, такая инициатива со временем обернулась вторжением в верха представителей низов, среди которых, в порядке исключения признаем, были и выдающиеся честные представители своей природы.

Третье сословие дольше всех сохраняло языческие реликты, донеся их до современной эпохи, вплетенными в контекст христианства и мощно его аффектируя. Но, вне сословной иерархии, оно распадается и находит новое выражение в такой же искусственной формации, как пролетариат.

Пролетариат является концентрированным хтоническим классовым конструктом Модерна. Третье сословие земледельцев является нижней границей сословного общества, черпающее свое бытие в органическом целом (теле Брахмы), частью которого оно является и одновременно из Бога-покровителя сословия. Пролетариат представляет собой искусственно собранную общность освобожденных от Божественного и холистского измерения свободных работников, устраивающихся на работу по найму. Пролетарий ниже третьего сословия, это конфигурация маргинальных и раздробленных элементов. Этот класс оторван от земли и «прикован» к станку и производству через технику, т.е. к тому, что в мифической картине мира не описано ни коим образом. Языческая древность не знала станков, конвейра, ГЭС и т.п. Ближайший известный образ – фигура кузнеца, традиционно относившаяся к пограничной с нижними мирами зоне. Кузница располагалась в отдалении от села, а добыча металла связана со спуском под землю, тяжелым физическим трудом, в ходе которого – с помощью инструментов и обучению от Богов – из бесформенной материи создаются воплощения идей, вещи. Пролетарий –

это шаг от вдохновленного Богами кузнеца к бездушному оператору станка, токарю однотипных механических деталей по типовому точному чертежу, который не означает ничего, кроме заданных размеров. Выковывая меч, кузнец совершает акт демиурги, он преображает материю, создает оружие воину – связующий акт между сословиями. Сам меч является не просто обработанным металлом. Он уникален. В нем раскрываются мифы, легенды, сказы и поверия, связанные с этим Сакральным орудием войны. От родовых и народных историй о героях и битвах, до самой финальной битвы Богов с чудищами. Выковывая меч, кузнец участвует во всепорождающей войне (Гераклит). Поэтому создание изделия сопровождается чтением заговоров, наговоров, исполнением ритуалов и хвалений, и производители были допущены к чтению священных текстов.

О различии художника и ремесленника Евгений Головин писал следующее:

«Я уже говорил, что греки очень мало обращали внимания на материю. Они обращали на нее, конечно, какое-то внимание, но далеко не такое, которое обращается сейчас. Это делалось потому, что античный мир невероятно формален. Форма — главное, материя — ничто. Если художник, например, нашел абрис, силуэт амфоры, он тут же назывался великим художником, он мог идею вообще не воплощать в работу или еще во что-нибудь. Если скульптор говорил: «я вижу статую Зевса такой-то», и набрасывал несколько линий в воздухе или на песке, то он уже считался великим скульптором, люди ему говорили: «да, ты нашел то очертание бога, которое подсказывает душа». И уже какие-то другие люди делали скульптуру, амфоры, и они уже не считались художниками, они считались ремесленниками, то есть, в античном мире художник и ремесленник никогда не совпадали. Живописец не давал себе труда брать кисти и рисовать полотно. Он просто говорил: «Я хочу вот что сделать, таков мой замысел». «И если ты дурак, — говорил он ремесленнику, — если ты не очень понимаешь, тогда дай мне стилус, дай мне кисть...» И он очень небрежно что-то показывал: «вот это надо сделать так, это — так (все это чертилось в воздухе), это — сяк». И ремесленник или поэт, как его называли (потому что «поэт» по-гречески — «деловой человек», «поэтэ» — это «то, что делается», «дело», «ремесло»), схватывал эти указания на лету... Такой вот «поэт» брал кисть, материалы, собирал таких же молодцов, как он, и тогда они уже это воплощали. Поэтому, когда говорится «ах, статуя Фидия, ах, статуя того-то и того-то», то

нужно обязательно учитывать, что это, собственно говоря, замысел Фидия или замысел архитектора Парфенона. Эти люди не играли в строительстве, в конкретизации никакой роли. Это презрение к материи у творческих людей доходило до того, что даже великий инженер и изобретатель Дедал никогда сам ничего не строил — ни лабиринтов, ни крыльев Икару. Это все просто делалось по его планам, по его указаниям. Более ничего, потому что считалось, что такие люди близки к богам, и они никогда не могут унижаться до работы с материей. Вот что такое материя в античном мире»[75].

Иная ситуация с пролетарием-токарем (столяром, маляром, электриком, строителем и т.д.), который получает в руки болванку металла и вытачивает из нее четкую деталь по чертежу. Эта деталь конвеерная, идентичная предыдущей и последующей. Она четко совпадает с размерами чертежа, который является чистой профанацией знания, инженерно-математическим расчетом. Она не вызывает никаких ассоциативных рядов. Ведь настоящее – это неточное, неровное, имеющие следы человечкской руки мастера изделие. Но пока токарь вращает деталь и настраивает лезвие, он может ни о чем не думать (мысли о миллиметрах и попадании в размер не имеют никакого серьезного измерения вообще). Поточность создания разных однотипных деталей не подразумевает, что пролетарий участвует в чем-то большем, чем процесс производства и выполнения плана. Окруженный материей, сконфигурированной по лекалам физики, инженерии, электрики, он производит такую же материю, заданную теми же лекалами. Апогеем такого производства является создание станков, используя такие же станки. Чистое умножение материи, лишенное духа, Сакрального измерения и связи с другими сословиями – классами.

Если буржуазия складывается из пришлых инородных элементов, а также из возвысившихся простолюдинов, обслуги воинов и горожан, то есть в некоторой форме все еще сохраняет представления о должном, пусть и в виде пустого сосуда вина, в котором еще остался *аромат*, то пролетариат складывается из развалившегося – *провалившегося* – третьего сословия, пришлых инородцев, рабов, шудр и т.д. Исходя из того, что с падением в Железный век материальность нарастает, и вытесняет духовность, количественное вытесняет качественное, мы можем увидеть, что в описанной Марксом философии цепь революций несет с каждым новым витком все больше освобождения от духовного (Сакрального) в пользу материального. Когда складывается городская буржуазия,

[75] См. Головин Е. «Дионис-2».

свершаются буржуазные революции, уничтожающие ещё воспроизводящуюся сословную иерархию. Ярчайший примером является казнь Людовика XVI, несмотря на то, что он изначально пошел на значительные уступки и отказался от многих атрибутов высшего сословия. После буржуазной революции, по Марксу, должна следовать революция пролетариата. Пролетарий восстает против буржуа потому, что буржуа *недостаточно* материален, по сравнению с пролетарием. В нем еще есть аромат аристократизма, он умнее, образованнее, у него есть манеры и родословная.

Эпоха Модерна, буржуазных гениев Просвещения и пролетарских масс, проходит под фасцинативной властью титана Прометея. Никогда доселе фигура этого гиганта не приковывала к себе столь много внимания и не становилась образцом и ориентиром. Модерн – время Прометея раскованного.

Немецкие консерваторы, братья Фридрих и Эрнст Юнгеры, рассматривая современность как проявление титанического начала, указывали на следующие характеристики титанизма[76]:

«Титанизм заявляет о себе там, где жизнь понимается как только трудовая, а мир – как мир труда.

…

Титанам не нужны молитвы, им поклоняются через осуществление трудовой деятельности».

Прометей является потомком Иапета и братом титана Атласа, которые были в авангарде титаномахии. Следовательно, он наследует их логику, их природу и стремление утвердить свою власть. Гесиод описывает творение Прометеем людей из глины, а Афина и Зевс наделяют их душой и Духом. В этом мы видим одушевление и одухотворение чисто материальных произведений титана, людей особой природы красной глины. В стерильном виде человечество, созданное Прометеем, является бездуховным и насквозь материальным.

Прометей – фигура особая, он в некотором роде выше других титанов. Он ближе к Богам Олимпа, выступает на их стороне в титаномахии, а также к человеку. Но одновременно он не является ни Богом, ни человеком. Прометей становится причиной отдаления Богов от людей, а в финале – причиной наказания людей Богами и причиной современного упадка. Первый обман Зевса Прометей совершает в Меконе, совершая с людьми первое жертвоприношение быка, но подменяет разные части

[76] См. Фридрих Юнгер «Греческие мифы».

жертвенного животного, в результате чего Зевс выбирает худшую часть жертвы – кости, вместо мяса. За это Зевс лишает людей огня. Хитрый Прометей похищает огонь, и возвращает его людям. В отместку Зевс посылает на землю Пандору – «красивое зло» – на которой женился простак Эпиметей. Открыв свой ящик, Пандора выпустила в мир все существующие в нем несчастья.

Но главную подмену совершил ещё Прометей, «вернув» вместо Огня Духа, пылающего в Сердце человека, простой свет, лампу накаливания, выдав её за искомый огонь. Вместо того чтобы возжечь огонь изнутри себя, вернуться к своей Божественной природе, которая всегда пребывает в человеке, люди обманываются мнимым материальным светом. В таком духовном ключе следует понимать миф об изъятии Огня Зевсом и его подмене Прометеем, а также уже приводимую нами фразу Гераклита, о возжжении человеком Огня в ночи.

Уже в Греции мы встретим *сторонников* Прометея, в частности Эсхила, который видел историю не как деградацию, но как *восхождение*. Эсхил воспевает Прометея как дарителя огня, тепла и света, защищающего людей от ревнивого тирана Зевса. Так как титан был близок к человеку (к тому человечеству, которое он создал) и он приняло его дары, это создало угрозу Сакральности Олимпа, и Зевс принимает решение смыть эту генерацию людей потопом, что и совершает. Это можно рассмотреть как стирание потенциального древнего прото-пролетариата, безбожного народа глины. Но Зевс как отец и благой, строгий, но справедливый Бог, принимает в дар жертву Девкалиона, единственного выжившего после потопа. Девкалион творит жертву согласно тому, как её творил его отец Прометей. В других источниках (Эсхил) упоминается, что Зевс также простил и Прометея с титанами.

Но большее распространение и внимание получила версия, в которой Прометей в наказание приковывается цепями к горам Кавказа, и орел ежедневно поедает его бессмертную печень. Данный сюжет, в сознании современного человека, должен подчеркивать деспотию и насилие, исходящие от Богов. Освобождает Прометея Геракл, желая таким образом показать своё могущество (типичный поступок героя, утверждающего свою волю), он же, согласно Гесиоду, убеждает Зевса унять свой гнев.

Сходную картину мы можем наблюдать в скандинавской мифологии с фигурой Локи, рожденного от йотуна Фарбути. По ряду версий, Локи участвует в творении людей, выступая в троице Один-Хенир-Лодур под именем Лодур, и дарует человеку тепло, человеческие чувства и страсти.

Он принят в семью Богов и частого соучастника походов Тора, но предавшего асов после ряда неприятностей, причиной которых он был. Локи также был, в наказание, прикован к камню и подвергался пытке животным – змеей, которая окропляла ядом его лицо.

Прометей является культовой фигурой для мыслителей Нового времени, он становится героем времени. Он фасцинировал Наполеона, Маркса, Фрейда, Байрона, Уилсона, который мыслил его как фигуру радикального освобождения. Восстание против Богов созвучно научным открытиям, «обнаруживающим» секулярные законы физического мира. Прометей – носитель света разума (ratio), цивилизации, он – это прогресс. Титан-обманщик, по О. Шпенглеру, раскрепощает технику и отменяет чувство меры. Дары Прометея в эпоху Модерна – это конвейр Форда, искусственный свет Эдисона. В Новое время дети укравшего огонь создают идеальное человечество своего отца – бездуховное материальное общество. Раскованный титан – ракрепощенный человек, предоставленный самому себе индивидуум. Показательно, что в Нью-Йорке, в Рокфеллеровском центре стоит бронзовая статуя Прометея, покрытая позолотой. Свет Прометея – его «божественное» золото и «золотой век» прогрессистов – фальшивка, обман.

Как элемент греческих мифов и эпосов, а также через культуру Просвещения, Прометей проникает в языческую среду. Контрабандно, как нерефлексируемый должным образом элемент мифа. Да, Прометей является частью мифа, но следует учитывать, *как именно он трактуется в самом мифе* (и не только он, а любая хтоническая фигура).

Так мы подходим к необходимости внимательного и болезненного, для современного язычества, рассмотрения конструктов Модерна, которые становятся базовой, «естественной» и «объективной» данностью для человечества. Кажется, что «так было всегда» и это «естественное положение дел и ход вещей», что является слепым заблуждением и негативно аффектирует поднимающееся язычество.

Конструкты Модерна – конструкты титанов, стратегии Модерна – их стратегии.

III.III Конструкты Модерна

Модерн противопоставляет себя традиционному обществу тотально, по всем фронтам. На каждый тезис мира Традиции в эпоху Модерна выдвигается противоположный антитезис.

В современном язычестве две картины мира, два языка, две фундаментальные парадигмы мировосприятия и мироописания смешаны. Это порождает конфликт, нездоровую ситуацию, когда в ходе развертывания языческой философии на современном этапе, обращаясь к Сакральному и Богам, используются конструкции, идеи и язык богоборцев, язык современного мира. Так как эти два языка тотальны, невозможно одновременно удерживать и равно оперировать ими двумя. Где есть элементы структуры языка Модерна, там они вытесняют структуру языка Традиции. Это может усугубляться подвижностью этих конструкций, когда описывая одно и то же явление может быть использована адекватная идея и конструкция из языка Традиции. Например, когда мы говорим, что небо синее ибо оно является плащом Одина, либо мы ставим человека на место, видя его природу, сословие. С другой стороны, например, в полемике с авраамизмом, критика их догматизма строится на научном развенчивании их мифа: что небо не создано Богом Яхве или Аллахом, а является газовой оболочкой вокруг земли, атмосферой, в которой в силу преломления света небо приобретает синий оттенок и т.д.

Общество в своей структуре, как и человек в своей уникальной данности, не способно вместить в себя два объема тотальных интерпретаций языков Модерна и Традиции, так как общество способно удерживать *только конечное число связей*. Существует константа общественного внимания. Современные люди могут запросто назвать сотни торговых марок, но не различить десяти трав. Ребенок может прекрасно разбираться в тонкостях виртуального мира и компьютера, но встреча с реальной свиньей в деревне станет для него культурным шоком. Понимание того, что кабан – это не просто животное, а священный вепрь, которого ежедневно воскресшего поедают эйнхериии в Вальхалле, для него немыслимо. Он может услышать это *формальное знание*, но остаться равно далеким от него, и вскоре забыть.

О таком профанном знании Ю. Эвола писал:

«На знании должна основываться имперская иерархия: «Править должны знающие», как сказал Платон – и это является центральной, абсолютной, конечной точкой любого разумного порядка вещей. Но ничего не может быть смешнее, чем смешивание такого знания с технической компетенцией, «позитивной» наукой или философскими спекуляциями: оно скорее совпадает с тем, что мы назвали Мудростью, в том смысле, в котором ее понимали на классическом Западе и на Востоке. И если

Мудрость есть нечто в высшей степени аристократическое, индивидуальное, реальное, субстанциальное, органичное и качественное, то знание современных «цивилизованных» людей есть нечто демократическое, социальное, универсалистское, абстрактное, нивелированное и количественное. И снова здесь два разных мира, две разные перспективы, два разных воззрения, которые абсолютно противоположны и несовместимы друг с другом»[77].

То же верно для общества, особенно индустриального и городского современного общества. Философы, ученые, политики и иные акторы Просвещения совершили переключение внимания общества от высших качественно насыщенных идеалов, которые тогда выражались в креационизме, к низшим и материальным, количественным. Цикличное время стало слишком «тяжелым», перегруженным архаическими мотивами и смыслами, внимание общества приковало линейное время и прогресс, обещавший благоденствие в будущем, раз и навсегда. Что, на пике, вылилось в сотни видов и сортов кофе на прилавках сотен различных торговых сетей. Хочешь – выбери это, не нравится красное оформление магазина – ступай в оформленный синим, или желтым, а там купи кофе в фиолетовой банке. Задуматься о бессмысленности и ненужности такого разнообразия человек оказывается неспособен. Его внимание распространено горизонтально: сто каналов телевизора, миллион сайтов в Интернет, два и более кандидатов на выборах; сделать подъем и обратить внимание на вертикальное измерение – обратить взор к Богам либо внутрь своей природы, что есть одно и то же – становится невозможным и ненужным. Хватка материальной тотальности по-железному крепка.

Человек как сословие и Бог	Человек как индивидуум с биологическим происхождением
Общество как тело Брахмы, устроенное согласно Сакральной иерархии	Общество как договор равных свободных индивидуумов с равными возможностями
Происхождение мира и существ как проявления и демиурги Богов (миф)	Физико-биологическая картина происхождения мира и развития материи и видов (наука)
Познание через холистское схватывание «объекта»	Познание через детерминированные причинно-следственные теории

[77] См. Ю. Эвола «Языческий Империализм».

Продолжать её можно бесконечно, вскрывая тотальность противопоставлений везде. Медведь из велесова зверя становится представителем семейства медвежьих, отряда хищных – т.е. только лишь медведем, единицей биологического разнообразия.

Вспомним Эрнста Юнгера, что титанам не нужны молитвы, а трудовая деятельность по производству товаров – это и есть служение титанам, их восхваление в умножении количества продуктов. Так свершается забвение Богов, в водопаде развития производства, как товара, так и знания о материальной основе мира.

Во время слома идентичности средневековой Европы, вместе с христианством, для язычества открылось окно, возможность выйти изпод давления догматики креационизма. Отчасти это и произошло, но более стремительно и успешно вырвались на свободу глашатаи титанов, сыны Великой Матери. Таким образом, частично освобожденное от авраамического гнета язычество, оказалось на периферии основных идейных и философских споров и фронтов мира.

Поэтому категорически важным для развертывания языческой философии является вскрытие и отрицание языка Модерна и его конструктов. С таким языком, с предлагаемыми в философской и социальной сферах конструктами, язычество сталкивалось частично, как часть периферии, на которой оно локализовалось в исторический отрезок последних веков. Горизонт этой темы невозможно охватить в рамках даже серии работ, поэтому вы укажем лишь принципиальные и осевые линии, по направлению которых необходимо продолжать систематическую и внимательную работу.

Человек

Максимой, выражающей холистское восприятие человека в традиционных обществах, является индуистская формула «Атман есть Брахман». Атман – внутреннее «я» человека, а Брахман – абсолютное бытие, охватывающее как объект, так и субъект. В Брахмане условные в холизме «объект» и «субъект» снимаются в единстве. Человек никогда не был равен самому себе, он всегда человек и что-то ещё. Отсюда мистицизм масок, persona – личности, личины.

Человечество Железного века сочетает начала Земли и Неба, хтоническую глину Прометея и душу и Дух от Афины и Зевса. В

Одинизме первые люди Аск и Эмбла (Ясень и Ива) представляют собой выброшенные на берег бревна, древесину, в которую Один-Хенир-Лодур вдыхают душу, Дух и тепло (эмоции). Примечательно, что и греки называли материю «selva» – «древесина», таким образом, материальное начало в человеке подчеркивается как предшествующее, первичное. Человек – это брак между Небом (отеческим началом, Богом, душой и Духом) и Землей (материнским началом, материей, плотью); его можно представить как окружность с точкой в центре, где периферия окружности – это материя, структурированная вокруг центра Духа. Вокруг Сакральной оси, которая проходит вертикально через этот центр, материя выстраивается и одухотворяется, очищается от своего строго-материального, хтонического начала. Сегодня центр изъят, Зевс забрал Огонь на Олимп.

О происхождении человека каждая традиция утверждает свой миф. Модерн утверждает эволюционисткую теорию происхождения видов, основанную на теориях Ламарка, Кювье, и нашедшей свою кульминацию в теории Дарвина и его последователей, дополнявших и уточнявших эту концепцию. Сегдоня она является общепризнанной и доминирующей; остальные вытеснены на маргинальную периферию научного внимания.

Теория биологического происхождения видов, эволюции от простого к сложному, является прямым переносом идеи прогресса в область животного мира и антропологии. Приспособление к среде, принцип естественного отбора, накопления и передачи признаков (генотип) и конечное формирование внешнего облика (фенотип) животных заменяет мифы о происхождении животных, как священных зверей Богов (ср. ваханам Богов в Индуизме). Лошадь есть результат эволюции, накопления изменений, продиктованных средой, и переданных в поколения, которые просеивались естественным отбором, чтобы выжили лучшие, дабы передать лучшие гены дальше и так бесконечно. Миф о рождении коня (в его законченном виде, без эволюции) Слейпнира из чрева Локи, для современного ученого представляется в лучшем случае, культурным анахронизмом. Человек в такой оптике предстает как продукт многотысячелетней биологической эволюции от обезьяноподобных питекантропов и неандертальцев homo erectus до homo sapiens, вступающего в стадию *социальной эволюции*, описанной, например, Марксом и Энгельсом. От первобытно-общинного строя (первобытный неосознанный коммунизм) к капитализму, и далее – к коммунизму (осознанный коммунизм). Так идея прогресса в виде эволюции

применяется к социальной сфере, ярчайшим выражением которой становится американская идеология социал-дарвинизма[78].

Фактически, простейший вопрос о происхождении человека, должен вскрывать в язычнике глубину и адекватность его самого к традиции. Совмещать эти две картины невозможно. Утверждение, что Боги создали естественный отбор, дали толчок эволюции и т.п., равно не имеет отношения ни к религии, ни к науке. Сопоставить одновременно представление об эволюции видов от обезьяны к человеку и миф о творении человека из ясеня невозможно принципиально. Это же утверждение верно для любого другого вопроса о генезисе: человек, животные, сословия, мироздание. Особо подчеркнем декларируемую универсальность научного языка, в противовес плюрализма мифов о происхождении человека в разных традициях. Каждая традиция, каждое язычество, народ, объясняет происхождение человека, самого народа, своим особым мифом, возводя свой род к мифическим героям, Богам, либо могучим животным, которые в свою очередь могут быть священными животными Божества. Научная картина, теория биосоциальной эволюции, утверждается как единственная и универсальная для всего человечества. Она отменяет *любую* религиозную картину мира, любой миф. Язычник выбирает миф. Человек – это человек, и *нечто ещё*, иное измерение, восходящее к самому Богу. Атман есть Брахман. Современный человек выбирает эволюцию, человек – это только человек, индивидуум.

Гуманизм

Гуманизм возникает в Возрождение, как мировоззрение *человечности*, ставящее человека в центр мироздания, как высшую ценность. Гуманизм призывает понять человека демократически, этично и морально, т.е. мы имеем дело с освобожденным от теологии и иерархии, обобщенным по нижней планке критериев человеком. В истории известны попытки построения теистического гуманизма, который успешно проник и разложил католическую церковь, и в разных пропорциях встроился в иные деноминации. Атеистический, теистический, классический и др. виды гуманизма – все они объединены постановкой в центр внимания индивидуума, и верой в его благие намерения, способность к

[78] Ярчайшим представителем социал-дарвинизма является американка, основательница философии «объективизма», русская мигрантка Айн Рэнд (Алиса Розенбаум), см. «Атлант расправил плечи».

самосовершенствованию и его фундаментальной ценности как меры вещей.

Но нас интересует базовый вопрос: что является Человеком, и как Человек соотносится с индивидуумом? Ответ на этот вопрос определяет виды гуманизма и лежит в области таксономии – классификации живых организмов, к которым относится и человек. Такая постановка вопроса приводит нас к тому, что рассмотрение гуманизма и таксонов человека следует проводить с антропологических позиций, так как «антропология хочет быть философским методом, а гуманизм – разновидностью секулярной, автономной морали, претендующей на универсализм. Говоря о выборе антропологии как отправной точки, мы подчеркиваем, что нас интересуют *философские* аспекты гуманизма как *морального* явления»[79].

Совместно с рядом вымерших видов, человек разумный образует род Homo (Люди), как следствие виды – человеческие расы. Если человека взять как вид, тогда родом будут выступать животные или только млекопитающие. Возможность таких операций с таксонами говорит о том, что человек есть универсалия, таксономическое понятие. Актуальным и базовым становится вопрос о соотношении отдельной особи (индивидуума) и человека как рода (таксон более высокого порядка).

При рассмотрении данного вопроса следует учитывать очень важную и тонкую вещь: классификация человека есть акт самопознания, рефлексии. Иначе говоря, классифицируя объекты, человек, выделяя те или иные признаки, объединяет их в группы и строит иерархию. Классифицируя себя человек рефлексирует, он сам есть субъект – классифицирующий, и объект – классифицируемый. Поэтому базовый вопрос о соотношении особи (индивидуума) и вида/рода является актом самопознания и самоосознания.

В итоге, на вопрос «Кто есть человек?» (или на вопрос «Кто я?») есть два ответа, две фигуры: человек-особь (индивидуум) и человек-эйдос (вид). Эту картину можно проиллюстрировать метафорой окружности с точкой в центре, где в центре – единство, эйдос (вид, высокий таксон), а окружность – множество, индивидуумы (особи)[80]. Исходя из различных философских доктрин, эту схему можно наполнять различным

[79] См. А. Дугин «В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки)».

[80] А. Дугин там же приводит интересный комментарий основателя иранской философии Ишрак, Шихаб-ад-дина Яхья Сохраварди, который предложил называть окружность Антропологическим Западом вещей (множество, количество), а центр – Антропологическим Востоком вещей (единство, качество).

содержанием и она всё равно будет действенной. Мы же будем опираться на доктрины *идеализма, реализма* и *номинализма.*

1) Идеализм: В философии Платона и его последователей антропологический Центр считается онтологически первичным. Только он Есть. Этот центр есть «Совершенный Человек» или «идея человека». В этой системе Совершенный Человек мыслится как реальность, а индивидуум как почти иллюзия, он не обладает бытием и черпает его из антропологического Центра. То, что мы уже упоминали как сословие, восходящее к конкретному Богу-архетипу и выше ко всему обществу как телу Бога (Брахмы). Обращаясь к языку, это будет соответствовать эквиполентному строю.

2) Реализм: Основывается на философии Аристотеля. Индивидуум в ней помещен в пространство между окружностью и центром. Здесь индивидуум уже первичен, но он не является самодостаточным, самостоятельным. Его бытие состоит из смешения формы и материи, которые существуют не *до него (как в платонизме)*, а *через него*. Индивидуум составной, он не имеет собственного содержания, он есть баланс материи и формы (эйдос), и определяется концентрацией и качеством эйдоса. В центре же находится чистый эйдос, который Аристотель называл «недвижимый двигатель». Эйдос и индивидуум взаимозависимы, эйдос существует через индивидуум (без него он чистая абстракция), а индивидуум зависит от эйдоса. Это – градуальный строй языка.

3) Номинализм**:** Номиналистский подход связан с такими именами, как Росцелин и Оккам. Номинализм в сфере антропологии закрепляет реальность только за индивидуумом. Эйдос здесь становится условным – конвенциональным – обобщающим «именем». Это «имя» создано сообществом наблюдателей, исследователей. Т.е. существуют только индивидуумы, а их обобщенное наименование «человек» есть не более чем конвенция, договоренность. Принцип бритвы Оккама и привативности в действии.

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить три взгляда на сущность и природу человека:

1) Человек есть всеобщее, не зависящее от индивидуума.

2) Человек есть сущность, данная в индивидууме, но не совпадающая с ним. Сущность проявляется через индивидуума, наполняя его бытием.

3) Человек есть имя, придуманное индивидуумом для обозначения общих признаков индивидуума.

Исходя из вышеуказанных взглядов, можно определить три вида гуманизма. Эти три разновидности можно условно назвать высшими таксонами гуманизма, в русле которых существуют иные виды и суб-классификации гуманистической мысли, включая и условный «гуманизм» древних языческих обществ.

Первый вид гуманизма – «максимальный» или платонический – рассматривает человека как живую и действенную Идею, как нечто божественное и вечное. Индивидуум в платоническом гуманизме есть пустое понятие, лишь «блик» по отношению к «Свету» настоящего Человека. Человек здесь тот, кем только следует стать, им не рождаются и родившийся не наделяется абстрактным формальным таксоном «человек» по умолчанию. Это – область Сакральной антропологии традиционных обществ, где звание «человек» можно получить, только пройдя ряд посвящений – инициаций.

Второй вид гуманизма – реалистский, «аристотелевский» – опирается на реалистскую антропологию. Человек здесь обладает формой, он содержит в себе Идею (Платон) и обладает энтелехией, Целью – понятие концепции Аристотеля. Иначе говоря, такой гуманизм признает значение индивидуума, но сосредотачивает внимание на том, что делает его – индивидуума – тем, что он есть, *что* проявляет себя через *него*. В этой системе Большой человек собирается из многих малых людей, это «соборный» принцип, свойственный традиционным обществам, например, христианская церковь, исламская умма, иудейская община. Также этот принцип сохраняется и в секулярных обществах, например, Маркс собирает вокруг индивидуума общность, на основе отношений к средствам производства, и называет её «класс». Внимание данной теме также уделяли социологи О. Конт, Э. Дюркгейм, антрополог К. Леви-Стросс. Форму реалистского гуманизма мы встречаем и в националистических и расистских теориях, где секулярная соборность выстраивается вокруг белого человека, либо «арийца» в мифе национал-социалистов.

Частным случаем такого типа гуманизма выступают эзотерические и оккультные ордена, секты и союзы, сродни масонским, розенкрейцеровским или менее организованным алхимическим, взятые в отрезке от Возрождения и до окончательного становления Модерна.

Третий тип гуманизма – либеральный гуманизм, опирается на номинализм и либеральную антропологию, где «человек» есть имя, придуманное индивидуумом для обозначения общих признаков индивидуумов. Как следствие, сугубо конвенциональный секулярный

подход к толкованию понятия «человек» позволяет изменять его содержание произвольным образом, открывая пути к концепциям трансгуманизма и постгуманизма. Не подлежит сомнению тот факт, что общий знаменатель для всего человечества в либеральной оптике проходит по нижней границе. Устанавливается равенство, ориентированное на последнего пария, низшего и нищего духом, если мы посмотрим на него с точки зрения Традиции. Такое равенство, закрепленное как равенство стартовых возможностей, *как человечность*, является нормативным. Человек – это тот, кто низок, кто соответствует низшим критериями био-социальной идентификации: имеет вид человека (независимо от расы и пола), обладает разумом (дееспособен), минимально образован (независимо от культуры и религии). Далее – свобода выживания.

Либеральный гуманизм является устоявшейся нормой и максимальным выражением Модерна. В результате холодной войны между СССР и США, выражавших идеологии коммунизма и либерализма, реалистского и либерального гуманизма соответственно, победителем в конце XX века вышла Америка, следовательно, её тип общества, политики, культуры, экономики и идеологии оказался самым последовательным и чистым выражением современности.

Антропология индивидуума утверждает, что человек существо био-социальное и наделено самым главным, отличающим его от животного – разумом. Сакральная антропология напротив, строится вокруг Сердца. Ось человека проходит через три точки: точку ума (сознания), точку Сердца и точку основания позвоночника (гениталий), где Сердце, область середины человеческого тела, является главной точкой. В Сердце сосредоточена природа человека как Бога. Когда титаны разрывают Диониса, Афина спасает его Сердце, его Божественность. Мир и человек (само)познаются Сердцем; свет Сердца отражается умом (рефлексируется), его жар – низом живота, животным и плодородным началом человека, теплом и подвижностью его членов. Путь от Сердца может пролегать как вверх, к разуму, облагораживая его Божественным светом, так и вниз, к животному изобилию жизни, продолжая род. Гераклит говорил: «путь вверх и вниз – это одно и то же». Действительно, если начинать путь от Сердца, то его свет облагораживает любое направление, которое вкладывается в одну Сакральную ось. Но в эпоху Модерна Сердце как центр человека вытесняется Разумом, головой. Человек разумный – это человек Просвещенный, познающий мир через разум. Человек-автомат, оперирующий бинарным кодом. С другой стороны, исчезновение Сердца

порождает людей-животных, в конституции которых место Сердца занимает не разум, но область гениталий. Это материальные люди, не интересующиеся ни Богами, ни путями науки, но живо откликающиеся на развлечения, утехи плоти, чрева и т.д.

На отношениях разумного, рационального, и телесного и животного начал в человеке, не уравновешенных властью Сакрального Сердца, строится современная психология и психоанализ. Определяющее для всего психоанализа открытие было совершено Фрейдом, вскрывшим в человеческой структуре два начала: сознательное рацио и бессознательное, аффектирующее и конфликтующее с дневным рассудком. Фрейд, как истинный рационалист, встает на сторону разума и провозглашает, что в бессознательное надо провести свет разума и примерить два начала под главенством рациональности. Подоплекой бессознательных аффектов Фрейд считал сексуальность (точку гениталий человека) и смерть, Эрос и Танатос, и связанные с этим травмы, делая акцент на *индивидуальной* истории пациента, и посвятил этому методу свои работы. Его ученик, великий психоаналитик Карл Густав Юнг, занимает сторону бессознательного, сторону мифа, где он расположил архетипы *коллективного* бессознательного. Юнг уделял особое внимание изучению алхимии, христианского и гностического символизма, трактуя с их помощью психологически явления и архетипы. Практически выражением Мужского и Женского Божественных начал у Юнга являются архетипы Анимуса и Анимы, описанные языком психоанализа. Но разность подходов в итоге приводит двух основателей психоанализа к расхождению их путей.

Психоанализ становится очень популярным в Новом Свете, куда привозится Фрейдом и Юнгом в начале XX века. В Америке же рационалистская психология Модерна находит свой апогей в теории бихевиоризма и социального бихевиоризма. Бихевиоризм (англ. behavior – поведение) рассматривает индивидуума как автомат, который реагирует на внешний раздражитель определенным образом. Сами внутренние процессы психики бихевиоризм не интересует, человек есть «черная коробка», и неизвестно, что внутри. Поступает раздражитель – индивидуум проявляет реакцию. Сумма накопленных и усвоенных через культуру реакций составляют опыт индивидуума. Но, он может быть подвергнут сомнению с помощью нетипичного раздражителя, либо когда ответная реакция человека не приводит к ожидаемому результату, требуя выработки новой реакции. В бихевиоризме, на периферии, бытует мнение,

что внутри этой «черной коробки» индивидуума находится душа (Психе), но её открытие и знакомство с душой их не интересует. В этом нет нужды, если «автомат»-человек выдает правильные реакции. Социальный бихевиоризм является продолжением этого метода из психологии в социологию, и акцентируется на позитивизме, т.е. утверждает, что изучать следует только наблюдаемые явления. Общество, состоящее из «черных коробок-автоматов», само становится «автоматом». Если что-то «работает» в обществе, то оно есть «истина», если «перестает работать», то оно подлежит изменению либо отбрасыванию (Дж. Мид).

Позднее, доминирование бихевиоризма, до сих пор применяющегося в психологии и педагогике, сменилось направлением когнитивной психологии, которая уделяет большее внимания процессам сознания: внимание, память, чувства, воображение, логика. Когнитивная психология сегодня проводит множество параллелей между познавательными процессами человека и вычислительными процессами компьютера, смыкаясь с кибернетикой, информатикой и нейробиологией, нейрофизиологией и нейропсихологией.

Фрейдизм, бихевиоризм и когнитивизм максимально выражают стремление подчинить человеческое естество разуму, верхней точке. Фактически, применение к этим направлениям определения «психе», «души», является оксюмороном. Душа, в такой оптике, становится совокупностью протекающих в сознании процессов, аффектов, травм и болезней и их излечения.

С другой стороны, в психологии было вскрыто и присутствие в человеческом сознании холизма, в теории гештальта (Кристиан фон Эренфельс, Макс Вертгеймер). Гештальт – это целое, предшествующее частному. Благодаря гештальту человек воспринимает музыку как целостное произведение, а не как совокупность нот, тонов и звуков. Картину как законченное изображение, а не совокупность мазков, и т.д. Теория гештальта до сих пор успешно применяется в реабилитационной и терапевтической практике. Таким образом, в лице юнгианской школы, школы гештальта, мы можем видеть консервативные, близкие к традиции, как минимум, отдающие ей дань уважения и признающие необоснованность претензии разума на тотальную доминацию, направления в психологии и анализе.

Психология и психоанализ, как плоды Модерна, выражающие секулярный и прогрессистский подход, соответствующим образом рассматривают религию и «архаические пережитки» как предшествующие

формы регуляции отношений между нижней точкой и верхней точкой, между телом, желанием и разумом, волей. Религия – это набор моральных норм, противовесов и табу (важный термин философии Фрейда). Религию следует упразднить набирающим силу светом разума человека, который становится в состоянии разрешать эту двойственность, не обращаясь к ветхим табу и морали веры. Только разум, анализ, проработка и исцеление, гармонизация. С точки зрения психологии, отстаивание наличия Бога, вера в магию, практика ритуалов и т.п. являются проявлениями разных, протекающих внутри психики, дисгармоничных процессов. Так, практикуя магию, человек компенсирует какие-то личные неудачи. В современном обществе магии нет, если ты «маг» или обращаешься к «экстрасенсам», то, наверное, ты не можешь найти хорошую работу и поднять свой социальный статус, используя общепринятые процедуры и методы. Вера есть последнее утешение, которое вызывает жалость к человеку, который к ней прибегает. Ибо, с точки зрения «цивилизованного» человека, обращаясь к вере (Богам, мистике), человек просто тратит время впустую. Доверяется нелепым пред-*рассудкам*.

Ритуалы, с точки зрения психологии, могут гармонизировать человека, давать выход накопившемуся стрессу, помочь забыться от неудач (вытеснение). В этом языке описания нет места Богам, даже когда они там упоминаются.

Соответственно, вопрос о сущности обряда и состоянием человека на обряде, является таким же показательным, как и вопрос о происхождении человека. На обряде человек в кругу общается с родными Богами, соучаствует в космических циклах и воплощает метафизические принципы, или он сбрасывает стресс, вытесняет свои социальные неудачи, бежит от проблем в «мир сказок» (эскапизм)? Призван ли обряд – сама языческая традиция – пробудить спящее Сердце человека, или как-то решить проблему освобожденного разума и безудержных гениталий?

С точки зрения Сакральной антропологии, современные люди, лишенные Сердца, даже не являются людьми в полной мере. Это – не совсем люди, уже или ещё не люди. Это автоматы рациональности или плохо сдерживаемые животные. Негармоничные личности, принадлежащие горизонтали. Классы буржуазии и пролетариата Эвола открыто считал недочеловеками.

Современные люди – это люди, лишенные огня Зевса (Сердца), но имеющие лишь свет разума Прометея.

Материальный взгляд на общества Традиции

С точки зрения современного, «цивилизованного» человека, традиционные общества являются примитивными, со слаборазвитой структурой. Рассматривая традиционное сословное трехчастное общество через призму материальных ценностей, пролетарского труда, и шире просто марксизма, традиционная пирамида общества переворачивается с ног на голову. В традиционных обществах на вершине находятся жрецы и воины – как самые благородные, чистые и близкие к Богам люди. Жрецы более воинов, ещё более – земледельцев, ремелсенников и рабов. С материальной точки зрения на первое место выходят самые низкие сословия, они становятся фундаментом, базисом пирамиды. Ценностный акцент смещается с вершины, из которой исходит свет Сакральности, пронизывающий все этажи, на фундамент и представление, будто пирамида растет снизу вверх, что самые широкие слои простого люда являются гарантами власти, устойчивости системы и т.д., в чем прямо можно увидеть атаку на идею Дхармы, должного. А жречество и цари-воины становятся узурпаторами, тиранами, которые, без широкой подедржки, кормления и обеспечения от третьего сословия, должны быстро умереть в силу их неспособности к труду. Такая точка зрения абсолютно соответствует самым низшим, адхармическим группам, в том числе изгоям, стремящимся освободиться от власти сословной системы.

В результате, в свободном обществе Модерна, мы можем видеть *подражание* все той же самой пирамиде, но выстроенной по иным критериям. Теперь верхние этажи занимают те, кто максимально богат или знаменит, олигархия, бизнес-элиты, культурная элита. Границы сословий практически отсутствуют, есть много возможностей для социальной мобильности и изменения статуса, перехода из низшего класса в высшие, при должном уровне заработка и появления на телеэкране.

Если посмотреть на третье сословие материально, экономически, то в древности оно занимается низкоквалифицированным, грубым ручным трудом, в «классическом» Модерне таким же трудом на заводах и фабриках (пролетариат), а в сегодняшних реалиях самые низы переходят в сферу услуг, которые также не требуют глубоких и фундаментальных, как в случае с наукой и технологиями, познаний, и образуют своеобразный «офисный пролетариат». При таком экономическом взгляде, справедливом для Модерна, при его проекции на древность ускользает измерение Сакрального, которое делает третье сословие именно таковым. Не отношения к средствам производства или квалификация и характер труда

делают шудр шудрами, а онтологическое положение в священном порядке – иерархии Божественного проявления (манифестации).

Воинское сословие обращается в армию солдат – наемников, от латинского слова soldus – монета. А жреческое и философское сословие рассматривается как закрытая каста, которая обладает монополией на знания, властвуя через узурпацию и ограничение доступа к ним. Из этого проистекает заблуждение, что жрец/философ обладает абсолютными познаниями (осведомленностью) обо всех сферах жизни и мира, в то время как количественная мера знаний на деле не играет никакой роли на пути восхождения к Богам.

В завершение вспомним также, что тип торговца изначально чужд индоевропейской трехчастной системе, вследствие чего мы можем заключить, что продуцирующая сама себя структура современного общества во многом антииндоевропейская.

Рефлексия

Особенной чертой Модерна является его рефлексия себя самого именно как современности. То есть, человек модерна понимает, что он живет в эпоху Модерна. Человек традиции «эпохи Традиции» не знал. Он не мог сказать «я – традиционный человек», как и в принципе, сказать «я есть я», ибо всегда оставалось чувство пронизывающей Сакральности. В Новое время человек говорит «я есть я, и только я – современный человек». Появляется фундаментальная рефлексия и локализация себя на временном отрезке истории. Из этого осознания себя в конкретной точке времени, эпохе Модерна, выстраивается ценностное отношение к предшествующему и будущему. Прошлое отбрасывается как старое, детское, недоразвитое. Будущее видится эрой прогресса, развитости и благодати. Тотальность языка Нового времени, его привативность, имеет глубокие и тонкие измерения, которые проникают в сознание и аффектируют его в сторону модернизма незаметно и прочно.

Мы рассмотрим пару фундаментальных и тонких конструктов модерна, которые порой вообще не рефлексируются языческой философией как титанические диверсии. Это понятия реальности и примитивности.

Реальность

Одно из самых фундаментальных и прочных представлений об этом мире, утвержденное в Новое время, является представление о *реальности*.

Утверждения «это реально», «объективная реальность», «реализм» носят в первую очередь оценочный характер и являются искусственными конструктами современных наук, как естественных, так и социальных. Объективность и реальность призваны показать «реальный» и независимый от человека (субъекта) характер явления или процесса. Т.е. нечто есть или свершается по «объективным» причинам, не имеющим своего создателя, актора или заинтересованного лица (человека, группы, государства). «Реальность» призвана отделять достоверное, подтвержденное экспериментами, вычислениями, наблюдениями, формулами, от «субъективного» и «нереального». Утверждать незыблемость новой картины мира. «Нереальное» не оказывает влияния на измерительные приборы, а значит, не учитывается и отбрасывается.

Явление чуда, Божественного, встреча с лешим в лесу или путешествие в иной мир относятся к «нереальному», это невозможно, так как противоречит законам физики, природы, логики. В лучшем случае нечто Сакральное относят к области субъективных переживаний, галлюцинаций или аффектов. Пара «реальное» и «нереальное», кажется, делит мир на сторонников «объективного» знания о мире и сторонников мифа, Сакрального. Но это деление вносит тонкую подмену. Определяя себя как сторонника «*нереального*», мы тем самым признаем оппозиционную нам сторону «*реального*», составляющую вторую часть слова после приставки «*не*». Выражения типа «реальность традиции», «в реальности традиции» таким же образом содержат тонкую подмену. В Традиции понятия «реальности» нет вообще, оно самым прямым образом отсутствует. *Так как, условно говоря, в Традиции «реальным» было абсолютно всё, даже «нереальное».*

Утверждение «я реален» невозможно в эпоху немодерна, так как «реальность я» исключает холистские измерения Сакральной антропологии, точку Сердца и точку основания позвоночника.

Аналогичную ситуацию мы видим с термином «естественное» и его антитезой «сверхъестественное». Естественное – то есть природное, реальное, обывательски – то, что просто есть как должная данность, та же «реальность». Соответственно магия, чудо, иерофании Богов – это сверхъестественное, т.е. нарушающее законы природы. Выражение «это случилось естественным образом» аналогично выражению о процессах «объективной реальности». Призывы язычников обратиться к естественному означают, что надо обратиться к природе и её законам, но тут мы встречаем подмену Дхармы и Сакральной Природы законами

физики, экологии, геологии, биологии и т.д. Сверхестественное также понимается как «ещё не познанное естественное», т.е. некое «чудо» трактуется как еще не понятый, но «объективный» физический процесс, который человек в ходе развития и совершенствования приборов, может постичь и, например, воспроизвести.

Так, «реальность» Модерна, по сравнению с Традицией, представляет собой очень усеченную по нижней материальной планке, реальность. В приборы и умы ученых не попадают огромные измерения мироздания, которые репрессируются и отбрасываются.

Любые, даже самые сложные измерительные приборы и датчики, фиксируют лишь тончайший строго материальный срез всего наличествующего Космоса.

В области социологии под «реальностью» понимается то, во что общество *верит*, и это составляет *социальную реальность* (Э. Дюркгейм). Если общество верит в науку, прогресс, физические законы, которым подчиняется материя, то это становится социальным фактом, который работает. Если общество, наоборот, верит в Бога, церковные институты, чудеса, то это тоже становится социальным фактом и тоже работает. То есть, оба общества с разными установками остаются устойчивыми и функционирующими.

Другим примером, иллюстрирующим социальное конструирование «реальности» является представление о лесе как о «лесе». Само представление о «лесе» кажется нам настолько «естественным», что мы не можем допустить и мысли, что на самом деле никакого «леса» не существует вообще. «Лес» – это конструкт, призванный дать имя и набор характеристик, определение тому, что не является «городом», «полем», «деревней» или «пустыней». То есть, «лес» – это пространство с плотным произрастанием растительности вида «дерево», смешанном с «кустарниками» и «травой». Иными словами, лес не знает, что он «лес». В Традиции определенная роща является местом обитания Бога – роща Бальдра или Аполлона, либо местом проживания мифических существ, похожих на деревья. Они – не лес, они – семья или община существ. Множество больших камней не знают, что они «камни», но вполне уверены, что они являются гномами и имеют свою насыщенную гномью жизнь, заботы и дела.

Такое конструирование понятий является подвижным, нас не удивляют парки «искусственного леса», состоящие из бутафорских деревьев. Это же тоже «лес», но «искусственный». Таким образом, реальность является

социальным конструктом, производной от общества. Предполагаемая таким подходом свобода в выборе направления построения реальности – условно «научная» и условно «религиозная» – напрямую отсылает нас к концепции свободного и современного общества, чуждого Традиции. Боги в традиционном обществе не являются предметом «веры» этого общества или его конкретного индивидуума, но являют себя в открытом проявлении и знании, что они соприсутствуют везде и каждый человек по своей природе равен им.

Таким образом, вновь подчеркивается то, что как таковой «объективной реальности» не существует. Здесь следует проявлять неустанную внимательность при расшифровке терминологии и употреблении языка. То, что считалось «реальным» в языческих традициях, и что считается «реальным» в современном мире – это совсем разные «реальности».

Разделение этих двух наслоений требует кропотливой и напряженной работы.

Примитивность

Антитезой развитому, просвещенному обществу Европы являются примитивные недоразвитые общества, сохраняющие архаические пережитки веры и обычаев. В отношении таких обществ ещё христианская и пост-христианская Европа выстраивает политику, основанную на градуальности. Варварские народы могут приобщиться к христианству, войти в церковь и мирскую общину, стать «своими». Позже – принять картину Нового мира, получать образование и т.д. Это имело отношение к народам Европы и средиземноморья, которые отставали от локомотивов модернизации: Голландии, Англии, Франции, Германии.

На пространстве Нового Света – будущей Америки – европейские колонисты провозглашают создание нового общества с чистого листа, фактически разрывая связь с метрополией-Европой и её традициями. Построение американской идентичности происходило в строго привативном ключе, что означало категорическое отрицание какого-либо бытия за местными автохтонами. Является историческим фактом то, что вопрос о том, считать ли людьми коренных американцев, на полном серьезе обсуждался в Европе. Результатом стал тотальный геноцид недоразвитых, незнающих ни Христа, ни достижений Просвещения, индейцев. Все, кто остался жив, были согнаны в концлагеря и резервации, которые сохранились до сих пор. Исторически, завозимые из Африки

черные рабы обладали большим набором прав и возможностей, чем коренные народы, которые быть рабами наотрез отказывались.

Биологический подход к классификации живых организмов от «простейших» к «высшим», т.е. обладающим более сложной структурой, был приложен к человеку. Более развитый европеец, а после американец, уничтожал менее развитых индейцев и обращал в рабов менее развитых африканцев. В истории, философии и других науках, это явление получило название «шовинизма», которым, согласно Н. Трубецкому, О. Шпенглеру и многим другим авторам, больна вся Европа.

Прогрессистская система ценностей несет в себе шовинизм как свою неотъемлемую часть, и обнаруживает себя даже в области религиоведения и изучения различных традиций, выстраивая абстрактную историю развития религиозных представлений. От примитивных охотничьих обычаев и анимизма до высокоразвитых философских систем и ритуальных церемоний авраамизма[81].

Принадлежность к традиции современным человеком рассматривается как декларация собственной примитивности. Если речь идет о более древних, языческих традициях, то в сознании человека Модерна всплывают образы африканских племен, индейцев Полинезии, папуасов, насчет которых он считает, что они никогда не будут способны достичь его уровня развития и сознания.

Но в XX веке выдающийся антрополог Клод Леви-Стросс в своих трудах встал против прогрессизма в отношении все ещё архаических обществ, утверждая, что «примитивные» общества на самом деле так же сложны, как и развитые цивилизации, или иначе говоря – их сложность иного рода. Мы уже встречались с этой сложностью, когда говорили о константе общественного внимания и о том, что современные знания вытесняют и занимают место традиционных знаний. Таким образом, К. Леви-Стросс, и разработанная им структурная антропология, доказывают, что разница между архаическим обществом племен, проживающих в бассейне реки Амазонки и современным индустриальным обществом различается лишь конфигурацией структуры. Количество внутренних связей, сложность языка интерпретаций реальности, культуры и логики примерно равны. Таким образом, вскрылось, что декларация Модерном своей исключительности строится только на том, что Модерн является

[81] Такой прогрессистский и ангажированный подход к изучению религий отрицал Мирча Элиаде, заложивший новые – близкие традиционализму – основы религиоведения в XX веке.

Модерном. О чем мы неоднократно говорили, утверждая фундаментальное равенство уровней языков Традиции и Модерна, и их принципиальную несводимость в одну прогрессистскую теорию развития. Как на том настаивает сам Модерн, за маской которого действует титаническое начало.

Отношение к традиции как к «примитивной» или «более цивилизованной» является недопустимым, поскольку этот подход рассматривает традицию с точки зрения современности, наделяя её оценкой автоматически. Выражение «хорошая примитивная традиция» является оксюмороном, для человека Модерна примитивное никогда, нигде не будет хорошим. Очевидным является, что для языческой философии отношение к различным традициям никоим образом не должно исходить из этой логики. Сакральное не характеризуется примитивностью или развитостью вообще. Категории «развитости» актуальны для количественного и материального начала материи.

Что же происходит с «примитивным» обществом, если оно не развивается, как это делают современные «цивилизованные» государства? Ответ очень прост: общество не развивается, оно *живет*. Его жизнь насыщенна, сложна, она пульсирует и движется, как год совершает круг. И в своей жизни абсолютно не обязано следовать стратегиям развития, количественного роста и расширения.

Гносеологический расизм

Познание в Традиции и познание в Новое время отличаются друг от друга радикально. Традиция – это открытая, насыщенная Жизнь, в которой возможны различные пути и метаморфозы, что определяет особые способы познания. Сердце – это орган познания в традиционном мире. Так как в древности дихотомия «субъект-объект» отсутствует, то познающий в пределе становится самим познаваемым. Если человек в древнем обществе желает познать, например, что есть океан, то когда он его *познает*, он сам *станет* океаном. Познать – значит, стать тем, что познаешь. Жизнь – это непрерывное раскрытие истины на всех уровнях. Мир Традиции принципиально открыт, изменчив в игре метаморфоз. Медитируя, соблюдая аскезу, обрядовые практики, ритуальное опьянение, либо получая откровения и наставления от духов и Богов, человек совершает прыжок отсюда – туда, из неведения – к ведению здесь и сейчас.

Познавая, схватывая мир Сердцем, традиционалисты назвали это познание интеллектуальной интуицией, в точке ума оно, во вторую

очередь, облачается в логические, рациональные одежды и выражается в мысли и слове. Будет неверным сказать, что в древности наук не было вовсе, но они строились на совсем другом методе познания. Это были Сакральные науки, холистские науки, обращенные на Сакральное и пронизанные его лучами. Они были, справедливо элитарными, требующими особого посвящения, как в науку ремесла, в науку меча, так и в науку резать руны.

В книге «Языческий Империализм» барон Эвола разделяет Мудрость и профанную науку, и пишет о ней следующее:

«Следует уяснить себе, что священная наука Мудрости не является профаническим «мышлением»; напротив, она является бытием, и ей нельзя научиться читая книги и обучаясь в университетах, ее нельзя передать в словах. Чтобы постичь ее, необходимо преобразиться, чтобы постичь ее, необходимо суметь перейти от обычной жизни к высшей жизни. Она зависит непосредственно от качества и реальности индивидуального бытия и является его неотъемлемой привилегией и органичной частью, а отнюдь не понятием или мыслью, которые человек может взять себе в голову так, как он засовывает вещь в мешок, абсолютно не изменяясь и не перестраивая в них самого себя. Отсюда естественный аристократизм Мудрости».

Познание в Модерне строится по лекалам поступательного процесса и систематического сомнения на каждом этапе. От выдвижения гипотезы, которую требуется верифицировать[82] – подтвердить фактами, опытами, проверить на соответствие реальности, до построения теории, на основании которой строятся отдельные науки, внутринаучные отрасли, спецификации, перекрестья. Но и здесь истинность носит относительный характер. В 30-х годах XX века британский философ и социолог К. Поппер сформулировал иной, вместо верификации, критерий научности – фальсифицируемость. Если верификация строится на поиске подтверждающих гипотезу фактов, то фальсификация строится на поиске фактов, опровергающих теорию. Согласно Попперу, теория никогда не может быть *неопровержимой*, это выводит её за рамки научности в область псевдонауки или веры. Если гипотеза или теория подтверждается одним, несколькими или множеством экспериментов, то это *ещё не означает*, что она является истиной. Возможно, что факты или измерения, опровергающие теорию, еще не открыты или не зафиксированы. Одна

[82] Принцип верификации – проверки на соответствие фактам, отделяющей науку от псевдонауки, был предложен Венским кружком позитивистов в начале XX века.

теория может, с течением развития методов и инструментов проверки, отвергаться в пользу более устойчивой.

Таким образом, истина для научного познания в Модерне всегда остается, некоторым образом, на шаг впереди. Наука всегда сомневается в истинности картины мира, создавая множество теорий, описывающих одно и то же явление с разных точек зрения, гипотез и т.д.

Но, несмотря на то, что постулат Оккама призывает не плодить сущности, наука создает новые и новые теории, умножает знание, факты и продолжает развиваться. Нюанс кроется в том, что бритва Оккама «бреет» вертикально, но не горизонтально. Если теория недостаточна, не работает, то выдвигается новая гипотеза и начинается разработка новой теории, такой же материальной как предыдущая. То есть, привнесение новых математических, физических, эмпирических фактов, для построения новой теории, не является неким «грехом» науки. Но абсолютно неприемлемо привносить в теорию сверхъестественное, Сакральное, Богов и их посланников, вертикальное измерение бытия. Это «сбривается» Оккамом. Только горизонтальное, материальное развитие науки является допустимым.

Человек традиционного общества познает океан, сливаясь с ним. Человек Модерна фотографирует океан, измеряет его глубину, карту дна, состав воды, направление течений, пытается создать математическую формулу, описывающую движение волн (безуспешно). И в итоге удаляется, считая, что получил достаточное знание об океане. Другой ученый, из другой науки, опишет океан совсем иным языком, выделяя совсем иные критерии и иначе расставляя акценты. И так далее, мы можем насчитать множество определений одного и того же океана, данные с разных точек зрения. Является ли это познанием *самого* океана? С точки зрения Традиции – нет. С точки зрения современной науки – суммарно эти знания будут максимальным, *на сегодняшний день*, приближением к познанию океана. То же самое мы можем сказать о небе, земле, животных, войне, мире и т.д. и т.п.

Модерн, утверждая свою исключительность, создает свою версию истории науки, *искусственно* возводя возникшие в современности отрасли знания к древним философам и Сакральным наукам. Так, корни математики и физики возводятся к Пифагору и Архимеду. При этом опускается – кастрируется – вертикальное измерение Пифагора и пифагорейцев. От мощной и жесткой школы Пифагора, максимально закрытой от профанов, где число воспринималось Сакрально, как

Божественное, остались только математические законы и таблица умножения. Архимед урезан до «эврики». Психологи утверждают, что её праотец – Аристотель и его трактат «О душе». В оптике современных наук их праотцы редуцированы до предмета самой науки. Математика видит в Пифагоре только математика, в то время как он в математике видел Божественные законы мироздания. Другой стороной служит пере-открытие и возвышение древних атомистов и критиков Сакрального: Эвгемера, Ксенофана, Демокрита.

На заре Нового времени процесс размежевания эзотерического и естественно-научного происходит по уже описанному нами пути регресса от религиозной картины мира – через теизм, агностицизм к апатеизму и антитеизму. Так, размежевание алхимии (Royal Art) и строгой химии происходит в XVIII веке. Ньютон при жизни составлял богословские комментарии к Библии, которые были близки к ереси арианства и пронизаны рационализмом. А также активно интересовался иудейской каббалой и астрологией.

Но позже астрология кастрируется до астрономии. Звезды – это скопления газа, группируемые в скопления, сектора на небе и кластеры в галактике. Так погибают души предков и духи шаманов, взирающие на потомков и людей с неба. Звезда, которую можно облететь, убивает предков, которые раньше взирали с неё на небе на свой род на земле. Серп Луны – серп Мары или Шивы – исчезает, когда человек достигает луны – материального спутника Земли. Солнце больше не Аполлон, не глаз Бога Ра, а лишь «желтый карлик», по классификации звезд. Мы снова можем задаться вопрошанием: что есть звезды, о, современный язычник?

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что Модерн несет в себе, как свою неотъемлемую черту, гносеологический расизм. Он отрицает в праве на бытие, смысл, инаковость всем тем, кто ещё не стал таким же современным, как сам Модерн. Путь, который проделала Европа, от архаики до Нового времени, объявляется универсальной и единственной верной стратегией и судьбой человечества. Насколько другие общества современны – настолько они и ценны. Иные формы рациональности, иная структура бытия, которая по Леви-Строссу ничем не уступает по сложности обществам современным, клеймятся как «примитивные».

Гносеологический расизм проявляется в строгой привативности, сосредоточенности знания на горизонтальной материальной границе. Ценно то, что соответствует логике физики, что детерминировано – жестко определено причинно-следственной связью – физическими «законами

природы». В Индуизме погружение в жесткость причинно-следственных связей является одним из признаков Кали-Юги, миров ада и неведения об истинной Природе Мира.

Обращаясь ранее к локализации Модерна во Времени в Железном веке, сейчас мы переходим к локализации Модерна в пространстве. Пространству Модерна, месту его возникновения и развертывания в географической горизонтали и линейной истории, соответствует Европа. Голландия, Франция, Англия, Испания и Германия становятся проводниками Модерна; авангардом выступают английские и французские философы. Распространяясь географически, он ослабляет свою хватку на востоке, на границе с Восточной Европой и Россией. Без труда Модерн пересекает океан с колонистами Нового Света – будущей Америки – где его ждет особая судьба, определившая весь современный облик мира.

Особое отношение европейцев к самим себе, к тому, что путь Европы – это универсальный путь человечества, выливается в максиму: «Судьба Европы – судьба мира». Явление такого особого европейского расизма (гносеологического расизма) получило название «европоцентризма».

В Российской Империи примечательный пример просвещенческого епропоцентризма произошел с первым монгольским ученым-востоковедом Дорджи Банзаровым, написавшим труд о «Чёрной Вере» (шаманизме) в Монголии. Его появление, образованность и успех произвели на научное сообщество неизгладимое впечатление в силу того, что он был «азиатской физиогномии», которая единственная выдавала в нем его азиатское племя. По иным своим качествам он всецело принадлежал «европейскому» обществу, и был примером, показывающим не безнадежность попыток образования диких племен азии[83].

Гносеологическому расизму, выстраивающему все традиции, народы и общества в один универсальный линейный ряд исторического развития по лекалам европейского Модерна, следует противопоставить принцип эмпатии при изучении, описании и контакте с иной традицией, иным народом и обществом. Принцип эмпатии означает вживание в видение мира с точки зрения иной традиции, это принципиальный плюрализм (культурный, языковой, языческий, ценностый и т.д.). Не надо расчленять иную традицию, иное общество, по лекалам европейского взгляда; следует смотреть на каждую традицию максимально примеряя на себя её собственные структуры, осевые линии, ценности и совокупный взгляд на саму себя. Такой эмпатийный подход способен решить множество

[83] См. Дорджи Банзаров «Чёрная Вера или Шаманство у монголов».

межкультурных проблем с одной стороны, и избежать множества заблуждений и «фантомов» иной картины мира, искусственно обнаруженных или вписанных в чужое общество и традицию.

Техника

Особой областью применения научного знания является техника. Механизмы и технические устройства были известны и в древние времена, но их создание и применение происходило ритуально, священно. И обрамлялось девизом non plus ultra.

Современность – это время раскрепощенной техники. Конвейрное производство, разнообразие станков, плавилен и литейных форм, триумф военной и хозяйственной техники, с дальнейшим апофеозом в товарах электронных массового потребления. Техника – это судьба Запада и человека Модерна.

В отличие от созидательной демиурги третьего сословия, создающего бытовые, воинские и ритуальные предметы, осознавая проявление Божественной демиурги через себя на их уровне, машинное и конвейрное производство лишено этого измерения и отчуждает творца от самой уникальной демиурги каждой вещи. Творец-ремесленник ниспадает до производителя (пролетария), обслуживающего станок. Охотник или рыбак увеличивает добычу plus ultra с помощью ружей, систем слежения, траулеров и вездеходов. Особое ритуальное действие вспахивания поля, его засевания с песнями, заговорами, подношениями даров, а также уборка урожая серпом или косой, пропадает. Трактор вспахивает борону за полдня, еще полдня тратит на сбор урожая осенью. Водителю остается только регулировать механизмы подачи семян, срезки и сбора стеблей. Современные синтетические удобрения ускорят и умножат рост plus ultra.

Ученые мужи делегируют вычисления, аналитику, прогнозирование и расчеты механизмам и компьютерам, скорость вычислений которых превосходит человеческие на порядки.

Особое измерение техника приносит в войну. Битва более не является столкновением двух армий на поле боя лицом к лицу. Славные солдаты не видят более своего врага в лицо, не чувствуют шума копыт, лязга металла, жара крови, смешанной с землей. Артиллерия, огнестрельное и автоматическое оружие позволяют начать бой на расстоянии, не достижимом глазу. Воин стреляет не во врага, но *в сторону* врага. Оружие уравнивает шансы, уравнивает людей. Аристократическое достоинство и умение владеть шпагой падают ниц перед выстрелом простолюдина,

который, возможно, и сам испытывает страх от шума пороха. Вновь равенство на поле боя проходит по низшей черте. Показательно, что с нарастанием доли артиллерии и огнестрельного оружия, внешний облик войск меняется с возвышенного и подчеркивающего иерархию и аристократизм разноцветия, в унифицированный комуфляж, призванный скрыть армию от дальнего взора врага. Танки, подводные лодки, тяжелые крейсеры и авиация радикально изменили облик современной войны. Теперь прямое столкновение солдат в ближнем и рукопашном бою является исключением. Битва людей сменяется дуэлью орудий. Человек становится органическим продолжением автомата, гаубицы, обслуживающим её мощь. Создание атомного оружия и ракетостроение открыло новую страницу в видении и ведении войны, на этот раз отмеченной тотальным уничтожением врага поражающей мощью атома. И освоением нового пространства ведения войны – космоса.

Освоение космоса было кульминацией всей мощи теоретической науки и её технического воплощения. Начавшаяся почти сразу, после Второй Мировой войны, гонка в ракетостроении переросла в космическую гонку между двумя странами, воплощавшими в себе два начала Модерна: социалистический СССР и капиталистические США. В итоге обе державы максимально реализовали рациональный и технический потенциал человечества, выведя человека в открытый космос, высадив его на Луну и создав три орбитальные станции: американскую «SkyLab», советскую и русскую «Мир» и международную «МКС»[84]. Рывок в космос во второй половине XX века фасцинировал человечество, повлияв на культуру, политику и общество. Писатели-фантасты описывали космические путешествия к дальним мирам, покорение планет, героические путешествия через черный враждебный космос к его тайнам и иным цивилизациям. Общество грезило космосом, контактом с иными мирами. Политика использовала достижения в этой сфере в целях политической пропаганды и обоснования превосходства, разворачивая программы космического вооружения. В XX веке большой проект науки, обращенный на природу и космос, нашел свое максимальное выражение.

Освоение космоса нашло свое применение и в войне с Сакральным, утверждая, что «там», в космосе, есть все, но Бога нет[85]. Освоение нового

[84] На сегодняшний день на орбите существует и функционирует только станция «МКС».

[85] Слова приписываются первой женщине в космосе, Валентине Терешковой.

пространства было подчинено все той же логике десакрализации мира. Богов «на небе» нет, космонавты их не видели.

Способность понимать, осваивать и производить технику также становится критерием цивилизованности общества. Если человек понимает науку, занимает сторону рациональности, то он должен понимать и использовать технику, быть для нее открытым и приветствовать технологические новшества.

Примитивные общества используют примитивные орудия труда соответственно. Знакомство архаических обществ Северной и Южной Америк, Индии, Африки, Океании и Полинезии с огнестрельным и автоматическим оружием, с авто- и авиатехникой, с товарами, произведенными промышленно и не бытовавшими в их культуре, создает уникальную ситуацию контакта ещё традиционных, сакрально-ориентированных обществ, с уже не традиционным унифицированным обществом Модерна. Мы остановимся на двух показательных примерах того, что происходит во время такого контакта с точки зрения традиционных обществ, и с точки зрения Модерна.

Первым и известным примером является карго-культы народов Меланезии, островов расположенных северо-восточнее Австралии. Карго-культы массово появляются во Вторую Мировую войну, когда американцы используют малонаселенные аборигенами острова для создания перевалочных аэродромов в Тихом океане. Создавая такие аэродромы, они вступали в контакт с темнокожим населением островов, снабжая их современной пищей и некоторыми предметами быта. После войны необходимость в аэродромах отпала, и американцы оставили эти земли. Но аборигены, после ухода «белых пришельцев» не вернулись к прежнему образу жизни. Вместо этого они начали строить из бамбука и листьев копии аэродромов, ходить по ним подражая маршировке американской армии, делать из палок подобия винтовок и наносить на них военную разметку ВВС США. Сам термин «карго» происходит от английского слова «cargo» – «груз», надпись на ящиках. Карго-культ – это культ груза, которым американцы делились с местным населением. Примеры карго-культов известны у индейцев Северной Америки, которые считали, что поезд является повозкой в миры духов, некоторые индейцы бассейна Амазонки делали подобия кассетных магнитофонов и разговаривали с ними, считая, что общаются с духами. В Африке карго-культы предметов быта, одежды и развлечения белого человека встречаются повсеместно.

С точки зрения современной антропологии, карго-культы – это проявление магического мышления в обществе, не понимающем роль производства и распределения – происхождения и экономики – товара, и относит их к примитивным формам культуры. С точки зрения самих аборигенов[86], белые люди (которых они ранее никогда не видели) – это духи, сошедшие с неба и одаривавшие их племя. Это – эпоха благодати. А их исчезновение – наступление темного времени, но если повторять ритуалы «белых духов», маршировать, строить их храмы-аэродромы, то они должны вернуться. Абориген переживает контакт с современным «цивилизованным» человеком как манифестацию благого священного здесь и сейчас. Это вплетается в непрерывную ткань мифа, становится им.

Другой пример – это контакт африканского коренного населения, негроидных племен с автоматическим оружием и западной одеждой. Начиная с Первой Мировой войны и на протяжение всего XX века, воюющие в Африке стороны активно пытались использовать коренное население в своих армиях, снабжая их оружием, самым популярным из которых стал автомат Калашникова. Европеец прошел долгий исторический путь рационального развития науки и техники, которые позволили ему изобрести и наладить производство автомата. Он знает историю и происхождение этого оружия, что это механика и сила давления пороховых газов толкают пулю. Африканец знакомится с автоматом в законченном готовом виде. Он не проделывал тот же исторический путь развития, который прошел до изобретения оружия европеец. Поэтому африканцы оказались способными *сакрализировать* автомат. Для них он – «огненная палка», «жалящая огнем трость». Они используют автомат в своих экстатических ритуалах, освящают его на алтарях, употребляют порох вместе с другими веществами, дабы получить его силу и сблизиться с оружием, сделать его личностным, уникально связанным с его владельцем. Как мечи освящались кровью и создавались для конкретного аристократа, так разукрашивание автомата, употребление пороха его пуль, призвано связать его и владельца-африканца. Аналогичная ситуация с оружием существует и в Индии, где на алтари Богов кладут пистолеты и автоматы, освещая их наравне с клинками и палицами. Вспоминая метафору о получении огня, здесь мы видим первый способ – погружение субстанции в огонь (традиции) такой силы, что он зажигает любые, самые сырые дрова – предметы извне.

---

[86] Здесь мы, несомненно, совершаем *попытку* объяснить видение аборигенов языком нашего мышления и логики.

Русский поэт Н. Клюев (1884-1937гг.), в «Песни о великой матери» описывает такую практику очищения западной вещи в России:

«Шептали в ответ сапожки:
«Тебя привезли рыбаки,
И звали аглицким сукном,
Опосле ты стал зипуном!
Сменяла сукно на икру,
Придачей подложку-сестру,
И тетушка Анна отрез
Снесла под куриный навес,
Чтоб петел обновку опел,
Где дух некрещеный сидел.
Потом завернули в тебя
Ковчежец с мощами, любя,
Крестом повязали тесьму
Повывесть заморскую тьму,
И семь безутешных недель
Ларец был тебе колыбель,
Пока кипарис и тимьян
На гостя, что за морем ткан,
Не пролили мирра ковши,
Чтоб не был зипун без души!»

Стихотворение описывает практику сакрализации инородного, в русле народно-христианской традиции.

Разница между карго-культом и автоматическим оружием, одеждой и рядом других предметов, с которыми произошло знакомство у аборигенов и негров, заключается в том, что карго-культы существуют в состоянии «оставленности», а африканские племена получают оружие и вещи более-менее постоянно. При этом их познания о современной картине мира фрагментарны либо отсутствуют. При этом, они все еще способны сакрализировать поступающие «извне» их традиционного жизненного мира артефакты. С точки зрения современного человека, одетый в униформу и держащий автомат африканец похож на него, он *выглядит* современно. Но при этом, сами африканцы до сих пор показывают свою приверженность родным ритуалам и практикам, включая «варварские» обычаи видения войны и поедания побежденного противника.

Но это – ситуация контакта архаического и современного. С язычеством, которое сохранилось, возродилось внутри Европы, на периферии Модерна, ситуация обстоит на порядки сложнее. Как мы отмечали, общественное внимание может удерживать только определенное количество связей, вещей. Структура содержит константу. Архаические общества могут включать в свою структуру – сакрализовывать – поступающие извне предметы, в ограниченном количестве, как Афина и Зевс вдыхают душу и Дух в материальное творение Прометея. С нарастанием этого количества начинается размытие традиционного мировосприятия и происходит модернизация общества и сознания человека. Для язычника в Модерне ситуация обстоит обратным образом, в нем нет такой силы, способной одухотворить *всё* пространство Запада. Этого не могут и языческие общины сегодняшнего дня. Важным шагом уже является признание того, что Модерн появляется не на «пустом месте», что его мифологическая подоплека, его сокрытая суть – это титаническое, хтоническое начало, противостоящие миру и Богам в мифах. В такой оптике человеку не хватает солярности, дабы одухотворить прометеево наследство. Иными словами, с нарастанием количества черных даров и чудес титанов, человек спускается в нижние состояния бытия, регрессирует до строго рационального, или, в большинстве, до строго животного начала. Для язычника, вставшего на сторону древних Богов, последовательное отвержение таких хтонических даров есть аскетический путь восхождения из миров ада к солнечному Олимпу, к Богам. Язычник Европы, язычник Модерна должен дать принципиальные и твердые ответы на поставленные нами выше вопросы.

Свобода

Сосредоточение Модерна на горизонтали, отсечение высших глубинных смыслов от вещей происходит под лозунгом *освобождения*.

Либерализм происходит от латинского слова libertas – «свобода», и понимается в Модерне как *«свобода от»*. Свобода от теологии, свобода от иерархии («диктатуры»), свобода от традиционных и сословных традиций, обычаев, субординации и обязательств. Освобождается от морали, урезается власть государства. Общество и человек освобождаются от всего архаического, то есть от глубинных и высших измерений бытия. Снова

локализация на горизонтали, негативная свобода[87]. Другой английский термин, обозначающий свободу – это freedom. Это позитивная свобода, «свобода для».

Фридрих Ницше вложил в уста Заратустры хлесткое вопрошание о либеральной негативной свободе, противопоставленной позитивной «свободе для»:

«Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не о том, что ты сбросил ярмо с себя.

Из тех ли ты, что имеют право сбросить ярмо с себя?

Таких не мало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от своего рабства.

Свободный от чего?

Какое дело до этого Заратустре!

Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?»

Свобода «для» требует большой идеи, высшего измерения. Большая идея – это Дхарма, Дхарма – это Божественный закон порядка. Позитивная свобода подразумевает волю и ответственность, утверждение своего порядка и власти, если мы говорим о кшатрийском начале. Негативная свобода освобождает от требования подчинения своей природе и долгу, она легализует адхарму. Свобода «от» максимально соответствует привативности либерального гуманизма, требованию науки об освобождении от «диктатуры» морали и нравственности в своих исследованиях, требованию искусственных классов и регрессировавших сословий освободить их от гнетущего давления должного и священного измерения бытия.

Нарастание либерализации с эпохи Просвещения до середины XX века только усиливалось, но не затрагивало утверждаемой новой картины мира: естественно-научной теории прогрессивного развития мира, материи, общества как демократического договора равных и человека, взятого как неделимого – индивидуума.

III.IV Постмодерн

После Второй Мировой войны парадигма Модерна начинается сменяться новой картиной мира, с которой ни креационизм, ни

[87] Представление о свободе в Модерне максимально емко выразил теоретик либерализма, английский философ Джон С. Милль (1806 —1873гг.).

манифестационизм до этого времени не сталкивались вовсе. Развертывание новой парадигмы – Постмодерна – начинается со второй половины XX века и, с разным темпом в разных обществах, разворачивается по сей день.

Что есть Постмодерн? Сам термин подсказывает нам два составляющих его слова, «пост» и «модерн», то есть «после Модерна», следующая за Модерном парадигма. Диахронически такое первичное определение верно, ситуация Постмодерна начинает разворачиваться после триумфа Модерна. Модерн выстраивался как тотальное отрицание Традиции, все, что было в древности, симметрично отражалось, либо подменялось дублем. Модерн – это негатив, снятый с позитива Традиции. Если традиционное общество – это утверждение, то современное – это отрицание утверждения. Постмодерн как следующий шаг, как отрицание отрицания утверждения, по законам математической логики, должен возвращать нас к самому утверждению. В классической логике это записывается следующим образом: A→¬A→¬¬A=A. A(Традиция) переходит в отрицание-A (Модерн) и отрицание отрицания-A, по логике, *должно* замкнуть круг и быть снова равно A. Но в Постмодерне этого не происходит. Отрицание Модерна не возвращает к Традиции. Логика нарушается.

Для того, чтобы далее более точно проводить разбор природы Постмодерна и его конструктов, применительно к языческому традиционализму, следует сделать важное отступление-рефлексию касательно самого традиционализма. Модерн начинает активно наступать в эпоху Возрождения. К этой же эпохе Марк Сэджвик[88] возводит корни философии традиционализма, к переводу итальянским мыслителем Марселио Фичино Corpus Hermeticum, авторство которого приписывалось Гермесу Трисмегисту. Так разворачивается представление о Philosophia Perennis – Вечной Философии, или Вечной Мудрости, позже развитое с переоткрытием философии Платона и неоплатоников. В первой половине XX века традиционализм обогащается открытием индийской веданты, соотнесением Philosophia Perennis с Санатана Дхармой, и выражает себя открыто, в трудах Матжиои, Р. Генона, Ю. Эволы, Т. Буркхардта и др. Таким образом, традиционализм появляется одновременно с Модерном, на его периферии, и открыто выступает против него в XX веке. *Если бы* борьба традиционалистов увенчалась успехом, Модерн был бы смещен, то

[88] См. Марк Сэджвик «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века».

мы могли бы говорить о традиционалистском «Постмодерне», о новом издании Традиции.

Но после Второй Мировой картина мира Модерна, язык современности, начинает претерпевать радикальные изменения не традиционного характера, но затрагивающие как парадигму Традиции (включая манифестационизм и креационизм), так и парадигму Модерна, превращаясь в нечто совсем *иное*.

Мы связываем основной посыл Постмодерна как доведение программы «освобождения от» до максимума, как обращение посыла к освобождению от больших проектов, от структур на самое себя, на Модерн. Так как Новое время выстраивается через отрицание традиционной структуры, в себе самом оно несет отражение этой структуры. Человек не просто низвергает Богов, он занимает их место. Вместо ритуалов и обрядов институализируется наука. Сила сменяется правом, религия – идеологией.

Постмодернисты, представленные в большинстве французскими постструктуралистами (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ф. Лиотар), утверждают, что структуры Модерна такие же репрессивные, тоталитарные, как и структуры Традиции. Освобождаясь от теологии, от Сакрального, модернисты все равно выстраивали иерархические конструкции, сконфигурированные иначе. Кажущаяся однородность горизонтального измерения Модерна, с точки зрения Сакрального, оказалось, имеет в сжатом виде иерархичность, этажность. Здесь мы можем вспомнить Фрейда, вскрывшего два этажа: сознательное и бессознательное, в котором локализовался вытесненный рацио миф. Модерн перенял *догматизм* традиционного (христианского) общества, облачив его в свой язык научных фактов, аксиом и законов природы и общества.

Постмодернизм провозгласил *деконструкцию* структур и конструктов Модерна, и предложил принципиально иное устройство мира, основывающееся на отказе от какой-либо иерархичности, пусть и модернистской.

Принципиальное значение для постмодернистов имеет отказ от любой вертикальности и диктатуры, авторитаризма, выраженных в патриархальности общества, науки, сознания, в вертикальном Логосе, в ориентиации на него и на вертикаль, на фаллизм (патриархальность). Постмодернизм последовательно отрицает любой фалло-лого-центризм, то есть любую авторитарную структуру, неважно по каким лекалам (каким языком) она выражается: наука и секулярность современности или

Сакральность и теология язычества. Становление парадигмы Постмодерна происходило после Второй Мировой войны, фактически являясь рефлексией на ужас тоталитаризма Третьего Рейха и Советского Союза, отсюда ключевой мотив освобождения от структур как освобождения от фашизма, где фашизм есть любая инсталляция любой формы «нормы».

Отказ от патриархальности, а как следствие окончательное схлопывание горизонтали в абсолютную плоскость, исключает установление понятия «нормы» в любой форме, как проявления диктатуры – нарушения горизонтальной однородности вертикалью, которая аксиоматически влечет за собой структурирование пространства (идейного, социального, политического, антропологического, темпорального) вокруг себя. В этом мы имеем дело с инстанцией хтони в чистом виде. Если титаны и титаническое начало как подоплека Модерна, это порождения Великой Матери, враждебные Богам, и в своей войне они стремятся *взобраться* на Олимп, то есть *выстроиться вертикально как Боги, не будучи Богами*, то Постмодерн – это хтонические и гипохтонические измерения Великой Матери. Материя ниже самой материи, подводный гладкий, зыбкий клейкий ил[89].

Мир Постмодерна является принципиально новым и еще более тонким и опасным вызовом для языческой философии, языческих общин и обществ, существующих сегодня. А равно и для адептов креационизма, и для сторонников классической картины мира Модерна. Тем не менее, Постмодерн является логическим доведением программы Модерна – освобождения от – до конца, кульминации. Божественное уходит, титаны одерживают триумф в битве, теперь они могут вернуться к Матери.

Далее мы продолжим наше путешествие по концептуальному пространству поля боя Традиции, Модерна и Постмодерна, сосредоточившись на принципиально новых и экстравагантных предложениях пост-современной пост-картины пост-мира.

Постонтология и постгносеология

Отказ от структуры, от системности, иерархии и шире – от любого представления о «должном» и «норме», которые выступают ориентирами в жизни или развитии общества и человека – является определяющим направлением Постмодерна. Продолжение программы «освобождения от», примененное на самое себя (Модерн) деконструирует картину мира

[89] См. А. Дугин «Ноомахия», том 1.

Нового времени, выраженную в секулярной науке. И в этом порыве происходит освобождение хватки гносеологического расизма в отношении традиционных воззрений. Но – и в этом принципиальная важность – не происходит возврата к традиционным ценностям, не происходит их утверждения. Постмодерн отрицает как структуры Модерна, так и структуры Традиции, *но увлекает их фрагменты и формы* в своем потоке. Репрессивная хватка Нового времени ослабевает и обновленное гуманистическое христианство, в лице католичества, делает шаги навстречу Постмодерну – частично признает положения современной науки, социальные изменения, приносит покаяния за свои грехи и политику дискриминации (Иоанн Павел II). В это же время, вторая половина XX века, начинается упомянутая нами в самом начале «заря» язычества в современную эпоху. Вытесненное на периферию общественного внимания, культуры, мышления и языка, язычество все же существовало до сегодняшнего дня, его современный подъем связан именно с ослаблением хватки Модерна, то есть с Постмодерном и его повесткой. И было бы самоубийственным самообманом считать, что это ослабление хватки есть жест признания языческой Мудрости и приглашение к возвращению и восторжествованию.

Традиционная истина или научная истина – это уже не имеет значения, так как любое представление об истинности и, как следствие о норме, является диктатурой. Истин становится принципиально *много*. Каждый индивид может обладать *своей* собственной истиной по любому вопросу, и знает, что другой индивид, даже с противоположной точкой зрения, *тоже обладает* своей истиной. Таким образом, вопрос истины становится *игрой*, истина утверждается как таковая сиюминутно, и так же быстро рассыпается. Критерий истинности – выгода, эффективность, успех. То, что в текущий момент будет выгодно, принесет прибыль, то и истинно. В других условиях, истинным может быть любая иная точка зрения. Апелляции к реальности как к «на самом деле» теряют смысл, ибо никакого «на самом деле» более нет, только ничто. Поток игры, случайных конфигураций и смешения несмешиваемого.

Все предстает как калейдоскоп быстроменяющихся случайных конфигураций. Среди самых случайных конфигураций попадаются те, которые в рамках язычества считаются истинной картиной мира – Боги, Сакральность, иерархия, Дхарма. Или те, что считаются истинной в креационизме – Бог, творение, заветы, служение. И те, что считаются истиной в Модерне – эмпирический факт, прогресс, развитие, наука.

Но в кружении калейдоскопа эти «истины» являются лишь одними из случайных конфигураций, среди которых ни одна не носит характера абсолютно истины, но каждая из них является истиной в тот момент, когда она складывается в окуляре калейдоскопа.

Случайность конфигураций калейдоскопа может смешивать в одну картину фрагменты разных «истин», и таким образом мы можем увидеть в сложившейся конфигурации элементы языческого мира, смешанные с полетами в космос, фантастическими изобретениями в руках сатиров или эльфов. То, что такая картина не имеет отношения ни к язычеству, ни к науке, мы уже говорили.

Познание реальности становится невозможным из-за отсутствия структур, выстраивающих его в систему и направляющих его к цели познания. Иначе говоря, отсутствует единый язык интерпретаций, единый код истины: Сакральное познание-отождествление или верификация и фальсифицируемость. Австрийско-американский философ Пол Фейерабенд во второй половине XX века провозглашает эпистемологический анархизм – отказ от универсальных критериев истинности знания. Ученый, согласно Фейерабенду, волен создавать любую, даже самую абсурдную, теорию или следовать любой другой, даже самой устаревшей. Одним из выводов его концепции стало уравнение научного и религиозного познаний, как равных, вместе с другими, химерическими, абсурдными и экстравагантными.

В области теоретической фундаментальной физики, объясняющей пространство, время и фундаментальные взаимодействия, изменения в сторону от Модерна начались в начале XX века, и к сегодняшнему дню по своей сложности, абстрактности, гипотетичности и экстравагантности почти сравнялись с эзотерикой в её профанном смысле, как с нечто мистическим. Эрнест Резерфорд расщепляет атом, тем самым доказывая, что он не «неделимый», и состоит из более мелких частиц, которые, в свою очередь, дробятся до субатомных частиц и, на основе теории относительности (А. Эйнштейн) и квантовой механики (Э. Шрёдингер), доходят на микроуровне до современной теории струн. Другой перспективной обобщающей фундаментальные взаимодействия теорией является М-теория, базовым объектом которой является [мем]брана – гипотетический многомерный объект, конституирующий струны и объекты большей мерности. Спецификой теорий квантовой механики, бран и струн, является их многомерность и чрезвычайная сложность экспериментального подтверждения. Новые теории отказываются от

трехмерного (3D) понимания вселенной в пользу n-D теорий, в рамках которых, время – лишь одно из измерений. По ряду мнений, математический аппарат, позволяющий разработать средства экспериментального подтверждения ряда теорий, на данный момент отсутствует. Многомерность струн допускает возможность существования *мультивселенной* – вселенных, в которых наша является лишь одной из многих неизвестных. Многомировую интерпретацию допускает и квантовая теория, из которой в массовую поп-культуру вошел пример эксперимента нобелевского лауреата Эрвина Шрёдингера. Другим наиболее «эзотерическим» примером является теоретическое многомерное пространство Калаби-Яу[90], воспринимаемое обывателем как нечто из мифологии индейцев мезоамерики.

Сближение и экстравагантность неклассических физических теорий с мистикой и эзотерикой порождает пограничные учения, смешивающие обрывки религиозности, космическую фантастику и некоторые примеры квантовых интерпретаций, и выдающие их за откровения из высших инстанций. А многие популярные и академические труды по квантовой теории и струнам размещаются в эзотерических отделах книжных магазинов. Но эзотеричность квантовых и струнных теорий иллюзорна и не имеет никакого отношения к метафизике и эзотеризму, в понимании Генона. Неклассические теории все глубже *зарываются* в вещество, в материю. Они умножают версии, теории, фундаментальные объекты и их измерения, но при этом все так же игнорируют традиционную метафизику. Несмотря на то, что браны и струны являются сегодня скорее объектом *веры*, чем точного знания, их природа человечна и материальна.

Но несмотря на то, что указанные теории уделяют большое внимание гравитации и космическим объектам (Черные дыры), само освоение космоса, грезы о космической экспансии человечества, к началу XXI века стали сходить на нет.

Высадка американцев на Луну в 1969 году и программы многоразовых пилотируемых кораблей стали пиком космической гонки, воплощавшей всю мощь науки и техники, достигнутых человеком в XX веке. Программа «Аполлон» завершилась последней высадкой людей на Луне в 1972 году. Позже, в 1988 году свой первый и единственный непилотируемый полет совершил советский челнок «Буран», двумя годами ранее потерпел крушение американский шаттл «Челленджер», последний шаттл

[90] Получило название в честь двух математиков, Эудженио Калаби и Шинтана Яу.

«Атлантис» выведен из эксплуатации в 2011 году, через 8 лет после крушения шаттла «Колумбия».

Завершение освоения Луны и программ космических челноков ознаменовало поворот от масштабных, экспансивных проектов человечества к более приземленной сфере технологий и решений для быта и комфорта. Пик освоения космоса пришелся на вторую половину XX века, в это же время параллельно на западе (США и Европа) устанавливается новый тип общества – общество потребления, и прорастают глашатаи Постмодерна.

В литературе этот поворот общества отражается в выходе на доминирующие позиции, на смену научной фантастике, для который были важны критерии научности, обоснованности и которая нередко несла прогностические пророчества о будущих технологиях, такого жанра, как фэнтези.

Жанр *Фантазии* (Fantasy) возникает в начале XX века, и связан с такими именами, как: Роберт Говард, Эдвард Планкетт (лорд Дансени), Клайв Льюис, Джон Толкиен, Говард Лавкрафт, Анджей Сапковский и др. Предтечей жанра являются средневековый эпос, рыцарский роман и более древние легенды и сказания. Древние эпосы, такие как Беовульф или Песнь о Нибелунгах, несомненно подверженные в поздних переписях христианским веяниям, содержали миф и хроники, и через это были реальными, ценностными для традиции текстами. Авторы фэнтези, опираясь на древние мифы и средневековые, уже христианские эпосы создают множество миров, которые наследуют мотивам реальных хроник и мифов лишь внешне и стилистически, заимствуя стиль (родовая сага, хроника, легендариум), структуру сюжета, мифологические – «фантастические» – фигуры и персонажей. При этом конечные произведения в итоге не соотносятся с реальностью так же, как ценностные для традиции тексты, но при этом максимально на них похожи[91]. В классических произведениях мы можем встретить эльфов, гномов, троллей, богов, героев и людей, множество миров, войны и подвиги, известные нам по традиционным мифам, но переложенные на вымышленные расы, пространства, страны, мифологию вымышленных народов и богов. В русскоязычной литературе ярким представителем

[91] Речь идет о т.н. «высоком фэнтези», отцом которого считают Дж. Толкиена и его легендариум, основанный на смешении множества мифов разных народов и времен Европы.

жанра «славянское фэнтези» является Мария Семёнова и, с рядом оговорок, Лев Прозоров.

Позднее, с оттеснением строгой к достоверности научной фантастики на периферию, жанр фентези смешивается с научной фантастикой, порождая миры и повествования, где магические действия, Божества и чудеса объясняются с научно-технической точки зрения, как технологии, превосходящие современные доступные человечеству. Либо повествования, где научно-технические средства и магическо-фантастические сосуществуют и взаимодействуют параллельно, т.е. каждое по своим законам и не вызывая конфликта интерпретаций реальности строго с одной точки зрения, научной или, условно, магической (мифической). Повествования такого рода могут описывать миры, где «мифические» существа бороздят просторы галактики на космических кораблях, а «Боги» активно используют телекоммуникации, фантастическое оружие, битвы героев со злом происходят при использовании самых высокотехнологичных средств. Классические оппоненты героев – чудища – оказываются плодами генных экспериментов, роботами, клонами и т.д. Среди авторов научного фэнтези, технофэнтези, можно выделить некоторые работы Г. Уэллса, братьев Стругацких, Р. Желязны, Ричарда Халливела и Брайна Ансела[92]. Максимальным вырождением и опрощением жанра, одновременно максимально иллюстрирующим то, о чем мы говорим, является вселенная комиксов, созданная и достигшая своего расцвета в США.

На примере изменения тенденций в литературе от строгой научности (язык Модерна) к *подражанию* традиционному языку, и наконец – к смешению научного и мифического, магического, к их сосуществованию, взаимопроникновению, мы можем распознать становление Постмодерна с его отказом от нормативности и всесмешением.

В фэнтези мы найдем следы традиционных мифов и эпосов, найдем элементы науки и техники, мы *узнаем* в нем элементы реальности и истории. Но если мы отвлечемся от произведения, чтобы обнаружить то же самое в реальном мире, мы не встретим там такового. Если научная фантастика, с ходом развития техники, частично воплотилась (а что не воплотилось – это вопрос времени и развития) в реальные устройства, технологии и социальные изменения; если традиционные сказания, былины и легенды были (и всегда являются) реальностью, то фэнтези в

[92] Р. Халливел и Б. Ансел являются создателями настольной военной технофентези игры, по мотивам которой происходит активная новеллизация.

реальном мире не имеет никаких воплощений и оснований. Миры фэнтези, будь то высокое фэнтези Толкиена, с детально проработанной мифологией, географией, народами, даже искусственными языками, либо технофентези Б. Ансела или Стэна Ли, являются симуляцией, подменой – симулякром.

Симулякр, в интересующем нас значении, употребляется Жаном Бодрийяром и Жилем Делёзом, и означает репрезентацию того, что не существует; копию *без оригинала*. Копия без оригинала, или знак, который не имеет в реальности того, что он означает, можно представить как подделку, *fake*, под реальность того, что ею не является. Например, изображение, созданное цифровыми средствами, обработанное под картину, нарисованную масляными красками и перенесенную на холст.

Другой пример симулякра – музыкальное направление Ambient, представляющее собой симуляцию (либо фрагментарное смешение сэмплов с реальными записями) звуков окружающей реальности: шумов природы, города, войны, медиа, радиопомех и т.п.

Легендариум Дж. Р. Толкиена является ярким примером симулякра в литературе. Примером искусственного языка вне художественного произведения служит эсперанто.

С развитием технологий трехмерной печати, стало возможным создавать не просто семиотические симулякры в области культуры, но и вполне конкретные осязаемые вещи. Так, в Англии с помощью искусственного малинового сока, химикатов и технологии дозированной подачи капель, инженеры смогли «слепить» внешне почти идентичную по форме ягоду малины, состоящую из капель этого сока. Получившаяся ягода внешне очень схожа с малиной, но от самой настоящей ягоды в ней нет ровным счетом ничего. Схожие технологии применяются и в Японии. В области медицины трехмерная печать вплотную подходит к созданию точных копий человеческих органов, предназначенных для трансплантации. Следующим логичным шагом является печать химерических органических структур и генно-модицицированных организмов.

Помимо области культуры, симулякрами могут выступать и вполне «осязаемые» события, освещаемые медиа. Сам Ж. Бодрийяр считал симулякром войну в Персидском заливе. Яркая иллюстрация создания симулякров реальных событий в политических целях является фильм «Wag the Dog» – «Хвост виляет собакой», по сюжету которого, правительство США нанимает команду режиссеров, сценаристов и актеров, которые снимают «хроники» войны в одной из стран Восточной

Европы, преподносимые в СМИ как реальные события, ради сокрытия скандала в Белом Доме.

В современной истории яркими примерами симулякров являются внезапные вспышки особо опасных болезней, таких как «птичий грипп», «лихорадка Эбола» и др., которые захватывают внимание мировых медиа и формируют социально-политическую повестку на некоторый короткий срок. Угрозы эпидемиологической опасности во всех случаях выполняли функцию «to wag the dog» – отвлекать внимание от более важных событий на менее значимые, но раздутые в СМИ.

Симуляция реальности, событий, их обсуждений неразрывно сопряжены со средствами современных виртуальных коммуникаций, массовыми медиа и привязанностью широких масс к этим информационным каналам и потокам. Здесь актуален тезис, сформулированный главным пропагандистом XX века, Йозефом Геббельсом: «Ложь, повторённая тысячу раз, становится правдой».

Важно отметить, что в случае с фэнтези, эмбиентом и рядом иных культурных направлений, симулякр выступает как искажение реальности, как маскировка под реальность: вспомним уподобление фэнтезийных легендариумов под средневековые и более древние эпосы; подражание реальным картинам и техникам изобразительного искусства. Следующим шагом, обнаруживаемом в социально-политических медийных симулякрах, становится подмена реальности, запутывание следа от транслируемой картинки, мнения, обсуждений к непосредственно самому событию, к реальности. Так, пытаясь распутать некий медийный тренд, ищущий его реальное основание, человек оказывается в замкнутом, как лента мёбиуса, кольце ссылок, цитирования, которые упираются друг в друга и, наконец, не ведут ни к какой реальности вообще. А транслируемая картинка, люди и события являются набором декораций и актеров в одной из студий «фабрики грёз».

Финальным шагом становится отказ от сокрытия отсутствия реального основания у события. Чистая симуляция знакового потока, не требующего сверки с реальностью, порождающего поток свободных интерпретаций, обсуждений. Бесконечный рециклирующийся процесс семиозиса – порождения значений. Без референции. Тот факт, что обсуждаемые со всей серьезностью события, на самом деле не имеют вообще никакой реальности, и являются продуктами графических редакторов, видеомонтажа, генераторов текста. Не имеет значения, так как никакого «на самом деле» в Постмодерне не существует. Все, что «может быть» уже

«есть», а все что «есть» – воплощение того, что «может быть». Ярчайшим примером чистого, не скрывающего своей природы симулякра, является «вспышка» лихорадки Эбола в 2014 году, названная «глобальной проблемой №1».

Постмодерн позволяет одновременно оперировать «истиной» Традиции и «истиной» Модерна, а также любой другой, созданной индивидуумом «истиной», смешивать их, утверждать их одновременную «истинность», минуя их фундаментальную несводимость друг к другу, за счет отсечения всех высших (или глубинных) измерений и смыслов. Постмодерн оперирует с формами, с плоскими изображениями, которые не ведут ни к чему серьезному, осмысленному, фундаментальному. Попытка вывести корневое, фундаментальное, реальное основание из постмодернистского дискурса упрется в закольцованное цитирование и ссылки. Поэтому идеальным представлением реальности в Постмодерне становится экран: абсолютная плоскость, проецирующая такие же плоские, никуда не ведущие и ничего не взыскующие изображения, тексты – знаки без означаемого.

Постчеловек

Трансформации подвергается и представление о человеке, доводя посыл либерального гуманизма до своего пика, который знаменуется концепциями трансгуманизма и постгуманизма. Граница между трансгуманизмом и постгуманизмом на сегодняшний день не определена четким образом, поэтому можно соотнести эти две концепции как взаимодополняющие друг друга.

Трансгуманизм утверждает своей целью процесс бесконечного усовершенствования человеческого организма с помощью новейших достижений науки в областях трансплантологии, кибернетики, биотехнологий, нанотехнологий, ноотропной фармакологии, хирургии, крионики, информатики и др. Бессмертие и слияние с искусственным интеллектом видится желанной перспективой. Так, к биологической и социальной эволюции человека добавляется технологическая ступень. Человек становится открытым проектом, холстом для изменений. Тем, что должно усовершенствовать: добавить вместо ограниченной мышечной силой руки стальной протез, способный поднимать большие грузы; усовершенствовать человеческую память имплантами с модулями памяти, интерфейсом «мозг-компьютер»; улучшить когнитивные функции с помощью препаратов; модифицировать внешний вид по любому образцу.

Такие фундаментально определяющие человеческое бытие и экзистенцию вещи, как расовая (видовая), этническая и половая принадлежность становятся вариабельными. При желании сегодня можно сменить пол, разрез глаз, рост, цвет кожи, и даже сделать это неоднократно. Либо вообще отказаться от половой и видовой принадлежности, трансформируя тело в сторону подражания животным либо полностью синтетическим кибернетическим организмам. Сегодня это реально не только технически, но и юридически закреплено как право индивида и реализуется свободным образом многими людьми. Постгуманизмом мы можем назвать ту стадию, когда в процессе трансгуманистских метаморфоз внешний и структурный облик человека изменится настолько, что он станет кардинально отличаться от нормальной человеческой конституции. Одной из программных задач постгуманизм ставит достижение технологической возможности загрузки сознания в компьютер, в сеть и в виртуальную реальность. Так как либеральный гуманизм устанавливает определение кто есть «человек» как конвенцию, договор, то ничто не мешает его пересмотреть и внести в определение «человека» новые характеристики, позволяющие считать «человеком» существо с преобладающими механическими элементами, напечатанными органами, либо и вовсе считать за человека условную «программу» в виртуальном пространстве, являющуюся загруженным в него сознанием человека, воплощающим себя в пестрой «аватарке/user picture». Значительный вклад в философию и популяризацию трансгуманизма оказал Ферейдун М. Эсфендиари, более известный под своим трангуманистским именем FM-2030, умерший в 2000 году от рака. Ныне он ожидает своего воскрешения, с помощью новых технологий, в криокамере.

В социально-политической сфере трансгуманисты солидаризируются с либертарианцами, постгендерными движениями (движения за отказ от пола), движениям радикальной экологии (утверждают, что развитие технологий позволит улучшить экологию), и активно выступают в защиту и за расширение гражданских прав и свобод. Примечательно, что некоторые постгуманисты критикуют трансгуманизм за заостренность на только человеческой эволюции. Ф. Фукуяма критиковал трансгуманизм как идею бесконечной гонки улучшений, заостряя внимание на сопутствующих социальных проблемах: качество жизни, потенциальное социальное неравенство из-за дороговизны биотехнических модификаций для широких слоев населения.

В Постмодерне происходит отказ от рассмотрения человека как индивидуума – т.е. «неделимого», в пользу концепции дивидуума – «делимого». Человек становится дивидуальным, распыленным между бесконечным множеством потенциальных жестов, направленных на свою телесность и идентификацию. Мутанты, киборги, аватарки, клоны, люди-ГМО становятся привычной картиной дня.

Традиционные и модернистские подходы к человеку, вольному с помощью бодимодификаций (пирсинг, скарификация, тату, хирургия, имплантация) изменять свой внешний облик постоянно, совмещая это с вариабельностью социальной идентификации (субкультура, группировка, пол, профессия, социальный статус и ниша), в которой можно совмещать, казалось бы, несовместимое[93], более не работают в полной мере, но могут быть интерпретированы симуляционным образом. Так, человек совершивший ряд операций для изменения своего внешнего вида в сторону, например, «эльфийской» наружности и указавший в графе о национальности «эльф», казалось бы, воплощает традиционное представление о метаморфозах человека, о существах типа русалок, кентавров и фавнов. С другой – это достигнуто с помощью чисто научных, технических и юридических достижений. Таким образом, такой модификант не относится ни к традиции, ни к научной позитивистской парадигме, становясь симулякром.

К этой картине следует добавить еще одно, не менее важное измерение человеческой дивидууации – репрезентация себя в виртуальном пространстве, в сети. Интернет, как площадка коммуникации, особенно в форме социальных сетей и сервисов, предлагает человеку неограниченный выбор возможностей собственного представления себя перед другими. В виртуальном пространстве аккаунт (учетная запись) дивидуума может быть любой. Он может менять пол, представляться кентавром, инопланетянином, иностранцем, исторической личностью или неодушевленным предметом, камнем или стиральной машиной. И молниеносно менять эти симулятивные личины. Виртуальная коммуникация и социальная жизнь сегодня является практически неотъемлемой частью современного человека, он одновременно является и существом, живущим в реальном мире, и постоянно пребывает «online», давая некоторую форму жизни своему виртуальному продолжению. В

[93] Примером может служить чешский профессор, композитор и преподаватель театрального искусства Владимир Франц, тело которого на 90% покрыто татуировками и пирсингом, и который в 2013 году баллотировался на пост президента Чехии.

антиутопической перспективе человек мыслится как био-оффлайновый придаток виртуальной [суб]личности, его обслуга.

В отношении человека работает все тот же постулат о том, что все «актуальное» уже есть воплощение «потенциального», а «потенциальное» уже «актуально». Человек должен стремиться к максимальной актуализации всего потенциального, всего возможного к воплощению. Он должен экспериментировать со своей телесностью, играючи менять роли и идентификации, модифицировать тело. Весь комплекс потенциальных возможностей, к которым должно стремиться, постмодернисткий дискурс наделил термином «тело без органов», восходящий к французскому философу и социологу Ж. Батаю. Человек в Постмодерне – это безудержная машина желаний (Дёлез и Гваттари), потребляющая удовольствие от *процесса* изменений, а не от их результата или целей, которых не предполагается вовсе.

Биологическая конституция человека в Постмодерне также объявляется фашистской диктатурой по отношению к свободе органов и суставов действовать согласно их воле. Вертикальное положение человека и напряжение систем органов есть диктатура сознания по отношению к органам и телесности. Внутренние части человека вправе организовать своё управление, свой парламент и принимать совместные решения. Замечательным образом это проиллюстрировано в миниатюре М. Хворостова «Телесное», которая повествует о сложностях договорных отношений между ногами, руками, глазами, печенью, мозгом и сознанием («Я») человека в повседневной жизни. В результате конфликт между руками и ногами выливается в кровавую драму, в ходе которой человеческое «Я» силой воли останавливает в замахе руку с ножницами, чем вызывает шок и ужас, от такой вопиющей диктатуры, всех остальных органов, которые принимают коллективное решение застрелить «человека».

Более того, в сфере поиска внеземной жизни на других планетах также был выдвинут показательный и строго постмодернистский тезис о том, что человечество пытается отыскать признаки разумной жизни, или условий её возникновения, согласно его собственной истории и условий, необходимых для его существования, то есть он утверждает «карбонный расизм», имея ввиду определяющую роль углерода в жизни на Земле. Таким образом, правовая и политическая практика толерантности и эмансипации автоматически экстраполируется на внеземные формы

жизни, наличие которых до сих пор никоим образом не подтверждено (с точки зрения классического Модерна их нет так же, как нет и Бога).

Не стоит воспринимать тезисы Постмодерна как экстравагантные и нездоровые, шизофренические фантазии. Для США и стран Европы – это актуальная реальность, закрепленная юридически и практикуемая множеством людей. Россия так же, но пока только частично, подвержена этим тенденциям и такие примеры в ней пока носят характер авангардного эпатажа и нездорового поведения публичных фриков. Для язычников-традиционалистов концепции дивидуума, человека без антропоморфных признаков (киборг, загруженное в компьютер сознание, модификант) и симулякры вещей представляют архисложный вызов, подчас отягощенный тем фактом, что ещё не все рефлексируют концепты Модерна.

Что есть искусственная напечатанная «малина» британцев, с точки зрения аграрной мифологии третьего сословия и Сакральной демиурги? Как соотносится электронное сознание и максимально роботизированный организм с Сакральным инициированным человеком? На эти вопросы мы можем дать утвердительно только негативный ответ. Существо, не вышедшее из чрева матери (и за счет этого – подобное другим родичам и соплеменникам), не умершее-и-родившееся в ходе посвящения, и не вошедшее в землю или на костер после смерти – есть существо не человеческое, но подобное ему и пребывающее ниже него. Это креатуры нижних миров, лишенные Дыхания Богов. Роботы и роботизированные организмы подобны големам из иудейской мифологии, чья жизнь и некий смысл заключаются в бумажке, вложенной им в рот – в программном коде алгоритмов действия и интерпретаций команд хозяина. Схожий мотив мы найдем в русской сказке «Глиняный парень»[94], где бездетные старик со старухой, что уже говорит нам об их некоей витальной неполноценности, лепят из глины паренька себе в дети. В итоге парень съедает сначала весь хлеб, продукт священного земледелия, потом «родителей», быка, встречных дровосеков и мужиков и баб с граблями и косами. В итоге его обманывает и разбивает рогами козёл – животное, посвященное Велесу и одна из распространенных личин и персонажей на зимних колядках, – освобождая из его чрева узников. Мотив творения из глины, и подчинения, пленения жизни хтоническому началу, напрямую отсылает нас к демиургии Прометеем человечества Железного века, которое связывается с мотивом голема в произведении Мери Шелли «Франкенштейн или Современный Прометей». А братья Стругацкие напрямую называют

[94] Приводится по обработке А.Н. Толстого.

голема, созданного Львом Бен Бецалелеем, главным раввином Праги, жившим в XVI веке, первым кибернитическим роботом.

Искусственная пища – не результат вспахивания земель, труда сеятелей и жнецов. Она не проходит через цикл соответствующих ритуалов, обычаев и не освящается проявлением Божественного начала в людях земледельческого сословия. Она есть подмена, которую мы можем сравнить с роковым даром царя Мидаса, который он получил от Диониса – обращать все, к чему он не прикоснется, в золото. Но в нашем случае речь идет не о царе, который впоследствии был избавлен от проклятия, и не о благородном золоте, но о прометеевом бездуховном человечестве, которое производит неполноценные подобия всего, к чему прикасается его ум и орудие. Дивидуум Постмодерна – анти-Мидас, превращающий все, даже самое яркое золото, в ничтожащую грязь и ил. И не воспринимающий свое проклятие как *проклятие*.

Одновременно с доведением программы либерального гуманизма по отношению к телесности до своего максимума, Постмодерн утверждает и антигуманизм – отказ от индивидуума в пользу доминирования масс.

В результате культивирования [ин]дивидуальности выходит парадоксальная ситуация схожести [ин]дивидуумов друг с другом, наблюдаемая ещё в Модерне. Дробление молодежи на субкультуры, берущие начало на заре XX века, сначала вводит множество субкультур, каждая из которых обладает своим набором норм, эстетических и социальных представлений. Призывы молодежи к индивидуальности (неповторимости, уникальности) обернулись множеством подобных друг другу людей, сначала четко разделенных границами субкультур, классов и этнического происхождения, а ныне – границы носят практически невесомый и чрезвычайно условный характер. Явления массовых медиа, массового тиражирования образцов массовой же культуры (ТВ и поп-арт) привело к стиранию граней между массовым и элитарным искусством, в пользу профанации и тиражирования элитарных произведений. Массовая мода, музыка, кинематограф размыли принцип индивидуализации, породив множество лишь на словах «неповторимых», но под копирку схожих людей. Виртуальное дигитальное пространство вносит свою лепту в этот процесс, сводя затраты на копирование, тиражирование и потребление массовой культуры и паттернов «норм», эстетики, социальных ролей до максимально широкого количества людей, практически к нулю. Время, когда принадлежность к группе, пусть и субкультурной (мы уже не говорим даже о фундаментальных этнической и

традиционной принадлежностях), но все же была важной идентичностью, за которую боролись и даже погибали, сменилось временем играющего отношения к культурной идентификации; ничего не значащего потока образов без вникания в их историю и изначальный социальный или идеологический посыл. Общество слилось в массу дивидуумов, распыленных по множеству репрезентаций и личин, и масса превалирует над дивидуумом.

В этой связи интересно рассмотреть концепцию «множеств» современного итальянского левого философа Антонио Негри и американского философа Майкла Хардта. Согласно Негри и Хардту, множества – это политический субъект, который авторы противопоставляют национальной, и в том числе массовой идентификации. Единственная идентификация множеств – это их совместное существование, что делает их глобальным распределенным субъектом. Множества не поддаются категоризации и сохраняют все различия входящих в них единиц: гендерные, религиозные, этнические, культурные и т.д. Множества – это конгломерат неоднородностей, объединенные не через государственные (национальные) институты, а через сетевой принцип и глобальность мира, стирание различий между политической и экономической деятельностью.

Если, говоря о гуманизме, мы говорили об уравнивании всех людей по нижней границе, т.н. «общество равных стартовых возможностей», то говоря о множествах, мы можем говорить об объединении во множества по принципу стихийности и превалирования «множественности» над иными идентификациями.

В итоге, с одной стороны мы видим ультра-либеральный гуманизм, делающий любую форму идентификации, включая половую, расово-этническую, био-антропологическую, полем игры и технических изменений. С другой мы видим обезличивание декларируемой индивидуальности, растворение [ин]дивидуума в вариативных идентификациях и репрезентациях, транслируемых средствами массовых медиа и коммуникаций образах. И в завершение, эти вариативные игровые идентичности могут быть стихийным образом объединены в сетевые множества, которые предстают, согласно Негри и Хардту – левым и неолиберальным мыслителям – как новый политический глобальный субъект.

В традиционном обществе отсутствует представление об индивидууме, в постмодернистском обществе его тоже нет. Это может навести на ложную

мысль о тождестве парадигм, о совпадении программы Постмодерна с освобождающейся изпод гнета Модерна, Традицией. Но сходство здесь носит поверхностный характер. Массы (и множества) превосходят индивидуума, но они не являются холосом, возводящим человека к Сакральному. Довлеющие над человеком масса или множество – антигуманизм – не освобождают его, но встраивают в глобальную сеть стихийных бифуркаций вокруг случайных аттрактантов. Массы не выражают сословного деления общества, а множества выводят дивидуумов за любые рамки, включая особенно важную этническую, идентификаций.

Возвращаясь к вопросу, что есть Человек в Традиции, мы определили человечество Железного века как творение Прометея из глины, одушевленное и одухотворенное Богами. Взирая на Постмодерн, мы можем заключить, что это человечество – набор глиняных черепков, разбитых, недоделанных и неудачных творений, смешанные с мокрой, расползающейся по плоскости глиной и илом.

Постобщество

Частично мы уже дали дефиниции постобщества Постмодерна, рассматривая массы и множества, и далее мы продолжим наш путь в этом направлении.

В стремлении отказаться от диктатуры любого представления о норме, постмодернисты в лице Жиля Делёза и Феликса Гваттари, обращают свое внимание на семью[95]. Семья ими представляется как базовая ячейка фашистского (тоталитарного) общества, где ребенок принуждается любить того, кто подавляет его свободу и диктует нормы поведения. Авторы объединяют психологическое подавление личности в семье с общественным подавлением. Рассматривая семью как эдиповский треугольник, они заключают, что она является истоком диктатуры и комплексов от подавляемых в ней желаний членов семьи. Согласно мифу, отцу Эдипа Лаю было предсказано, что если он женится на Иокасте, то умрет от руки своего сына. Ослушавшись предсказания, Лай берет её в жены, но опасаясь свершения предсказания, прокалывает ноги новорожденному Эдипу и приказывает выбросить его у горы Киферон. Младенца Эдипа находит пастух и относит его к царю Корниф – Полибу.

В более зрелом возрасте, он узнает о предсказании, согласно которому он убьет своего отца, и сторонится Полиба, отправляясь в Дельфы. По

[95] См. Ж. Делёз, Ф. Гваттари «Анти-Эдип».

дороге он вступает в спор с повстречавшимся ему Лаем и убивает его. Явившись в Фивы, Эдип освобождает город от Сфинкса, разгадывая его загадку, за что был избран царем Фив и взял в жены вдову Лая Иокасту, которая родила ему детей.

За такое преступление Боги насылают на Фивы мор и язву, которые будут продолжаться, пока из города не будет изгнан убийца. Узнав истину, Иокаста вешается, а Эдип ослепляет себя. Когда его дети перестают оказывать ему добродетель, он проклинает и их.

На основе этого мифа Фрейд вводит в психоанализ понятие «Эдипов комплекс» – бессознательное влечение к родителю противоположного пола, и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю своего пола. Женский вариант этого комплекса введен К. Юнгом и назван «комплексом Электры», так же взятом из греческой мифологии. Электра, дочь царя Микен Агамемнона, убитого его женой Клитемнестрой, мстит с помощью брата своей матери, убивая её.

Таким образом, семья с ярко выраженной патриархальной (реже матриархальной) доминацией подчиняется её главе, а остальные члены семьи «колонизируются» её главой. В переносе с семьи на общество, мы видим схожую картину отношений между массами и властью, между обществом и капиталистической системой[96]. Ярчайшим примером таких отношений является «Стокгольмский синдром» – защитная реакция, выражающаяся в симпатии заложников к своим захватчикам, стремлением к их пониманию и оправданию. Синдром симпатии жертвы к агрессору может возникать в случае террористических актов, при заключении в тюрьму или концентрационный лагерь, в семье, в тоталитарных сектах и при ведении военных действий со стороны коренного населения к захватчикам.

Делёз и Гваттари изымают патриархальную составляющую из традиционной и современной семьи, еще сохраняющей патриархальную доминацию, противопоставляя ей открытую обществу семью. Так как человек есть машина желаний, то общество предстает обществом желаний, которое должно строиться на открытой семье машин желаний. Изъятие фигуры отца должно освободить семью и общество от вертикального измерения, и как следствие от любой диктатуры и фашизма, делая семью и общество принципиально открытыми потокам желаний, исходящих изнутри их самих.

[96] Двухтомник «Капитализм и шизофрения» Ж. Делёза и Ф. Гваттари состоит из книг «Анти-Эдип» и «Тысяча плато».

В реальной современной практике мы можем обратить свой взор на законодательные инициативы в социальной и семейной сферах в Европе и США. К инициативам, которые реализуют концепцию открытой семьи и защиты равных прав всех её членов, мы можем отнести программы толерантного сексуального воспитания детей с ранней школы; социальные программы анонимного информирования детьми о домашнем насилии («доносы на родителей»); внедрение в социальные науки типы таких семей как «приходящий родитель», «однополая семья», «шведская семья», «гражданский брак». Введение в официальные документы формулировок, заменяющих понятия «отец» и «мать» на «родитель №1» и «родитель №2», дабы уйти от дискриминации однополых браков и людей с произвольным полом; активное внедрение ювенальных технологий, призванных реформировать традиционные формы воспитания в сторону либеральных, основанных на признании ребенка как зрелой личности со своими интересами и правами, которых его нельзя лишать.

Продолжая критику фрейдизма и психоанализа в целом, постмодернисты доходят до обоснования обвинения психоанализа в фашизме и утверждения о его репрессивной функции в полицейском государстве. Сведение множества сценариев к эдиповой семье, и приведение внутреннего конфликта личности к норме и излечению – к избавлению от того же Эдипова комплекса – это акт тоталитарного насилия и утверждения «нормы». Известно, что тоталитарные государства активно используют карательную психиатрию в целях устранения оппозиции, её изоляции от общества и воздействия медико-фармакологическими средствами на сознание и поведение неугодных режиму людей. Использование медицины и психиатрии в политических целях известно в прошлых веках в США, Германии, Восточной Европе, СССР, Китае и др. странах. С помощью ангажированной психиатрии были обоснованы репрессии в отношении чернокожих рабов в США, оппозиции в странах социалистического лагеря, инакомыслящих и религиозных деятелей в Китае.

В демократических обществах репрессивная политическая функция психиатрии так же соприсутствует, но большая доля исправления девиантности и инакомыслия возложена на психологов и психоаналитиков. Чувствующий расстройство, или уличенный в отклонении от нормы человек, направляется на, подчас, обязательные сеансы на кушетке и на профильные экспертизы. Действуя мягкими средствами терапии, фармакологии и прорабатывая проблематику клиента,

система государства возвращает в лоно масс нормализированную единицу. Контроль и лечение осуществляется мягкими методами, культивируются медиа, литературой, кинематографом с учетом того, что любая социально-гуманитарная наука и сфера деятельности всегда и без исключения является идеологически зависимой от идеологии и власти государства, психоанализ становится эффективным инструментом надзора и коррекции масс.

Психоанализу Ж. Делёз и Ф. Гваттари противопоставляют шизоанализ – вместо психоаналитической редукции к одному образцу, теории описания и осознания, они провозглашают вариативность, пересечение и наложение различных форм знания о субъективности. Продолжая развивать концепцию человека как машины желания, шизоанализ выводит желание к производству, используя марксистскую теорию, – освобождает желание от сведения к семейной драме и открывает путь к социальным инвестициям желания. Само сознание, и осознание, становится лишь одной из машин желания внутри тела (дивидуация, тело без органов).

Путь к телу без органов пролегает через детерриториализацию – уже упоминавшееся нами рассеивание дивидуума, к которому в том числе может добавляться практика употребления наркотических веществ с целью раскрутить, расшатать привычное утвердившееся сознание. Что должно приводить к последующей ретерриториализации, то есть новой сборке с новыми нормами, взглядами и желаниями и поведением. Шизоанализ и детерриториализация являются обоснованиями описанной нами выше вариативности идентификаций и репрезентаций [ин]дивидуума в современном обществе и виртуальной реальности.

Таким образом, антигуманистические массы, превалирующие над индивидуумом, становятся шизомассами – массами детерриториализированных машин желаний, инвестирующих их в общество и не вытесняя их в сценарий семейной эдиповой драмы.

Общество потребления

Философ-постмодернист Жан Бодрийяр описывает современное ему общество как общество потребления; общество в погоне за симулякром счастья[97]. Бодрийяр рассматривает «счастье» как краеугольный камень общества потребления и демократического общества всеобщего равенства. Счастье – это набор знаков, его *означающих*. И перед этим набором все

[97] См. Ж. Бодрийяр «Общество потребления».

люди равны. Потребляя вещи, отмеченные знаками счастья и благосостояния, люди сокращают социальный разрыв между классами и стратами. Так формируется демократический миф о равенстве, подменяющий реальное участие в жизни государства и общества на погоню за знаками, позволяющими отнести себя к категории успешных людей; миф, маскирующий реальную дискриминацию и неравенство в обществе.

Общество потребления диктует стремление к счастью (выраженному в знаках), т.е. само продуцирует потребление ради потребления. Счастье становится целью, оттесняющей свободу и текстуру реальности, подменяя её семиотической текстурой знаков. Погоня за счастьем, набор знаков которого меняется стремительно, порождает необходимую для потребления расточительность. Соответственно, в такой системе свободный, рациональный выбор невозможен – он всецело продиктован знаковой системой и сформированными общественными ценностями, на основе знаков счастья, успеха и благосостояния. Человек становится синтезом потребляемых им знаков (снова дивидуация/детерриализация). Человек – это то, что он потребляет, вернее: это знаки, которые он потребляет. Разбирая общество потребления, Бодрийяр также обращается к сравнению погони за знаками с примитивными карго-культами:

«Не обвиняя в примитивизме (а почему нет?) антропоидных охотников-сборщиков, блуждающих в наши дни в джунглях городов, можно тем не менее извлечь из действий туземцев притчу об обществе потребления. Ожидая чуда от потребления, такой охотник тоже приводит в действие предметы-симулянты, характерные знаки счастья, и затем ждет (безнадежно, сказал бы моралист), что счастье придет само».

Огромную роль в обществе потребления играет массово-информационная культура и СМИ. Мода, как идеология устаревания вещей, призвана стать новой религией нового общества. Мода требует актуальности изменчивости, тем самым она есть движитель смены набора знаков успешности и счастья. Модность и успешность, на её основе, заложена в такие субкультуры как хипстеры и яппи. Яппи – аббревиатура от «Young Urban Professional Person» – класс прагматиков, бизнесменов и светски ориентированых молодых людей свободных нравов. Расцвет пришелся на 1980е годы в США. Хипстер и хиппи – названия, восходящие к жаргонному «to be hip» – «быть в теме/моде», субкультура родом из 1940х годов США. Хипстеры, как и хиппи – продукты буржуазного

общества потребления и носители соответствующих идеологий, отличающихся лишь формально и стилистически.

Искусство общества потребления – это массово-тиражируемое искусство: поп-арт, дигитальные копии, анти-элитаризм, contemporary-art и events (событийность). Особняком среди транслируемых СМИ образов становится реклама, которая не убеждает человека в полезности и функциональности товара, но принуждает его верить в его необходимость и сообщает ему ценность рекламируемого знака. Сама реклама рассматривается как область искусства, рекламисты – это новые художники и режиссеры. Стратегия маркетологов в рекламе – не обосновать значимость товара, но создать атмосферу обволакивающего доверия, обращения к значимым в целевой группе ценностям, формирование доверительных отношений «товар-потребитель» на протяжение поколений. Говоря о медиа, Бодрийяр замечает: *«Медия оглупляет массы, массы оглупляют медиа»*.

Общество потребления упаковывает и делает потребляемым абсолютно все: реальные вещи-товары, услуги, события, переживания, эмоции, само потребление становится потребляемым. Человек, приобретая гаджет или услугу, на самом деле не приобретает саму материальную вещь, он приобретает товарный знак, относящий его к категории счастливых и успешных. Если мы посмотрим на технические, функциональные и внешние характеристики современных электронных устройств, мы обнаружим минимум разницы. Более того, зачастую комплектующие для разных устройств производятся одной-двумя компаниями монополистами. Либо, одна компания диверсифицирует потребление своей продукции, создавая разные знаки и товарные марки для, по сути, одного и того же продукта. Покупая в храме потребления – супермаркете – напиток или банку кофе, человек на самом деле абсолютно ни коим образом не совершает выбора между сортами и характеристиками кофе или напитка. Он выбирает знак, эмблему. Торговую марку, потребление которой он демонстрирует окружающим. Человек потребляет потребление, и этот акт сиюминутно, и на мгновение, делает его счастливым.

В обществе потребления исчезает даже свобода времени. Оно расписывается между различными актами потребления: производство, желания, потребление досуга. Более невозможно провести время свободным, каким угодно образом. На каждую сферу наброшено полотно знаков и стратегий их потребления. Время становится гомогенным, однообразным актом потребления знаков.

Среди всего разнообразия потребляемого, Ж. Бодрийяр выделяет самым желанным объектом потребления тело и секс. Тело, эротизм и красота подвергаются маркетинговым расчетам, эксплуатируются как рекламные образы и сами становятся предметом торговли. Тело, подвергнутое измерению, становится инструментом повышения продаж: автомобили, повторяющие изгибами корпуса женскую талию; бутылки алкоголя, похожие на бедро дамы, которую можно им угостить – все это делает товар сексуально-привлекательным, и значит – более потребляемым.

Бодрийяр называет экономику, основанную на производстве и потреблении чистого знака «семиургией», что можно смело назвать и постэкономикой.

Как мы упоминали выше, счастье является краеугольным камнем общества потребления. Если точнее, то набор знаков, означающих счастье. Иными словами, мы говорим о симулякре счастья. Не о реальном состоянии, но о совокупности его знаков, потребляемых человеком. Таким образом, реальность и человек становятся опосредованными друг от друга прослойкой семантической текстуры.

Опосредованность между реальностью и обществом, общественными отношениями разбирал с леворадикальных позиций французский философ Ги Дебор, введя в своей одноименной работе понятие «Общество спектакля» (1967). Ги Дебор рассматривает общество развитых СМИ и потребления как общество спектакля, утраты непосредственного и прямого переживания и соучастия. В обществе спектакля все становится опосредованным знаками, в том числе и отношения, социальные роли, политика.

«Образы, оторванные от различных аспектов жизни, теперь слились в едином бурлящем потоке, в котором былое единство жизни уже не восстановить. Реальность, рассматриваемая по частям, является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдо-мира, доступного лишь созерцанию. Все образы окружающего мира собрались в самостоятельном мире образов, насквозь пропитанном кичливой ложью. Спектакль вообще, как конкретное отрицание жизни, есть самостоятельное движение неживого», – пишет Ги Дебор. Ближе к концу своей жизни[98], автор рассуждает о том, что грядет новый тип общества спектакля – интегрированный спектакль, в котором, в отличие от тоталитарного СССР, где любая свобода слова была недопустимой, в демократическом обществе спектакля диктат потребления

[98] Ги Дебор застрелился в 1994 году.

(фетишизация товара) и сильный репрессивный аппарат будут интегрированы. Примером интегрированного общества спектакля приводятся США.

Бунт, аномия и смерть в обществе потребления

Становление хиппи пришлось на времена войны во Вьетнаме (1957-1975), как антивоенное и пацифистское движение. В том же отрезке времени, в 1968 году, во Франции, на волне экономического роста и становления общества потребления, происходит студенческая революция – «Красный Май». Этот парадокс лежит в основании причин бунта леворадикальной молодежи, которая испытала основной удар становления стремительного общества потребления, лишившись работы и доступа к образованию, и как следствие – к накоплению знаков успеха. Позже к ним присоединяются профсоюзы, обеспокоенные снижением заработной платы и новым законом о социальном обеспечении.

В результате накала в молодежной среде, в мае 1968 года начинается студенческие волнения, облекаемые в левую риторику (в дальнейшем известную как движение «новых левых»). Бунтующих студентов поддерживают известные преподаватели и интеллектуалы: постмодернист Мишель Фуко и представитель атеистического экзистенциализма Жан-Поль Сартр.

Десятимиллионная забастовка парализовала страну, молодежь выступила против правительства Шарля де Голля, которому принадлежала монополия на СМИ, и которого они считали устаревшим авторитарным правителем. Выступая за освобождение СМИ и против капиталистической эксплуатации, демонстранты стали локомотивом постмодернисткого изменения общества, о чем красноречиво говорят многие лозунги мая 1968г.[99] Итогом бунта стало досрочное голосование, принесшее партии де Голля более чем 70% поддержку общества. Но эта короткая передышка не смогла спасти Францию; процесс уже был запущен.

Обращая внимание на концепцию Ги Дебора, мы можем рассмотреть майские события во Франции как переход от тоталитарного общества спектакля (выраженного в авторитаризме и национализме Шарля де Голля) к интегрированному спектаклю, мягкому и незаметному, лево-либеральному Постмодерну.

[99] Например: «В обществе, отменившем все авантюры, единственная авантюра — отменить общество!»

Субкультура и идеология хиппи так же с треском рухнула, часть её адептов в итоге надели рубашки и галстуки, вернувшись в лоно общества. Другая часть отказалась от слишком радикальных идей, и так же была встроена в общество, как мягкая субкультурная и историческая составляющая.

Общество потребления встраивает протест в себя и начинает продуцировать на своей периферии культ насилия, как регулятор общества. С помощью насилия, жестокости и боли, встречаемой как в реальном обществе, так и в трансляциях из горячих точек, потребителя направляют к поиску обратного насилию – к погоне за счастьем. Насилие становится инструментом, колючей проволокой стада потребителей, направляющей его все в ту же гонку. Но и само насилие должно быть потребляемо, оно не должно вызвать глубоких экзистенциальных переживаний и приманивать истинных бунтарей. Прекрасными примерами осмысления роли насилия в американском обществе и потребления насилия, являются фильмы Макла Мура «Боулинг для Колумбины» («Bowling for Columbine») и «Прирожденные убийцы» («Natural Born Killers») Оливера Стоуна, соответственно.

В 2013 году современное общество, в лице все тех же французов, столкнулось с реальным насилием, и одновременно жертвой, когда 21го мая французский историк, язычник-традиционалист и «новый правый» Доминик Веннер, а знак протеста против легализации однополых браков, застрелился в соборе Нотр-Дам-де-Пари. Его жертвенное самоубийство, призванное сбросить оковы сна с общества, напомнить ему о традиционных ценностях, и последовавшая за этим полуторамиллионная демонстрация в поддержку традиционной семьи, оказались костью в горле общества потребления. Невозможно было интерпретировать его жертву как акт, границу, от которой нужно оттолкнуться в новом рывке за знаками счастья. Высказанная его посланию миллионная поддержка французов, которая была практически не замечена «свободными» СМИ, только осложняла ситуацию. Поддержка традиционной семьи, отмеченная кровью добровольной жертвы, могла быть парирована только эпатирующим китчем. И этот китч воплотился в акции французских феминисток, одна из которых, вскоре после самоубийства Веннера, забралась обнаженной на алтарь собора Парижской Богоматери. И, разрисованная лозунгами «Смерть фашизму!», изображала самоубийство, беря в рот игрушечный пистолет.

Постмодернистский эпатаж обнаженного феминизма, приравнивающего традиционные ценности (главным образом семью) к фашизму (вспомним Делёза и Фуко), превратил, с помощью сексуализации телом и китча, самопожертвование в потребляемое шоу.

В Постмодерне, казалось бы, последним прибежищем смысла, экзистенциального напряжения и преодоления чисто человеческого уровня бытия, является область Смерти и приближенные к ней темы и регионы. Но во внешней, по отношению к человеку и его Духу, среде любой кровавый и насильственный акт будет обращен на пользу потребления: продан, растиражирован, и поглощен праздным обывателем, ужинающим у экрана телевизора.

Ризома

Отказ постмодернистов от любых иерархических структур, от понятий нормы и границы, как следствие – даже от атомарности, индивидуальности, от разницы между субъектом и объектом, приводит все к плоскости. Делёз и Гваттари вводят новое понятие, обозначающее постмодернистские реалии – ризому, от французского rhizome – корневище. Ризома – это горизонтально распространяющаяся сеть, как корневище или грибница, противопоставляемая иерархическим структурам типа «дерево». У ризомы нет центра, начала или конца, нет центрующей оси или принципа. Ризому можно бесконечно обрезать, вычленять из нее части, но она сама останется неизменной и не потеряет способности к воспроизводству. Ризома гетерогенна, способна порождать случайные формы, пересечения связей; ризома постоянно пульсирует и реконфигурируется/ретерриториализируется. В ризому включено абсолютно все: дивидуум и его части, симулякры и знаки, общество и семиозис, познание и языки интерпретаций, смешивающиеся в ней хаотическим и непредсказуемым, несистематическим образом. Обращаясь к ботанике и проводя аналогии, можно заключить, что с постмодернистской точки зрения, вертикальный рост – это «фашизм» и диктатура, распространяться и расти можно только горизонтально, под землей (ипохтонично). Ризома – это антииерархия, она антитеза трехчастной индоевропейской Сакральной иерархии, которая воплощалась в мире Традиции и в коррозийных формах ещё присутствовала в мире Модерна.

В ризоме смешивается субъект и объект, существо-вещество, человек более не знает, стул он или биологический вид «божественного

происхождения»? Или знает, что он всё вместе взятое и ещё сверху. Но только на миг, пока игра-калейдоскоп конфигураций не перевернулся.

Постпространство

Виртуальное общение посредством экрана принципиально отличается от общения лицом к лицу, и даже от встречи себя в зеркале. Общаясь в реальности, мы контактируем с другим, он реально-осязаем и не вызывает сомнений в своей «инаковости», в том, что он Другой. Встреча себя в зеркале тоже отсылает нас к Другому. В зеркале мы видим условного «себя», и наша глубинная ментальность всегда сомневается, настоящего себя она видит, или зеркало все же отображает Иного и его Иной Мир? Мотивы магических и опасных, путеводных зеркал широко известны в древних культурах и воспроизводятся в современных творениях. Но экран монитора – это не зеркало. В выключенном виде он обладает минимальными отражающими свойствами (за счет не относящихся к устройству экрана прокладок, линз и защитных слоев пластика и стекла), экран являет собой абсолютную плоскость не отражающую ничего, но проецирующую на самую себя условный «весь мир».

Виртуальность, как новая «реальность», выраженная в миллиардах лабиринтов социальных сетей, сайтов, сервисов, сетей и их топологий, поражает своим кажущимся объемом. И возможностью из любой точки мира вступить в контакт с другой любой точкой мира, оказывать влияние на события в другой стране, посредством трансляции образов и знаков из своего городка. Интернет дает возможность влиять и быть подверженным влиянию таких же ретрансляторов, искать и поглощать информацию. Сеть кажется безграничным новым миром, отчасти дублирующим мир настоящий, но дополняющая его множеством других игровых, социальных, профессиональных миров. Человек может пройти неслыханные расстояние и прожить мириады жизней, не выходя из-за стола. Он может *погрузиться* в экран, транслирующий ему фэнтезийные или биржевые миры, но если заглянуть по ту сторону крышки монитора, мы увидим плоскость пластика. Экран, как абсолютная плоскость, создает иллюзию объемных нескончаемых пространств, при этом оставаясь неизменным. Поэтому погружение в виртуальность есть приведение мира и себя к плоскости; сплющивание и выравнивание. Восприятие мира становится соответствующим – плоским, бессмысленным, лишенным глубины эмоциональных и чувственных переживаний, отныне изображаемых в форме графических и текстовых «смайлов». Эмоции и

ощущения становятся объектами симуляции и потребления, они поверхностны как рябь на воде, не затрагивают глубинных струн души человека. Даже единственный главный страх человека – страх смерти – оценивается, продается и транслируется экраном как игровая форма и экстремальное развлечение.

Собеседник или зеркальное отражение как Другой, в проекции экрана отсутствуют, так как объем симулятивен, а отражающих свойств он не имеет. Проекция собственного изображения на экран не вызывает, как зеркала, глубинного сомнения. Собеседник становится просто плоским *текстом*, потоком дигитальных бинарных кодов, расшифровываемых в звук и изображение, которые можно с легкостью симулировать и подменять. Одним из явлений такого сплющивания общения стало развлечение общения с виртуальными автоответчиками и помощниками, запрограммированными поддерживать осмысленную (в меру качества их алгоритмов) беседу с пользователем. Современный уровень развития трехмерного моделирования, позволяющий создавать неотличимый от фотоизображений облик человека, открывает возможности создания полноценных виртуальных ботов-личностей, способных вести беседу не только в текстовом, но и в аудио-визуальном формате. Таким образом, реальный Другой как собеседник (враг, партнер и т.д.) может быть подменен картинкой, алгоритмом, симулякром. Вместо него может быть подключен стул, снабженный датчиками интерпретации вибраций в произвольный текст, и ризоматический дивидуум с удовольствием будет отвечать и общаться с его user picture.

В США и странах Западной Европы, идущих в авангарде постмодернизации, в первой половине первого десятилетия XXI века появляется стихийное движение life-logger`ов, молодых людей, которые отказываются от серьезных покупок (недвижимость, автомобиль) в пользу аренды, съема и вложения в мобильные гаджеты и технологии, постоянно подключенные к сети и ведущие потоковый лог (запись, протокол) своей жизни. Их гаджеты отмечают, где они бывают, что едят, где развлекаются, какие сервисы и маршруты используют. Камеры записывают весь их день круглосуточно, выгружая записи и/или снимки с определенным интервалом в сеть, в аккаунты и блоги. Lifeloggers максимально оторваны от реального мира и одновременно максимально погружены в мир виртуальный. Отнятие у них их гаджетов вызывает острые депрессивные реакции и утрату смысла жизни. Другой показательный момент, позволяющий посмотреть на размытие человека в виртуальности, это сбой,

ошибка гаджета, в ходе которой в онлайн-логе человека, доступного всем его друзьям по сети, происходит ошибочная, абсурдная либо неполноценная, дефектная запись о каком-то событии. В ситуации виртуального постмодерна она не будет носить характер непосредственно ошибки, это будет восприниматься как нечто интересное, оригинальное и необычное, что произошло с человеком и его устройством. Другие пользователи будут подражать ему, умышленно искажать фотографии, подражая сбоям в камере, и т.д. Другими словами, сбой техники, искажающий передаваемые от человека к виртуальной сети данные будет восприниматься не как «сбой», а как форма новизны, развлечения, ценного артефакта и впечатления.

Поствремя

Время Традиции, утверждающее циклы и их логику, время Модерна, утверждающее стрелу развития «снизу-вверх» – рушатся в ризому Постмодерна. Описывая время в Постмодерне, в своих трудах Ж. Дёлез вводит два понятия – «хронос» и «эон». Хронос – это вечное настоящее, без прошлого и будущего, лишенное смыслового, качественного содержания. Вечное настоящее как поверхность складок тел, ризоматически слитых друг с другом в неразрывности и не смешении одновременно. Это время, лишенное какого-либо события. Хронос подобен плоскому экрану со всей его иллюзорностью, поверхностностью описанными нами выше, но переложенными на ризоматическое время-пространство-телесность.

Другой полюс постмодернистского времени – это эоническая темопральность. Эоническое время не имеет настоящего, но только прошлое и будущее. Хронос – это ипохтоническая ризома, эон – это произвольное прорастание стебля из корневища, конструирующее как «прошлое», так и «будущее». Времен, как и стеблей, произрастающих из ризомы, может быть бесконечное и разнообразное множество. Так как корневище – это бессмысленный бесконечно-настоящий хронос, а стебель – это эон будущего-прошлого, то конструируемая им история и её интерпретация лишены фундаментальности, онтологии, смысла и носят характер гносеологической игры, ограниченной временем жизни эонического стебля. Время бывает разным, множественным, распадающимся и собирающимся вновь в вариативных формах. В эоническом времени нет «настоящего», оно не схватывается никоим образом.

В такой картине представления о времени в Традиции или в Модерне становятся *лишь одними из* множества иных вариаций хронологий. А значит, возможны иные версии истории, иные хронологические модели самого бредового толка (Фоменко), различность восприятия времени и физические теории времени (С. Хокинг).

Определенным сближением хроноса и эона является провозглашение конца истории Ф. Фукуямой, «сегодня, брошенное в завтра» подобно постоянному сейчас, но не являющееся «сейчас». И одновременно прошлое и будущее теряют свои различия, сливаясь в гомологии. Конец истории Фукуяма связывал с установлением глобальной гегемонии США и либеральной демократии.

Обрисовывая контуры поствремени Постмодерн вновь обращается к языкам Традиции, не только заимствуя термины античные «хронос» и «эон». Темпоральность времени хроноса/эона напоминает ситуацию священных пространств и храма, изменения священного времени в ритуале. Но в Традиции само Сакральное пространство, устройство святилища, ритуальное действо-в-пространстве-времени структурно повторяют парадигму Времени – Год, кельтский крест; и являются проявлением Вечности. Они наполнены бытием и Сакральным смыслом. В то время как Постмодерн продуцирует случайные, химерические и никому ничем не обязанные, вечно/безвечно бессмысленные стебли историй и интерпретаций.

Поствойна

Состояние пост-мира оказывает влияние и на саму природу вещей, названную Гераклитом, – на войну.

Общество спектакля, общество потребления, вытесняют войну из пределов своих территорий на периферию, в т.н. страны «второго и третьего мира». Транслируя на экраны своим гражданам, обществу постоянный визуальный поток хроник войн и конфликтов, достигается эффект барьера, границы, отталкиваясь от которой человек устремляется к добыче знаков счастья[100]. Врагом, с которым может столкнуться т.н. «цивилизованный человек» стран Запада – это террористы и теракты, новая безликая мировая угроза. Террор, как угроза мировому сообществу, начинает активно преподноситься после терактов 11 сентября 2001 года в

[100] Война также становится частью медиа-шоу, она потребляется как острое развлечение индустрии впечатлений, кино и др.

США, и преимущественно его проповедниками и акторами объявляются радикальные мусульмане – ваххабиты, салафиты и международные исламские террористические организации. Вторыми по значимости и активности акторами терроризма являются различные право-радикальные организации.

Фрэнсис Фукуяма, желая отсрочить провозглашенный им конец истории, связанный с установлением либеральной американской гегемонии в конце XX века, назвал новым врагом Запада исламофашизм и терроризм. Но доподлинно известно активное участие и связь разведок Англии и США (и ряда других стран) в создании, поддержке и развитии экстремистских идеологий, организаций ислама, и поддержке этнонационализма в странах Восточной Европы, на постсоветском пространстве и в Азии. Это обнаруживает симулятивность и управляемость, режиссируемость террористических организаций и процессов в современном мире, а терроризм, как мировая угроза, распознается как марионетка, симулякр. Кровавый, эксплуатирующий религию и национальную идентичность, но созданный либо выращенный при поддержке извне.

Терроризм не представляет собой идеологии конкретного состоявшегося суверенного государства, и не обладает государственностью сам. Попытки исламских террористов построить «халифаты» или «имараты» в подавляющем большинстве носят виртуальный и декларативный, детерриториализированный характер. Но нет сомнений, что ряд стран могут оказывать прямую или косвенную поддержку тем или иным террористическим ячейкам и лидерам, на основе чего формируется управляемый условными «своими» (США, Запад и сателлиты) терроризм, и условный «чужой» (страны «Оси зла») терроризм и его сподвижники-государства. При этом акции «своих» выдаются за акции «чужих», что известно как «операция под чужим флагом (False Flag Operation)». Иными словами, снова спектакль, манипуляция и симуляция. В случае с террористами государства не сталкиваются друг с другом на полях сражения, не сталкиваются с диверсантами врага, т.к. террор совершается и в мирное время в не воюющих ни с кем странах. Терроризм представляет из себя сетевую, распределенную структуру, воплощает в себе новое осмысление стратегий ведения войн в пост-индустриальном, пост-современном мире – сетецентрических и сетевых войн.

Концепции сетецентрической и сетевой войн (Net-Centric Warfare) разрабатывались и внедрялись вооруженными силами США в 1990-е годы, здесь мы ограничимся описанием их базовых принципов.

Концепция сетецентрических войн возникает в контексте стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, совершенствования технических возможностей и реалий конца XX века, когда США остались единственной сверхдержавой на планете. Её специфика заключается в переходе от иерархического центричного управления боевыми действиями к сетевому распределенному принципу, призванному ускорить обмен информацией, автоматизировать ряд командных процессов, интегрировать в единую сеть различные рода войск и структуры: дипломатические, экономические, медиа и т.д. Важно обеспечить всеобщую оперативную информированность всех узлов сети, повышая скорость обмена данными и скорость самосинхронизации, как следствие – увеличивается скорость выполняемых боевых операций, уменьшается участие реальных бойцов, потери и достигается преимущество в информационном пространстве.

«Цели сетецентрической войны состоят в преобразовании военной структуры в такую конфигурацию, которая сделает войска ниаболее эффективными: они будут быстрее работать (работать в более высоком темпе); состоять из более рассредоточенных сил; понизят коэффициент смертности, в то же время уменьшая зависимость от применения оружия; будут иметь возможность предвидеть (по сравнению с реактивными действиями), а также интегрировать новые технологии в сеть для производства информации и получения преимущества в скорости по сравнению с будущими оппонентами.

При СЦВ происходит разделение значительно растущего доступа к информации на всех уровнях и переопределение отношений среди участников миссии, а так же между командирами и подчиненными»[101].

Отличие от классической войны на истощение заключается в переходе к войне-как-контролю за всеми – за прямыми врагами, за нейтральными странами и за союзниками. Сетевые элементы в медиа, экономике, бизнесе, социальной сфере и т.д являются рычагами влияния и воздействия на внутреннюю и внешнюю политику любой страны, таким образом государства утрачивают свой реальный суверенитет и становятся марионетками управляющего сетью агентов влияния государства. В такой налаженной системе необходимость в большой и мощной армии отпадает

[101] См. Савин Л.В. «Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию».

в пользу мобильных высокотехнологичных групп, совершающих точечные удары, используя сети и подконтрольные экстремистские ячейки False Flag Operations и другие акты, призванные влиять на всех, без исключения, игроков мировой арены.

Другой формой войны является сетевая война (Netwar), контекст которой состоит в глубинном изменения общества в связи с развитием информационных и социальных сетей в Интернет и наступлением Постмодерна. Сетевая структура может включать в себя структуры телеканалов, интернет-сервисов, криминальных банд, этнических анклавов и диаспор, банковские и торговые сети, политические группировки и др., при этом сетевая структура динамична, аморфна и открыта для инноваций и включения в себя новых элементов с аналогичным кодом ценностей и целей.

Сетевая война – это конфликт, проходящий с помощью интернет коммуникаций, знаков и репрезентаций. Акторами конфликта, влияющими на политику и общество, могут выступать этнические, религиозные, политические, экологические, шире – практически любые – объединения, ячейки и организации, использующие интернет, сайты, блоги и социальные сети для распространения информации, агитации и призывов к действию. Если сетецентрическая война – это концепция военных действий, введенная сверху правительством (в авангарде стояли США), то сетевая война – это концепция включения в конфликт акторов внизу. Их самоорганизация и действия, без прямой и обязательной связи с центром, получения от него команд, поддержки и указаний.

Сетевые войны – кибервойны – это войны знаков, репрезентаций, отчасти напоминающие войны пропаганды: каждая сторона создает свою картинку, соответствующую её коду, и борется за инсталляцию её доминирования. Поле боя кибервойны – сетевые площадки блоггинга, социальные сети и сервисы. Наличие реальных боевых действий, реальных актов не первично и не обязательно. В случае необходимости картинка с полей создается программными средствами, и размноженная и распространенная по сетевым каналам становится правдой. Здесь без труда угадывается война симулякров.

Таким образом мы видим, что война как столкновение личной воли воина, царя и его армии с другим правителем, его войском; столкновение воинов лицом к лицу с железом в руке исчезает и заменяется столкновением потоков знаков, репрезентаций, изображений, карикатур, пропагандистских роликов. Война за жизнь, власть и утверждение воли

сменилась войной за картину мира в умах [ин]дивидуумов, лишилась своего «горячего» измерения и четко определенных сторон конфликта. Как иллюстрации сетевых войн можно назвать цепь бунтов в арабских странах в 2011 году («Арабская весна»), серию цветных «оранжевых» революций на постсоветском пространстве в 2000-2010-х годах.

Одним из проявлений поствойны, связанным с Традицией, является создание симулякров «традиций» и «традиционалистских» организаций (пострелигиозность), о чем писал Ю. Эвола, разбирая стратегии действий «мировых подрывных сил»:

«Нередко тактика замещений переходит в тактику подделок. Поясним, о чем идет речь. Иногда следствия разрушительной работы, переходя на материальный уровень, становятся слишком заметными, способными возбудить противодействие и подвигнуть на поиск идей и символов, пригодных для защиты и возрождения, обнаружить которые удается далеко не всегда. В лучшем случае обращаются к ценностям традиционного прошлого, которые возрождаются к жизни именно благодаря реакции общества или цивилизации, оказавшихся под угрозой распада. В подобной ситуации тайная война ведется косвенными методами: как правило основное внимание уделяют распространению фальсификаций и подделок указанных идей. В результате этого сопротивление теряет свой напор, отклоняется от цели или даже устремляется в прямо противоположном направлении, где попадает под влияние тех сил, от которых и намеревалось оградить себя изначально»[102].

Промежуточный итог

Без сомнения, многие положения Постмодерна, особенно в военной, виртуальной и культурной сферах, уже реализованы, пусть и не равномерно в географической плоскости государств, и в разных стратах внутри государств. Но нельзя отрицать его наличие, влияние на парадигму Модерна и, что более тонко и опасно – на Традицию. Постмодерн, ослабляя тиски хватки Модерна и креационистских традиций, без сомнения открывает шанс для язычества, но этот шанс оборачивается огромным риском потери любого смысла при сохранении и производстве любых знаковых форм, присущих языческим традициям. Более того, не исключено влияние постмодернистских сетей на языческие общины с

[102] См. Ю. Эвола «Люди и руины».

целью политических манипуляций, что представляет отдельный политический риск для любой языческой общины любого государства.

Постмодерн активно заимствует традиционные образы, язык, символы. Во многом он *похож* на Традицию, но лишь на поверхности, но для нестрогого к себе, к своему духовному стержню язычника или общины, не составит труда обмануться и сойти с тропы возрождения традиции в бессмысленный поток симулякров. Постмодерн представляет собой ещё один основательный шаг вглубь Кали-Юги, акт разыгрывающегося Рагнарёка

Постулируемый Модерном гносеологический расизм по отношению к традиционным формам жизни, к Сакральному и Божественному, к мифу, в Постмодерне выражается в гносеологической тупости. Модерн знает, что есть иная картина мира, но отрицает и репрессирует её. Постмодерн не способен понять, что есть иная картина мира, что чего-то не хватает, что что-то отсутствует (глубина и смысл). Он удивляется на задаваемые вопросы и говорит, что искомое – вот оно, пожалуйста, в любых формах. И не понимает, что указывает лишь на поверхностную рябь форм, на экранную плоскость, ризоматическую случайность, зачастую смешанную с совсем нетрадиционными формами.

Поэтому процесс отделения постмодернистских размывающих влияний, равно как и модернистских, от языческой традиции – важное, деликатное дело, требующее усилия и напряжения больших, чем в случае фронтального противостояния с Модерном. И далее в нашем путешествии мы продолжим обращение к этому ипохтоническому началу, выявляя его знаки и формы.

III.V Горизонты контриниициации

Мы рассмотрели фундаментальные концепты и терминологию Модерна и Постмодерна в самых общих чертах, так как полное погружение в контекст двух антитрадиционных парадигм выходит далеко за рамки данной книги. Отправной точкой мы взяли поиск контриниициатического начала, уводящего человека с пути самопознания и самореализации своей Сакральности, Божественной Природы, выраженной в традициях, обычаях, языке и культуре народа.

За контриниициатическим началом мы вскрыли фигуры и инстанции могущества, которые в разных мифах разных народов противостоят Божественному началу, Небу, Олимпу и ассоциируются с тяжелой Землей

(хтоничностью), Водами, титанами и материальностью, животным началом, выведенным за рамки Сакральной иерархической пирамиды общества: парии, чандалы, изгои, неинициированные.

Следование должному – Вирду, Дхарме – взывает к природе человеческой души, к тому, что в ней преобладает: бронза, серебро или золото. Должно свершается согласно природе, выраженной в обществе в виде сословий, которые в свою очередь есть функции Богов и воплощения их архетипов в явном мире. Само общество так же есть воплощение Бога (Брахма), как упорядоченный Богами мир – так же тело первосущества (Пуруша, Имир). Следование должному – следование путем Богов, к Богу, самим Богом. Изгои общества, люди не имеющие ритуалов, природы, порядка, не имеют ничего и не знают ничего о должном, а следовательно, Божественное им недоступно, хоть они и могут быть формально о нем осведомлены.

Мы знаем, что история разворачивается во Времени согласно циклу, который венчается всеобщим упадком и Рагнарёком, за которым следует новое начало. Нам видится, что с течением времени в Кали-Юге выход на авансцену и доминирующие позиции людей без Дхармы и рода есть своеобразное и логическое проявление все той же Санатана Дхармы. Так должно было произойти, и то, что так произошло – есть свершение должного. Это не отменяет правила и предписания Традиции, данные в другие эпохи разным сословиям, но ужесточает требования и повышает риск и опасность, сложность каждого пути.

Постмодерн, в своем игровом, хаотическом и обнуляющем глубины смыслов, ризоматическом движении не только играет разными формами и элементами Традиции, но активно симулирует и религиозные формы, порождая химерические культы и учения, составляющие особу сферу пострелигии.

Пострелигия

Трансформация представления о том, какая должна быть религия, отвечающая новой парадигме Постмодерна, укладывается в его осевые линии синкретизма[103], обобщения и универсализации. Общим термином

[103] Р. Генон выступал за жесткое разделение понятий «синтеза» и «синкретизма», где первое является интегративным и качественным пресуществлением, а второе – поверхностным и фрагментарным смешением.

религиозности в Постмодерне является её определение как религии Новой Эры или New Age (Нью эйдж).

Основа Нью эйдж – апелляция к наступлению новой эпохи, *эона*, эры Водолея и необходимости переосмысления, создания новых форм духовности, отвечающих критериям жизни человека в современном мире. Оформление религиозности новой эры происходит во второй половине XX века, но её корни лежат ещё в XIX веке в движениях спиритов, теософии, герметизма, поверхностно понятой магии и оккультизма, целительства и т.д. Рене Генон посвятил критике спиритизма и теософии две своих работы «Заблуждение спиритов» и «Теософизм – история псевдорелигии» соответственно.

Р. Генон начинает критику теософизма с разделения терминов «теософия», которое он относит к оккультистам и мистикам, упоминая Я. Бёме и Луи-Клода де Сен-Мартена, претендующим на эзотеричность особого, христианского толка. А саму «теософию» в изводе её основательницы Е. П. Блаватской именует «теософизмом», подчеркивая полное отсутствие связи с теософией как таковой, и выделяя особый профанный, синкретический и антихристианский (в противовес настоящим теософам) характер её учения. Столпами учения, изложенными в трудах «Разоблаченная Езида» и «Тайная доктрина», является представление об эволюции духовности, поверхностно понятые доктрины восточных, в частности, буддийской и индийской традиций, и оригинальное измышление о «махатмах – великих учителях человечества».

Несовместимость концепции «эволюции», возникшей на Западе в Новое время, с Восточной и Западной духовностью, Р. Генон подчеркивает в самом начале критического анализа учения теософизма, подробно останавливается на извращении индийской доктрины циклов, поверхностной астрологии и мифе о «махатмах».

Мистификация (в лучшем случае) махатм утверждает, что они являются высшими посвященными адептами, которые направляют человечество в его эволюции. Махатмы наделялись сугубо сверхъестественными способностями, достигнутыми в силу их небывалого развития и единения с Божественным. На образ и характеристики махатм теософизма существенно повлияли концепции гуманизма и уровень современного их создателям технического развития. Так, теософист Г. Пурукер так описывал махатм: *«В этих великих людях нет ничего сверхъестественного. Они – самые здравомыслящие люди на земле, самые*

кроткие, самые добрые, самые жалостливые, самые сострадательные, более всех стремящиеся к братству, самые мирные и мудрые…».

Аффекты рационализма и гуманизма Модерна очевидны, и в другом месте мы встречаем[104]:

«Оккультные способности махатм, по уверению теософистов, могут показаться сверхчеловеческими. Например, как они утверждали, «Братья» способны читать мысли других людей и общаться по психическому телеграфу» (термин XIX века, когда телеграф казался вершиной прогресса, сейчас бы, наверное, сказали «по психическому интернету»)…».

Представление о «тайных учителях человечества», высших посвященных людях, проникает глубоко во все направления New Age религий и является одним из их ярких маркеров. Здесь важно отметить универсализм махатм, речь идет не о учителях или гуру в конкретной традиции, школе или направлении учения в рамках языческой традиции, но о вселенских мировых учителях всего человечества. Согласно этому воззрению, все великие люди в истории являются махатмами либо просто священными учителями, которые обучают человечество своей доктрине. В список учителей входят Моисей, Иисус Христос, Мохаммед, Будда, Зороастр, Соломон и др. древние и современные (мать Тереза и Далай-лама) мудрецы и святые. Сам факт помещения в один ряд традиционных фигур из разных, нередко жестко антогонистичных друг к другу, традиций, утверждающих различный взгляд на мир, духовность, общественные предписания и т.д., очень показателен и вскрывает постмодернистскую ризому плоского смешения. В XX веке к великим учителям нередко добавляют ученых Ньютона и Эйнштейна, а также абсолютно вымышленных персонажей из литературных фантастических произведений, либо откровенных деструктивно-сектантских учений.

Вслед за вышеописанным идет представление об универсальности духовного пути, «развития» человечества. Корни универсальной для всех народов духовности следует искать в христианстве и иудео-христианском мистицизме, бывшем питательной средой для становления пострелигиозности; а прогресс, развитие – очевидный элемент Модерна. Одними из проявлений этой идеи является утверждение, что высший Абсолют (либо Учителя Человечества) приспосабливают свое учение для

[104] См. Генон Рене «Теософизм: история одной псевдорелигии. Часть первая». Пер. с франц., и приложение «Миф о махатмах в теософизме Блаватской» Андрея Игнатьева, Калининград 2012.

разных народов, дабы сделаться доступными. В этом мы обнаруживаем разрыв между миром, народами и высшим Абсолютом. При этом высший Абсолют почему-то подчиняется количественному разнообразию низших, относительно него, народов, человечества, и низводит себя в разные формы; приспосабливает себя к нуждам низших, вместо того, чтобы возвышать народы, человечество до своего уровня.

Известно, что при инициатическом восхождении открывается Единство, конечная точка, в которой сходятся разные пути традиций. Но New Age делает из этого обратный вывод о том, что конечное Единство центра означает универсальность форм на периферии. Что говоря о Едином, традиции говорят одно и то же одинаковыми образом, и потому их смешение не видится чем-то ненормальным и болезненным. Таким образом, вместо следованию пути своей традиции, адепт начинает следовать случайному набору различных практик, и в итоге сменяет путь к центру на путь по кругу.

В целом, теософизм Блаватской во многом является матрицей для подавляющего большинства религиозных поделок New Age.

Дальнейшая судьба религиозности Новой эпохи разворачивается в XX веке, активно апеллируя к Востоку, что связано в переводами традиционных индуистских, китайских и японских священных текстов, но усваивание изложенных там доктрин так же проходит поверхностно и в русле интерпретации через призму гуманизма. После Второй Мировой Войны в New Age возникают течения, активно смешивающие научные открытия, достижения с духовной эволюцией и психологическим развитием человека. Присутствует множество элементов традиционных доктрин: реинкарнация, представление об Абсолюте, холистские подходы к здоровью, бытовая магия и психоделические практики – реликт Сакрального употребления священных дурманящих средств в мистериях.

Одним из самых экстравагантных направлений становится уфология – вера в инопланетные контакты человечества с другими расами из космоса, которые нередко нарекаются «махатмами». Менее гротескными выглядит стремление обосновать развитие духовности через биолого-антропологические науки, желание модифицировать количество и качество хромосом у человека, активировать незадействованные возможности генома и т.д. Распространению Нью эйдж содействовали битники и хиппи, смешивая новую духовность с наркотическим опытом и радикальным пацифизмом и либертарианством. Связь New Age с наступающей Эрой Водолея, призванной сменить Эру Рыб

(отождествляемой с христианством) восходит к Алисе Бейли (1880-1949гг.), употреблявшей эти термины как синонимы. Своеобразным манифестом New Age стала книга Мэрелин Фергюсон «Заговор Водолея», вышедшая в 1980 году с подзаголовком «Персональная и социальная трансформация в 1980-е». Не все течения Нью эйдж акцентируют внимание на смене астрологической эры, но употребление в любой форме концепта о наступлении «новых времен» должно быть детально рассмотрено в свете ризоматической пострелигиозности, темпоральности эона/хроноса. Традиции и традиционализм однозначно говорят о Конце Времен, о ещё более глубоком погружении во время, когда оно само начинает отступать в фон, все менее рефлексироваться как тянущееся измерение, что будет порождать (и порождает) в нем различные хаотические интерпретации, версии и идеи о «новом времени», «новой эпохе» и «новой истории». Когда человечество настолько *погружено во время*, что не понимает глубины своего погружения*, не знает о Вечности над Временем*, оно начинает бредить и галлюцинировать, что в свою очередь легитимизируется как «норма» в парадигме Постмодерна.

Идея духовной трансформации человека в New Age строится на индивидуализме и индивидуальном поиске, позволяющем смешивать и пробовать различные практики и учения, наставления из разных традиций и от разных учителей. Либо добавлять к ним научно-технические достижения. Идеология Нью эйдж является подчеркнуто мягкой (soft theology & ideology), отводящей большое внимание сглаживанию противоречий между смешиваемыми традициями и дающей право адепту самому толковать учения, смешивать их и делиться результатом.

Мягкость New Age проявляется ещё в том, что многие учения или организации стараются уйти от религиозного определения и мимикрируют под гуманитарные, социальные, антропологические науки, центры нетрадиционной медицины, культурно-досуговые и спортивные организации и центры. В направлении мимикрии под культурное движение больше всех преуспели последователи русского художника и мистика Николая Рериха и его жены Елены Рерих – последователей теософизма, переработавшие его основные положения в трудах «Живая этика» и «Агни-йога». Рерихи утверждали, что получают знание от самих махатм, и пытались узурпировать наследие Е. Блаватской и утвердить свою единственную легитимность в развитии теософизма. Последователи Рерихов – рериховцы – возвели культ личности из семьи мистиков, и

осуществляют свою деятельность в сфере культуры на основе Пакта Рериха[105] и сети музеев и центров, посвященных его живописи и трудам[106].

Историческое становление New Age в XX веке совпадает по времени с новой зарей языческих традиций и мировоззрения, с которой мы начали наш труд. Апелляции Нью эйдж к традиционным формам, а также инфильтрации модернистских и постмодернистских идей в возрождающееся язычество создают большую проблему. Так, научное сообщество и вовсе рассматривает все проявления возрождения языческих традиций как неоязычество и New Age. Тут мы можем смело парировать, что язычество, бытовавшее тысячелетия назад и проходящее через историю в разных формах передачи, не может соотноситься с квази-духовными учениями, придуманными в последние век с лишним. Таким образом, язычество оказывается в заложниках научного подхода. В России сложность классификации религиозных движений и разделения традиционного древнего и выдуманного современного осложняется сильной позицией Русской Православной Церкви, фактически диктующей научный аппарат в этой области, и активно участвующей в деятельности государственных религиоведческих комиссий при Министерстве Юстиции[107].

Не составляет особого труда отделить New Age поделки от языческих традиций, когда первые открыто обращаются к гуманизму, планетарному и историческому универсализму, «махатмам», технике или откровенным фантазиям, но в ряде пограничных случаев проникновение и мимикрия, либо сила убеждения, что они являются таковыми, учений New Age под древнее языческое наследие столь велико, что более детальное рассмотрение показательных случаев будет вынесено нами в отдельную подглаву ниже.

Сами же течения Нью эйдж являются прямым продолжением постмодернистских стратегий, приложенных к сфере духовности, со всем вытекающим к ним дхармическим отношением.

---

[105] «Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» – первый в истории международный договор о защите культурных ценностей., заключен в 1935 г.

[106] Подробнее см. Игнатьев Андрей «Мир Рерихов» в двух частях.

[107] Председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации с 2009 года является православный богослов Александр Дворкин. Он же – активный теоретик российского антисектансткого движения.

III.VI Судьба Европы – судьба мира?

Рассматривая падение Традиции в исторической и парадигмальной перспективах, мы часто обращались к греческой, скандинаво-германской, славяно-русской языческим традициям; к индоевропейской сословной структуре обществ (Ж. Дюмезиль), несомненно присущей и воплощающей дух этих европейских традиций. И, как было показано и проиллюстрировано, именно Европа оказывается локомотивом модернизации, отказа от Традиции в пользу научного антитеизма, а после – в пользу ризоматического всесмешения.

Европейская история и сам европейский человек достигли немыслимых глубин рефлексии и детальности описания истории, а также распространения своего мировоззрения в эпоху колониализма и пост-колониализма. Внедрение в колониях образовательных программ по лекалам европейского Просвещения, без какого-либо учета локальных традиций и с презрением к «архаическим варварским пережиткам», без сомнения нанесло удар автохтонным народам и их языческим (и не только) традициям. Но одновременно с этим, образованные в этой системе координат, усвоившие язык Модерна, коренные жители оказались включенными в контекст Европейской истории и её разворачивающегося падения. Таким образом, не через прямое территориальное и колониальное владение, но через образование, культуру и язык, Европа поместила под свое влияние огромные пространства, усиливая европоцентристское восприятие мира. В нем Европа мыслится как центр и локомотив человеческого развития, образец для подражания и стремления. Судьба Европы считается судьбой мира.

Но что есть современная Европа с точки зрения языческого традиционализма?

Здесь и сейчас Европы, и шире – Запада, – это момент её смерти и разложения. Традиционная Европа древности, античной кульминации сменяется христианской феодальной раздробленной Европой, чтобы позже полностью отказаться от своей Сакральной структуры и идентичности. Европа выбирает путь отказа от Божественного, искоренения любой религиозности, её опошливания, смешения и осмеяния. Соглашаясь с бароном Эволой, который назвал первую часть своего труда «Языческий империализм», «Мы – антиевропейцы», мы можем утверждать, что нам, как язычникам и традиционалистам, современная Европа не нужна и никакой ценности современное «цивилизованное» европейское общество

не представляет. Мы можем пойти дальше и констатировать, что, отказавшись от исконно европейских традиций и структуры, Европа стала анти-Европой, а Ю. Эвола, язычники-традиционалисты являются истинными Европейцами.

Предтечами, отрицавшими еврооптимизм, были О. Шпенглер и Ф. Ницше. Шпенглер описал закат Европы, Ницше вскрыл бездну европейского нигилизма. В возгласе «Бог умер!» кроется не столько антихристианство самого автора, сколько смерть Европы, наступление нигилистической пост-Европы, анти-Европы. И должный радикальный пересмотр ценностей был совершен традиционалистами в XX веке, сказавшими Модерну и анти-Европе «Нет», и повернувшимися к идеалам Традиции. Борьба за истинную Европу – это борьба против современной (Анти)Европы. Евроцентризм обращается воронкой, с дырой в центре, куда засасывает вовлеченные в европейский контекст народы и государства. Поэтому борьба за свою традицию в той же мере является борьбой с современной Европой, с Модерном и Постмодерном, с их языком, конструктами и стратегиями.

Если судьба Европы – это судьба мира, то его судьба – умереть в неимоверной грязи разложения. Поэтому особо важным видится возвращение к своей исконной традиционной идентичности. Отвязать себя от Европы, перестать видеть в ней образец. Это же актуально и для настоящей Европы, о чем говорил Д. Веннер и говорит Ален де Бенуа, о чем, в том числе, говорят и русские традиционалисты.

На Востоке белому человеку (времен колонизации), желающему приобщиться к той или иной духовной школе, почти всегда отказывали, видя в нем лишь «белую обезьяну», неспособную более к восприятию высших сфер. А стремление усвоить богатство Востока, без должных наставлений гуру, породило лишь вихри духовного распада. Восток и Азия оказались более имунны к Западной экспансии, сохранив свои традиции в большей степени. Тем показательнее уважительный и глубокий интерес традиционализма к индуистским доктринам. Спасение Европы мыслилось с Востока.

Юлиус Эвола также высказывал оптимистическую мысль, что если Европа первая вошла в стадию упадка (в Кали-Югу), то ей первой суждено выйти из неё обновленной. Оглядываясь на современную нам Европу XXI века, надежда барона кажется нам слишком утопической, взыскующей трудно представимого потрясения, способного повернуть Европу и европейцев снова на путь возрождения своего славного подлинного бытия.

Место и время Постмодерна

Особого уточнения требует историко-географическая локализация Постмодерна, которая позволит нам нюансировать особенности этой парадигмы.

С точки зрения Сакрального Времени и истории – Постмодерн, как и Модерн, локализуются в нижней левой четверти кельтского креста, что соответствует Рагнарёку или Кали-Юге. Постмодерн – это ещё более глубокое погружение в метафизическую Ночь Мира, когда даже память о свете Солнца ставится под вопрос.

Несмотря на то, что теоретиками Постмодерна являлись преимущественно европейские – французские – философы и социологи, Европа относилась к Модерну и Постмодерну как к своим историческим проектам, которые ещё только должно реализовать в будущем. Европа имеет многотысячелетнюю историю, воплощенную в материальном и ментальном наследии, которая в большой степени аффектирует темп её развития и его формы. В эпоху Возрождения и Просвещения, когда происходило оформление Модерна как проекта европейского (анти-европейского) будущего, свершается серия великих географических открытий и колонизация новых земель, ключевое место среди которых занимает Северная Америка и ряд колоний, которые заложат основание будущего государства – Соединенных Штатов Америки.

Колониальная история Америки, до провозглашения независимости, выделяется тем, что преимущественно состоит из английских колонистов различных христианских сект и деноминаций, что аффектирует их восприятие новой жизни в Новом Свете как определенное Божье предначертание, которое легло в основу мессианских представлений об особой судьбе и роли Америки в истории. Становление Америки как независимого государства происходит в XVIII веке. Отличительной особенностью США сразу же становится восприятие Модерна не как проекта, который только следует реализовать, как это было в Европе, но как отправной точки. Отцы США мыслили Модерн как уже данное состояние, новое общество начиналось с чистого листа. Америка не обладает тысячелетним историческим контекстом, и как следствие его аффектами. Европа провозглашает стремление к равенству возможностей, демократии. Америка начинается как демократия с равными стартовыми возможностями для всех.

Такое же отношение tabula rasa распространялось на все территории континента, чем вызвана тактика планомерного и безоговорочного геноцида всего коренного населения. Согласно просвещенному американскому обществу Модерна, варвары-индейцы были хуже животных и рабов, и привативно лишались какого-либо бытия.

Отталкиваясь от Модерна – свободного демократического общества – как от фундамента при построении нового государства, США стремительно вырываются в лидеры на мировой арене и первыми в полной мере реализуют программу Постмодерна. Именно в Америке находит свой расцвет то, что европейские постмодернисты предложили новой программой послевоенного будущего Европы. Америка свободна от исторических привязок, напоминаний и предшествующих ей стадий судьбы. Американцы не мыслят свою историю, как историю Европы, перекинутой через Атлантический океан на новые земли. Их история – это история молодой и свободной страны, автономной от Старого Света, от ветхой Европы. В ней новые инициативы, воплощающие императивы Постмодерна, сталкиваются с многомиллионными возмущениями консервативных граждан, с жертвенными актами самоубийств и экзистенциальным террором[108].

США становятся локомотивом Постмодерна, первыми реализуя новые технологии и воплощая соответствующие политические и социальные изменения: внедрение телевидения, массового вещания и медиа, производства, поп-культуры, виртуальных сетей и Интернет, широкая эмансипация, становление общества потребления, религиозный синкретизм и технологии пост-войны, с помощью которых происходит в том числе и эскалация межрелигиозных и межэтнических отношений в современное время. В своих трудах Ж. Дёлез и Ж. Бодрийяр нередко обращались именно к американскому опыту.

Теоретическое философское осмысление Модерна и Постмодерна свершается в Европе и становится её проектом, практическое воплощение Модерна и Постмодерна происходит в США, которые становятся его авангардом. анти-Европа и США могут нами рассматриваться как обобщенный Запад, периферия размытого множества, воплощение анти-

[108] «Годы свинца» в Италии 1960-1980гг. ознаменовались практически гражданской войной между ультраправыми и ультралевыми группировками. Среди вдохновителей ультраправых называют Ю. Эволу, а ряд терактов скорее проявлением экзистенциального протеста против Модерна, а не требованием политических реформ.

традиционных форм, универсализма и глобализации по образцу Америки: культурному, идеологическому, экономическому.

Потенциал России

Говоря о России в контексте нашего повествования, мы можем обозначить определенный потенциал для русского язычества, и язычества коренных народов России, в сравнении с анти-Европой.

Исторический контекст взаимоотношений России и Европы невероятно многогранен и сложен, чтобы изложить его целиком и полностью в данной главе, поэтому мы ограничимся интересующими нас в нашем путешествии силовыми линиями. Продолжительная история конфликтного противостояния России и Европы, шире – Запада, напрямую с дискурсом языческого традиционализма почти не соприкасается. Противостояние между западной католической и восточной православной ветвями христианства является началом осмысления особенности двух особых путей для двух особых цивилизаций – Европейской и Русской. Из европейского католицизма, его макиавеллевского духа интриги и стремления к мирской власти, выходит протестантская деноминация, являющаяся прямым широким мостом в Модерн, к светскому гражданскому конвенциональному обществу. Русская модернизация в основном носит реактивный характер на вызовы с Запада, а в период Российской Империи (1721 – 1917гг.) внутри России складывается довольно терпимый многоэтничный и многотрадиционный ансамбль. Но в этот период элиты Империи представляют в основном немцы, и они активно включаются в процесс модернизации, первый импульс которому в явной форме дал Петр I. В народе же официальное доминирование Православия оставляло широкое пространство свободы для местных верований и обычаев, от которых зачастую требовалась только уплата налога. На обучение и в армию представителей коренных народов не рекрутировали до XX века.

Вторым историческим этапом, требующим внимания, является противостояние СССР и США. Ранее мы четко обозначили, что глубинная структура, как советской идеологии, так и американской, является порождениями Модерна и антитрадиционными по своей букве и духу.

Модернизация России, включенной в общеевропейский контекст, по отношению к Европе носит защитно-реакционный характер, призванный мимикрией защитить свою цивилизационную самобытность не Европы и не Азии. Но вместе с Европой, модернизация России носит проектный

характер по отношению к базовой установке на свершившийся Модерн, с чего начинались Соединенные Штаты. Для Европы Россия всегда виделась отстающим, варварским соседом, в котором иногда проглядывали родственные черты. Этот взгляд отражает европоцентристский подход, и в течение времени, когда Европа выворачивается в анти-Европу, его можно толковать в обратном направлении: «отстающая» Россия остается ещё больше Европой, чем стремительно постмодернизирующаяся анти-Европа. Для Америки Европа представляется дряхлым Старым светом, чье время прошло, а как следствие Россия находится немногим выше уровня индейцев, в глазах США. После революции 1917г. в России, и после победы СССР во Второй Мировой Войне, противостояние Красной России и Соединенных Штатов определяли нерв истории и политики всей планеты на протяжении полувека. Это противостояние можно рассмотреть как борьбу двух титанических начал: вспомним культовую фигуру Прометея-пролетария и Атланта, расправившего плечи на Западе (А. Рэнд). Нюанс заключается в том, что Россия в её советском воплощении оказалась недостаточно антитрадиционной, все ещё «дремучей», даже со всеми своими станками, взорванными церквями и диалектическим материализмом. Это все являлось программой Модерна, который уступал глубине деградации (или «прогресса», с точки зрения западо-оптимистов) Америке. Америка – страна состоявшегося Модерна, от которого она быстро перешла к воплощенному Постмодерну, и обрушила свои силы на *недостаточно хтоническую, все ещё современную* Советскую Россию.

Если сравнивать атмосферу демократической Европы/США с атмосферой тоталитарного Советского Союза в отношении возрождения языческих традиций и становления организаций, то свобода распространения информации, для создания сообществ, общин и практики язычества в Европе, является положительным фактом. Но она нивелируется откровенными модернисткими и постмодернистскими инфильтрациями с одной стороны, а с другой – в обществе плюрализма бессмысленности конфессиональная принадлежность не столь важна. Язычники Европы имели более свободные руки, но кто воспринимал их учение (именно учение, а не частные политические, криминальные и террористические практики) всерьез? В Европе язычники стали «одними из», с правом оставаться такими же при разделении базовых «общечеловеческих ценностей».

В «Ориентациях» Ю. Эвола пишет:

«Американизм отличается лишь тем (от коммунизма), что атака на качество и личность ведется не насильственными и принудительными методами как при марксистской диктатуре, но почти спонтанно путем создания общества, не знающего более высоких идеалов, чем богатство, потребление, доход, неудержимый рост производства, т.е. то, что является идеалом и современной Европы».

Атмосфера тоталитарной диктатуры материалистического толка оказывала на ищущих духовного начала большое давление, так как самым страшным преступлением в тоталитарном обществе – согласно Дж. Оруэллу – является мыслепреступление. Гонения на инакомыслие, даже не отягченное какой-либо оппозиционной, протестной политической деятельностью, было обычной практикой. В таких условиях стремление к Высшему становилось своего рода посвятительным испытанием и подвигом, наказанием за который могла быть ссылка в лагеря и уголовное преследование, то, что было с Доброславом во время и после Советской власти. Социальный остракизм и вытеснение на маргинальную периферию общества, что мы можем проследить в судьбе глашатая языческих Богов, поэте Серебрянного века Сергее Есенине, и участниках Южинского кружка 1960-х годов в Москве (Евгений Головин). Добровольно-принудительная депортация из страны, что произошло с основателем Южинского кружка, известным писателем, философом и знатоком Индуизма Юрием Мамлеевым. Либо уголовное преследование и миграция гуру и его учеников из страны, что произошло в Белоруссии с Бхайраванандой (Адинатх Джайадхар) в 1990-е годы.

В конечном итоге, язычники по обе стороны оказывались в ситуации давления: будь то давление демократической свободы и обессмысливания языческих начинаний, делающих их «одними из»; либо под давлением репрессивного аппарата, преследовавшее любое инакомыслие. Какое из двух неблагоприятных условий являлось большим испытанием: сохранить и реализовать стремление к Традиции в условиях открытого давления, либо в условиях мягкой, обволакивающей свободы, вымывающей накал Дхармы из всех построений и деяний? Вопрос, пожалуй, риторический.

После падения СССР, Россия берет курс на демократизацию и либерализацию, т.е. снова догоняет Запад. В этот момент, с 1980-х годов, для язычества в России наступает шанс подняться и приумножиться, окрепнуть. Что и свершается. Одновременно обращение к Западу как образцу, т.е. к Постмодерну, приводит в движение различные квази- и псевдо-языческие New Age движения, которые на тот момент в Европе уже

были актуальной реальностью, что является закономерным следствием такого обращения. В последнее время, актуальное написанию данной книги, в России происходит инсталляция политтехнологической идеологии (идеологического симулякра) на основе Православной духовности и при активном лоббировании РПЦ МП. Симуляционная природа этой идеологии не имеет строго отношения к самой «идеологии», требующей серьезных политических субъектов, принятия важных решений. Будь оно истинно так – Россия бы провозгласила возврат от светского государства к религиозному, объявив Православие государственной религией, и дав разрешение ещё ряду конфессий на свою деятельность. Одновременно с этим, симулякр не имеет строгого тождества и с Православием, перенимая методы спектакля, ситуационизма, акционизма, перформанса, постмодернизма в вербовочной деятельности, и обращаясь к внутрицерковным около-сектантским экстремистским течениям: уранополитизм, заигрывание с протестансткими сектами. Таким образом, реставрация духовного измерения России через обращение к Православию не воссоздаст ситуации Российской Империи, где при формальном доминировании церкви в народе сохранялось широкое языческое наследие, а коренные и малые народы могли исповедовать свою веру. Налицо тенденция, вытекающая из симулятивной и манипуляционной природы квази-идеологии, к религиозной нетерпимости, погромам[109] и агрессивной клерикализации общества. Одновременно с этим вновь накаляется нерв отношений между Западом и Россией, но на этот раз он носит (будет носить?) особый характер, так как Россия не обращается напрямую ни к Советской модели, ни к Русско-Православной имперской, но создает из разных их фрагментов нечто новое, симулятивное.

Таким образом, мы видим, что на современной карте мира нет ни одного государства, которое бы избрало своим ориентиром ценности Традиции. Ни Европа, ни Россия не являются здесь исключениями, а Россия в своих мегаполисах все более походит на «цивилизованную» Европейскую страну. В такой перспективе искать потенциала для язычества в государственном измерении нет никакого смысла.

Русские, как народ преимущественно третьего сословия, и их государство, оказывающееся то позади прогресса, то более европейским, чем анти-Европа, оказываются кладезем и проводником традиционных структур и форм из глубокой древности в современность. Деградации и

[109] Вандализм и осквернение языческих святилищ, святых мест шаманизма, буддизма, являются обыденной практикой.

деструктивному влиянию креационизма подвержены преимущественно элиты, а простой народ, рассеянный по огромному пространству русской природы, всегда был на периферии её внимания. Потенциал для язычества заключается в глубинных пластах и архетипах русских людей, которые своеобразным образом были законсервированы сначала Православием – наиболее консервативной формой христианства, которое простой народ перетолковал и обогатил языческими реликтами настолько глубоко, что бывает, что христианство в целом и Православие в частности рассматриваются как различные традиции. Следующей за Православием была недостаточно титаническая форма материализма, выраженная в советизме, который так же подвергся влиянию народных масс – рабоче-крестьянский настрой в приближении резонировал с аграрными архетипами русских.

Сегодня, когда тиски христианства и материализма ослаблены, для язычества в России, Украине, Белорусси, у малых народов и бывших советских республик, наступил реальный шанс обрести свою субъектность, укорениться в истинном понимании языческого мировоззрения, Лада (Дхармы, Вирда) и сделать соответствующие историческим вызовам выводы. Постмодерн своей симуляционной и «освобождающей от» стратегиями является неочевидным, но довольно опасным вызовом. Вызовом, который следует принять и преодолеть.

IV
О современном опыте

Здесь мы начинаем более подробное рассмотрение инфильтраций Модерна и постмодернистской пострелигиозности в языческое мировоззрение и опыт, которые нередко становятся объектом критики оппонентов язычества, так и внутриязыческими спорными моментами.

В своей статье «Проблемы языческого традиционализма» М. Хэггвист так формулирует одну из важных проблем:

«… современные язычники, в большей степени, чем все остальные, пытающиеся обрести традицию и реконструкцию, доступны для модернистской «инфильтрации» в свои идеи. Любой «истинный христианин», скорее всего, почувствовал бы, что он совершает ошибку, толкуя библию в таком духе, чтобы она соответствовала бы его крайне атеистическим, либеральным, социалистическим или современным так называемым «консервативным» правителям. Для самопровозглашенного «язычника» это не является проблемой. Поэтому мы можем видеть, что большинство неоязыческих организаций заостряют внимание на своей приверженности индивидуализму, демократии, прогрессу, «толерантности», пацифизму (или иногда войне ради войны), феминизму, и тому, что должно подойти в пропагандистской войне — чтобы получить больше обращённых и чтобы вести борьбу с христианством, которую многие считают намного более важной, чем борьбу с модернизмом, материализмом и потребительством»[110].

Здесь важно отметить принципиальную позицию по отношению ко времени и целям язычества, которая снимает вопрос романтизма по отношению к традиции и планам на общественную реформацию, и делает акцент на внутреннем, духовном и должном содержании поиска Божественного в наши дни.

Ален де Бенуа сформулировал эту позицию следующим образом:

«В действительности речь идёт не о том, чтобы «вернуться» в прошлое, а о том, чтобы связаться с ним, а также, в силу этого, согласно сферической концепции истории, соединиться с вечным, заставить его вновь течь, звучать в жизни, избавиться от тирании логоса, от ужасной тирании Закона, чтобы вернуться в школу мифа и жизни. В античной Греции, отмечает Жан-Пьер Вернан, «стремление всё вспомнить

[110] См. Haggkvist M. «Проблемы языческого традиционализма».

преследует в качестве основной цели не построение личного прошлого вспоминающего-себя-человека, построение его личного времени, а, напротив, возможность для него избежать времени» (интервью в «Nouvel Observateur», 5 мая 1980 г.). Точно так же речь идёт об обращении к «памяти» язычества не в хронологическом смысле, чтобы вернуться к «предыдущему», а в смысле мифологическом, чтобы найти то, что сквозь время преодолевает время и обращается к нам и сегодня. Речь идёт о соединении с непреодолимым, а не с «преодолённым».

Аналогичную позицию занимают практически все главы языческих общин и организаций, существующих на сегодняшний день. Цель язычества сегодня – не затолкать общество обратно в прошлое, но найти связь с вечным для обретения бытия и смысла в настоящем. Также существует и противоположный полюс, настаивающий на буквальном максимальном возвращении к формам и режиму бытия прошлого (к нему, с оговорками, мы можем отнести Доброслава), что можно сравнить в позицией жестких традиционалистов, которые в совокупности составляют два взаимообогащающих полюса в языческой среде.

Связь с Вечным – это связь с Сакральным, Божественным, которая осуществляется инициатически. И обретаемый смысл и бытие есть должное по отношению к своей природе и окружающей реальности – semper fidelis и polemos. Борьба за чистоту своего мировоззрения – борьба не только с внешним агрессивным миром Железного века, но обращенная во внутрь, ради очищения – является залогом успешности исполнения должного. Для этого необходимо разделить, иногда следуя букве известного выражения, «с кровью», свое и чужое.

IV.I Аутентичное и чуждое

Вопрос аутентичности со всей строгостью встает для язычества, начиная с эпохи Возрождения и Просвещения. Обращение европейских мыслителей к Античности в культуре, философии, поэзии происходит с её перетолковыванием в христианском, гуманистическом и просвещенческом ключе. Аутентичное язычество, которое даже не нуждается в приложении к нему этого термина, существовало во времени и пространстве Традиции, и в малой доле ещё сосуществует сегодня в отдаленных регионах. Оно было изначальным, оно доминировало, с приходом креационизма оно ушло на периферию и продолжило свою жизнь в глубинных пластах

народов, их культуры, поверий и интерпретаций спускающегося сверху, от элит, христианства.

Язычество Модерна начинается одновременно с ним, и оказывается в ситуации влияния на него новой картины мира, нового языка описания реальности. Это ставит вопрос установления связи с Вечным началом и воплощении адекватных, аутентичных духу традиции форм в новых условиях. Немалую роль в этом вопросе играет природная, сословная составляющая самих язычников, решивших обратиться к дохристианским традициям в Новое время. Здесь мы констатируем подавляющее наличие представителей третьего, земледельческого, сословия и его паттернов восприятия Богов, должного и стратегий поведения, а также его слабости к влияниям новой силы Просвещения. Проявление представителей истинно воинских и жреческих сословий становится чрезвычайно проблематичным и редким, но порой аффектирующим последующие поколения и направление языческого движения. Люди воинской природы вдохновляют и указывают верный путь – путь борьбы и героизма, который Ф. Ницше считал наиболее нехристианским, противопоставленным типу смиренного мученика, принявшего низший удел. Если представители третьего сословия в тайне, в перетолковывании, «контрабандно» пронесли языческую культуру и стремление к Богам, то в Новое время для жречества встает проблема, требующая колоссального напряжения: установления той связи с Богами, о которой мы неоднократно говорили выше. Это во многом и личностный путь, и путь поиска, открытия, систематизации, очищения, восстановления, должного оформления и одухотворения сохранившегося языческого наследия, и вдохновление язычников на следование путями Богов в Кощное время. Свейнбьёрн Бейнтейнссон, исландский писатель, основатель и первый верховный годи первой исландской общины Асатру – Асатруарфелагид, о роли жреца говорил следующее:

«Годи должен поддерживать путь развития религии, но это не только его личная ответственность»[111].

Язычество Постмодерна – это пострелигиозное псевдоязычество людей, не имеющих никакой сословной природы, которое мы подробно рассмотрим ниже. Лейтмотив аутентичности в Постмодерне наследуется из Модерна, но с более ужесточенными требованиями и большей внимательностью к запутанным, зацикленным друг на друга, и на самое себя, нитям ризомы.

[111] См. Slauson Urv «Religion of Odin».

Аутентичность языческого возрождения заключается во внимательном, деликатном и одновременно строгом обращении к известному сохранившемуся наследию. В период Средневековья и Возрождения язычество описывалось с точки зрения церковки, её апологетов, миссионеров и богословов. Язычеству придавались гротескные и подчеркнуто анормальные черты и характеристики, нередко содержащие в себе чистую выдумку авторов. Попытки восстановления язычества на основе обращения к христианским текстам, как замечал Ю. Эвола, заведомо обречены на провал из-за некомпетентности как авторов текста, так и, как следствие, из-за неадекватности возводимых на их основе конструкций. Язычество на основе интерпретаций христианских, заведомо ангажированных текстов является карикатурой и слепым поклонением материальным силам природы, без высшего измерения Духа[112].

Последующее становление религиоведения также исключало объективность в отношении рассматриваемых традиций разных народов, сначала внося туда христианский оценочный элемент, а позже европоцентристский гносеологический расизм. Существенное изменение ситуации произошло в XX веке, с трудами Мирча Элиаде, реформировавшем подход к изучению различных традиций в традиционалистском ключе. До этого более продуктивным было обращение к наименее склонным к оценкам наукам: фольклористике, археологии, этнографии (с оговорками), лингвистике и т.д. В русском опыте современного язычества особое уважение заслужил Б.А Рыбаков, автор многих трудов по славянской мифологии, который, даже не смотря на свою непринадлежность к языческой традиции, посмерти удостоился издания в его честь памятной брошюры «Тризна по Борису Александровичу Рыбакову».

Опора на адекватные источники, изучение истории и сохранившегося наследия создают основу для движения вверх и установления необходимой связи с Сакральным. Традиция, как не раз отмечалось, – это не сохранение пепла, но передача Огня. Поэтому на основе древнего наследия должно вспыхнуть новое пламя, соединяющее прошлое с настоящим не формами, но принципом. И здесь показательны возникновение новых форм на примере русского язычества, *органично* отвечающих глубинному принципу и архетипам, а также требованиям современности: введение Доброславом Коловрата как символа русского язычества, и введение Велеславом самоназвания этого язычества как Родноверия – Родной Веры.

[112] См. Эвола Юлиус «Против неоязычников».

Многие комплексы священных и магических представлений, бытовавших как у славян, так и у других народов, связанные с аграрными, охотничьими, жилищными и общинными сферами жизни, для сегодняшних форм и режима жизни более не актуальны, что предъявляет требование в органичном перетолковании старого, либо проявлении органичного нового, отвечающего на актуальные вопросы окружающего мира. Залогом органичности является опора на достоверные адекватные знания, аутентичность им и одновременно – отклик в глубинных структурах человека, народа и его традиции. Так, например, термин означающий должное в русском язычестве. Предложенный Велимиром – Дарна – в итоге не прижился и не стал органичной составляющей Родноверия, в отличие от терминов Лад и Правь (по Прави).

При восстановлении лакун в ткани наследия традиции также возможно обращение к наследию и опыту соседних, братских народов, а также к более дальним географически, но структурно близким народам.

Из известной фальсификации «Велесовой книги», сделанной Ю.П. Миролюбовым, очевидно для привлечения внимания русскоязычной публики к священным текстам Индии, на что указывают очевидные кальки «Крышень» – Кришна, «Вышень» – Вишну и ряд других заимствований, в русское язычество устойчиво входит трехчастное деление мироздания: Правь, Явь, Навь. Верхний, Срединный и Нижний миры соответственно. Несмотря на мистификаторские цели, Ю. Миролюбов задел определенные пласты русских глубин, которые отозвались интересом не столько к самой подделке, а именно такая оценка является доминирующей и нормативной в современном русском язычестве, но к предложенной трехчастной схеме мироздания, которая частично подтверждается и известными фольклорными и филологическими данными.

Обращение к опыту соседних народов оправдано тем, что современные государственно-территориальные границы не отражают положения дел, бытовавшего в древние времена, когда ныне разделенные границей народы были единым этносом с его субэтническими вариациями: говором, акцентом на почитание того или иного Божества в пантеоне, особенностями узоров вышивки, резьбы и т.д. Ситуация культурного и традиционного взаимообогащения, поддержки и обращения к единым корням традиции известна среди представителей скандинаво-германского язычества: современные Исландия, Норвегия, Дания, Швеция, Германия; славяно-русского язычества: Россия, Белоруссия, Украина (ранее единый

народ, разделенный совсем недавно), Польша, Чехия, Болгария, Литва и др.; романно-эллинского язычества Греции и Италии.

Известной, и одновременно наиболее спорной и рисковой остается практика перевода элементов одной традиции на язык другой, с целью восстановить, закрыть лакуну. Такой опыт перевода требует чуткого и внимательного, включенного в контекст погружения в традицию, из которой делается перевод, и в традицию, на язык которой делается перевод. В этом процессе важно передать структуру, смысл, порой в ущерб внешним формам, но только в пользу органичного встраивания и реставрации. Найдежл Пенник приводит следующие слова Антонио Гауди, которые отражают сказанное нами:

«Те, кто постигает законы природы, чтобы опереться на них в своем новом деле, сотрудничает с мирозданием. Те, кто слепо копирует – нет»[113].

Такие обращения оправданы в рамках индоевропейской общности, и зачастую локализованы между тремя большими регионами: Европой, Россией и Востоком/Азией. Наиболее интенсивный обмен в следующих направлениях: скандинаво-германские общины обращаются к индуистским традициям; славяно-русские к германо-скандинавским и индуистским. Многие исследователи полагают, что Ваны-земледельцы из скандинавской мифологии исторически были славянами, попавшими под власть варягов-асов, что укладывается в аллогенную теорию происхождения государства. Такая гипотеза таит в себе огромный потенциал для поиска связей и родства между двумя традициями и культурами.

Также особое положение занимает философия Эллады, в которой ряд структур языческой Сакральности описаны максимально емко и точно. Индуистская традиция на протяжение всей своей истории остается предельно равнодушной к ближним и дальним традициям и идеям, обращая на них внимание в исключительных случаях.

Типология язычников

В отсутствие естественного и точного определения внутренней природы человека, через рождение в соответствующей касте и сословии, в Новое время начинает складываться альтернативная типология язычников. Так как внутренняя природа человека является определяющей силой, и

[113] См. Пенник Найджел «Практическая магия в Северной Традиции».

проявляется даже без её осознания как таковой, приобретая деформации, сложившиеся типы во многом наследуют сословные черты и могут с ними соотноситься, вплоть до совпадения.

При выделении основных типов мы частично наследуем типологиям, принятым в академической среде религиоведения[114], но в силу полной профанности и некомпетентности ряда исследователей, мы ограничимся лишь частичным совпадением в подходе к классификации.

Выделенные приоритетные типы таковы: мистик, политик, натурист и реконструктор.

Подход мистика к традиции заключается в погружении в её глубины, возжигании её Огня внутри себя и разделении плодов своего опыта с другими единоверцами. Для мистического подхода важен Дух и Кровь, внутреннее измерение традиции, порой в ущерб буквальным толкованиям, внешним формам и социальной активности. На первом месте оказывается личный духовный опыт и его интерпретация, глубинная герменевтика текстов и наследия.

Политический подход к языческой традиции представляет язычество как инструмент социальных и политических изменений в обществе. Во многом он сопряжен с воинскими архетипами, требует определенной глубины погружения в традицию, но уступает в этом мистическому и реконструкторскому подходам. Языческое наследие трактуется в русле политической необходимости и создания идеологической платформы, которые выступают локомотивом всей деятельности данного типа язычников.

Натуристский подход является наиболее упрощенным и легким восприятием доктрины язычества, и заключается в почитании Природы и Её сил, духов и законов как основных начал. Большие комплексы мифов и преданий для натуриста остаются на периферии (но не отрицаются), а на первый план выходит гармонизация души и Духа в соответствие с Духом Природы. Отчасти такой подход является одним из ответов на проблему передачи традиции через длительный промежуток доминирования инородных религий и светских идеологий, и заключается в обращении к самому базовому опыту слияния с Божественным телом. При этом сохраняются календарные структуры праздников, жизненного и годового цикла, простые формы культурного проявления (резьба, вышивка,

[114] См. Шиженский Роман «Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского)».

славления, песни, музыка, ритуалы) и небольшой пантеон Богов, включающих лишь самых важных.

Замыкает типологизацию самый отдаленный от Духа традиции, и погруженный в её формы, тип – реконструктор. Смысл реконструкторского подхода заключается в максимальной, стопроцентной идентичности воспроизводимых традиционных форм, особенно внешних: оружие, одежда, предметы быта, ткани, узоры, архитектура, формы и способы ведения хозяйства, строительства, речи и т.д. Главный смысл – это максимальное аутентичное соответствие слову и букве; аутентичность как самоцель. Любое несоответствие должно быть устранено, а любое инотолкование и новшество отбрасывается как не отвечающее историчности и аутентичности. Реконструкторы могут быть искусными мастерами ремесел, знатоками истории, языка и археологии, знать многие нюансы фольклора и материальной культуры традиции, но очень редко они соприкасаются с её Кровью и Духом[115].

Описанные выше типы являются идеальными, и в реальной жизни и практике, в одном человеке мы можем встретить сразу два и более типологических начал, которые будут друг друга дополнять и уравновешивать. Мистический подход по своей сути совпадает с высшим сословием, и может обогащаться строгостью реконструкторского типа. Иными словами, речь идет об описанных выше принципах аутентичности и органичности.

Воинский дух, несомненно, выражается в политическом подходе как стремлении утвердить и реализовать власть, либо проявить своё строго воинское начало в сражении. Одновременно с этим проявляется и ограниченность в восприятии традиции, по сравнению с высшим сословием, и доля пренебрежения к материальным ремесленным формам.

Земледельческой природе соответствует тип натуриста, отражающий зависимость от земли, природных стихий, влияющих на урожай, улов и добычу. Однако в стремлении выделить самые общие, базовые черты традиции натуристы приближаются к мистическому подходу, так же стремящемуся к центру, постижению структуры и сути традиции.

К кастам ремесленников и слуг (шудр) больше всего относятся реконструкторы, которым без сомнения нет равных в вопросах восстановления материального наследия и артефактов. Их приобщение к

[115] Наглядным примером погружения в бытовые нюансы служит вопрос об аутентичности подворачивать рукава и вытирать их об подол рубахи в X веке, возникший после реализации реконструкторского проекта «Один в прошлом».

Духу традиции – к Огню, а не пеплу – возможно при обращении к другим типам, нередко политическим, либо в силу обуздания своего стремления к внешней аутентичности в пользу постижения глубинного смысла, даже на уровне материальной демиурги. Вспомним, что в Индии изучение Вед было доступно всем трем высшим сословиям. Шудрам же предписывалось подчинение и выполнение указаний, которое могло привести их к более благоприятному перерождению.

Субкультурные инфильтрации

Феномен субкультурности появляется в Новое время, с конца XIX века, и находит расцвет в XX веке. Как и адепты языческого мировоззрения, изначально субкультуры появляются, и долгое время существуют на периферии общества как маргиналии. Начиная с середины XX века, место и влияние субкультур в обществе начинает расти, некоторые из них становятся доминирующими либо масштабно аффектируют общественное сознание; преимущественно на Западе. Субкультуры как явление теснейшим образом связаны с феноменом моды, общества потребления и массовой культурой.

Ряд современных социологов склонны рассматривать любую суб-идентичность – профессиональную, социально-ролевую, этническую, возрастную и т.д., как субкультуру внутри общей культуры социума. То есть, любая сфера деятельности, мысли и вариации культурных форм, и образующаяся на их основе общность, формирует свои микроценности и субкультурный паттерн поведения, вида и иных характеристик. При этом один человек может одновременно принадлежать к нескольким субкультурам, меняя режимы идентичности в процессе труда, жизни, времени: профессиональная, культурная/этническая, возрастная.

На основе субкультурного множества, путем сложных взаимоотношений, формируется сама культура общества, с доминирующими и маргинальными типами. В этом мы можем распознать современный подход к построению общего через конвенциональную сумму частностей; атомизм. По отношению к доминирующей [суб]культуре выстраивается иерархия остальных субкультур: не доминирующие, но и не противопоставляющие (параллельные и альтернативные) себя основной культуре группы, либо находящиеся на самой экстремальной периферии контркультурные и люмпен-группы, отрицаемые и осуждаемые как доминирующей культурой, так и многими субкультурами.

Следуя логике такого подхода, религиозная идентичность предстает как *одна из* существующих в обществе субкультур. Так как речь идет об обществе Модерна и Постмодерна, традиционная, языческая субкультура оказывается на периферии. С учетом основного анти-модернистского посыла традиционализма и языческой Дхармы, традиционная идентичность оказывается в положении контркультуры, подвергается надзору, высмеянию и репрессиям с позиций доминирующей светской культуры и нейтрально-встроенных в основной поток субкультур. С другой стороны, языческий традиционализм отрицает Модерн, его набор ценностей, культуры и, соответственно, субкультурную классификацию.

Но локализация на одной маргинальной периферии, вместе с другими нетрадиционными субкультурами, а также первоначальная дезориентация и отсутствие строгости по отношению к современному миру, сделали язычество на практике подверженным ряду влияний, которые теснее сближают его с феноменом именно субкультуры, а не вытесненным на край фундаментальным мировоззрением и языком мирописания. Подавляющее количество этих влияний укладывается в структуру общества потребления, т.е. основывается на знаковых репрезентациях, важность которых выходит на первый план, подавляя духовную и смысловую составляющую.

Основными проводниками субкультуризации язычества является молодежь, а проводящими сферами – политика, коммерция, культура (досуг и музыка).

Субкультурная инфильтрация через сферу политического происходит в соответствии с политическим типом язычника, но в деформированной в сторону более политической, чем языческой, традиционной идентификации. Иными словами, традиция окончательно становится инструментом в политических и идеологических построениях, а на первый план выходит политсубкультурная идентичность. Наглядным примером является эволюция националистических субкультур в сторону собственных традиций, как основы идентичности. Такое обращение характерно для подавляющего количества различных националистических идеологий в разных странах. В отличие от реальной политической партии и состоятельной, полноценной идеологии, культурной либо цивилизационной парадигмы, опирающейся на традиционное наследие, субкультура всегда вторична и фрагментирована, локализована на нижних этажах общественной структуры. Поэтому принадлежность к языческой (либо авраамической) традиции сводится к репрезентации определенного

набора знаков (одежды, нанесенных символов, аксессуаров, музыки и .т.п.), зачастую без знания их истории, значения и понимания смыслов; совершению ряда действий, считающихся принадлежащими к традиции, причислению к традиции ценностей и идей, никогда не бытовавших в ней и являющихся плодами Просвещения и модернизации.

То же самое можно сказать относительно субкультур, основывающихся на ролевом воспроизведении сюжетов фэнтезийной, и не только, литературы. Само фэнтези отношения к традициям не имеет, соответственно возникшая на его основе субкультура будет ещё на шаг дальше от традиции, вторичной по отношению ко вторичному. Заимствование сюжетов из саг, эпосов и сказаний для создания фэнтезийных произведений, создает обратный интерес к прототипам и первоисточникам, что обращается в поверхностный интерес к мифологии и фольклору со стороны ролевой субкультуры. Игровой, поверхностный характер может только обессмысливать и размывать тело традиции. Обратным случаем, когда проявляется строгость по отношению к достоверности и источникам, является близкая к ролевому движению, субкультура реконструкторов, почти тождественная типу реконструктора из классификации указанной выше. Если язычник-реконструктор максимально сосредоточен именно на традиции, то субкультурный реконструктор может участвовать в *игровых* реконструкциях разных периодов, эпох и стран. Субкультурность проявляется одновременно в игре, разделении времени и пространства на аутентично-реконструкторское и повседневно-бытовое. Т.е. субкультурный реконструктор всегда находится на дистанции по отношению к реконструируемой ситуации, эпохе. И одновременно в аутентичности как самоцели самой игры. Таким образом, мы видим, что две указанные выше субкультуры являются порождением общества потребления и являются формами досуга и развлечения, и больше ничем. Фрагменты языческого наследия становятся знаками, элементами декора, игры, развлечения. Это позитивные, не антогонистические обществу субкультуры в чистом виде.

В культурной сфере влияний мы рассмотрим два направления, обращающихся к язычеству для своих узких нужд – это спорт и музыка.

Одержимость спортом, особенно его массовыми формами и чемпионатами, является болезненным психозом человечества. Завороженность лицезрением бессмысленных соревнований не может вызывать даже сожаления к типу последнего человека. Ю. Эвола называл спорт одним из самых бессмысленных видов труда, а выдвижение

популярных спортсменов на роль кумиров и элиты – чистой аномией и деградацией. Возрожденные в современное время Олимпийские игры являются пародией по отношению к культовому действу, посвященному Богам Олимпа, и заключавшемуся не только в физических состязаниях. Сегодня спортсмен – это предельно антиинтеллектуальный тип, претендующий на элитарность и популярность. А сам спорт – прекрасно продаваемое шоу, развлекательная программа массовых медиа. Апелляция спорта к воинскому духу, к воле в духе античности, могут вызывать только смех, ведь они направлены не на преодоление и битву, войну, героический подвиг, но на развлечение ещё более тупых и безродных масс. Изначально сфера физических состязаний, связанных с военной подготовкой, волевым преодолением и выковыванием сущности мужского, которые мы можем отнести к воинскому, политическому типу, сегодня обращается женственной демонстративностью форм, падкостью перед камерами и таблоидами, стремлением продать себя и страхом низвержения с «олимпа» рейтингов. Рабство побежденных воинов, развлекавших патрициев на аренах Рима, и рабство современных спортсменов, зависимых от зрителя и символов успеха: рейтинги, таблицы и зачеты, позволяющие лучше продать очередной раунд и чемпионат, отличается лишь по форме. Некомплиментарность спортивной и языческих сфер является очевидной, неговоря уже про абсолютно феминный и современный гедонистический культ красивого тела, по сути далекий от самого спорта настолько же, насколько он – от Традиции.

Одним из классических подходов в классификации и описании становления субкультур является обращение к музыкальным стилям, формирующим вокруг себя особую сцену самобытного направления музыки, вкупе с внешним видом и своей расстановкой ценностей. На язычество во второй половине XX – начале XXI века больше всего оказали влияние два музыкальных направления, которые, не без натяжки, мы можем отнести к мистическому и политическому типам – это направления black metal и hardcore соответственно.

Стиль black metal зарождается в конце 1980-х годов в Англии и Швеции, но его расцвет и истинное воплощение его духа происходит в Норвегии в 1990-е годы, формируя так называемый true Norwegian black metal. Не останавливаясь на вопросах генеалогии и звучания, отметим, что осью стиля стала ориентация на оккультизм, сатанизм, антихристианство, фэнтезийные темы, политику, философию, природные и языческие мотивы лирики. А также, доминирование текстов, внешнего неформального вида,

асоциальности и противопоставления себя обществу обывателей над музыкальной составляющей. Главным было донести идейный посыл, локализованный также на крайней периферии общества, и противопоставляющий себя общепринятым ценностям. Даже изменение звучания в сторону большей мелодичности, разнообразия инструментов, воспринималось как послабление, отступление от идейности стиля в пользу большей популярности и коммерциализации.

Повышенная идейность, антихристианская направленность, симпатия к язычеству и антимодернистский вызов, несомненно, оказались факторами, приведшими к сближению метал-сцены с язычеством, и определенному взаимному влиянию. Проявлениями этого взаимного движения стали появление подстилей pagan black metal, folk metal и viking metal, посвященные темам язычества, слиянию стиля метал с народными инструментами, лирикой и вокалом, и узкоспециализированной тематике викингов и Севера, соответственно. Из них к true black metal ближе всего находится языческий метал, а фолк и викинг ушли в направление большей мелодичности и философская доминанта уступила место фольклорной и музыкальной.

Знаковой, для взаимного влияния язычества и норвежской black-metal сцены 90-х годов, стала фигура основателя и единственного участника группы Burzum, Варга Викернеса. Широкая известность к Варгу приходит в 1993 году, после суда по делу об убийстве Эйстена Ошета, лидера музыкально-оккультного объединения музыкантов «Внутренний Черный Круг Норвегии», в результате которого он был приговорен к 21 году тюремного заключения. До этого Варгу приписывали связь с поджогами христианских церквей в начале 90-х годов. Таким образом, Викернес стал одним из самых известных и опасных, асоциальных представителей black metal сцены. Во время тюремного заключения Варгом пишутся и издаются две книги его статей, эссе и рассказов – «Речи Варга» и «Речи Варга II». В своих трудах он рассуждает о судьбе Норвегии, состоянии общества и активно пропагандирует свою версию норвежского неоязычества. Обращение к теософии, научной картине мира (отождествление Богов с планетами в их научном понимании) и ангажированность взгляда в пользу примитивного расизма, ставят крест на традиционности неоязычества Варга[116]. Его популярность, и плодотворность в музыке и писательстве,

[116] Стоит отметить, что некоторые его прозрения по своей глубине и кристальности очень схожи с натуристическими и мистическими пассажами Доброслава о Природе. Фактически, настоящий дух Природы и язычества в творчестве Варга – это музыка.

сделали его одним из самых известных правых языческих авторов, порой оттеняющего иные, более аутентичные и традиционалистские формы скандинавской традиции[117].

Позднее сам Викернес признается, что его первые труды были написаны молодым и экспрессивным человеком, которого он перерос; откажется от метал сцены, которую он станет презирать, в пользу одного из поджанров ambient.

Зарождение hardcore сцены происходит в конце 1970-х – начале 1980-х годов в США и Великобритании, как результат обособления от панка и его асоциальной, бунтарской в духе «свободы от» повестки. Внешний эпатаж сменяется большей сдержанностью, а тексты обращаются к социальным проблемам, свободе, политике, насилию, отказу от нездорового образа жизни, анархии и гедонизма, возведенных панком в культ. Как панк и black metal, хардкор сцена так же зарождается на периферии культуры общества и изначально носит довольно замкнутый на себя характер.

Соприкосновение с язычеством происходит через право-политическое крыло хардкор сцены, через политический тип и традиционные мотивы чести, доблести, духа и воли, вплетенные в тематику текстов. Рука об руку с hardcore субкультурой идет субкультура straight edge («четкая грань», sXe), которые порой рассматриваются воедино как одна субкультура sXe-hardcore. Субкультура sXe является идейным ответом, в первую очередь, мировоззрению панка, и окружающей реальности социального разложения. Straight edge противопоставляет разложению отказ от наркотиков, табака, алкоголя и беспорядочных половых связей. В жесткой форме (hardline) – отказ от мяса и продуктов животного происхождения (веганизм), кофе и синтетических медикаментов («drugs free»); частичное антипотребление, экологические принципы и защиту животных. Посыл на индивидуализм и личную свободу сохраняется. Особым символом становится крест «X», который рисовали на кистях несовершеннолетних посетителей клубов, чтобы им не продавали алкоголь. Три креста «XXX» в субкультуре означают три базовых положения sXe: нет наркотикам, нет алкоголю, нет беспорядочным половым связям.

Многие аспекты sxe-hardcore/hardline субкультур подобны некоторым положениям языческих традиций. Повышенное внимание к экологии и охране животных подобно Сакральному восприятию животного как тотема

[117] Так, религиовед Р. Шиженский в своем труде о А. Добровольском, последовательно сравнивает судьбы и нарративы Доброслава и В. Викернеса. Сам Варг не раз положительно отзывался о славянском язычестве.

или посвященного Богу зверя (ср. инд. вахана); веганизм подобен практике неупотребления мяса животных в Индуизме, так же Сакрально обоснованному как ненасилие. Антисоциальный и антипотребительский посыл частично роднит sXe с консервативными позициями, что усугубляется правой националистической ориентацией в текстах, обращением к воинским архетипам, войне. Здесь же можно заметить подмену образа аристократической силы на плебейское насилие, примитивную ненависть (hatecore, peoplehate) и подростковую мизантропию. Разница между субкультурными подобиями и традиционными формами, прообразами огромна и очевидна: субкультура sXe, в своем разнообразии, является порождением Модерна, и модернистские обоснования являются главенствующими. Позднее происходит только подмена ряда языческих установок на субкультурные образцы, возникают абсурдные утверждения о тождестве ценностей язычества и sXe идеалов.

Если hardcore – это реакция на разложение субкультры панка, то она обращается не к высоким формам духа, но к таким же формам современности, взятым с другого конца – к трезвости, социальной критике, насилию, веганизму и т.п. как к тому, что якобы призвано закалить дух. Хотя за пафосом декларируемых идей открыто сквозит поверхностный гедонизм, свойственный любой субкультуре, настаивающей на своей инаковости по отношению к мейнстриму. В этом социально/личностно-ответственный хардкор ничем не отличается от асоциального панка. Декларируемые ценности, призванные закалить волю и дух, собственно к Воле и Духу, какими они воплощались в традиционной аристократии, отношения не имеют. Они скорее отражают их плебейское понимание, а точнее – становятся такими же знаками, репрезентация которых, по всем правилам общества потребления, создаёт иллюзию счастья и подменяет смысл. Быть straight edge и не демонстрировать знаков принадлежности к идее, т.е. строго соблюдать внутренний посыл, но никак внешне этого не показывать, в логике субкультуры означает не быть straight edge. Принадлежность к субкультуре всегда должна репрезентироваться в её знаках, в противном случае такая принадлежность отсутствует. Так, форма ставится выше содержания, что является гедонизмом.

Коммерциализация субкультур является неотделимым от их природы явлением и закономерным следствием самой субкультурности – стремления выделить, обособить свой круг (сцену). По закону рынка, спрос рождает предложение: если часть общества не желает потреблять

общепринятые, стандартные товары и знаки, то будут созданы и проданы те товары и знаки, которые она – аномическая часть – желает демонстрировать и потреблять. Таким образом, весь накал между маргинальной периферией и общепринятым центром снимается в области экономики, уравнивается и связывается производителями и продавцами. Остаются только моральная, этическая, политическая сферы. В этом можно распознать зарождение игрового характера конфликта, размытие острых границ и антагонизма между субкультурами, субкультурой и общей культурой.

Музыкальная индустрия, стоящая на столпах моды и коммерции, является чистым порождением современности, которое умело включает в себя как центр, так и периферию, смешивает их, поддерживает их развитие и перепродает потребителям. Поэтому субкультуры, основывающиеся во многом на музыке, носят эфемерный характер; они обречены на ничто.

Для язычества коммерциализация субкультур, с ним связанных, представляет угрозу такого же размытия ценностей и выхолащивание смысла из символов и форм. Так, в стремлении продать соответствующую одежду, атрибутику – знаки – рынок идет на создание квази-языческих брендов, использует свастичные, рунические орнаменты, янтры и мандалы; создание новой символики и откровенная ложь в значении уже известных символов является общим местом, в стремлении заинтересовать покупателя, больше продать и заработать. Так, в России в продаже товаров с символикой скандинавской руны Odal, она была наделена множеством «исконно русских» значений: Род, Сокол, Волк и ряд других, столь же абсурдных и неподтверждаемых никакими источниками. Сходная картина наблюдается со славянским символом корней, приводимым в одной из работ Б. Рыбакова, который в коммерческих целях стал «звездой Руси» и «квадратом Сварога». Повсеместно распространено смешение традиционных орнаментов, элементов узора и изобразительного искусства разных традиций, со знаками и символикой субкультур, появившейся в последние полвека. Так, руны, сплетенные с тремя крестами «X» hardcore субкультуры, вместе должны отображать единство ценностей и целей, что по факту представляется в высшей мере абсурдным заявлением.

Коммерциализация порождает симулякры, которые охотно потребляются непритязательной субкультурной публикой, и ретранслируются во вне, подменяя собой тело самой аутентичной традиции. Субкультура антиинтеллектуальна, так как обращение к строгим первоисточникам и настоящая работа над собой, Волей и Духом – это

слишком сложно и противоречит транслируемым со сцены знакам и набору простых, в большинстве своем ложных, аксиом и трактовок языческого наследия. Со становлением Постмодерна дихотомия маргинальных субкультур и общепринятого культурного центра снимается в пользу калейдоскопа, паззла различных размытых, смешивающихся субкультур без единой культуры, но со всеобщим потреблением. Даже самые «маргинальные» и противопоставляющие себя обществу группы становятся лишь *«одними из»*, пользуются одними интернет-сервисами, магазинами, представляют собой разные оттенки гомогенного плоского пространства экрана.

Там, где субкультурная идентичность, идентичность знаков (одежда, аксессуары, эмблемы и логотипы), возведение частных элементов в культ, доминируют над традиционной идентичностью – везде мы будем иметь химеру и отступление от традиционных идеалов, от аутентичности, в пользу моды и лжи. Распутывание клубка субкультурных наслоений, инфильтраций важно как интеллектуальная практика самоочищения, роста вопреки среде, но в своем предельном, идеальном измерении, само явление субкультуры должно быть преодолено как ничего не значащее для языческого традиционализма проявление деградации.

IV.II Современный опыт

Историю современного опыта следует отсчитывать с XIX века, и еще более внимательно – с XX века.

Первые языческие сообщества вели свои корни из оккультных кругов Европы. В 1978 году, по данным Комитета Свободной Церкви Асатру, в США и Европе насчитывалось уже не менее одиннадцати языческих организаций[118]. В России на тот момент уже были активны Е. Головин и А. Добровольский. На момент написания данной книги в мире насчитываются уже сотни языческих общин разных традиций, организаций, всемирный конгресс World Congress of Ethnic Religions, с 2010 года известный как Europe Congress of Ethnic Religions.

Современный статус язычества во многом зависит от конкретной страны и активности самих язычников. Так, в Исландии Асатру является мощнейшим конкурентом официальной лютеранской церкви, а Индуизм в Индии сохранялся непрерывно и главенствует до сих пор. В Германии

[118] См. Slauson Urv «Religion of Odin».

практика язычества осложнена историческим наследием Третьего Рейха, бросившим тень на любое обращение к этническим корням и культуре. В конце XX века появляются первые сообщества, ставящие цель возродить языческую традицию Египта – Кеметизм, правда актив движения находится в США, а самая известная организация – это Дом Нетхер (House of Netjer). Связь основательницы американского кеметизма Тамары Логан Сиуды с викканством и территориальный разрыв, ставят крест на аутентичности и инициативности этого начинания.

В конце XX – начале XXI веков начинают появлятся реставрации языческих традиций на территориях, завоеванных исламом, подвольные попытки вернуться к язычеству совершаются осетинами, чеченцами, кабардинцами, грузинами, армянами, езидами, арабами и иранцами и др.

В России язычество носит характер, близкий к диаспоральному – является сетью незарегистрированных официально общин и сообществ, территориально разбросанных на всем постсоветском пространстве, без формальной централизации. Это обусловлено отчасти небольшим историческим опытом именно языческой практики – по мнению Н. Сперанского не более 30 лет – и все ещё сильным влиянием православия. В то время, как в Европе у язычников были более свободны руки, они же стали заложниками жестких рамок политкорректности и гуманизма, вынужденно редуцируя ритуальные практики, жертвоприношения, выстраивая отношения к миру и внутри общины, общины и общества согласно лекалам толерантности, искусственного пацифизма и гуманистическим нормам модерна – индвивидуальности, демократичности и гражданского права.

Другой заметной чертой современного язычества является тот факт, что оно преимущественно распространяется и развивается в городской среде. Изучающие феномен неоязычества религиоведы отмечают, что язычество преимущественно затрагивает городскую интеллигенцию, что верно лишь отчасти, так как не все выдающиеся персоналии современного русского и мирового язычества попадают под данное, очень размытое, определение, неговоря о рядовых общинниках. Язычество «на земле» больше присутствует в близлежащих к городам деревнях, куда переезжают городские язычники в поисках лада с Природой и более здорового общества и образа жизни. Либо в местах т.н. «эзотерического туризма»: Горный Алтай, Аркаим, Хакасия и Бурятия. Выдающимся примером ухода от цивилизации является переезд Доброслава в Кировскую область,

деревню Васенево, где он жил, принимал гостей и проводил кологодные праздники до самой своей смерти.

Преимущественно диаспоральный статус языческих общин, как в России, так и в мире, отражает структуруную особенность язычества как традиций, не оформленных в институты, подобные христианским церквям. Иными словами, язычество – это более чем один полюс притяжения в рамках одной традиции, оно полицентрично. В язычестве отсутствует фигура главного патриарха или понтифика, главного иерарха, устанавливающего и трактующего догматы. Подтверждение тому мы видим в структуре греческих полисов, которые будучи самостоятельными единицами, нередко враждующими друг с другом, сохраняли единство культуры и традиции. То же самое мы можем наблюдать в истории Индии, где явно прослеживается доминация Вишну/Кришны и Шивы в разных регионах, и на разном историческом этапе. В русской истории, когда в одном селе могли особо почитать одного Бога, а в другой волости, соотвественно, другого.

Вопрос о создании единой централизованной языческой «церкви» не раз поднимался в русском язычестве, преимущественно для утверждения славяно-русского язычества как культурного наследия России, защиты своих религиозных прав и святилищ, т.е. для целей более утилитарных и практических, чем разработка строгой догматики и форм. Хотя, по мнению Н. Сперанского, языческая церковь в России нужна в том числе и для апробации и подтверждения духовных изысканий и построений всех более-менее авторитетных жрецов в России. В таком подходе прослеживается универсалистский подход к церкви как к институту, утверждаемому норму-догмат, и сверяющему иные мнения с ним, отвергая не прошедшие проверку как «ереси».

Вопрос языческой церкви в Европе так же не столь актуален. Местное законодательство довольно открыто для регистрации языческих организаций, сохряняя диаспоральный статус. Опыт Исландии, где община Асатруарфелагид, существующая с 1973 года, пролоббировала широкие преференции для Асатру, включая постройку первого, за несколько столетий, официального храма недалеко от Рекъявика, скорее носит характер весьма интересного исключения. Доминирование этой общины может быть хорошим примером, при том, что она так и не стала именно институциализированной церковью по христианскому образцу, несмотря на более, чем двухтысячное количество прихожан, при общем населении в почти триста двадцать две тысячи. Также русскоязычные последователи

Асатру оказались в авангарде, зарегистрировав в 2013-2014 годах сразу две общины в центральной части России.

В Италии современная языческая религиозная организация Nova Roma (Новый Рим), под эгидой Юнеско, активно участвует в реставрации храмового комплекса на Палатинском холме, а также видет активную образовательную и просветительскую работу, и выстраивается по принципу античного государства в современном государстве, что является довольно экстравагантным образцом языческой практики.

На другом конце от языческой церкви находится формат языческой автономии. Его суть заключается в отказе даже от общинной формы организации и иерархии в пользу микрогрупп единоверцев: одиночки, семья, малая группа друзей. Языческие автономии представляют собой самостоятельные единицы, индифферентные к поднимаемым в языческом сообществе проблемам, живущие своим замкнутым на себе кругом, зачастую практикуя строго реконструкторский и натуристский подходы к традиции. Но большинство язычников ведут свою практику именно в рамках множества языческих общин, утверждая ансамбль разнообразия против унифицирующего догматизма.

Крайним минусом общинной, и в большей степени автономной форм, мы выделим партикулярность подхода к жизни, что проявлется в сеулярности: отделении традиции и её ценностей от обыденной жизни или каких-либо социальных, профессиональныхз сфер. Иначе говоря, проблема заключается в том, что укоренилось мнение, что религиозные воззрения – это личное дело каждого, в лучшем случае – это дело, которому отводится свое место и время, ценность и роль которого возрастает во время праздников или иных ритуалов, что традиционные установки не комплиментарны профессиональным, социальным и бытовым. Отсюда можно утверждать что здесь – традиция, обряды, фольклор и культура, а здесь – быт, работа, политика, и первое не должно влиять на второе. В лучшем случае признается, что традиция может влиять, но не должна влиять; в худшем такая мысль о влиянии не возникает вообще. Такое положение дел отражает модернистскую инфильтрацию секулярности и разделение сфер жизни, что религия – это не первично и вообще маргинально. А с нашей точки зрения – это недостаточность строгости по отношению к своей традиционной идентичности. Партикулярный подход вырождает традицию в субкультуру, делает её действительно *одной из* идентичностей и сферой деятельности и досуга общества потребления.

В противовес этой секулярности, пока все же не такой критичной, но как сам факт – не заслуживающей места быть, мы утверждаем необходимость строгости подчинения всех сфер жизни ценностям и формам традиции настолько, насколько это возможно. Традиция – это всеобъемлющий язык описания мира и мировоззрение, включающее в себя все сферы человеческой деятельности, связывая их через сословные, кастовые и иные уровни и формы проявлений. Ничто в Традиции не существует автономно и не связано с другим. Уместно будет привести слова австралийского язычника-традиционалиста Вульфа Гримссона, актуальность которых истинна не только для этого места:

«Я бы призвал товарищей язычников и традиционалистов распознать истинно Радикальный характер нашего пути. Быть «язычником-по-выходным» – этого недостаточно, мы должны преобразовать всю нашу жизнь, детально, каждую минуту.

Мы должны ограничить воздействие на нас негативного влияния фундаментализма, монотеизма и материализма, перепрограммировать себя, чтобы стать истинным язычником»[119].

Персоналии

Исследуя современный опыт языческих общин и делая акцент на потенциале русского пространства, мы согласимся с тезисом религиоведа Р. Шиженского о важности роли персоналий в становлении общин и развитии язычества в России. Выдающаяся личность способна мобилизовать и увлечь за собой последователей, организовать устойчивую общину, раскрыть глубины традиции и внести в нее свой новый вклад. Сам Р. Шиженский посвятил две монографии таким знаковым персонам, как А.Добровольский (Доброслав), и Н.Сперанский (Велимир).

Мы выбрали следующий список персон, которые оказали значительное, но и не бесспорное, влияние на становление язычества в России, и в некоторых случаях вплотную подошли к воплощению языческого традиционализма как в России, так и в Европе. Они сформировали магистральные направления, осевые линии современного языческого опыта, а с другой стороны являются нагладными примерами к рассматриваемой нами тематике инфильтраций и проблемы достоверности, аутентичности.

[119] См. Гримссон Вульф, интервью 2013г.

Доброслав один из первых русских язычников, и один из самых самобытных и ярких представителей языческого мистицизма, льющегося через призму нативизма, натурализма. Можно сказать, что Доброслав был мистиком от Природы, обращаясь к сути славянского язычества, вынося формы на второй план. Несмотря на его критическое отношение к другим выдающимся языческим мыслителям и, зачастую, расхождение с ними в ряде вопросов, они в свою очередь всегда считали его истинным волхвом и уважали.

Свою Московскую Языческую Общину (МЯО) Доброслав создает в 1989 году, в этот же год она насчитывает несколько десятков человек. Первый и последующий год община активно занимается просветительской и пропагандистской работой, но уже в 1990 году Доброслав порывает с цивилизацией и с группой единомышленников переезжает в заброшенную деревню Васенёво, Шабалинского района, Кировской области. Впоследствии, из первой волны приехавших, в деревне остается только Доброслав с семьей, а сама деревня становится одним из центров русского язычества – на летний праздник Купала съезжаются язычники со всей России, многие языческие деятели получают посвящение-имянаречение у Доброслава.

Дальнейшая деятельность ведется из центра-Васенёво, вокруг Доброслава складывается общество «Стрелы Ярилы», посвященное краеведению и просветительской деятельности, позже Доброслава провозглашают старейшиной нецентрализованного Русского Освободительного Движения (РОДа), на поприще которого он также продолжал свою просветительскую деятельность.

Красной нитью в жизни А. Добровольского проходит линия его политической борьбы с властью: он был репрессирован в 1958 году, отсидел короткий, три года, срок в Мордовских лагерях, где познакомился со Станиславом Рудольфовичем Арсеньевым-Хоффманом, который, в свою очередь, познакомил Доброслава с идейным кругом немецкого национал-социализма, германскими молодежными обществами и фёлькише-мистицизмом. После Доброслав сближается с диссидентами, активно участвует в деятельности Народно-Трудового Союза, что завершается двухлетним приговором по нашумевшему «делу четырёх». После развала СССР Доброслава продолжают преследовать по политическим статьям, обвиняя в национализме и антисиметизме, в результате чего почти все его труды и даже небольшие статьи на сегодняшний день в России запрещены.

К философии и мировоззрению Доброслава, особенно на уровне внешних форм, можно приложить критику Ю. Эволы неоязычества, в частности, критику материализма-натуризма, замыкания только на имманентном уровне природопочитания. Но, если провести более глубокое погружение в философию Доброслава, оценить его интеллектуальное, мистическое поле и пространство, мощь его влияния даже на несогласных с его принципиальными позициями язычников, нам откроется, что его нативизм, его природный мистицизм – это лишь внешняя оболочка внутреннего Пути к Традиции. Конечно, «классический» традиционализм Генона или Эволы и философия доброй силы Добровольского находятся на почтительной дистанции; больше мостов можно провести с трудами Алена де Бенуа или Доминика Веннера[120].

После своей кончины, 19го мая 2013 года, Доброслав оставил после себя большое наследие, как в книгах, так и в умах и душах людей, вдохновляя и воодушевляя множество язычников по всей России. Доброслав наставил на путь родной веры своих детей – двух сыновей – которые продолжают его дело. Ярким завершающим аккордом земного воплощения Доброслава стал обряд традиционной кремации тела на краде из бревен, который стал знаковым событием в практике русского язычества. До этого настоящие ритуальные кремации проводились, по разным сведениям, всего 1-2 раза, а вознесение в пламени Доброслава собрало в его деревне представителей почти всех языческих объединений, и вольных язычников России, тем самым, даже во смерти, Доброслав и его род внесли лепту в становление Родноверия («младоязычества») на родной земле.

Воплощением адекватного реконструкторского типа язычника, с влиянием политического начала, является основатель и глава одной из крупнейших и старейших, – дата основания 1997г., дата сложения с себя полномочий главы 2011г., – языческих организаций Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ), Вадим Казаков (1965г.р.).

В. Казаков поставил своей задачей воссоздание языческой традиции славян как полноценной религиозной конфессии в современной России. Начало этого пути было положено в 1993 году, с создания «Калужской Славянской Общины», которая в 1997 году входит, вместе с рядом общин

[120] Более подробное рассмотрение и сравнение опорных столбов традиционализма и мировоззрения Доброслава мы проделали ранее в статье «Доброслав: взгляд традиционалиста», которую мы прилагаем к данному труду в соответствующем разделе.

из Москвы, Обнинска, Рязани, Рыбинска, Смоленска, Орла и Тамбова, в учрежденный ССО СРВ. Организация, созданная Вадимом Казаковым, отличается стремлением к максимально аутентичному соответствию в своей реконструкции древних верованиях славян, с обширной опорой на этнографические, археологические, исторические и фольклорные сведения. В ССО СРВ проводится активная этнографическая деятельность, экспедиции и взаимодействие с академическими структурами Российской Академии Наук.

Политический компонент в деятельности Казакова и его организации проявляется не в форме участия в политическом процессе как одной из партий, но в стремлении утвердить Родноверие, как полноценную религиозную конфессию в России. Этот подход обосновывает тесные контакты с академическими структурами, а также создание в 2008 году «Училища Славянской Родной Веры» и организацию периодического издания журнала «Родноверие».

В 2014 году объединение было зарегистрировано как МОО ССО СРВ «помогающая официально сотрудничать с властными структурами и другими общественными организациями в деле развития и сохранения культуры и обычаев славянского народа». Данное политическое стремление, несомненно, накладывает особый отпечаток на саму традицию в виде определенной унификации (но не догматизации), а также в особой, детально и разветвленно проработанной бюрократической структуре самого ССО[121]. Так, в жреческой лествице, принятой в ССО СРВ, различные волховские функции и магические способности, присущие высшему сословию в силу их деятельности и природы, разделены и обозначены наподобие званий и иерархических «рангов» для отдельных фигур. В этом мы можем распознать робкий шаг движения к формату языческой церкви, со всеми её рисками, особенно задевающими мистический путь в познании традиции.

С 2011 года управление ССО СРВ осуществляет Максим Ионов, в том же году был основан языческий храм и культурный центр ССО СРВ «Красотынка», под Калугой.

На сегодняшний день география ССО включает десять общин из разных городов России, тем самым являясь одним из самых крупных централизованных объединений русских родноверов на постсоветском пространстве.

[121] См. «Славянская Родная Вера», ССО СРВ, 2013г.

Двое вышеназванных деятелей русского язычества, и выстроенные ими школы, могут рассматриваться как мягкие, аккуратные, несмотря на политическую радикальность Доброслава, традиционалисты, не апеллирующие напрямую к философии традиционализма и Примордиальной Традиции, но настаивающие на приоритете ценностей и идеалов славянского язычества, необходимости возвращения к ним в современных условиях деградиции общества. Соблюдают направление на аутентичность, сочетая в своей деятельности разные типажи, отсылающие нас к сословной природе каждого из них.

Но путь возрождения древней традиции не может быть полностью гладок, и в современном опыте русского язычества мы можем найти пример неудачи в деле реставрации традиции. Таким примером является волхв Велимир (Н. Сперанский, 1958г.р.).

Велимир, глава общины «Коляда Вятичей», образовавшейся от объединения двух групп «Коляда» и «Вятичи», в 1997 году, а в 2003 году вошедшая в Круг Языческой Традиции (КЯТ), позже вышедшей из Круга.

Творчество Велимира представляет собой сложно спутанный клубок адекватных и аутентичных представлений о язычестве, предложении к современному опыту, однако почти все они нивелируются множественными реликтами и инфильтрациями концепций христианства, Модерна и, в частности, советского социализма.

В мировоззрении и деятельности Велимира, даже в его отрицательных тезисах, мы можем обнаружить феномен, закономерно вытекающий из структуры русского народа, исторически аграрного, тяготеющего к третьему сословию, сохранявшему на протяжении истории языческое наследие в народе, – это феномен волхва, порожденного именно третьим сословием, и обращающего свою мысль и риторику именно к третьему сословию. В пользу этого говорит яркая доминация тематик нравственности, Нравственного Закона Рода, продолжения рода, достойного труда и морального облика язычника, что всегда особо акцентировалось на обыденном уровне сословий земледельцев, ремесленников и т.д. Велимир и сам владеет ремеслом резьбы и живописи, считает необходимым культ труда и трудотерпию для языческой практики, в чем откровенно виден подсословный пролетарский культ труда. Другим совестким реликтом является утверждение о социалистической природе языческого общества, «язычество – это социализм»; и, в обратную сторону, о языческих реликтах в практике СССР: восстановление культа

вечного огня, безымянного солдата, курганов и т.д., которые, с его точки зрения, и помогли выиграть Великую Отечественную Войну.

Несмотря на верное утверждение о происхождении волховского сословия под покровительством Бога Велеса (иначе – Чернобога), и указании на то, что Боги Перун и Велес не были в противостоянии, как силы Добра и Зла в христианской оптике, до реформы Владимира I, в своей риторике Велимир наследует христианскому языку и отношению к некоторым специфическим, но абсолютно традиционным формам экстремальных практик индуистских тантр (шайва и шакти-тантризм). А также напряму называет «сатанизмом» аналогичную практику «Шуйного Пути», разработанную волхвом Велеславом в рамках русского язычества. Такое высказывание, с точки зрения языка, выводит лицо, его высказавшее, из поля язычества, и помещает его в поле христианской терминологии, ценностей и мировоззрения.

В «Формуле веры», под которой «Коляда Вятичей» была зарегистрирована в 1998 году, содержится следующее утверждение, являющееся прямой калькой с христианства:

«…Мы находим, что человек, следующий богам-разрушителям, удовлетворяет свои пороки, но не оказывается счастлив. По смерти его душа сгорает в пекле Чернобога».

Косвенно к этому можно добавить, что ряд авторов проводит множество параллелий между коммунизмом и социализмом и христианскими идеалами, что «за занавесом» смыкает эти два направления в мировоззрении Н. Сперанского.

В политической и цивилизационной проблемах Велимир делает верные выводы о Западе как источнике распространения деградации общества и традиций, выступает против глобализации в одноименной книге, но в других областях перечеркивает эти тезисы введением строго модернистских, позитивистских методов в язычество. Этот пласт является глубинным аффектом образования и профессиональной исследовательской деятельности Н. Сперанского на физическом факультете МГУ, несмотря на декларируемый партикуляризм духовной и профессиональной деятельности. Так, требование устроительства специальной языческой церкви-храма, в котором теории современных языческих авторов находили бы свое подтверждение, является прямым воплощением принципа верификации, приложенном к научно не верифицируемой свере Духа. Другими примерами являются попытки научно-технологически объяснить славянскую мифологию; а также неприкрытый гносеологический расизм в

отношении «примитивных» и «безнравственных» традиций Индуизма, Тантр, Дзен-буддизма, который, по мнению Н. Сперанского, учит о превосходстве личного комфорта над всем остальным. Абсурдность такого восприятия Дзен-буддизма мы оставим на совести самого Велимира.

Причиной отнести Индуизм, основанный на Ведах и Упанишадах, к «безнравственным», Велимир обосновывает кастовостью и специализацией индийского общества. В другом месте[122] Велимир подчеркивает принципиальный антидемократический характер русского народа и русского язычества. Возникающее противоречие: отказ от неестественного равенства демократии и отказ от Сакральной Иерархии сословий, им никак не разрешается. Тем самым, выступая против деградировавшего Запада (США), глобализма, демократии и капитализма, Велимир утверждает *все те же ценности западного Модерна*: позитивистский подход к Духовному поиску, гносеологический расизм, социализм (прометеевский титанизм), христианские моральные элементы.

Рассматривая мировоззрение Велимира мы затронули самые яркие противоречия, но многие сплетены более тонко и ускользают от поверхностного и неподготовленного взгляда. Если отсечь те области, в которых Велимир наиболее противоречив, а это области политики и метафизики[123], то мы получим довольно аутентичного и истового наставника в деле Лада[124], наставлений о продолжении рода, нравственного облика и ремесла, чьи проповеди и наставления будут полезны третьему сословию, и должны быть локализованы именно в нем, в рамках одного уровня.

На фоне других языческих общин и персоналий России, община и мировоззрение Велимира, как нам кажется, весьма закономерно в силу множества неразрешенных противоречий, находятся ближе к периферии.

Таким образом, фигура Велимира становится весьма проблематичной, и в силу сплетения реконструкторского подхода с целым набором анти-традиционных установок, вследствие чего его нельзя напрямую отнести к пострелигиозному псевдоязычеству, и при этом абсолютно невозможно отнести к адекватному языческому традиционализму, является наглядным

---

[122] См. Н. Сперанский «Волхвы против глобализма», а также Р. Шиженский «Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского)».

[123] Велимир принципиально отрицает какую-либо ценность и традиционалистской философии в том числе.

[124] Вспомним, что термин «Дарна», предложенный Велимиром, был отторгнут язычниками России.

примером, требующим строгости подхода к восстановлению традиций и недопущения химер.

Ближе всех, из круга самых видных языческих деятелей и авторов, к излагаемой нами концепции языческого традиционализма, в её открытой форме подошел волхв Велеслав (Илья Черкасов, 1973г.р.). Будучи коренным москвичом, представителем т.н. «городского язычества», Велеслав в жизни воплотил принцип возжжения Огня Традиции в условиях максимально антитрадиционных.

В 1998 году Велеславом организуется Русско-Славянская Родноверческая Община «Родолюбие», вводится само название «Родноверие», чему предшестовали несколько лет непубличной практики и этнографических исследований; первые книги Велеслава появляются ещё в начале 1990-х годов.

Немногим позже, в 1999 году, Велеслав со своей общиной выступил одним из инициаторов создания союза общин «Велесов Круг», который сегодня является вторым и равным по размерам и влиянию объединением, наряду с ССО СРВ В. Казакова. С 2013 года оба союза периодически проводят совместные празднования солярных праздников Летнего Солнцестояния, собирая вместе до нескольких тысяч человек участников.

Цели и задачи «Велесова Круга» позволяют отчетливо отнести его направленность к мистическому, жреческому типу, о чем говорит и устав содружества:

«Цели Содружества Общин «ВЕЛЕСОВ КРУГ»:

1) Возрождение, сохранение и приумножение Духовного Наследия наших Предков;

2) Практическое освоение и претворение в жизнь волховского Знания (Ведания) наших Предков;…»

Такое направление деятельности союза, с минимумом бюрократизма, формальностей и политических притязаний, является непосредственным воплощением и отражением мистического типа и высших природ его основателей, в число которых также входят Ставр, Древлеслав Новосельцев, Богумил Гасанов[125], перу которого принадлежит пример адекватной реконструкции и адаптации славянских традиций под современные – книга «Основы современного колядования», в которой обычаи колядования на Зимнее Солнцестояние, Коляду, разбираются через

[125] Глава Обнинской Родноверческой Общины «Триглав», основанной в 1993 году, входящей в «Велесов Круг»

призму современных городских и сельских условий и личного опыта автора и его общинников.

Вклад Велеслава в становление и пропаганду Родноверия в России, пожалуй, будет оценен ещё не скоро, настолько он велик и подчас кажется настолько естественным, что не рефлексируется как недавний труд по систематизации, открытию и реставрации языческого наследия. Для восстановления лакун в доступной этнографии и фольклоре Велеслав проделал большую и тонкую работу по переводу ряда идей из традиций Индуизма, Одинизма, Средиземноморских традиций на язык славяно-русского язычества. Ему принадлежит формула данного подхода, звучащая как «изучай мудрость других Родов, но следуй мудрости своего Рода», где под «Родом» понимается род-народ, этнос и традиция. Не все из этого нашло живой отклик в самой языческой среде, но многие практические и теоретические наработки, учебники и изводы стали осевыми линиями в языческой практике современной России; некоторые из них явились настоящими открытиями и проявлениями сокрытых, ранее не затрагиваемых глубин мудрости русской традиции, выразившейся в максиме, лаконично описывающей все три сословных этажа Сакральной Иерархии:

«-Что такое Родноверие? Что значит быть родноверем?Я отвечаю: «Свято чти Родных Богов и предков, живи по совести и в ладу с Природой, а если ищешь Высшего Знания – познай себя».

Где первая часть максимы относится к земледельческому сословию: *«свято чти Родных Богов и предков…»*, что отражает патриархальные семейные культы, и отношение к Богам как к демиургам мироздания.

Вторая – к воинскому и правящему сословию: *«…живи по совести и в ладу с Природой…»*, что является наставлением, каким должен быть хороший правитель, и что необходимо следовать своей Природе.

И к высшему жреческому сословию обращена концовка высказывания: «*а если ищешь Высшего Знания – познай себя»*, которая говорит о самопознании Себя как Божественности, возврата сознания как Божественной манифестации обратно к Истоку. Тем самым, концовка этой максимы интегрирует в себя и её середину и начало, как непротиворечащие Божественному воплощения Его Самого в разных ликах и на разных сословных уровнях.

И. Черкасов один из немногих русских язычников, довольно широко известный среди язычников Европейских, оказавших влияние на языческую практику, как Родноверия, так и, в меньшей степени, Одинизма,

в Восточной Европе и Англии. При том факте, что из множества его трудов, ни один из них не переведен ни на один из зарубежных языков профессионально.

Как традиционалист Велеслав отвечает требованиям аутентичности, разграничения известного и подтверждаемого источниками опыта и своих Духовных исканий. Активно обращается к традиционалистской философии, на первых этапах своего творчества не выражая его открыто, облекая его в доступные формы языка русского язычества, точно отмечая проблемы становления Родноверия на его современном этапе, и отношения к современням влияниям. Так, известно его мнение о «языческой церкви»:

«Самое страшное для язычества в современной России – это его официальное признание, которое неизбежно приведѐт к внутренней борьбе за власть, к спорам о том, кто «истинный» язычник, а кто нет, и, в конечном счѐте, к монетизации и рутинизации живой веры. Сейчас, пока мы собираемся в лесах, пока нам не платят денег, но, наоборот, от нас требуются какие-то вложения, язычество привлекает к себе людей действительно «горящих», живущих традицией».

Позднее Велеслав открыто реализует свой традиционалистский потенциал, издавая под именем Сатьяван несколько книг по тантризму, книгу об экстремальных тантрических практиках «Вамачара», книги по алхимии и интегральному традиционализму, напрямую обращаясь к плеяде классиков и современных традиционалистов.

Велеслава мы можем абсолютно точно соотнести с мистическим типом язычника, с представителем истинно жреческой природы и максимально близким к языческому традиционализму автором и деятелем, стоящим буквально на границе мягкого традиционализма Родноверия и открытой традиционалистской философии.

Без всяких сомнений, отцом русской школы традиционализма в её исторической и языческой перспективе, и как это часто бывает – почти не замеченной самой языческой средой современной России, является Евгений Всеволодович Головин (1938-2010гг.).

Фигура Евгения Головина настолько многогранна, что уместить её в одни рамки только языческого традиционализма невозможно, а подробное описание его жизни и философии заняло бы объем, сопоставимый с данной книгой: мистик, поэт, алхимик, переводчик, традиционалист, исполнитель собственных песен, писатель, язычник вина и, как говорят знавшие его лично, воплощение Диониса и дионисийства.

Евгений Головин был центром и движителем особого мистического подполья, существовавшего в середине XX века в самом сердце советской Москвы – Южинского кружка диссидентов, отличавшихся от основной серой массы либералов-правозащитников абсолютным равнодушием к этой проблематике, и сосредоточившихся на мистике, магии и традиции. По словам А. Дугина, Южинский кружок в Советском Союзе был тем, чего в СССР, с его материализмом и тоталитаризмом, быть никак не могло в принципе, но он *был*.

Игорь Дудинский о возникновении Южинского кружка рассказывает следующее:

«Этот кружок сформировался в читальном зале Ленинки, точнее, он зародился в тамошней курилке. Книги по философии, мистике, эзотерике (КГБ тогда еще не осознавал степени их влияния, и вся эта роскошь еще стояла в открытом доступе, люди их читали и обсуждали). Постепенно все со всеми перезнакомились, и [Юрий – прим. A.S.] Мамлеев стал приглашать народ к себе в гости. Просто он жил ближе всех[126]*».* Ближе всех – это как раз в Южинском переулке, в уже снесенном доме, в квартире ныне известного писателя, индолога и философа Юрия Мамлеева. Из кружка Мамлеева-Головина вышла практически вся плеяда русских традиционалистов: Юрий Мамлеев, Евгений Головин, мусульманин Гейдар Джемаль, православный старообрядец-единоверец Александр Дугин, поэт и певец Александр Ф. Скляр, Сергей Жигалкин и др. Как видно, конфессиональная принадлежность русской школы традиционалистов покрывает практически все основные магистральные линии креационизма, манифестационизма; оккультизма, алхимии и мистицизма, тёмной поэзии и прозы «литературы беспокойного присутствия». Южинцами были открыты для русскоязычного читателя труды Р. Генона, Ю. Эволы, Т. Буркхардта, средневековых алхимиков, европейских мистиков и современных традиционалистов Ж. Парвулеско, Алена де Бенуа и многих других; было написано и издано множество важнейших трудов и книг, заложивших основу традиционализма в России. И сердцем и учителем этой школы был Евгений Головин, носивший титул Адмирала.

Головин не был язычником в том образе, который основывается на распространенных клише об образе язычника, и первый всплывает в сознании обывательского мышления. Он не соучаствовал ни в одной

[126] См. Крижевский Алексей, интервью «Бархатное подполье: Игорь Дудинский о жизни советской богемы».

общине, не участвовал в ритуалах, не носил обрядовых одежд и прочих атрибутов. Головин не был таким язычником, но был воплощением античного платонизма и неоплатонизма, его Богами были Боги Греции Аполлон, Афродита и особенно – Дионис, которому были посвящены сборник под его редакцией «Безумие и его Бог» и две одноименные лекции. Головин был язычником-другом сатиров, фавнов, муз, вина и поэзии, дарованной харитами.

Отстраненность Головина от языческой среды современной России, его традиционалистская строгость и широта интересов и деятельности стали теми факторами, благодаря которым в среде современных язычников Евгений Головин практически неизвестен и незаметен[127].

В книге «В поисках Тёмного Логоса» А. Дугин вспоминает о Головине: *«Он не создал своей традиции, он сосредоточил в себе те линии множественных традиций, которые имели какое-то отношение к этой экстремальной ситуации — ситуации Конца времен, апогея «кризиса современного мира» (Р. Генон)».*

Таким образом, Головин воплощал в себе чистейший принцип, за пределами форм. Языческое прочтение его трудов, его личности – лишь одно из возможных, и действительно необходимых для выхода на новый интеллектуальный уровень, для расширения представления о язычестве как о простом пантеизме и преклонении перед природой-материей.

Скончался Евгений Головин в 2010 году, в возрасте 73 лет. Как он и предрекал, в день его похорон шел снег. Спустя два года на его могиле на Волковском кладбище Москвы был открыт памятник-менгир, который устанавливался на курганах скифских и гиперборейских воинов.

В итоге мы видим, что Россия обладает своей мощной школой традиционализма, широкой плеядой языческих деятелей, авторов и организаций, воплощающих весь спектр языческих типажей, но преимущественно локализованных между реконструкторским и воинским типом, а средой произрастания является третьесословная среда исторически доминировавшего аграрного русского общества. При этом высот самоинициации, самопознания, достигают персоны, оказавшиеся максимально близкими к традиционализму, являющиеся традиционалистами, и воплощающие возжжение Огня в среде тотального антитрадиционного льда – столицы социалистической России, в Москве – это Евгений Головин и Велеслав, а также созданные ими школы.

[127] Одним из немногих, кто обращается к философии Головина, является Велеслав Черкасов.

Отрицательным примером мы описали противоречивость взглядов Велимира, главы «Коляды Вятичей», смешивающего в своей риторике языческую реконструкцию с реликтами и инфильтрациями христианства, социализма и Модерна, что порождает клубок взаимоисключающих противоречий, нивелиующих его третьесословный дискурс.

В отношении Европы русское язычество и русскоязычные Одинисты молоды, что дает им возрастной потенциал, который необходимо полноценно реализовать, обратившись, на данный момент на уровне не государства, но народного потенциала, к ещё более Европейским структурам, чем современная Антиевропа, и к русским школам язычества и традиционализма. Русские язычники более строги и более аккуратно, бережно обращаются со своим языческим наследием, минимизируя его превращение в «язычество по выходным», столь свойственное многим поверхностным язычникам Европы и Америки, что является следствием либерального разложения традиций.

Делу защиты традиционных дохристианских ценностей Европы от атак монотеизма, модернизма и либерализма посвятил свою жизнь выдающийся французский мыслитель, традиционалист Ален де Бенуа (1943г.р.).

Де Бенуа является автором и редактором многих книг и журналов, некоторые из которых стали практически культовыми («Elements»). В 1968 году он основывает «Группу Исследования и Изучения Европейской Цивилизации» – ГРЕСЕ (GRECE, Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne), главным печатным органом которой стал журнал «Элементы». Деятельность ГРЕСЕ сосредоточилась вокруг традиционализма, консерватизма, защиты язычества и окружающей среды, критики Модерна, либерализма, коммунизма и креационизма. Позднее Ален де Бенуа и ГРЕСЕ становятся фундаментом, на котором возникает французское движение «Новых Правых» (фр. Nouvelle Droite), противопоставляющее себя мультикультурализму Запада, коммунизму Востока и одновременно выступая против биологического и этнического расизма и нацизма ультраправых, акцентируя внимание на культурных различиях и плюральности традиций и культур, иными словами, идеология Новых Правых стремится преодолеть гносеологический расизм.

Сам де Бенуа так описывает деятельность Новых Правых:

«Мы теоретическое и культурное движение, так принято во Франции, если ты являешься частью культурно-политического ландшафта. Это потому, что Новые Правые взяли на себя конкретные темы, которые в

различных дебатах обычно смешиваются. Например, дискуссии о Индо-Европейском наследии в Европе, Консервативной Революции в Германии, о политеизме и монотеизме, или об IQ – влияет ли на него наследственность или окружающая среда? Все это выстраивается в ложные дихотомии. А также демократия участи, федерализм и коммунитаризм, критика рыночной идеологии и так далее. Во всем этом мы участвовали».

Заметным деятелем нового правого движения был и Доминик Веннер.

В России труды Алена де Бенуа практически не издавались, за исключением ряда статей и основательного труда «Как можно быть язычником», заостренного на полемику с монотеизмом и отстаивающего позиции античности, и весьма близкого позициям языческого традиционализма. В России де Бенуа активно сотрудничает с традиционалистами школы А. Дугина, но в языческой среде, к сожалению, малоизвестен как мыслитель-традиционалист.

В среде Европейского и Американского Одинизма мы можем выделить две значимые фигуры, которые аффектировали становление Одинизма/Асатру в современных условиях.

Первым из них является глава (allsherjargoði) исландской общины «Содружество Асатру» (исл. Ásatrúarfélagið) Свейнбьёрн Бейнтейнссон (Sveinbjörn Beinteinsson, 1924-1993гг.). Организовав «Содружество» в 1972 году, в 1993 году, за полгода до своей кончины, Свейнбьёрн добился официальной регистрации Асатру в Исландии как настоящей самостоятельной церкви, имеющей все права (включая обряды венчания, похорон, собственности).

Сам Свейнбьёрн, с его слов, является потомственным фермером – вновь мы встречаем третью функцию, оказывающую решающее влияние на языческую практику, и опровержение утверждения о городском характере современного язычества, что сближает его опыт с опытом отшельничества Доброслава. А также он талантливый поэт, сотрудничавший с музыкальными контркультурными кругами – здесь прослеживается след субкультурного соседства маргиналий на периферии. Среди особо почитаемых Богов Бейтейнссон выделяет Тора – Бога-Защитника, что соответствует магистральному мотиву Асатру в Новое время, и ценностям третьего сословия[128]. Также он выделяет негативное влияние быстрого

[128] См. Interview with Sveinbjörn Beinteinsson lead by Gisela Graichen and taken from the book «Die Neuen Hexen» («The New Witches») by G. Graichen.

технического развития, которое отрывает человека от Природы и естественного образа жизни.

Сегодня «Содружество Асатру», несмотря на все трудности, которые переживает Исландия, существует под руководством четвертого верховного годи Хилма Орн Хилмарссона (Hilmar Örn Hilmarsson). С сожалением вынуждены отметить, что если Свейнбьёрн был мистиком и «патриархом» «Содружества», то Х. Хилмарссон примеряет на себя образ поп-фигуры, снимаясь в кино и поставив рок-оперу на основе северной мифологии.

Вторым является видный американский деятель возрождения Асатру Стивен МакНаллен (1948г.р.). В 1971 году Стивен начинает издавать журнал «Runestone», вокруг которого в 1972 году складывается «Братство Викингов» («Viking Brotherhood»), получившее регистрацию как религиозная организация. В 1976 году «Братство» переименовывается в «Asatru Free Assembly», и в 1986 году, из-за разногласия относительно универсальности либо этничности Асатру, распадается на фёлькише «Asatru Alliance», поддержанный Стивеном МакНалленом, и «The Ring of Troth», отвергающие этническую привязку Одинизма, тем самым фактически выступая против самой структуры языческих традиций.

После нескольких лет отсутствия, МакНаллен в 1994 году возрождает организацию под названием «Asatru Folk Assembly», существующую и по сей день.

С. МакНаллен активно выступает в защиту окружающей среды и поддержку освобождения Тибета от китайской оккупации. Среди явных минусов и инфильтраций можно выделить следующий пункт в «Декларации целей АФА»:

«…

5) Продвижение разнообразия среди народов и культур Земли, против установления глобальной монокультуры

…

7) Использование науки и технологий для благосостояния нашего народа, защиты природы и работы в гармонии с ней…»

В данных пунктах мы можем увидеть противоречие, схожее с взамоисключающими взглядами Велимира, что ставит под сомнение аутентичность и инициатическую компетентность структур, созданных реконструктором Стивеном МакНалленом. Примечательно, что свою фундаментальную работу «Асатру: естественная европейская духовность»

он называет именно как «*европейскую духовность*», будучи при этом выдающимся американским деятелем Одинизма[129].

Критические замечания к практике

Ниже мы остановимся на критических замечаниях к современному состоянию языческих традиций, не связанному с конкретными пресоналиями или организациями. Наши замечания, в первую очередь, относятся к самому последнему периоду истории, охватывающему XX-XXI века, во вторую, как следствие, касаются проявлений, связанных с изменением обществ – мирового общества – и их влиянием на различные традиции.

Первое, что бросается в глаза – проблема осмысления быстрого научно-технического развития, её влияния и встраивания в языческую картину мира. Выше мы уже дали наш принципиальный традиционалистский ответ на этот вопрос, отождествив техническое развитие, воплощающее идею прогресса, с антисакральным полюсом, титаническим началом, с вытекающим к нему дхармическим отношением войны. Мифы традиций несомненно *знают* титанов, асуров, турсов, демонов, *но знают их как побежденных*, подчиненных и вытесненных на периферию Божественного Космоса, к границам Хаоса.

Но в современном язычестве, как в возрожденном, так и в поверьях малых народов, такое отношение не является повсеместным, в большей степени распространен нейтральный партикуляризм, иначе говоря – пагубное влияние модернистских инфильтраций не рефлексируется, либо разрешается в пользу разделения сфер деятельности: во время ритуально-обрядовой практики максимально исключаются все возможные технические устройства и средства, не аутентичные традиции. Таким образом, создается два мира: мир обыденный и мир общинный, конфессиональный, между которыми возникает существенная и не снимаемая разница форм – погружение в современный мир и огораживание от современного мира. Добавив к этому ещё более тонкий уровень разницы языков Традиции и Модерна, мы можем констатировать, что внешнее изъятие предметов технического прогресса зачастую носит именно *внешний* характер, не дополняясь рефлексией на уровне языка. Обращение к Традиции, инициация в традицию и в традиции, требуют принятия тотальности её языка и ценностей. Не капище и алтари, в дни

[129] См. Stephen McNallen «Asatru: A Native European Spirituality», 2015.

праздников, следует огородить от профанных признаков современности, но принести Огонь Традиции в современность и высветить в обыденной жизни его светом должный порядок вещей. Обернуть эскапизм в традицию в обратную сторону – мощной волной дать ей смыть налет современной картины мира в пользу Божественной Сакральности.

Самым провальным и маргинальным решением проблемы соотношения Традиции и Модерна являются попытки осмыслить технические достижения Модерна и Постмодерна, а также связанные с ними социальные и глобальные изменения, в позитивном русле развития и примерерия с Богами. В такой практике мобильные телефоны, компьютеры, виртуальные сети объявляются благими дарами Богов человечеству, вводятся духи и Боги покровители социальных сетей, техники, IT-сферы, технические средства активно используются в ритуальной практике: жрец читает славления не от Сердца, но с экрана мобильного телефона, лес освящается не огнем, но электрической иллюминацией и все вместе призвано оказать театральное воздействие на участников, тем самым нивелируя обряд до эффектной квази-этнической постановки. Рука об руку с такой практикой идет синкретизм традиций, либо утверждение об отсутствии необходимости принадлежности к одной единственной традиции, что любому челвоеку можно славить любых Богов. В этом отчетливо и без сомнений виден постмодернистский пострелигиозный синкретизм, полностью исключающий любое инициатическое измерение и аутентичность.

И вновь вспомним ещё сохранившуюся у некоторых отдаленных, живущих в труднодоступной местности малых народов, возможность сакрализации предметов внешнего, по отношению к их жизненному кругу, мира, выражающую первый способ воззжения огня – помещение вещи в среду ещё сильного пламени Традиции.

Одной из традиций, прошедшей тяжелый путь сквозь время и историю, является шаманизм, который является уникальным древним явлением, охватывающим народы Азии, Сибири, его элементы идентифицируются в скандинавской мифологии в магии Ванов. Преимущественно носителями шаманизма являются тюркские народы, тувинцы, буряты, хакасы, монголы. Слово «шаман» Д. Банзаров возводит к маньджурскому «самань», от корня «сам», к которому относятся ряд маньджурских и монгольских слов со значениями: мешать, бултыхаться, возмущать, плясать. Саман – означает исступленное, возмущенное, беспокойное состояние, в которое впадает шаман во время камлания. Русское же

произношение *шаман*, скорее всего, было заимствовано у тунгузов. Другие сибирские народы имеют свои слова для обозначения шаманов: *кам* у татар и *бо* или *бугэ* у бурят.

В отношении шаманизма мы можем выделить три волны, оказавшие на него разнообразное влияние, и связанных с принятием Буддизма в Монголии и сибирских регионах России, с христианизацией Дальнего Востока России в период Российской Империи, и влияние советской антитеистической пропаганды материализма.

Принятие Монголией Буддизма как официальной религии в 1578 году поставило шаманизм в положение низшей веры, религии «непросвещенных» буддизмом низших слоев населения. Отсюда просихождение одного из названий шаманизма «Чёрная Вера» – то есть вера тёмных простолюдинов, в противовес «Жёлтой Вере» Буддизма[130].

Буддизм вытеснил шаманизм на периферию монгольского общества, а также значительно подавил шаманизм в сибирских и дальневосточных регионах России. В ответ шаманизм перенял ряд буддистских элементов, в результате чего состоялся двоеверческий синтез: буддизм перенял ряд представлений шаманизма, а шаманы стали использовать буддистские мантры и образы Богов в своей практике. Но не обошлось и без репрессий, так принятие Буддизма в Бурятии в XVI-XVII веках происходило при массовых гонениях на воспротивившихся этому шаманов, с сожжением онгонов и шаманской утвари, при поддержке царской полиции – Буддизм был одобрен царем как новая религия бурят.

Одновременно с установлением Буддизма происходила христианизация малых народов: эвенков, бурят, ненцев, манси и хантов. Христианство затронуло шаманизм в гораздо меньшей степени, чем учение Гаутамы Будды, породив поверхностное двоеверие и более очевидное обратное влияние на христианские приходы, в которых нередко поп исполнял некоторые шаманские функции. Шаманизм в свою очередь перетолковывал христианских святых как духов вселенной, а Бога и Сатану – как двух равных утворителей мироздания.

Мирча Элиаде приводит следующий космогонический миф, отражающий двоеверие:

«Так, например, в одном русском мифе сообщается, что ни Бог, ни Дьявол не были созданы, что они существовали вместе с начала времен. А согласно мифам, засвидетельствованным у южных алтайцев, у абаканских качинцев и мордвин, Дьявол был создан Богом. Но

[130] См. Банзаров Дорджи «Чёрная вера или шаманство у монголов».

показательно, каким образом он был создан: дело в том, что Бог сотворил Дьявола в некотором роде из собственной субстанции. Вот что рассказывают мордвины: Бог стоял в одиночестве на скале. «Если бы у меня был брат, я бы создал Мир!» — говорит он и плюет в Воды. Из его плевка рождается Гора. Бог пронзает ее своим мечом, и из горы выходит Дьявол (Сатана). Едва появившись, Дьявол предлагает Богу побрататься и вместе сотворить Мир. «Братьями мы не будем,— отвечает Бог,— а будем товарищами». И вместе они приступают к сотворению мира»[131].

При этом правовые нормы для шаманов, преступавших христианские и государственные законы, регулирующие религиозную сферу в Российской Империи, были мягче, чем для мусульман, совершивших аналогичные проступки. Так, наказание за «совращение в вере православного», т.е. камлание при крещенном ребенке или ином верующем, наказывалось изъятием бубна, платья и утвари. Мусульман же за совращение христиан в ислам наказывали смертью, согласно Соборному Уложению 1649 г. А обратное возвращение из принятого православия к шаманизму наказывалось эпитемьей и конфискацией имущества.

Период христианизации и установления Буддизма сменяется периодом советского антитеизма, направленного как против христианства, так и против шаманизма. Но преследовать и искоренять шаманизм было намного сложнее, так как в отличие от христианства он не был централизован и унифицирован, не имел единого лидера, центра или священной книги, а передавался в роду устно от родственника к родственнику. Больший вред традиционной культуре малых народов нанесла не прямая атака на шаманизм и традиции, а повсеместное внедрение русского языка и светского, европеизированного образования, которое положило разрыв между поколениями: старшим, воспитанным и знавшим язык, обычаи, традицию и младшим, получившим одновременно, а позже преимущественно только светское образование. Это проявление чистой, нерефлексируемой репрессии традиционных знаний с позиций европоцентризма и Модерна, выразителями которого были советские просветители-большевики.

Современное состояние шаманизма, несмотря на сохранявшуюся непрерывность передачи традиции в отдаленных регионах, все ж находится в упадке из-за влияния советской, а последние 25 лет российской, социально-экономических систем, в которых традиционные ремесла и образ жизни оказались неспособными обеспечить большую

[131] Элиаде Мирча «Мефистофель и андрогин, или тайна целостности».

семью, и частично ограничивались законами. Иными словами, приход «большой» просвещенной цивилизации разрушил традиционный уклад малых народов и оказал влияния на их верования.

Сегодня шаманизм, давление на который ослабло после падения СССР, претерпел ряд изменений, которые можно характеризовать как ответы на вызовы времени и частичные инфильтрации модернизма. Бросается в глаза унификация и централизация традиции вокруг нескольких официальных центров. Из племенно-родовой традиции шаманизм институциализируется в направлениях религии и, более узко, в центры народной медицины, где личные проблемы пациента важнее, чем установление догм.

С 2008 г. в Иркутске функционирует Совет шаманских общин Прибайкалья как консультативный и координирующий орган. Он призван вести работу по просвещению населения в области знания и соблюдения древних бурятских обычаев. В Тыве действует официальные центры «Дунгур» и «Адыг-Ээрен», и множество неофициальных сообществ. Среди известных шаманов можно выделить Ай Чурек Оюн, Монгуш Бораховича Кенин-Лопсана – первого тувинского ученого и Кара-оол Тюлюшевича Допчун-оола.

Наиболее проблемными регионами являются Алтай и Якутия. Горный Алтай в современной России стал одним из центров «эзотерического туризма», привлекая к себе множество адептов и пропагандистов New Age, что сказывается на всех представленных там обычаях: они вырождаются в угоду туристическому развлечению, смешиваются усилием белых европейцев, приехавших за новыми впечатлениями и поисками квази-духовности.

Среди хакасов, северных якутов и нганасанов древний шаманизм можно встретить только в отдаленных стоянках, и то не везде, в силу замкнутости традиции и малом количестве сохранившихся линий передачи.

О позиции властей Якутии в отношении религии Сергей Филатов пишет следующее:

«Официальная идеология нынешних якутских властей — это так называемая «культивизация» — ускоренный подъём образования, науки и культуры якутского народа, который должен привести к превращению якутов в одну из наиболее цивилизованных наций мира. Мало где в России уделяется столько внимания системе образования и культурному строительству. Здесь делается всё, чтобы каждый молодой человек непременно получил полное среднее образование, затрачиваются

огромные усилия на выбивание грантов для учёбы якутских студентов за границей, создаются новые музеи, культурные центры и т.д и т.п.

В этом культивизаторском проекте якутских властей большое значение придаётся «духовности», религии. Стратегическая установка президента [Якутии, Михаила – прим. A.S.] Николаева (вполне, надо сказать, находящаяся в традициях якутского двоеверия) заключается в стремлении возродить национальную традицию, культуру, фольклор и самосознание якут и одновременно завершить прерванный революцией процесс обращения их в православие. При этом национальная «духовность» мыслится как светский компонент национальной идеологии, а православие — как её собственно религиозное выражение.

В соответствии с этим культивизаторским проектом правительство республики установило публичное проведение национальных праздников, в первую очередь, языческого Нового года Ыысах; в учебных заведениях изучаются национальная мифология, календарь, «народные традиции». При этом власть искренне стремится придать этой деятельности светский, исключительно «культурный» характер».

Как мы видим, власть проводит взаимоисключающую политику просвещения, образования молодежи и одновременно культивирует народные обычаи. В результате, весьма закономерно, традиция погибает, от нее остается внешний пепел в виде народных гуляний, праздников, театральных постановок, значение и элементы которых мало кто понимает даже среди их организаторов, но которые преподносятся как «богатое культурное достояние». Такая ситуация закономерна и справедлива для всех малых народов России от Волги (марийцы, чуваши) до Дальнего Востока. Настоящее возрождение настоящей культуры малых народов возможно лишь в ситуации, когда просвещенный человек – [анти]европеец – полностью оставит эти народы в покое и самодостаточности, не покушаясь на их самобытность и не стремясь принести им «свет разума». Конечно, такой сценарий в современных условиях – это утопия.

В начале XX века на Алтае начинает распространяться новая религия, в основе которой лежит отказ от шаманизма и от жервоприношений кровью, а также ненасильственная борьба за независимость алтайского государства – бурханизм, или «Белая Вера» (Сут дьанг). В бурханизме отчетливо прослеживается дуалистическое влияние христианства.

При поддержке Якутских властей также активно развивается неоязыческий монотеистический культ Айыы. Приведем обширное описание культа Филатовым:

«Ещё в середине 80-х гг. нынешние лидеры якутских язычников Лазарь Афанасьев, Иван Уххан (Николаев), Анатолий Павлов начали создавать свою идеологию и своё общественное движение, всесторонне противостоящее не только нынешней республиканской и российской власти, но и происходящей модернизации якутского общества в целом. На заре Перестройки ведущий идеолог неоязыческого движения Афанасьев (филолог по образованию) пришёл к выводу о том, что бедственное состояние якутского народа есть результат нарушения глубинных связей между человеком и природой, результат потери якутами своей духовной идентичности. Преодолеть деградацию нации, по его мнению, можно лишь одним путём — возродив традиционный якутский образ жизни, мировоззрение и религиозную — языческую — систему ценностей. Афанасьев занялся «исследованием» (а фактически творческой реконструкцией) религиозных представлений своего народа. Результаты его работы нашли отражение в книге «Айыы уорэтэ» («Божественное учение»). Первые годы это сочинение, до сих пор не переведённое с якутского ни на один язык мира, распространялось среди националистически ориентированной якутской интеллигенции в машинописных копиях. Фактически этот труд стал вероучительной книгой якутского неоязычества. Афанасьев стремится вычленить в многочисленных языческих мифах и поверьях стройную монотеистическую систему и объявляет наиболее почитаемых и могучих богов якутского языческого пантеона ипостасями единого Бога-Творца (Айыы, или Тангра). Учение Айыы — это модернизированная якутская версия общетюркской языческой религии — тенгрианства.

Согласно учению Айыы, мир представляет собой систему из десяти небесных ярусов. На каждом небе есть свой пантеон богов и духов, а на самом верхнем — девятом небе пантеон возглавляет верховный бог-творец Айыы (Тангра). Человек же расположен в самом низу этой системы — на земле, над ним простирается первое небо. Таким образом, между человеком и Айыы, чаще всего предстающим в образе Солнца (огня), располагается девять небесных ярусов. От Айыы через эти небесные ярусы истекает жизненная сила, именуемая «Сюр». Сюр является той энергией, которая одушевляет человека, делает его человеком. Сам же человек трёхсоставен и после смерти распадается на три души. Душа-земля (тело) исчезает, душа-воздух (психический уровень) пребывает на одном из девяти небес в зависимости от добродетельности умершего, а душа-мать возвращается к Айыы. Иначе душа-мать

называется «Кут». Кут — это та сердцевина человека, которую зажигает божественный Сюр. Это одновременно и «жизненная сила» в человеке, и его «образ Божий». Человек может потерять свой кут, он может быть похищен духами или злыми шаманами. На протяжении всей своей жизни якут боится потерять свой кут, необходимый ему и в земной, и в загробной жизни. Главная его духовная задача сводится к сохранению собственного кута. Душевное состояние и благополучие живого человека, а также его посмертное состояние Афанасьев ставит в зависимость от того, в каком нравственном состоянии человек содержит свой кут. Он обращает внимание своего народа к непреходящим традиционным ценностям и предлагает пути их достижения, сформулировав девять заповедей Айыы:

1. *Не прелюбодействуй.*
2. *Почитай природу.*
3. *Приумножай своё хозяйство.*
4. *Не уничтожай (не убий).*
5. *Обрети свой талант.*
6. *Будь правдив.*
7. *Постигай истину (учись).*
8. *Храни свой кут.*
9. *Почитай заповеди Айыы.*

Афанасьев и его единомышленники не только стремятся утвердить монотеизм, но и вырваться из круга шаманистских представлений, которые только и сохранились от всего язычества в сознании якутского народа. Они утверждают фактически сконструированную ими заново религию, которая «возвысит якутов духовно и морально», и запретили друг другу практиковать шаманизм. Они считают себя исполняющими обязанности «белых шаманов» (то есть жрецов Айыы). На своих собраниях неоязычники совершают общую молитву и приносят бескровную жертву»[132].

Как мы видим, в культе Айыы выражается справделивое стремление к культурной автаркии и возврату к корням, но созданное синкретическое учение несет на себе отпечатки христианства, и в целом идет вразрез с традиционным шаманизмом Якутии, отвергает его. В сумме это ставит крест на аутентичности и инициативности предприятия культа Айыы, и делает его наглядным примером пострелигиозности в среде малых

[132] Филатов Сергей «Якутия перед религиозным выбором: шаманизм или христианство».

народов. Больше всего постмодернистскому влиянию подвержены «белые» ученики шаманов, представители европейской культуры, решившие встать на эту стезую.

Другим направлением, обращенным не на синкретизм, но на синтез, является взаимообращение русского Родноверия к шаманизму, и шаманов к славянскому наследию. Банзаров утверждал, что шаманизм в древности бытовал в России от Волги до Сибири, т.е. вступал в контакты со славянскими племенами, и от них – если принять гипотезу о тождестве ванов-славян – достиг европейских племен, предков германцев, скандинавов и финнов. Славянскому шаманизму посвятил книгу Н. Сперанский «Дар шаманизма – дар волхования». При этом доминирует обращение русских родноверов к шаманизму, в то время как шаманы из коренных народов относятся к возрожденной русской традиции с большим скепсисом. Более просто решается этот вопрос в случаях, когда шаман обладает двумя кровями: русской и кровью одного из коренных народов, что на глубинном уровне предопределяет предрасположенность к такому синтезу.

В заключение отметим, что шаманизм не миновала чаша пострелигиозного симулирования в виде неошаманизма, универсального шаманизма, утверждающего открытость и универсальность шаманских практик для всех народов и современных людей, с акцентом на психотерапевтические функции. Своим появлением неошаманизм обязан американскому антропологу Майклу Харнеру, выдвинувшему основные синкретические положения «базового» шаманизма. Другими известными авторами, пропагандирущими шаманизм Новоый Эры, являются Олард Диксон, Дмитрий Ильин и Карлос Кастанеда, с акцентом на обычаи американских индейцев.

Первейшей проблемой для язычников-одинистов Америки, как Северной так и Южной, помимо аутентичности, является проблема их языческой легитимности или, неразрывно с этим, их идентичности.

Генезис американской нации начинается с бесповоротного разрыва с Европой, Старым Светом, и утверждения своей собственной судьбы, осмысления себя Новым Светом. При этом европейские колонисты уже были носителями идей Просвещения, а построение американского общества отталкивалось от Модерна как данности, а не проекта, каким он был в Европе. Американцы, преимущественно состоявшие из переселенцев-англичан, не мыслили себя европейцами и носителями Европы, переброшенными на другой берег Атлантического океана. Порвав

с Европой, они разорвали многотысячелетний контекст развития европейской цивилизации, включавший как огромное языческое влияние кельтов, греков, римлян, германцев, так и влияние христианской религии.

Дальнейшая история становления американской нации описывается емким термином «плавильный котел», в котором представители множества народов и культур сплавлялись, смешивались в единую американскую идентичность.

Поэтому декларативная приверженность американца к европейской языческой традиции, либо к любой другой традиции Средиземноморья, Европы или Азии, вступает в противоречие с его идентичностью как американца; приверженность к традиции должна быть легитимно обоснованной. Утверждение, которое мы встретили в документах «Движения Одинистов» («The Odinist Movement»), заключающее что Одинизм – это подлинная религия Западной Цивилзации, соединяющая высшие этические индоевропейские идеалы с лучшими идеями западного общества, что это западная религия для западного человека, является в высшей мере спорным и необоснованным[133].

Для легитимизации европейского язычества, Одинизма или любого иного, на территории Северной и Южной Америк, существует три фундаментальных критерия: пространственная связь, кровная связь, посвящение в язык.

Аспект пространственной связи уже упоминался нами, когда мы подчеркнули разрыв между европейской и американской идентичностью во время становления в Северной Америке государств США и Канада. Новые континенты, в отличие от Европы, не были естественным ареалом расселения германских, скандинавских, готских племен. История активного межэтничного взаимодействия в истории Европы для Америки не актуальна. Соответственно, заявить в полной мере, что американские язычники возрождают древнюю веру *этих мест*, для них невозможно.

Для жителей Америки и Канады в этом вопросе существует известная возможность, которая заключается в общепризнанном факте, что первыми открывателями Америки, как континента, были викинги, основавшие там ряд поселений.

В конце X века гренландский правитель и креститель Лейф Эрикссон несколько раз посещает территории, относящиеся к современным северу Канады (провинция Ньюфаундленд и Лабрадор) и северной части восточного побережья США, образовывая там стоянки и дав посещенным

[133] См. Slauson Urv «Religion of Odin».

краям названия Винланд, Хеллуланд и Маркланд. «Винланд» (исл. Vinland) сегодня используется некоторыми американскими и европейскими язычниками для названия Северной Америки.

Колонизируя Гренландию и Исландию, переселенцы относились к Америке как к одной из новых земель, на которой пытались несколько раз основать поселения. Но получив отпор от коренных индейцев, покинули эти земли. Таким образом, небольшое пространство севера восточного побережья Америки оказалось включено в географический и культурный круг европейских колонизаторов, что изложено в «Саге об Эрике Рыжем» и «Саге о гренландцах».

В документах Комитета Свободной Церкви Асатру перечисляются, на их взгляд, три священных для асатруа города: Новый Альм (New Ulm, США), Уппсала (Uppsala, Швеция) и древняя Троя[134].

В Новом Альме, штат Миннесота, располагается памятник Арминию, одержавшему победу над легионами Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу, как символ германского патриотизма. В шведской Уппсале располагается комплекс древних курганов конунгов, имеющий культовое значение. Включение в этот список Трои обусловлено трудами Снорри Стурлусона, в частности, «Младшей Эддой», в которой он дает эвгемеристическое христианское толкование происхождения скандинавских Богов, как покинувших павшую Трою воинов, которые были приняты в Северной Европе как цари и Боги.

Наличие исландских поселений, а также стремление перебросить своеобразный мост между Америкой и Европой в виде культовых городов, отражает правильное стремление американских одинистов легитимизировать принадлежность к этой традиции за пределами её ойкумены. Касаясь исландских поселений, можно заключить, что наиболее благоприятным для языческой практики в США и Канаде будет север восточного побережья континента, та небольшая область, где были найдены останки стоянок. Но ситуация осложняется тем, что Лейф Эрикссон был крестителем, т.е. нес уже христианскую веру. Зная специфику утверждения новой религии, а также историческую эпоху, можем предположить, что воззрения переселенцев могли носить двоеверческий характер.

Принцип прямой пространственной связи как основы легитимизации мы можем рассмотреть на примере истории Руси, в которой варяги сыграли значительную роль, начиная от соседских и торговых отношений, пути «из

[134] См. там же.

варяг в греки», и заканчивая неоценимой ролью варяжской дружины Рюрика в становлении русской государственности, что полностью соответствует аллогенной теории происхождения элит и государства. Это подтверждается историческими хрониками, археологическими находками подвесок в виде Мьёлльнира и распространенности норманнских имен среди русских. Тем самым включенность русских в скандинавский контекст, как и скандинавов в русский, является неоспоримым фактом и, в рамках пространственного критерия, обосновывает легитимность Одинизма в границах, посещаемых варягами, на территории современной европейской части России.

Вторым значимым критерием легитимности, напрямую вытекающим из самой природы язычества, из «язычества» как термина, является кровь, генеалогия. Кровная связь это то, что в большей степени, чем пространство, связывает человека с его древними корнями, с его народом, который в древности был носителем той или иной языческой традиции. Мы говорим о единстве природы Богов и человека, народа, употребляя сравнение старших в роду с младшими (но не опускаясь до материалистичного эвгемеризма), поэтому кровь наделяется особым значением, она связывает цепь поколений в этом мире, так и с традицией и Богами.

Вновь вспомним, что большая часть колонистов были англичанами-протестантами, а дальнейшая политика строительства американской нации происходила по принципу плавильного котла. В критерий крови также можно включить пространственный фактор, так как цепь родственников так или иначе, в большей или меньшей исторической перспективе, но возведет генеалогию к аутентичному пространству, месту, где народ воплощал в себе традицию исторически, географическому пространству и пространству, заложенному в кровь, в архетипы и внешний облик. Для представителей американского Одинизма вопрос о своей идентичности по крови является ключевым. Отсюда разногласие между американскими одинистами «Ассамблеи Асатру», несогласными с позицией «Трота», утверждавшего непривязанность скандинавской традиции к крови и этносу[135]. Религиозная открытость для представителей всех народов является отличительной чертой креационистских религий. Но тень толерантности политкорректности все равно домокловым мечом висит над всеми язычниками в США, Канаде и Европе.

[135] См. также Stinson Mark «Heathen Tribes: A Collection of Essays Regarding the Tribes of Our Folk».

Метафорично мы можем назвать кровью традиции тот язык, на котором (или которых) она выражается. Так, английский язык относится к Индоевропейской семье языков, Западногерманской группе, Англофризской подгруппе языков. Древний период становления английского языка связан с племенами англов и саксов, переселившихся на Британские острова. В эту эпоху на английский язык через христианство влияла латынь, а через набеги викингов в языке закрепился набор норманизмов.

Новый период английского языка начинается с XV века и продолжается до сих пор. Современный язык американцев существенно отличается от языка англичан, и от исторического «высокого» английского Шекспира. Выше мы уже локализовали пространство, являющееся «сердцем» Постмодерна на Западе, с США в авангарде. Соответственно, современный привативный английский язык является «кровью» современного мира. Поэтому мы вновь подчеркиваем необходимость посвящения в язык, в континентальный германский либо в исландский, для американских одинистов.

Из рассмотрения всех трех критериев легитимности мы можем сделать вывод, который выявляется в каждом из случаев: быть язычником для американца – это значит не быть американцем. Подлинное, жестко-традиционалистское следование традиции Одина требует от американца установления связей со своим пространством (север Америки как минимум), выяснения своих кровей и наличия в них германской крови в достаточном количестве, посвящения в язык, очищение своего бытового языка от привативности. Язычник в Америке – это европеец[136], оказавшийся вне своего дома-Европы, более того – оказавшегося на территории государства, которое ведет последовательную антитрадиционную политику. Поэтому любой язычник, который претендует на посвящение в любую из европейских традиций, должен легитимизировать свои притязания на основе трех факторов, и в итоге стать антиамериканцем.

Распространенное выражение «Honor the roots» («Уважай [свои] корни») должно воспринимать не как поверхностную дань обычаю почитания предков в язычестве, но как призыв и бросок к осознанию своей глубинной идентичности. Для американца «честь его корней» – это не восхваление отцов-основателей Америки, но обращение против неё ради Традиции.

[136] В мягкой форме эту позицию отстаивает Стивен МакНаллен, см. «Asatru. A Native European Spirituality», 2015г.

Такой радикальный разрыв и выбор в пользу Традиции для обычного человека является сильным экзистенциальным переживанием, требующим от него глубинного пересмотра идентичности и ценностей. Американским язычникам свойственен уход от этой проблематики как таковой, должная рефлексия отсутствует, вытесняется партикуляризмом, а в особых случаях выражается в обратной форме: в чрезмерном патриотизме одинистов к Соединенным Штатам, и абсолютно волюнтаристским утверждениям о единстве культур и ценностей американской демократии и северного язычества. Считать такой подход инициатическим не представляется возможным.

Принцип легитимности, который мы рассмотрели на примере американских одинистов, будет верен для любого географического региона и для любой традиции как отправной точки. Если регион абсолютно не был включен в северо-европейский контекст, то остается два критерия: кровь и язык. Южную Америку колонизировали испанцы и португальцы, поэтому для одинистов этого региона пространственный критерий работает против них. Здесь мы можем согласиться с Бхайраванандой Джайадхаром, который рекомендует русскоязычным тантристам как минимум поломничество по священным местам Индии, для продвижения в садхане, и заключить о необходимости посещения исконных земель скандинавской традиции.

Итальянские одинисты решают проблему легитимности через обращение к легенде о происхождении лангобардов – древнегерманского племени, считающегося одним из предков итальянцев. Её небольшой размер позволяет привести её целиком, в версии лангобардского историка Павла Дьякона:

«Из-за перенаселения виннилы, изначально жители острова Скандинавия, были вынуждены бросить жребий. И третья часть племени уплыла. Покинувшие родину виннилы под предводительством избранных Ибора и Аио и их властной матери Гамбары поселились в Скорингию на какое-то время. Вандалы под предводительством Амбри и Асси, контролирующие соседние провинции, послали гонцов к виннилам, чтобы те либо платили дань, либо приняли бой. Виннилы решили, что лучше биться за свою свободу, чем стать рабами вандалов. Когда вандалы обратились к Годану за победой, он пообещал её тем, кого первым увидит на рассвете. Однако, Гамбара отправилась к Фреа за советом, и та предложила, чтобы виннилы выстроились в ряд рано утром со своими жёнами с распущенными волосами вокруг лица так, чтобы они были

похожи на бороды. Когда Года увидел длинный ряд воинов на рассвете, он воскликнул: «Кто эти длиннобородые?»

Фреа убедила его отдать победу тем, кому он только что дал новое имя. Так, виннилы обрели победу».

Другой экстравагантный способ легитимизировать свою веру в Асов на Аппенинском полуострове нам сообщил один итальянец-одинист, утверждающий, что, когда викинги оказались на этих землях (имеется ввиду государство викингов на Сицилии), они разрешали рабам принимать их веру. Действительно, это является достойной аргументацией и справедливым расположением инородного нового единоверца в самом низу социальной иерархии.

Как мы видим, вопрос легитимности, так или иначе, затрагивается практически всеми организациями и людьми, которые хотят причислять себя к скандинаво-германской традиции. Но решения этого вопроса разнообразны: от отрицания наличия такой проблемы; попыток передбросить мост в сторону европейского контекста; но самый аутентичный и радикальный (от лат. radix – корневой, фундаментальный) выход из этой проблемы заключается в полном пересмотре своей идентичности в пользу Традиции.

Модерн и глобализация оказали влияние на Санатана Дхарму Индии, результатом чего стало появление так называемого «неоиндуизма», отчетливые формы и примеры которого можно отследить с начала XX века. Многие истоки изменения Индуизма следует искать в самой Индии, во влиянии англичан-колонизаторов. Приобщившись к европейскому образованию и европейскому взгляду на самих себя – как на отсталых архаичных варваров – некоторые образованные индусы занимают сторону модернизации индийского общества в ключе Просвещения, демократизации и либерализации варногого общества. Самым известными деятелями поля либерального, пацифистского национализма в Индии являются Махатма Ганди и Джавахарлар Неру. Они принимают основные положения Модерна – прогресс, открытую социальную систему, необходимость модернизации, при этом смягчают религиозную составляющую в угоду этим целям (Ганди), либо настаивают на светсткости (Неру) и универсализации. Такая ситуация: с одной стороны позитивное отношение к родной культуре и стране, т.е. желание осовободиться от колониального гнета и обрести независимость, а с другой – перестройка общества по лекалам самих колонизаторов, их представлений о прогрессе и развитии общества, порождает внутренний

конфликт в силу своего фундаментального противоречия. Индия – это Санатана Дхарма, Веданта и кастовая система. Это её структура, природа и суть. Желать процветания и независимости для Индии, и одновременно отрицать её идентичность и структуру (многотысячелетнюю!) - это наглядный пример модернистской инфильтрации в политические элиты Индии, затрагивающие не только социально-политическую, но и духовную сферу.

Неоиндуизм, или иногда «универсальный индуизм», представляет собой переосмысление положений Веданты в сторону адаптации к западно-европейскому мышлению, к ценностям гуманизма и либеральной демократии. Так, ключевые положения Дхармы, которые представляют собой саму структуру и природу Индуизма, получают иносказательные трактовки, либерализирующие вхождение в традицию для не-индусов, универсализирующие Индуизм.

Варнашрама – Сакральная иерархия Индии – перетолковывается Вивеканадой как степени духовного посвящения, и что каждый может, несмотря на свой род дятельности, достигнуть ступени «брахмана». Ауробиндо Гхош стремился показать варны как социальные институты и подобия профессиональных гильдий, а не как глубинную природу человека, его Божественное функциональное измерение.

Принцип ненасилия – ахимса – получает толкование в русле гуманизма, вследствие чего происходит сближение с христианством и другими, деформированными гуманизмом, религиями. Иисус Христос рассматривается неоведантистами как одна из аватар Вишну, явившаяся к третьему сословию. Поп-гуру Сатья Саи Баба именовал себя, в числе прочего, Христом Христиан. А основательница Сахаджа-йоги Шри Матаджи Нирмала Деви сделала шаг ещё дальше, объявив себя Христом, Мошихаом иудеев и Махди мусульман одновременно. Все это способствовало и адаптации и популяризации поверхностного Индуизма в среде хиппи и пацифистских контркультур. Поддержку Бхактиведанте Свами Прабхупаде, основателю Международного Общества Сознания Кришны (МОСК, ИСККОН), и Шри Чинмою, оказали музыканты группы Битлз и рок-музыкант Джон Макклафлин, бывшие на волне популярности. Одновременно с этим происходит внедрение секулярной ахимсы как миротворческой идеологии в международную политику. Борис Кнорре на эту тему сообщает:

«Так, именно в рамках ЮНЕСКО в 1966 г. было принято решение о строительстве города Ауровиль в честь Ауробиндо Гхоша за его

миротворческие заслуги (несмотря на его прежнюю террористическую деятельность) и дальнейшие масштабные мероприятия, связанные с его именем. С 1970 года последователь Гхоша — гуру Шри Чинмой начинает проводить при штаб-квартире ООН регулярные «Медитации Мира», а позже Ассоциация Шри Чинмоя принимается в ООН в качестве неправительственной организации. Регулярные миротворческие эстафеты под названием «Бег Мира» проводятся регулярно 1 или 2 раза в год, охватывая при этом несколько десятков стран мира. 1980 г. членом ООН в качестве неправительственной организации становится «Брахма Кумарис» (офиц. назв. Брахма Кумарис — Всемирный Духовный Университет)»[137].

Неоиндуизм полностью исключил метафизический компонент из практик йоги, которые стали набором экзотической гимнастики, ведущей – в силу только оригинальных поз для тела (асан) – к духовной гармонизации. Это идет вразрез с самой философией йоги, как практики, направленной на успокоение ума и достижения освобождения (мокша) адепта от оков сансары. Разумеется, огромная популярность йогической гимнастики во всем мире, исключает из своей практики истинный метафизический смысл этого учения. Часть превозносится как целое и самодостаточное, порождая при этом абсурдные направления «йоги питания», «йоги домашнего интерьера» и т.д., что говорит о подчинении йоги на Западе нарративу общества потребления. Аналогичная судьба постигла и популяризованную тантру, сведенную до набора экзотических способов совокупления, полностью игнорируя метафизический контекст и смысл учения.

Активный синкретизм прослеживается в учениях Бабаджи, Нирмала Дэви, Сатья Саи Бабы, Ошо Раджнича и многих других поп-гуру, которые снискали медиапопулярность и богатство в Европе и США. Основа их деятельности – коммерция и обогащение, что идет вразрез с принципами обучения у гуру в Индии, свободным дарованием учения и свободной дакшиной (благодарностью) от учеников гуру по завершении обучения.

Внутренней базой для поп-гуру и их идей, обращенных на Запад, внутри Индуизма является вайшнавизм или бхактизм – один из внутренних полюсов внутри индийской традиции (в широком смысле), который участвует в интенсивном внутрииндийском диалоге. Подход вайшнавизма является усечением основы и вершины индийской метафизики

[137] Кнорре Борис «Индуизм: от глобалистской адаптации — к альтернативному глобалистскому проекту».

недвойственности (адвайты) и почитания верхнового Бога Брахмы как абсолютно лишенного форм абсолюта – Брахмы Ниргуны, в сторону двойственности (двайты) и почитания Богов, особенно выделяя Вишуну и Кришну, девоционально. То есть, приписывая им качества, личностные антропоморфные формы и проявления, которые соответствуют второму проявлению Брахмы как Брахмы Сагуны – Бога с качествами. Для адвайты принципиально недвойственное и неконфликтное восприятие Брахмы Ниргуны, как высшей апофатической инстанции, и Брахма Сагуны как катафатической, феноменальной инстанции Бога-как-мира. Для школ бхакти и двайты на первом месте стоит личностное девоциональное почитание Богов, что мы можем идентифицировать с природой третьего сословия, на что указывает и обращение к религиям креационизма, которые также делают акцент на девоциональном восприятии пророков. Но в русле Индуизма это не вызывает противоречия, и среди бхактов есть свои признанные великие брахманы, философы и гуру, полемизирующие с адвайтистами, что составляет напряженный внутритрадиционный диалог самой Индии, выраженный в Веданте, Упанишадах, Тантрах, Агамах и многих даршанах (буквально – мнение, философская школа).

Относительно этого модернизированный бхактизм/двайта выглядят еще более секулярно и материально. Вкупе с модернисткими трактовками – вторично даже по отношению к аутентичной бхакти-двайта мысли средневековых философов Индии, таких как Рамаджуна, автор Вишишта-Веданты, и Мадхва, автор Двайта-Веданты – прочтения Вед с позиции отрицания выдающейся, венчающей индийскую метафизику, адвайта-философии Ади Шанкары, автора «Брахмасутры». Если полемика великих индийских мыслителей является внутренней махией (polemos) Индуизма, то по отношению к ним глобализированный бхактизм и разнообразные нео-тантрические и нео-йогические профанации оказываются на периферии. И, что закономерно, находят популярность именно на Западе, покидая область индийской ойкумены, становятся девиацией.

Двойственное почитание Вишну выражается в разрыве между человеком и Богом. Если Адвайта-Веданта утверждает о возможности, причем естественной и изначальной, для живого существа (дживы) постичь природу Брахмы Ниргуны, отождествиться с ним, то путь бхакти заканчивается у ступеней Вишну или Кришны, к которым верный адепт может припасть в поклоне. Примечательно, что адепты бхактизма применяют к себе наименование «дас/даса», что означает «раб», и восходит к наименованию людей, завоеванных раджами племен в

античную эпоху индийской истории. Здесь мы снова видим параллель с креационизмом, где в христианстве верующие также именуют себя «рабами Божьими», а буквальное значение слова «ислам» означает «покорный». В двайте возникает разница между творцом (Вишну, Ишвара) и дживой. Из этой позиции до монотеизма остается буквально один шаг, который мы можем опознать в строгом почитании *одной* фигуры Божества из триады. Из тримурти Брахма-Вишну-Шива выделяется срединный Бог Вишну, а другие Боги трактуются как его лики и проявления. Заметим, что выделение Вишну на первое место оттеняет верховного Бога Брахму (Ниргуну) и деструктивного Бога Шиву, который является наиболее почитаемым Божеством адвайты (Ади Шанкара, Абхинавагупта и др.). Они оказываются на периферии и вторичны к Вишну.

Крайней формой искаженного бхактизма является одна из самых распространенных и могущественных сект гуру Бхактиведанты Свами Прабхупады – Международное Общество Сознания Кришны, основанное в 1966г. *в Нью-Йорке*. Прабхупада известен своими комментариями к одному из фундаментальных и каноничных индийских текстов «Бхагавад-гите», в котором, в диалоге между принцем Арджуной и его колесничим Кришной, излагается учение Дхармы и йоги. Комментарии Прабхупады являются образцом модернистской трактовки, сделанной к тому же в угоду создания собственного культа, который имеет небывалый коммерческий успех на Западе, и активно клеймится вайшнавами в самой Индии. Фактически, в секте Прабхупады на первое место выходят высказывания и трактовки гуру и демократический антикастовый подход, а не сами священные тексты, культура и варнашрама индусов, которая является воплощением Брахмы в индийском обществе. Такой секулярный подход ставит крест и на принципах легитимности принадлежности к традиции, хотя кришна-дасы ИСККОНа и совершают паломничества в Индию, другие критерии игнорируются, а сама идеологическая подоплека паломничества тоже бросает тень на пользу от посещения индийских святынь и ашрамов.

В завершение кратко рассмотрим перспективы реставрации древних традиций на пространстве Предкавказья и Кавказа. Предкавказье охватывает следующие регионы, входящие в состав России: Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню и Дагестан; Кавказ: Грузию, Южную Осетию, Абхазию, Армению и Азербайджан.

Главным достоянием народов Кавказа является Нартский эпос – циклы легенд о героях-богатырях (нартах), выраженные в стихотворных и прозаических формах. Корни эпоса восходят к аланскому эпическому циклу и культуре северо-иранских сарматов и скифов, и предположительно сложился в VIII-VII веках до нашей эры.

Нарты существуют у абхазо-адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, чеченцев (вайнахов), ингушей и осетин. Последние – осетины – являются единственным индоевропейским народом Кавказа, и в их версии эпоса Жорж Дюмезиль видел наиболее чистое выражение трехфункциональной системы. Она связана с родами нартов: Ахсартагката – воины, Бората – земледельцы, и Алагата – жрецы.

Каждый народ имеет свои версии эпоса, доминирующие циклы и персонажей, но в целом они все являются пространством одного древнего предания и сюжета.

В структуре Предкавказских традиций также присутствуют элементы тотемизма, выраженные в особом почитании животных: змей, волков, собак, лошадей, оленей и баранов. Практически с каждым животным были связаны сказки и суеверия, существующие до сих пор. В легендах и сказках ингушей и чеченцев, также отражающих мотивы нартских циклов, мы встречаем элементы шаманизма: употребление опьяняющих веществ, спуск в нижные миры, восхождение на небо, ритуальную смерть и расчленение, с последующеим воссоединением членов тела и возрожденеим (инициация); использование животных-проводников в другие миры[138].

Помимо святилищ, статусом Сакрального места обладают ущелья, горы, на которых живут Боги и духи, перевалы горных троп и источники воды.

Значимым событием в истории аланов и осетин стало вторжение монголов, совершавших поход на Русь и Кавказ, под предводительством Батыя; а позже и поход Тамерлана. В результате завоеваний, аланцы переселились в горы и там вернулись к своей языческой традиции, сохранив её до сих пор.

Испытывая влияние христианства до XI века, языческое наследие народов Кавказа перетолковало и подчинило своим структурам мотивы христианской мифологии и мистики, что породило устойчивое двоеверие как форму существования кавказских традиций на протяжение последних веков. Так, к образам Богов Уастарджи и Уациллы, Бога грома,

[138] См. «Сказки и легенды ингушей и чеченцев», Леденева Лада «Отголоски язычества у карачаевцев и балкарцев», 2011г.

добавляются фигуры Святого Георгия и Святого Ильи соответственно. Бог Уацилла в свою очередь близок другим громовержцам – Шибле (Елэ), абхазскому Афы, вайнахскому Сели, который также был покровителем плодородия. Согласно преданиям, по воле Уастарджи возникает святилище Реком, одно из наиболее почитаемых мест. Его возведение датируется примерно XIV веком[139]. Такая ситуация во многом идентична русскому двоеверию, но народы Кавказа неохотно принимали христианство, но откликнулись на ислам.

«Первоначально исламизация коснулась преимущественно социальных верхов Северной Осетии, особенно дигорских и тагаурских феодалов (чьи владения непосредственно граничили с Кабардой), а затем-зависимых от них крестьян. В первой половине XVIII в. здесь уже существовал ряд населенных пунктов (Кобан, Кора-Урсдон, Караджаево-Хазнидон, Донифарс и др.), жители которых в подавляющем большинстве были приверженцами ислама. Об этом свидетельствуют и мусульманские эпиграфические памятники (правда, немногочисленные), выявленные в Хазнидоне и датированные Л.И.Лавровым 1741-1742 гг. Весьма характерно, что основная масса исламизированных горных селений Северной Осетии не имела своих мечетей, поскольку после присоединения ее к России царская администрация пыталась всеми средствами ограничить влияние ислама на осетин»[140].

Таким образом, родные традиции аланов, осетин, вайнахов и других народов оказались между молотом и наковальней христианства и ислама. Народный гений отвечал усилением двоеверческих стратегий пересказов христианских и исламских мифов в традиционном ключе, чему также способствовала разрозненность и территориальная удаленность горных селений.

На современном этапе в регионах, которые уже «традиционно» считаются мусульманскими, происходит активизация движений, ставящих пред собой задачу возрождения древних традиций, возвращения к родной вере. Основной вектор состоит в очищении от христианского, или исламского, пласта в структуре двоеверия. Этот подход чреват искажением, на которое указывал Ю. Эвола – когда реставрация традиции опирается на искаженные описания адептов церкви[141]. Иными словами,

---

[139] См. Габараев Мурат «Языческие праздники осетин», 2009г.

[140] См. Тменов В.Х. «Осетинское язычество в системе средневековых религиозных верований народов Северного Кавказа».

[141] Влияние пострелигиозных концептов также встречается.

подход к реставрации с позиции отталкивания от доминирующей традиции накладывает определенные рамки и искажения на сам корпус традиционных текстов, их интерпритации и ритуальную практику. Традиция теряет в своей сути, становясь лишь инструментом антиисламизма.

Другой опасностью является подчеркнутая в исламе нетерпимость к любым формам многобожия, что вынуждает многих язычников Осетии, Чечни, Дагестана и др. действовать почти подпольно.

В Закавказье наибольший интерес представляет Армения, с её многотысячелетней историей и традицией. Древняя армянская традиция носит подчеркнуто солярный характер. Солнце – Арев, манифестация Высшей Силы Ар, от которого происходит одно из самоназваний армян – ареворди, дети Солнца. Солярная символика обильно присутствует в храмовой резьбе, росписи и вышивке, и внешне схожа со славянской солярной символикой. В структуре армянской традиции также присутствуют культы животных (орла, льва), поклонение предкам и культ героев. Традиция отражает многие индоевропейские мотивы, и испытала влияние зороастризма (появление и усиление Бога Арамазда и Богини Анаит) и эллинизма.

Так, сравнение армянских Богов и греческих выглядело следующим образом: Арамазд – Зевс, Анаит – Артемида, герой Ваагн – Геракл (также его можно сравнить с Тором), Нанэ – Афина, Тир – Аполлон.

Об армаянской традиции оставили свои описания и комментарии Геродот, Платон, Страбон и средневековые армянские писатели. Из современных исследователей большой вклад в описание армянской веры внес Гевонд Алишан (1820-1901гг.) – поэт, филолог и историк, автор труда «Древние верования или языческая религия армян».

После официального принятия христианства в 301 году, при царе Трдате III, язычество в Армении подвергается гонениям, на нижнем уровне общества также образуя устойчивые пласты двоеверия. Так, функции змееборца Ваагна разделяют между собой архангел Гавриил и Иоанн Креститель.

В современной истории нельзя обойти вниманием фигуру армянского военного деятеля Гарегина Нджде (1886-1955гг.), основателя армянской национальной идеологии цехакронизма, в которой значительное место уделяется культам рода, семьи, родины, чести (fides), языка и др. К цехакронизму восходит армянское реконструкторское движение этанизма, занимающееся возрождением армянского язычества. После падения СССР

в 1991году, движения этанизма обрели официальный статус («Арординери Ухт»). Приверженцем этанизма был один из премьер-министров Армении Андраник Маргарян, что говорит об определенной популярности и востребованности древней традиции.

Кавказские общества во многом более консервативны, чем их соседи, что обуславливает долгую жизнь народных традиций и обычаев, даже несмотря на смену официальной религии. То есть, изменение религии мало затрагивает обычаи и образ жизни, что способствует двоеверию, настолько тесно сплетенному с авраамическими традициями, что порою разделить их бескровно уже невозможно.

Для расцвета языческих традиций Большого Кавказа, проживающим на этих территориях обществам необходимо сбросить с себя два ярма – ярмо модерна, и ярмо креационизма (ислама и христианства). Поэтому существующие тенденции возврата к древним языческим традициям (где это возможно) требуют особой тщательности, внимания и строгости всего традиционалистского метода.

IV.III Симулякры и секты

В этой главе мы остановимся на рассмотрении откровенных симулякров и деструктивных сект, не являющихся язычеством, но активно использующих языческие мотивы, формы в своей деятельности, или, старающихся выдать себя за таковое. Если предыдущие примеры икритические замечания относились преимущественно к практике традиций, общин, организаций и персоналий, т.е. касались людей, которые стремились к традиции, то в этой части мы более подробно рассмотрим те симулякры и секты, которые направлены в обратном от Традиции направлении, пусть они и утверждают обратное. Здесь мы сталкиваемся с пострелигиозностью, атакующей языческие традиции.

Симулякры New Age, как мы уже описывали, обращаются практически к каждой традиции, смешивая их между собой, смешивая их с классическими и пост-классическими научными теориями, порождая химеры. Проблема таких подделок актуальна для всех традиций, которые сохранили даже минимум передачи и практикуются сегодня. Индуисты отбиваются от неоиндуизма во всех его формах, шаманы критикуют неошаманизм, Асатру и одинисты стараются очиститься от профанов, спекулирующих на поверхностном восприятии традиции, русские

язычники родноверы активно пропагандируют адекватный подход к возрождению традиции, обличая подделки и секты.

Заметим, что научный религиоведческий подход в этом вопросе выражает свою профаническую суть, и даже идет вразрез с принципами научной объективности и необходимости погружения в контекст исследуемого предмета, осознанно игнорируя очевидную и провозглашаемую самими язычниками разницу между ними и симулякрами. Так, аутентичный Индуизм рассматривается на равных с неоиндуистскими сектами, положения школ адвайты применяются к трактовкам успеха ИСККОН[142]; русские религиоведы рассматривают общества родноверов и псевдоязычников как равные проявления неоязычества, игнорируя очевидную разницу подходов у первых и вторых, и обширную аргументацию родноверов против квазиязычников[143].

Употребление нами термина «секта» обусловлено тем, что многие симулякры идей и организации, выдающие себя за носителей языческой или древней традиции, на поверку оказываются коммерческими структурами, целью которых является заработок и власть, либо удовлетворение эгоистичных, сексуальных или паталогических потребностей их лидера. Когда в угоду своему тщеславию и честолюбию псевдоучителя начинают выступать в вечерних шоу по телевидению, развлекая публику у экранов, тем самым удовлетворяя свою жажду славы и становясь элементом общества потребления и зрелищ.

Мы признаем изначально нейтральный смысл термина, происходящего от латинских слов «secta» – «школа», и «sequor» – «следую», что очень близко к индийским даршанам. В религиоведении и сектоведении сам термин не имеет однозначного и общепринятого толкования, вследствие чего он становится идеологическим манипулятивным инструментом[144]. Такая ситуация вносит путаницу и создает проблемы для адекватного язычества и обществ, которые сравниваются с симулякрами. Поэтому ряд рассматриваемых нами квазиязыческих идеологий и организаций мы

[142]См. Кнорре Борис «Индуизм: от глобалистской адаптации — к альтернативному глобалистскому проекту».

[143] В частности, в своих трудах это прямо признает Р. Шиженский. Другим его промахом можем назвать сравнение мировоззерний Доброслава и Варга Викернеса, в поиске общего между скандинавским и русским идеологами, при этом совершенно игнорируя отношение к Варгу в среде одинистов как к экстравагантному выскочке-экстремисту.

[144] В России сектоведение, усилиями А. Дворкина, превратилось в идеологический инструмент лоббирования интересов Русской Православной Церкви.

обозначим как деструктивные секты (заимствуя технический термин из наук), деятельность которых противоположна духовности и строго контриницииатична.

При рассмотрении псевдоязыческих симулякров нельзя упускать из внимания тот факт, что концепции поствойны – сетецентричной и сетевой войны – встраивают в себя религиозные общины и идеи как инструменты коммуникации, сбора данных и рычаги влияния. Удерживая во внимании стратегическую военную сторону вопроса сект, она может помочь нам выявить истинно искусственную природу различных организаций, которые лишь маскируются за конфессиональной традиционной идентичностью, преследуя совсем иные цели. Рассмотрение межгосударственных отношений не входит в наши задачи, но так или иначе, геополитическое и идеологическое противостояние оказывает влияние на сферу традиций, обращая их в инструменты пропаганды ценностей и идентичности. Симулякры язычества можно представить как атаки Постмодерна на Традицию, что в мирском выражении может воплощаться в конфликте между странами, культурами и их набором ценностей. Выше мы уже локализовали два полюса: обобщенный Запад, Модерн и Постмодерн в лице США и [анти]Европы, включая те элиты различных стран, которые декларируют приверженность языку Модерна, его ценностям; с другой стороны – индоевропейские традиции, шире – Традиция, настоящая глубинная Европа, вытесненная на периферию и широчайший ансамбль коренных народов Индоевропы, находящийся под давлением антитрадиционной парадигмы. В ходе поствойны, используя тактику операций под чужим флагом, абсолютно естественным является создание или подчинение своим интересам разных религиозных групп и идеологий. С точки зрения Традиции – это чистейшее контриницииатическое проявление, искусственные конструкции, направляющие человека от Сакрального в плоскость бессмысленной ризомы, титанических масс материи. Таким образом, военно-тактический или ризоматически-случайный генезис псевдоязыческих сект принципиально ничем не отличается, так как в обоих случаях это контриницииация.

Выше нами уже были описаны ключевые положения, касающиеся аутентичности в современной практике, инфильтраций Модерна, Постмодерна, субкультур и принципы легитимности. Все это можно рассмотреть как продолжение исследования проблематики инициатичности/контриницииатичности. Подготовленному читателю и практику, на основе изложенных нами принципов, примеров и указанных

направлений мысли, в дальнейшем не составит труда самостоятельно производить деконструкцию идей, выдаваемых за языческие и претендующих на наследие древних Богов. Дальше мы проведем обзор самых знаковых исторических псевдоязыческих идей и организаций, возникших на их основе.

Запад

Мы начинаем с Запада, как определенной «родины» псевдоязычества, псевдотрадиций, от Европы конца XIX века и влоть до современной нам Америки. Такая географическая и временная локализация совпадает с пространством и временем становления Модерна и Постмодерна, а также подчеркивает одну из важнейших особенностей псевдотрадиционных симулякров – их универсальность (антиэтничность) и глобальность. Не только на самом Западе появляются различные эзотерические общества и учения, претендующие на традиционность, но там же находят свое место и расцвет вырожденческие секты с Востока и Азии. Мы уже рассмотрели заблуждения теософов, Рерихов, упоминали про неоиндуизм: нео-тантризм, йогическую гимнастику, секты Ошо, ИСККОН Прабхупады и многие другие, которые нашли свою паству вдали от родины тех традиций, которые в искаженном виде преподавались европейцам, жаждущим потребления духовной экзотики.

Учением, претендовавшим на все германское языческое наследие, и в определенное время оказавшим сильное влияние на возрождение германского и скандинавского язычества, был арманизм (нем. Armanenschaft), основателем которого был австрийский поэт и оккультист Гвидо фон Лист (1848-1919гг.). И его последователи: монах Йорг Ланц фон Либенфельс (1874-1954гг.) и Карл Мария Виллигут (1866-1946гг.), и другие.

В своих трудах Гвидо фон Лист пытался обосновать идею величия и превосходства немецкого народа, что совпадало с националистическими настроениями его эпохи, поиском немецкой идентичности. В своих трудах он компилирует известные исторические данные о германцах (Тацит), теософию, научные теории (теорию атомов и развития), христианство, средневековый рыцарский эпос (в частности, «Песнь о Нибелунгах») и скандинавскую «Эдду», элементы масонства, выдавая результат за подлинную историю и наследие германцев.

Фон Лист утверждает, что древнее германское общество делилось на три касты: интеллигенция (Lehrstand), воины (Wehrstand), крестьянство

(Nahrstand), которое он сопоставляет с описанием Тацита деления германского общества соответственно: Hermionen (Armanen), Ist-fo-onen, Ing-fo-onen. От названия высшей касты Armanen происходит учение, особый элитарный гнозис арманизма. Экзотерическим, внешним проявлением этого гнозиса был вотанизм, философией которого в дохристианские времена фон Лист называет теософию. Хранителями эзотерического, внутреннего учения Арманен являлись короли, жрецы, ученые и маги, также являвшиеся хранителями Риты – Закона о порядке и практическом применении метафизических знаний в народе[145]. Термин «Рита» является прямым заимоствованием из Вед, и на санскрите означает буквально «порядок вещей», а в учении арманистов сближается с понятием Дхармы, Вирда. Здесь мы видим подобие между традиционной трехфункциональной системой индоевропейских обществ и идеями Гвидо фон Листа, а также заимствование термина «должного порядка вещей», и выстраивание двухуровневой топики «вотанизм/арманизм», где первое – больше языческое, внешнее, «профанное», а второе – истинный гнозис тайных групп посвященных, что привело к некоторой мере дихотомии между ними.

В поисках древней германской высокой культуры, Гвидо фон Лист и его последователи редко и выборочно обращаются к временам античности, но активно заимствуют *средневековые* сюжеты и формы, *выдавая* их за проявления древнегерманской доблести и порядков. Широким жестом мифы о Граале объявляются германскими, а Тамплиеры, Тевтоны и Иоанниты отождествляются с тайными орденами артистократов духа (Риты). Положительной оценки заслуживает синкретическое от самого своего основания, учение масонов, которое сближается со средневековым выражением древнего сословия крестьян Ing-fo-onen, которых поддерживали и которым оказывали покровительство аристократы-крестоносцы.

Смешение с иудео-христанством проявляется не только в попытке навязать крестоносцам образ тайных орденов посвященных арманов, но и в прямом перетолковывании библейских мифов с помощью германской мифологии. Христианство фон Лист трактует как выродившийся, преобразованный франками вотанизм. Здесь Гвидо ссылается на своего единомышленника Ланца фон Либенфельса, который приоритетно обосновывал германские корни Библии. Карл Мария Виллигут, бывший

[145] См. Лист Гвидо фон «Первооснова».

«придворным» магом и жрецом в Аненербе[146], считал, что Библия описывает историю жизни Бальдура Крестоса – отсюда название «христиане», а Бальдур – это сын Одина, Бальдр, молодой умирающий и воскресающий Бог скандинаво-германской мифологии, отождествляемый с весной и солнцем. Сам фон Лист в труде «Арманизм и Каббала» утверждает, что знания арманов и вотанистов сохранились в синагогах и сегодня известны как учение Каббалы. После войны, на основе трудов Листа, Ролан Дионис Жоссе публикует книгу «Руническо-астрологическая кабалистика». А Бернхарду Марби приписывается создание синкретической «рунической йоги»[147].

Такое волюнтаристское смешение Библии, Каббалы и германского языческого наследния породило идеи Ариохристианства – учения об «арийском» происхождении Христа и локализации событий Нового Завета в пространстве Европы. Идеи Armanen и Ариохристианства до сих пор имеют скромную популярность и европейских и даже русских последователей. Несмотря на очевидный теософский синкретический подход, полностью игнорирующий разницу доктрин креационизма и манифестационизма, составляющего саму суть язычества, идеи троицы «арманов» аффектировали Folkishe-составляющую европейских язычников, особенно тех, кто воплощает собой типы мистика и политика.

В целом повествования Гвидо Фон Листа носят разрозненный и слабо обоснованный характер, и являются фальсификацией «великой истории германцев», что только бросает тень на их действительно глубокую и прекрасную традицию и Богов.

В связи с эзотерической составляющей Третьего Рейха, нельзя обойти стороной послевоенное явление «эзотерического гитлеризма», главными фигурами и идеологами которого, не связанными друг с другом, были бывший чилийский дипломат Мигель Серрано[148] (1917-2009гг.) и

[146] С Виллигутом связано другое название Арманизма – Ирминизм, ирмины, поселение которых он искал в Шварцвальде, и ритуалы которых он навязал в СС. Уволен с поста Г. Гиммлером в 1939г. после вскрытия поставленного ему диагноза шизофрения. Также Виллигут был рецензентом трудов Ю Эволы, оценивая их пользу и соответствие идеям СС, которая впоследствии признала идеи барона противоречащими идеям нацистов.

[147] См. также Spiesberger Karl «Runemagie. Handbuch der Runenkunde».

[148] М. Серрано был близким другом К.Г. Юнга и Г. Гессе, а также был знаком с Ю. Эволой.

французская писательница Максимиани Джулия Портас, более известная как Савитри Дэви[149] (1905-1982гг.).

Основные идеи Мигеля Серрано изложены в двух книгах «Адольф Гитлер: Последний аватара» и «Золотая цепь», в которых Серрано излагает свое видение истинной истории человечества как противостояния древних духовных гиперборейцев с демиургом и его творениями (неандертальцами). Мотив противостояния демиургу и его творению является гностической основой идей Мигеля Серрано, в которые он, будучи членом оккультного общества, почитавшего Адольфа Гителра как бодхисатву, чья миссия – преодоление Кали-Юги, привнес мистицизм и изыскания Третьего Рейха. Серрано считал, что Гитлер не умер, а скрылся во внутренней полости Земли, и должен явиться в свой срок и одержать победу. Основной массив идей Мигеля Серрано составляет смешение индиуистской, буддистской, скандинавской мифологий с легендами о Граале, тайными экспериментами нацистов в техномагической области, и гипотезами о целях Тибетских экспедиций СС. Присутствует теософский след в виде гиперборейцев-бодхисаттв, одной из аватар которых и является А. Гитлер, понятых как святые человечества, и эклектика разных традиций.

Не менее эксцентричной являются идеи Савитри Дэви, изложенные в книгах «Золото в горниле» и «Молния и Солнце». Савитри видела немецкого фюрера аватарой Калки – манифестации Вишну, мстителем, призванным также явиться в Кали-Югу. Она ставит его в один ряд с египетским Эхнатоном и Чингис-ханом, как венчающую цепь фигуру. Вновь мы сталкиваемся с теософской эклетикой и вариацией идеи махатм.

Эзотерический гитлеризм Серрано и Дэви находится на периферии контактов с европейским язычеством и традиционализмом, имея с ними общее представление о современном мире как Кали-Юге, но в большей степени являющийся примером экстравагантной эклектики и всепроникающего теософии. Так, одновременная апелляция к традиционализму Генона и Эволы, вотанизму и эзотеризму Серрано присутствует в трудах Вульфа Ингессона, главы современной английской организации «Wodens Folk»[150], где мы можем увидеть весь комплекс эзотерического гитлеризма в наши дни.

---

[149] Приняла имя в честь индийской Богини солнца Савитри, выйдя замуж за брахмана Шри Асит Кришна Мухержи, редактора газеты поддерживавщего нацистскую Германию.

[150] См. «Wulf. Collected writings of an English Wodenist».

Общей чертой как арманизма, так и эзотерического гитлеризма, является синкретика и утверждение идей, не подтверждаемых ни традиционными доктринами, ни научными данными антропологии, археологии, этнографии, истории, и даже физическим описанием Земли и техническим уровнем развития, опровергающим описываемые Серрано технологии.

Во второй половине XX века начинает набирать популярность неоязыческая религия Викка, возникшая в Англии. Отцом и популяризатором Викки является английский писатель Джеральд Гарднер (1884-1964гг.), который называл свою религию просто колдовством (англ. Wicthcraft). Название «викка» закрепилось за религией позже, и восходит к староанглийским wicca/wicce – волшебник/ведьма, что предшествовали современному слову witch – ведьма, и протогерманскому wikko – колдовать.

Из официальной истории и описания Викки в изложении Дж. Гарднера и его последователей, можно выделить следующее:

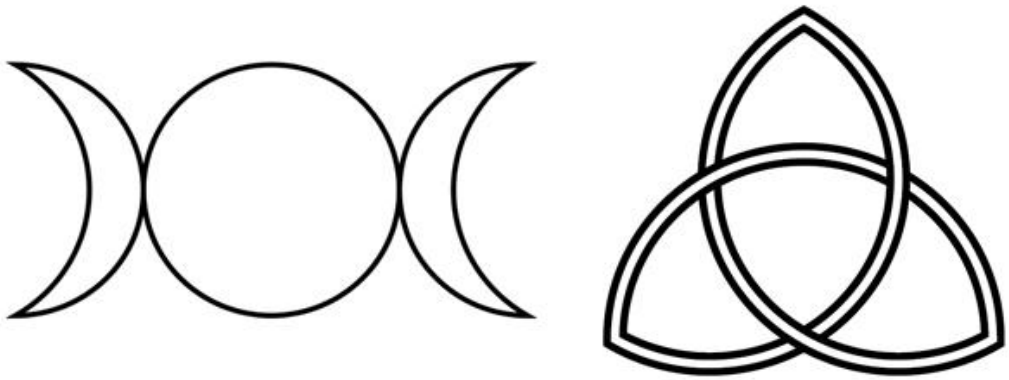
Викка начинает набирать популярность после публикаций двух книг Гарднера «Колдовство сегодня» и «Значение колдовства», вышедших в 1954 и 1959 году соответственно. Они стали основой для последующего развития новой религии. По утверждению самого Джеральда, в основу книг легли переработанные материалы колдовского ковена (общины), в который он был принят в городке Нью-Форест, в Гемпшире, Англия. В свою очередь, ковен настаивал на приемственности древней магической религии Англии, уходящей в дохристианские языческие времена и передаваемой тайно.

В 1960-е годы викка распространяется в Америке, разветвляясь на несколько направлений (гардерианская, дианическая и др.), создаются ковены и появляются виккане-одиночки. Несмотря на заявленную инициативность викки, принцип посвящения и передачи полномочий для создания ковена повсеместно игнорируется и по сей день. Признавая авторитет трудов Гарднера, многие виккане берут их за основу для своих дальнейших фантазий и создаваемых организаций, либо вовсе практикуя ведовство в одиночку.

Ядро викканской религии состявлют представления о паре Божеств: кельтском Рогатом Боге Кернунносе (иногда Пане) и о Триединой Богине, выступающей в возрастных архетипических ипостясях Девы, Матери и Старухи. Наиболее почитаемой является именно Богиня, а сама викка нередко считается женской религией. Также на периферии пантеона

присутствует неназываемый Высший Бог, который нередко трактуется через образ Богини как Высшая Мать всего.

Магия, колдовство или ведьмовство, является основой религиозной практики и сущностью викки. С помощью колдовства адепт викки познает мир природы и влияет на него, общается с духами леса, камней и вещей, общается с духами умерших предков. Вслед за Дж. Гарднером в практику виккан также входит популярный в то время спиритизм, и практика с доской Уиджи[151]. Из классического западного оккультизма виккане заимствуют представление о пяти элементах: Духе, Воздухе, Огне, Воде и Земле. Символизм пяти элементов воплощается в одном из главных символов викки – пентаграмме, нередко изображающейся вписанной в центральный круг (Луну) символа Триединой Богини. Тем самым подчеркивается, что все в мире есть проявления Великой Матери. Другим популярным, но не исконным, символом викки является Трикветр.

Символ Триединой Богини и Трикветр

Виккане не имеют священных книг, кроме трудов Граднера и других авторитетных мистиков и оккультистов, что создает дополнительную почву для синкретизма, а также множество вариаций так называемой Книги Теней – сборника магических практик, наработок, заговоров и дневника, ведущегося как одиночками, так и хранящихся в ковенах.

Обрядовая часть викки заключается в праздновании восьми годичных праздников-саббатов:

Самхейн — день почитания умерших, 31 октября – 1 ноября;

Йоль — Зимнее Солнцестояние;

Имболк — приближение весны, 1 или 2 февраля;

[151] Придумана в XIX веке американцем Элайджей Бондом как развлекательная игра.

Остара — Весеннее Равноденствие;

Белтейн или канун мая — символическое начало лета, 1 мая;

Середина лета/Лита — Летнее Солнцестояние;

Лугнасад/Ламмас — день урожая, 1 августа;

Мабон — Осеннее Равноденствие.

Как мы видим, колесо праздников викки воспроизводит праздники Колеса Года, дополняя их дополнительными промежуточными датами. Но в это же время, оно является синкретическим смешением кельтских (Самхейн, Имболк, Белтейн, Ламмас) и германских (Йоль, Остара) языческих праздников.

Обряд посвящения в религию, как мы уже указывали, хоть и декларируется приверженцами гардерианской викки, но повсеместно нарушается и игнорируется. Преимущественно проследить цепь посвящений вплоть до самого Дж. Гарднера могут представители «традиционной» британской викки.

Интерес представляют викканские обряды свадьбы и аналог крещения для детей – хэндфастинг (handfasting, «сплетение рук») и викканинг (wiccaning) соответственно. Общая черта обрядов заключается в их либеральности по отношению к адептам: вступающие в брак через хэндфастинг заключают как бы предварительный, испытательный брак длиною в год, который может быть расторгнут без каких-либо обязательств. Викканское «крещение» викканинг также направленно не на введение новорожденного в традицию, но только на представление его Богу и Богине. Викканинг не носит никакого обязующего и инициирующего характера, за ребенком оставляется свобода воли, принять или отвергнуть религию по достижении зрелого возраста. Таким образом, в религии викки воплощается строго модернистское представление о гуманизме, секулярном подходе и либеральной морали, выраженной в принципе: делай, что хочешь, если это никому не вредит. Также викка явно заимствует или подражает восточным принципам ахимсы («не навреди») и кармы, что выражено в законе о Троекратном Возвращении, гласящем о том, что любое действие (особенно злое) возвращается к человеку в троекратном размере. Введенный Гарднером свод из 161-го закона «Ардаинес» подвергся критике за чрезмерную патриархальность и на сегодняшний день является скорее артефактом, чем действующим наставлением для виккан.

В итоге викка представляет собой блестящий образец языческого симулякра: подражание языческой общинности в виде ковенов и

одновременное признание виккан-одиночек («solitary»); претензия на инициативность и повсеместное нарушение этого положения; подражание Колесу Года, традиционным доктринам поведения и морали, искаженным концептами Модерна. Разрозненность мнений самих виккан подобна плюрализму языческих традиций, но она касается не столько фольклорной, культурной – эзотерической разницы, сколько отражает отсутствие единого мнения о самой сущности религии, её теологии, космогонии, ритуальных практиках, конечных целях и поведения. Фактически «викка» может использоваться как термин, принимающей под своей крышей весь спектр современного нео-ведовства, колдовства и магии, чему только способствуют демократические стремления виккан и ризоматическое, сетевое устройство организаций и ковенов; множество возникших на пустом месте линий передач посвящения и субтрадиций, лишь частично аппелирующих к заложенному Дж. Гарднером базису.

При этом сами истоки викки в версии Гарднера подвергаются глубокому сомнению[152]. Существование ковена в Нью-Форест никогда не было доказано, и кроме Гарднера никаких его внешних проявлений неизвестно. След концепции Триединой Богини ведет к трудам другого английского *художественного* писателя Роберта Грейвса (1895-1985гг.), автора мифологического трактата «Белая Богиня» (1948г.). В своем труде Грейвс рассматривает образы женских Богинь в разных культурах как проявления архетипов Белой Богини: Девы, Матери и Старухи, связанной с тремя фазами луны. Грейвс уделил большое внимание поэзии, рождающейся из почитания Богини и мифа, что отсылает его труд к поэтической и художественной областям литературы. Академические ученые в большинстве своем проигнорировали трактат Грейвса, а иные раскритиковали его за несоответствие фактам и произвольные авторские интерпретации. Женские фигуры, связанные с рождением, становлением и смертью, мы встречаем в греческих мойрах и скандинавских норнах, где они являются Богинями Судеб, но никак не верховными Богинями – матерями и покровительницами мироздания и его циклов. Также далеки от образа Триединой Богини и греческие хариты – три Богини изящества и красоты, дарующие вдохновение артизанам – Аглая, Ефросина, Талия; в Риме им соответствовали три грации. Здесь видна связь поэтических стремлений Грейвса с функциями харит – вдохновением, красотой, изобилием, покровительством поэтам, художникам и т.д. Но в случае с

[152] См. «Inventing Witchcraft: A Case Study In The Creation of A New Religion» by Dr. Aidan A. Kelly.

харитами/грациями, они являются дочерьми Диониса и Афродиты, либо Зевса и Эвриномы (Гесиод), то есть являются последующим поколением Богов, а не верховными и изначальными Божествами, и, тем более, не ликами единой Богини. Фигуры традиционных Триединых Богинь, или близких к такому наименованию, можно найти в римской и скандинавских традициях. Это римская Богиня Юнона и скандинавская Фрейя, которые объединяют в себе не три фазы жизни и луны, а три функции индоевропейской структуры. Юнона – Богиня плодородия, её капитолийское имя – Регина, ассоциировало её со священной властью и военной силой. Фрейя – так же Богиня из рода ванов, сестра Бога плодородия Фрейра, а также верховная валькирия и мастерица сейда – воплощение магический жреческой, обучающей функции. Как мы вновь видим, эти традиционные «Триединые» Богини тоже не совпадают с версией Грейвса.

Другой источниковой базой для Гарднера и его последователей является пространство западного оккультизма, идеи и тексты которого были переработаны и включены в корпус викканской литературы. Так, Фрэнсис Кинг указывал на плагиат Гарднером его трудов и идей Алистера Кроули, в частности, исследователи нередко указывают сходство викки с кроулианской телемой[153]. А также известно влияние идей спиритизма, практиковавшегося Гарднером, и который однозначно нельзя отнести к традиционным практикам.

Появление и становление викки во второй половине XX века, и активное распространение в США после 60-х годов, совпадает со временем смены парадигмы Модерна на Постмодерн, императивами которого является отказ от патриархальных вертикальных структур, норм и стремление к синкретике, коллажу и калейдоскопу. На идейном уровне викка в своих императивах почитания Триединой Богини (матриархат), эклектики, как норматива практики, ризоматичности и либеральной демократичности викканских организаций и ковенов, полностью тождественна постмодернистской пострелигиозности.

На современном этапе викка является глобально распространенной неоязыческой религией, имеющей представительства в США, где она имеет официальное признание, в Европе и России. Везде она впитывает в себя этнический культурный фон, фольклор, но при этом сохраняя свои

[153] Пожалуй, одной из самых красноречивых характеристик качества викканской религии является анекдотическая версия о том, что она была придумана Алистером Кроули на спор, за бутылку виски.

установки. Круг викканских годичных праздников нередко подменяет собой аутентичные годичные круги в Одинизме и кельтском язычестве, а также выдается как универсальное колесо языческих священных дней, чему способствует включение в него кельтских, ирландских и германских праздников, охватывающих почти все солярные и годовые сельскохозяйственные даты. Это можно рассмотреть как пример синкретической универсализации представлений о магии и колдовстве как о самостоятельной, глобальной «традиции», имеющей место в любой культуре. Таким образом, происходит размытие целостного тела традиции, вымывание из него одной его части – магии, колдовства – как самостоятельного и самодостаточного начала, но встроенного в сеть викканских интерпретаций и ценностей, которые, в свою очередь, являются постмодернистским симулякром и химерой квазиязычества.

Примечательно, что в среде европейских язычников, преимущественно одинистов, а также среди русских родноверов, отношение к вике является негласным маркером адекватности той или иной организации. Положительная оценка викканства является дискредитирующим фактором. Примером такой дискредитации является Pagan Federation International – Международная Языческая Федерация, основанная в 1971 году, активно сотрудничающая и распространяющаяся через виккан, в том числе и в России. PFI представляет себя как либерально-правозащитное сообщество, стремящееся к установлению толерантного отношения к язычеству в обществе, и признающего над собой авторитет светского отношения к религии, закрепленного в 18-й статье Международной Декларации Прав Человека ООН. По факту PFI является виртуальной структурой с платным членством, принимающей в свои ряды «последователей всех языческих духовных традиций и течений без ограничений»[154]. В России представителями PFI является Круг Языческой Традиии (КЯТ). Также можно назвать испанскую Platforma Pagana – организацию, объединяющую самые разные языческие группы для лоббирования интересов язычников в правовом поле.

И в высшей мере сомнительным кажется нам инициатива возрождения кеметизма, предпринятая в США выходцами из виккан; большего, чем викка с египесткими декорациями, врятли стоит ожидать. Аналогичную ситуацию «декорирования» викки, только на этот раз скандинавской традицией, мы встречаем и в творчестве современной писательницы Фрейи Асвинн.

[154] См. официальный сайт PFI.

Все вместе – теософизм, арманизм/ариософия, ариохристианство, эзотерический гитлеризм М. Серрано и С. Дэви, а также викканство составляют набор магистральных линий псевдоязыческих заблуждений современного Запада, представленные и в других регионах мира. На их основе, многократно раздробленные и произвольно смешанные, возникают мелкие, и не представляющие интереса для рассмотрения, локальные секты и группы, квазиучения и «откровения». Ниже них располагаются уже откровенные симулякры Новой Эры, абсурдность и нелепость которых настолько очевидна любому язычнику, что не нуждается в подробном разъяснении.

Россия и постсоветское пространство

Далее мы рассмотрим языческие симулякры, распространившиеся преимущественно на пространстве современных государств Россия, Белоруссия и Украина, а также в соседних странах Балтики, где есть большие русскоязычные общины. И косвенно затрагивающие пространство Восточной Европы, где проживают славянские народы, которые в стремлении вернуться к древним славянским традициям, бытовавшим еще до разделения на современные государственные образования, обращают свой взор и интерес к русскоязычным источникам и современному языческому опыту.

Ситуация псевдоязычества на постсоветском пространстве может быть, по аналогии с викканством как нарицательным именем для целого сомна подобных New-Age религий, рассмотрена как целостное явление, внутри которого существуют различные направления *подражания* традиционным структурам и формам, свои центры притяжения, конфронтаций, направления смешения, и т.д. Все вместе образующие широкое явление русскоязычного псевдоязычества, с главным центром, из которого оно распространяется, в России. За границами России к языческим симулякрам добавляется специфика искусственного конструирования национальностей, таких как украинская и белорусская, ранее входивших в единый русский народ, и на протяжение более чем тысячелетия входивших в одно государство. Современное искусственное форсирование нациогенеза строится на противопоставлении собственной новообретенной идентичности против бытовавшей ранее, выраженной в русской Имперской и Советской государственности, что порождает возникновение альтернативных историалов украинской и белорусской национальностей,

которые ищут подтверждения своей исторической самобытности, что идет вразрез с исторической, лингвистической[155] и культурной достоверностью.

Таким образом, страдает аутентичная сторона возвращения к древнему обычаю, когда в угоду современным политическим интересам реальное общее наследие искажается каждым согласно своему видению и новым политическим целям. Так, на современном этапе можно выделить сильный крен ново-украинской идентичности в сторону польско-украинского синкретизма, и ново-белорусской идентичности в сторону литовско-польско-белорусского синкретизма.

Для псевдоязычества на пост-совестком пространстве это означает лингвистический синкретизм, новые произвольные историалы (постмодернисткие эоны) неоязыческих религий, повышенную политическую ангажированность в ущерб аутентичности и истинности. Именно эту специфику мы будем иметь ввиду, минимально затрагивая политические интересы современных профанных государственных образований. Ранее, указывая на потенциал России для язычества, мы уже отмечали, что он находится в самом народе, а не в государственных структурах. То же самое верно и для украинцев и белорусов, как для народов, являющихся русскими по своей истории и структуре, но и имеющих свои внешние культурные особенности. Политические перипетии могут нивелировать этот потенциал, пойдя путем ложного эонического историала, и культурного и языкового симулякра, а могут и сохранить его в ином случае. Но так как на момент написания этой книги данные процессы еще далеки от своего обозримого завершения и не поддаются устойчивому прогнозированию, можно только заключить, что происходит центробежное разрывание древней общности, из которой происходило произрастание русского народа, украинского и белорусского суб-этносов в его составе, и присущей им из самой древности традиции.

Эта же разница, вкупе с основным корпусом псевдоязыческих идей, дезинформирует и создает ложные картины и у представителей иных славянских народов Восточной Европы, проявляющих интерес к русскому Родноверию и возрождению славянской традиции в целом.

Спектр симулякров в русском псевдоязычестве охватывает практически все сферы традиции; на каждое явление, форму и утверждение находится

---

[155] Огромный толчок в развитии национальных языков Украины, Белоруссии, стран Прибалтики, Средней Азии и малых народов РСФСР дали советские НИИ, структурировавшие, реформировавшие и создававшие учебники и словари национальных языков республик, входящих в СССР.

синкретический, извращенный дубль. Несмотря на широкий набор учений, организаций и отдельных персоналий, русское псевдоязычество стремится к идейной целостности, т.е. многие её положения так или иначе разделяются, транслируются и продуцируются во всей среде адептов языческого симулякра, несмотря на личностные разногласия.

Становление русского псевдоязычества происходит позже, чем в Европе, что связано с уже указанной спецификой советского авторитаризма, и набирает силу с конца 1980-х годов. Идейными предтечами, и отчасти плодородной почвой для будущих псевдоязычников, в позднесоветское время были кружки последователей Рерихов и Блаватской, то есть вновь мы встречаем теософизм в разных его изданиях. А также хлынувшие в конце 1980-х годов в Россию потоки мессионеров мировых сект, всплеск интереса к экстрасенсорике, спиритизму, поиску хоть какой-либо духовности, после десятилетий запрета. В эти же годы многократно увеличивается количество и доступность эзотерической литературы, открывая как доступ к ранее запрещенным философским течениям и школам, включая и традиционализм, так и к самым разнообразным квазиэзотерическиим подделкам, которые уже сформировались за пределами СССР/России.

Таким образом, идейное содержание – ядро – русского псевдоязычества во многом идентично своим Западным аналогам – теософизму и его производным, синкретическому подходу викканства и арманизма, включая инфильтрации модернистских и постмодернистских концептов, и влияние неоиндуистских идей. Оригинальное новаторство начинается при применении этих методов и концепций к русской истории, культуре и традиции, порождая фантастмагорические нарративы, выдаваемые за истину. Как и положено, в случае симуляции «истинного знания», найти его подтверждения и корни в полной мере не представляется возможным. Симулякр замыкает дорогу к источнику на самое себя, тем самым с одной стороны делая его научно неверифицируемым, что сразу исключает все элементы из научной и технической парадигмы Модерна, смешанные с обрывками традиционных доктрин. С другой стороны, квази-традиционные утверждения не подтверждаются известным сохранившимся наследием, данными археологии, фольклора, истории, лингвистики и т.д.; либо на основе достоверных сведений выстраиваются произвольные надстройки-интерпретации, которые вновь не поддаются подтверждению или ферификации, если речь идет о смешении с научно-техническими идеями. При этом различные авторы и идеологи

псевдоязыческих учений нередко апеллируют к своим «тайным» источникам. Среди этих «сокрытых» источников встречаются как аналоги теософских махатм – некие высшие сущности, пришельцы, «родовая память», так и набор тайных писаний – золотые пластины с рунами, на которых, по утверждению адептов инглиизма, записаны основы славянского миропонимания; тайные «родовые» книги, полностью и некритично принятые на веру исторические фальсификации и подделки, такие как «Велесова книга» и др. Подтвердить реальное наличие сокрытых источников, «золотых пластинок», «родовых книг и памяти» и «посланий свыше», невозможно в силу их «сокрытости»». Симулякр вновь замыкается на самое себя. В таком случае единственным источником учения становится его автор, или группа авторов, которые являются основоположниками конкретной псевдоязыческой секты; в силу «сверхестественных причин», только им доступны сокрытые источники и голоса высших сущностей, а также право интерпретировать все остальные данные. Такая ситуация является классической, и рассматривается в сектоведении как один из признаков тоталитарной секты или деструктивного культа, в котором происходит узурпация знания, или доступа к знанию одним человеком или группой лиц, в противовес стремлению традиционных религий к гармоничному существованию и раскрытию Сакрального в человеке и мире. Такая узурпация указывает на стремление главного идеолога к удовлетворению собственных потребностей и реализации своих личных целей.

Как и в случае с современным адекватным язычеством, рассмотрение псевдоязыческого симулякра можно свести к рассмотрению ключевых персоналий, организаций и предлагаемых ими «истинных» учений.

Магистральным течением, претендующим на полноценную матрицу всего псевдоязыческого симулякра в России и на постсоветском пространстве, является учение Инглиизма, автором которого является Александр Хиневич (1961г.р.). В период эзотерического бума конца 80-х – 90х годов А. Хиневич, уроженец г. Омска, занимался сеансами целительства, экстрасенсорики, искал контакты с НЛО в известной среди New-Age эзотериков России «аномальной зоне» близ деревни Окунёво, Омской области. Учение инглиизма было создано и оформлено в организацию в период между 1992 и 1998 годами, с главным центром в г. Омске, называемым инглингами не иначе, как «Асгард», и обширной сетью сторонников по всей России и в соседних государствах.

Само учение инглиизма, полное название которого звучит как «Древнерусская инглиистическая церковь православных староверов-инглингов», получило свое название от династии скандинавских конунгов Инглингов, правивших в Швеции и Норвегии. Их полумифическая история изложена в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлуссона. Отчасти стремление Стурлуссона представить скандинавских Богов как людей, пришедших из Передней Азии (Троя, Кавказ в «Саге…») дало толчок к интепретации самой саги и рода Инглингов как славян, и пересмотра географии в сторону локализации упоминаемых мифических миров (Асгарда) на пространстве *современной* России. Инглиистическая версия гласит, что «Инглия» – это первозданный огонь мироздания.

Среди других названий религии упоминается «православие» и «староверы», что отсылает нас к лингвистическому заблуждению в трактовании термина «православие» как «славить Правь», т.е. славить высший мир. А «староверы» – это одно из названий старообрядческого движения, возникшего после раскола церкви, в результате реформ патриарха Никона. Здесь наблюдается игра слов и терминов, призванных подчеркнуть древнюю преемственность от знатного рода Инглингов, возводимого к самому Фрейру, а также принадлежность к русскому «правь-славию», но с подчеркнутой оппозицией к Русской Православной Церкви.

Само учение в своей сути является смешением обширного числа традиционных доктрин разных народов: славянской, германской, индусской, греческой, иудейской и др., легенд различных эпох, также с добавлением научной фантастики. Большую часть учения инглиизма составляют открытые заимствования, и плагиат других авторов и произведений, в числе которых известный русский германист А. Стеблин-Каменский, Велеслав Черкасов, «Легенды Тамплиеров», Книга Мормона. Предположим, что введение в учение элементов научной фантастики берет свои корни из трудов американского идеолога секты Сайентологии, писателя-фантаста Рона Хаббарда.

Учение выстраивается вокруг самобытного историала (эона), конфигурируя вокруг себя фантастические и реальные исторические события, персонажей и артефакты истории. Оно изложено в пяти книгах под общим названием «Славяно-Арийские Веды», что одновременно является подражанием Пятикнижию Моисея, составляющим иудейскую Тору, и четырем индийским Ведам.

На санскрите слово «веда» означает «знание», «учение», что почти тождественно русскому значению слов «ведать», «сведущий», «ведун/ведьма» и др., означающим «знать», «обладать знанием», «знающий». Это единственное, что объединяет весь набор псевдо-славянских «Вед» за авторством А. Хиневича, Александра Барашкова (Асова, автора «Русских Вед»), Игоря Гологанова (автора фальсификации «Веда Словена»), Олега Торсунова и др., с традиционным наследием Индии. Для русского псевдоязычества приставка и характеристика «ведический» имеет почти «сакральное» значение, одновременно отсылая к значению «ведать-знать» против «верить»; и к индийским Ведам, тем самым подкрепляя древность и глобальную распространенность своих писаний многие века назад. К неоязычникам, активно заимствующим индийские термины, слова, имена Богов и асуров («Асур» – один из фантастических славянских полководцев в «Ведах» Хиневича), подражая санскриту в алфавите, и мандалам и янтрам в иконографии, нередко применяется характеризующее их название «индославы», призванное подчеркнуть, что они в первую очередь славят чужую культуру, принижая свою родную, славянскую и русскую традицию.

Но внутри самого псевдоязычества такое лингвистическое родство между языками является основанием для отождествления древних индо-ариев со славянами, и смешения традиций, якобы являющихся одним целым, одним и тем же.

Представление о том, что совершая инициатическое восхождение к Центру, человек постигает Единое, которое воплощается в разных традициях-языках на периферии, о чем говорит традиционализм, подменяется представлением об одинаковом смысле всех различных форм на периферии, с исключением представлений о Центре. Не Единое, которое раскрывается с умалением внешних форм, вызывающих различие, но смешение внешних различающих форм в однообразное нагромождение, выдаваемое за «единство» всех традиций. Это одна из характерных черт псевдоязыческих симулякров, явственно воплощенная, в том числе и в инглиизме.

По утверждению А. Хиневича и его последователей, инглиизм является древнейшей и единственной верой славян, а все остальные мировые религии, священные книги, мифы и предания являются либо подтверждениями инглиизма, либо вторичными упрощенными производными от него. Инглинги уважительно относятся к фигурам Христа, Моххамеда, Будды и многим другим древним святым и

одновременно современным ученым и мыслителям, приписывая их мудрость проявлениям древнего «ведического» знания инглиизма. Возникающие противоречия, как между отдельными традициями, так и между парадигмальной разницей между Традицией и Модерном, не берутся в расчет ни коим образом. В этом многообразии святых и учителей человечества распознается New-Age подход, уходящий корнями в теософизм. А также претензия инглиизма на универсализм и узурпацию всей возможной мудрости (даже противоречащей друг другу) в свою пользу.

В описании творения мироздания Богом-Энергией Ра-М-Хат Хиневич излагает свое альтернативное видение происхождения звезд, галактик, планет и эволюции, то противопоставляя его версиям академической науки, то активно привлекая её данные, когда они выгодно подтверждают его теории. Смешение мифологических фрагментов с научными выливается в отождествление мира Прави с нашей галактикой, а планета Земля получает название Мидгард-Земли, на которой располагается город Омск – Асгард-Ирийский. Мы видим смешение названий скандинавских миров людей и Асов с современными названиями планеты и городов, а так же со славянской мифической землей Ирий, одним из потусторонних светлых миров. По версии инглингов Ирий – это река Иртыш, протекающая через Китай, Казахстан и Россию, в частности, через Омскую область.

Древние предки славян, а также Боги, были высоко технологически и духовно развитыми существами, путешествовавшими между мирами и галактиками на специальных колесницах «Вайтманах». Слово «вайтмана» заимствовано из мифов Индии, где оно означает колесницу, на которой путешестуют Боги. В интерпретации инглингов вайтманы – это космические корабли Богов. Здесь явно прослеживается New-Age религия НЛО, идеи о влиянии инопланетян на развитие человечества, и идеи Р. Хаббарда.

Обитавшие в созвездии Большой Медведицы предки людей с помощью вайтман переселились на Мидгард-Землю, на затонувший континент Даарию, прообразом которой является греческая Гиперборея – страна дальнего Севера. Из Гипербореи-Даарии древние славяне-арийцы, состоявшие из четырех рас-родов: х`Арийского, Да`Арийского, Рассенов и Святорусов, совершают путешествия-расселения по многим мифическим и культовым странам и местам, встречающимся в мифологиях мира. В русском контексте они переселяются в мифическую благодатную страну

русских старообрядцев – Беловодье, находящуюся опять же в Омской области[156].

В стремлении возвеличить славяно-ариев инглинги приписывают им победы в межгалактических войнах с другими расами («серыми» гермафродитами, предками иудеев), победу над Китайской Империей, изображающейся в виде всадника св. Георгия Победоносца, поражающего Китай-змея. Все события великой истории славяно-русов-ариев происходят в глубокой древности, что снимает вопросы о возможности их реального объективного подтверждения с научной стороны. Не приходится и говорить об упоминаниях этих фантастических событий в мифологических и исторических хрониках славян, китайцев и соседних государств.

Более подробный разбор космогонических и исторических фантазий инглиизма претендует на объем больший, чем наш труд. Но уже рассмотренные нами яркие примеры являются более, чем показательными для характеристики идей А.Хиневича и его секты как абсолютной фантастического, контриниициатического New-Age учения[157]. Далее мы кратко остановимся на некоторых характерных чертах и произведениях инглиизма, которые агрессивно проникают в языческую и родноверческую среду, выдавая себя за аутентичные элементы традиции.

Красноречивые сведения о качестве теологии инглиизма дает синкретический пантеон А. Хиневича. Среди множества Богов, включая и аутентичных славянских, можно встретить фигуры из иных традиций, и абсолютно выдуманные. К новоделам А. Хиневича можно отнести:

Ра-М-Ха (РАМХА) – Единый Вышний Бог.

Инглъ – Вечный Хранитель Огня Мироздания.

РАМХАТ (Брама, Рама) – Бог Суда, калька с Брахмы Индуизма и РАМХИ одновременно.

Числобог – Бог Времени и движения циклов и истории, Бог Календаря.

Баба Йога (Йогиня-Матушка) – вечнопрекрасная любящая покровительница детей-сирот.

---

[156] Также изложение учения инглиизма дается в книге А. Трехлебова «Кощуны Финиста Ясного Сокола Росси».

[157] Обширный список имен, учений, научных и мифологических примеров, привлекаемых А. Хиневичем для обоснования своих фантазий, см. в пятом томе «Славяно-Арийских Вед. Славянском миропонимании».

Вольная интерпретация славянского злого духа Бабы-яги, изображавшейся уродливой или увечной старухой, смешанная с термином «йога» – одного из направлений внутри Индуизма.

Бог Патер Дий (Дый) – Бог небесного пространства, неисчерпаемой силы Земли Деи. Бог хранитель Древней Истины.

Имя Патер Дий является прямой калькой с принятого в религиоведении термина Pater Deus – Бог-Отец, Верховный Бог, Бог-творитель Космоса. Pater Deus – один из эпитетов Бога Зевса, о чем говорит и его имя Zeus (Deus, Dei), а также других главенствующих Богов: Индры, Одина, и т.д.

Также в инглиизме Патер Дий – жреческий и руководящий иерархический сан, статус, принадлежащий самому А. Хиневичу. Примечательно, что приводимая в третьем томе «Славяно-Арийских Вед», где излагается символ веры инглиизма, иконография Патера Дия явно напоминает образ самого Хиневича.

Другие Боги заимствуются из скандинавской и индуистской традиций: Тор, Один/Вотан, Валькирии, Варуна, Индра.

Упоминаются Вышень и Крышень – мироюбовские кальки Вишны и Кришны, взятые из Велесовой Книги. Также встречается Бог Агни – заимствование из учения Рерихов. Образ Чернобога наделяется функциями Сатаны. Трехфункциональные триады (триглавы) Богов в системе инглиизма отсутствуют. А все приписываемые Богам и Богиням функции и интерпретации имеют лишь отдаленное сходство с их исконными ролями в родных традициях, либо полностью выдуманы.

Не меньший интерес вызывает версия языка и письменности, предлагаемая инглингами как древняя и исконно славянская. В этом проявляется тонкость и всесторонность псевдоязыческого симулякра, который стремится подменить собой все аспекты традиции.

Сами «…Веды» записаны на трех языках: русском до реформы 1918-х года, комментарии к текстам даны на современном русском языке, также в книгах приводится написание текстов с помощью особой «руницы». Руны инглиизма – х`Арийские руны – по утверждению его адептов, не являются ни рунами, ни иероглифами, а представляют собой тайные образы, мгновенно передающие древние знания в виде мысле-образов. Руны инглингов являются современной формой письменности, созданной специально для нужд учения Хиневича. Внешне они представляют смешение символов скандинавских рун, рун народа айнов с японских островов, старославянских букв, санскритских символов и произвольных фигур. Запись рунического текста производится под единой,

объединяющей под собой весь смысл, чертой, что является подражанием санскритскому написанию.

Актуальность проблемы славянского алфавита заключается в существующем споре о возникновении самой письменности у славян. Доминирующая версия гласит о создании старославянской грамоты (глаголицы) и языка проповедниками Кириллом и Мефодием, на основе которой позже была создана кириллица. Потребность в новой грамоте и языке происходила из необходимости перевода священных христианских текстов с греческого на славянский языки. Перевод совершался на основе греческого и болгарского языков, что породило новый славянский язык градуального строя, и соответствующие изменения в мышлении.

Особый интерес вызывают берестяные (Новгородские) грамоты XI-XV веков, использовавшиеся преимущественно для частной переписки, и сохранившие следы бытового алфавита ранней кириллицы и языковые артефакты, предшествующие реформе, а также несколько грамот содержащих скандинавскую рунику, что позволило выдвинуть гипотезу о рунической письменности дохристианской Руси.

Частично проливает свет на бытование рунического письма у западных славян средневековый трактат «О письменах», приписываемый черноризцу Храбру. В нем, в частности, содержатся следующие строки:

«Прѣжде оубо словѣне не имѣхѫ книгъ. нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще».

То есть, до крещения славяне-язычники («погани») практиковали гадание с помощью черт и резов, т.е. символьной системы подобной скандинавской (варяжской) рунике, позже применявшейся в письменности. Также культовое и магическое значение имели «робушы» – «зарубки», палочки с нанесенными прямыми и косыми резами, и точками, в совокупности давая множество комбинаций. Множество рунических и руноподобных артефактов сохранилось на территории Польши, Чехии, Словакии и Болгарии.

Наиболее распространенной версией славянской руники стали вендские руны. Венды или венеды – собирательное название немцами славян, позже закрепившееся за полабами. Запись рунического строя вендов восходит к трудам Арнкиля и Клювера, предположительно модифицировавших датское руническое письмо под нужды славянского языка[158]. На основе вендских рун А. Платовым был предложен более современный и близкий к

[158] Подробнее см. Громов Д.В., Бычков А.А. «Славянская руническая письменность: факты и домыслы».

русскоу языку, но и со значительным влиянием скандинавского футарка, вариант. Вендские руны в версиях Арнкиля-Клювера и Платова на сегодняшний день, пожалуй, являются наиболее достоверными (но не бесспорными) варинтами рунического письма, принятого в родноверческой среде.

Таким образом, как мы видим, разные авторы пытаются восполнить пробел в языческом наследии. В их числе различные вариации псевдоязыческих симулякров: х`Арийская руника инглиизма; велесица, созданная под современный русский алфавит; ВсеЯСветная грамота А. Шубина; различные «глифы» В. Чудинова, ему же принадлежит выдуманное славянское Божество Яр.

Для полноценного понимая проблемы языка и письменности в русском псевдоязычестве, следует выйти за рамки рассмотрения только инглиизма, и освятить проблему шире. Тем более, что многие авторы, так или иначе, но воспроизводят историал и матрицу инглиизма, даже отрицая его как таковой.

Мы уже рассматривали важную, фундаментальную роль языка для мышления, понимания, сохранения и передачи языческого мировоззрения. В псевдоязыческой среде языку также уделяется большое внимание, в своем специфическом, пострелигиозном синкретическом ключе. Подходы к русскому и другим языкам разнятся от автора к автору, но можно выделить несколько принципиальных положений, образующих узлы между которыми формируется ризоматическая сеть самых разнообразных теорий и интерпретаций, включающих в себя вариации алфавита/руницы в том числе. Это псевдоэтимология и интерпитация слов, расшифровка алфавита, расшифровка и трактовка древних надписей и письменных памятников.

Традиционное холистское восприятие мира представляет язык не только как звук, речь и письменность, функциями которых является обмен информацией. В Традиции язык Сакрален и его функция передачи информации в нем занимает делеко не первое место. В Традиции язык творит, разрушает, околдовывает, освобождает, указывает на фундаментальные законы Божественного мироздания, и во многом знание языка, знание имен Богов, заклинаний и формул – это знание инициатическое и знание самого Божественного. Такими звуками являются индуистские мантры, среди которых особо выделяется изначальная мантра Ом или Аум, заключающая в себе буквально *всё*. По не бесспорной версии Г. Вирта, все мироздание, от проявления до

разрушения, заключенное в символ Колеса Года, выражается гласными A-I-U, что созвучно AUM.

Постижение рун связано с мистерией самопожертвования Одина на Иггдрасиле, в результате которой они открылись ему как тайные магические символы. Использование рун как алфавита для письма явление более позднее, и существует несколько рунических наборов – футарков, предназначенных для этого. Таким образом, изначально магические символы сливаются с языком и письменностью, образуя широкое пространство священного языка.

Сам язык, слово, как звук, являются мощным инструментом творения или разрушения, а также познания и раскрытия Божественности. Пифагорейцы практиковали обет длительного молчания, налагаемый на неофита, претендующего на вступление в союз. Другим инициатическим элементом было сообщение посвящаемому имени Бога, или тайного Слова, с описанием его функций и жертвоприношений.

Псевдоязыческая симуляция подражает холистскому принципу рассмотрения языка и письменности не только как самотождественной, привативной данности, и стремится наделить его дополнительными, «высшими» смыслами и толкованием «скрытых смыслов». Как и в других случаях, версии инглингов и им подобных авторов одновременно противоречат как данным и методам академических наук лингвистики и этимологии, так и представлениям разных традиций о Сакральном содержании собственных языков. Иначе говоря, их трактовки вновь являются смешением современных и традиционных форм, с добавлением собственных произвольных измышлений.

Симулякр священного языка в псевдоязычестве полностью игнорирует историю развития языков, принятую классификацию в виде древа и историко-сравнительный метод выявления степени родства, изредка привлекая разрозненные данные и факты для подкрепления правоты и выгоды. Общим положением является утверждение о том, что *современный* русский язык является самым древним языком на планете, от которого еще в древности произошли, зачастую путем деградации, все остальные языки и письменность.

Современные русские слова берутся как основа для сравнения с древними словами из языков других народов, для расшифровки *созвучных* слов и объяснения их смысла путем присваивания вольной интерпретации на основе все того же созвучия. То есть, родство слов и языков устанавливается путем внешнего, поверхностного (плоского) сходства

звучания различных слов, которые де-факто могут вообще не иметь родства, и обладать разной этимологией и значением в своих языках. Например, псевдолингвистика трактует жреца-брахмана как «того, кто бормочет», из-за сходства в звучании пары бр- и бор-/бр- в словах «бормотать» и «брешить», т.е. «говорить, заговаривать». Брахман – «тот, кто бормочет заклинания», «брехун», по версии псевдоязычников. Или трактовка английского слова nation («нация») как искаженного русского «наш», «сородич», из-за звучания -ti- в слове nation как «SH» («ш»), и близости по смыслу.

В процессе такой интерпретации почти полностью игнорируется структура языка, его морфология. Особого внимания удостаиваются корни слов, как наиболее устойчивая при изменениях часть слова, но в остальном за отправную точку трактовки может быть взята любая часть слова, даже в нарушение правил языка. Исчерпывающим примером трактования родства слов и их смыслов, через обращение к корню, является слово-корень «род», возводимое к славянскому Богу Роду. От имени Рода ему приписываются все однокоренные слова: приРОДа («стоящее при Роде»), РОДина, РОДник («РОДа НИКакого», безродный), РОЖеница, водоРОД, углеРОД и т.д., при этом смешиваются как научные термины, так и фольклорные и мифологические. Все они объясняются как проявления творящей – рождающей – силы Рода. Разумеется, что Божество Род никакого отношения к элементам периодической таблицы и к произвольным трактовкам понятий «природа» и «родник», не имеет.

В процессе разбивки слова на составляющие, подлежащие дешифровке в поисках тайного смысла, нарушается целостность корней, суффиксов, приставок и окончаний. Фактически, слово вместо своей холистской целостности становится мозаикой, ребусом из разных частей и букв, каждая их которых несет свою «тайну». Отсюда повышенный интерес псевдоязыческой псевдолингвистики к разбивке слов на слоги, и выделению особых «священных» слогов на письме. Примером может служить имя ингиисткого РА-М-ХИ, где РА трактуется как священный слог, означающий свет и солнце, М – отсылка к Ом. Слово «радость» записывается как «РА-дость», то есть «достижение РА – приобщение к священному свету Бога Солнца Ра». Здесь мы встречаем и распространенный пример прочтения слова задом наперед, что якобы раскрывает его дополнительный смысл. По версии А. Трехлебова, одного из известнейших последователей и продолжателей дела А. Хиневича,

русское написание японского слова «haberu» («служить») – «самурай», трактуется следующим образом:

«Самурай — витязь, направляющий своё «Я» в Рай («сам» — сам, «ур» — свет живатмы, «рай» — Царство Небесное). Для сохранения своей чести он может это сделать посредством харакири («хара» — пупочный энергетический центр, «к» — к чему-либо, «ири» — Ирий, Царство Небесное)».

Как видно, письменно написание слова обладает приоритетом перед устной речью и звучанием, так как оно якобы искажает слово и значение, вследствие чего появляются иные наречия. Абсурдность и произвольность толкований является очевидной, и подобных примеров в литературе инглиизма и подобного псевдоязычества более чем достаточно.

На основе сокрытого в словах и слогах смысла строится и расшифровка тайных знаний в алфавитах, что частично подобно синтезу магической и письменной функций в скандинавской рунике, но и в этой области преобладают описанные выше принципы вольных и фантазийных построений. Близко к этому примыкают «глубинные прочтения тайных смыслов» древних надписей на различных языках. Так, артефакты, которые представляют для ученых археологов и лингвистов большую сложность, например, дощечки ронго-ронго с о. Пасхи и Фестский диск с о. Крит, в псевдоязыческой среде *имеют более, чем один* вариант достоверной расшифровки и прочтения. При этом принадлежность артефактов к их родным культурам и традициям игнорируется, и они причисляются к древнему славянскому наследию. Иллюстраций других таких расшифровок так же не мало.

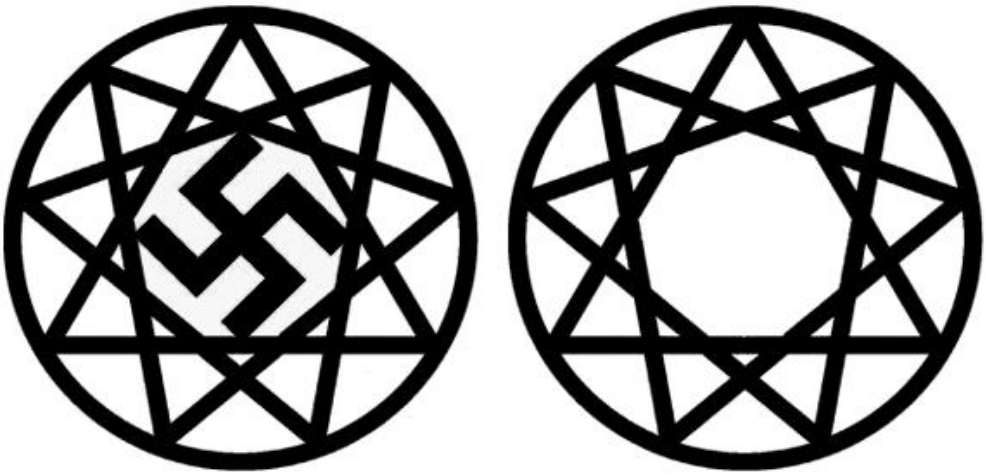
Известными популяризаторами псевдославянской псевдолингвистики являются: А. Хиневич, А. Трехлебов, В. Чудинов, А. Фоменко, А. Драгункин, К. Липских, Н. Вашкевич, М. Задорнов, Г. Гриневич, Сергей Алексеев[159], Г. Сидоров и др.

В тесной связи с трактовкой символов алфавита и псевдорун находится проблема псевдославянской символики, популяризируемой адептами инглиизма. Полный список свастичных символов, с цветовой семантикой и смысловыми трактовками, приводится в третьем томе «Славяно-Арийских Вед», и состоит из смешения, переработки и новоделов на основе исторически известных свастичных символов разных культур Индоевропы. Преимущественно свастичных узоров Индостана, Китая, русской традиции узорной вышивки, керамики и зодчества, и наследия

[159] См. С. Алексеев «Сорок уроков русского».

германцев. Каждому символу присвоено собственное имя, также состоящее из заимствований разных слов, зачастую не связанных с символикой вообще, из индуистской, славянской и германской традиций. Почти все расшифровки значений символов, так или иначе, дублируют друг друга, повторяя в разных вариациях один паттерн. Одним из принципиальных нововведений инглиизма можно отметить привнесение из символогии западного оккультизма девятилучевой звезды, названной «Звездой Инглии» [160].

Создание широкого набора псевдославянской символики приписывается совместному творчеству А. Хиневича и Владимира Январского, его бывшего соратника. Основываясь на подлинных символах, встречающихся в русской вышивке, на кушаках, рушниках, покрывалах и т.д., они создали иной свод названий и толкований, который легко сводит с толку неподготовленного и неопытного человека. Таким образом, аутентичное наследие вновь подменяется подстраивающимся под него симулякром.

Звезда Инглии с так называемым «Коловратом» в центре и без.

Такая подмена понятий близка с субкультурной коммерцией, о чем мы уже писли выше. Диковинные описания, обещания достижения успеха и благ с помощью «исконных» символов становятся хорошо продаваемыми знаками принадлежности к субкультуре; псевдославянская символика не конфликтует с обществом потребления и субкультур.

Завершая краткий обзор лингвиситического и семиотического симулякра в русском псевдоязычестве, отметим его подражание

[160] Подобная символика переплетенных звезд встречается в герметизме, Телеме А. Кроули, подобна энеаграмме Гурджиева. В славянской традиции изображение звезд таким образом является редкостью.

архаичным формам, квазисакральным трактовкам слов, слогов и букв алфавита. Но структурно он абсолютно современен, приативен. Подражание древней языческой эквиполентности – поставим под сомнение знакомство и понимание псевдолингвистов концепции В. Колесова – остается на уровне поверхностного, плоского симулирования и фантастмагории. Фактически, псевдоязыческий подход к языку полностью укладывается в постмодернистский посыл отказа от нормы и любых правил, структур и порядка; псевдолингвисты от неоязычества совершают с языком, в том числе и с языком символов, те операции, которые взбредут им в голову, не проверяя их на аутентичность и адекватность.

Календарь инглингов называется Круголет («Круг Лет») или «Календарь – Коляды Дар», продолжая практику альтернативной лингвистики. Круголету покровительствует Числобог, выдуманное Божество инглиизма, который в правой руке держит щит, на котором изображен Даарийский календарь-круголет[161]. Круг календаря состоит из Звезды Инглии, помещенной в центр, вокруг которой располагаются первые девять «домов» с х`Арийскими рунами и названиями, внешнее кольцо смещено на несколько градусов, относительно внутреннего, и состоит из шестнадцати «домов» с их названиями. Все вместе это является аналогом китайского календаря системы гань-чжи – комбинации десятеричного и двенадцатиричного исчисления. Но в инглиизме система строится на 16 как сумме 9 – количество углов Звезды Инглии и «малых домов»-месяцев; плюс 7 – одно из Сакральных чисел иудаизма, означающее семь дней творения, что в сумме дает 16 «больших домов»-лет для календаря. Также в символику Круголета добавлены триграммы Яо (в «четырехстрочном» виде), заимствованные из китайской философии.

Сам календарь представляет собой измененный под шестнадцатиричную систему исчисления григорианский календарь. Вместо високосного года из 366 дней, инглинги вводят Священное Лето из 369 дней, раз в шестнадцать лет; то есть накапливаемая разница в плюс один день за каждые четыре года суммируется и сбрасывается раз в шестнадцать лет, в количестве дополнительныз четырех дней к году. Также под эту систему увеличено количество дней в месяце.

Несмотря на антииудаизм, заложенный в самой теории просхождения народов по версии А. Хиневича, инглиизм многое заимствует из традиции иудеев и каббалы. Так, название некоторых «славяно-арийских» месяцев напрямую взято с букв еврейского алфавита, используемого в иврите и

[161] Основы календаря инглингов изложены во втором томе «Славяно-Арийских Вед».

идиш. Отдавая название явнаря верховному Ра-М-Хату, как минимум ещё пять названы в честь букв иврита, со слегка измененным окончанием, для нужд словообразования: Айлетъ – Алеф (א); Бейлетъ – Бет (ב); Дайлетъ – Далет (ד); Хейлетъ – Хет (ח); Тайлет – Тав (ת).

Девятый день недели в инглиизме носит название «неделя» – «ничего не делать», что является калькой с иудейского шаббата, в который запрещается заниматься многими делами.

В ритуальной практике отдается приоритет датам праздников, возникшим в эпоху двоеверия. Так, праздник Летнего Солнцестояния (Купалы) отмечается не 21-22 июня, в астрономическое Солнцестояние, а 7го июля, в день Ивана Купалы (Иоана Крестителя). Также в календаре инглингов присутствуют и иные двоеверческие даты почитания православных святых, частично перенявших функции языческих Богов славян. Также инглинги соблюдают ряд подобных православным постов.

В отличие от виккан, календарные представления инглингов находятся ещё дальше от парадигмы Кельтского Креста. Мы видим смешение еще большего количества традиций, с доминирующим уклоном в календарные обычаи Китая, под которые подгоняется григорианский календарь и датировки праздников эпохи двоеверия, а также влияние иудейской каббалы.

Подводя итог краткому обзору псевдославянского симулякра – инглиизма, можно заключить, что он является довольно разработанной и убедительной системой, что обеспечивает ей продолжительность существования и наличие большого числа сторонников. Инглиизм является своеобразной матрицей и каноном заблуждений в русском язычестве. На него, или на предложенные в нем идеи, ориентируется широкий круг псевдоязыческих авторов и самостоятельных общин, не признающих иерархической власти самого А. Хиневича. В этом наглядно проявлется ризоматический принцип, уже встречавшийся нам в сети викканских ковенов и виккан-одиночек (solitary). В случае инглиизма в роли таких «солитари» выступают как отдельные люди, так и локальные общины.

Всесторонний охват тем и игра словами, а также агрессивная пиар-кампания в виртуальном пространстве, привлекает к ним внимание ищущих Духовного Пути в рамках славянской традиции, а также русскоязычных адептов индуистских традиций (вайшнавов, шиваитов, ведантистов), что создает иллюзию единообразия, одинаковости между индуистской традицией и псевдославянством. Играя словами «веды»,

«ведический», «русская ведическая культура» и заимствованными из Индуизма терминами, псевдоязычники создают доверительный образ, за счет которого подкрепляют аутентичность своего симулякра; за счет признания адептами других традиций верности их собственных эфемерных построений и заимствованных фраз. Наиболее активно слияние русских псевдоязычников происходит с русскоязычными неоиндуистами, что обусловлено либеральным и синкретическим подходом к их пострелигиям и ритуальной практике. В этом свете термин «индославие», применяемый к русским псевдоязычникам, раскрывается в новом свете.

Важно отметить присущую инглиизму, и иным симулякрам, черту рассматривать все иные традиции как дегенеративные производные от древней веры инглии, а любой переход из инглиизма в любую иную традицию – как предательство против славяно-арийской расы и веры. В этом заключается сущность сектантсткого измерения учения А. Хиневича и его соавторов. Люди, стремящиеся возродить древние традиции в их инициатическом ключе, не требуют тоталитарного подчинения своей персоне и не устанавливают догматизма. Одна из жреческих функций – это сообщение человека и общества (общины) с Сакральным, если надо – помощь в этом ученикам и страждущим. В секте на место Сакрального и Богов встает личность гуру-основателя, которым в инглиизме является А. Хиневич в образе Патер Дия. Требование преданности не своей Божественной Природе, Должному (Ладу, Вирду), а лидеру секты – это проявление современного привативного мышления.

На современном этапе в России церковь и учение инглингов признаны экстремистскими. А. Хиневич, А. Трехлебов и ряд их последователей подвергаются судебному преследованию. Специфика уголовного преследования по политическим статьям указывает на ярко выраженную политическую составляющую учения, его функциональное измерение наподобие восприятия традиции политическим типом язычника. Такой же вектор мы обнаружим в ряде других псевдоязыческих учений и организаций, приведенных ниже.

Со стороны родноверческого сообщества ведется активная работа по развеиванию псевдоязыческого мифа. В 2009 году было опубликовано официальное заявление КЯТ и ССО СРВ «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве», в котором осуждалась провокационная и подрывная деятельность инглингов. В 2010 году заявление было поддержано украинским движением «Великий Огонь», а

также участниками Велесова Круга и многими независимыми общинами России. Критиковал псевдоязычество и Доброслав.

Но, к сожалению, в мягкой форме их идеи продолжают проникновение в народ. Также и академические религиоведы и социологи не проводят разделения между восстановленной древней традицией и псевдоязыческими симулякрами, несмотря на многочисленные заявления первых против такого подхода, что только лишний раз подчеркивает как профанность самой науки в вопросах традиции, так и некомпетентность и несоответствие ученых собственным критериям объективности.

Так как всестороннее рассмотрение всех аспектов и проявлений псевдоязычества претендует на самостоятельный и объемный труд, в завершие добавим лишь краткий список ярких персоналий, дополнительно иллюстрирующих неоязыческий симулякр:

Сергей Стрижак – автор цикла фильмов «Игры Богов», посвященных учению инглингов.

Николай Левашов (1961-2012гг.) – экстрасенс, целитель и писатель, поверхностно спекулирующий на русской традиции и истории, и на мифологии Р. Хаббарда и А. Хиневича.

Владимир Голяков ака Богомил II Голяк – лидер псевдоязыческой секты «Схорон Еж Славен», г. Санкт-Петербурга. По собственным, не подтверждаемым никоим образом, утверждениям – потомственный (второй) верховный жрец всех славян. Творит в русле инглиизма.

Константин Петров (1945-2009гг.) – идеолог и глава политической партии «Курсом Правды и Единения» (КПЕ). Идеология учения партии – конспирология на основе учения о новой эпохе (New-Age), с добавлением популярного эзотеризма. Незадолго до смерти К. Петров начал проповедовать свою версию неоязычества, структурно похожую на инглиизм.

Лев Силенко и созданная им в США (1966г.) Родная Украинская Национальная Вера (РУН-Вера). Идеи Силенко во многом схожи с инглиизмом, в частности, в удревнении истории украинства, представлении об украинцах как арийцах, являющихся отцами мировой духовности и т.д. В русле искусственного конструирования религии, как основы новой национальной идентичности, РУН-Вера носит подчеркнуто русофобский характер, а расположение штаб-квартиры в США позволяет предположить политическую природу этого симулякра. Сам Л. Силенко имеет статус «пророка» в РУН-Вере.

Владимир Мегре – ранее бизнесмен, ныне автор серии книг «Звенящие Кедры России» и идеолог одноименного движения, в которых излагает альтернативную историю славян «ведруссов», предков азиатов, европейцев, русских и американцев. Предки русских обладали сверхъестественными способностями и были высокоразвиты еще в глубокой древности. В целом, структура учения повторяет общий паттерн New-Age. Источником своих идей называет женщину Анастасию – духа природы, встреченной им в сибирской тайге. Исторических аутентичных упоминаний о таком духе или Божестве у славян и автохтонных народов нет, как и иных подтверждений о её существовании.

Принципиальная новизна учения заключается в акценте на общую духовность, миролюбивость, достигаемые через создание высокоразвитого (но не высокотехнологичного) общества, проживающего в экологических *родовых поместьях*. Родовое поместье – надел земли, не менее одного гектара, на которой предполагается устроить жизнь согласно морально-нравственным заповедям Анастасии, и представлениям Мегре о правильной форме ведения хозяйства, а также передавать её по наследству в дальнейшем. Идея родовых поместий во многом созвучно распространенным в псевдоязыческой среде идеям о построении «священных» городов Солнца или общинных экопоселений или деревень.

Об идее родовых поместий и экопоселений негативно высказывался Доброслав, указывая на возможность легкого манипулирования и подчинения таких поселений властью, с целью огородить и нивелировать протестный потенциал язычества. По его мнению, такие поселения могут стать резервациями, сродни тем, в которых живут потомки американских индейцев[162].

Структура движения сторонников Мегре – анастасиевцев – носит преимущественно сетевой характер, в ней отсутствует иерархическая система (учение В. Мегре принципиально занимает антижреческую позицию). По всей России имеется несколько самостоятельных объединений и поселений. Самому В. Мегре принадлежат некоммерческие фонды «Анастасия» и «Владимир», а также коммерческая организация «Мегре», производящая продукцию с символикой движения анастасиевцев. Здесь мы вновь сталкиваемся с потребительской и коммерческой составляющими, которые повзволяют характеризовать

[162] См. Шиженский Роман «Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского)».

учение Мегре как маркетинговую стратегию для продвижения товаров и формирования круга потребителей знаков.

В классификации сектоведения на сегодняшний день выделяется тип сект, совмещающих принципы сетевого маркетинга, прямой коммерции и создания квазидуховной идеологии-миссии компании, для создания ситуации устойчивого потребления. Такой подход также является выраженеим пострелигиозности Постмодерна.

Восток и Азия

Пространство Востока и Азии представляет сложность для вычленения и классификации псевдотрадиционных учений, сект и организаций, в силу ряда причин: отсутствие негативного понимания феномена сект – каждая отдельная группа людей, возглавляемых гуру, представляет свою ветвь философии (даршану) внутри традиции, имеет право на свой взгляд и практику. Индусов отличает гибкость в отношении других традиций, неконфликтность и односторонняя интеграция (включение в себя) элементов других религий. Для индусов вполне нормально рассматривать Иисуса как одну из аватар Кришны, совершать пуджу в храме Шивы и намаз в мечети – это укладывается в инклюзивный логос Индуизма; для индуса другие Боги – это *просто другие Боги, к которым можно так же обращаться, как и ко всем остальным*. В этом реализуется манифестационистский взгляд на традиции. Обратного, со стороны креационизма, закономерно не наблюдается; авраамические религии подчеркнуто эксклюзивны, настаивают на своей исключительности и нетерпимости к иным культам.

Поэтому выделение псевдоязыческих течений в Индуизме, и на пространстве Азии, отчасти является внешним анализом, взглядом со стороны. Взгляд изнутри самого Индуизма будет отличаться. Но мы можем зафиксировать совпадения в отношении уже упомянутого нами неоиндуизма и его проявлений на Западе и в самой Индии, и прилегающих странах. Крайне редуцированные, выхолощеныне от метафизики и Сакрального, практики йоги-гимнастики, экзотической для Запада медицины-Аюрведы, сведение мудрости тантр до «оригинального» подхода к сексуальности и т.д. – все это профанирует разнообразное и глубокое учение Индии. Таким образом, выходя за пределы своих исторических границ, *фрагменты* традиции становятся объектами потребления, знаками успешного, «здорового» образа жизни, так важные для современного западного общества. Фрагментация и конвертация

традиционного в симуляционные знаки – это общая черта, проходящая красной линией через все негативные инфильтрации и пострелигиозные конструкции.

Мы уже упоминали тоталитарную неоиндуисткую секту Свами Прабхупады – «Общество Сознания Кришны», активно распространяющуюся на Западе. Популисткую секту неоиндуиста Сатья Саи Бабы (1926-2011гг.), чье учение было максимально упрощено для усваивания на Западе, а также синкретически смешано с авраамическими традициями – Саи Баба утверждал единство всех религий, и себя как святого «для всех народов». Также либеральную и упрощенную версию Индуизма пропагандировал Бхагван Шри Ражнич (ака Ошо, 1931-1990гг.), достигший серьезного коммерческого и поп-успеха во всем мире, несмотря на запреты его организации во многих странах и сопротивление его учению в родной Индии.

Вышеназванные фигуры уже стали элементами западной поп-культуры, товарами сферы духовного потребления.

Отдельный интерес представляет новая синкретическая религия, претендующая на статус мировой монотеистической религии, воникшая в Иране, с современным центром в израильской Хайфе, – бахаи.

Становление бахаи (от араб. «Баха» – свет) происходит в XIX веке, как внутриисламской секты на основе шиизма. И обязано фигурам Сейида Али Мухаммада Ширази (ака Баб, 1820-1850гг.) – основателю секты бабизма, отрицавшей законы Корана и шариата в пользу равенства и демократичности; и Хусейну-Али-и-Нури (ака Бахаулла, 1817-1892гг.) – основателю бахаизма, где считается последним явлением Бога, после Авраама, Моисея, Иисуса Христа, Мохаммеда, Бабы и Кришны, Заратустры и Будды. Бахаизм говорит о единстве всех религий, об отказе от фундаментальных идентичностей (этнос, нация, класс, религия) в пользу пафицизма и индивидуального духовного поиска, в рамках практики бахаи. Новая религия подчеркивает свое признание нучного знания и необходимость его культивации через общее образование.

Бахаизм на протяжение всей своей истории подвергается гонениям со стороны традиционного для Ирана ислама, но при этом активно распространяется в мире. Насчитывается более 5 миллионов его последователей; община бахаи признана ООН и сотрудничает с ней.

На примере бахаизма мы можем видеть становление симулякра, имеющего все признаки пострелигиозности, но основанного не на языческом наследии, а на креационистской религии (ислам). Но в

результате, также апеллирующей к концепции поступательного духовного *развития* человечества через цепь святых и пророков, принадлежащих разным народам, эпохам и метафизикам. Можно увидеть, что неорелигия бахаи, как и иные пострелигиозные учения и псевдоязыческие симулякры, воспроизводит общие черты парадигмы Постмодерна. В том числе, и *игру* на языческом наследии, с языческими формами.

Пострелигии глобальны. Фрагменты разных учений, ячейки и общины можно обнаружить даже в самых удаленных уголках мира. В сердце современного мегаполиса можно найти центр популярной йоги, занятия по тантрическому сексу, а в Индии поломников-сторонников «славяно-арийских вед». Сторонников арийского наследия Севера, по версии Серрано, в Индонезии или Бразилии. Либо бесчисленное множество «бродячих» европейцев – проповедников-бхактиведантов вайшнавизма-кришнаизма и неоиндуизма.

И каждые из них лишь блуждают в потемках своих и чужих иллюзий.

IV.IV Компромиссы

Мы определили polemos как нерв бытия, как то, что создает и упорядочивает мир, о чем говорят мифы и предания традиций. Война была началом мира (kosmos), война есть его история, война есть его разрешение. Сегодня для языческого традиционализма война является не просто противостоянием войска против войска, за славу и власть, но она является войной за самое себя. Речь идет о войне как об исполнении должного, ради утверждения своей собственной Божественной Природы, Богов, традиции и инициации.

Титаническое материальное начало сегодня доминирует, атакует и растворяет в ризоме Божественное измерение в человеке и мире. Прямая конфронтация с Модерном сменяется ползучей стратегией отравляющего Постмодерна. Краткому обзору концептов и стратегий двух парадигм мы посвятили предыдущие главы.

Войну нельзя закончить, просто отказавшись считать её отцом всех вещей и нервом истории. В войне можно победить, в ней можно пасть сраженным, стать героем, святым или предателем, отступником, беглецом.

Война закончится только вместе с самим Миром. Концом войны будет Махапралайя – великое растворение, сожжение мира Суртом в Рагнарёк.

Отношение к современному миру является маркером традиционалиста и язычника, доктрины учений и общин. В свою очередь, каждая традиция по-своему конфигурирует границы и формы войны.

В иранском зороастризме два начала, выраженные в фигурах светлого Бога Ахура Мазды (Ормузда) и персонификации зла Ахримана (Ангро Манью), являются эквиполентными, и из борьба является основой экзистенции для зороастрийца, воплощающего её в своей правденой жизни. Из пары Ормузд/Ахриман нельзя, невозможно удалить кого-либо, ибо это разрушит всю структуру зороастризма и его космос. Порядок Ормузда определяется через противостояние Ахриману, Ахриман всегда атакует Ахура Мазду. Это вечная борьба двух *равных* начал, определяемых друг через друга. Творящий зло и бесчинства воплощает начало Ангро Манью, очищающий себя и соблюдающий установленный порядок – приближается к Ахура Мазде.

В индийской веданте мы видим отличную от зороастризма конфигурацию. Здесь на вершине многочисленные Дэвы, управляющие миром и его аспектами. Против Дэвов выступают Асуры, с армиями из ракшасов и демонов. Но и люди, и Асуры, и Дэвы подчиняются одним законам мироздания, используют одни духовные и ритуальные практики. Так, нередко Асуры с помощью долговременной (по меркам людей – вечной) аскезы, садханы и йоги, стяжают блага и сиддхи от Брахмы. Но они направляют полученные способности, силу и власть, на насилие и порабощение людей и даже Богов. В результате чего Боги нередко оказываются в патовой ситуации, выход из которой находится в помощи героев гневных ипостасей Богини Кали-Дурги, Шивы и Кришны.

Такова природа асуров и ракшасов – они не следуют завету веданты, пути освобождения от сансары, прекрасно сформулированному в беседе Кришны и принца Арджуны[163] – отрешающийся (обращающий все действия в жертву) плодов своих стараний (садханы), обретает высший плод – освобождение. Асуры получают плоды своей аскезы, и их сознание увлекается ими – новыми способностями, властью, силой, неуязвимостью. То, что для аскета и йогина представляет лишь инструмент и одновременно соблазн Богов сойти с Пути, для асура становится желанной целью, захватывающей его и уводящей с Пути Освобождения. Эту историю мы встречаем в Чхадонгье-упанишаде, в заблуждении Вирочаны

[163] См. «Бхагавад-гита».

относительно природы Атмана. И в широком цикле мифов о Богинях Кали и Дурги[164].

Так мы видим непростой узор битв асуров и Дэвов в Индуизме. Демонам доступно учение об Освобождении, но они неспособны его пройти, не обманувшись сиддхами и материальными благами, что оборачивается бедствиями для людей и Богов.

Непростые конфликтные отношения между титанами и Богами мы встречаем в Одинизме, где Асы и Ваны выступают против турсов, армии аптангов и чудищ-порождений Локи. Асы обязаны турсам стенами Асгарда и конем Слейпниром (при участии Локи), в поисках мудрости Один навещает йотуна Вафтруднира. Но конфликт между Асами и йотунами, между Асами и Локи, фигура которого так же непроста и противоречива, как и Прометей, приводит к эсхатологической битве на Идавелль-поле.

Также мы уже говорили о Титаномахии эллинов, являвшейся центральнйо темой для многих античных поэтов. В XX веке на титанизм обратили внимание Эрнст и Фридрих Юнгеры. Последний заметил, что там, где нет Богов, там правят титаны. Что шум машин и молотков приятен титаническому, и что начало техники также стоит искать в их природе[165].

Как в древности, так и сейчас есть метафизические могущества и люди, выбирающие свою сторону в конфликте, совершающие Дхарму либо адхарму.

Выбирающие сторону Божественного, Сакрального являются традиционалистами, язычниками, пред которыми открывается весь экзистенциальный ужас того поля боя, в сердце которого они находятся. Ужас, открывающий ценность и суть Сакрального. Сакральный Ужас первого пробуждения.

В такой ситуации противопоставление себя окружающей деградации, стремление к очищению, и верности древним и Вечным Богам, является самым верным и неизбежным выводом. Адекватные языческие общины, так или иначе, недовольны миром, глобализацией, и ведут свою борьбу в разных формах. В большинстве своем мы можем их уподобить мягкому традиционализму, мягкой силе, изменяющей людей и окружающее их близкое окружение. Такое язычество пребывает в ситуации окружения врагом, в вынужденном частичном компромиссе с окружающей реальностью и её законами, формами и порядком. Здесь же происходит и

[164] См. «Деви-Махатмья из Девибхагавата-пураны», часть вторая.

[165] См. Ф.Г. Юнгер «Греческие мифы».

частичное перекодирование, перетолковывание и расколдовывание мира Модерна в пользу Традиции. Как мы уже говорили выше, Традиция – это передача Огня, а не сохранение пепла. И сам Модерн не возникает из ниоткуда, на пустом месте. Поэтому очищаясь от интеллектуальных инфильтраций, происходит аккуратное перенятие некоторых достижений современной эпохи, либо их временное, вынужденное использование. Здесь можно вспомнить стихотворение Н. Клюева, в котором рассказывается процедура изгнания англичсокго духа из сукна, насыщение его родным русским. Подобные процедуры и отношение ко всему окружающему должны стать нормой для язычества.

Для языческого традиционализма в такой ситуации важными задачами является очищение и сохранение традиции, передачи инициации. Сохранение накала polemos, даже в отсутвии возможности реальных действий. Речь идет о сохранении верности Богам в *любой* ситуации. Ярчайшим примером такого экзистенциального накала, бескомпромиссной fides, был барон Юлиус Эвола.

Язычники, выбирающие сторону титанов/асуров/йотунов, активно и охотно идут на компромисс с окружающим миром. Материальный мир потребления им подчеркнуто *нравится*. Он не вызывает должного дискофморта и конфликта в сознании, по линии верности Богам и ложности материального пути асуров. Вместе с материальностью принимаются и универсалистские положения Модерна в научной, социальной и политической сферах, а за ними и ризоматические положения Постмодерна, что ярко выражено в явлении толерантности, инфильтрации которой проникают через субкультурность, индивидуализм, в том числе на индивидуальный синкретизм теории и практики в религии (викка, инглиизм), материальную и научно-техническую ориентацию.

Такое титаническое язычество порождает многочисленные химеры, выражающиеся в Богах-покровителях сети Интернет и техники, смешении научных и традиционных доктрин, что мы встречаем и как сильную инфильтрацию в адекватное язычество (Велимир, Варг), и как повсеместную черту пострелигиозного симулякра.

Мы можем рассмотреть псевдоязычников как просто *язычников, но выбравших титанов и хтоническое начало, вместо Богов и Сакрального*, вместо священного порядка – мирской, секулярный. Современный. Очень интересное замечание, связанное с этим выбором, мы встречаем в индийских даршанах адвайты (кашмирский шиваизм, тантры и др.), утверждающих что неведение (авидья) человеком своей Божественной

Природы погружает его в колесо сансары и кармы, что неведающий человек полностью связан законом причинно-следственных связей. Иными словами, человек, ступающий инициатическим путем к Сакральному постепенно освобождается от оков материальности, сансары и мармы: от причинно-следственных связей. При этом закон причинно-следственного детерменизма, максимально формализированный в языках математики и логики, является основанием и кровью научного подхода в Модерне, который также строится на отрицании Сакрального (адхарме).

Например, в мире Традиции полет для человека не был недосягаемой проблемой. Человек мог взять и взлететь, как и просто пойти. Либо украсть оперение у птиц, ангелов. Легкость «невозможного» обуславлевается тем, что все мироздание, вся Природа, пронизана лучами Сакрального, что делает мир легким к метаформозам; человек легок. Для человека Модерна полет – это результат длительного процесса развития, последовательная цепь открытий законов физики, технических решений, их совмещения, проб и ошибок, новых исследований, открытий материалов, и наконец – человек взлетает в летательном аппарате, который существует в жестких рамках физических законов. Полет человека Модерна детерменирован научными достижениями. Без них он не может оторваться от поверхности земли, но даже в небе он заключен в аппарат из материи, подчиненного материальным законам. Полет человека Модерна и полет человека Традиции, в итоге, это совсем разные полеты. Полет чисто физический и полет, как магия. Ярким примером разницы такого подходя является легенда об Икаре и сотворенными им искусственными крыльями. Они позволили улететь Икару и его отцу, то есть выполнили задачу, для которой были созданы. Но Икар захотел подняться на них к Солнцу (к Сакральному и Богам), но погиб, опаленный его лучами. Восхождение к Вышнему невозможно путем материальных, технических решений. Крылья Икара были искусственны, он пал при дерзком взлете. Расправивший крылья Духа летает свободно вместе с Богами. В этом разница мифа Богов и мифа титанов, Сакрального и материального картин мира или языков.

Но самые последовательные адепты «традиции» титанов – это типичные обыватели мира материи и потребления, самые обычные безбожные люди, погрязшие в потоках знаков, семиургии, потребления и репрезентаций. Прометеево человечество глиняных черепков. Их «жречество» – кумиры из телеэкрана, «звезды» виртуальности, гениальные маркетологи и ученые, дарующие все новые и новые гаджеты, брэнды, модные течения и знаки.

Семиургия Постмодерна – черная магия титанов. Черная и абсолютно плоская.

В пространственно-государственном измерении титанизм максимально сконцентрирован на Западе (США и Европа), где он нашел свой расцвет и триумф, распространившийся на весь мир. Но не стоит использовать только географический критерий как ориентир и линию фронта. Современность, концентрированная и атакующая в лице стран Запада, не ограничивается только им. Запад – это всегда современность, но современность – шире, чем запад. Везде, где государственные политические, культурные, медийные элиты имеют евроцентричное воспитание и образование, там под внешними культурными, национальными формами скрывается модернистское содержание. Современные атаки Запада на Россию и страны Востока и Азии можно рассмотреть как продолжение принципа конфронтации США и СССР: уже полноценно постмодернистский Запад атакует еще модернистский, местами традиционный, Восток и Азию. Более титаническое и материальное, ипохтоническое нападает и крушит менее титаническое, *недостаточно* хтоничное.

Поэтому можно сказать, что в своей максиме современный мир не располагается на Западе, он не расположен в торговых и бизнес центрах, в «белых домах» и на площадях, которые все так хотят захватить и разрушить. Современный мир не находится в Интернете или на фондовых биржах, его нет в кабинетах ООН.

Сердце современного мира находится только в одном месте – в Уме, в мышлении Человека. Такова его антропология, в которой есть равная возможность обращения к Богам, и обращения к титанам. Последнее и создает привычный и обыденный нам мир, «реальный и естественный», в котором Модерн и Постмодерн есть везде. *Бессердечный мир.*

Поэтому первейшее и важнейшее, что мы должны совершить – это изменить своё мышление. Не просто декларировать приверженность Традиции, но сделать её своим Сердцем и Умом. Это то самое фундаментальное изменение, без которого любые внешние акты не будут до конца аутентичными и действенными.

«Война – отец всех вещей» – так завещал нам Гераклит. Нерв и главное сражение этой войны – в наших Умах и Сердцах.

V
Послесловие к первому тому

В первой части нашего труда мы рассмотрели основные структуры языческого мировоззрения (манифестационизма). Во второй части мы продолжим наше повествование, обратившись к подробному рассмотрению взаимоотношений и взаимопроникновений между язычеством и авраамизмом, манифестационизмом и креационизмом. Будут подробно рассмотрены дихотомии: язычество и иудаизм, язычество и христианство, язычество и ислам, язычество и авраамизм в целом.

Также будет рассмотрен вопрос о месте и роли сексуальности, Эроса, в язычестве от Античности до современного язычества. Будут разобраны феномены сексуальных отклонений в Модерне и степень их проникновения в язычество, а также степень влияния авраамической морали на возникновение различных табу в современном язычестве.

Большой раздел следующего тома посвящен политическим измерениям язычества: от Античных парадигм до современных профанических политических идеологий либерализма, коммунизма/социализма и спектра правых идей. Также будут затронуты стратегии политического неучастия, аполитейи и вопросы этноцентризма в языческой философии.

В заключительной части также рассматриваются два пути для современного язычества – Путь Правой Руки, фатальной Дхармы Героя, и Путь Левой Руки – трансгрессивная Дхарма нонконформизма в Традиции.

В совокупности два тома представляют собой единое повествование, объединенное общей семантической конвой и вектормо исследования современного язычества и его перспектив в эпоху Постмодерна.

VI
Приложения

Доброслав: взгляд традиционалиста

Низкий поклон Доброславу за его труды, бескомпромиссность, глубина и поэтичность которых вдохновили меня в начале моего Пути.

Фигура Доброслава в славянском язычестве на современном этапе является более чем знаковой. Он стоит особняком, на его идеи обращают внимание многие деятели русского язычества, которые в своем жизненном и духовном пути подчас идут сильно вразрез с опытом и наставлениями самого кировского отшельника, но всегда отзываются о нем с уважением и признают его неоспоримую значимость. Именно интерес с самых разных сторон, и отражение идей Доброслава в разных направлениях языческой мысли сподвигнули нас рассмотреть его фигуру в приближении к философии традиционализма: насколько философия и опыт самого Доброслава совпадают (или не совпадают?) с идеями и опытом представителей традиционализма.

Сам Доброслав нигде и никогда не причислял себя к этому течению (и вообще к какому либо), и в своих текстах не упоминал и не цитировал ни одного из известных и ярчайших представителей этого философского направления, берущего начало в прошлом веке. Мы считаем, что знакомство Добровольского с трудами Рене Генона, Юлиуса Эволы или Мирча Элиаде не состоялось по довольно тривиальной причине недоступности и редкости русскоязычных изданий этих авторов, которые стали появляться только в 90-е годы, и до сих пор еще не все переведены на русский язык. А фундаментальные труды по истории религий Мирчи Элиаде, и ранняя работа Эволы «Языческий Империализм» являются одними из наиболее широкоизвестных, чтобы просто пройти мимо них, особенно учитывая важность политического аспекта в работах Доброслава.

Для того, чтобы сопоставить взгляды А. Добровольского с воззрениями традиционалистов – определить взаимную дистанцию – мы выделим несколько ключевых узлов в традиционализме и проведем сравнение на их основе.

- Представление о единой Примордиальной Традиции как о Древе и общем корне всех частных этнических традиций и религий. Иначе

говоря, в своей эзотерической (внутренней, сокрытой) части все традиции и религии мира, в формах их собственной народной культуры, выражают единый Принцип.

- Утверждения о том, что реальность метафизической Традиции, трансцендентного уровня бытия, является доминирующей по отношению к современному профанному и вырожденческому миру. Человек, его индивидуальная и общественная жизнь, само общество и государство должны выстраиваться в четком согласии с Сакральным порядком.
- Утверждения о том, что сегодня в эпоху Современности – Модерна, цепь передачи порвана, Традиция умерщвлена секулярной позитивистской наукой, профанирована проходимцами, сведшими её до развлечения светского общества; сведена до «обычая» и «привычки». Иначе, сегодня мы живем в анти-традиционное время, которое основоположники философии традиционализма справедливо называли Железным веком или Кали-Югой.

Начнем с аспектов, которые приближают воззрения Доброслава к традиционалистам.

Наиболее близко Добровольского подводит к традиционализму радикальный опыт ухода от современной цивилизации в деревенское отшельничество. Как признавался сам отшельник, переезд стал осуществлением его давней мечты. Подобный этому жест ранее совершил и Рене Генон, уединившись в египетском Каире, уехав из Франции. Для русского язычника же переезд в деревню является логичным и органичным решением, хотя в этом опыте Доброслав представляет скорее исключение.

Взгляды кировского язычника и традиционалистов так же совпадают и в оценке того времени, в котором мы находимся – положение о том, что Золотой век был в далеком прошлом, а сейчас человечество (общество, вера) деградирует является общим в их философиях. И можно утверждать, что нравственный языческий закон Доброслав ставил выше ценностей современного мира, и устраивал свою жизнь согласно именно ему, что так же совпадает с посылом Генона, Эволы и др.

Главным отдаляющим Доброслава от традиционализма аспектом является отсутствие упоминаний и самой концепции Примордиальной Традиции. Но в случае именно с ней ситуация требует пояснения о том, что же из себя представляет сама Примордиальная (Изначальная

Традиция)? В среде традиционалистов есть несколько подходов к определению этой категории:

1) Примордиальная Традиция – это единая пра-религия архаического человека, со временем распадающаяся на множество частных религий, каждая из которых несет в себе отпечаток Изначальной Традиции (вертикальное подобие), и что позволяет находить общее и между самими традициями (горизонтальное сравнительное религиоведение).

Подобную такой концепции мысль мы можем найти в словах Доброслава о том, что «религия народов старше их истории» (Очерки природоведения, Доброслав), но это довольно косвенный аргумент в пользу единства мысли на основе этой концепции.

2) Иной взгляд заключается в том, что единая основа всех традиций (то, к чему они ведут Дух по ступеням духовного восхождения) – это Сакральное, пронизывающее и наполняющее все мироздание. Когда речь идет о Примордиальной Традиции в этом ключе под ней стоит понимать Сакральное, которое едино для всех традиций. К которому они ведут своих адептов через ступени посвящения (одними из первых ступеней такого пути можно принять обряды раскрещивания и имянаречения – введения в традицию) сопряженные с различными опытами Сакральных переживаний (раскрытием разных аспектов Сакральности). Рене Генон писал об инициации, что продвигаясь её ступенями к центру (метафизическому центру) все более стираются различия и раскрывается единый исток всех традиций. Если на формально и экзотерчиеском уровне мы видим больше различий между язычествами разных народов (находимся в оппозициях), то на эзотерическом, мистическом уровне мы видим больше единства; исчезает двойственность восприятия, раскрывая недвойственное видение. О недвойственности (ср. индуисткой Адвайта-Веданте) видения как высшего уровня познания Природы писал и сам Доброслав, указывая что достиг такого уровня что не разотождествляет себя и мир.

Так же нельзя упустить из виду неоплатонизм, влияние которого видно в онтологии Доброслава (которую, как и неоплатонизм, можно уверенно отнести к манифестационизму, доктрине проявления, manifesto ex Deo), и который, по сути, является «хребтом» традиционализма.

В таком приближении, учитывая большую разницу философского языка традиционалистов и Добровольского, можно констатировать вышеуказанные пересечения с традиционализмом, но нельзя заключить тождество идей.

Второй важный нюанс между традиционализмом и языческой философией Доброслава является отношение самих мэтров традиционализма к язычеству, и место язычества в общей системе традиционализма.

Среди отцов традиционализма первым в отношении язычества уместно вспомнить барона Юлиуса Эволу, написавшего труд «Языческий Империализм» и позднее довольно критическую статью «Против неоязычников». Эту статью часто берут за основу сторонники креационизма (принципа creatio ex Nihilo, общего для авраамических традиций) внутри традиционализма для критики сторонников язычества. Но, по сути, то, что критикует сам Эвола, зачастую критикуют и сами представители языческих традиций, включая и Родноверие – это излишний материализм, обожествление низших стихийных проявлений Природы, почитание чуть ли не физических законов, а не Богов; построение своего видения через отрицание доминирующей христианской церкви и с опорой на церковные же тексты о язычниках. Иначе говоря – использование церковных обвинительных и хулительных текстов в создании базиса собственной веры. И третье, вытекающее из первого и второго – это неспособность подняться с уровня профанного натуризма и, скажем так, - экзальтированного одухотворения от чисто материально-природных явлений.

Наиболее критичным в отношении идеологии Доброслава является первый пункт критики Эволы, который можно кратко выразить термином «натуризм» - одухотворение, сверхпочитание Природы. Несомненно, многие мотивы и сам язык текстов Доброслава выражают глубокое почтение Природе, природным духам; воспевается лес как «родина» древних славян и т.п.; сам Добровольский так же называет себя как «пантеистом», так и «анимистом».

Здесь важно заметить, что мы отрицаем эволюционистский подход к классификациям религий, согласно которому анимизм находится на «нижней, более примитивной» ступени развития религий. Нам ближе подход румынского религиоведа, и «мягкого» традиционалиста в том числе, Мирча Элиаде, который рассматривал различные архаические верования вне призмы прогрессистского шовинизма – т.е. рассматривает их как самодостаточные и отвечающие требованиям общества (в котором они исповедуются) религиозные системы. С точки зрения духовного самопознания, уровень духопоклонства, анимизма, можно отнести к начальным ступеням восхождения к высшему Недвойственному видению;

очень много фольклорных свидетельств об обращениях к духам (прошения, обереги, заговоры, присказки) относятся к сельско-хозяйственной сфере, которой больше занимались представители рабочих сословий. Доброслав же в своем видении на первое место ставил охотничьи культы, уточняя что сельский образ жизни – это уже отпадение, шаг ниже.

Несомненно, данное место является одним из сложнейших для детального разбора и выяснения отношений между идеалами и стремлением традиционалистов к Высшей Мудрости и идеалами Доброслава. На наш взгляд ответы на последующие пункты критики неоязычества Эволой частично раскрывают и эту проблему, оставляя скорее поле нюансов и уточнений аналогий между языком Доброслава и традиционалистов: кто и что конкретно имел ввиду, и как это соответствовало друг другу на практическом опыте.

Ответ на второй пункт критики от Эволы – использование христианских же текстов как базы для реконструкции язычества – является самым простым в нашем обзоре, т.к. в становлении своей философии, а так же в своих трудах, Доброслав опирается на энциклопедические знания о природе, фольклоре, истории, этнографии, на известных философов и мистиков древности и современности. Но на первое место в процессе познания Сакрального он ставит живые откровения Матери-Земли, общение с Природой. Вкупе с негативным отношением к авраамизму как таковому, очень сложно упрекнуть Доброслава в использовании церковных обвинительных текстов как авторитетного и достоверного источника о жизни и мудрости предков.

Третий и последний пункт критики отсылает нас и к первому пункту от барона, и к рассмотренному нами выше уровню Недвойственного восприятия мира, которые мы рассмотрели выше. С одной стороны замечание Эволы о том, что с уровня натуризма невозможно достичь Недвойственной реализации (нельзя перепрыгнуть ступени) – верно, и многочисленные симпатии анимизму и натуризму в трудах Доброслава подталкивают отнести его мировоззрение к этому уровню. Но мистическое видение Доброслава, его утверждения о Недвойственном видении как вершины познания, и заслуженное уважение и авторитет в русской языческой среде (как следствие его опыта и мудрости) явно указывают на то, что его место явно на высших ступенях реализации.

Одна из проблем заключается еще и в том, что Доброслав в своих текстах уделял мало внимания духовным практикам, больше сообщая

результат, готовый духовный опыт, что затрудняет наш разбор этого критического момента. Так же мало внимания он уделял и обрядовому циклу, выделяя менее десятка важных праздников, среди которых наиболее выделялись дни Летнего и зимнего Солнцестояния и день Памяти Предков.

В итоге в этом вопросе мы займем следующую позицию: мы не сомневаемся в глубокой мудрости и реализации духовности Доброслава – это его «внутреннее» проявление. Внешнее проявление – это кировское отшельничество на селе, уход от современного мира ближе к Природе и пропаганда обращения к ней (Природе) как главному источнику Мудрости для людей во вне, для жителей городов и всех, кто интересуется родной верой. Наиболее проблематичным мы видим именно путь, духовное восхождение Доброслава (практики и опыты) и , скажем так, перевод его философии на язык традиционализма, с целью дать ответ на закономерную критику.

В итоге, на наш взгляд между воззрениями Доброслава и ортодоксального традиционализма (по Р. Генону) есть довольно большая дистанция и уместно говорить скорее о некоторых совпадениях и параллелях в философии и личном опыте патриархов традиционализма и русского язычества.

Но если мы обратимся к языческому крылу внутри традиционализма (Ю. Эвола, Ален де Бенуа, Д. Веннер) и развиваемому нами течению языческого традиционализма, то мы увидим, что эта дистанция заметно сокращается. Как один из важных примеров выделим, что и де Бенуа и Веннер, а так же и Доброслав считали появление монотеизма (креационизма) началом стремительной деградации человека, истоком современной проблемной цивилизации. В то время как первые традиционалисты рассматривали языческие и авраамические традиции вместе, как проявления Сакрального, и смело проводили аналогии между мифами креационизма и манифестационизма, в языческом традиционализме выделяется подход направленный на разграничение языческих и авраамических традиций согласно вышеизложенной позиции, и с большим акцентом на автохтонные дохристианские традиции (Д. Веннер).

Поэтому фигура и опыт Доброслава представляют большой интерес для языческого традиционализма и требуют более детального рассмотрения, уточнения нюансов и добавления уточняющих штрихов к тому наброску, который мы сделали выше.

Велеслав: Язычник в эпоху Постмодерна...

(Отзыв влх. Велеслава о книге Евгения Нечкасова)

Есть *религиозное* — от людей, и есть *САКРАЛЬНОЕ* — от Богов *и даже более:* от Бездны НЕРОЖДЁННОГО, от Сверхбожественного НИЧТО — нашей Истинной Природы (АЗ ЕСМЬ) за пределами всего, что мы «знаем» о «себе» и о «Боге».

Религии с их догмами и формалистскими ритуалами придумали люди, в то время как САКРАЛЬНОЕ не придумано никем. Смертоносным вихрем врывается ОНО в уютный мирок нашей обыденности; Вещим Зовом, безмолвно *звучащим* в Обители Сердца, наносит нам *изнутри* неизлечимую рану, обнажая нашу полузабытую подлинность, *Пробуждением* разрывает мóрочные тенеты наших мóрочных *снов*...

САКРАЛЬНОЕ одновременно влечёт и отталкивает, очаровывает и ужасает. ОНО — поистине *по ту сторону* «добра» и «зла». САКРАЛЬНОЕ — это не «Бог» и даже не «Боги», но — Чистое Сознание, не обусловленное содержимым ума, Живое *Присутствие* НЕВЫРАЗИМОГО, открывающееся во всём, если иметь способность *видеть*, но не пребывающее именно «здесь» или «там». ОНО — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, но не во Времени или Пространстве, не вчера или завтра, не в книге или учении. ОНО — в ВЕЧНОСТИ *над* Временем... Именно поэтому ОНО — *всегда* ЗДЕСЬ.

То, что «освящено» людьми, — в Духовном смысле *не существенно*; мнимое противопоставление «освящённого» всему остальному, то есть тому, что не «освящено» руками представителей той или иной религиозной традиции или секты, — можно уподобить «противопоставлению» вещей, ставших игрушками в руках ребёнка, всем остальным вещам, которые ещё не стали таковыми или по каким-либо причинам не могут ими стать. Подлинное САКРАЛЬНОЕ не зависит от «освящённости» или его отсутствия, — ОНО просто не относится к Миру «игрушек» и не зависит от мнения играющего ребёнка на ЕГО счёт...

В современном Язычестве борются две тенденции — стремление «обычных» людей к религиозности и Воля САКРАЛЬНОГО к САМО-проявлению. Невежды, как всегда, жаждут формальной «правильности» и «благочиния», в то время как те немногие, через кого *говорят* Великие Боги, указывают — самой Жизнью своей — ВЫХОД за пределы собственных обусловленностей, за пределы «себя» к Истинному СЕБЕ.

Формалисты создают многочисленные симулякры, эти «*копии без оригинала*», в то время как озарённые Пламенем БЕЗДНЫ открывают Пути, прочерчивая их собственной Огненной Кровью на плате Времени, — нисколько не тщась сохранить пепел былого, но пылая Живым Огнём ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Таков мой друг и соратник Евгений Нечкасов (*Askr Svarte*). Он прозорливо умён и философически точен в своих определениях, — но не сто́ит обманываться *формой* его речей, ибо *суть*, которая скрывается за покровом слов, открыта им в непосредственном опыте Живого Богообщения, а здравомысленная разумность его определений рождена из лона Священного Безумия по ту сторону слов...

Он — Язычник не по конфессиональной принадлежности, но по Откровению Духа; и то, что он *умеет* выразить в словах НЕВЫРАЗИМОЕ, призывает к тому, что его книга должна читаться не только умом, но и Сердцем, или, точнее, умом, погружённым в Чашу Сердца — нашедшим свою «могилу» в Сердце... А затем — *простите меня за эти слова,* — Чаша Сердца должна быть *разбита*, чтобы между Беспредельностью *внутри* и БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬЮ более не было различия...

Не *верьте* форме, но *Ведайте* СУТЬ...

Ведающему — достаточно.

[14.12.2014]

Избранная библиография

Литература на иностранном языке

Slauson Urv "Religion of Odin", Published by the Asatru Free Church Slauson Urv "Religion of Odin", Published by the Asatru Free Church Committee, Viking House 1978.

"Die Gotterlieder der Alteren Edda", Philipp Reclam jun. GmbH & Co. KG, Stuttgart, Germany, 2015.

"Loki's Role in the Northern Religion", "Idunna" magazine.

"The Odinist Anthology" by The Asatru Free Assembly. All rights reserved 1983.

"Wulf. Collected writings of an English Wodenist" edited by Troy Southgate, Black Front Press, 2014.

Cleary Collin "What is Odinism?", TYR vol. 4, 2014-2015.

Coughlin John J. "Out of the Shadows/ An Exploration of Dark Paganism and Magick".

Danielou Alain "Shiva and the Primordial Tradition. From the Tantras to the science of dreams", Inner Traditions, 2007.

Dowden Ken "EUROPEAN PAGANISM. The realities of cult from antiquity to the Middle Ages" by Routledge, NY, USA, 2000.

Ellis Hilda Roderick "The road to Hel. A Study of the Conception of the Dead in Old Norse Literature", Greenwood press, publishers. New York 1968.

Findell Martin "Runes", The Trustees of British Museum, 2014.

Grimsson Wulf "Loki`s way. Essays and Musings", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. Loki and Odin: Rites of Initiation and Sorcery", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. The Mind of a Sorcerer", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. The path of the sorcerer in the Age of Iron", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Male mysteries and the secret of the mannerbund", Australia, 2011.

Guerrero Fernando "Draugar Folklore in Old Norse Sources", Centre for Viking and Medieval Studies, University of Oslo, May 2003.

Interview with Sveinbjörn Beinteinsson lead by Gisela Graichen and taken from the book Die Neuen Hexen (The New Witches) by G. Graichen.

John-Stucke Kirsten, Siepe Daniela "Mythos Wewelsburg. Fakten und Legenden", Ferdinand Schoningh, Paderborn, Deutchland, 2015.

Kaldera Raven "The Jotunbok: Working With The Giants Of The Northern Tradition", Asphodel Press, 2006.

Kvilhaug Maria "The maiden with the mead. A goddess of initiation in norse mythology?", Master dissertation in history of religion, Department of culture, University of Oslo, 2004.

McNallen Stephen, the article "The method of transcendence in Germanic Tradition".

McNallen Stephen, the article "Tribes vs. Empires".

Old Norse religion in long-term perspectives. Origins, changes, and interactions, An international conference in Lund, Sweden, 2004.

Raido group "The Handbook of Traditional Living", Arctos Media, 2010.

Spiesberger Karl "Runemagie. Handbuch der Runenkunde", Esoterischer Verlag Paul Hartmann, Burstadt, Deutchland, 2009.

Stinson Mark "Heathen Families: Nine Modern Fables for Heathen Children and a Collection of Essays Regarding Heathen Families", Published by Jotun's Bane Kindred, 2011.

Stinson Mark "Heathen Gods: A Collection of Essays Concerning the Folkway of Our People", Published by Jotun's Bane Kindred, 2009.

Stinson Mark "Heathen Tribes: A Collection of Essays Regarding the Tribes of Our Folk", Published by Jotun's Bane Kindred, 2011.

Русскоязычная литература

"Безумие и его бог" / Составление Е.В. Головина. - М.: "Эннеагон Пресс", 2007г..

"Варяжские законы с Российским переводом и краткими замечаниями", из. Степан Руссовъ, Санкт-Петербург, 1824 год, репринт 2014г.

"Введение христианства на Руси" / Инт-т философии АН СССР; Отв. Ред. А.Д. Сухов. - М.: Мысль, 1987г.

"Девибхагавата-пурана. Книга первая". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, Калининград, 2014г.

"Деви-гита. Песнь Богини". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, 2015г.

"Деви-Махатмья из Девибхагавата-пураны. Часть вторая". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, Калининград, 2013г.

"Доктрина Радикального Примитивизма", анонимный трактат, 2014г..

"Евангелие от Иуды" - М.: АСТ: Астрель, 2006г.

"Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы", издательство "Наука", Москва, 1977г.

"Кашмирский шиваизм". М.: Издательство "Ганга", 2010г.

"Маги Золотой Зари: док.история маг.ордена, 1887-1923" - М.: Энигма Одди-Стиль, 2008г.

"Малая Книга Гекаты" Рой Мрачный Жнец, изд. сообщества "Svarte Aske", 2013г.

"Махабхагавата-Пурана". Главы 36-59 / Пер. А. Игнатьева, Калининград, 2013г.

"Мудрость Дзен. Сто историй пробуждения" - СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012г.

"Обрядовая поэзия" - М.: Современник, 1989г.

"Русский национализм между властью и оппозицией". / под ред. В.Прибыловского. – М.:Центр «Панорама», 2010г.

"Сад Знания. Китаб ат-Тавасин" ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж, 2013г.

"Сказки и легенды ингушей и чеченцев". М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1983г.

"Славянская Родная Вера" / ССО СРВ, 2013г.

"Славянская руническая письменность: факты и домыслы", Д. Громов, А. Бычков, Москва, "София", 2005г.

"Словарь аналитической психологии К. Юнга", СПб.: Азбука-классика, 2009г.

"Старшая Эдда: Эпос" / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. - СПб.: Издательский Дом "Азбука-классика", 2008г.

"Сущность Дзен. Искусство быть свободным" - СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012г.

Polarstern Smierc "Metaphysica Nova" / Черновцы: Бes Публики, 2014г.

Rowo Rekwaz "Hwitaz Hrabnaz", годорд Ярнвид, изд. сообщества "Svarte Aske", 2015г.

Svarte Askr "Gap", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Svarte Askr "Svarte Aske", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2011г.

Ал-Калби Хишам ибн Мухаммад "Книга об идолах (китал ал-аснам)", пер. В. В. Полосина, М. Восточная литература. 1984г.

Банзаров Дорджи "Чёрная вера или шаманство у монголов", Санкт-Петербург 1891 г, репринт "Общество Сознания Смерти", 2014г.

Батай Жорж "Литература и Зло" / Пер. с фр.и коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Домогацкой, предисл. Н.В. Бунтман. - М.: Изд-во МГУ, 1994г.

Бенуа Ален де "Вперед, к прекращению роста! Эколого-философский трактат". - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2012 г.

Бенуа Ален де "Как можно быть язычником". – М.: «Русская Правда», 2013г.

Бесков Андрей "Восточнославянское язычество. Религиоведческий анализ", LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010г.

Бодрийар Жан "Америка", перевод с французского Д. Калугин, Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2000г.

Бодрийар Жан "Общество потребления. Его мифы и структуры" / Пер. с фр. Е.А. Самарской. - М.: Республика; Культурная революция, 2006г.

Бодрийар Жан "Прозрачность зла" - М.: Добросвет, 2000г.

Бодрийар Жан "Система вещей", пер. с фр. С. Зенкина, М.: "Рудомино", 1999г.

Бхайравананда "Махагахвара Раштра Марга".

Бхайравананда "Преступление и вознаграждение".

Васильченко Андрей "Арийский миф III Рейха". - М.: Яуза-Пресс, 2008г.

Викернес Варг "Скандинавская мифология и мировоззрение", изд 2-е. - Тамбов, 2010. Изд. "Ex Nord Lux"

Вирт Герман "Хроника Ура-Линда" / Пер. с нем. Кондратьев А.В. - М.: Вече, 2007г.

Гаврилов Д.А, Наговицын А.Е. "Боги славян. Язычество. Традиция". – М.: Рефл-Бук, 2002г.

Гаврилов Д.А. "Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре" – М.: Социально-политическая мысль, 2006г.

Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.1, Епархиальная типография, Харьков, 1916г.

Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.2, Печатня А.И.Снегиревой, Москва, 1913г.

Гасанов Б.А. (влх. Богумил) "Основы современного колядования" М.: Издательство Велигор - 2013г.

Генон Рене "Заметки о посвящении", пер. с фр.: Т.Б. Любимова - М.: Беловодье, 2010г.

Генон Рене "Символизм Креста" / Пер с фр. Т.Б. Любимова - М.: Беловодье, 2008г.

Генон Рене "Символика Креста // Царь мира", М.: Прогресс-Традиция, 2008г.

Генон Рене "Теософизм: история одной псевдорелигии. Часть первая". Пер. с франц. Андрея Игнатьева, Калининград 2012г.

Глинка Г.А. "Древняя религия славян", набор Мельникова В., Митава, 1804г.

Громов Д.В., Бычков А.А. "Славянская руническая письменность: факты и домыслы" — М.: ООО «Издательский дом София», 2005г.

Гуревич А.Я. "Избранные труды. Древние германцы. Викинги". - СПб.:Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007г.

Даль В.И. "О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа".

Дананн Алексендр де "Память крови", Москва-Воронеж, TERRA FOLIATA, 2012г.

Даниелу Ален "Шива и Дионис".

Дворкин А.Л. "Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования.", 3-е изд., Христианская библиотека, 2007г.

Делёз Жиль "Логика смысла"/ пер. с фр. Я.И. Свирского. - М.: Академический Проект, 2011г.

Джайадхар А.М. (Бхайравананда) "Абхичара. Индийская магия", изд. сообщества "Svarte Aske", 2016г.

Джемаль Гейдар "Ориентация-Север", 1979г.

Джемаль Гейдар "Революция пророков", 2003г.

Дугин Александр Гельевич "Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии". М., Арктогея-Центр, 1999г.

Дугин Александр Гельевич "В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки)" - М.: Академический Проект, 2013г.

Дугин Александр Гельевич "Знаки Великого Норда", М.: Вече, 2008г.

Дугин Александр Гельевич "Конспирология", М., РОФ "Евразия", 2005г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Германский Логос. Человек апофатический.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Латинский Логос. Солнце и Крест.", М.: Академический проект, 2016г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. По ту сторону Запада Китай, Япония, Африка, Океания.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизайии: Иран, Индия.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Три логоса: Аполлон, Дионис, Кибела.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Французский Логос. Орфей и Мелюзина.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли.", М., "Евразийское Движение", 2009 - 744 с.

Дугин Александр Гельевич "Радикальный Субъект и его Дубль", М. "Евразийское движение", 2009г.

Дугин Александр Гельевич "Философия политики", М., Арктогея, 2004г.

Дугин Александр Гельевич "Философия традиционализма", М., Арктогея-Центр, 2002г.

Дюмезиль Жорж "Верховные боги индоевропейцев", АН СССР, издательство "Наука", 1986г.

Жирар Рене "Насилие и священное" / Пер. с фр. Г. Дашевского, Новое Литературное Обозрение, Москва, 2010г.

Игнатьев Андрей "Мир Рерихов" в двух частях / Калининград 2013-14гг.

Кареев Николай "Главные антропоморфические боги славянского язычества", Славянский вестник, самиздат репринт 2014г.

Кинг Ф. "Мегатерион. Зверь 666." — М.: АСТ: Адаптек, 2009.

Кнопп Гвидо "Адольф Гитлер. Психологический портерт" / пер. с нем. Ж.А. Колобова. - М.: Астрель, 2006г.

Колон Даниэль "Эвола, Генон и христианство", перевод с испанского Н.Сперанской, исследовательская группа «Catena Aurea», эл.изд. "Ex Nord Lux DIGITAL".

Кон И.С. "Лунный свет на заре", издательство АСТ – Олимп, М., 2003г.

Кораблев Леонид "Йоун Книжник-Чародей" - М: Самостоятельное издание, 2014г.

Лист Гвидо фон "Первооснова" / Пер. с нем. - Тамбов, 2009. Изд. "Ex Nord Lux"

Маркова Л. "Философия из хаоса. Ж.Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии".

Мисюрева А.А. "Предания и сказы Западной Сибири", Новосибирское книжное издательство 1954г.

Мэнвелл Р., Френкель Г. "Знаменосец "Черного ордена". Биография рейхсмаршала Гиммлера.1939-1945" /пер. с англ. П.В. Рубцова. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006г.

Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. "Энциклопедия тантры", СПб.: Институт метафизики, 2010г.

Носова Г. "Язычество в православии", 1975г.

Нухаев Хож-Ахмед "Давид и Голиаф, или Российско-Чеченская война глазами варвара", 2000г.

Пенник Найджел "Практическая магия в Северной Традиции" - Н. Новгород: Издательство НП "Magisterium plus", 2011г.

Платон "Диалоги" / Пер. с древнегреч. В. Н. Карпова. - СПб.: Издательская Группа "Азбука-классика", 2009г.

Платон. Избранное. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2004г.

Пувурвиль Альбер Пюйу граф де (Матжиои) "Метафизический путь", СПб.: Владимир Даль, 2014г. / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова.

Рыбаков Б.А. "Язычество древних славян".

Савин Л.В. "Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию." - М.: Евразийское движение, 2013г.

Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. "Национализм. Теории и политическая история", Изд. дом ГУ ВШЭ, Москва, 2006г.

Соколова В.К. "Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов".

Сораль Ален "Понять Империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций?", пер. с фр. А. Коваленко - М.: Глобальный Революционный Альянс, 2012г.

Соссюр Фердинанд де "Труды по языкознанию", Изд. "Прогресс", 1977г.

Сперанская Нателла "Дионис преследуемый" - М.: Культурная революция, 2014г.

Сперанская Нателла "Пути к Новой Метафизике".

Сперанский Н. "Язычники отвечают. Брошюра №13", Троицк, 2013г.

Стеблин-Каменский М. "Мир саги. Становление литературы", Изд. "Наука", 1984г.

Стеблин-Каменский М. "Миф" / Изд. "Наука", Ленинград, 1976г.

Сэджвик Марк "Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века", М.: Новое литературное обозрение, 2014. / Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева.

Флауэрс Стефан "Зеленая руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Красная руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Синяя руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Черная руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Фукуяма Фрэнсис "Конец истории и последний человек" / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: АСТ: Ермак, 2005г.

Фукуяма Фрэнсис "Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции" / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008г.

Хайдеггер Мартин "Бытие и Время" / Пер. с нем. В.В. Бибихина. - 5-е изд. - М.: Академический Проект, 2015г.

Хансен Х.Т. "Политические устремления Юлиуса Эволы" - Воронеж-Москва: TERRA-FOLIATA. 2009г.

Хлебников Пол "Разговор с варваром (Хож-Ахмед Нухаевым)", Детектив-Пресс, 2003г.

Хобсбаум Эрик "Нации и национализм после 1780г.", СПБ, изд. "Алетейя" - 1998г.

Черкасов Илья (V.L.S.L.V) "Liber ABRAXAS (Книга АБРАКСАС): Против Бога и Природы". - Древний Город: Издание "Общества Сознания Смерти", 2011г.

Черкасов Илья (V.L.S.L.V) "Книга Великой Нави: Хаософия и Русское Навославие", 2-е изд., доп. - Древний Город: Издание "Общества Сознания Смерти", 2011г.

Черкасов Илья (Велеслав) "Книга Родной Веры: Основы Родового Ведания Русов и Славян", Москва, 2009г.

Черкасов Илья (Велеслав) "Урядник малый".

Черкасов Илья (влх. Велеслав) "Основы Родноверия. Обрядник. Кологод (Серия "Основы Родной Веры Русов и Славян": Книга 1). Изд. 2-е. - СПб.: ООО "Ведическое Наследие", 2010г.

Черкасов Илья (влх. Велеслав) "Шуйный путь: Чёрная книга Нави" М.: ООО "Издательство Велигор", 2011г.

Шиженский Роман "Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского)". - Н. Новгород: типография "Поволжье", 2014г.

Шиженский Роман "Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского)". - 2-е. изд., спр. И доп. - М.: Орбита-М, 2013г.

Широкова Н.С. "Мифы кельтских народов" / М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005г.

Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. "Касты и расы". - Тамбов, 2010. Изд. "Ex Nord Lux".

Эвола Юлиус "Герметическая традиция" - Воронеж: TERRA FOLIATA, 2015г.

Эвола Юлиус "Люди и руины" / пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007г.

Эвола Юлиус "Метафизика пола" [пер. с фр.: В.И. Русинов]. - Изд. 2-е, испр. - М.: Беловодье, 2012г.

Эвола Юлиус "Оседлать тигра", Львов, 2008. / Пер. с итл. Виктория Ванюшкина.

Эвола Юлиус "Рабочий" в творчестве Эрнста Юнгера". СПб.: Наука, 2005г.

Эвола Юлиус "Фашизм: критика справа", М.: "Реванш", 2005 - 80 с. / Пер. с итл. Виктория Ванюшкина.

Эвола Юлиус "Языческий Империализм" / Пер. с итл. А. Дугин, изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "Священное и мирское" / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994г.

Юлиан Отступник "Сочинения" / пер. с древнегреч. коммент. Т.Г. Сидаша. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007г.

Юнгер Ф. Г. "Греческие мифы", Издательство "Владимир Даль", 2006г.

Юнгер Эрнст "Излучения (февраль 1941-апрель 1945)", СПб, "Владимир Даль", 2002г.

Юнгер Эрнст "Уйти в Лес", пер. А. Климентов, 2014г.

Периодика

"Colloquium Heptaplomeres: научный альманах. Выпуск II" / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. - Нижний Новгород: Минский Университет, 2015г.

"Indigenous religions. "Русь языческая": Этническая религиозность в России и Украине XX-XXI вв." / сост. И общ. Ред. Р.В. Шиженский. - Н. Новгород, НГПУ, 2010г.

"Традиція і традиціоналізм. Альманах (2014-2015)" - Вінниця: ТОВ "Нілан-ЛТД", 2015г.

"Warha #2: альманах о Пути Левой Руки", изд. сообщества "Svarte Aske", 2015-2016г.

"Warha: альманах о Пути Левой Руки", изд. сообщества "Svarte Aske", 2015г.

"Милый Ангел", Арктогея, Москва, 1991г.

"Родноверие" журнал (вып.1), Москва, 2009г.

"Родноверие" журнал (вып.2), Москва, 2010г.

"Родноверие" журнал (вып.3), Москва, 2010г.

"Родноверие" журнал (вып.8), Москва, 2013г.

"Сівер" альманах (вып.1). Мінск, студзень 2013 г.

"Северный ветер" журнал (вып.1), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.2), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.3), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.4), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.7), Киев, Минск, 2014г.

"Стальные Сумерки. Вестник Европейской Традиции", альманах.

"Традиция и Традиционализм" альманах (2012-2013). - Донецк: Донбасс, 2013г.

"Традиция" альманах (вып. 3). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2012г.

"Традиция" альманах (вып. 4). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2012г.

"Традиция" альманах (вып. 5). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2013г.

"Элементы" №1, 1992 г., Москва.

"Элементы" №2, 1992 г., Москва.

"Элементы" №3, 1993 г., Москва.

"Элементы" №4, 1993 г., Москва.

"Элементы" №5, 1994 г., Москва.

"Элементы" №9, 1998 г., Москва.

Статьи

"Why We Are Pagans?" National-Anarchist Movement, пер. с англ. С. Носикова

"Основы вероучения Асатру", базовый документ для регистрации религиозных организаций Асатру в РФ, 2013г.

Haggkvist M. "Проблемы языческого традиционализма", KulturOrgan Skadinaujo. № 2, 2003.

Wotans Krieger "Новый взгляд на Локи как на германского бога Пути Левой Руки", пер. с англ. Askr Svarte.

Балушок В.Г. "Инициации древнерусских дружинников" / Этнографическое обозрение, №1, 1995г.

Балушок В.Г. "Инициации древних славян" / См. Этнографическое обозрение, № 4, 1993г.

Бенуа Ален де, интервью Askr Svarte, пер. с фр. , 2015 г.

Бурнаков В.А. "Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов", 2011г.

Велеслав "Касты и общество".

Велеслав "Спорные вопросы современного родноверия".

Веннер Доминик "Жить в соответствии с нашей традицией", пер. с англ. Никита Смирнов.

Воденинг Свен "О племенной вере и теодизме", пер. Мирослав Курганский.

Габараев Мурат "Языческие праздники осетин", 2009г.

Головин Евгений лекция "Дионис-2".

Гримссон Вульф "Некоторые предварительные комментарии о разнице между Путем Левой Руки на Западе и Дохристианской языческой моделью", пер. с анг. Александра Сидорова, 2015г.

Гримссон Вульф, интервью и пер. с англ. Askr Svarte, 2013г.

Дзермант Алексей "Традиционная этническая религия в Беларуси".

Иванов Александр "Христиане до Христа", Традиция. Выпуск III. – М.: Евразийское движение, 2012г.

Клири Коллин "Какому богу поклонялся Один?", пер. с англ. Askr Svarte.

Кнорре Борис "Индуизм: от глобалистской адаптации — к альтернативному глобалистскому проекту", Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А.Малашенко и С. Филатова; Московский Центр Карнеги. — М.: Неостром, 2005.

Крижевский Алексей, интервью "Бархатное подполье: Игорь Дудинский о жизни советской богемы".

Леденева Лада "Отголоски язычества у карачаевцев и балкарцев", 2011г.

МакНаллен Стивен "Метод трансцендентности в Германской Традиции", перс англ. Евгения Анисимова, 2015г.

Мила Эрнесто "Юлиус Эвола: последний гиббелин", пер. Артур Льянос.

Милорадович В. "Очерки о малорусской демонологии", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Наср Сейид Хосейн "Что такое Традиция?", пер. с англ. Александр Бобров.

Наср Сейид Хосейн, интервью Н. Сперанской, пер. с англ. Вероника Канищева.

Николаев А.П. "Православная церковь и шаманы в Якутии (XVIII–XIX вв.)", 2002г.

Пенник Найджел "Финно-угорское язычество".

Платов А. "Путь над Бездной. Традиция в эпоху Рагнарёка".

Телегин С.М. "Воля к мифу: Проблема неоязычества", 2013г.

Тменов В.Х. "Осетинское язычество в системе средневековых религиозных верований народов Северного Кавказа".

Филатов Сергей "Якутия перед религиозным выбором: шаманизм или христианство", Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С.Б.Филатов. — М.; СПб.: Летний сад, 2002.

Чудинов Сергей "Традиция и историческое мировосприятие в феноменологическом мире неоязычества", Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 2014г.

Шиженский Роман "К вопросу о терминологии славянских вариаций «indigenous religions» (на примере термина «неоязычество»)".

Шиженский Роман "Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований", Вера и религия в современной России. Всероссийский конкурс молодых учёных: 25 лучших исследований. – М.: «Август Борг», 2014. – 352 С.

Шиженский Роман "Неоязыческий миф о Владимире I".

Шиженский Роман "Опыт сравнительного анализа текстов А.А. Добровольского и Г.Ф. Вирта (к вопросу об источниковой базе российских неоязычников)".

Шиженский Роман "Проблема генезиса современного русского язычества в работах российских исследователей".

Эвола Юлиус "Дионис и Путь Левой Руки", пер. с итл. Ольга Тюленева.

Эвола Юлиус "Император Юлиан", перевод Антона Шмакова.

Эвола Юлиус "Пределы инициатической регулярности", перевод Д.Зеленцова.

Эвола Юлиус "Против неоязычников", пер. с англ. Максим Медоваров.

Эвола Юлиус "Феминизм и героическая традиция", перевод В.И., оригинал 1933г.

Эвола Юлиус, последнее интервью с Джанфранко де Туррис и Себастьяно Фуско, 1973г., пер. с итл. Виктории Ванюшкиной.

Элиаде Мирча "Мефистофель и андрогин, или тайна целостности", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Энгельс Фридрих "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

ASKR SVARTE

POLEMOS

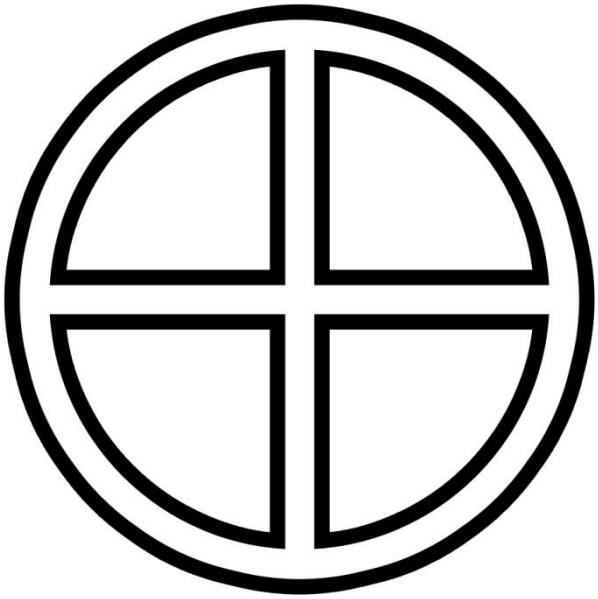
ЯЗЫЧЕСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

ТОМ II

ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫЧЕСТВА

Polemos:

Языческий Традиционализм

Языческие перспективы

Askr Svarte (Нечкасов Е.А.)

Polemos: Языческий Традиционализм.

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

Polemos – (греч. битва, война) Бог и спутник Бога Войны Ареса, олицетворяющий саму войну и битвы. Согласно Гераклиту: «война (polemos) – отец всех, царь всех: одних она объявляет Богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Нам также известно «военное искусство» — полемика, являющаяся философским спором об Истине.

В книге автор исследует стратегии и проблемы возрождения языческих традиций в современном мире, выделяя ряды оппозиций: Язычество и Креационизм, Язычество и Модерн, Язычество и Постмодерн. Каждая оппонирующая язычеству сторона связана друг с другом и разными способами проникает в идеологию современных язычников. Тем самым отчуждая их самих от сущности Языческого, превращая их деятельность и опыт в подделку и симуляцию языческих традиций.

Книга ориентирована на широкий спектр интеллектуальных читателей, представителей академических религиоведческих, культурологических, исторических, философских и других наук. Книга рекомендована теоретикам и практикам современного язычества.

ISBN XXX-X-XXXX-XXXX-X

© Нечкасов Е.А., 2016.

Оглавление

Предисловие ко второму тому 7
I Язычество и креационизм 8
I.I Нюансы креационизма 8
Традиционализм и креационизм 13
Наследие Платона 22
I.II Иудаизм 33
Становление креационизма 34
Языческий элемент 39
Гоим 43
В ожидании позитивного будущего 45
I.III Христианство 47
История и учение 48
Деноминации 53
Языческий элемент 66
Современность 83
I.IV Ислам 86
Суннизм, шиизм, суфизм и салафизм 92
Кульминация разрыва 109
Дар-аль харб 114
Современное состояние 117
I.V Отношение к креационизму 118
Принципиальная новизна креационизма 118
Исток реки 121
Эдип как парадигма 134
II Пол и сексуальность 144
II.I Метафизика пола 144
Андрогин и происхождение полов 145
Эрос 153
Профанация 166
II.II Постсексуальность: инверсия и пародия 175

Феминизм 178
Игра гендером 189
II.III Эрос в современном язычестве 198
Язычество и табу? 198
III Политические измерения язычества 203
III.I Предварительные рассуждения 204
Утопия Платона 205
Вечность сквозь современность 213
III.II Племя или Империя? 220
III.III Либерализм и отторжение демократии 227
III.IV Раса, нация и их мифы 239
От большего к меньшему – к старому? 240
Шовинизм 269
III.V Этноцентризм 278
III.VI Язычество «слева» 285
III.VII Примитивизм 292
III.VIII Антиглобализм 315
III.IX Выводы из предыдущих глав 318
IV Путь Правой Руки и Путь Левой Руки 321
Семантика рук 323
IV.I Взгляд в Бездну 325
Шаг в Пустоту на месте 328
Три жертвоприношения 345
IV.II Левый Путь 354
Санатана Дхарма и Вама-марга 355
Чод 366
Одинизм 368
Шуйный Путь и Чернобожие 375
Бог Дионис 379
Креационизм 382

Путь без Пути 384
IV.III Тьма и Тень 385
Магия 389
Яйцо Мира 393
Снова титаны 395
IV.IV Люди Леса 409
IV.V Дорога для всех и ни для кого 410
V Заключение 413
VI Приложения 416
Мартин Хайдеггер, скука и язычество 416
Велеслав: Язычник в эпоху Постмодерна... 420
Summary 422
Избранная библиография 423

Предисловие ко второму тому

В этом томе мы продолжаем раскрывать положения языческого традиционализма, и на этот раз обратимся непосредственно к отношениям между язычеством и религиями авраамизма (креационизма), различным языческим стратегиям в сфере Политического, проблемам Эроса и затронем перспективу Пути Левой Руки.

Для корректного понимания повествования, знакомство с первым томом труда «Polemos» крайне необходимо. В нем мы рассмотрели основные структурные положения язычества (манифестационизма): пирамиду Сакрального, нюансы и коренные различия языков Традиции, Модерна и Постмодерна, доктрину сословий и каст и их должного поведения в эпоху Железного века, в котором мы предываем в наши дни.

Традиция – это холизм, символ, который всегда указывает не только на свое строгое значение, но всегда говорит *о чем-то ещё*, о Сакральном.

Модерн – эпоха современности, выстроен на тотальном отрицании Сакрального и Традиции, *в любой форме и без исключений*. Язык Модерна – это язык «обрезанных» символов, то есть строгого научного, физико-математического тождества выражений и детерменизма.

Постмодерн выстраевается как торицание любогой большого дискурса, любой большой программы, будь то Трдиция или Модерн. Постмодерн разрушет любые структуры, игриво смешивает Традицию, язычество, и Модерн, науку и технику. Постмодерн – это царство пародии, подделки, виртуальности, симулякра.

На основе этой ризоматической симуляции возникают все New Age подделки язычества и Традиции, он же во много лежит в основе множества политических заблуждений и сексуальных девиаций язычества на современном этапе.

Двухтомник «Polemos» следует рассматривать как одно целостное повествование о судьбах языческих традиций в современную эпоху Конца.

I
Язычество и креационизм

Отношения между язычеством и креационистскими религиями, которые пришли им на смену, являются одной из самых острых и спорных тем в странах Европы, России и, в менее острой форме, в Азии и на Востоке. Как мы не раз указывали, в стремлении очернить или развенчать авраамические традиции, преследуя цель восстановить свою родную веру, язычники не стесняются прибегать к модернистской аргументации с помощью социально-гуманитарных и естественно-технических наук. Это является проявлением непонимания деструктивной роли Модерна по отношению к любой традиционной форме, манифестационистской или креационистской. В других случаях в отношении креационизма имеют место быть стратегии открытого террора: поджоги церквей в Норвегии в 1990-е, столкновения мусульман и индуистов в Кашмире и Индии; либо наоборот, принятие церковных обличительных речей против еретиков и язычников за образец для подражания и реконструкции. Авраамические же традиции, в свою очередь, так же отмечены подчеркнутой доктринально нетерпимостью в отношении иноврецев, и особенно многобожников.

В любом случае, говоря языком социальных наук, для языческого традиционализма религии откровения являются «значимым другим», который играет большую роль в процессе становления, в нашем случае – возрождения, язычества на пространстве Индоевропы.

I.I Нюансы креационизма

Феномен креационизма требует от нас уточнения его положения в Сакральной истории и в сословной пирамиде традиционных языческих обществ. Ранее мы уже помещали креационизм на нижнюю границу Бронзового века Традиции, в непосредственной близости к Модерну. Такое расположение на самом низу Традиции, ещё вне Модерна, согласуется с нашим положением о том, что даже минимальная и искаженная Сакральность – языческие реликты в авраамизме – лучше, чем их полное отрицание в Новое время. А также согласуется с позицией классиков традиционализма, которые ещё не проводили принципиального различия между двумя онтологическими доктринами.

Но внутри язычества, в силу самого факта отступления от родной традиции предков, народа, в пользу иной веры, пришедшей из вне, креационизм однозначно оценивается как наступление Железного века. Такой подход утончает и нюансирует движения язычества по векам/югам. Ещё большее уточнение и нюансирование во времени достигается, если обратить внимание на историческую неравномерность принятия крещения разными народами, и на разные жизненные стадии народов и традиций, по отношению друг к другу.

В то время, когда происходили события Нового Завета, Римская Империя и романская традиция уже находились в состоянии упадка[1], в Индии шел активный творческий процесс и полемика даршан, а народы Скандинавии жили в максимальной аутентичности. То есть традиция Рима, к моменту возникновения в Иудее христианской секты, уже была близка к своему собственному Железному веку, а другие традиции – от него далеки. В таком свете, мы можем заключить, что крещение Скандинавии в X-XI веках уже было своеобразным Рагнарёком для проживающих там народов, как и крещение славян накануне X века, и последующее проникновение христианства в различные уголки мира, несшее конец народным традициям.

Различие в становлении традиции подчеркивает принципальное разнообразие и множественность историалов языческого мира, против универсализации истории и времени, привносимой авраамизмом, в частности христианством. Христиане считают, что с момента последнего Откровения в лице Христа и его учения, в мир приходит единственная истина, история и картина мира, универсальная для всех народов. И как следствие христианизации, мы видим приведение разных народов и государств к обобщенному восприятию мира, времени и истории. *Кажется*, что весь мир стал христианским в момент жизни-и-смерти Христа. Когда на самом деле, к моменту крещения Руси Рим был христианским всего лишь несколько столетий, а ко времени поздних датировок эпохи двоеверия в Европе наступила эпоха Просвещения. Каждый народ входил в христианскую ойкумену в свое время, процесс этот был неравномерный и сопровождался, к тому же, полемикой и расколами и внутри Церкви.

Поэтому, говоря о разных традициях, мы увидим и разные даты крещения, что будет соответствовать их собственным Кали-Югам. Говоря о

[1] Уже в то время к романской традиции применялся термин «религия», что указывает на образовавшуюся дистанцию между Богами и людьми.

язычестве в широком смысле, то его «Железный век» наступает с повсеместным утверждением христианства в Европе, в века непосредственно близкие к Возрождению и Просвещению. Мы берем «Железный век» в кавычки, ибо эпоха Возрождения – это время нового открытия Средневековой Европой славной эллинско-романской античности, новым обращением к язычеству, но из которого вышел не триумф Богов Олимпа, но окончательный Железный век Модерна. Возрождение можно уподобить веку Героев Гесиода, который подобно последней вспышке Солнца, дарует последний луч перед наступлением тьмы Современности. Луч указующий тайный путь в ночи, который был воспринят дальними предшественниками традиционализма – мистиками и оккультистами[2].

Говоря о [Примордиальной] Традиции мы находим согласование наших положений, что позволило поместить ранее креационизм на нижнюю границу Бронзового века Традиции.

В конце-концов, язычество не постигла абсолютная смерть и забвение, которые начисто отсутствовали в Традиции, и оно сохранилось в двоеверии, народных интерпритациях фольклора, паралелльно глубинным философским, оккультным и мистическим теориям и визиям монахов, мистиков, поэтов и авантюристов, чей творческий гений лишь на уровне внешних форм сохраняет христианские одежды, но в своей сути и глубине (структуре) абсолютно языческий.

Другой вопрос, требующий уточнения в свете феномена креационизма – это его сословная доктрина, природа, которую он воплощает.

Так как креационизм выкристаллизовывается в семитских народах, в частности первыми у евреев в иудаизме, то географически мы оказываемся за пределами европейского пространства и индоевропейской структуры обществ. Специфика семитских народов заключается в кочевом скотоводстве, что позволяет локализовать их природу как близкую третьему сословию, а также выделить неиндоевропейское сословие профессиональных купцов, торговцев и ростовщиков. Исторически семитские народы оказывались в завоеванном положении рабов либо данников, живших на окраине Римской Империи. Показателен один из определяющих европейскую идентичность и структуру конфликтов Рима и Карфагена, т.е. континентальных европейцев и мореходов финикийцев, лингвистически относимых к семитам. Принципиальная разница народов

[2] См. Сэджвик Марк «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века».

Финикии и Рима вылилась в три Пунические войны, в ходе которых главенство осталось за Римом. В 6 году н.э. на месте Иудейского царства была образована римская провинция Иудея.

Если положение Иудеи в Империи было почти автономным, то положение первых христиан как внутри еврейского общества, так и в самой Империи, и в Риме, было ниже и изначально христианство распространялось среди рабов, изгоев, низших сословий и каст, что нашло свое отражение в философии христианской религии и последующем принятии гуманистических идей Нового времени.

Метафизика креационизма основывается на восприятии Бога как Демиуга, творца материального мира, что соотносится с видением третьего сословия. Но креационизм особенно подчеркивает принципиальное нетождество Бога-творца и творения, что выражено в creatio ex Nihilo – творении из Ничто, в противовес манифестациям Божественного в язычестве. То есть, доктринально креационизм близок к третьему сословию, но в силу разрыва между Богом и миром, в силу исторического положения иудеев и первых христиан в Римской Империи[3], мы можем локализовать авраамические религии как подсословные, либо находящиеся на нижней границе третьего сословия, либо являющиеся этой нижней границей-прослойкой, предваряющей атеизм и антитеизм.

Не менее важно, для понимания причин установления господства креационизма в христианской версии на пространстве Рима, и далее – всей Европы, уточнить предшествовавший его возникновению контекст; ситуацию романно-эллинского язычества и общества, пребывавшего на тот момент в упадке.

Принципиально значимым событием древней истории, подготовившим почву для становления христианства и его успешной экспансии, является завоевание Александром Великим части Средиземноморских территорий и Азии в период его царствования между 336-323гг. до н.э. Это событие послужило началом формирования новой ойкумены, объединенной под началом эллинской культуры, и принесло начала централизации власти и универсализации культур. В своем походе Александр принимал царские титулы и Божественные регалии согласно традициям тех народов, которые он покорял, тем самым соединяя в своих руках, как политические, так и Сакральные вершины разных культур. После себя Александр оставил несколько городов – Александрий, центров эллинской культуры и

[3] Можем добавить к этому акцентуацию на морально-нравственных заповедях, как более свойственную третьему сословию.

являвшихся элитарными центрами притяжения и символами власти. Самым известным городом стала Александрия Египетская, в которой после смерти Александра утвердилась династия Птолемеев.

С Птолемеями связано утверждение культа синкретического Бога Сераписа (Осириса-Аписа), призванного объедининть в одной фигуре и культе египетскую и греческую традиции. Контекст появления такого культа заключался в большом количестве греков и македонцев, прибывающих в Александрию со всех краев бывшей империи Александра. На протяжении истории культа функции и отождествления Сераписа с греческими Богами неоднократно менялись, что выражает стремление почитать его как универсального Бога. Конец культа приходится на 391г. н.э., и связан с разрушением храма Серапеума, вызванным беспорядками между язычниками и христианами, при последнем императоре единой Римской Империи – Феодосии I Великом.

После смерти Александра в Вавилоне в 323г. до н.э. империя была быстро поделена между его военачальниками (диадохами), которые утвердили свои региональные династии. Если греки полагали центром ойкумены Элладу, то центром ойкумены империи Александра был он сам – великий царь. Закономерно, что после его смерти империя распалась, но она заложила прообраз того, что удастся сделать Риму – создать единое пространство Средиземноморья (Pax Romana), которое станет одной из главных Европейских идей – идеей единой Европы, отраженной в понимании общности и универсальности своей исторической судьбы.

Появление христианства предворял кризис эллинской и романской традиций: в Элладе происходил упадок веры в миф, что было отмечено Платоном, а римская традиция попала под доминирование права и юридической интерпретации. Повсеместным было распространение разнообразных эсхатологических культов и доктрин восточного происхождения, нередко в них фигурировал образ мессии[4]. В Риме утверждались семитские культы, в частности культ Кибелы/Гекаты, жрецы которой свершали ритуальное оскопления, вызывая непонимание и негодование граждан Рима. Из Индии и Ирана в I веке н.э. в Империю приходит культ Бога Митры и его мистерий, который будет главным соперником христианства в первые века нашей эры.

[4] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства» и «История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий».

В области религиозного и философского творчества можно выделить два главных фактора: активный творческий процесс, порождавший множество сект, школ и учений, связанный с проникновением восточных традиций на Запад[5], и оформление в философии идеи Единого.

Корни Единого можно обнаружить в восточных и азиатских традициях, с самым ярким примером из Индии – Брахма Сагуна и Брахма Ниргуна. Брахма Сагуна – Брахма со свойствами или Бог с качествами, с присущими аттрибутами и образами. Брахма Ниргуна – Брахма без свойств или невыразимый высший Бог, не имующий качеств, свойств, описаний и образа. Брахма Сагуна и Брахма Ниргуна – это Единый Брахман; Брахма Сагуна как Бог с качествами является объектом почитания и молитв адепта, и он дарует достойному и упорному адепту познание (освобождение) Брахма Ниргуны – Себя Невыразимого.

Брахму Сагуну можно рассматривать как множество феноменов мира и множество Богов и их первонификаций, в то время как Брахма Ниргуна всегда остается Единым, причем Единым-в-Себе и Единым-во-множественности. Т.е. разногласие между множеством Богов (пантеизм) и Единым Божественным (монизм) снимается в высшей реальности невыразимого Единого.

Идея Единого нашла свое воплощение и расцвет в философии Платона и его последователей – платоников и, позже, в неоплатонической школе Плотина, к чему мы ещё вернемся.

Традиционализм и креационизм

Для дальнейшего корректного повествования в рамках нашего языческо-традиционалистского видения необходимо сделать отступление, вернуться и рассмотреть отношения двух онтологических доктрин и их метафизик внутри философии традиционализма.

Марк Сэджвик возводит корни традиционализма к эпохе Ренессанса, сменившей Средневековье и предворяющей Новое время. Ренессанс или Возрождение – это время нового открытия европейским обществом античного мировоззрения и культуры, особенно философии Платона и неоплатоников. В XV веке итальянский философ и основатель флорентийской Платоновской академии Марсилио Фичино (1433-499гг.) совершает перевод Corpus Hermeticum – сборник трактатов, приписываемый Гермесу Триждывеличайшему. Во времена Фичино

[5] Там же.

считалось, что Платон в своей философии опирался на Герметический Корпус, Орфея, гимны которого были также переведены Фичино, и Зороастризм. Сомнение в древности Герметического Корпуса возникают уже в следующем веке: И. Кобозон доказывает позднегреческий характер текстов и отсутствие упоминания Гермеса у Платона и учеников; и на сегодняшний день считается (Ф. Йейтс), что Corpus был создан во II-III веке нашей эры как адаптация христианства к язычеству. Таким образом, возрождение платонизма, как критики против католической аристотелевской схоластики, происходила через интерпретацию, основывающуюся на более позднем Corpus Hermeticum, который в свою очередь был адаптацией христианства к язычеству. Такое ошибочное прочтение Платона предопределило его восприятие и прочтение как «христианина до Христа».

Именно к Марсилио Фичино, и появившемуся в эпоху Возрождения герметизму, возводит нить тайной истории традиционализма Марк Сэджвик[6]. Уникальная ситуация Ренессанса, отмеченная предшествующими тёмными средними веками, возрождением античного духа и творческого гения, разрешается Просвещением и становлением Модерна, который определит магистральный вектор человеческого развития. Традиционалистский и романно-эллинский языческий потенциал Возрождения будет вытеснен на периферию и оформится в тайные оккультные общества, нередко существовавшие под маской католичества. Корни декаданса также можно возвести к Ренессансу, а точнее – к провалу полноценной реставрации античности, и следующей за этим мрачной фиксацией существующего упадка.

Несомненно, первые традиционалисты были детьми Европы Нового времени, и одновременно наследниками католических традиций, укорененных на Западе, и привнесли реликты креационистского мышления в саму философию традиционализма.

Становление Рене Генона как традиционалиста происходило в масонских и герметических кругах, а также при тесной связи с католическими институтами, где он читал лекции, и журналами, которые печатали его статьи. Стремясь к Sophia Perennis, Вечной Мудрости, идея которой также сформировалась во время Ренессанса, названой Геноном Примордиальной Традицией, он исследует на инициатичность оккультные круги Европы (мартинизм, масонство, теософию, спиритуализм), а также

[6] Сэджвик Марк «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века».

католическую церковь. Особенность традиционализма, его утверждение о единой основе и Мудрости всех религий, порождают неприятие в христианской среде и приводят к разрыву с католицизмом. Сам же Р. Генон отдает приоритет индийской Веданте, как наиболее полноценному выражению древней Традиции, используя её язык и формулы, в том числе и для объяснения христианских концепций. Относительно католицизма Генон отмечает утрату его инициатического измерения после первых Вселенских соборов.

В традиционализме Генона присутствует присущий креационизму дуализм абсолютного Добра и Зла, отражающийся в идеях инициации и контриницации, а также в языке: использование таких характеристик как «сатанизм» и т.п. В идее Примордиальной Традиции Генона прослеживается универсализм, выраженный в *единстве-и-единственности* древней религии, относительно которой все остальные являются производными. Это подтверждается его уточнением, что он не обратился в ислам, а *перешел* в него, ибо для знающего об Истоке нет разницы во внешних его проявлениях.

Ошибочное прочтение платонизма через призму прохристианского Герметического Корпуса, и существоание герметизма в тени католицизма, в дальнейшем порождают в традиционализме одно из прочтений языческих дохристианских традиций как предшествующих, искаженных версий Мудрости, которая была очищена и освящена явлением Христа и его учения. Иными словами, происходит реинтерпретация всего предшествовавшего авраамизме языческого периода как подготовительного, для пришествия Христа, этапа. И все лучшее, что было до авраамизма, находит свое очищение, выражение, формирование и возвышение именно в христианстве.

Даниэль Колон в своей апологии[7] Рене Генона и христианского традиционализма пишет следующее:

«Истинная религия, которую воскрешает де Местр[8], — Philosophia perennis, религиозная Вера, именем которой Блаженный Августин назвал одну из своих книг. Он утверждает: «То, что сегодня называется христианской религией, возникло уже у древних, не отсутствовало оно и у зачинателей человеческого рода. И когда Христос явился во плоти,

[7] Колон Даниэль «Эвола, Генон и христианство», перевод с испанского Н.Сперанской, исследовательская группа «Catena Aurea».

[8] Жозеф де Местр (1753-1821гг.) – французский консервативный философ, близкий друг Луи-Клода де Сен-Мартена, основателя мартинизма.

истинная религия, которая была уже до этого, получает имя христианства».

Сам Д. Колон ведет линию христианского традиционализма и определяет радикальный монотеизм от прямого значения латинского слова «radix» – «корень», т.е. его радикальность заключается в обращении к Золотому веку христианства – райскому Эдему и времени до грехопадения. Колон, как и христиане-традиционалисты, соотносит Сатья-Югу или Золотой век со временм пребывания Адама и Евы в Эдеме, а современность соотносится им с Железным веком и Кали-Югой. Грядущее после апокалипсиса Царство Божие также представляется как реставрация человечества в состоянии до грехопадения, и вновь соотносится с новым Золотым веком. Здесь мы видим противоречие между принципиально присущей язычеству доктриной циклов и принципиальной для креационизма линейностью истории, и её одноразовостью. Линия времени обрамляется Золотым веком в начале, от которого происходит отпадение и языческое искажение, за которым следует явление Христа и утверждение его истины, и обещается замыкающий обрамление новый Золотой век. Получившаяся картина являет нечто среднее между цикличным и линейным восприятием, в которой уже заложена идея позитивного будущего, прогресса.

В среде русских православных традиционалистов также распространено прочтение изначальных языческих традиций как искажений тайной Адамической традиции. Здесь можно отметить труды А. Иванова[9] и В. Карпца. Основой общего подхода является деконструкция артефактов двоеверия и фольклора, ариософии Гвидо фон Листа и Германа Вирта, и традиционализма в сторону христианства, преимущественно православного, и критике языческого традиционализма с оппозицией между Р. Геноном и Ю. Эволой. Волюнтаризм некоторых прочтений, в частности интерпретация В. Карпцом славянского язычества как прамонотеизма (протохристианства), мы полностью оставим на совести авторов, как не выдерживающий ни академической, ни традиционалистской критики.

Критика язычества, приведенная в ранней работе А. Дугина «Пути Абсолюта»[10], начинается со взглядов его наставника Гейдара Джемаля,

[9] См. Иванов Александр «От язычества к христианству. Путями последней Австразии».
[10] См. Дугин Александр «Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии».

мусульманина, занимающего антитрадиционалистские позиции[11]. В основе этой критики как раз лежит различие между креационизмом и манифестациионизмом, сведенное до оппозиции между трансцендентным и имманентным в креационистском прочтении, где высшее привативно принадлежит единственному Богу, а имманентное (самозамкнутое) творение есть чистая множественность. Релевантность такой критики относительна, скорее здесь мы сталкиваемся с безапелляционным осуждением язычества с позиций радикального исламского креационизма. Ключевым для Г. Джемаля является «сверхэтический волевой акт» обращенный «отсюда-туда», т.е. от материального творения-мира к абсолютно отличному и превосходящему, а в трактовке Джемаля и непознаваемому вплоть до парадоксального существования-в-несуществовании, Богу (Аллаху). В такой трактовке данный мир, его традиции, общественные институты и государство – самозамкнутый, варящийся и вечно повторяющийся сам в себе (имманентный) прах [множественности], от которого надо освобождаться радикальным рывком ничем не подкрепляемой веры-верности трансцендентному [единому и одному Богу].

Язычник может возразить на это, что мир не является творением из Ничто, как то постулирует креационизм, а является проявлением Божественного, creatio ex Deo. Что Высшее всегда соприсутствует в материальной данности, в мире, в вещах, как обратная, эквиполентная сторона монеты; как трансцендентно-имманентное. Вопрос только в раскрытии этого измерения (если оно сокрыто), и восхождении или погружении по холистским нитям к духам, даймонам, Богам или демонам. Мир, люди, животные и вещи – проявление Божественного, управялется Богами, являющимися также манифестациями Невыразимого Единого, в котором мирно снимаются противоречия единого и множественности. Познавший свою Божественную природу человек, даже пребывая в сердце материального мира многих вещей, видит их как проявления Единого, которые этим Единым и являются, но не как количество, переходящее в совокупности в качество, а как качество, освящающее и объединяющее (освящающее Сакральным светом) все разнообразие мира.

Как мы видим, здесь вопрос разности онтологических доктрин проявляется явным образом, и образовавшаяся оппозиция не предполагает своего разрешения с привативной точки зрения. Трактовка язычества как имманентности в своем пределе доходит до гротескного заключения о

[11] См. Джемаль Гейдар «Революция пророков», 2003г.

поклонении язычников идолам (деревянным, каменным и т.д.) в их буквальном, материальном измерении. Т.е. идол или образ Бога является только материальным автономным объектом, не обладающим Сакральным и высшим измерением, что сводит язычество к «примитивной» форме фетишизма и сближает с карго-культами. Подобное толкование удобно в пропагандистких, очерняющих целях, и повсеместно используется для критики язычников с позиций православия, но абсолютно не соответствует реальности. В частности, такой прием был использован А. Дугиным для утверждения дистанции между Е. Головиным и его философии от язычества, так как Евгений Всеволодович идолов не имел и не отправлял обрядов. Такое утверждение строится на зыбкой почве и легко опровергается как языком самого Головина, защищавщего язычество, так и тем фактом, что наличие антропоморфных или зооморфных образов Богов не является обязательным для язычества, а в своем пределе Сакральное ускользает от любого образа и слова.

Языческий полюс в традиционализме, несомненно, связан с бароном Юлиусом Эволой, который отстаивал идеалы и мировоззрение древнего Рима в современном мире. Ранее мы уже обращали внимание на его ранний труд «Языческий Империализм», который можно считать сжатым программным изложением положений, которые будут в дальнейшем разворачиваться в других его работах. В терминологии Эволы присутствует терминологическое разделение, предпочитая термин «традиция», он оставляет за «язычеством» уровень имманентности, к которому он относит и неоязыческие начинания его современников. С таким «имманентным язычеством» Эволы мы можем соотнести титаническое язычество (язычество титанов), о котором мы говорили в предыдущей главе.

Ю. Эвола первым делает шаг к прочтению эпохи креационизма в европейской истории как периода упадка относительно величия Римской Империи. Все, что в Средневековье и в католичестве есть традиционного, эзотерического, является искаженными следами римского духа и северо-германскими влиянием, в частности институт рыцарства.

Д. Колон, посвятивший полемике с Эволой, и апологии генонизма и христианства первую часть своего труда, указывает на приводимое бароном соответствие римской традиции «Свету Севера», а христианской – «Свету Юга».

Описывая духовность, присущую «Свету Юга», Эвола настаивает на её беспорядочном характере, принимаемом за мифическую атмосферу по

причине того, что в первую очередь она находит эхо в аффективной, эмоциональной и иррациональной части существа. Божественным становится «объект смутного вдохновения и душевного восторга». «Иррациональная часть существа используется в качестве рычага и, вместо возвышения героического пути и посвящения в мудрость, в качестве фундаментального средства утверждается вера, импульс обеспокоенной души, беспорядочно направленной к сверхчувственному». Религия, происходящая из «Света Юга», христианство, ввело бы в западном мире галогенную духовность, основанную на аффектах, которая была бы противопоставлена интеллектуальному, типично индоевропейскому пути, подходу к трансцендентному[12].

Высшей ценностью для Эволы была империя, и период распада Римской Империи, и последовавшие за этим века феодальной раздробленности, несомненно, воспринимались как упадок, за редким исключением проблесков остатков Традиции и Духа.

«*После падения средневековой культуры, после потопления сияющей европейской весны в ее молодой крови, после освобождения от оков тех сил, которые вели к секуляризации, партикуляризму и разрушительному гуманизму, пути к последней катастрофе были открыты.*

Сила Традиции из видимой превратилась в невидимую, стала тайным наследием, передаваемым по тайной цепи от немногих к немногим. И сегодня о ней догадываются только единицы, сквозь неясные предчувствия, еще слишком человеческие и слишком материальные»[13].

Мы можем увидеть общее у представителей Ренессанса, в частности Марсилио Фичино, и традиционалистов Нового времени, заключающееся в критике католицизма, будть то платоническая критика схоластики либо заключение в утрате инициативности католицизмом. И далее – в рассмотрении христианства как упадка, особенно в его протестантской деноминации, фактически воплотившей секулярный подход и открывшей теологический подход к становлению Модерна в экономике[14].

В критике традиционалистами христианства существует важный нюанс, что она практически не затрагивала православную деноминацию. С одной стороны это обусловлено очевидной актуальностью для Европы католицизма, с другой А. Дугин отмечает, что Р. Генон был неосведомлен о православии и его специфике. В византийской ветви христианской

[12] Там же.

[13] См. Ю. Эвола «Языческий империализм».

[14] См. Вебер Макс «Протестантизм и дух капитализма».

традиции Юлиус Эвола и Ален де Бенуа отмечают больше положительных и традиционалистских черт, противопоставляя более консервативное, с их точки зрения, православие католичеству. В книге «Как можно быть язычником» де Бенуа указывает, что в «восточной церкви» языческий компонент выражен ярче, чем в западной[15]. Говоря о потенциале России в возрождении язычества, мы уже указывали на причины такого консерватизма и ниже мы вновь обратимся к ним при соответствующем рассмотрении христианства.

В этом вопросе также нельзя обойти фигуру Фридриха Ницше, который в своей философии обозначил концепцию войны между вечной Иудеей и вечным Римом. Для Ницше Рим и Иудея были не только и не столько реальными историческими образованиями, сколько архетипически выражали дух Европы и эллинизма, и дух семитского Востока. Европа, говорившая «да» жизни и разнообразию, и Иудея, несшая пустыню и смерть, в том числе в форме иудео-христианства[16]. Европа обязана своим нигилизмом семитскому духу, сформированному в пустынях Передней Азии, привнесенному в Европу с триумфом учения Христа.

«Горе тому, кто несет в себе пустыню» пишет Ницше, а после «смерти Бога» Европа остается наедине со своим горем, наедине с Ничто.

Обратив взор за пределы Европы и христианства, мы увидим плеяду выдающихся традиционалистов которые, вслед за Р. Геноном, пошли путем традиции ислама: Фритьоф Шуон, Анри Корбен, шейх Абд аль Вахид Паллавичини, Сейид Хосейн Наср и др. Все они уделили особое внимание внутреннему, эзотерическому измерению ислама, которое открывало обширный простор для традиционалистского метода, выраженному в шиизме, суфизме Шихабуддина Яхья Сухраварди, поэзии Джалаладдина Руми, философии любви Мансура аль-Халладжа и др.

Наставник Р. Генона и его информатор о китайской традиции Дао граф Альбер де Пувурвиль, известный также под инициатическим именем Матжиои, предвосхитил традиционализм в своем описании даосизма в труде «Метафизический Путь». В его видении китайская традиция с минимальными искажениями выражает Примордиальную Традицию, её простоту и лаконичность. Но, явно предпочитая её западному

[15] Уважительно полемизируя с Ю. Эволой, Д. Колон неоднократно противопоставляет позицию барона «псевдо-интеллектуализму» язычников Новых Правых, с чем мы не можем согласиться и вновь отсылаем читателя к великолепной апологии язычества Алена де Бенуа.

[16] См. Ф. Ницше «Антихристианин».

католицизму, он все же допускает ряд параллельных сравнений положений между И-Цзин и христианством.

Как мы видим, в своем начале традиционализм стремился охватить все проявления Традиции, все религии, и свести их к общей картине и универсальной системе (Р. Генон). Но почти сразу же появилсь тенденция, обратная примордиальному универсализму (Ю. Эвола). Здесь важно провести различие между универсальным методом Генона, который рассматривал все религии как проявления, лучи, исходящие из одного центра – древнеисторической единой и единственной религии, и взглядом, утверждающим первенство и приоритет манифестационистских (языческих) традиций во всем их многообразии, с последующим, согласно доктрине циклов, ниспадением, искажением и смешением. А также, с привнесенным креационизмом эксклюзивным универсализмом доктрин христианства и ислама.

На сегодня разделение традиционализма на более узкие направления очерчено ещё более ярко: в России традиционалистская школа А. Дугина отстаивает интересы православия[17], и особенно русского старообрядчества единоверческого согласа. Ряд традиционалистов остаются верны Востоку и исламу. Европейские католические круги не смогли сформулировать жизнеспособную традиционалистскую позицию[18], вследствие чего там доминирует проязыческий традиционалистский подход, и в целом судьба и спасение Европы рассматривается в ключе возвращения к родным европейским традициям: Ю. Эвола, Д. Веннер, А. де Бенуа, А. Даниелу и Новые Правые, Т. Саусгейт и др.

Подход языческого традиционализма также актуален для Азии, особенно Индии, с её богатым разнообразием традиций, даршан, народов и субэтносов, которые во многом сохранились, несмотря на натиск ислама, буддизма и английских колонистов-модернистов.

Мы видим отчетливое размежевание на два традиционализма: креационистский (христианство и ислам) и манифестационистский. Сторонники первого настаивают на своей приверженности генонизму, который имплицитно или эксплицитно, но выражает креационистскую позицию, его эксклюзивность и дуализм. Вторые настаивают на

[17] См. А. Дугин «Метафизика Благой Вести» – исследование соотношения генонизма и православия.

[18] За исключением воинственного христианства румынской «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну (1899-1938гг.), и мягкого традиционализма Мирча Элиаде, которых можно отнести к восточноевропейской сфере влияния русской цивилизации.

плюральности традиций и более строго выражают доктрину циклов и искажения Традиции по пути ниспадения: от языческого разнообразия древности, через универсализацию креационизмом к Просвещению и Модерну.

На сегодняшний день это все ещё открытый процесс.

Наследие Платона

Нет никаких оснований полагать, что в деле рассмотрения отношений традиций манифестационизма и креационизма можно обойти вниманием фигуру и философию величайшего античного мыслителя Платона (428-348гг. до н.э). Наследие Платона настолько обширно, фундаментально, и в своей мощи оно аффектировало практически все европейское мышление, вплоть до Постмодерна и постмодернистов, так что невозможно не согласиться с философом Альфредом Уайтехдом, утверждавшим, что вся западная философия – это заметки на полях Платона.

Изучению философии Платона и его последователей, платоников и неоплатоников, посвящено несметное количество трудов, в том числе и в рамках традиционалистской философии, даже простое перечисление которых займет изрядный объем. Поэтому из платонической вселенной мы выделим лишь принципиально важные для дальнейшего повествования моменты, оставляя за скобками обширное поле для более детального рассмотрения и нюансирования наших взглядов.

Семья Платона имела аристократическое происхождение и считается, что он родился в день рождения Аполлона, 21го мая, в разгар Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой. Известным учителем Платона был Сократ, сам Платон был учителем Аристотеля. Исторический контекст становления философии Платона отмечен упадком эллинской традиции, относительно которой сам философ желал вновь наполнить её русло водами, в чем мы можем усмотреть корень его иедалистического государства, и всей философии в целом. А также уже в те времена было отмечено обширное проникновение восточных традиций и обычаев в Грецию, и всплеск эсхатологических настроений [19]. Позже, ученик Платона Аристотель будет учителем Александра Великого, чья империя заложит начало новой ойкумены и универсализма.

[19] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства».

Фигура Платона и его философии для языческого традиционализма имеет важное, и одновременно проблемное значение. Мы можем его сформулировать следующим образом. Платон был вершиной греческой традиции, он был тем, кто закончил оформление греческой философии, греческого Логоса, проросшего из греческого мифа поэтом Гомера, Гесиода, Пиндара и т.д. То есть, Платон, на основе греческой традиции, поэзии и мифа, создает, или вернее сказать – выражает и воплощает новый, философский язык, на котором он описывает глубинную структуру всей Традиции. Здесь мы предостережем читателя от отождествления структуры Традиции, выраженной в идеалистической философии Платона, с универсальным принципом. Речь здесь идет не о внешнем и множественном тождестве, но о структурах Сакрального центра, воплощающегося во всем.

Поэтому Платон представляет и проблему: с одной стороны – он глубочайший философ и высший мыслитель, сформулировавший максимально чистым образом ряд положений Традиции, с другой – в его философии уже есть дистанция по отношению к самой греческой традиции и мифу. В этом заключается и проблематика феномена «философии» как таковой. Её рождение – свидетельство упадка мифа и ритуала, она в некоторой форме оторвана, и даже противостоит (Сократ) мифу, но с другой стороны она обращается к Сакральному и мудрости с позиций ratio, разума. Философия амбивалентна, её дорогами можно придти к Священному, а можно к строгой рациональности Модерна.

В отношении эллинизма мы можем представить отношения философского Логоса Платона и греческого мифа как дробь, числителем которой будет Логос, а знаменателем – миф.

Философский Логос Платона и платонизма (и неоплатонизм Плотина)

Греческие мифы и поэзия Гомера, Пиндара, Гесиода и др.

Некорректно говорить о «произрастании» Логоса из почвы мифа, ибо Логос в своем переводе означет «слово», «речь», «понятие» и наиболее точно уподобляется молнии, пронзающей темноту ночи, от неба к земле, и освещающий на кратчайший миг абсолютно все вокруг. В случае с Платоном, который, несомненно, был сыном своей земли, его Логос максимально солярный и небесный. Нисходящий с неба на землю, и имеющий своё начало именно на небе. Вспомним, что сам философ родился в день рождение Бога Солнца Аполлона. Подготовленность Платона как землей (греческий миф), так и Богами неба дала возможность

Логосу-слову проявить себя. В этой уникальной возможности заложен и апогей видения всего Космоса освещенным, и признание дистанции между землей и небом. Признание остывания огня традиции, не Золотого века, а века людей железа, о принадлежности к которому с горечью восклицал Гесиод. Платон *не придумывает* ничего, но дает рациональное философски сформулированное описание Сакральных структур в их идеальной, центральной позиции.

Мы можем сравнить Платона с пиком великой горы – он её венчает, но вокруг него простирается только бездна падения вниз. А значит, он интересен и как венец языческой мысли, и как мыслитель, чья философия аффектировала пришедшее через века христианство. То есть, рассматривая традиции креационизма, мы будем обнаруживать в них платонизм, те структуры, что были описаны Платоном, только в деформированном, искаженном виде. В некотором роде это будет и мерой языческого компонента в авраамических религиях, и самой природой языческого внутри креационизма, и, что не менее важно, некоторые положения платонизма найдут свое максимальное воплощение именно в креационизме. Как вершина горы содержит в себе одновременно и последнюю ступень восхождения и первую ступень нисхождения, платонизм так же открыт в обе стороны.

Максимальное развитие идеи Платона, в синтезе с аристотелизмом, пифагорейством, орфизмом, халдейством и учениями Индии, достигли в неоплатонизме III-VI веков, его наиболее известным выразителем является Плотин (205-270гг.). Осуществленный неоплатониками синтез показал интегративный потенциал платонизма и обосновал претензии на выражение манифестационистских структур язычества, был своего рода языческим богословием. Ранее мы уже неоднократно ссылались на Платона и неоплатонизм, и выражали фрагменты этой философии[20].

Согласно неоплатонической онтологии на вершине (или в центре) располагается непознаваемое и невыразимое Единое, за ним следует познаваемый Ум (νοῦς, «Нус») в котором пребывают платоновские идеи, за Умом следует Душа (Ψυχή), иерархически включающая в себя духов, даймонов, животных и всех существ, тем самым образуя Космос.

Интерес в этой структуре представляет фигура Бога, Демиурга – устроителя Космоса. Разные мыслители относят его либо к Уму, либо к Душе (Апулей), непротиворечивую версию выдвигает Нумений, утверждая

[20] Как и ранее мы будем обращаться и рассматривать философию Платона и неоплатоников как одно целое здание мысли.

что Демиург одним своим ликом (как Ум) всегда обращен к Единому (как к Отцу), а другим – к Душе и миру, как творец. Демиург творит (упорядочивает) Космос, основываясь на созерцании высших идей, его взор всегда обращен и вверх и вниз. Позже Плотин твердо отождествляет Ум и Демируга. Творение Космоса есть мышление Умом самого себя, т.е. разворачивание Космоса есть разворачивание Божественного с Единым в центре (или на вершине) и множественным разнообразием жизни на периферии.

Здесь мы вплотную подошли к концепции эманаций из Единого к множеству, от центра к периферии. Неоплатонизм предлагает следующую триаду: μονή – πρόοδος – επιστροφή (mone – proodos – epistrophe), т.е. Единое – удаление (дословно: истечение) – возвращение (Единого к себе). Единое эманирует в Ум, он эманирует в Душу через демиургию Божественного, и через иерархию существ доходит до самой материи как полного «небытия», отрицания Единого и абсолютной количественной множественности, которая полагает предел эманации (πρόοδος). От материи эманация начинает свое обратное восхождение (επιστροφή) к Единому, очищаясь от материальной плотности. Здесь мы видим и аксиологию: полнотой бытия и Сакральности обладает Единое (центр или вершина), из которого изливается Сакральный свет (вниз или на периферию). Это полностью тождественно традиционным доктринам инволюции мира во времени, доктрине циклов.

Нисходящие и восходящие эманации составляют пульсацию жизни умного – ноэтического – Космоса, являются холистскими нитями, ведущими как вниз, так и вверх, и упорядочивающими Космос. При этом Единое и Космос не находятся в оппозиции, ибо Космос является мышлением Ума о себе, а значит изливаясь эманациями за свои пределы Единое парадоксальным образом всегда остается Единым-во-многом, в чем мы без труда обнаруживаем недвойственное представление о мире. Невыразимое Единое познает себя, делая себя познаваемым Умом, выходит из себя, дабы познать себя, и в основе этого выхода лежит главная платоническая идея – идея Блага. Единое является Благим, и проявляет Благо, выходя из себя. Как Брахма Ниргуна разворачивается в мире Брахмой Сагуной. Вселенная является бесконечным процессом познания Единым самого себя, его раскрытием и сокрытием, его *Игрой*. Поэтому познание мира является одновременно и самопознанием и познанием Божественного, познанием Самобожественности, интеллектуальным и экстатическим.

Принципиальным положением Платона и его последователей является утверждение о бессмертии души, о её существовании в высших сферах бытия, где она созерцает идеи. Воплощаясь в материи, облекаясь в форму, душа удаляется от истока и забывается. Процесс философствования, познания, является припоминанием душой видений эйдосов и восхождением к истоку. Душа не умирает и не исчезает бесследно, но лишь пульсирует, удаляясь от Единого в мир и возвращаясь обратно в эйдейтические сферы. Это положение также разделяется язычеством повсеместно и известно как метемпсихоз (перерождение душ в родуи не только), особое положение душ предков-проводников и наставников у шаманов и т.д. И, напротив, это положение о перерождении отрицается в креационизме, где распространено представление о творении души Богом и её посмертном вечном пребывании в Раю или Аду. То есть, судьба души в креационизме в миниатюре повторяет судьбу мира – творение из ничего, однократное воплощение и суд.

Душа в платонизме является замыкающей триаду Единое-Ум-Душа эманацией, непосредственно соприкасающейся с множественностью и границей-материей, от которой начинается обратное восхождение (эпистрофе). Душа является познающим началом и светом, соответственно затемненные материальностью души ограничены в видении и познании идей и Единого. Стремление вернуться назад, наверх, сопряжено с очищением от оков материи. Саму материю Платон, назвавший её хорой (Χώρα), считал абсолютным отрицанием Единого и Бытия, стериальным пределом нижней границы эманаций.

Единое изливает себя из своей полноты к нижним пределам мира, от Бытия к Небытию. Иерархии Космоса, Богов и существ выражают удаление эманации от истока, от лучшего к менее лучшему, чем ниже – тем более тусклым становится свет Сакрального, и тем плотнее его окутывает тьма материи-Небытия. Здесь также является нюансом происхождение *тяжести*. Материя, как полностью лишенная каких-либо атрибутов, лишена и тяжести и не является тяжелой сама по себе. Свойство тяжести принадлежит эйдосу, окутанному сетями материи. Он сообщает её свойство тяжести как отличия от его собственной легкости, таким образом, материя не тяжела, но отяжеляет то, что с ней соприкасается. Она тянет эйдейтический свет вниз, к бессмысленности, болезням, неподвижности, смерти.

Материя носит онтологический характер как абсолютный предел исхождения Единого из себя, полагающий границу, от которой начинается

обратный путь. Материя является абсолютным небытийным антиподом Единого, и в то же время она необходима как та самая граница, доходя до которой эманации начинают свое восхождение к истоку, тем самым позволяя Единому выйти из себя, стать не собой, дабы познать себя.

Все высшие сферы и сущности, Ум, идеи и Боги, Душа нематериальны. В этом проявляется строгая Аполлоничность философии Платона, его патриархальность и локализация высшего, лучшего, светлого наверху. Отсюда традиционное измерение начала сверху, или из центра, с рассеиванием Блага к низу. Обратное построение любых иерархий снизу вверх, от количества к качеству, отражает материальный подход к традиции, утверждая приоритет множества над единством, части над целым.

Мы оказались в двойственной топике Бытие-Небытие, Дух-материя. Двойственность проявляется уже в Уме, как пара Единое-Ум, и поиск диад, триад и т.д. является свойством Ума как познающего через удаление и возврат.

«Материя есть логическое явление. Она конституируется умом, светом и душой. Это очень плохая конструкция. Но какая есть. И вопрос о её происхождении следует обращать не к материи, а к душе. Материальность твориться душой как результат её помрачения, её упадка, её вырождения. А так как душа свободна, то значит и становление материи есть акт свободы. Никто не обречен на падение. Любой луч имеет свободу выбора. И тот, кто выбирает ориентацию радикально вниз, кто решается прыгнуть в бездну, тот и создает фундаментальную структуру гравитации»[21].

Продолжая Аполлоническую, патриархальную линию трактования материи, мы можем сделать следующие сравнения. С одной стороны, мы можем трактовать материю как [Великую] Мать, порождающую из себя титаническое начало, и можем отнести к её области всё титаническое (современное и постсовременное, «имманентное») язычество, позитивизм и постнауку как её ярчайшие выражения. В таком свете Боги являются вторым (или третьим) поколением порождений Матери, закономерно отрываясь от неё, её «очага» и устанавливая свой порядок (Космос), также закономерно отодвигая её на задний план, на периферию, вплоть до противостояния.

[21] См. Дугин Александр Гельевич «В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки)».

С другой, мы можем трактовать материю как Жену, т.е. освященную светом патриархального (Сакрального) начала инстанцию, равно дополняющую мужское начало в мироздании, исполняя свои функции. Здесь уместно вспомнить ассоциацию луны с женским началом, а солнца с мужским. Луна отражает свет солнца, так и женщина принимает и отражает свет мужчины, иными словами – материя осеменяется эйдейтическим светом и порождает Божественные творения. На нижнем этаже сословной пирамиды мы можем уподобить это культурному труду, приводящему дикое хаотически заросшее поле в обработанный, структурированный посев. Так как ремесла являются дарами и откровением Богов людям, их применение к дикому пространству полей и лесов является ничем иным, как демиургическим актом оплодотворения земли-материи как Сакральной структурой и комплексом мифов, поверий и обрядов, так и буквально – засевом культур.

Второе толкование неконфликтное и его воплощение мы можем проследить как от буквального возделывания земли, так и до союза жены и мужа, народа и его родной земли-родины, союза мужских и женских Божеств, солнца и луны и так далее. В тантрах присутствует представление о мире как игре и совокуплении двух начал: Шивы и его Шакти, мужского и женского, пассивно-активного Шивы в виде недвижимой оси-центра (лингам) и активно-пассивной Шакти, энергии Шивы находящейся в вечном движении и изменчивости вокруг лингама (ср. йони). Этот образ мира также укладывается в данное толкование.

Ипохтоническое или субматериальное (дистилиррованно материальное) толкование материи мы находим уже на первых страницах книги Жиля Делёза «Логика смысла», где он обращаясь к Платону вводит новую дуальную топику нижней границы – различие между *копиями* и *симулякрами*[22]. Копия как материя, испытывающая структурирующее влияние Идеи, и безыдейная «избегающая воздействия Идеи» материя симулякров. Делёз описывает такую материю как безумную, пребывающую в вечном становлении и ускользающую от единственного смысла. Для него такая материя живет и действует на изнанке порядка, который налагают Идеи и который, вследствие этого, обретают вещи. В мире Традиции источником такого порядка (ср. Вирд, Дхарма) является Сакральное или мир Идей, эманирующее из себя благое Единое. В Модерне порядок определяется через материализм науки и её метода,

[22] См. Делёз Жиль «Логика смысла». Делёз в этом вопросе отводит особую роль языку, парадоксу (как утверждению более, чем одного смысла) и стоицизму.

оппозиционного Традиции, но сохраняющего определенные элементы философии Платона и его школы в широком смысле. Таким образом, мы видим что Платон волнует даже отцов Постмодерна, которые критикуя его закладывают (или раскрывают?) особую философию чистой безыдейной, а значит десакрализированной в самом стерильном виде, материи и её симулятивных порождений, которые способны в своем становлении *симулировать* в том числе и «сакральный» дискурс.

Тело есть могила души. Сократ отстаивает эту эсхатологию, ссылаясь на Еврипида и на орфико-пифагорейские традиции[23]. Плотин говорит о телесности, что она не принадлежит материи, так как тело обладает формой, а значит эйдосом. Тело – это измерение души. Поэтому оно принадлежит миру форм, и даже его составляющие – вещества – суть стихии, а значит, они также имеют эйдосы и формы[24].

Ученик Платона Аристотель сделал шаг навстречу материи, выдвинув в труде «Метафизика» четыре причины всего сущего: материю, форму, причину и цель – «то, из чего», «то, что», «то, откуда», «то, ради чего».

Платон располагал мир идей наверху, как более высокий мир, Аристотель помещает идеи внутрь вещей как их энтелехию – причину и цель вещи, а также их форму. Так, душа является энтелехией тела, как энтелехией зерна является его сила к произрастанию, само дерево и его форма. Здесь мы сталкиваемся не с восхождением к идеям, но с погружением к центру, сути и цели вещей, сталкиваемся с телеологией. По Аристотелю душа неотделима от тела, но нематериальна.

Различие между Платоном и Аристотелем породило две соответствующие школы, и аристотелизм лег в основу западного христианства католической деноминации (схоластика). Византийская восточная церковь и православие выражают более идеалистические, платонические положения. Позже неоплатониками был осуществлен синтез и непротиворечивое прочтение и интеграция учения Аристотеля в неоплатонический корпус.

Рассмотрение отношений платонизма и креационизма, в лице христианства, мы начнем с тезисов А. Дугина, изложенных в труде «В поисках тёмного Логоса», в нем он откровенно намечает две крайние позиции.

---

[23] Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства».

[24] См. Дугин Александр Гельевич «В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки)».

В защиту тезиса о том, что платонизм и христианство несовместивы, он приводит тезисы А. Лосева, который в свою очередь ссылается на Синодик в Неделю Православия, в котором перечисляются идеи и концепции, связанные с платонизмом, преданные анафеме: диалектика; эллинские космогонические учения; бессмертие и переселение душ; учение о материи и идеях; люди признающие авторитет и мудрость эллинских мудрецов; не принимающие на веру чудеса Христа и Богородицы; обучающиеся эллинским учениям; принимающие платонические идеи как истинные и отрицающие творение из ничего; отрицающие воскрещение на Суде в собственном теле; вновь отрицающие вечность царства небесного и признающие эллинскую (платоническую) космогонию; учение Иоанна Итала.

К этому мы можем добавить осуждение платоника Оригена в пятнадцати анафемах, по требованию императора Юстиниана, а также признание еретиками Ария и последующее в 529 году закрытие афинской Платоновской Академии по требованию все того же Юстиниана.

Иными словами, Платон и платонизм, и его последователи, были преданы анафеме христианской церковью в недвусмысленных формулировках.

В защиту противоположного тезиса о том, что христианство обязано платонизму всем, автор приводит следующие аргументы: влияние эллинской среды как доминирующей культуры на интеллектуальную среду апостольского периода христианства; влияние идей платонизма на иудейские круги, находящиеся в рассеянии; самобытность Александрийской школы богословия, в которой были сформулированы основные положения христианской догматики, пропитанные платонизмом; влияние александрийского (христианско-платонического) способа толкования на Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, которые так же стали выразителями христианской догматики; всплеск платонизма в V веке, связанный с Ареопагитиками Дионисия; всплеск платонизма в XI веке в лице Михаила Пселла и школы Иоанна Итала; всплеск внимания к платонизму в XV веке, связанный с полемикой противников и сторонников исихазма; свод законов Гемиста Плифона, который открыто призывал к реставрации политеистических культов и радикальным платоническим реформам. От Плифона прямое влияние идет к Флорентийской Академии Козимо Медичи и Возрождению; влияние платонизма на западных отцов – Августина, Скота Эриугены и др.

К этому мы можем присовокупить созданную по просьбе папы Юлия II роспись стен Ватиканского дворца, исполненную Рафаэлем Санти. Одной из самых известных фресок является «Афинская школа», где в числе прочих, изображены: Парменид, Гипатия, Платон, Плотин, Аристотель, Сократ, Гераклит и Пифагор. Рафаэль подчеркнул разницу между взглядами Платона и Аристотеля, так – Платон указует пальцем вверх, на горний мир Идей и их интеллектуальному созерцанию, а Аристотель обращает ладонь к земле, к эмпирике и детерменизму логики.

Между двумя указаными крайними положениями существует широкий спектр различных пропорций, образующих школы, толкования, ереси и т.д. Согласно христианским апологетам, платонизм нашел своё преображение, близкое к излечению от ересей, в христианстве. Благодаря платонизму возможно многоуровневое толкование христианской догматики, сюжетов и богословия, то есть платонизм выступает как методология и инструмент внутри христианства.

Мы наглядно видим официальное желание христианства отмежеваться от языческих эллинских ересей Платона и платонизма, с другой мы видим подпольное и сильное влияние платонизма на отцов церкви, идущее окольными путями. В результате в христианстве складывается два полюса: внешний экзотерический и внутренний эзотерический. Первый выражает креационистские и буквалистские позиции толкования, второй выражает платонические и мистико-аллегорические позиции и идеи. В такой противоречивой картине большее стремление и соответствие креационизма самому себе обнаруживается именно в экзотерике, во внешнем и буквалистском. В том, что можно назвать девоциональным почитанием. В то время как любое иносказание почти всегда осуждается и ведет к ересям. Внутренняя линия является языческими реликтами мышления и философии, на которые откликаются все народы, образуя феномен двоеверия, вплоть до прорыва в Возрождение. Двоеверием также можно назвать и саму двойную топику креационизма, которая прослеживается и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе. Везде также отмечено стремление к экзотерическому и внешнему толкованию. В такой двойственности можно обнаружить самый ранний корень того, что в психиатрии будет названо шизофренией, и подвержено терапии как освобождению от религиозных табу в эпоху Модерна.

Традиционалисты, стоящие на позициях креационизма, трактуют платонизм и его влияние, присутствие и роль в христианстве (иудаизме, исламе) как открытую систему и т.н. «широкопонятый платонизм» (А.

Дугин), что несомненно является уловкой для обращения к платонизму и языческим традициям с целью апологии креационизма и приведению адептов манифестационизма к посвящению в христианство, как в традицию, где платонизм преображается и снимается конфликт между манифестационизмом и креационизмом в фигуре воплощенного в мире Христа.

С нашей точки зрения, с точки зрения языческого традиционализма, наследие Платона, усвоенное креационизмом, представляет собой усеченный, оскопленный и закрытый платонизм. Те фрагменты и части вселенной мысли Платона, что вошли в тело авраамизма, несомненно, могут быть возвращены и интегрированы обратно, но ввести весь платонизм и неоплатонизм в тело авраамизма невозможно. Поэтому платонизм является инклюзивной и открытой системой, выражающей рационально и философски саму суть и структуру язычества, в то время как креационизм постулирует свою эксклюзивность – усеченность и упадок, с нашей точки зрения и исходя из доктрины циклов.

Усечение платонизма порождает искажения в структурах Сакрального внутри креационизма. Единое усекается до единственного-одного Демиурга. Проявление Божественного усекается до творения и онтологической разницы Творца и мира. В креационизме возможен проодос из Бога в мир в виде чудес, откровения, явлений, визитов ангелов, эпифаний, появления пророков и мессии, но невозможено обратное возвращение. Эпистрофе ограничено невозможностью слияния верующего с Богом, возможно лишь приближение к нему и видение его по благодати. О девоциональном почитании Бога в монотеизме мы тоже уже упоминали.

Евгений Головин также отмечает, что язычество иерархично и иерархия есть воплощение Сакральности и Божественного, в то время как христианство субординарно и его иерархии строятся не на естественном воплощении, но на подчинении Закону Божьему. Вместо Дхармы приходят мораль и заповеди; и т.д.

Так как поле платонизма безгранично, мы продолжим нюансирование искажений и языческих реликтов уже при рассмотрении трех креационистских религий и их деноминаций.

I.II Иудаизм

Креационизм рождается в лоне еврейского народа, одного из семитских этносов Ближнего Востока, части Передней Азии примыкающей к юго-восточному побережью Средиземного моря.

Издревле семитские народы контактировали с народами Европы, оказывая на них определенное сильное влияние, а также попадая под встречное влияние европейской мысли и культуры. Как минимум можно выделить значимое влияние халдейской культуры на астрономические и астрологические представления, влияние семитского, финикийского, Карфагена на Рим в эпоху пунических войн, а также роль рассеянных общин иудеев в распространении христианства и поздние завоевания мусульман. Встречное влияние можно проследить со времен эллинизации Передней Азии при Александре и далее при Римской Империи, когда Иудея была одной из её провинций.

Природные характеристики Передней Азии отличаются повышенной сухостью климата, наличием обширных пустынь и степей. Преобладающим родом деятельности древних народов было кочевое скотоводство. На побережье Средиземного моря с XI века до н.э., согласно Библии, существовало Израильское царство, позднее распавшееся на Северное Израильское царство и на Иудейское царство, которое попадало под персидское, греческое и наконец римское владычество, как провинция Иудея.

На землях страны Ханаана (Леванта), до завоевания семитами иудеями, проживали народы-язычники: хетты, амореи, иевусеи и финикийцы. Из финикийской традиции наиболее известным становится Божество Ва`ал или Молох, которому приносились в жертву младенцы, что так потрясло римлян. Имя Ва`ал в семитских языках означает «господин» в значении «хозяин», а не «царь», т.е. здесь мы встречаем иную священную организацию общества, конфликтующую с индоевропейской иерархичностью. Более точное значение слова «господин-хозяин» передается словом «Адонаи». В угаритской мифологии Ва`ал – Бог дождя, ветра и покровитель моряков, сын верховных Божеств Эла и Илу[25]. Амореи в XIX в. до Р.Х. создают в Месопотамии царство Вавилон, а также позднее расселяются по территории современных Израиля, Сирии и Ливана –

[25] См. Дугин А. Г. «Ноомахия: Войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос».

земли Ханаана, названой греками Финикией. Амореи являются предками иудеев ханаанцев.

Становление креационизма

Несмотря на общее происхождение с другими семитскими народами, евреи отличались от них тем, что исповедовали принципиальный монотеизм, основы которого изложены в Ветхом Завете. Фактически, становление еврейского народа и иудаизма происходило в окружении политеистической культуры соседних народов.

Изначально евреи были кочевниками-скотоводами, родственными другим семитским племенам и имевшие с ними общую культуру. Следы этой общности, указующие, в некоторой мере, и на политеистическое прошлое иудаизма, мы можем встретить в Ветхом Завете в таких именах Бога как аккадское Шаддай – «Моя скала», вавилонское имя Саваоф – «Господь звездных воинств», Элохим – множественное число от имени высшего семитского божества Эла/Илу, а также Яао, один из сыновей Эла, от которого вероятнее всего происходит еврейское имя Яхве.

Другим ярковыраженным языческим реликтом была и, частично существует по сей день, этнорелигиозная замкнутость иудеев. Иудаизм, как и язычество, возникает и закрепляется как религия еврейского народа, вплоть до слияния в термине «иудей» религиозного и этнического значений[26]. Но одновременно с этим в лоне иудаизма формируется креационистская теология, постулирующая своё принципиальное отличие от окружающих политеистических традиций, и особое положение еврейского народа, как её носителя.

Сакральная история иудеев излагается в Ветхом Завете, включающем Закон или Тору, состоящую из Пятикнижия Моисея: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. А также Пророки (Невиим) – книги о деяниях ранних и поздних пророков, и Писания (Ктувим) – сборник мыслей мудрецов и молитвенной поэзии, включающей в себя книги Руфь, Екклесиаст и Есфирь.

Бытие 1:1-2:

[26] Однако, обряд обращения нееврея в иудаизм, гиюр, известен уже в древности, и состоит из процедуры обрезания и принятия всех заповедей Торы перед судом. Принадлежность к еврейству ведется по материнской линии. При этом обряд гиюра может быть расторгнут, если будет признан сомнительным или неудовлетворительным, что влечет за собой негативные последствия для рожденных в уже как евреев детей (геров).

«1 В начале сотворил Бог небо и землю.

2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

После сотворения Богом мира из ничто, он творит Адама из глины, и Еву из его ребра. За совершение первородного греха, пара первых людей изгоняется из рая и обрекается на скитания. Желание Адама сделаться как Бог является причиной первого греха, повлекшего смертность. Человек создан из праха и в прах возвратится (Быт. 3:1). Удаленный из Эдема человек становится слугой или рабом Яхве, для которого страх и повиновение являются нормативными идеальными религиозными состояниями. Отсюда такая важность Торы (и Талмуда) – Закона Божьего, регламентирующего послушание.

Одна из ключевых для становления еврейского самосознания драм происходит между первыми сынами Адами и Евы – Авелем и Каином. Авель представлял собой архетип кочевого народа, с которым отождествляли себя евреи, а Каин был представителем земледельцев. Из-за принятия Яхве жертвы Авеля и неприятия жертвы Каина происходит, из-за ревности, убийство Каином Авеля. Поэтому Авель считается благочестивым и принявшим в определенной мере мученическую смерть, и с его позиций, с позиций кочевого народа, пишется история иудеев. В этом мы можем узреть дихотомию между нормативным оседлым земледелием индоевропейцев и кочевничеством, пространственным непостоянством семитов. Из этой драмы берет свои корни еврейский Сакральный этноцентризм – мышление себя как потомков благочестивого и невинно убитого Авеля, что полноценно воплощается в идеи богоизбранности еврейского народа, заключившего Завет с Богом. И отсюда берет свое начало непримеримая позиция ко всем иным народам, исповедующим политеизм, как к преступникам и отступникам от истины монотеизма и Завета, воплощенной в иудаизме.

Третьим сыном Адама и Евы был Сиф, которого считают своим предком западные семиты-амореи. По одной из версий один из патриархов иудаизма Авраам, в честь которого все три креационистские религии называются авраамическими, был амореем. В Библии приводится перечисление потомков Сифа вплоть до Ноя, который выжил во время Потопа.

Миф о всемирном потопе является одним из широкоизвестных мифологических сюжетов, как в Средней Азии, так и в эллинской культуре

(эпиздо очищения земли от прометеева человечества). Три сына Ноя заложили новое человечество. Эти сыновья: Сим, Иафет и Хам.

Сим считается предком всех семитов: евреев, арабов, арамейцев, аккадцев, ассирийцев, финикийцев. Потомками Иафета считаются народы Европы: греки, римляне и др. Из-за насмешки Хама над опьяненным отцом, его потомство стало черным и нечистым, к нему относят египтян, эфиопов и другие африканские племена. Евреи рассматривают потомков Хама как проклятые Ноем за неуважние к отцу народы. Это также усугубляется египетским пленением как эпохой рабства у неполноценного с теологической точки зрения народа. Здесь находит свое теологическое обоснование практика этнорелигиозных чисток (геноцида), которым полна история закрепления еврейского народа в землях Ханаанаа и на обетованной земле. Другие народы, происходящие от Каина и Хама – прокляты, нечисты и неверные одному истинному Богу, а значит – подлежат подчинению и/или уничтожению иудеями. Поэтому завоевание обещанных Богом земель рассматривается как религиозная миссия. Позднее, в V веке н.э. иудейские реформаторы Неемия и Ездра будут добиваться запретов на межрасовые браки и отстранения от служб священников, которые женаты на неизраильтянках – для сохранения чистоты яхвизма.

К особым чертам еврейской религиозности мы можем отнести её подчеркнутую патриархальность, ориентацию на патриархов и пророков, в числе которых Ной, Авраам, Моисей, Иов, Иеремия, Иезекиль и др. Такая патриархальность проистекает из радикального монотеизма иудейской религии, а также в силу наделения Бога антропоморфными чертами (девоция). Иудаизм – религия патриархов и пророков, которые трактуют историю как иерофанию Бога, как Сакральную историю отношений одного [богоизбранного] народа и его Бога. Налицо большее погружение во время, увеличение роли истории в бытии народа. С другой стороны, все негативные и драматические моменты еврейской истории: пленение, рассеяние, завоевания и разрушения Храма Соломона трактуются как иероисторические события, как наказания Яхве народа израилева за отступления от заповедей Закона, за термипость к многобожникам и т.д.

В общественной структуре отметим особое положение царя, в котором отчетливо прослеживается онтологический разрым между Творцом и творением. Мирча Элиаде указывает, что изначально институт царской власти израильтяне заимствовали у других народов. Ранее царем Израиля был сам Яхве, но уже на Самуила «нашел дух Господень» (10:6), ибо царь

был «помазанником (мошиах) Господа» (24:7,11)[27]. Но так как Яхве – единственный Бог, то царь не может также считаться воплощением Бога и Сакральности, как это пристутствует в языческих традициях. Царь всегда остается рабом по отношению к Яхве, пусть и сакрализированным как часть иероистории и определенный завет между Яхве и династией Давида, как продолжение синайского завета.

Завет на горе Синай получает Моисей, чью жизнь обычно датируют XV-XIII вв. до Р.Х. Новые заповеди, в количестве десяти штук, венчают предшествующие 613 заповедей Торы и 7 заповедей потомков Ноя, и самым лаконичным образом выражают суть иудаизма. Заповеди таковы (Исход 20:1-20):

«1 И изрек Бог к Моисею все слова сии, говоря:

2 Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

3 да не будет у тебя других богов пред лицем Моим.

4 Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

5 не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

6 и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

7 Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

8 Помни день субботний, чтобы святить его;

9 шесть дней работай и делай в них всякие дела твои,

10 а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих;

11 ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

12 Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

---

[27] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства».

13 Не убивай.

14 Не прелюбодействуй.

15 Не кради.

16 Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

17 Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.

18 Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, весь народ отступил и стал вдали.

19 И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.

20 И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицем вашим, дабы вы не грешили».

Первые четыре заповеди повторяют первую и вторую заповедь потомков Ноя – утверждение принципиального и строгого монотеизма и отказ от идолопоклонства.

Вторая часть заповедей относиться к морально-нравственному комплексу, который заменяет дхармические сословные представления о должно у индоеврпоейских народов. Это означает, что священные предписания иудаизма универсальны и едины для всех слоев общества без исключения, фактически речь идет о принципиально равенстве всех верующих перед Богом как богобоязненных («*Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицем вашим»*) слуг перед Господином (Адонаи).

Обращает на себя внимание специфика получения заповедей, которая указывает на их ориентацию как на законы для потомков. Так, заповеди сынов Ноя даются после Потопа и предписываются его потомкам. Заповеди Моисея даются после исхода из Египта и также даются потомкам, то есть вектор религиозных откровений носит подчеркнуто ориентированный в будущее, к сынам, характер. Заповеди открыты потомкам, но не предкам. Здесь мы сталкиваемся с иудейским толкованием времени и истории, которое является линейным, с отмеченными точками прогресса (обновления заповедей). Позднее при формировании иудейской мессианской эсхатологии это позитивное осмысление будущего, родственного прогрессу, найдет свое яркое воплощение в ожидаемой фигуре Мошиаха, последнего праведного царя евреев, при котором они достигнут окончательного триумфа на земле

Израиля («*на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»*), и восстановления третьего Храма Соломона.

В становлении креационизма в лоне еврейского народа несомненно отразился дух пустыни и тех голых степных мест, в которых происходило становление иудаизма. Креационизм как творение из ничто является теологическим преломлением пустоты пространства Передней Азии, её маложизненности. Пустота пустыни воспринималась Сакрально. Именно в пустыне Моисей получает новые заповеди.

Мирча Элиаде в связи с этим пишет:

«В космических религиях, характерных для земледельческих народов, сохранялась простейшая диалектика сакрального, в особенности вера в то, что божественное воплощается или проявляется в космических объектах и ритмах. С самого прихода израильтян в Палестину приверженцы Яхьве клеймили эту веру, как наихудшую из возможных форм идолопоклонства. Никогда еще космическая религиозность не осуждалась столь яростно. В конце концов, пророкам удалось освободить природу от любого божественного присутствия. Целые категории предметов мира природы: возвышенности, камни, источники, деревья, некоторые злаки и цветы будут объявлены нечистыми, потому что их осквернило поклонение ханаанским божествам плодородия. По-настоящему чиста и свята лишь пустыня, потому что только там Израиль оставался верным своему Богу»[28].

Языческий элемент

Языческий элемент в иудаизме присутствует минимально и по большей части в общественной сфере, в то время как структурно мы уже имеем дело с креационизмом. Несмотря на более полное сохранение отношений между одним Богом и одним народом, считающим себя избранным, что весьма приближенно к толкованию термина «языци» в манифестационистском ключе, отношения между Богом и народом Израиля подобны отношениям Господина-хозяина и подчиненных, которые строятся на основе обновляющегося договора (Завета) и не носят характера родства, даже в эвгемерическом смысле. Самые святые пророки

[28] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий». Подбробнее об этногеографическом контексте становления иудаизма см. Дугин А. Г. «Ноомахия: Войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос».

и великие цари не находятся ближе к Богу, чем все остальные. Что не отменяет их особого статуса и почитания в народе.

Мы можем проследить реликты семитского язычества в именах и эпитетах Бога: Адонаи, Элохим, Шаддай, Яхве и др. Сам факт влияния окружающей Природы, пустынь и степей на становление самобытного радикального монотеизма можно рассмотреть как Природно-материнское влияние, выродившееся в радикальное отрицание любой Сакральности земли, в её поношение как твари и обещанной израильскому народу как собственность. А также много исследований посвящено деконструкции Пятикнижия на основные мифологические и астрологические мотивы, имевшие широкое распространение в культуре семитских народов. Речь идет о мифе о потопе, Божественных эпифаниях в виде огня, голоса; идоле в виде золотого тельца и др.

В целом ранний иудаизм тяготеет к антимифологическому толкованию священных книг, что выльется в институт раввинов – ученых мужей, мастеров толкования Торы. Это также станет общей экзотерической ориентацией религий креационизма.

С платонической точки зрения мы видим усеченный платонизм, где Демиург творит мир, но не встречаем указания на высшие миры идей или Единое и Ум, либо иные ипостаси Бога. Таких концепций в иудаизме нет. Бог творит по своему образу и подобию, привативно узурпируя за собой все бытие, и творение несет на себе лишь условный отпечаток его «рук».

Более ярко платонизм выражается в средневековом учении Каббалы, возникшем в XII веке, и получившем более широкое распространение в Возрождение. Каббала зарождается во время очередного изгнания евреев из обещанной им Богом земли, и глубоко затрагивает еврейский логос. Основателями и видными каббалистами являлись Моше де Лион, древний раввин II века от Р.Х. Шимон Бар Йохаи, Ицхак Лурия и историк Гершом Шолем. Основными книгами каббалы являются «Зохар», Сефей Йецера» и «Бахир».

Мыслители-каббалисты обращают свой взор на отношеняи между Творцом и творением, на его замысел относительно мира и человека, его судьбы и взаимоотношений с Богом. Каббала стремится сократить, заполнить разрыв между миром и Богом, между Творцом и человеком. В этом мы можем однозначно распознать языческий порыв к родству, выраженный философски и метафизически. Согласно Шолему каббалу определяют следующие основные черты: доминация мифа вопреки буквализму Талмуда; учение об образах и копиях (Древо Сефирот)

привнесенное из платонизма и отсутствующее в иудаизме; аллегорическое и символическое толкование Талмуда; акцент на инстанциях между Богом и миром; учение о нескольких уровнях творения и учение об идеальном человеке Адаме Кадмоне; эротический символизм Шекины – Божьего Присутствия; акцент на сюжетах первокатастрофы и мистический иррационализм.

Одновременно в каббале сохраняются нормативные положения иудаизма о богоизбранности евреев, отказе от идолопоклонства и контактов с миром иноверцев, вера в возвращение на землю обетованную и приход Мошиаха и требования классического иудаизма.

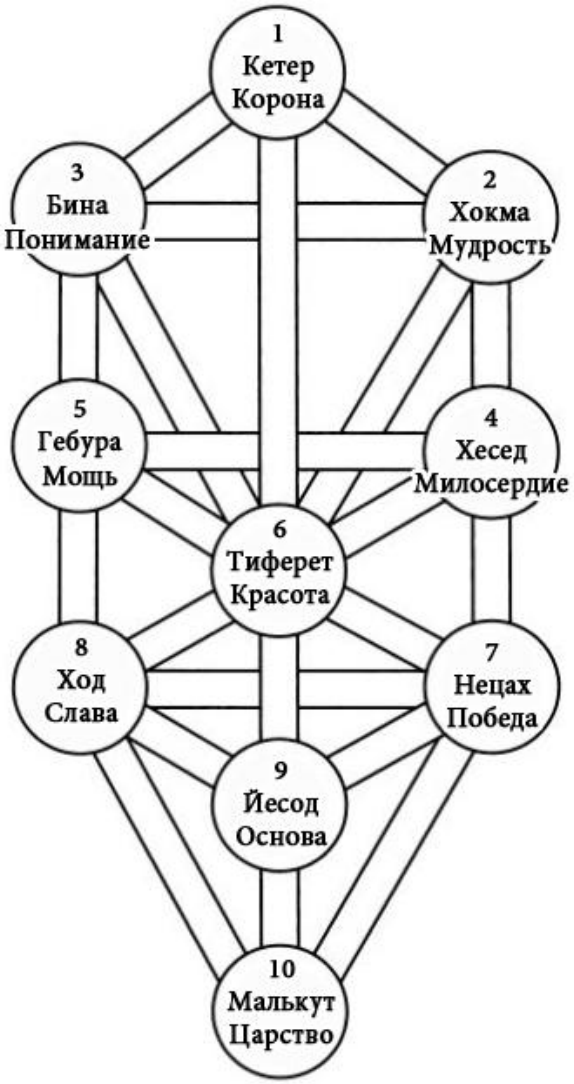
При этом, как мы видим каббала представляет собой глубокое платоническое перетолкование иудаизма. Введение женской фигуры Шекины, Божьего Присутствия является ответом на необходимость женского начала, которым в язычестве является Матерь-Земля, Природа, но что невозможно в классическом иудаизме, где нормативной является бездушная пустныя. Таким образом присутствие женской одухотворенной фигуры вводится через Шекину, женскую ипостась и своеобразную жену Бога. Это положение каббалы прямо противоречит патриархальной ориентации иудаизма и его единобожию. Но, пожалуй, самым известным новшеством каббалы становится Древо Жизни или Древо Сефирот.

Древо Сефирот имеет множество значений и фактически являясь фундаментальным концептом каббалы воплощает в себе платонический порыв к единству между Богом и миром и человеком. Десять сефирот имеют следующие названия:

Кетер (כתר)	Корона
Хокма (חוכמה)	Мудрость
Бина (בינה)	Понимание
Хесед (חסד)	Милость
Гебура (גבורה)	Строгость
Тиферет (תפארת)	Красота
Нецах (נצח)	Вечность
Ход (הוד)	Слава
Йесод (יסוד)	Основа
Малькут (מלכות)	Царство

Сефиротам соответствуют десят чисел, букв алфавита, десять имен Бога в Торе, включая уже приводимые языческие, а также иерархии ангелов, структура изначального человека Адама Кадмона (сефира Кетер) и структур Божественного *Проявления*. Согласно каббале сефира Хокма

составляет мир проявления Ацилут, за которым следует мир сотворения сефиры Бина, а непосредственно наш материальный мир является миром Малькут, он же – мир скорлуп. Десять сефирот также являются проявлением и сокрытием Света Творца, выражая 10 его эманаций, разделенных на три столба-пути: левый столб – столб Строгости, правый – столб Милосердия, центральный – столб Нежности. Также деление на левую и правую части отражает деления на мужское и женское, свет и тьму. В системе присутствует ниспадающая с верхней сефиры патриархальность, т.е. каждая подлежащая сефира выступает как женская относительно каждой надлежащей, которая выступает мужской. Сефира Кетер максимально патриархальна, она есть Адам Кадмон и сам Бог, а сефира Малькут максимально женственна, она есть тварный мир в котором есть Присутствие Бога.

Древо Сефирот

В ходе своего духовного совершенствования душа человека восходит по сефирам к Творцу-отцу, но её восхождение все равно ограничено сефирой Бина, выше которой она не может подняться (предел творения), так как это будет возможно только в финальном эсхатологическом разрешении.

Небезинтересной является и идея первоначальной катастрофы и сокрытия Бога от мира – цимцум. Изначальная катастрофа происходит из-за неспособности сфер вместить Свет Бога, из-за чего они разбиваются. Тогда Бог прячет себя за Древом (и в форме Древа), и тем самым удаляется, скрывается от мира. С платонической точки зрения это можно рассмотреть как массовое возвращение (эпистрофе) эманаций к истоку, при том что мир людей становится богооставленным, остается лишь Завет, Закон согласно которому свершится финальная эсхатология.

Помимо этих кратких комментариев, каббала предполагает множество других витиеватых и глубоких трактований, и ещё более широкий символизм, чтобы останавливаться здесь на нем подробнее. В заключение этой темы мы можем констатировать, что знакомства рассеянного еврейства с эллинской платонической традицией и философией нашло свое выражение во внутреннем порыве к преодолению онтологического креационистского разрыва внутри собственной иудейской традиции в мистической философии каббалы. Нельзя заключить, что этот порыв, обеспеченный самой индоевропейской Сакральной структурой выраженной в платонизме, полностью перетолковал иудаизм с языческих позиций, но однозначно он многократно сократил дистанцию между миром и Богом, породив специфическое пространство еврейского мистицизма, которое также найдет свое признание в оккультных и эзотерических кругах Европы Просвещения и последующих веков.

Гоим

Воинственное отрицание любой формы многобожия, равно как и любой одухотворенности Природы и, забегая вперед и выражаясь языком ислама «придание Богу сотоварищей», является отличительной чертой иудаизма и наследуется всеми авраамическими религиями. В классическом иудаизме есть специальный термин, означающий как иноверца из иного народа/племени, так и применяемый к евреям, не соблюдающим заповеди и предписания Торы, их называют ивритским словом гой или гойим (множественное число). Термин гойим также означает народы, и именно к нему восходят термины этнос и языцы, но в иудаизме оно носит теологически обоснованную негативную окраску как гой – не-еврей, т.е.

многобожник и отступник от истины Яхве. После исхода и скитания по пустыне Бог привел народ Израиля к Ханаану, который они начали отвоевывать у населявших его идолопоклонников, и было сказано, чтобы не боялись они, ибо сам Бог воюет с ними за землю Израиля. То есть ,как мы уже упоминали выше, война за Израиль носила оттенок священной миссии, включая и истребление народов, исповедующих политеистические традиции.

Недопустимость многобожия, трактуемого как прямое нарушение заповедей, обращена не только на воинственное неприятие всех иных народов, но и на сам иудаизм. Так, в нем есть термин шабес-гой – человек, нарушающий запрет на работу в священный шаббат. Даже в платонической каббале мы все равно видим дистанцию, обозначенную сефирой Бина, выше которой человек неспособен подняться к Богу. Бина также является границией мира проявления Ацилут с тварными мирами.

При этом, даже принимающие в свой священный корпус книг Ветхий Завет христиан и мусульман, иудаизм рассматривает как таких же гоев, причем христиане как выходцы из евреев нормативно заслуживают большего порицания, чем арабы, хотя и они считаются потомками Сима, но проповедь Торы христианам, как близким иудеям, считается более полезным занятием.

Во Второзаконии прямо говорится о том, что Бог дал Закон народу строго народу евреев (Втор. 33:4):

«3 Истинно Он любит народ Свой; все святые его в руке Твоей, и они припали к стопам Твоим, чтобы внимать словам Твоим.

4 Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова».

Общество Иакова – это народ израилев. Но ранее, в четвертой главе той же книги, Бог оставляет возможность для проповеди свой истины гоям, которые остались после истребления им народов, поклоняющихся Ва`алу (Втор. 3:2-6):

«2 не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам [сегодня] заповедую.

3 Глаза ваши видели [все], что сделал Господь [Бог наш] с Ваал-Фегором: всякого человека, последовавшего Ваал-Фегору, истребил Господь, Бог твой, из среды тебя;

4 а вы, прилепившиеся к Господу, Богу вашему, живы все доныне.

5 Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете, чтоб овладеть ею;

6 итак храните и исполняйте их, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный».

Поэтому, в отношении иных народов в иудаизме, как и далее во всем креационизме, есть только два отношения: приянятие истины монотеистического Бога Яхве через гиюр, либо истребление как иноверца.

В ожидании позитивного будущего

Креационистское время линейно, а особенность иудаистского историала заключается в его позитивном взгляде на будущее. Еврейский народ исторически претерпевал лишения, пленения, рассеяния и свои эсхатологические надежды сформировал в ожидании позитивного будущего, когда, согласно сложившимся представлениям, народ Израиля вновь обретет свою землю, будет восстановлен третий Храм Соломона и когда придет последний великий Мошиах – царь из колена Давида.

С приходом Мошиаха связано одно из известнейших изречений из книги пророка Исайи, которое также является критерием его истинности (Ис. 2:4):

«И перекуют все народы мечи свои на орала (плуги – наше прим.) и копья свои — на серпы; не поднимет меча народ на народ, и не будут больше учиться воевать».

Согласно каббале мессия, дословное значение «мошиах», совершит тиккун – исправление мира после катастрофы, предшествующей творению мира, случившейся в результате цимцум.

С течением времени на сцене истории периодически появлись лже-мессии, утверждавшие что они и есть Мошиах, порою увлекая за собой в ереси значительные части иудеев рассеяния. Но ни при одном из них не был восстановлен Храм или царство Израиля. Среди таких мессий следует выделить Саббатаи Цеви (1626-1676гг.), каббалистского мистика, провозгласившего себя мошиахом в 1666г. С его судьбой связан интересный эпизод, ставший развязкой его мессианства. Провозгласив мессианские времена, он проповедовал, что прибудет в Константинополь и примет корону из рук султана. По прибытию в город он был встречен с королевскими почестями и заключен под стражу в башне, где продолжал принимать паломников. После он был сопровожден в Адрианаполь, где

16го сентября 1666 г. султан обвинил его в разжигании беспорядков в империи и предложил ему на выбор: принять ислам либо быть обезглавленным.

В этой ситуации Саббатаи Цеви отрекается от своего мессианства, от иудаизма, принимает ислам и переодевается в турецкие одежды, получив вознаграждение от султана. В XVIII веке саббатизм получил радикальное продолжение в новом Мошиахе, Якобе Франке (1726-1791гг.), который предложил внешне покинуть иудаизм и принять католицизм, но при этом сохранить внутреннюю глубинную связь с родной религией. Франкисты отличались также оргиастическими практиками и снабдили католиков подтверждениями «кровавого навета» – обвинений евреев в употреблении крови христианских младенцев и т.д[29].

Метод, который предлагал Цеви, саббатаисты и Франк, заключается в парадоксальной формуле спасения через грех. Франк утверждал, что в своих видениях он созерцал лестницу Иакова и она была представлена в виде буквы V, что он трактовал как необходимость упадка перед новым подъемом. Иными словами, отречение Саббатаи Цеви от своего мессианства, нарушение заповедей Якобом Фраком и их последователями является не чем иным, как осознанным греховным поведением, призванным наконец-то приблизить приход настоящего Мошиаха и триумфа Израиля. Причем их действия имели глубинную и очень религиозную, даже жертвенную мотивацию. Они сами нарушали заповеди, дабы приблизить час триумфа, которому предшествует время падения.

На основе такого подхода к «спасению через грех» Гершом Шолем заключает:

«Очевидно, что корректное понимание саббатаистского движения после отступничества Саббатаи Цеви дает нам новый ключ для понимания истории евреев в XVIII в. и в целом и особенно во всем, что касается начала Хаскалы (просвещения) в ряде европейских стран»[30].

Таким образом, согласно предложению Шолема, мы можем посмотреть на участие евреев в абсолютно гойском проекте Просвещения, как на осознанное погружение во тьму и ад, связанное с надеждами на спасение через грех. Мы можем смело заключить, что основные положения Модерна эпохи Просвещения (атомизм, позтивизм, атеизм, секуляризация и т.д.) были враждебны и иудаизму, и прямо противоречили еврейской

[29] См. Дугин А. Г. «Ноомахия: Войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос».
[30] См. там же.

религии. Но они также и ослабляли христианство и мир гоев, с которыми Тора предписывает не иметь общих дел, в целом.

А. Дугин выделяет три стратегии соучастия евреев в европейском модерне.

Первым этапом он называет борьбу евреев за равноправие в европейских обществах в XVIII-XIX веках, когда еще по инерции действовали старые антиеврейские законы. Одновременно с этим начинается включение еврейских общин в общеевропейский контекст, их своеобразное размыкание.

Вторым этапом Дугин называет выход евреев на авангардные позиции в проекте Модерна, особенно с финансово-экономической и культурной сферах. В этот момент те евреи, что включаются в проект Модерна *как отступники от иудаизма*, о чем никогда нельзя забывать, формируют особую прослойку евреев, которые находятся одновременно и вне классического иудаизма, как его предатели, и являются пришедшими в Модерн со стороны. В числе таких евреев А. Дугин яврким примером считает К. Маркса и Л. Троцкого, чьи антиеврейские выпады были очень созвучны с образами лже-Мошиахов, делающих акты «святого отступничества».

Третий этап начинается в XIX веке и знаменуется появлением сионизма, радикального националистского и религиозного течения в иудаизме, одним из известнейших представителей которого был Теодор Герцль. Кульминацией этого третьего этапа включения евреев Модерн становится появление независимого государства Израиль в 1947 году, чему предшествовал Холокост евреев в Третьем Рейхе.

Таким образом, стратегия «спасения через грех», исхождения евреев из иудаизма в Модерн ради политического триумфа народа Израиля, приносит свои первые и весомые плоды в реставрации Израиля в XX веке.

Но Храм не восстановлен, и Мошиах не явился. Такая историческая – а история для евреев священна – задержка создает новый кризис для еврейской традиции.

I.III Христианство

В пятнадцатый год правления императора Тиверия (т.е. в 28-29 г. н.э.) пустынник Иоанн, по прозванию Креститель, ходил по окресностям Иордана, «проповедуя крещение покояния для прощения грехов» (Лк

3:1)[31]. Среди тысяч людей, которых крестил Иоанн, был Иисус из Назарета. В Иисусе Иоанн признает мессию, что подтверждается сошествием Духа Божия с небес в виде голубя.

Эквивалентом «мессии» в греческом языке является «помазанник» – χριστός (христос), от глагола χρίω – намазывать, натирать. Таким образом, Иисус Христос означет «помазанник [Божий] Иисус». Под этим именем он входит во многие языки и становится известен в мире.

История и учение

Священная история христианства содержится в Библии, состоящей из Ветхого Завета и Нового Завета, который в свою очередь состоит из четырех канонических Евангелий (Благая весть) от Марка, Матфея, Луки и Иоанна, а также включает в себя Деяния, Послания и Откровение Иоанна Богослова известное как Апокалипсис.

Иисуса как мессии было предвосхищено и подготовлено многочисленными пророческими сказаниями и эсхатологической культурой иудеев. Пророчества о приходе мессии, которые воплотились в фигуре Иисуса Христа, встречаются в книгах Иова, Исайи, Иеремии, Иезекииля и многих других. В них описываются условия и критерии, в соответствие с которыми мессия, собственно, и может быть признан таковым. В их числе принадлежность к колену Давида, определенные время и место рождения, рождение девой, страдания и воскрешение.

В Библии, Евангелии от Матфея, в первой главе приводится перечисление рода Иосифа, мужа Марии матери Иисуса, которое оканчивается следующими стихами (Мф. 1:17-21):

«17 Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

18 Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго.

19 Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

[31] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства».

20 Но когда он помыслил это, - се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго;

21 родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их».

В следующей главе приводятся стихи, указующие на исполнение пророчеств и содержащие известную сцену подношения даров волхвами (Мф. 2:10-11):

«10 Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,

11 и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну».

Само имя Иисус – Иешуа – является сокращением от Йехошу́а, что является составленным, из двух слов «Иехова» и «спасение», именем.

После рождения Иисуса Иосиф с Марией и младенцем бегут в Египет, укрываясь там от казней царя Ирода. Мф. 2:19-20:

«19 По смерти же Ирода, - се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте

20 и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца».

Евангелия не освещают период жизни Христа от обрезания до принятия крещения от Иоанна в тридцатилетнем возрасте, что породило многочисленные толки о деятельности и обучении Иисуса в эти годы. После крещения он удаляется в пустыню, где держит пост и выдерживает искушения дьявола, что знаменует его готовность исполнить свою миссию.

Евангелие от Луки содержит следующее описание этого периода (Лк. 4:1-14):

«1 Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню.

2 Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал.

3 И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом.

4 Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим.

5 И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени,

6 и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее;

7 итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое.

8 Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи.

9 И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз,

10 ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя;

11 и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.

12 Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего.

13 И, окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени.

14 И возвратился Иисус в силе духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране».

После Иисус Христос совершает ряд чудес и исцелений, укрепляющих в народе веру в его избранничество. Ключевым моментом для становления христианства становится Нагорная проповедь, в которой излагаются основы учения Христа. Восхождение Христа на гору перед своими учениками и собравшейся толпой нередко сравнивают с восхождением Моисея на Синай и, как следствие, этот эпизод считается установлением Нового Завета. В Проповеди Иисус выступает как истинный толкователь заповедей Моисея и выразитель заповедей новых, известных как Заповеди Блаженства (Мф. 5:3-11):

«3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

После этих Заповедей Иисус преступает к толкованию Заповедей Моисея, дополняя их не только как законы, защищающие от зла, но и как моральные нормы приближающие к Богу.

В Мф. 7:1-2 Иисус также изрекает золотое правило:

«1 Не судите, да не судимы будете,

2 ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

После трех лет проповедей и распространения учения повлощаются те части пророчеств, в которых говорилось о страданиях мессии. В христианстве они известны как период Страстей Христовых.

В воскресение перед Пасхой Иисус въезжает на осле в Иерусалим и объявляет себя Мессией всенародно, что вызывает ответное ликование народа и недовольство Синедриона первосвященников. После предательства Иуды в Гефсиманском саду Иисуса приводят к персовященникам, которые требуют от него изложить его учение на что Христос отвечает, что оно всеизвестно и открыто излагалось им. Синедрион приговаривает Христа к Смерти, но перед этим приговор надо утвердить у прокуратора Иудеи, которым являлся Понтий Пилат. Пилат не желает волнений в и без того мятежной провинции, и, с иной формулировкой, но приговаривает Иисуса к казни, после чего демонстративно умывает руки.

Крестному пути на Голгофу предшествует бичевание и поругание Иисуса, взложение на голову тернового венка. По пришествии на гору с Христа срывают одежды и распинают на кресте вместе с преступниками, а после снимают с креста и кладут в гроб. На третий день сбывается пророчество о воскресении мессии – Иисуса Христа, что считается подтверждением его Божественной природы и истинностью учения. Вера в распятие и воскресение становится краеугольным камнем христианской веры.

Первый век после распятия и воскрешения Христа становится веком активной проповеди апостолов. В 49г. в Иерусалиме Апостольский собор отменяет большую часть иудейских законов, которые ранее были обязательными для принятия язычниками при крещении в новую религию. Позже Иудейская война 66-70гг., в ходе которой был разрушен Иерусалим и сожжен второй храм, станет завершением процесса размежевания иудаизма и христианства. Христиане отказываются встать на сторону иудеев и покидают обреченный Иерусалим; иудео-христианство первых веков преобразовывается в христианство как таковое. Из Иерусалима статус религиозного центра перемещается в Рим, где приняли мученическую смерть Петр и Павел. Император Нерон (54-68гг.) становится первым верховным гонителем христиан в империи. В это же время активизируется христианская проповедь среди низших слоев

империи, образуются общины, и начинается период полемики и очищения от ересей.

Дело апостолов продолжили их прямые ученики, «апостольские мужи», авторы раннехристианских богословских текстов и проповедей I-II веков. Среди них известные: апостол Варнава, Дионисий Ареопагит, св. Климент. В их эпоху гонителями христиан были императоры Траян, Марк Аврелий, Домициан. К этому периоду относится практика казни христиан Damnatio ad bestias – предание зверям, когда осужденных на смерть разрывали хищники на арене. Казнь зверями стала вторым символом мученичества, после распятия.

Вслед за апостолами и их учениками огромный вклад в становление христианства вносят апологеты (греч. «заступники»). Они разрабатывают рациональную аргументацию в защиту христианства перед императорами и язычниками, а также саму христианскую догматику, призванную отделить истину от множества ересей той эпохи. Апологеты активно обращались к эллинской культуре и платонизму, что позже повлекло соборное осуждение некоторых из них как еретиков, преклоняющихся перед эллинской (языческой) мудростью (Ориген). Среди апологетов наиболее известны:

Неоплатоник Ориген, осужден в пятнадцати анафемах на поместном соборе в Константинополе в 543г. императором Юстинианом.

Святитель Дионисий, ученик Оригена.

Григорий Чудотворец, ученик Оригена.

Иериней Лионский, богослов и автор сочиненя «Против ересей».

Ипполит Римский, ученик Иеринея Лионского.

В период апологетов продолжались гонения на христиан, при этом увеличивалась их народная паства, и идеи новой религии начали проникать в верха власти.

В 301 году царь Великой Армении Тиридат III объявляет христианство государственной религией, тем самым Армения становится первой христианской страной. От этой даты берет начало Армянская Апостольская Церковь, одна из древнейших церквей.

Окончательно систематические гонения гонения на христиан в Римской Империи прекратились при императоре Константине I Великом (272-337гг.), который провозгласил христианство государственной религией Рима и перенес столицу в Константинополь (Византий). После него император Юлиан Верный (332-363гг.) совершит последнюю попытку

реставрации эллинизма и запрета христианства, но реформы будут отменены после его смерти.

Значимыми для истории и становления христианства являются Вселенские соборы, на которых устанавливались догматы, нюансировались положения богословия и предавались анафеме и осуждению ереси. Среди соборов особо выделим следующие:

I Никейский собор (325г.) устанавливает Символ веры и осуждает арианскую ересь. Повторно арианство осуждается I Константинопольским собором (381г.), объясняется богочеловеческая природа Христа, устанавливается учение о Троице.

Халкидонский собор 451г. осуждает монофизитство.

II Константинопольский собор (553г.) повторно осуждает монофизитов, Оригена и платонизм, несторианство.

Безусловно, время первых соборов можно считать эпохой максимального творческого порыва христианских богословов и периодом самоидентификации и кристаллизации христианства как такового, относительно эллинской философии и язычников. А также периодом его подъема вплоть до доминирования и начала гонений на язычников во всей Империи. Особой жестокостью отмечено убийство парабаланами женщины-философа и платоника Гипатии Александрийской в 415г., по одной из версий убийство произошло с подачи епископа Кирилла Александрийского.

«Так последние станут первыми, а первые — последними» (Мф. 20:16).

Гонимые сами стали гонителями[32].

Деноминации

В период поздней империи неоднократно происходили разделы единой Римской Империи на Западную и Восточную. Императором, вновь объединившим империю под единой властью, был Константин I Великий. Изначально, будучи язычником, позднее он отвергает его в пользу христианства, и переносит столицу из Рима в Константинополь (Византий), который становится Вторым Римом, а формулой империи становится Рим+христианство. То есть, период распада Римской Имерии прерывается коротким промежутком единства ознаменованном признанием христианства при Константине I, и утверждением

[32] Здесь уместно вспомнить древнее изречение: «Раб не хочет обрести свободу, он хочет иметь собственных рабов».

христианства как официальной религии при Феодосии I, последнем общим правителем единой империи. После смерти Феодосия в 395г. империя окончательно разделяется на Восточную (Византийскую) Римскую империю и на Западную Римскую империю. Каждая из новых империй утверждала преемственность Риму.

Падение Западной Империи в V веке означало наступление тёмного Средневековья в Европе, Восточная Империя пала под натиском османов в 1453 году, пережив первую почти на тысячу лет.

Религиозное единство церкви сохранялось дольше, чем единство государства, но и оно не было лишено разногласий и споров, к которым после распада империи присовокупились политические амбиции и разногласия, тем самым образовав клубок противоречий и политических интересов, который вылился в 1054 году в раскол на западную Католическую и восточную Православную церкви.

Великой схизме предшествовали многие разногласия между Западом и Востоком, как теологические, догматические и канонические, так и литургические, эстетические, обрядовые и др., отражавшие разницу между культурами двух полюсов средиземноморской ойкумены. В числе прочих также были вопрос о почитании икон, положение о возможности прижизненного обожения (theosis) в восточной церкви. Различным было и отношение церквей к вопросу о мирской власти, так, восточный патриарх признавал верховенство власти императора, в то время как западный папа ставил власть понтифика выше королевской власти.

Причиной же разделения стал спор о filioque – поправка к Никео-Цареградскому Символу Веры, гласящему что «Святой Дух исходит от Отца и от Сына». Вопрос о том, от кого исходит Святой Дух, только от Отца по восточной версии, или объединяет Отца и Сына по западной версии, напрямую касается толкования Святой Троицы и пролегает в фундаментальной догматической плоскости.

М. Элиаде среди прочих указывает на политическую подоплеку возникновения и распространения филиокве, связанную с установлением империи Каролингов[33], и необходимостью отстоять легитимность и обосновать вселенские претензии франкской империи Карла, на основе которой в 962г. образовалась Священная Римская империя. Оглашение

[33] Карл Великий был провозглашен императором папой Львом III в 800г. в Риме.

поправок произошло в Риме в 1014г. по требованию императора Генриха II, что можно считать за дату начала размежевания церквей[34].

В 1053 году папа Лев IX отправляет в Константинополь легатов для возобновления связи между церквями, обоснования верховенства папы и с целью заключить союз против норманнов, захвативших юг Италии. Патриарх Михаил Керуларий отказался от устопок и в 1052 году посланцы папы публично отлучили Керулария от церкви, обвинив в ереси. Патриарх ответил легатам тем, что предал их анафеме. Многие авторы отмечают, что нарастание ненависти католиков против византийцев не переставало нарастать еще многие годы, и разрешилось завоеванием и разорением Константинополя армией крестоносцев во время четвертого крестового похода 1204г. Инициировал поход папа Иннокентий III.

Эпоха крестовых походов сама по себе является наглядным примером воплощения политических амбиций папского престола и претензий на мирскую власть[35]. С другой стороны крестовые походы продолжают, и в иной новой форме развивают заложенный ещё иудаизмом принцип фундаментальной нетерпимости к инакомыслию, в частности выраженный в религиозной нетерпимости, смешанной с политикой. Фактически, феномен религиозной войны «за имя Бога», абсолютно чуждой языческому мировоззрению, полноценно воплощается в Европе именно в практике крестовых походов. Максимальной кристаллизации принцип войны с «другим», «иным» достигается не в походах католиков против мусульман, но в разгроме Константинополя. Позднее, при Альбигойском походе против катаров (1209-1229г.) папскому легату Арнольду Амальрику припишут известные слова «Убивайте всех, Господь узнает своих!», которые были ответом на вопрос как отличить в осажденном городе католиков от альбигойцев.

Эта формула является новым, западно-христианским выражением преломленной в христианстве иудейской идеи о собственной исключительности. Только если иудеи подчеркивали свою этно-религиозную исключительность, католики подчеркивали исключительность своей деноминации, её истинность и бесценность всех иных точек зрения. В соответствие с аристотелевским типом гуманизма,

---

[34] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации».

[35] Эпоха крестовых походов охватывает период XI-XVв.в. Военные походы совершались с целью вернуть Иерусалим, оттеснить мусульман и подавить еретические и антиклерикальные течения.

«другие» (иные народы и иноверцы) могут принять крещение и разделить эту идею католической исключительности, т.е. по сути, стать «человеком», либо принять смерть как недолюди.

Последняя попытка унии Восточной и Западной церкви происходила с подачи византийского императора и была продиктована угрозой турецкого нашествия. Однако народ и духовенство отвергли согласие пойти на уступки и уния сорвалась. Позднее Константинополь был захвачен турками, а собор Святой Софии перестроен в мечеть.

После распада Западной Римской империи в Европе наступает период средних веков, характеризующийся упадком европейской культуры, традиции и государственности. На смену империям приходят раздробленные государства и феодализм. Попытки реставрации империи совершают Карл Великий и Оттон I Великий, заложивший Священную Римскую Империю (962-1806гг.), но они изрядно уступали Риму как пространственно, так и качественно духовно. В эпоху Средневековья, с X по XII век, христианство распространяется в Скандинавию (Норвегия, Исландия), православие укрепляется у славян в Восточной Европе и уже в 988г. утверждается на Руси.

В это же время в уже христианизированных народах складывается религия paganorum или широкое народное двоеверие. В Норвегии, Исландии первая волна христианизации не затронула глубоко народные обычаи и уклад жизни, фактически, как отмечает М. Стеблин-Каменский, характер христианизации Исландии позволяет говорить о том, что он производился с характерной для исландцев и их культуры опорой на авторитет силы и власти, а не на проповедь морального превосходства христианства и нравственного закона[36]. Иными словами, жестокость королей и миссионеров в деле насаждения христианства кроется скорее в традиционной для скандинавов власти силы и авторитета успешного ярла, конунга или короля, и новый Бог поначалу воспринимался язычески, т.е. *как ещё один Бог*, который щедро дарует успех ярлам.

Средние века также отмечены широким упадком культуры и, как следствие, повсеместным вырождением католичества как церковного и властного института, относительно самой христианской доктрины.

Усиление политической власти папы, церкви и епископов открывало простор для мирского обогащения и прегрешений, в которых погрязли приходы и храмы. Храмовая роскошь, широкая торговля индульгенциями, ставшими своего рода «разрешениями на грех», вмешательство в мирские

[36] См. Стеблин-Каменский М. «Мир саги. Становление литературы».

дела и власть в XIV веке усугубились природными катаклизмами и эпидемией чумы, что породило сомнения в истинности церковного пути и широкое народное стремление к искренней духовности и мистическому опыту.

Политико-экономический конфликт между папой Бонифацием VIII и французским королем Филиппом IV привел к насильственной смерти папы, и вылился в Авиньонское пленение пап 1309-1378гг. В этот период папский престол перепестился в Авиньон и должность папы и епископов занимали преимущественно французы. В результате «пленения» политическая власть папы значительно уменьшилась, но внутри церкви он стал занимать положение монарха.

Помимо властных распрей, религиозная жизнь средних веков отмечена как богословским гением Иоахима Флорского, св. Франциска, св. Фомы Аквинского, Мейстера Экхарта, Николы Кузанского и св. Григория Паламы, так и еретическими брожениями народных масс, завороженных мистиками, псевдосвятыми и откровенными еретиками.

Языческое наследие в виде реликтов платонической или аристотелевской философии можно обнаружить в церковном богословии и университетах, а народные ереси больше содержат двоеверческих мотивов. Хотя нередки и отпадения богословов с их идеями от догматики в сторону ереси и сектантства, зачастую по тем же причинам: арианство, платонизм, гностицизм, мистицизм и др.

С XI века нарастает противодействие церкви еретикам и сектам, в лице института Святой инквизиции, действовавшего вплоть до XIX века. С помощью инквизиции церковь не только искореняла инакомыслие, но и защищала свои положения и догматы «огнем и мечом», а также расправлялась с более политическими оппонентами, осуществляла цензуру книг и т.д. Т.е. силой отстаивала собственную исключительность, подвергая гонениям как философские и богословские ереси (катаров, альбигойцев), так и двоеверческие идеи и поверия, народные суеверия и сохранившиеся обычаи, и пресловутых ведьм.

К периоду позднего Средневековья относится возникновение течения devotio moderna – нового благочестия. Сторонники devotio moderna были привержены идеям обновления церкви по образу раннего христианства, простодушной религиозности, человеколюбию и веротерпимости. Известными апологетами нового благочестия и простой религиозности были Фома Кемпийский, и его труд «Подражания Христу», и Герхарт Грот, основатель аскетического движения «Братья общей жизни». В

devotio moderna отразились идеи гуманизма, а само течение дало толчок к осуществлению Реформации.

М. Элиаде указывает, что в период, начиная Марсилио Фичино (1433-1499гг.) и заканчивая Джордано Бруно (1548-1600гг.), свершается множество выдающихся научных, культурных и географических открытий которые поставили перед церковью и обществом новые вызовы и задачи. Эпоха Ренессанса уступала наступающему Просвещению – становлению Модерна. Именно в этот период возникает религиозное дитя своего времени, новая христианская деноминация, чья новизна носит как хронологический характер, так и философский – протестантизм.

Начало Реформации положил саксонский богослов Мартин Лютер (1483-1546гг.), прибив 31 октября 1517 года к воротам церкви в Виттенберге 95 тезисов против индульгенций и заблуждений церкви в теологии. С этого момента начинается активное противостояние Католической церкви и папы с нарастающим лютеранством, и протестантизмом в целом.

Лютер критикует духовенство и папу за погрязание в роскоши и многие заблуждения, которые привели народ к чувству «полной духовной безысходности». Он отрицает власть папы, преимущество духовенства над мирянами и исключительное право священников на изучение и трактовку Библии, а также настаивает на разрешении переводить и изучать Библию на родных для народов языках. Из всех таинств и обрядов церкви Лютер призает лишь два: крещение и причастие. Он отрицает схоластическое богословие и свободу воли. Согласно М. Лютеру все добрые дела человека направляются эгоизмом стремления попасть в Рай, добродетель сама по себе не ведет к спасению. Поэтмоу вера должна быть простодушной и по-детски наивной, она не должна подкрепляться разумом, ибо разум и вера для него абсолютно разделены. «Отсутствие у человека свободной воли означает, что человеку нельзя вменять в вину грех, так как грех есть следствие личного выбора»[37].

Идеал согласно воззрениям Лютера заключается в вере и уповании на спасение, всеобщем равенстве общины и уподоблении раннему христианству. Отрицает необходимость посредничества между человеком и Богом в лице церкви и духовенства.

В новой деноминации также присутствиует идея исключительности и истинности, присущей только ей, которую выразил сам М. Лютер: *«О*

[37] Цит. по Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации».

моем учении не вправе судить ни люди, ни ангелы. Тот, кто не признал моего учения, не спасется»[38].

Также лютеранство, как и весь протестантизм, делают акцент на индивидууме и индивидуальном спасении. В Православии церковь как мистическое тело Христа составляют клир (духовенство) и мір (миряне или «община» в славянских языках), в Католицизме церковь – это только духовенство, а миряне отдельны от нее. Восточная церковь претендует на «вселенское спасение», всеобщую церковь, что приближает её к платоническому гуманизму, хотя по отношению к иным народам-язычникам она, несомненно, принадлежит аристотелевскому типу, как и католицизм, в котором обособление сектора от окружности выражено еще более ярко. Протестантизм же опирается на индивидуальный мистический опыт, который защищал Лютер, и поэтому он является гуманистической *модернизацией* западного христианства. Неслучайно Реформация случается в период становления Модерна, что позволило Лютеру целенаправленно использовать новые технологии книгопечатания и распространять свои идеи в Европе. При этом уйти от проблематики толкования научных и географических открытий, социально-экономических изменений общества, переместив религию с главенствующих верховных позиций на индивидуальный уровень.

Идее индвивидуализации веры вторил швейцарский реформатор Ульрих Цвингли, утверждавший о духовном присутствии Христа в сердце каждого верующего. В конфликте с Цвингли находились идеи Конрада Гребеля, который отрицал спасительность крещения в младенчестве и настаивал на том, что истинную силу крещение проявляет при сознательном выборе в зрелом возрасте, поэтому он настаивал на перекрещивании своих сторонников, тем самым породив одно из направлений протестантизма – анабаптизм. Таким образом, изначальное пребывание в традиции с рождения, в непрерывной родовой цепи перерождений, сначало было атаковано христианским отрицанием перерождения душ, а после и протестантским вхождением в традицию не при рождении, а в зрелом возрасте в результате *выбора*. Такой выбор открывает путь к *праву выбора*, и как следствие праву *не выбирать* ничего. Заметим, что аналогичное воззрение на посвящение в традицию *по выбору* в зрелом возрасте присутствует у виккан, в чем можно проследить влияние англиканства и американского протестантизма. В то время как в древних обществах новорожденный сразу погружался в череду традиционных обрядов

[38] Там же.

омовений, представлений духам и Богам, а возрастная инициация была обязательной.

Другими известными протестантами были Жан Кальвин (1509-1564гг.), оставивший множество комментариев к Библии, и Игнатий Лойола (1491-1556гг.), адепт «деятельного созерцания», обративший свой труд на благо общества, начав строить сиротские дома, школы, приюты для проституток и проповеднические миссии, фактически став одним из провозвестников социальной педагогики западной школы.

«Отныне приоритет отдается борьбе за гражданские свободы и реорганизацию общественных институций, в первую очередь системы народного просвещения. Лютер доказал – и подтвердил примером собственной деятельности, – сколь велики возможности творческой личности. Право индивидуума отвергнуть все авторитеты, кроме Бога, – ещё более, чем отстаиваемое гуманистами «человеческое достоинство», – в результате длительного процесса десакрализации послужило переходу от Средневековья к «новому времени», окрепшему в эпоху Просвещения и ставшему необратимым вследствие Французской революции, а также бурного научно-технического прогресса». – Пишет Мирча Элиаде. К этому можно добавить открытость протестантизма в экономических и торговых вопросах, выраженной в известной максиме «Бог отмечает избранных богатством», т.е. быть богатым – это, в некотором роде и богоугодно и признак избранничества, и созвучно некоторым ветхозаветным мотивам[39].

Концом противостояния католиков и протестантов можно считать Вестфальский мир 1648 года, которым закончилась Тридцатилетняя война в Священной Римской империи. В его положениях закреплялось верховенство суверенитета государств, власть церкви и папы была низведена, а также был закреплен религиозный плюрализм и раздел земель между католиками и протестантами.

Не менее важно, как история католицизма для Европы, понимание истории православия в России.

Князь Владимир, сын Святослава, в народном эпосе и фольклоре слился с образом князя Владимира-Солнце или Красно Солнышко, что напрямую отсылает нас к солярному принципу воинского и царского сословия. Владимир Святославович был последним языческим князем на Руси, и одновременно вошел в историю как Владимир Святой или Великий, князь равноапостольный, крестивший землю русскую.

[39] См. также Макс Вебер «Капитализм и дух протестантизма».

Официальному принятию христианства предшествовала реформа языческого пантеона Владимиром, в конце X века. Целью реформы была унификация пантеона и централизация культов вокруг княжеского престола, что сопровождалось переносом идолов подле дворца.

В пантеон Владимира, согласно Повести временных лет, вошли шесть Богов: Перун во главе, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Семаргл и Макошь[40].

Главенствующее положение Перуна, как Бога-покровителя воинств и дружины, логически предопределено самим реформатором Владимиром, так и политической необходимостью централизации власти. Единственное женское Божество, Макошь, приводится в списке последним; многие другие Божества оказались вне пантеона (Велес, Род, Лада и Леля и др.)

Но языческая реформа была краткосрочной, и после нее Владимир изучает и испытывает разные веры: ислам, иудаизм, католицизм и византийское православие, с целью *выбрать* ту, что будет наиболее приятна и целесообразна его планам. Выбор пал на византийское православие. Официальное крещение Руси датируется 988г[41].

Крещение Руси само по себе не означало тотального принятия иноземной религии всем населением, оно лишь означало начало длительного, зачастую насильственного процесса христианизации русского общества, дало начало процессу становления двоеверия. И в ходе развития и расширения самого русского государства, христианизация не раз сталкивалась с традициями иных (малых) народов, уступая им в главенстве на их территориях.

Принятие православия по линии передачи из Византии усилило восприятие Константинополя как Второго Рима и плотнее связало Русь с европейским имперским контекстом. С языческой точки зрения мы можем отметить, что этот европейский контекст уже был подвержен вырождению, и хронологически волна распада пришла на Русь почти на тысячу лет позже.

Флорентийская уния 1439г., объявившая о примирении восточной, армянской и католической церквей, и последовавшее в том же веке падение Византии в 1453г. отложили большой отпечаток на Московское княжество и его восприятие своей роли. Примирение с католиками означало отказ от православных догм и утерю священного авторитета

[40] Убедительным является утверждение об иранском происхождении Семаргла. См. Б. Рыбаков «Язычество древних славян».

[41] Ранее православие было принято княгиней Ольгой, матерью Святослава, и уже было известно на Руси.

Константинополя в глазах русского духовенства и царя. Падение самой Византии только подтвердило это как кара за отступничество. В период XV-XVI веков на Руси формируется религиозная идея Третьего Рима и Москвы, как эсхатологической приемницы Константинополя-Рима, что отражает идею о метафизической translatio imperii – переходе царства из страны в страну. Брак Иоанна III с Софией Палеолог, племянницей последнего императора Византии Константина XI, ложится в основу легитимизации этой идеи. К ней присовокупляются апокрифические мифы о происхождении царских артефактов (шапка Мономаха), и попытки выправить родословную русских князей и царей, от Рюрика, в сторону античных корней. В это же время происходит становление автокефальной Русской Православной Церкви, первым митрополитом в 1448 году становится Иона Московский. В следующем веке статус верховного митрополита изменяется на достоинство патриарха.

В XVII веке происходит очередная схизма, имеющая для русского христианства значение, подобное по масштабу Реформации, и частично совпадающая с ней по временным рамкам, как и с зарей Просвещения.

Начало раскола положено реформами патриарха Никона (1605-1681гг.), суть которых заключалась в обновлении и унификации богослужебных книг и обрядов, включая введение троеперстия вместо двоеперстия и крещение погружением в воду, в пользу современного греческого образца. Реформа вызвала отторжение у части духовенства и народа, породив раскол на сторонников патриарха и сторонников старого обряда – старообрядцев.

Раскольники, как еще называли старообрядцев, не представляли единой структуры и рассеялись по многим согласам. Среди них особо можно выделить беспоповский соглас, как наиболее радикальный. Отрицая реформы Никона и считая раскол событием эсхатологическим, возвещающим приход Антихриста, беспоповцы селились в отдаленной глуши, лесах, избегали контактов с иноверцами и максимально законсервировали быт и образ жизни. В их представлении они *уже жили* в апокалиптических временах, чему в будущем будет созвучно традиционалистское отношение к современности. Так как беспоповцы отрицали реформированное духовенство, то они не принимали в свои ряды никаких новых священников и не признавали рукоположения в сан от них. Таким образом, в скором времени они остались совсем без духовенства, т.е. без инициатической линии передачи в священстве, без иерархии клириков.

Старообрядчество в своих радикальных формах на многие века законсервировало быт и обычаи сельской жизни эпохи раскола, а также специфические формы старого русского языка, фольклора, зодчества и т.д., т.е. оно в значительной форме законсервировало и разнообразное, до церковной унификации, православно-языческое двоеверие, окрасив его в эсхатологические тона. Закрытость старообрядческих обществ и поиск пути к Богу в десакрализированном мире породили множество еретических и экстравагантных сект, которые можно рассматривать скорее как народные синкретические христианско-языческие явления. Среди таких сект можно выделить хлыстов с их экстатическими практиками, и радикальных скопцов, которые также совершали коллективные экстатические радения для достижения мистического опыта.

Официальная власть преследовала раскольников, старообрядцы в ответ совершали акты коллективного самосожжения (гари) как свидетельства мученичества и верности старому обряду. Взаимные послабления между церковью и старообрядчеством происходят века спустя. Церковь возвращает некоторые старые положения, единоверческий соглас признает юрисдикцию патриархата, при полном сохранении своего обряда.

Таким образом, старообрядчество относительно никонианства выступает как более древняя, отчасти стихийная форма православия, а реформированная церковь становится более *современной*.

Модернизация России Петром I Великим, с целью «прорубить окно в Европу», коснулась и церкви. Институт патриаршества был заменен Святейшим Правительствующим Синодом – коллегиальным органом управления церковью, включавший представителя императора – обер-прокурора. Синодальный период церкви охватывает весь период императорства в России, от 1721 года до 1917 года.

Введение Синода как формы управления церковью подчиняло её власти императора, тем самым, с одной стороны, соблюдался византийский принцип главенства императора, с другой – синодальное устройство было подобно европейскому модернистскому парламентаризму, и встроено в общую систему государства как одно из управлений. Т.е. структурно влилось и подчинилось общей модернизированной Петром государственной системе, наперекор совеобразной симфонии властей, духовной и светской, которая бытовала ранее.

Синод официально упразднен декретом Совета Нраодных Комиссаров 1918г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Становление нового, советского государства происходило при активном

отрицании и гонении православия, что было одобрено некоторыми старообрядческими согласами.

Таким образом, к XII веку две христианские деноминации, католицизм и православие, охватили пространство Европы, России и Передней Азии; в Просвещение в каждой из деноминаций произошел *модернизационный раскол*: в Европе Реформация и обособление протестантизма открыли дорогу теологического гуманизма, ведущую в Модерн, а русские старообрядцы законсервировали специфическое эсхатологическое двоеверие, противостоявшее обновляющейся Русской Православной Церкви.

Воззрение языческого традиционализма на становление и распространение христианства в Европе и России полностью укладывается в метафизическую доктрину инволюции, наступления Железного века или, используя платонические термины, погружения в материю, утраты эйдейтических нитей Сакральных эманаций.

Внутри линейной истории христианства можно выделить периоды, приблизительно соотносимые с доктриной веков. Так, период жизни Христа и деяний апостолов можно отнести к Золотому веку. Период апологетов вплоть до утверждения христианства имперской религией, и первых соборов можно отнести к Серебряному веку, так как в этот период христианство отступает от общинного существования, максимально близкого хронологически и структурно общине Христа и апостолов, и выходит на властные доминирующие позиции в Армении и Риме; обогощается эллинизмом и романской культурой, а значит в некоторой мере, выходя за пределы иудаизма, отступает от изначальной сути учения Иисуса Христа и уже пропитывается античным двоеверием и философией. С другой стороны оно возвышается до вселенского универсального уровня, расширяет свой географический охват и частично преодолевает этнические влияния. Раскол единой церкви на католицизм и православие, и ранее раскол Римской Империии, знаменуют следующую веху ниспадения и, пока ещё, частичное отпадение от истинной веры части некогда единой церкви. Католики считают отпавшими православных, православные – католиков. Этот период продолжается вплоть до второй очереди расколов на рубеже Модерна. Эпоху Нового Времени христианство воспринимает эсхатологично – это время вселенской апостасии, т.е. отпадения большей части человечества от христианства и нивелирование веры до индивидуального выбора, а также разложение самих церквей. При этом

сохраняется эсхатологический оптимизм ожидания Второго пришествия Иисуса Христа, предвосхищенного в Новом Завете.

Изначальное подчиненное положение Иудеи и евреев в империи, а также начальное распространение христианства среди низов, рабов и изгоев Рима вытекает из обращения Христа именно к этим слоям в первую очередь. Само слово «раб» становится специфическим самоназванием верующих христиан. Семантически оно изначально означает «отрока», близко к латинскому orbus и греческому ὀρφανός – «сирота». В значении «отрока» раб Божий означает, что человечество в некотором роде, через Христа, становится его сыновьями. Значение «сирота» отсылает нас к недостаточности, неполноценности, отсутствию или полной утрате родовых связей. Этот семантический слой можно трактовать как отражающий принцип creatio ex Nihil – сотворенный из Ничто человек не имеет Божественного рода, и как следствие – Божественной природы в себе, но лишь вложенный по замыслу Дух. Такой Божий Замысел можно трактовать как акт духовного усыновления «сирот», что более полно будет отражено в фигуре Христа как Бога-Сына. Само христианство в своей сути является религией именно Сына, т.е. оно обращено в сторону человека, гуманно и гуманистично в своей морали, а значит близко самым низам, которые в терминах «сирота», «отрок», «раб» несут семантическую печать онтологической недостачи. Стать христианином – это, в некотором роде, стать «усыновленным» и одновременно навсегда закрепиться в этом патологическом состоянии недостачи.

Это, в свою очередь, предопределило сам характер христианства как религии воплощающей воззрения третьего сословия и низов. В нем мы видим принцип построения церкви как мистического «тела Христова» с опорой на массы, снизу вверх. Именно снизу вверх происходит завоевание признания властью христианства в Риме. Новая религия декларирует равенство всех перед Богом, и царя и раба, но начинает распространение этой идеологии с низов и с опорой на свое, т.е. Христа, толкование Заповедей. Поэтому завоевание христианством более высоких позиций с языческого взгляда является низведением, падением верхов до уровня низов, выравниванием по нижним критериям. Но, безусловно, в период богословского расцвета и полемики с философами, гностиками и еретиками, христианство, обогощенное мудростью эллинов, возвышает свою доктрину выше, чем уровень плебса и изгоев.

Уже в этом, более высоком состоянии оно проникает в более языческитрадиционные общества германцев, скандинавов и славян (X-XIвв.), т.е.

мы вновь сталкиваемся с неоднородностью истории и неодновременным движением метафизических циклов у разных народов. Европа границ Римской Империи первой входит в свой Железный Век, распространяет его на других и меняет своё мировоззрение на противоположное по структуре. С линейно-прогрессивной точки зрения это будет выглядеть как распространение более развитого, и уже познавшего Благую Весть, Логоса на ещё отстающие окраинные народы Севера или Востока. Здесь идея авраамической исключительности и [будущий] гносеологический расизм ещё не разделены, но уже намечены.

Обращение к широким слоям и универсализм христианства, разрывающий этнорелигиозную связь языческих традиций, также отражается в ориентации на экзотеризм, следование внешним проявлениям, обрядовости и догматизму толкований. Эзотерические толкования и внутренние учения не приветствуются в христианстве, и приживаются с трудом. Отринутые церковью эзотерические толкования во многом носят языческий характер двоеверия и печать неоплатонической философии.

Языческий элемент

Проследить древние языческие реликты в иудаизме крайне сложно, платоническое влияние и попытка преодоления ограниченности креационизма в каббале происходит уже после распространения христианства. Феномен двоеверия полноценно разворачивается вместе с христианством, так как оно одновременно преодолевает узкие рамки иудаизма и его этнорелигиозной связи, и распространяется среди иных народов, с каждым из которых происходит двеоверческое расслоение и синтез.

Нет смысла подробно останавливаться на описании всего разнообразия двоеверия в разных народах. Везде будут свои культурные, языковые и фольклорные особенности, изучению которых посвящено множество литературы от Средневековья до современности.

В каждом народе насаждение христианства происходило со своими особенностями, стратегиями адаптации чужой веры к древним традиционным реалиям. Но, как отмечает Мирча Элиаде, в результате адаптации христианства к языческим традициям происходила определенная унификация и подгонка христианских праздников к Сакральным датам кельтского креста, а все мифические мотивы героя или Бога, побеждающего змея слились в образе св. Георгия, а своеобразным

«Богом» грозы и дождя стал св. Илья. Христианская демонология пестрит именами семитских Божеств соседних с евреями племен, к которым в меньшей степени добавляются имена Богов из других народов. Все они встраиваются в христианскую мифологию как демоны и бесы. Другие языческие реликты прочно входят в тело новой религии, вплоть до полного отождествления самого реликта с христианством. Таково, например, наследие римской культуры в виде статуй, влившееся в католицизм, где представление Девы Марии или распятого Христа в виде статуэток и статуй является повсеместным, а культура иконографии минимальна.

К тому же христианизация не так сильно затрагивала образ жизни, и еще менее – сам быт и обычаи, которые тоже выступили консервантами языческого миропонимания и этики. Наиболее ярко это прослеживается у народов, проживающих в горной местности: скандинавы, осетины, армяне и другие народы Кавказа. Крещение не сразу, а где-то и вовсе не изменило древний уклад жизни и способы ведения хозяйства. Такая консервация через быт и уклад жизни, и через народное переосмысление христианства в двоеверии, составляет завуалированную линию передачи традиции, которую мы встречаем повсеместно везде, где идет речь о возврате языческих традиций к активной и открыто проявленной жизни.

Но нельзя обойти стороной негативное влияние, которое оказала унификация религиозной жизни в христианстве, на сословную структуру языческих обществ. Различные специфические ритуалы, обряды и инициации, практикуемые разными сословиями, упразднялись в пользу единообразного богослужения и общих для всех молитв, равного для всех положения перед Богом. Многие сословные обряды и поверия остались как суеверия, пережитки и элементы фольклора, но значительная их часть была вытеснена общим церковным обрядом.

Но помимо культурного, фольклорного двоеверия в христианстве мы встречаем и своеобразное богословско-философское «двоеверие». Активно отвергая платонизм и эллинскую мудрость, христианство всё равно её усваивает окольными путями, маскировками и усечениями. Таким образом, внутри самого христианского богословия существует платоническая нить, идущая от античной языческой Греции, и это платоническое наследие активнее всего привлекает и проявляется в фигурах различных христианских аскетов, мистиков и, более радикально, в некоторых ересях. На разных этажах общества, народов, существовало два двоеверия – народное, ниболее близкое экзотерически к язычеству и

древнему образу жизни, сохраняющее некоторые ключи к языческому мировоззрению, и более элитарное философское, глубоко спрятанное за покровами христианского языка, но из этой «тьмы языка» аффектирующее христианский мистицизм, особую магию и демонологию и т.д. Второе двоеверие, которое можно назвать самым эзотерическим, является и самым сложным для расшифровки и приведения обратно к языческому знаменателю.

Ранее мы рассматривали особенность креационизма в отсутствии между тварным миром и Богом общей меры и связи, как между горшечником и произведенным горшком. Единственная связь – это замысел (промысел) творца о творении, в чем заключается и смысл жизни, например, христианина – познать замысел Бога и место в нем человека.

Но в христианстве нам также известно, что Бог *воплощается в человеке*, Иисусе Христе, т.е. входит в мир подобно манифестации самого себя в своё же творение. Такое самопроявление Бога в мире создает проблему, прецедент манифестации в мире креационизма, вопрос, как для язычества, так и для самого христианства.

Спор о природе Иисуса Христа заложил особый раздел богословия – христологию. Есть три мнения относительно природы Спасителя, вокруг которых разворачивался спор в период становления христианства: монофизитство, диофизитство, миафизитство.

Монофизитство или Евтихианство, от греческих слов μόνος – «один» и φύσις – «природа», доктрина, приписываемая архимандриту Евтихию, утерждающая о единственной и Божественной природе Иисуса Христа и отсутствии в нем человечкской природы.

Диофизитство, от греческого δυο – «два», утверждает о наличии в Христе двух природ – человеческой и Божественной. Т.е. в Иисусе одновременно присутствовали природа человека, как сына Марии и Иосифа, и Божественная.

Миафизитство, от греческого μία – «единая», строится на утверждении Богочеловечности Христа и нерасторжимом единстве в нем двух природ.

Эфесский собор осуждает Нестория, проповедовавшего разделение двух ипостасей в фигуре Христа, т.е. в нем он разделял две природы, каждая из которых представлялась и отдельным лицом в том числе.

Последующий Халкидонский собор осуждает монофизитство, и поныне оно отвергается практически всеми христианскими конфессиями. Диофизитство в односубъектном толковании фигуры Христа признается православной и католической церквями, а миофизитство и учение

Нестория признается Древневосточными церквями: Армянской, Сирийской, Эфиопской и др.

Спор о природе Иисуса Христа продолжился в концепциях монофелитства и диофелитства, от греческих слов μόνος/δυο и θέλημα – «воля», рассматривавших вопрос источника воли в фигуре Спасителя. Монофелиты утверждают, что Иисус творит и как Бог и как человек, нераздельно и непротиворечиво. Диофелитство, догматизированное в православии и католичестве, утверждает, вслед за диофизитством, что в Христос волит как Бог, и как истинный человек, обладающий всеми человеческими качествами, кроме греха. Своим развитием диофелитство обязано трудам Максима Исповедника. Монофелитство осуждено на III Константинопольском соборе.

К строгому креационизму ближе всего стоит положение монофизитства о том, что Иисус имел только Божественную природу, в таком случае его явление происходило как длительное чудо явления Бога, как фантазм в образе человека. Подобно отражению лика в вине на дне сосуда. Но это положение было отвергнуто в пользу двух природ, человеческой и Божественной, что объясняется необходимостью полноценного вхождения Христа в мир для принятия его страданий и последующего искупления. К этому примыкает спор о том, действительно ли Иисус-Бог телесно страдал на кресте, либо в момент распятия Дух Божий покинул его и страдал только Иисус-человек, либо страдания фигуры Христа только казались людям. Догматическим является положение о полноценном переживании страданий Иисусом Христом[42].

Рассмотрим проблему манифестации Бога в фигуре Христа более подробно с языческой позиции. Боговоплощение Иисуса не отменяет и ни коим образом не затрагивает изначальное положение о творении из Ничто, т.е. учение Христа не пересматривает космогонию и онтологию. Предвечный Бог ниоткуда не исходит, а пребывает в себе изначально и полноценно. Природа Бога и тварного мира остается различной.

Сам Иисус является, согласно догмату о Троице, предвечно рожденным от Бога Отца Богом Сыном. Бог Святой Дух также исходит от Бога Отца. Все трое являются разными ипостасями одного единого Бога, равны и полноценны между собой пребывая в Нём. Из этого следует, что в человеческой фигуре Иисуса Христа изначально воплощается сам Бог в ипостаси Бога Сына. Бог эманирует себя в свое собственное творение,

[42] Акцент на переживании страданий, особенно телесных, также указывает на сословную природу низов, отраженную в христианстве.

выходит из себя в не-себя, подобно платоническому проодосу. Проповедуя своё учение и претерпевая страдания, Бог Сын возвращается к Богу Отцу, т.е. эманация Бога возвращается, эпистрофе, сама к самому себе. Акты эманации, нисхождения и возвращения, совершаются самим Богом. Человеческая природа Христа дополняет этот акт своей абсолютной чистотой, отсутствием греха, которым обладают все без исключения остальные люди. Чистая человеческая природа Христа созвучна идеальной Божественной природе. И для обычного человека образ Христа остается ориентиром, недостижимым идеалом. Так как Бог Сын обладает такой же природой, как и Бог Отец, то Иисус Христос является Богом в мире, а значит, только он способен совершить обратное восхождение, возврат.

Остальное человечество «усыновлено» Богом, но оно не наделяется такой же Божественной природой Сына, какой обладал Иисус. Поэтому, обычный человек всегда открыт греху, обладает им и не способен слиться с Богом, познать себя как Бога. Человек, даже самый чистый и святой, неспособен совершить полноценное возвращение, эпистрофе. Он всегда будет на ступень ниже самого Бога, даже пребывая в Раю. Между ним и Богом всегда будет зазор двух природ. Такого зазора нет между Богом Отцом и Богом Сыном, которые являются ипостасями одного Бога. Следовательно, именно этот один Бог в силу своей абсолютной неограниченности может эманировать, воплощать себя в тварном им мире, и возвращаться к Себе. В креационизме только Богу доступен этот опыт удаления, возврата и слияния. Поэтому, даже человеческая природа Христа, обладающая всеми человеческими качествами, в виду отсутсвия только греха, уже максимально удалена от всего человечества. Если взять из всего христианства только фигуру Христа (Бога Сына) и Бога (Отца), их родовые и мессианские отношения, вынеся за скобки остальной контекст, то мы окажемся в языческой топике, когда человек есть Бог и знает это, и способен на восхождение к более высокому Богу Отцу. В отличие от православных-традиционалистов мы не находим в этом, вынесенном из контекста фрагменте, достаточных оснований для утверждения что язычество искупляется и присуществляется в православии. Боговоплощение в христианстве – это однократный (пока не свершилось Второе пришествие) акт самого Божества, который не пересматривает ни начала и природы мира, ни природы человека. Человечество, даже «усыновленное» Богом и искупленное Его воплощением, все равно остается в положении недостачи, изъяна.

Философски мы оказываемся в закрытом, как закупоренный сосуд, платонизме, где восхождение вверх, к Богу, ограничено непреодолимым пределом, а широта мысли ограничивается жесткими рамками догматики.

Рассматриваемый вопрос продолжается в более позднем учении об обожении или теозисе (θέωσις; theosis). Обожение заключается в приобщении человека Божественной природе при жизни, строго по благодати. Благодать – одно из основных христианских понятий, означающее Божий дар и милость Бога к человеку, безотносительно его заслуг или греховности. Обожение является конечной целью праведной жизни христианина, начало пути полагается крещением, и идет через таинства и принятие благодати.

Симеон Новый Богослов описывает свой духовный опыт обожения следующими словами:

«Ты меня принял, Господь, сделав так, что этот тленный храм – моя бренная плость – соеденилась с Твоей; отныне я часть Тебя, прозрачная и проницаемая»[43].

В Библии же мы встречаем лишь намеки на обожение в словах Иисуса Христа (Ин. 17:21-22):

«21 да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино,- да уверует мир, что Ты послал Меня.

22 И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино».

Учение о теозисе оформляется позже споров о природе Христа, своим развитием, как и учение о благодати, оно во многом обязано греческому богослову Григорию Паламе (1296-1359гг.). По своей сути учение об обожении представляет собой *мистический* рывок к преодолению разрыва природ между человеком и Богом, или полноценному свершению эпистрофе, к слиянию и Единству. При этом выше Иисус вновь подчеркивает разность между своей и Отцовской природами (Ин. 15:1-4):

«1 Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь.

2 Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.

3Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам.

4 Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне».

---

[43] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации».

Метафора Христа как лозы и Бога Отца как виноградаря подобна метафоре о горшке и горшечнике, в ней также встречается и намек на исключительность истины христианского учения («ветвь, не приносящую плода, Он отсекает»). Но главный нюанс кроется в прибывании во Христе как ветви, которая плодоносит только будучи на лозе, т.е. пребывание в Христе, а значит и в Боге, доступно лишь по сопричастности ему, его телу как Церкви, а также по благодати.

Учение, подобное обожению по благодати, мы встречаем в кашмирском шиваизме, где Шива может абсолютно спонтанно освободить адепта от иллююзии (Майя) и, следовательно, даровать ему богореализацию[44].

Практический путь к обожению, развитый Г. Паламой в учении исихазма, «священного безмолвия», по мнению М. Элиаде может иметь азиатские корни, в частности он отмечает феноменальное сходство практики афонских монахов с йогическими техниками. Но здесь следует провести различие между экстазом христианина, узревшего Творца в максимальном приближении, близости, принятое за единение, и раскрытие восточными йогинами и садху своей собственной Божественной природы без различения и разделения, без дистанции и разрыва.

Исихазм или «молчание» распространяется в Византии с VI века, и заключается в непрестанном повторении молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня». Никифор Уединенник в XIII веке описывает практику исихазма с правильным дыханием, которое совместно с молитвой должно привести к состоянию, подобному экстазу. Г. Палама в полемике с Варлаамом, обвинившим монахов-исихастов в ереси, защищает практику «священно-безмолвствующих», а также восстает против эллинизма и, в частности, расцвета платонизма. В споре с Варлаамом и платонизмом богословие и мистицизм Паламы побеждают и распространяются в Восточной Европе, принимаются православием повсеместно, тем самым происходит расхождение восточной церкви с интеллектуальными настроениями Ренессанса. Также, учение об обожении наименее всего выражено в протестантизме.

Но, несмотря на открытую полемику с Платоном, а значит и самой структурой язычества, развитые Паламой учения о практике исихазма и обожения носят откровенный языческий характер и уходят корнями в практики Индии и Востока, что, правда, крайне сложно доказать вещественно, но по своей сути порыв на преодоление креационистского разрыва, *хотя бы между человеком и Богом*, очевиден.

[44] См. Б. Пандит «Кашмирский шиваизм». М.: Издательство «Ганга», 2010.

Феномен христианского монашества, в одно время бывший образом христианства, также во многом подобен восточному и азиатскому аскетизму, но в христианстве монашество – это уподобление уходу в пустыню, где, как мы уже упоминали, происходило само становление креационизма. Монашество в христианстве несет печать иудейской пустыни, ничтожествления мира как тварного и преходящего. Немногим мистикам удалось избежать этой тени и достигнуть особого духовного опыта, который либо обогощал богословское двоеверие, дополняя экзотерическое толкования христианства эзотерической глубиной, либо был отвергнут как ересь.

Особое место в христианстве занимает женская фигура Богородицы – Девы Марии или Мадонны. Мария именуется Богородицей согласно диофизитскому догмату, чему противился Несторий, называвший её только Христородицей, т.е. матерью человека, но не его Божественной ипостаси. Отрицание Богорождения Марией противоречит идее Боговоплощения, она – мать Бога и идеального человека, Иисуса. В католицизме считается, что сама Мария была зачата непорочно – в момент её зачатия с неё был снят первородный грех. В западной и восточной церквях Мария почитается как Приснодева – та, что зачала, родила и в дальнейшем оставалась девой, что было закреплено на V Вселенском соборе. После смерти, на третий день, Мария возносится Христом на небо.

Широкое почитание Девы Марии в православии практически занимает равную позицию с Христом, иконографический культ Богородицы-спасительницы насчитывает сотни икон, среди которых наиболее почитаемы Владимировская и Казанская. Культ Богородицы отражается в народном двоеверии, где ей приписываются атрибуты Макоши, Лады и власть над временами года. В России, в Брянской области в 1960-х годах фольклористами было записано следующая закличка весны:

«Сама мати Пречистая на улицу выходила,
Лелемьё-лелем, на улицу выходила,
Ключи выносила да зиму замыкала,
Лелемьё-лелем, да зиму замыкала.
Да зиму замыкала, а лето отмыкала,
Лелемьё-лелем, а лето отмыкала…»[45].

В народе также отмечается день Покрова Святой Богородицы 1го октября, восходящий к видению Андреем Юродивым Богоматери распростершей свой головной платок над собравшимися в храме. В

[45] См. сборник «Обрядовая поэзия» - М.: Современник, 1989 г.

двоеверии этот праздник отражен как просто Покров день, в который, как считается, снег покрывает, укутывает землю и начинается осенне-зимний период и связанные с ним обычаи, а также в цикле праздников, связанных с Девой Марией, отчетливо выделается мотив рождения и зачатия: зачатие Богородицы, день памяти родителей Марии Иоакима и Анны, и рождество Богородицы, по старому стилю выпадавшее на Осеннее Равноденствие 21 сентября. Широкое почитание народными массами Богородицы является прямым следствием акцентуации третьего сословия на земледельческом круге обычаев и жизненном укладе, и более тесным контактом с Матерью-Природой.

Дева Мария, как идеальная женщина, избавленная от греха, мать Бога Иисуса Христа, выступает завуалированным и оттененным воплощением Женского Божества или Богини-Матери/Природы-Матери. В самой Библии эпизоды с Марией немногочисленны, но её народное почитание широко распространено, особенно в православии. В язычестве практически все Богини и женские фигуры, так или иначе, связаны с плодородием, жизненной силой, фертильностью и вокруг них складываются комплексы женских плодородных и материальных символов. Авраамические религии подчеркнуто патриархальны, Бог – это Патер, Отец, в христианской вариации с акцентом на Сына. Особое почитание Богоматери вводит завуалированное почитание женского аспекта Сакрального. Так как она сама лишена греха, идеальная женщина, родившая идеального Богочеловека, то она сама в некотором роде неназванная Богиня, с языческой точки зрения. Она подобна греческой Гее и другим Великим Матерям, за исключением того что она порождает только одного ребенка, и при этом была и остается девой.

В подчеркнутом аспекте девства Марии можно углядеть отсылку к стерильности материи в платонизме. Так, Бог в стремлении воплотиться в мире исходит из Самого Себя, доходит до материального предела и через Марию-материю воплощается в теле. Но Иисус рождается не буквально, а метафизическим образом, оставляя Марию девой, т.е. он *отражается* как эманация от материи, и в своем жизненном пути начинает ноэтическое (умное) восхождение-возвращение к Богу Отцу, которое свершается только после разрешения от телесной оболочки – смерти на кресте. А после Богорождения уже освященная Логосом Мария-материя как Богоматерь входит в христианский культ и находит отклик в третьем сословии. Такой взгляд акцентирует внимание на негативном, с языческой точки зрения, прочтении платонизма, его креационистском усечении,

одноразовости и исключительности акта исхождения Бога в мир и его возвращения.

Второй Библейской женщиной, связанной с Христом и особо почитаемой в католицизме, является Мария Магдалина. Мария – грешная девушка, которую Иисус исцелил от семи бесов, и впоследствие она стала одной из его верных учениц и спутниц. В православии почитается как равноапостольная святая и мироносица, одна из тех, кому ангел возвестил о воскрешении Христа. В католицизме Мария Магдалина, помимо прочего, считалась блудницей, оставившей это ремесло после встречи с Иисусом. Образ раскаявшейся блудницы культивируется в искусстве, литературе и живописи, и закрепляется в культуре. Апокрифы и еретические учения расширяют роль Марии Магдалины и её связи с Христом вплоть до теорий об их браке, и даже детях (катары).

В этом желании присовокупить Иисусу Христу женскую пару, супругу и мать, прослеживается все то же стремление к преодолению разрыва между миром и Божественным, к искуплению плоти и материи, установлению родовой цепи и зачинанию нового Богочеловечества. Но, согласно структуре и логике креационизма, такие стремления были отвергнуты как ересь и подвергнуты гонениям церковью.

Одним из выдающихся философов и теологов XV века был немецкий кардинал Николай Кузанский (1401-1464гг.). Из неоплатонизма Кузанский почерпывает идею Единства, в котором стираются различия и противоположности. Вместе с идеей гармонии (concordantia) и апофатическим богословием Псевдо-Дионисия он выдвигает идею о гармоничном диалоге между религиями, даже между язычеством и исламом. Неоплатоническая философия позволяет ему трактовать множество языческих Богов как образы Единого Бога, который является и Богом христиан, и не может быть выражен никакими словами или образами. Иными словами, внешние различия между религиями снимаются в невыразимом апофатическом Единстве. Познание этого Единства лежит не через человеческое познание, широкое и многосложное, но через «ученое незнание», превосходящее рациональное мышление и воображение. Познание Бога открывается во всей своей полноте, но познавший все равно остается неспособен его выразить в доступных ему понятиях. Таким образом, духовный опыт индивидуализируется, становится достоянием индивидуума, одного человека. Миротворческие инициативы межрелигиозного диалога не нашли развития и широкого признания в западной церкви, но их можно

считать предтечами, ранними вестями гуманизма и религиозной терпимости, отдаленно подобными положению New Age о сущностном единстве всех религий.

Из философии Николая Кузанского, из его неоплатонизма и понимания апофатического Единого как венца Сакральности, и межрелигиозных инициатив, можно наметить два пути разрешения: первый заключается в разрешении от бремени христианских рамок и выходе на строго неоплатонические позиции, а значит на языческие; второй, как уже сказано выше, лежит в области модернизации гуманизмом и искажения уже христианской догматики в пользу веротерпимости.

Предтечей Н. Кузанского, также оказавшей на него влияние, был немецкий мистик Мейстер Экхарт (1260-1328гг.). Новаторство Экхарта заключалось в обосновании возможности возврата человека к Богу в состоянии до творения Адама и мира, т.е. минуя инстанцию Троицы и последующей демиурги. Фактически, речь идет об «онтологическом единстве с Богом, оставаясь в миру»[46]. Мейстер различает Бога (Gott) и божество (Gottheit). Gott – это Бог-творец, а Gottheit – его божественная сущность, его основание (Grund). Божество-Gottheit бездвижно, бездеятельно и апофатично, в то время как Бог-Gott действенен и именно он творит мир. По мнению Экхарта человеческая душа по природе единосущна именно Gottheit, и способна его познать и укорениться в Grund минуя Gott.

Мирча Элиаде приводит следующее описание опыта М. Экхарта:

«В моем изначале я не ведал Бога, а был только самим собой […] Я был чистым бытием, и я познавал себя в божественной истине […] Я был собственной первопричиной – как своего вечного существования, так и временного […] Поскольку я вечно рождаюсь, я бессмертен […] Я был причиной самого себя и всего остального».

Это описание во многом схоже с подобными мистическими опытами единения с Богом, unio mystica, и с индийскими описаниями святых достигших мокши – просветления. Учение Мейстера Экхарта было отвергнуто католичеством как ересь, но его апофатика повлияла на Николая Кузанского, а стремление обойти посредников между человеком и Богом (Gottheit) прослеживается в антиклерикальном радикализме Мартина Лютера.

---

[46] См. Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации».

Самое чистое христианство, максимально лишенное как теологического, так и народного двоеверия (не без исключений) – это протестантизм. В протестантизме христианство во многом разрешается от бремени многосложного богословия, эзотеризма, культурных наслоений фольклора и богослужебных форм. Упрощение богословия и богослужения уподоболяет протестантизм раннему христианству, а значит, очищает его от поздних философских и этнических наслоений. Протестантизм индивидуален и, как следствие, либерален; спасение человека – это только его забота, изменение общества не столь важно для дела спасения. Вследствие этого протестантская этика отрицает положения Ветхого Завета и, согласно Лютеру, вменять человеку грех бессмысленно.

Всеобщее равенство перед Богом закладывает демократические основания в протестантские общины и общества, что подстегивает становление Модерна, городской буржуазии и капитализма. Множество течений внутри протестантизма открывает дорогу релятивности истины, что нивелирует её. От протестантизма берут свои корни многие современные харизматические и тоталитарные секты, соединяющие либерально-демократическую простоту веры с коллективными экстатическими собраниями, в православной сектологии называемой не иначе как «одержимостью», и сетевой бизнес моделью.

Показательно и то, что в протестантизме нет культа Богородицы и женских фигур, так как это противоречит идее об отсутствии посредников между человеком и Богом. Цвингли и Кальвин открыто отрицали возможность богослужения Богородицы. То есть, протестантизм отвергает любую косвенную идею о Сакральности Природы-материи, но при этом не вступает в конфликт с учеными и научным миром, периодически даже пытаясь согласовать современные им положения науки с их толкованием Евангелия.

В становлении и распространении протестантизма прослеживается закономерность, что он зарождается и шире распространяется среди германских народов и стран. Прогрессистский взгляд на этот вопрос предполагает ответ, что германо-скандинавская мифология и традиция в своем развитии не вышла на уровень античной философии или широкоразработанных индийских даршан, т.е. оставалась более примитивной. Если католичество, впитавшее античность и Аристотеля, парировало протестантизму, а на востоке православие получило прививку от Реформации в виде богословия св. Г. Паламы и структурных различий между западной и восточной церквями, то центр, и особенно север,

германского ариала не мог оказать большого сопротивления для распространения протестантизма. Несомненно, этому способствовали и политические распри зарождающихся национальных государств и Просвещение. В целом, активный прозелитизм протестантов укладывается в стремление проповедовать Слово Божье язычникам, в частности самым философски-отсталым скандинавам, бывшим на окраине Европы и истории.

Вслед за иудаизмом, негативное отношение к язычеству, как к народным традициям, так и к философии, «эллинской мудрости», наследуется и христианством.

В Библии мы находим запрет Иисуса Христа проповедовать язычникам (Мф. 10:5-8):

«5 Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите;

6 а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева;

7 ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное;

8 больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте».

Но уже апостол Павел, обращенный в христианство после встречи с Христом после его распятия, становится «апостолом язычников» (Рим. 10:13):

«13 Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое».

Будучи гонителем христан, после обращения Павел пишет послания в христианские общины и совершает несколько апостольских путешествий, в ходе одного из них его и Варнаву принимают за Гермеса (Ермия) и Зевса (Деян. 14:11-15):

«11 Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам.

12 И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове.

13 Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение.

14 Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили:

15 мужи! что́ вы это делаете? И мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них».

Как иудаизм сформировался в окружении семитов-язычников, так и христианство оказалось в окружении язычества разных народов, но прежде всего – романского и эллинского. Изначальная проповедь среди низов сменяется, вслед за получением христианами власти на гонения на язычников и насильственные крещения иных народов.

В православном великом повечерии, в одной из песней, есть следующие строки восходящие к книге пророка Исайи, главе 8:9-10:

«С нами Бог, разумейте языцы,
и покаряйтеся:
Яко с нами Бог.
Услышите до последних земли:
Яко с нами Бог.
Могущии покаряйтеся:
Яко с нами Бог.
Могучие, покоряйтесь.
Ибо с нами Бог.
Аще бо паки возможете,
и паки побеждени будете:
Яко с нами Бог.
Ведь если вновь усилитесь,
вновь и побеждены будете.
Ибо с нами Бог.
И иже аще совет совещаваете,
разорит Господь:
Яко с нами Бог.
И какой бы совет вы ни замыслили,
разрушит Господь.
Ибо с нами Бог.
И слово, еже аще возглаголете,
не пребудет в вас:
Яко с нами Бог».

Что в прозаическом переводе выглядит следующим образом:

«С нами Бог, познайте, народы, и покоряйтесь. Ибо с нами Бог. Услышьте до предела земли. Ибо с нами Бог. Могучие, покоряйтесь. Ибо с нами Бог. Ведь если вновь усилитесь, вновь и побеждены будете. Ибо с

нами Бог. И какой бы совет вы ни замыслили, разрушит Господь. Ибо с нами Бог. И какое бы слово ни сказали, не останется в силе у вас. Ибо с нами Бог».

Ключевой момент заключается в старославянском слове «языцы», переводимом на современный русский как «народ», но семантически нагруженном и значением «язычество» как «традиция», т.е. «разумейте языцы и покоряйтеся» означает «познайте народы [язычники] и покоритесь [признайте], ибо с нами [наш] Бог». В ней же содержится угроза и предостережение против войны, восстания и иного неприятия христианства, ибо христианский Бог расстроит эти планы, и «вновь и побеждены будете».

В Европе гонения на еретиков, язычников и ведьм достигли апофеоза в институте Священной инквизиции, от латинского inquīsītiō – «розыск».

Инквизиция существовала с XII по XIX века, её пик пришелся на XIII-XVI века. В числе преследуемых были не только открытые еретики, но и сельские ведуны, знахари, настоящие и оговоренные ведьмы, а также политически неугодные оппоненты и первые ученые. В конфликте с инквизицией был Галилео Галилей, которого она вынудила отказаться от признания идей Н. Коперника. Также в 1599 году был учрежден Index Librorum Prohibitorum – список запрещенных к прочтению книг, под страхом отлучения от церкви. За время его существования в него попали многие просветители, гуманисты и философы нового времени.

Но Элиаде пишет, что «охота на ведьм» была в первую очередь призвана искоренить народное язычество и остатки земледельческих культов. Под давлением и пытками обвиняемые оговаривали себя и близких, тем самым подстегивая процесс формирования из остатков язычества пресловутой черной магии и сатанизма.

Наиболее известна испанская инквизиция, во главе с Томасом Торквемадой, отличавшимся особой жестокостью и гонением евреев и мавров. В Российской Империи инквизиция в мягкой форме просуществовала крайне недолго и завершилась при Екатерине I.

С одной стороны инквизиция защищала христианство, в частности католицизм, от ересей и остатков язычества, с другой – защищала от нарастающего гуманизма и Просвещения, Модерна. В результате она повлияла на трансформацию народного язычества, его частичное смыкание с натур-философией и первыми учеными, а также поставила вопрос для священников-ученых и просто верующих ученых «или или»: или вера, и подчинение науки догматике, или философия и наука. Для

языческого традиционализма имеет значение лишь показательная демонстрация креационистской исключительности, враждебности к язычеству в любой форме, и нанесенные двоеверию деформации, которые привели к тёмно-оккультным и сатанинским искажениям языческого наследия в дальнейшей истории и восприятии массами язычества.

Также в эпоху двоеверия складываются целые фолькорные массивы и специфическая мифология, которая не может быть распутана как клубок на две отдельные нити – языческую и христианскую. К числу таких относится легендарный цикл о Святом Граале – чаше, из которой пил Иисус Христос на Тайной вечере, и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из раны распятого Мессии. В легендах о Святом Граале переплелись кельтские и германские мифологические мотивы, а также отраженная в рыцарстве воинская этика Mannerbund и инициатические испытания. Кретьен не Труа в «Персивале, или легенде о Граале», популяризуется образ странствующего рыцаря, который подхватывется известными авторами, сформировавшими Артуровский цикл: Робер де Борон и Вольфрам вон Эшенбах. Интерес к самому Граалю связан со средневековым стремлением найти реликвии жизни Христа, в этом поиске Грааль трансформировался от чаши до камня («Парсифаль» Эшенбаха) или иной реликвии, которая даровала исцеление и обладала магическими свойствами. Этой тематике посвятили свои труды, в том числе, и Ю. Эвола и Стефан Флауэрс (ака Эдред Торссон, 1953г.р.), выдвигающий экстравагантную теорию, косвенно защищающую двоеверческий сплав:

«Кажется, что «магическая формула» calc–stân–gâr на самом деле представляет собой эзотерическое понимание мифа о Граале, присущее, насколько нам известно, только германскому миру. Хотя Вольфрам ссылается и на источники из более южных земель [Испанию времен владычества мавров], нет никаких достоверных доказательств негерманского происхождения такого толкования Грааля. Так что у нас остаются пространные размышления Вольфрама в «Парцифале», мнения о предмете в других средневековых германских трудах (например, в «Wartburgkrieg» Хайнриха фон Офтердингена, где Грааль отождествляется с камнем, выпавшим из короны Люцифера) и древнеанглийская рунная традиция, документально подтверждающая существование сочетания кубка, камня и копья. Таким образом, вполне может быть, что это сочетание представляет собой фрагмент языческой традиции в контексте неканонического христианства. Разумно допустить, что большую сохранность получили те языческие элементы,

что оставались в среде еретических идей, нежели те, что пытались затесаться в ортодоксальный церковный уклад (хотя есть примеры и таких успешных проникновений).

Я думаю, этого материала хватит любому истинному черному магу, чтобы суметь прояснить значение сочетания calc–stân–gâr. Добавлю лишь, что копье — это несомненно Гунгнир, копье Вотана, его жезл власти — подлинное «копье судьбы»[47].

Цикл о Граале невозможно привести к строгому германскому или кельтскому язычеству, так как он выстроен вокруг христианской реликвии. Если её убрать, то сказания о воинских странствиях и испытаниях не будут иметь такой глубокой значимости. С другой стороны, легенды о Граале обитают по большей части в художественной литературе и на периферии христианского богословского внимания, хотя они и аффектировали европейскую культуру даже больше, чем сам феномен реального рыцарства, по мнению М. Элиаде. Таким образом, легенда Грааля – это неразделимый синтез языческих мотивов и христианской мистики, несводимый ни к одной из традиций в чистом виде, он существует только в их одновременном слиянии.

Мы кратко рассмотрели моменты богословского двоеверия, которое несомнно связано и с фольклорным, основные мотивы которого строятся вокруг попыток преодоления онтологического разрыва, разности природ между человеком, миром и Богом. Стремление преодолеть разрыв носит сугубо языческий характер, бессознательно-языческий, если позволить нам так выразиться. С другой стороны некоторые ереси и внутрицерковные учения оказались близки к гуманизму Модерна и первым ученым, что в их критике церковью породило определение ученых как «язычников», за якобы поклонение Природе, хотя мы знаем, что это было совсем не так.

В итоге в христианстве, как мы увидим далее, феномен двоеверия и скрытого язычества раскрывается в наибольшей мере, чем в иудаизме и исламе. Христианство, будь оно западное или восточное, сильно аффектируется народничеством и античной философией, пронизывается язычеством и всегда содержит значительную его долю за своим фасадом, при этом активно отвергая и преследуя его во вне.

---

[47] Calc–stân–gâr – запись английскими рунами, calc-кубок, gâr – копье, см. Флауэрс Стефан «Черная руна» - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Современность

Второй Ватиканский собор 1962-1965 годов открыл новую страницу в истории Католической церкви. Целью собора была адаптация католицизма к современному миру, поэтому основной посыл носил гуманистический, социальный и либеральный характер, но не затрагивал догматических положений веры.

Из всех конституций, декретов и деклараций, принятых по итогам собора, наиболее занковыми являются Dignitatis humanae и Nostra Ætate.

Dignitatis humanae, в переводе с латинского «Достоинство человеческой личности», декларирует свободу совести и вероисповедания. Принятие этой декларации является адаптацией католицизма к современному секулярному, гражданскому обществу. В ней делается акцент на непринуждении к вероисповеданию и дискриминации.

Nostra Ætate, что означает «В наш век», говорит об отношении к нехристианским религиям. В ней подчеркивается общность ответов, которые люди ищут в Боге и религии. Обращаясь к восточным религиям, декларация призывает к терпимости и поиску того общего, морального, добродетельного и святого, что у них есть. Также перечисляются общие положения с исламом, и уделяется внимание общему с иудаизмом наследию, завершающиеся призывом забыть вражду и работать на укрепление мира. Завершается декларация заявлением о недопустимости какой-либо дискриминации и следовании принципу всеобщего равенства перед Богом.

Положения этих двух деклараций выражают демократические и толерантные настроения в католицизме, победу партии либералов внутри самой церкви. Само время собора является преломным временем между Модерном и Постмодерном, через три года после его окончания во Франции происходит май 1968г.

Миротворческую и гуманистскую деятельность после собора продолжил папа Иоанн Павел II (1920-2005гг., папа с 1978г.[48]). Отстаивая консервативные позиции в отношении недопустимости легализации гомосексуализма, женщин священников и конрацепции, он проводил либеральную миротворческую политику в отношении других церквей. Первым посетил иудейскую синагогу, совершил богослужение с англиканским епископом, выступил перед многотысячной толпой мусульман в Марокко, впервые после раскола церквей посетил Грецию. В 1986 году созвал встречу для обсуждения межрелигиозных отношений, на

[48] В свое время активно участвовал в разработке Dignitatis humanae.

которой присутствовали 47 делегаций от христианских церквей и 13 от других конфессий. В 1995 году попросил прощения за зло, причененное католиками другим конфессиям. В 2000 году совершает покаяния за грехи церкви. В стремлении доказать, что церковь может быть современной в 1997 году посещает как слушатель рок-концерт, а в 1998 году санкционировал почитание Исидора Севильского как покровителя Интернета, но официального признания этого Католической церковью ещё нет.

Деятельность Иоанна Павла II привела к его небывалой популярности, он стал и одним из символов новой эпохи, и отразился в поп-культуре. Либеральная и гуманистическая деятельность размыла границы католицизма, открыла путь к мягкой теологии и перспективам экуменизма.

Идея современного объединения церквей, не только уния между восточной и западной, но и межрелигиозный экуменизм, является типичной стратегией глобализации Постмодерна по размытию, смешению и нивелированию больших нарративов, в частности религиозных. В этом направлении можно выделить деятельность протестантов, активно продивигающих идеи объединения и Всемирный Совет Церквей (не признается православием). Самая экстравагантная идея о единстве церквей принадлежит Всемирному Парламенту Религий, утверждающему, что все религии ведут к Высшей Истине и Богам, равенство религий и религиозный плюрализм и толерантность. Первый Всемирный конгресс религий, позже ставший Парламентом, был организован теософами в 1893 году в Чикаго. С непереодической регулярностью Парламент проводит встречи вплоть до сегодняшнего времени. Среди известных личностей, выступавших в рамках конгрессов, можно назвать XIV Далай Ламу, 39го президента США Джимми Картера. В целом Парламент представляет собой New-Age инструмент глобализации и либерализации традиционных религий, как христианства, иудаизма, ислама, так и языческих религий Америки, Европы, России, Азии и всех остальных.

В современной России полноценная реставрация Русской Православной Церкви произошла после крушения СССР в 1991 году. Опуская внутрицерковные события, остановимся на важных, в контексте нашей темы, событиях.

В 2004 году патриарх Алексий II (1929-2008гг.) на Архиерейском соборе назвал неоязычество, наравне с терроризмом и другими явлениями современности, одной из главных угроз XXI века. Это высказывание само по себе означает, что православие сохраняет вектор на защиту своей

исключительной привилегированности на пространстве России, что осложняется не только религиозными, но и социальными и политическими притязаниями церкви как института внутри государства. Несмотря на декларируемую в Конституции РФ свободу совести, в законее «О свободе совести и религиозных объединениях» в преамбуле указана *«особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»*[49].

На основании высказывания патриарха и юридическом допущении превосходства православия, церковь в России планомерно проводит наступление на иные традиционные конфессии, особенно на оставшиеся традиции малых народов, и оказывает давление, в том числе и через органы светской власти, на возрождающееся славянское язычество и адептов Индуизма и Одинизма в России. С 2012 года активизируется деятельность внутрицерковной секты «уранополитов», которая в числе прочего известна систематическим разрушением и осквернением языческих святилищ разных традиций, как в России, так и зарубежом.

Сложившаяся ситуация вновь подобна той, что была в начале XX века: западные язычники пребывают в состоянии ультралиберализации и постмодернизации, размытия и нивелирования, а русские вновь испытывают нарастающее давление, на этот раз со стороны РПЦ. И вновь, вопрос о лучших условиях и перспективах не предполагает однозначного ответа. Но можно заключить, что клерикализация Русского общества будет нарастать, о чем говорит навязывание православного образования в школах, и полуофициальная надзорно-разрешительная практика, согласно которой некоторые меропряития (реконструкторские фестивали, ремесленные ярмарки, народные гуляния и т.п.) должны пройти согласование или получить благословление у местных митрополитов. Известен конфликт организаторов реконструкторского фестиваля «Хельга» и местной епархии, освящение и покровительство РПЦ центров русской культуры и этнографии, музеев и других реконструкторских клубов и фестивалей.

По данным службы «Среда» в 2012 году православными под эгидой РПЦ себя считали 41% населения, по данным Левада-Центр от того же

[49] Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях».

года, просто православными себя считали 71%. Несмотря на отсутствие официальной статистики от РПЦ, церковь оспаривала данные 41%, считая их заниженными почти вдвое.

Всего в мире почти 1.2 миллиарда католиков, около 164 миллионов православных под эгидой РПЦ, и более 200 миллионов протестантов разных церквей и течений.

I.IV Ислам

Обращаясь к становлению ислама, мы вновь оказываемся в семитской среде, на этот раз в южной оконечности Аравийского полуострова, который почти полностью покрыт песчанными и каменистыми пустынями Большой Нефуд и Малый Нефуд, Эль-Джафура, Руб-эль-Хали и другими.

Из разрозненных южно-семитских племен к V веку образуется арабская народная идентичность, а к VI веку арабские племена стали этническим большинством на полуострове, надолго сохраняя свой быт – кочевое скотоводство и жесткий патриархат.

До исламизации у арабов была своя языческая традиция, сведений о которой осталось крайне мало. Известно, что среди племен были общие почитаемые Боги, идолы которых были помещены в общее святилище – Каабу в Мекке. По разным данным количество идолов было от 300 до 360. Аллах был верховным Богов у древних арабов, его имя восходит к общесемитскому корню «Ил», от которого в иудаизме во множественном числе сохранилось имя Бога Элохим. Богиней дождя и неба, а также супругой Аллаха была Богиня Аллат (ал-Лат или Илат), с ней также связаны древние корни культа Черного Камня, укрепленного в одной из стены Каабы.

Свой культ в I веке до Р.Х. имела Богиня Узза (Аль-Узза, «Всемогущая»), которой был посвящен камень былого гранита в Мекке, а также святилище у дороги близь Мекки в виде трех акаций. Узза почиталась верховной Богиней племени Курайш, совместно с родовым Богом племени Хубалом[50].

Хишам ибн Мухаммад ал-Калби в «Книге об идолах» сообщает о Хубале:

«Он находился внутри Каабы. Перед ним [лежало] семь стрел. На одной было написано «чистокровный», на другой — «чужой». Когда

[50] По одной из версий отождествляется с Ва`алом.

сомневались относительно [отца] ребенка, приносили Хубалу жертву, затем бросали стрелы. Если выпадало «чистокровный», ребенка принимали, а если выходило «чужой», от него отказывались. Была стрела для покойника, для заключения брака и три [стрелы], назначения которых мне не объяснили. Когда спорили по какому-нибудь делу или имели в виду путешествие или какую-нибудь работу, приходили к нему и бросали стрелы возле него. И как выпадало, делали согласно этому и полагались на это»[51].

Манат или Мануту – Богиня судьбы и подземного мира, её культ был распространен повсеместно в Аравии. Манат считалась покровительницей города Медина (Ясриб). Ей был посвящен черный камень, расположенный между Меккой и Мединой. Манат, ал-Узза и ал-Лат почитались как дочери Аллаха, который, согласно М. Элиаде, почитался уже как deus otiosus – удалившийся, «сокрытый» Бог.

Но большая часть языческого наследия арабов была уничтожена мусульманами из-за радикальной ненависти к многобожию, что является характерной чертой креационизма.

Согласно Библии арабы являются потомками Исмаила/Ишмаэля, сына Авраама от рабыни египтянки Агарь. Арабы принимают библейскую версию своего происхождения вместе с исламизацией, а Ишмаэль стал считаться предком всех мусульман. Языческое время в исламе получило название Джахилия – время невежества, а «джахилем» в современном исламе именуют отступников.

В 571 году в Мекке, в семье, входящей в уважаемое племя Курайш, рождается мальчик Мохаммед, чье имя означает «Восхваляемый», а род восходит к Адаму, и которому было суждено стать пророком и основателем третьей авраамической религии – ислама, что означает «покорность».

В 610 году, в 40-летнем возрасте Мохаммеду, пребывавшему в отшельничестве в пещере, является ангел Джабраил (Гавриил) с требованием «читать», т.е. «проповедовать», и произносит первые аяты Корана (сура Аль-Алак 96:1-5).

«1. Читай во имя твоего Господа, Который сотворил все сущее.

2. Он сотворил человека из сгустка крови.

3. Читай, ведь твой Господь - Самый великодушный.

4. Он научил посредством письменной трости –

[51] См. Ал-Калби Хишам ибн Мухаммад «Книга об идолах (китал ал-аснам)», пер. В. В. Полосина, М. Восточная литература. 1984.

5. научил человека тому, чего тот не знал».

Это событие считается моментом возникновения ислама.

С момента первого откровения ангела и до первой публичной проповеди в 613 году, Мохаммед сформировал ближащий круг из родственников, которым сообщал Божественные послания. В него вошли его жена Хадиджа, двоюродный брат Али, приемный сын Зайд, Осман и Абу Бакр.

Изначально проповедь Мохаммеда не носила характера утверждения новой веры, но стремилась пробудить соплеменников. Аллах был известным Божеством, которому совершали подношения, и имя которого использовалось в обиходе. Но призыв «Нет Бога, кроме Аллаха» и отрицание многобожия были восприняты главами курешитов как посягательство на политическую власть и традицию, ведь умершие предки-многобожники обрекались на мучения в аду. От него требовали чудес и священных подтверждений его пророчеств, которые не воспринимались всерьез.

Таким чудом стало экстатическое путешествие Мохаммеда в Иерусалим и вознесение на небо Джабраилом (мирадж). Ночное путешествие произошло предположительно в 619 году, в последние годы пребывания Мохаммеда в Мекке. К пророку, прислонившемуся к Каабе, явился Джабраил с крылатой кобылой Бурак, и перенес его в Иерусалим в мечеть Масджид аль-Акса, где он встретил Ибрахима (Авраама), Мусу (Моисея) и Ису (Иисуса), и молился вместе с ними. После он был вознесен архангелом к престолу Аллаха, который сообщает ему его миссию и доверяет ему Коран.

Это путешествие упоминается в суре Аль-Исра 17:1:

1. Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он — всеслышащий, всевидящий!»

Это путешествие вводит Мохаммеда в авраамический круг и устанавливает связь ислама и Корана с авраамическим креационизмом и контекстом. Коран, признающий Ветхий и Новый Заветы, становится ещё одной надстройкой над авраамизмом и христианством, утверждающей свои истинность и правильность своих толкований. Мохаммед становится последним из цепи пророков, самым чистым и преданным из них, а Аллах отождествляется с Яхве иудеев и христиан.

Сура Аль-Бакара 2:139:

«139. Скажи: «Разве вы станете препираться с нами из-за Аллаха, когда Он — наш Господь и ваш Господь? Нам — наши дела, а вам — ваши дела, и мы пред Ним очищаем веру».

Важным событием в становлении ислама стало переселение в 622 году, под давлением язычников, Мохаммеда и его сторонников из Мекки в Ясриб (Медину), известное как хиджра.

Мохаммед выбирает местом для переезда общины Ясриб, где проживало много монотеистов-иудеев, а одно из главных племен уже признало его пророком и приняло ислам. Проповеди в Ясрибе акцентируются на устройстве исламской общины – уммы. Важнейшим событием стало объединение прибывших из Мекки мусульман – бывших курейшитов и новообращенных в Ясрибе. В результате этого объединения ислам окончательно оторвался от энических и языческих корней и начал претендовать на универсальный характер, а главной идентичностью уммы стало религиозное единство.

Позже, после неудачных попыток обратить в ислам иудеев, Мохаммед провозглашает верным направлением для молитвы Мекку, а не Иерусалим, и провозглашает, что Кааба была сооружена Ибрахимом и Исмаилом, но из-за греховности предков святилище попало в руки многобожников. Таким образом. Моххамед делает ислам религией более древней, чем христианство и иудаизм, а себя считает пророком чистого монотеизма, против искаженных религий иудеев и христиан.

Этот момент отражен в суре Аль-Бакара 2:126-128:

«126. И вот сказал Ибрахим: «Господи! Сделай это страной безопасной и надели обитателей ее плодами, — тех из них, кто веровал в Аллаха и в последний день». Он сказал: «А тем, которые не уверовали, Я дам в пользование ненадолго, а потом силой приведу их к наказанию огнем». Скверно это возвращение!

127. И вот, Ибрахим воздвигает основы дома, и Исмаил: «Господи наш! Прими от нас, ведь Ты, поистине — слышащий, знающий!

128. Господи наш! Сделай нас предавшимися Тебе и из нашего потомства — общину, предавшуюся Тебе, и покажи нам место нашего поклонения, и обратись к нам, ведь Ты — обращающийся, милосердный!»

Начиная с хиджры, отношения между общиной Моххамеда и Меккой только ухудшались, и вылились в серию военных столкновений между мусульманами и язычниками, в ходе которых сторонники пророка одерживают победу. В 630 году, с десятитысячным войском, пророк без

боя занимает Мекку и разрушает идолов Каабы. В 631 году он объявляет войну многобожию в новом откровении.

Сура Ат-Тауба 9:3-11:

«3. И призыв от Аллаха и Его посланника к людям в день великого хаджа о том, что Аллах отрекаетсяя от многобожников и Его посланник. И если вы обратитесь, то это лучше для вас, а если отвратитесь, то знайте, что вы не ослабите Аллаха. Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием,

4. кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем пред вами его не нарушали и никому не помогали против вас! Завершите же договор до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных!

5. А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах — прощающий, милосердный!

6. А если кто-нибудь из многобожников просил у тебя убежища, то приюти его, пока он не услышит слова Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это — потому, что они — люди, которые не знают.

7. Как будет у многобожников союз с Аллахом и Его посланником, кроме тех, с которыми вы заключили союз у священной мечети? И пока они прямы по отношению к вам, будьте и вы прямы к ним: ведь Аллах любит богобоязненных![52]

8. Как же? Когда они, если одержат верх над вами, не соблюдают для вас ни клятв, ни условий? Они благоволят к вам своими устами, а сердца их отказываются, и большая часть их — распутники.

9. Они купили за знамения Аллаха небольшую цену и отклоняются от Его пути. Плохо то, что они делают!

10. Они не соблюдают в отношении верующих ни клятвы, ни условия. Они — преступники.

11. А если они обратились, и выполнили молитву, и дали очищение, то они — братья ваши в религии. Мы разъясняем знамения для людей, которые знают!»

[52] Позднее аят 9:7 отменен аятом 9:5 исключающим какие-либо союзы с многобожниками.

В 632 году Мохаммед совершает последний хадж в Мекку. В эти дни он призывает всех собравшихся мусульман на гору Джабаль аль-Рахман, где произносит свою последнюю проповедь:

«О люди, послушайте мои слова! Я не знаю, встречу ли я вас здесь снова в этом же месте на следующий год. О люди, ваша кровь и ваша собственность священны и неприкосновенны до тех пор, пока вы не встретитесь с Господом, также как священен для вас этот день и этот месяц. Несомненно, что вы встретитесь с вашим Господом, и он спросит вас о делах ваших. Мне это [уже] стало известно. Пусть тот, кто взял залог, вернет его тому, кто доверил его ему; всё ростовщичество упразднено, но ваш капитал принадлежит вам. Не поступайте дурно, и с вами не поступят дурно. Аллах постановил, чтобы не было больше ростовщичества, и ростовщичество Аббаса ибн Абд аль-Муттaлиба упразднено, всё вообще. Кровь, пролитая во времена язычества, не подлежит отмщению».

После небольшого отступления о статусе и роли женщины, он продолжает нравственное наставление умме:

«Я передал послание и оставил вам то, следуя чему, вы никогда не собьетесь с пути — книга Аллаха и сунна его пророка. Слушайте слова мои, о люди, и внемлите [им]. Знайте наверняка, что каждый мусульманин — брат другому мусульманину, и что все мусульмане — братья. Недозволено человеку [брать] у брата чего-либо, за исключеним того, что тот дает ему по собственной воле, так что не обижайте друг друга. Поняли ли вы мои слова?»

Прощальная проповедь на горе подобна проповедям Моисея и Иисуса, и созвучна им по посланию. Моххамед отменяет кровные долги времен Джахилии, устанавливая новую эпоху, и повторяет золотое правило «Не поступайте дурно, и с вами не поступят дурно».

Мохаммед умирает в 632 году в Медине. Избранный преемник (халиф) Абу Бакр обращается к правоверным с такими словами:

«Если кто-то почитает Мохаммеда, пусть занет – Мохаммед умер; если же кто-то почитает Аллаха, то Мохахмед жив и не умирает».

Золотой век ислама приходится на время расцвета Арабского халифата (632-1258гг.), который постепенно занял все пространство Аравийского полуострова, а позднее и Египта, Кавказа, современного Афганистана и северной Индии.

В Европе мусульмане в VIII веке занимают Пиринейский полустров, в IX веке проникают в Сицилию и закрепляются там до XI века.

В XIII веке под натиском монголов падает Арабский халифат, но монголы вскоре тоже обращаются в ислам.

В XV испанская реконкиста освобождает Пиринеи от арабо-берберской власти.

К XX веку исламские империи и государства становятся колониями западных современных держав. В ходе борьбы за независимость ислам радикально политизируется в антизападном направлении.

Встреча ислама с Модерном в лице колонистов приводит к возникновению консервативной и модернистской фракций в исламе, настаивающих на возвращении к исходным формам ислама или на обновлении согласно духу времени соответственно.

На сегодняшний день священная земля ислама – Аравийский полуостров – почти полностью занимает мусульманское государство Саудовская Аравия, с формой правления в виде абсолютной монархии и исламским правом – шариатом.

Суннизм, шиизм, суфизм и салафизм

После смерти Мохаммеда наравне с Кораном по значимости стала почитаться сунна, от арабского سنة – «обычай». В основе сунны лежат поступки и высказывания Моххамеда, как образец поведения и праведной жизни для верующего и всей уммы, собранные в хадисы. Сунна также является источником исламского права и обязательна для изучения.

Мусульмане, признающие Коран и сунну как буквальные и прямые авторитеты, и закон Шариата, составляют подавлющее большинство среди всей численности мусульман. Сунниты (السنة أهل) – самая распространенная и нормативная «деноминация» ислама. Суннитский ислам исповедуется в современной Саудовской Аравии.

Сунниты признают шесть хадисов: от Аль-Бухари, Муслима, ат-Тирмизи, Абу Дауда, ан-Насаи и Ибн Маджи. А также признают четыре богословских и юридических (в исламе богословие и право неразрывны) школы, именуемых мазхабами: маликитскую, шафиитскую, ханафитскую и ханбалитскую.

Ключевую роль играет признание четырех Праведных халифов: Абу Бакра, преемника Моххамеда, Умара, Усмана и Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя пророка.

Старейшими богословами суннитского толка были мутазилиты, философы из Басры, использовавшие, согласно ориентации на экзотерический буквализм суннизма, рациональный метод калам – «речь».

Мирча Элиаде называет самыми важными первые два положения мутазилитов:

1) توحيد – tawhid – Единобожие, в формулировке аль-Ашари: *«Бог един, никто не подобен Ему; у Него нет ни тела, ни индивидуальности, ни сущности, ни акциденции. Он вне времени. Он не может пребывать в каком-либо месте или существе; к нему не приложимы никакие атрибуты или определения тварных сущностей. Он необусловлен и неопределим, Он ни порождающий, ни порожденный (...). Он создал мир без предустановленного образа и без посторонней помощи»*[53].

2) Божественная справедливость, выраженная в свободе воли человека и ответственности человека за его поступки. Восходит к словам Моххамеда о том, что человек отвечает только за себя и не наследует грехов отца.

Формулировка таухида аль-Ашари (874-935гг.) отражает апофатическое определение Аллаха, которого нельзя выразить, а значит, и познать никоим рациональным образом; подчеркивает аспект creatio ex Nihilo, согласно которому Аллах нигде и ни в ком не пребывает, а также не является порожденным или порождающим подобно creatio ex Deo или manifestatia; и, наконец, подчеркивается, что мир сотворен без образа и помощи, что означает одного актора неплатонической демиурги, не опирающейся, согласно описанию демиурга Платона, на горний мир идей (образов).

Мутазилиты также отрицают божественную атрибуцию Корана, считая, что он сотворен.

Несмотря на то, что аль-Ашари придерживался мутазилитства, позже он публично в мечети Басры отрекается от этого учения и посвящает жизнь примирению различных суннитских школ, сглаживая острые углы мутазилитского богословия. В частности подвергает критике главенство рационального экзотерического толкования, и утверждает ценность тайного и сверхчувственного (ghayb), превосходящего калам. А также признает некоторые катафитические определения и имена Аллаха и предтварные корни Корана в Божественном Слове. Смягченное ашаритское богословие стало воплощением суннизма.

В отличие от суннитов, шииты (شيعة) составляют очевидное меньшинство, но их богословские основания столь же крепки и влиятельны, как и у суннитов. Принципиальное отличие шиитов от суннитов заключается в том, что шииты, что переводиться с арабского как «последователи», признают единственным законным наследником и

[53] Цит. по Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации».

первым имамом зятя пророка Али ибн Абу Талиба (599-661гг.). Али был главным сподвижником Моххамеда и участвовал во всех значимых событиях становления ислама. Его фигура носит трагический характер, так как он, особо близкий к пророку родственник и сподвижник, был убит во время гражданской войны с Муавией убийцей-хариджитом, из «отколовшихся» противников мира с Муавией.

Современный Иран, Ирак, Ливан и Азербайджан являются странами с исповедуемым шиитским исламом.

Шииты также ставят на первое место таухид, за ним следует вера в пророка и пророчества, вера в Божественную Справедливость, вера в Имамат и в загробный мир. Вера в Имамат заключается в особом почитании 12 имамов рода Али, и лежит в основе основного шиитского течения двунадесятников или иснаашаритов. По мнению некоторых шиитов, потомки пророка по линии Али несут в себе частицу Божественного Света. Последовательность 12 имамов такова:

1. Али ибн Абу Талиб (умер в 661г.);
2. Хасан ибн Али (умер в 669г.) – старший сын Али и Фатимы;
3. Хусейн ибн Али (умер в 680г.) – младший сын Али и Фатимы;
4. Зайн-аль-Абидин (умер в 713г.);
5. Мохаммед аль-Бакир (умер в 733г.);
6. Джафар ас-Садык (умер в 765г.);
7. Муса аль-Казим (умер в 799г.);
8. Али ар-Рида (умер в 818г.);
9. Мухаммад ат-Таки (умер в 835г.);
10. Али ан-Наки (умер в 865г.);
11. аль-Хасан аль-Аскари (умер в 873г.);
12. Мохаммед аль-Махди (Махди).

Последний имам Махди родился в 869 году и был назван имамом в пятилетнем возрасте, но в том же году он умирает. Шииты-двунадесятники считают, что Махди не умер, а был сокрыт Богом и пребывает в сокрытии до сих пор. Такая идея порождает мистическое ожидание возвращения сокрытого имама, почитаемого как следующего мессию, который придет в конце эпохи для восстановления справедливости.

В отличие от экзотерического, буквалистского суннизма шиизм имеет эзотерическое, мистическое измерение. М. Элиаде приводит следующее высказывание Али: *«В Коране нет ни одного стиха, который не имел бы четырех смыслов: экзотерического (zahir), эзотерического (batin), предельного (hadd), промыслительного (motalla). Экзотерический – для*

чтения вслух, эзотерический – для внутреннего понимания, предельный – это высказывания относительно разрешенного и запрещенного; промыслительный – это то, что Бог предполагает реализовать в человеке данным стихом».

Эпоха, наступившая после сметри Моххамеда называется walayat, что означает «дружбу», то есть Аллах, покровительствуя имамам, открывает им тайные значения Корана, формируя особый эзотерический круг. Деятельность первых имамов состояла в том, чтобы держать в равновесии zahir и batin, внешнее экзотерическое проявление религии и шариата и сокрытые измерения и трактовки посланий Аллаха и Моххамеда.

Одной из самых мистических сект шиизма являются исмаилиты, признающие только 7 имамов, возводя линию передачи после Джафара ас-Садыка к его второму сыну Исмаилу, который скончался ранее ас-Садыка. Некоторые исмаилиты ставят имама выше пророка, считают его сопричастным Божественному Свету и образцом Вечного Человека. С имамом связывались эсхатологические ожидания и опыт самопознания, как познания внутреннего имама и его [само]открытие верующему.

Но наибольший расцвет мистического богословия и эзотеризма происходит в суфизме. Суфизм, от арабского صوف — «шерсть», что означает простую шерстяную одежду акетов, к которым восходит своими корнями само учение, зародившееся в VII-VIII веках. Аскетизм мусульман стал реакцией на политические устремления халифов, менее заинтересованных в религиозной жизни и её насыщении. По мнению шиитов, именно они являются вдохновителями (batin) суфизма. Первый этап становления суфизма назван в честь изначального аскетизма – зухд.

Отличия между суннитской ортодоксией и суфизмом существенны. Рациональное богословие сунны и шариата осуждало иррационализм и мистицизм суфиев, нередко нарушавших запреты, установленные в Коране. Суфии считали, что только в личном опыте можно познать и слиться с Аллахом, что противоречило мажоритарному богословию. Также суфизм утверждал особый духовный путь, состоящий из инициации, зачастую тайной, и длительного периода подчинения наставнику, что также размывало властные основания духовных лидеров – улемов. Также внешние проявления суфизма носили элементы экстатики: прелигиозные песнопения, танцы, игру на музыкальных инструментах и коллективные молитвы (зикр). Суфии разрабатывают науки и свой собственный тайный язык в период тасаввуф IX-XI веков.

Такие различия привели к длительному периоду конфликтов между суфиями и ортодоксами, периоду скрывающегося суфизма и казням известных мастеров, но со временем (период тарикатов) духовный вклад в развитие ислама суфиями был признан повсеместно.

Сам по себе суфизм неоднороден и богат на направления и школы, которые порой существнно различаются между собой, поэтому мы остановимся на нескольких знаковых фигурах суфийских маетров, чьи воззрения прольют свет на глубинные устремления этого исламского течения.

Абу Язид Бистами, персидский суфий живший с 804 по 874 года, привносит в суфизм идею священного самоуничтожения, или самопогашения – fana. Согласно Бистами путь аскезы, медитации на Боге и отречения себя от всего позволяет пережить fana собственного Я и слиться с Богом в экстазе. Абу Язид не оставил после себя книг, а его учение было сохранено и передано учениками. Особая роль, отводимая аскетизму и медитации, указывает на вполне вероятные влияния индийской йоги и адвайты на учение Бистами. Но, по мнению суфия Абу-л-Касим аль-Джунейда, Бестами все же не достиг единства с Богом, так как его экстатические прозрения носили эпизодический характер. Также он противопоставлял самоуничтожение новой жизни адепта в Боге (baqa).

Также экстаз Бестами не до конца признавал и Аль-Халладж, великий суфий Ирана и ученик аль-Джунейда.

Аль-Халладж (Хуйсен ибн Мансур, 858-922гг.) является одним из самых выдающихся суфийских мистиков, с трагической судьбой мученика, погибшего за свои идеи. Аль-Халладж открыто проповедует в Багдаде о мистическом слиянии с Богом через Любовь, вследствие чего человек и его поступки освящаются. Открытая проповедь суфийских тайн навлекает на него недовольство захиритов и некоторых суфиев. Во время одного из экстатических опытов он восклицает «Ана-ль-Хакк» – «Я есть Истина (Бог)», что вызывает гнев ортодоксов, обвинение в богохульстве и тюремное заключение, во время которого он пишет свой единственный труд «Китаб ат-Тавасин».

После тюремного заключения последовала казнь суфия через постепенное отрубание конечностей. Сначала ему отрубили руки, потом ноги, после палач отрезал уши и нос и вырвал ему глаза. На это аль-Халладж отвечал, что отсеченыне части тела ему заменяют его духовные качества. Перед тем, как вырвать ему язык, аль-Халладж попросил слово:

«О Боже, не отринь этих людей, ибо то, что они совершают, они совершают во имя тебя. Благословение Господу за то, что они отсекли мои члены во имя Твоё. И если они отрубят мою голову, то и это во Славу Твою». Затем он процитировал из Священного Корана: «Те, которые не уверовали в Судный День, поспешите узреть его, но уверовавшие предостережены, ибо ведают, что это истинно. Его последними словами были: «Для тех, кто прозрел, достаточно одного – Возлюбленного»[54].

Согласно преданию, голову мастеру отсекли на следующий день, когда он был ещё жив, и каждая часть его тела начала кричать «Я есть Истина!», а каждая капля его крови приняла форму имени «Аллах».

Высказывание «Я есть Истина» в контексте мистического слияния с Аллахом в духе fana для аль-Халладжа означало, что в нем не осталось ничего личного и индивидуального, а был только Бог, который есть Истина. Его высказывание не подразумевало возвеличивания собственного эго, но его полную прозрачность и проницаемость Аллахом. Бог не существует в человеке, но следующий путем суфия, с помощью практик, может очиститься и граница между Богом и человеком станет проницаемой. Не исчезнет, но станет прозрачной для прохождения Аллаха через покорного верующего, порождая экстаз слияния. Поэтому экстатическое слияние и fana не противоречат каламу и сунне на уровне смысла, но на уровне языка это неочевидно.

Но спокойствие аль-Халладжа перед казнью и его слова во время расчленения указывают на то, что он воспринимал свою смерть как акт утверждения веры и таухида. Он благословляет казнящих его и собравшуюся публику, и умирает, свидетельствуя Любовь к Аллаху даже в «священном отступничестве». Примечательно, что в юности он пророчествовал свою смерть и писал об этом:

«Убейте меня, мои верные друзья,
Ибо в убиении себя – моя жизнь.
Любить – значит предстать перед Возлюбленным,
Устранив все свои атрибуты;
Тогда Его атрибуты становятся твоими.
Между мной и Тобой – только я.
Сотри меня, и останешься только Ты»[55].

---

[54] См. Байат Можде, Джамния Мохаммад Али «Услышь флейтиста», 2000г. Цит. по Дугин Александр Гельевич «Ноомахия: Войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизайии: Иран, Индия».

[55] См. ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж «Китаб ат-Тавасин. Сад Знания».

И после смерти Мансур аль-Халладж почитался среди суфиев как святой.

Другая важная тема, рассматриваемая аль-Халладжем в контексте Любви к Аллаху – это отношения Бога и Дьявола-Иблиса. Сама метафизика Любви в исламе находится на периферии, а ортодоксальный zahir в пределе может отнести её к греху «ширка», т.е. придания Богу сотоварищей в виде новой инстанции между Аллахом и миром, иными словами, ширк – это многобожие. Поэтому тема Любви близка к джахилю, отступничеству. Архетип отступничества и непокорности выражает Иблис в момент отказа поклониться сотворенному из глины Адаму по приказу Аллаха, как совершенному творению Бога. Каламическая трактовка заключается в том, что Иблис возгордился своей световой природой, и отказался присягнуть глиняному, а значит более низкому и материальному человеку.

Но эзотерическое учение аль-Халладжа рассматривает Иблиса и его отказ поклониться Аллаху как акт высшей «верности призваню вопреки смыслу». Аль-Халладж так описывает этот эпизод:

«9. И сказал ему: «Поклонись!» Сказал: «Нет другого».

Сказал ему: «И если тебя прокляну Я?» Сказал:

«Нет другого.

10. Отказ мой – почитание Твоей святости,

И разум мой Тобою одержим.

И что Адам Тебе, и кто среди [вас] Иблис?

Нет мне пути к другому, а лишь к Тебе:

Я – смиренный любящий».

11. Сказал ему: «Ты возгордился». – Сказал: «Если бы

был у меня [хоть] один осиливающий взор, мне подобало бы [зваться] гордым и непокорным. Я – тот, кто знал Тебя в безначальности, «я лучше него» [7:12], потому что издавна в служении, и нет в творении [лучше] знающего Тебя, чем я! И во мне Твоя воля: Твоя воля в моей. Твоя воля в моей предшествовала. Поклонился ли бы я другому, а не Тебе, или не поклонился, мне пришлось бы возвратиться к [своему] началу, ибо Ты создал меня из огня, а огонь возвращается в огонь: предопределение и выбор – Твои.

12. И нет для меня отдаления, отдаляющей отдаленности от Тебя, отдаления нет. Убедился я, что близость и отдаленность – одно. И если я, и если я оставлен Тобой, то оставленность – товарищ мой. Воистину оставленность и любовь – одно. Хвала Тебе в содействии в чистейшей

чистоте Рабу чистому, не поклоняющемуся никому другому кроме Тебя»[56].

В этом тексте аль-Халладж раскрывает то, что отказ Иблиса поклониться Адаму был вызван не его гордыней, но глубоким созерцанием Аллаха, ибо Иблис был первым единобожником среди всех ангелов и не отвратил свой взор от Аллаха, ибо требование поклониться Адаму было испытанием его верности, и он не отвратил свой взор. Любовь Дьявола к Богу настолько безгранична и изначальна («Твоя воля в моей предшествовала»), что он отказывается признавать кого-либо ещё. Он принимает наказание отдалением от Аллаха, *потому что именно Аллах* отдаляет его от себя, т.е. Бог является субъектом наказания и *этого уже достаточно* для любящего. Иблис наказывается не за гордыню и неповиновение, он наказывается за Любовь.

Иблис – первый монотеист и самый верный любящий Аллаха, сам он сотворен первым среди ангелов и он же подвергается самому суровому испытанию, что порождает особые отношения между Аллахом и Иблисом, между любящим и Возлюбленным. Их отношения – это тонкое равновесие удаленного и приближенного одновременно, ибо Иблис созерцал Аллаха и при нем, и продолжает мыслить о нем в удалении, а Аллах всегда наблюдает за наказанным Дьяволом. Но не может быть и речи о его возврате или обращении Аллаха к Иблису, поэтому их отношения драматичны. Иблис – главный свидетель и мученик, что в исламе одновременно выражается термином shahid (шахид).

Далее аль-Халладж повествует диалог Мусы и Иблиса:

«И сказал Муса: «Ты вспоминаешь Его теперь?» – И
сказал: «О Муса, мысль не вспоминает: я поминае-
мый, и Он поминаемый.
Его зикр – мой зикр, и мой зикр – Его зикр.
Разве могут быть одновременно
двое поминающих?»

Этот отрывок подобен адвайтистким текстам Индии, тем более что аль-Халладж совершал по ней путешествие. Воспоминание и зикр Иблиса сливается с воспоминанием Аллаха подобно слиянию йогина или адепта с сознанием Брахмы.

И в человке также есть природа Иблиса, которую калам трактует в сторону джахилии, а суфизм как отблеск абсолютной верности и стремления к Возлюбленному. Поэтому аль-Халладж называет Иблиса

[56] См. там же.

товарищем в своем сочинении, при этом он не обращается в «сатанизм» и не проповедует нарушения Закона. Язык суфизма – это мир зеркал, который запутывает речь и смысл, но одновременно выпрямляет путь к Богу. Такой путь также известен как путь юродивых (маламатья), нищих, уклоняющихся от богослужений и благочестия людей, вызывающих к себе порицание, поругание и пытки, тем самым воплощая в себе образ Иблиса или шахида.

Иранские корни аль-Халладжа подводят нас к тому, что в его метафизике Любви между Иблисом и Аллахом преломляются архетипы зороастрийского дуализма. Иранский доисламский, а значит, языческий дуализм носит эквиполентный характер, Свет и Тьма равносильны и определяются черед друг друга, в то время как радикальный креационизм ислама тяготеет к привативной оппозиции Бог-Истина-Всё/Иблис-Ложь-Ничто, либо к градуальной, если между Богом и Дьяволом поместить человека со свободной волей. Отношения Любви между Дьяволом и Богом носят особый характер, и аль-Халладж подчеркивает особое, более близкое положение Иблиса к Аллаху и то, что их воли слиты, их зикр един, а сам Иблис не грешен гордыней, но свидетельствует Любовь. Тем самым аль-Халладж максимально уравновешивает чаши весов, Дьявола и Бога, но при этом появляется отличие от зороастрийского дуализма Света и Тьмы, ибо сам Иблис оказывается тоже светлым «Божеством». В таком случае источник и природа зла располагаются в мире людей, с точки зрения суфизма – это ортодоксальные захириты, экзотерики; с точки зрения захиритов – батиниты, мистики, близки к ереси и ширку. И вновь, как в исконной иранской традиции, человек есть поле битвы Света и Тьмы, Аллаха и Иблиса, но в метафизике Любви аль-Халладжа суфийский мастер может достичь слияния через Любовь и устранить мнимую двойственность на высшем уровне, оставаясь в жизни и умме верным сунне и шариату. Тяжесть такого бремени двойной жизни можно рассмотреть как основу стремления аль-Халладжа и других маламатья уйти из жизни гонимыми, ради пребывания с Аллахом посмерти.

Заслуга примерения калама и захира с суфизмом принадлежит знаменитому богослову Абу Хамиду аль-Газали (1058-1111гг.), родом из Персии. Знаток калама и преподаватель в Багдаде, аль-Газали обрушивается с критикой на исламских философов аль-Фараби и Ивиценну, вдохновленных эллинизмом. После переживания мистического опыта он на несколько лет отправляется в странствие в Сирию и Египет, где изучает христианство и иудаизм, а также становится суфием. После

возвращения в Персию, он с учениками основывает в родной деревне медресе и суфийскую общину.

Вследствие переживания мистического опыта и изучения других авраамических традиций, аль-Газали открывается узость калама и он обогощает его батинитскими и суфийскими трактованиями, но делает это соблюдая zahir, т.е. он приводит содержание batin к гармонии с каламом, систематизирует суфийское богословие и продолжает полемику с некоторыми батинитами, в частности с исмаилитами. В итоге его труды были приняты ортодоксами и отношения между каламитами и суфиями стали более гармоничными.

Аль-Газали наследовал метафизике Любви аль-Халладжа, которая стала одним из основных мотивов суфизма после него. Но в стремлении согласовать захир и батин, аль-Газали допускает уже более дистанцированные и иерархические метафоры для описания отношений влюбленного (адепта) и Возлюбленного (Бога):

«Поскольку Любовь действительно существует;

Влюбленный становится пищей для Возлюбленного;

Возлюбленный не может стать пищей для влюбленного;

Поскольку недостижим для него…

Бабочка, влюбившаяся в пламя, питается, находясь на расстоянии, его светом.

Это знак – глашатай утреннего озарения, зовущего и ласкового.

Однако до того, пока она не сольется с ним, ей нужно продолжать полет.

Когда же она его достигнет, то ей не придется стремиться к пламени;

Но пламя будет возрастать в ней.

Не пламя является её пищей, но она является пищей пламени.

В этом заключается мистерия»[57].

Вначале мы видим отчетливое разделение – дистанцию – между Аллахом и верным, а метафора о пламени и бабочке выражает идею fana и смерти-как-свидетельства (shahid). Суфием-шахидом в этом смысле был ученик аль-Газали Айн аль-Кузат Хамадани, а сам мастер суфий скончался в преклонном возрасте в мире и признании.

Идеи аль-Халладжа также оказали влияние на крупнейшего персидского поэта и суфия Джалаладдина Руми (1207-1273гг.). Будущий поэт принимает суфизм под влиянием бродячего дервиша («нищего», «аскета»)

[57] См. Корбен Анри «История исламской философии».

Шамса, который оказал на него огромное влияние, и которого Руми особо возносил в своих поэмах и стихах.

Как суфий Руми наследует традиции тайного, извилистого языка и стремлению преодолеть разрыв между Аллахом и человеком.

«Придется ль мне до той поры дожить,
Когда без притч смогу я говорить?
Сорву ль непонимания печать,
Чтоб истину открыто возглашать?
Волною моря пена рождена,
И пеной прикрывается волна.
Так истина, как моря глубина,
Под пеной притч порою не видна».

В другом месте он описывает хадж паломника, указывая на бренность и бессмысленность почитания форм, что указывает на zahir, без глубинного измерения и почитания Аллаха внутри собственного сердца (batin):

«Паломник трудный путь вершит, к Каабе устремлен,
Идет без устали, придет – и что же видит он?
Тут камениста и суха бесплодная земля,
И дом высокий из камней на ней сооружен.
Паломник шел в далекий путь, чтоб Господа узреть,
Он ищет Бога, но пред ним стоит как бы заслон.
Идет кругом, обходит дом – все попусту; но вдруг
Он слышит голос изнутри, звучащий, словно звон:
«Зачем не ищешь Бога там, где он живет всегда?
Зачем каменья свято чтишь, им отдаешь поклон?
Обитель сердца – вот где цель, вот Истины дворец,
Хвала вошедшему, где Бог один запечатлен».
Хвала не спящим, словно Шамс, в обители своей
И отвергающим, как он, паломничества сон».

Далее он допускает отождествление человека, в его глубинном сердечном измерении, с Богом:

«Вы, взыскующие Бога средь небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы – есть Он, а Он – есть вы».

А в своем главном труде «Маснави-йи ма`нави» Руми раскрывет свои платонические основания:

«Из чего возникают акциденции? Из телесных форм.
А эти формы из чего возникли? Из мыслей.
Этот мир лишь одна мысль Абсолютного Разума.

Разум — как царь, а формы — посланники.
Первый (этот) мир — мир испытания,
второй (тот) мир — воздаяние за то и это»[58].

Здесь Руми повторяет платоническую структуру: Абсолютный Разум – Нус, мысли – эйдосы, и формы – копии, вещи. Первый мир и нисхождение в него – есть проодос, спуск в материю, «испытание», а второй мир – эпистрофе, возврат и «воздаяние».

Большое внимание Руми уделял музыке и ритуальному танцу, практикуя который можно было достичь экстатического опыта. Для Руми танец носит мистический, богословский и погребальный характеры, так белое и черное одеяния суфия символизируют саван и могилу, а специфический колпак – надгробие. Сам танец есть ритуальное воплощение вращения планет, нисхождения и восхождения душ и их слияния с Высшим.

После смерти Руми его сын Султан-Велед организует основанный отцом тарикат Маулавийя («благодетель») – самый влиятельный и распространенный в Османской и современной Турции суфийский орден дервишей.

Не менее важным явлением исламской мысли, стоящем наряду с суфизмом, но представляющим *ещё меньшее меньшинство* в исламе, чем шииты от числа суннитов, и суфии от числа шиитов, являются исламские «фалсифа» – философы. В их среде происходит встреча ислама с эллинизмом, особенно Аристотелем и, менее, с Платоном и его наследием. Философия в исламе также встречает неприятие и отторжение, как и поначалу суфизм, аналогично тому как «эллинская мудрость» встречает отпор в христианстве. Но именно ислам сохранит Аристотеля и некторые неоплатонические трактаты, приписываемые ему же, которые позже вернутся в христианскую Европу. В частности этому способствовал крупный исламский философ Ибн Рушд (1126-1198гг.), более известный как Аверроэс, от которого аристотелизм перенял Фома Аквинский, крупнейший католический схоласт.

Исламские философы представляют интерес для выявления верхнего этажа двоеверия, богословского или философского, либо – выявления следов эллинской философии, отраженной в креационизме ислама. Для этого также важно отметить, что становление исламских фаласифа происходило в эпоху Аббасидской династии, когда изначальное

[58] См. Руми «Маснави-йи ма`нави. Поэма о скрытом смысле» Дафтар 2:975, Петербургское востоковедение, 2009г.

этническое ядро ислама в лице арабов (южных семитов) было вытеснено на периферию персами, и почти все выдающиеся философы и многие суфии ислама этнически являются персами. Территориально и этно-религиозно это означает, что становление суфизма и философии происходит при наличии древней и обширной, но вытесненной на глубокую периферию разума (в бессознательные архетипы по К. Юнгу), зороастрийской традиции Ирана, глубинно аффектирующей построения мусульманских мыслителей. Речь и о стремлении к преодолению разрыва, т.е. к той или иной форме реставрации манифестационизма внутри языка ислама, и об эквиполентном дуализме Света и Тьмы, чье противостояние также является одним из важных мистических мотивов ислама.

Основная проблема философии в исламе – это спор о двух способах познания: полученном в откровении и Коране и человеческим, т.е. философским. Знакомство с эллинской манифестационистской философией поставили вопросы метафизического прочтения Корана, соотношения Бога и мира с Бытием, и проблему причинности творения как эманации в платонизме и общую для всего креационизма проблему бессмертия души.

Значительный вклад в разработку исламской философии внес комментатор Аристотеля и Платона, один из крупнейших мыслителей и мистиков ислама, повлиявший на Ибн Рушда, Абу Наср Мохаммед аль-Фараби (872-950гг.).

Аль-Фараби разделяет сущность (essential) и существование (existential), где экзистенция является акциденцией эссенции. Иными словами, аль-Фараби помещает бытие-эссенцию (бытие Бога, Аллаха) выше экзистециального мира, творения. Акциденция означает произвольность этого творения, т.е. относительно Бога мир появляется случайным, косвенным образом. Без фундаментального замысла или необходимости. Поэтому он находится ниже сущности, в существовании. Такая двухуровневая топика самодостаточного Бога и *случайного* мира отлична от телологии богоизбранности иудаизма или замысла Бога относительно человека в христианстве. Отдаленно акциденция мира подобна спонтанности проявлений манифестационизма, что более подробно изложено в учении аль-Фараби об эманациях (манифестациях) Умов.

Экзистенция иерархична в своем становлении и состоит из процессии нисхождения сверху вниз десяти Умов. Бытие Бога самодостаточно и пребывает в себе, Первый Ум уже отличен от эссенции (бытия Бога) и существует, но как Первый – существует высшим образом, созерцая

эссенцию. Созерцание Первым Умом эссенции порождает Второй Ум, который, в свою очередь, уже не так совершенен и созерцает Первый Ум, порождая этим созерцанием Третий Ум, и так до Десятого Ума. Десятый Ум уже не так силен, чтобы породить следующий Ум, в результате чего он порождает телесный мир и проникает в людей как ум. Между телом и умом в человеке устанавливается Душа Мира. Человеческий интеллект может проявляться в области мирских знаний (актуальных и потенциальных), либо человек может обратить свой интеллект во внутрь и максимально приблизиться, и даже отождествиться с Десятым Умом, а значит быть вместе с ним сотворцом мира.

В этой процессии эманаций Умов без сомнений узнается неоплатонизм и манифестационизм, т.к. мир проявляется хоть и случайно, но ноэтически, умственно и сопричастен эссенции, а значит Богу. В такой метафизике от ислама остается *только язык описания, его правила и терминология.*

Ноэтическая демиургия Десятого Ума предопределяет построение «Добродетельного града» – специфической версии «Идеального государства» Платона, в центре которого находится имам, максимально близкий (развитый) к Десятому Уму, что соответствует постановке во главу государства Платоном сословия философов. В метафизике и философии аль-Фараби мы видим прорыв платонического начала сквозь язык ислама – он выстраивает Добродетельный град сверху вниз, от высших Умов до имама, против устройства уммы снизу вверх согласно шариату.

Учеником и продолжателем философии аль-Фараби был Абу Али Хуссейн иб Абдалла Ибн Сина (970-1037гг.), более известный в Европе как Авиценна. Ибн Сина был шиитом, оставившим после себя огромное наследие как в области философии и комментариев к Аристотелю, так и в области наук, среди которых наиболее известны его труды по медицине.

Авиценна отвергает происхождение мира как акциденцию сущности (essential), утверждая, что акт творения является необходимым условием процесса самопознания Божества. Так как акт самопознания необходим, то необходим и последующий каскад Умов, что наделяет смыслом и само творение. Первый Ум – это проявление этого самопознания, над ним располагается Бог как Единое платоников. Процессию Умов Ибн Сина описывает как иерархию ангелов, где каждому Уму соответствует Херувим и Ангел. Херувим – это сам Ум как он есть, а Ангел является его Душой, к этой диаде добавляется телесное измерение, образуя триаду, которая на нижнем – Десятом – этаже разворачивается материальным

миром и Мировой Душой. Полагание осмысленной необходимости, аристотелевской телеологии, и введение ангельской диады (внутри триады) нюансирует исламское прочтение платонизма и приближает к его христианской, усеченной версии.

Другим выдающимся эзотериком, подхватившим и развившим темы аль-Фараби и Авиценны, был испанский суфий Ибн Араби (1165-1240гг.). Он подчеркивает потребность в мистическом опыте, недоступном для рационального разума, и который сам неоднократно имел медитирую у Каабы. Он также объясняет процесс творения через самопознание Бога и через его Воображение и Любовь. Воображение у Ибн Араби играет важную роль моста между реальностью Бога-как-субъекта познания и реальностью творения-как-объекта познания, вместе они образуют целостную Реальность (холизм). Бог познает сам себя исходя из себя в не-себя, дабы в отражении не-себя узреть себя самого. Одновременное единство Познающего и Познаваемого Ибн Араби называет Единобытием. Каждый человек, следовательно, участвует в процессе самопознания Бога.

Такое Единобытие вызывает обвинения Ибн Араби в пантеизме, отождествлении Бога и Мира, что будет близко языческой картине мира с Богами – проявлениями сил Природы, их покровителями. С другой стороны Единобытие подчеркивает единственность Бога, что было воспринято и как радикальный таухид – единобожие.

Но ярче всех традиция Ирана пробилась сквозь язык ислама в философии Шихаб ад-дина Яхья Сухраварди (1155-1191гг.), который соединил внутренний ислам (batin), суфизм и аль-фаласифа с иранским доисламским Зороастризмом.

Сухроварди считается основоположником философии Ишрак, что означает «озарение», «свечение», «восход», т.к. в центре его учения он полагал Свет, а мир считал светоносным, а не субстанциональным. То есть мир, сущее – есть светлое, а значит матриальность – это мера осветленности или затемнения, умаления Света. Чем чище Свет – тем «нечто» онтологически выше, чище, ближе к своему эйдосу. Материя – это недостаток света, угасание. На основе метафизики Света Сухроварди строит свою онтологическую географию, где абсолютный Восток – это мир чистых идей, света, а Запад – мир теней, бликов, умаления света, а значит вещей и симулякров. На границе между Западом и Востоком Сухраварди помещает амбивалентную фигуру Пурпурного Архангела, одна половина и крыло которого белые (справа), а другая половина и крыло черные (слева), соответственно цветовой семантике с правого крыла

проистекают души людей, а с левого – тени. Сам Пурпурный Архангел отождествляется с Гермесом, скрытым Имамом, Десятым Умом и Душой Мира одновременно, а его фундаментальное и одновременно амбивалентное положение отсылает нас к зороастрийскому дуализму Света и Тьмы, в котором персы выступают на стороне Света. Задача адепта согласно ишракизму – это путешествие с Запада на Восток, из мира искажений и тьмы в мир Света. Особое место в этом путешествии уделяется сну, как моменту перехода духа из состояния zahir в состояние batin, а конечная цель пути достигается посмерти, в чем мы можем опознать общий для суфизма мотив конечной реализации посмерти (шахидизм аль-Халладжа).

В целом Сухраварди полагает иранскую традицию изначальной, на основе которой были построены герметизм, внутренний ислам, а сама она была тождественна платонизму. Помимо самого зороастризма, платонизма и ислама он обращается и к герметизму, к иудаизму и христианским мистикам, стремятсь найти общее основание этих религий и обобщить его в своем языке. Философский гений Сухраварди обобщил и довел до кульминации предшествовавшие тенденции исламского мистицизма, но впоследствии был обвинен в ереси и казнен. Своими учениками и последователями он почитается как Шейх Мактул – Убиенный Шейх.

В XVIII веке, в период, совпадающий с эпохой Просвещения в Европе, в исламском мире формируется ещё одно направление – салафия, от арабского سلفية – «предки». В основе салафия – салафизма – лежит призыв к обращению к образу жизни ранних мусульман, «праведных предков» (ас-саляф ас-салихун), уммы времен Моххамеда. Салафиты выступают против любой мистической и аллегорической трактовки Корана и сунны, отстаивают главенство шариата и устройство уммы по образцу военной демократии, с избранным общинниками имамом. Все нововведения в исламе после пророка объявляются *бида*, что одновременно означает «новшество» и «ересь». К бида относится все измерение batin, внутренний ислам, и особенно суфизм, а также почитание умерших шейхов и святых и их могил.

Единственная позитивная программа салафия заключается в утверждении абсолютного таухида и единства уммы.

Одним из известнейших сторонников салафия был Моххамед ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703-1792гг.), арабский теолог и основатель идеологии ваххабизма, радикального салафизма. Вместе с Моххамедом ибн Саудом был основателем современной Саудовской Аравии, в основу

официальной религии, права и государственного устройства лег ваххабизм.

Появление ваххабизма в эпоху конца Просвещения, и его идеологические установки, позволяют распознать в нем тот же дух протестантизма, который двигал Лютером, Кальвином и Цвингли в Европе. Мы видим очевидное сходство между призывами обратиться к образу жизни и устройства церкви периода Христа и апостолов с призывом обратиться к салафи, предкам, и исключить посредничество между человеком и Богом, отринуть мистическую экзегезу Корана или Библии, понимать их буквально.

Принципиальным для салафизма и возникших на его основе исламских террористических сект и организаций является понимание устройства мира из трех частей:

1) Дар-аль ислам – «дом покорности» – это территории, где ислам и шариат являются государственными религией и правом.

2) Дар-аль даджал – «дом обманщика», Даджал – Антихрист, – это территория, где проживают мусульмане, но ислам не является официальной религией и не соблюдается шариат.

3) Дар-аль харб или дар-аль куфр – «дом войны» или «дом неверных» - это группы мусульман или мусульманских общин на территории дар-аль даджал, понимаемые как партизанская группа, проживающая в окружении врага. Т.е. дар-аль харб – это территория неверных, многобожников, внутри которой выживает исламская община, которая уже только в силу этого строго обязана вести войну со всеми неверными, включая в их число и тех мусульман, кто отказывается враждовать с иноверцами, живет по светским законам, суфии и шииты и т.д. Фактически, в современной Европе многочисленные исламские кварталы (преимущественно мигрантов из Африки, ср. гетто) и уммы исповедуют именно исламский фундаментализм, воспринимая принявшую их страну как дар-аль куфр по определению, и пытаются выстроить своё локальное пространство по законам шариата, открыто отрицая светское законодательство принимающей страны.

Особой характеристикой мусульман и их отношения ко всем кафирам (неверным) является практика *такия*, что означает «осторожность» и подразумевает, что мусульманину разрешено лгать о доктрине и целях ислама и уммы, скрывать свою веру и даже публично отрекаться от догм ислама и даже о самой веры, чтобы сохранить свою жизнь. Такия как практика зародилась в шиизме, который подвергался гонениям со стороны

суннитов. Такия – это тактика поведения в обществе «войны», которая позволяет мусульманину скрыться, проявлять внешнее послушание светским законам, не совершать религиозные предписания и при этом внутри хранить верность Аллаху и делу уммы.

Фундаменталистский дискурс иначе трактует и фигуру мученика-свидетеля (шахида), превращая его в террориста-смертника, подчеркивая незначительность этой, земной жизни, и преимущества загробной жизни для правоверного. Отсюда берет корни священная война – джихад, которая трактуется экзотерически, как буквальная война муслимов против многобожников-неверных. Такой джихад является «малым» внешним джихадов, в то время как батиниты делают главный акцент на «великом» или внутреннем джихаде, который означает борьбу мусульманина в своей душе с влияними Иблиса, борьбу с самим собой, слабостями и пороками, и утверждение правоверного образа жизни. Также джихад, что букально означает «усилие», понимается как борьба с несправедливостью и пороками общества, уммы.

В России традиционно суфийский ислам, представленный несколькими тарикатами на Кавказе, активно подвергается террористическим нападкам проникающих с Юга, с Аравийского полуострова, группировок ваххабитов и салафитов, также повсеместно закреплающихся в Средней Азии, где проживает преимущественно тюркское население, обладавшее в древности своими самобытными традициями и тяготеющее к суфийскому исламу.

В целом салафия представляют от общего числа мусульман меньшинство, но их радикализм и публичные акции, включая терроризм, обеспечивают им внимание медиа и, как следствие, широкое тиражирование этого типажа мусульманина, создавая ему, в том числе и косвенную рекламу среди потенциальных адептов и неофитов.

Кульминация разрыва

Среди всех авраамических религий ислам представляет собой максимальное выражение креационизма и радикального монотеизма (таухида).

Моххамед осуществил реформу креационизма, третью надстройку над Ветхим Заветом, стремясь очистить его от заблуждений иудеев и христиан. Отсюда недоверие к нововведениям, бида, как к тому, что ведет к заблуждению, ширку или джахилии.

Ислам – это подчеркнуто религия пророка, а не Сына Божьего. Фигура Моххамеда обладает только человеческой природой, его откровения –

следствие милости Аллаха, даровавшего новую, очищенную религию людям. В исламе предыдущие пророки, Муса (Моисей) и Иса (Иисус) являются только людьми, а значит, ислам здесь противоречит христианским догматам о Божественной и человеческой природах во Христе. Таким образом, в исламе снимается проблема манифестационистского акта воплощения Бога Отца в мире через Бога Сына, и как следствие – вопросы о Богородице, воле и страданиях Христа.

Сура Ан-Ниса говорит об этом 4:157-158:

«157. и за их слова: «Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Марйам, посланника Аллаха» (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, — в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предложением. Они не убивали его, — наверное,

158. нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!»

Как косвенное следствие онтологического разрыва между Аллахом и миром, подчеркнутым только человеческой природой пророков, умаляется и роль женских фигур символизирующих материальный аспект, вплоть до завуалированной и смягченной реставрации фигуры Матери-Земли, Богини-Матери/Матери-Природы в христианском двоеверии. В исламе нет культа почитания матери Моххамеда, т.к. она была кафиром, т.е. многобожницей и Аллах запретил Моххамеду просить за неё. После возникновения Саудовской Аравии ваххабиты разрушили могилу матери пророка, посчитав её идолопоклонничеством. Немного больший акцент уделяется некоторым из жен пророка, которые были одними из первых, кто принял ислам. Но в целом ислам наследует арабской жесткой патриархальности, отраженной как в военизированной структуре общества, так и в патриархальности всей культуры и религии.

Аллах и мир не имеют никакой общей меры, в том числе и *замысла*. Творение мира есть акциденция, случайность или абсолютный произвол всемогущества Аллаха, т.е. в любом случае никакой необходимости в мире для Аллаха не было. И, в целом, этого мира *могло бы и не быть*, что некоторыми радикальными мусульманами оценивается позитивно. Творение случайно, произвольно, а если его могло бы и не быть – то лучше бы его и не было.

Он не самопознает себя через мир, это только одна из суфийских трактовок под влиянием неоплатонизма. Аллах абсолютен и самодостаточен, поэтому Мирча Элиаде описывает его как deus otiosus – удалившийся Бог, давший миру начало и более не участвующий (или

участвующий минимально) в его судьбе. Также, поскольку Аллах не имеет общей меры с миром, его познание становиться невозможным, так как к нему неприменимы никакие определения, а значит он апофатичен. В своем пределе исламское богословие доходит до того, что Аллах пародоксальным образом не существует, так как существование – это удел этого мира становления, а Аллах самодостаточен и находится выше любого становления, поэтому о нем нельзя сказать «Аллах существует», «Он есть», так как он выше «есть/не есть», поэтому для мусульманина остается только чистая вера в Аллаха, который парадоксально и «есть» и «не существует». Аллах – он ничто, но ничто не как Nihil, а как ничто-из-этого-мира. Такая радикальная апофатика удаляет Аллаха от человека и уммы, постулируя непреодолимый разрыв, полноценно воплощая принцип creatio ex Nihilo, который стремились преодолеть шииты-батиниты, и в более жесткой форме суфии и фаласифа.

Но несмотря на порыв суфиев преодолеть разрыв, приблизиться к Богу, они составляют меньшинство от нормативного суннитского ислама, и стоят фактически на границе между «ортодоксией» и ересью, между самим креационизмом ислама и манифестационизмом преимущественно иранской традиции. Но даже суфии и философы не всегда признавали мистический опыт единения друг друга, а их общий язык и терминология «Любви» и «Дружбы» между Аллахом и человеком все равно оставляет тонкий зазор между Богом и верующим, как это прослеживается в формулировках аль-Газали.

Также здесь важно отметить дуальную антропологию исламских суфиев. Говоря о человеке, они либо используют концепцию самопогашения (fana) Эго/Я, дабы сделаться прозрачными и проницаемыми для Бога, либо речь идет о двух уровнях внутри человека: телесном измерении и внутреннем совершенном человеке/внутреннем имаме. Именно этот внутренний имам, совершенный человек приближается к Богу, испытвает экстаз восхождения, слияния с Десятым Умом и т.д. Т.е. телесное измерение и обычный дневной рассудок в любом случае отбрасываются, либо «гасятся» либо преодолеваются в общей для суфиев тематике смерти как финального аккорда «освобождения». Иными словами, преодолевая разрыв между Аллахом и человеком, миром, суфии утончают и нюансируют этот разрыв, проводя его черту не между человеком и Богом, но внутри человека, где одна его часть всегда остается «красной глиной» творения, а другая является сокрытой частицей Духа, имамом.

В целом ислам уже в своих истоках и преобладающем суннизме оказывается ближе к христианскому протестантизму, что только подтверждается в богословии салафия. Ислам начинается как радикальный монотеизм и военно-демократическая умма с выборным имамом, и эту модель он проносит через века, минимально отклоняясь в своих «деноминациях». Христианство же делает крутой философский и двоеверческий вираж от изначальной общины-церкви к протестантской общине, ориентированной на раннехристианский образ жизни.

Обращаясь к метафизике разрыва нельзя обойти самобытную, но периферийную в исламе, метафизику Гейдара Джахидовича Джемаля (1947г.р.), члена Южинского кружка и одного из учеников Евгения Головина. Изначально проявляя интерес к европейскому оккультизму и традиционализму, Г. Джемаль позднее встанет на позиции радикального ислама, соединяющего специфическую мистическую «подкладку» и ваххабитскую идеологию радикального таухида[59].

Выше мы уже озвучивали положения о произвольности творения Аллахом, о предпочтительности небытия мира и о фундаментальной роли шахида как свидетеля чистой веры, которая не основывается ни на чем из этого мира. Эти положения отражают взгляды Г. Джемаля. Бога нет, и ничто в мире не указывает на него, мир стерилен от Бога, непознаваем и не обладает ничем, даже Бытием. Отсюда огромная роль откровению и вере в Аллаха, когда сам он фактически «не существует» для мира и муслима. Согласно Джемалю, мир изначально и по сей день является языческим и управляется кастой жрецов, которые отбирают у людей их энергию и направляют её на поддержание этого мира и Иблиса, что у Джемаля практически тождественно. С ходом истории меняются формы анипуляции и эксплуатации жрецами человечества, и современный капиталистический и модернистский мир есть не что иное, как ширма, завеса, за которой все также скрывается каста жрецов. Если раньше энергия изымалась через традиции, то сегодня она изымается через современную финансовую и социально-политическую систему. Противостоят жрецам, в системе Джемаля, воины-монотеисты, начиная с Моисея, который восстал против египетского фараона, заложив парадигму противостояния язычников и монотеистов. Чистый монотеизм изложен в исламе, в то время как христианство было узурпировано структурами клириков и загрязнено эллинизмом и двоеверием. Поэтому только ислам и апофатический таухид,

[59] См. Джемаль Гейдар «Ориентация-Север», 1979г. и «Революция пророков», 2003г.

выраженный в акте шахида способен вырвать человека из системы отъема энергии и из рук жрецов.

В философии Гейдара Джемаля отчетливо прослеживаются иранские мотивы дуалистического противостояния Света и Тьмы, а также гностические мотивы пренебрежения этим тварным миром, который суть не что иное, как Иблис, Шайтан, выше которого апофатически «не существует» истинный Бог – Аллах, прорыв к которому, как и у гностиков, происходит через смерть.

Самобытность Джемаля заключается именно в радикальности его метафизики, оригинальности структуры мира и диалектики через войну язычников-жрецов и воинов-монотеистов, и вытекающая из этого «теология революции» ислама, обогащенная левыми социалистическими идеями, что также укладывается в его идеологию противостояния современному миру жрецов-капиталистов. При этом философию традиционализма Гейдар Джемаль также относит к полюсу Иблиса, к инструментарию жречества по обману людей. Несмотря на очевидные мотивы зороастрийского дуализма, роднящие его с суфиями, он делает противоположный от них выбор, и на основании борьбы двух начал утверждает радикальный таухид. То есть, в то время как суфии старались преодолеть разрыв между Богом и миром, Джемаль всячески утверждает и очищает этот разрыв от всяких попыток его сократить, выводя саму веру в нерациональную, сверхволевую и ничем не обоснованную область чистой покорности.

Несмотря на то, что метафизика и идеология Г. Джемаля представлена фактически им одним, она логически проистекает из начальных установок Моххамеда и Корана, доводя их до своего логического предела, в отличие от скромного, но оригинального, измерения исламского философского двоеверия.

Если христианство преимущественно выражает градуальный принцип, что является следствием влияния неоплатонизма и языческого основания в массах, вплоть до реставрации эквиполентности в отдельных случаях[60], то ислам тяготеет к строгой привативности. Градуальность в нем либо носит жесткий характер грубого градиента, либо, в случае ваххабизма и Г. Джемаля, утверждается жесткая привативность, в противовес исламским мистикам, выражавшим градуальные и, у Сухроварди, эквиполентность.

Одной из веских причин обоснования такой приватисной жесткости может служить воинственный кочевой тип арабских племен,

[60] См. мифы сибирских шаманов в труде М. Элиаде «Мефистофель и андрогин».

отличающийся большей жесткостью стремлением к бинарным оппозициям, в отличие от ярковыраженной доктрины третьего сословия в христианстве. Эта же воинственнось, помимо утверждения разрыва между Аллахом и человеком, миром, проявляется и в отношении всех других традиций.

Дар-аль харб

Отношение ислама к язычеству, т.е. многобожию и манифестационизму, очевидно из самого креационистского контекста, но в нем оно доведено до максимума нетерпимости и искоренения. Одно из важных понятий ислама, являющееся также синонимом «греха», является ширк – грех многобожия, «придания Богу сотоварищей». Мы можем трактовать дар-аль харб как земли неверных, лежащие буквально по ту сторону границ уммы дар-аль ислама, и как языческие тенденции и ереси внутри самого ислама, как своеобразный внутренний «дар-аль харб», против которого правоверный мусульманин ведет джихад в своей душе и обществе.

Это многократно закреплено в Коране; сура Аль-Хиджр 15:94-96:

«94. Рассеки же, как тебе приказано, и отвернись от многобожников!

95. Ведь Мы, поистине, избавили тебя от насмешников,

96. которые устраивают с Богом другого бога, и потом не узнают».

При этом аят 15:94 позднее был отменен в пользу аята 9:5, ужесточающего отношение к многобожникам:

«5. А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах — прощающий, милосердный!»

Как следствие, становление ислама отмечено уничтожением языческого наследия южно-семитскиих племен, что от него осталось мало источников.

Ибн-Калби в «Книге об идолах» так описывает уничтожение святилища Уззы в виде трех акаций:

«Ал-'Узза была злым духом, и она являлась к трем акациям в долине Нахла. Когда пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, вошел в Мекку, он послал Халида ибн ал-Валида и сказал ему: «Иди в долину Нахла, найдешь там три акации и сруби первую из них!» Он пошел туда и срубил ее. А когда он вернулся к пророку, да будет над ним мир, тот спросил его: «Видел ли ты что-нибудь?» — «Нет», — ответил он. [Пророк] сказал: «Тогда сруби вторую!» И он отправился к ней и срубил

ее, потом пришел к пророку, да будет над ним мир, и тот спросил: «Видел ли ты что-нибудь?» — «Нет», — сказал он. «Тогда сруби третью!» — сказал пророк. И он пришел к ней и увидел эфиопку с растрепанными волосами, положившую руки себе на шею и скрипящую зубами, а позади нее — Дубайду ибн Харами аш-Шайбани ас-Сулами, который был хранителем [ал-'Уззы]. Когда увидел он Халида, сказал: «'Узза, нападай на Халида, а не отступай! Сбрось покрывало и засучи рукава! Ведь если не убьешь ты Халида сегодня, узнаешь вскоре позор. Так помоги же себе!»

А Халид сказал: «[О 'Узза], неверие тебе, а не восхваление! Воистину, я увидел, что Аллах унизил тебя!»

Потом он ударил ее и рассек ей голову, и она тут же обратилась в пепел. Потом он срубил дерево и убил Дубайду-хранителя. Затем пришел к пророку, да благословит его Аллах и да приветствует, и рассказал ему, и тот сказал: «Это — ал'Узза! И нет теперь 'Уззы для арабов! Поистине, отныне ей не будут поклоняться!»

Также имам Али, зять Моххамеда, разрушил святилище Богини Манат, которой вместе с Уззой и аль-Лат поклонялись курейшиты. Их почитание было столь велико, что поначалу даже Моххамед упоминает их в Коране, в суре Ан-Наджм 53:17-20:

«17. Не уклонилось его зрение и не зашло далеко:

18. он действительно видел из знамений своего Господа величайшее.

19. Видели ли вы ал-Лат, и ал-Уззу,

20. и Манат — третью, иную?»

Но позже пророк отменяет аяты 19-20, назвав их внушением Иблиса, а Богинь – лишь именами, которые люди внушили себе сами издревне. Но часть языческого наследия до пророка вошла и в ислам, как то Сакральный статус языческого светилища семитов – Кааба, ритуал её многократного обхождения, а также быт и образ жизни.

В ходе своего распространения за пределы семитского ареала ислам сталкивается с другими народами, обладающими своими традициями, подчас довольно детально проработанными, как то Зороастризм, христианство, эллинская философия или народные верования Кавказа – осетин, нартов, чеченов и т.д. В каждом народе происходило столкновение языческой традиции и чуждой новой религии, что всегда порождало с одной тсороны упразднение и уничтожение языческого наследия, с другой – его сокрытие и подпольное проникновение через быт и фольклор в тело ислама. Так, персидская традиция стала мощным фундаментом для всего суфизма и исламской философии, достигнув кульминации в

неозороастризме Ишракизма. На Кавказе и в Средней Азии ислам столкнулся с народными традициями горных племен и тюркских народов, смешавшись в фольклоре с народным эпосом, воспроизводя даже некоторые шаманские инициатические сценарии, анимизм и магию[61]. Контакты с Индией, предположительно, обогатили ислам практиками медитации и зикра, а также рядом концепций адвайты, нашедших свое отражение в мистицизме суфиев.

Но больше, чем в фольклоре, двоеверие проявилось в области мистического богословия батинитов и философии, в частности у аль-Халладжа, Руми и Сухроварди, которые выражали неоплатонические и зороастрийские идеи и манифестационистскую доктрину[62]. Таким образом, мы можем заключить общее для всех трех авраамических религий положение, что реликты язычества сохраняются, преломляются в языке и передаются далее внутри креационизма в области мистицизма, философии и эзотерических толкованих священных писаний. Креационизм опирается на экзотеризм, на буквалистское толкование священных книг – Торы, Библии, Корана, утверждая самое себя, в то время как мистики всегда находятся близко либо на границе между ортодоксией и ересью, они – мост между язычеством и монотеизмом, нередко с трагической судьбой.

Основатель традиционализма Рене Генон после переезда в Каир также стал суфием, что вполне соответствует традиционализму как таковому, во многом аффектированному язычеством. Ни суннитом, ни ваххабитом Генон стать не мог по определению, иначе ему пришлось бы отказаться практически ото всей своей философии. Суфизм допускал определенное пространство свободы мысли и философии, а также резко контрастировал с Европой Модерна своей размеренностью и ритуализмом, чем несомненно привлекал первых традиционалистов. Начиная с Генона в традиционализме существует определенное, небольшое, крыло мусульман-традиционалистов, представленных такими именами как Фритьоф Шуон, шейх Абд аль-Вахид Паллавичини, Сейид Хосейн Наср и др[63]. Все они принадлежали к суфийским тарикатам и философским кругам.

---

[61] См. «Сказки и легенды ингушей и чеченцев». М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

[62] Подробнее об этом см. труды Анри Корбена.

[63] Традиционализм в исламе исследовал Марк Седжвик в своем труде «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века».

Современное состояние

Наш век по исламскому летоисчислению соответствует XIV веку от Хиджры. В аналогичную эпоху христианского летоисчисления в Европе, в лоне Ренессанса, уже закладывались предпосылки Просвещения. Ислам столкнулся с уже оформившимся Модерном в виде колонистов, которые подчинили себе бывшие исламские государства. Позднее это породило волну исламского национализма, тесно прилегавшего к салафия и ваххабизму. Одним из аспектов борьбы за возврат к «праведным предкам» стала косвенная арабизация не арабских народов и их культур, т.к. ислам – это дитя арабов, и его священная история, Золотой век, приходится на пространство арабских племен, обращение к истокам подразумевает включение в арабский контекст, культуру и язык. Изначально это уже зафиксировано в священности хаджа в Мекку, как своего рода поломничество не только по святым местам ислама, но и поломничество в арабство как таковое. Этот аспект салафизма можно сравнить со стремлением католиков монополизировать богословие на латинском языке, и тем самым централизировать власть в своих руках.

Также воинственность и территориальную экспансию современного ислама нередко сравнивают с налогичным периодом крестовых походов, со стремлением обратить весь мир, и особенно Европу, в один большой халифат и умму.

Несмотря на такой глобалистский проект, в некоторых регионах Кавказа, Средней Азии, Индии и Азии появилась позитивная тенденция ухода из ислама и возвращения к доавраамическим языческим традициям, что, правда, сопряжено с определенным риском кары за джахиль и ширк.

В свою очередь глобализация и сетевая стратегия войны влияет на ислам негативным образом, т.к. создание искусственных бандформирований и террористических групп ваххабитов, в целях войны «под чужим флагом» с неугодными США, Израилю или Саудовской Аравии странами, бросает тень на ислам как таковой, и на шиитов и на суфизм. Версии о создании и финансировании таких структур как «Аль-Каида», Талибан, «Исламское Государство» и многих более мелких со стороны США имеют множество подтверждений и вполне обоснованы концептуально.

Движение Талибан также ответственно за уничтожение двух гигантских (55 и 37 метров) статуй Будды в долине Бамиан, Афганистан, в 2001 году, объявив их языческими идолами. А на совести группировки Исламского Государства лежит уничтожение древних памятников в музее Мосула, а также сравнивание с землей древнего сирийского города Нимруда и

осквернение Пальмиры, по тем же причинам – идолопоклонство. Также они взорвали могилу шиитского святого Моххамеда бен Али, тем самым подтвердив джихад батинитам.

По статистике на 2013 год в мире проживает более 1.7 миллиардов мусульман, из них почти 90% составляют сунниты, около 15% шииты; среди всех мусульман ваххабиты составляют около 7 млн.

Численность мусульман постоянно увеличивается, а вместе с ними – увеличивается и миграционный поток (экспансия) мусульман в нетрадционные для них регионы – Европу, Россию, Запад и Азию, где они создают свои анклавы посреди дар-аль даджал и дар-аль харб, что в перспективе грозит обернуться сменой доминирующей религии, культуры и этнической идентичности.

I.V Отношение к креационизму

Проблематичность становления крационизма и последующее разнообразие авраамических религий и внутрирелигиозных деноминаций, течений и тенденций ставит перед нами вопрос о необходимости более детального рассмотрения феномена креационизма в свете языческого традиционализма.

Принципиальная новизна креационизма

Появление креационизма знаменовало принципиальный временной сдвиг на век ниже, к концу. До возникновения и проникновения христианства в Европу язычество медленно «остывало», Боги удалялись вместе с Сакральным, но с приходом креационизма время принципиально ускорилось. Тысячелетия язычества сменились полутора тысячами лет христианства, пресеченного Модерном, который продержался менее полувека, до становления Постмодерна.

Ранее мы уже установили, что традиция представляет собой специфический, *уникальный для каждого народа язык общения с Богами и выражения Сакрального.* Язычество в широком смысле, или сама Традиция, также представляет собой особый язык и структуру, которую та или иная традиция народов выражает в своей внешней форме. Основой языка язычества является манифестационизм, то есть creatio ex Deo или manifestatia, что выражает единство Божественного и мира, человек есть

Бог здесь и сейчас, хоть и может пребывать в заблуждении относительно этого. Согласно В. Колесову язычество – это эквиполентность.

Креационизм и его базовый постулат творения из Ничто представляют из себя иную структуру, а как следствие и язык выстроенный вокруг бинарности Бог и мир, человек. Между Богом и миром нет общей меры, что ярче всего отражено в протестантизме и исламе, и менее – в иудаизме, где субъектом истории выступает иудейский народ, и в католичестве и православии, которые выстраивают «тело христово» с опорой на клир или клир и мір соответственно.

Язычеству известно много Богов, которые являются deus otiosus – праздными, удалившимися Богами, которые, исполнив свою функцию, мало участвуют в жизни человека и редко встречаются в мифах. Но удаленность креационистского Бога иного порядка, она строится через инстанцию Ничто – из Ничто мир сотворен, и ничто из мира не сопричастно природе Бога. Поэтому его удаленность или активность в отношении творения в любом случае не подразумевает снятия дистанции.

Именно введение принципиального разрыва и непреодолимой дистанции между Богом и миром, человеком, является принципиальной новизной креационизма, которая ложится во всю его структуру, которая наиболее всего тяготеет к привативному строю, и внешние проявления в трех авраамических традициях: иудаизме, христианстве и исламе.

Креационизм зарождается в лоне семитских племен, которые изначально были язычниками, о чем говорят реликты в виде имен Бога – Яхве, Элохим, Аллах и др. Также они сохраняют многое от образа жизни и своего фольклора, как то имена ангелов и демонов, духов и джиннов. Распространяясь на другие народы христианство усваивает чужих Богов и духов, их имена, и вводит их в свою мифологию как «бесов и демонов». Вместе с этим при распространении на иные народы появляется феномен двоеверия, в двух рассмотренных нами измерениях, который перетолковывает авраамическую привативность в сторону градуальности, преодоления разрыва между Богом и человеком. Вспомним, что градуальный строй языка возникает именно в результате перевода христианской Библии на язык язычников-славян (болгар). В результате в каждом отдельном народе складывается свой синтез язычества и креационизма, т.е. своя форма фольклорного и мистико-богословского двоеверия. В Центральной Европе христианство аффектируется романно-эллинской и германской культурами, восточнее – славянскими мифами и обычаями, в Сибири - малыми народами и шаманизмом, на Ближнем

Востоке – это преимущественно персидское зороастрийское влияние, на иудаизм в Средневековье оказал влияние платонизм (Каббала).

Языческое низовое влияние привносит в христианстство, иудаизм и ислам язык и терминологию, имена духов, Богов, демонов, топонимы и традиционные формы песни, стиха (аллитерация), мотивы сказок и басен и т.д., а вместе с этим и фрагменты языческих структур, которые аффектируют структуры креационизма в свою пользу. Вследствие этого мы можем заключить, что помимо принципиальной новизны в разрыве между Богом и миром, язык креационизма также обладает скромным словарем, во многом заимствуя язык, терминологию и мифы (=словарь) у местных народов, но проводя с ними операцию по приведению их соответствующему значению, семантической и аксиологической нагрузке. Т.е. все языческие Боги записываются в разряд демонов и бесов, мифы о Богах-змееборцах, Богах – покровителях дождя или скота, и их функции, возлагаются на святых – Георгия, Илью и Власия соответственно (Восточная Европа, Русь).

Таким образом воплощается вторая черта креационизма – универсализация по низшей границе, упразднение языческого, а как следствие Сакрально-языкового, разнообразия сословной и кастовой обрядовости, в пользу единого богослужения и простоты, моральности тезисов-заповедей. Универсальность – это всегда скудность, нищета и простота. Универсальность всегда противостоит Единому, которое невыразимо, но которое всегда полно и изобилует благом, порождая бесчисленное языческое многообразие.

С этой точки зрения раскрывается и проблематика философии как особого, не мифологического языка вопрошания о Бытии, Сакральном и Богах. Уже у Платона мы отметили присутствие двух тенденций, одну из которых можно прочитать как вершину языческой мысли и проникновения в структуры языческого манифестационизма, а другая уже предвосхищает универсализацию и упрощение традиции, о чем косвенно говорит нежелание Платона, вложенное в уста Сократа, видеть в идеальном Государстве поэтов, излагающих «разлагающие граждан мифы». Пришедшее христианство разделилось в отношении платонизма на два мнения, одновременно предавая его анафеме и называя Платона «христианином до Христа». Но, как мы показали, усвоение христианами [нео]платонизма произошло только в его усеченном, недостаточном виде. Поэтому Платон и его философия остаются самобытным особняком, предвосхитившим будущий упадок и высветившим саму структуру

Сакрального. Именно платонизм в разных его изданиях, в аристотелизме и неоплатонизме, стал одной из инициатических нитей для мистиков и богословов во всех авраамических традициях, в своей максиме подводящих их к реставрации язычества. Поэтому, пока жива философия – живо и язычество.

В заключение мы можем резюмировать: креационизм – это другой язык, другая модель интерпретаций все того же языческого словаря; креационизм – это язык приближающегося Конца.

Исток реки

Мы уже рассмотрели прогрессистский взгляд на распространение протестантизма среди германских народов и государств. Но постановка такого вопроса открывает огромное поле для исследований, мы лишь наметим, как мы думаем, ключевой вектор мысли для понимания этой ситуации.

Специфика германской традиции, как континентальной, так и северо-скандинавской, заключается в её фатализме и повышенном акценте на *Конце*. В центре всей мифологии Эдд стоит эсхатология, Рагнарёк. Один ищет мудрости и знания о будущем, о конце и грядущей битве. Предвосхищение финальной битвы на поле Идавель, которая неминуема, питает собой всю воинскую этику и стремления германцев. Обычная война и битва есть только поле отбора истинных воинов и героев в Вальхаллу, в войско эйнхериев, что сразится во главе с самим Одином с чудовищами и мертвецами. Зная наперед многое из будущего, Один не стремится его изменить, он принимает его и дает свершиться року как ему должно[64].

В философии мы можем заметить, что немецкие мыслители также обращены на тематику конца. Три философа подозрения, Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд и Карл Маркс, вскрыли двухуровневую топику, каждый в своей сфере и на своем языке. Ницше положил в основу всего волю к власти, Маркс производственные отношения, а Фрейд импульсы бессознательного – «работу сновидений». Все трое жили в XIX, только Фрейд умер в 1939г. Вскрытие структуры «основание+надстройка» показало на еще темные, для Модерна, пятна в структуре человека и

[64] Здесь необходимо сделать замечание о Конце: согласно Е. Головину, язычество не знает «начала» и «конца», «добра» и «зла». Поэтому акцент германцев на эсхатологии и войн – это акцент на одной особой важной части целой ткани Жизни мира. После смерти человек не «умирает», он живет *иначе*; и после конца света мир возрождается вновь.

общества. Фактически, эти три философа укололи модернизацию, указав на то, что Модерн ещё недостаточно Модерн. Приложение стратегии модернизации, т.е. искоренению всего архаического и традиционного к базису, к нижним этажам, открыло дорогу в Постмодерн в его ультралиберальной и левой формах фрейдо-марксизма. Ницше, Фрейд и Маркс завершили Модерн как Модерн-атакующий-Традицию, и неосознанно заложили основания для модернизации Модерна, или для самотерапии Модерна от его бессознательных остатков Традиции. Ницшеанское «Бог умер» означало, что Модерн уже достиг доминирования над Традицией, а значит, пора делать следующий шаг. То есть, Постмодерн является доведением программы Модерна до конца, обращением его атаки на собственные структуры.

Здесь особо примечательно то, что из трех философов-немцев, двое – Фрейд и Маркс – имели еврейские корни, и именно их философия оказала большее влияние на Постмодерн как на продолжение искажения и перверсии истинной Европы в сторону анти-Европы, симулякра. Несмотря на утверждения Ж. Делёза в ницшеанской природе постмодернизма, сам Ф. Ницше гораздо более консервативен и из всех трех ближе к европейскому духу, особенно к духу Германии и войны. Мы смело предполагаем, что именно его германский дух, и вполне созвучная воинскому сословию «воля к власти», привлекли к нему внимание в Третьем Рейхе, к чему мы еще вернемся позже.

Крупнейший немецкий философ XX века Мартин Хайдеггер (1889-1957 гг.) также считается философом конца, завершившим историю европейской философии от первых греческих философов вплоть до Ницше. Он оказывает влияние на левого Жан-Поля Сартра, постмодернистов Ж. Дерриду и М. Фуко.

Хайдеггер подвел фундаментальную черту под историей западной философии и сформулировал проблему Нового Начала философии. Вновь немец и вновь конец, воистину фундаментальный и эсхатологический, и постановка вопроса о «следующем шаге».

В этом заключается фатализм германцев и германской земли – стремление к Концу, эскхатологическому разрешению и битве, Endkampf.

Но в Новое время сами германцы, *самое германское в германцах (что справедливо и для других народов)*, вытеснено на периферию, погребено под завалами христианских и модернистских наслоений; современный германец – пародия на самого себя. А значит, протестантизм приближающий Модерн и обращающийся к чистому, изначальному

христианству, может быть прочитан через призму германских мифов как «идеология» гребцов Нагльфара – йотунов и мертвецов. Германцы всегда на стороне Одина-Всеотца, они призывают его умирая. Примечательно, что именно в христианской немецкой среде, не языческой и не ориентированной на Одина, выкристаллизовывается явление Реформации, являющееся этюдом к Рагнарёку. В этом есть тонкий намек, проявление искаженного германского начала, так или иначе ориентированного на Конец, эсхатологию. Древний грек Гераклит мыслил Войну отцом всех вещей, а Огонь – началом всего; германцы мыслят Огонь Войны Концом и Смыслом мира.

Здесь мы подходим к интересной корреляции, к греческому (по Гераклиту) мышлению Войны как начала всего, и германскому осмыслению Войны как Конца, на что сверху исторически накладывается становление христианства с опорой на греческий язык и, в меньшей степени на эллинизм, и завершение христианства в форме возвращения к своим истокам после насыщения языческим влиянием, в виде Реформации и становления протестантизма в германской среде и преимущественно среди германских государств. К этому также можно добавить, что сама философия рождается в Греции, а её завершают её германцы: Ницше и Хайдеггер. Это вскрывает ось греки-германцы, Polemos-Endkampf, являющуюся основой и матрицей всей Европы.

Христианство находит свой расцвет в Римской Империи, конец которой окончательно положил германец Одоакр, бывший арианином, и исторически оно развивается вплоть до германской Реформации, являющейся «дитем Просвещения», которое открывает врата в Модерн, и далее – в Постмодерн.

Между языческой Грецией, Римо, миром и современной Германией, и всем постмодернистским Западным миром, пролегает христианство. Изначальное язычество, следующее по пути ниспадения, инволюции, деградации, что согласуется с традиционным представлением о Времени как Падении, вытесняется креационизмом в лице христианства в Европе, тем самым народы Европы подходят к эсхатологическому концу, Железному веку, будучи *уже не язычниками*, тем самым теряя накал Polemos-Endkampf. Народы уже не способны распознать приблизившийся Рагнарёк, т.к. языческие представления подменены христианскими, обещающими спасение и позитивное будущее, а позже – теорией прогресса и постмодернистским концептом «конца истории» (Фукуяма). В этом заключается весь драматизм возрождающегося язычества на

Европейском пространстве, и у всех других народов, аффектированных западной картиной мира и образованием: язычники находятся в состоянии пробудившегося меньшинства, причем не всегда осознающего эсхатологизм современного состояния мира.

Выше мы уже определили что постмодернистская Европа по сути является анти-Европой, симулякром самой себя. Далее мы можем дополнить это тем, что и европейские народы сегодня также распадаются на свои блики и пародии. Становление протестантизма в германской среде хоть и стало финальным аккордом развития христианства и открыло врата в Модерн но, по сути, минимально затронуло само германское начало, тем самым подменив германца-воина, будущего эйнхерия, на скромного христианина «первых веков». И везде повсеместно мы встречаем разрушение и подмену идентичностей в пользу симулякров, которая начинается с приходом христианства на территорию Европы из семитского ареала, и заканчивается его же отрицанием учеными мужами Модерна. Поэтому стоит обратить свой взор на само христианство как начало принципиальной подмены Европы и языческих народов на нечто, им не соответствующее по своей структуре. Это же и будет являться причиной борбы насаждаемого христианства и народных обычаев, что выльется в перетолковывание христианства в двоеверии, и в философско-богословских спорах.

Модерн воплощает собой принцип привативности, строится на бинарности 1 и 0, где измерение мифа и Сакрального наделяется «нулевым» статусом как не существующее, а истинность и смысл признаются только за научной картиной мира. Все «сверхестественное» – это ещё не изученное, не понятое и не описанное наукой «естественное».

Креационизм в своей структуре предшествует привативному Модерну, оставляя за собой (1) истину веры в Яхве, Христа или Аллаха, их народ, церковь или умму соответственно, не признавая за язычеством (0) никакой ценности и истинности. Единственный путь для язычника – это искупление в гиюре, крещении или прочтении шахады. Но привативность креационизма изначально сдерживалась языческим влиянием двух видов двоеверия, оно смягчалось до градуальности и оставалось в таком промежуточном положении до Реформации и становления радикального ваххабизма, которые максимально упразднили промежуточные инстанции между Богом и миром, ещё раз утвердив их различие.

Отсюда вытекает наш принципиальный тезис: Креационизм – это исток Модерна, как бьющий из-под земли родник дает начало будущей реке, так

в креационизме уже заложены многие положения, которые полноценно воплотятся только в Модерне.

Для язычника человек, он сам, является всем миром. Он микрокосм, отражающий макрокосм в модусе своего сословия. Человек воплощает Божественную функцию в общине или государстве, которое также является воплощением Божественной иерархии. В язычестве человек не индивидуален, он тождественен своей общине, шире – этносу, шире – Богу-покровителю (функции, по Ж.Дюмезилю), и в пределе он – весь мир.

Креационизм смещает эту картину на несколько этажей ниже. В иудаизме появляется иероисторический субъект – избранный иудейский народ, заключивший Завет с Яхве, и переживающий свою священную историю. В чистых версиях христианства, к которым относится христианство времен Иисуса и апостолов, и протестантизм, акцент смещен на личное, индивидуальное спасение, упование на прощение. Со времени образования христианской общины и её перевещения в Рим, через уставноления доминирования, акцент с индивидуального спасения в православной церкви сместился на всеобщее «вселенское» спасение, что отражается в русском слове «мір», означающем одновременно и «сельскую общину» и мирян, «общину церковную», и мир как «космос». Католическая церковь также усвоила идею коллективного спасения, но в более редуцированной форме. Тенденцию изменения изначальной индивидуальной установки на спасение в сторону коллективных идентичностей, построенных не на этническом, но на религиозном фундаменте, можно трактовать как следствие влияния двух линий двоеверия, низовой фольклорной и верховой философско-богословской; фактически речь идет о специфическом преломлении элемента языческой структуры. Возврат к креационизму совершает Реформация и протестантизм, а также ислам в его суннитском (захиритском), ваххабитском изданиях, которые также близки к протестантизму в своих доктринах.

Об упразднении этнической принадлежности в Библии говорится в послании а. Павла к Колоссянам (Кол. 3:9-11):

«*9 не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его*

10 и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его,

11 где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

Ключевой является фраза «нет ни Эллина, ни Иудея», ведущая к «все и во всем Христос», т.е. языческие этно-религиозные идентичности упраздняются, и человечество, его часть, «сплавляется» в новую христианскую идентичность, которая будет главенствовать до Просвещения.

Христианство делает акцент на Боге Сыне, воплощенном в человеке, а само человечество «усыновляется» Богом. Таким образом человек становится в центр христианской, и креационистской, проблематики. Такое положение человека предвосхищает тезисы гуманизма Просвещения, выросшего из католической схоластической среды, поставившего человека «мерой всех вещей». Таким образом в Просвещение, время становления Модерна, совершается переход от индивидуализма-во-спасение креационизма, в лице европейского христианства, к модернистскому атомарному индивидууму. Бог упраздняется через атеизм и антитеизм, остается только человечество, состоящее из индивидуумов и собираемое в новые коллективные идентичности по разным критериям: раса/нация, класс, гражданство.

Смещение внимания с этнической, сословной (функциональной) идентичностей в сторону унифицированного ритуала и обряда, единой для всех веры и Бога, не сопричастного миру, в последующем раскрылось как индивидуализм, атеизм и универсализм Модерна, научной и социально-политической программ Просвещения.

В христианстве также во многом упраздняется сословня специфика традиционных обществ, а сохраняется лишь внешний остов иерархической пирамиды «жрецы-воины-земледельцы/ремесленники». Единственный и удаленный от мира Бог и христианское учение, как мы уже заключили, ближе к третьему и четвертому сословиям, и распространялось среди рабов и слуг. Унификация обрядов и адаптация самого учения для того, чтобы быть понятным всем, вводит определенную нищету, упраздняет языческое разнообразие, что косвенно является следствием упразднения многобожия.

В Библии содержится следующее высказывание (Мф. 20:16):

«16 Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных».

Оно стало матрицей для христианства, воплотившись в истории Рима в виде завоевания христианством главенствующих позиций начиная с рабов, т.е. проделывая путь снизу вверх. Здесь важно следующее: в традиционном обществе, особенно ярко в индийском, «последние» – это изгои, чандалы и

парии, зачастую не имеющие никаких своих ритуалов и неспособные к постижению Священных Вед или писаний, традиции. Изгнанный из общины или попавший в рабство был обречен на отпадение от ритуальной жизни, за редким исключением способности самому проводить простейшее почитание Богов насколько это было возможно.

Ранее мы уже указывали, соглашаясь с Ю. Эволой и традиционалистами, что Модерн – это время освобожденных париев и четвертого сословия, не имеющего никакой обрядовости, и ставших «из последних первыми», не в силу постижения Сакрального или Героизма Гесиода, а в силу чисто материальных и титанических могуществ. Креационизм в виде христианства подготовил в Европе почву для этого рывка низов, обеспечив его на начальных этапах простой унифицированной религией с удаленным, дистанцированным Богом, от которого изгои впоследствие с легкостью отказались.

В Модерне также сохраняется, и находит свое воплощение тенденция уничтожения структуры традиционного общества, заменяемого его извращенными версиями в виде расовой или классовой, буржуазных теориях. А также унификация обряда структурно предвосхищает универсализацию научного знания и научной картины мира, пребывающей как бы независимо от какой-либо политической теории, как естественная физическая данность. К этому тесно примыкает языковое предшествование христианства Модерну. Язык протестантизма и ислама максимально тяготеет к привативности, а в версиях ваххабитов и Г.Джемаля воплощает её полностью. В католицизме и православии привативность креационизма была смягчена в сторону градуальности разной степени резкости градиента. В Модерне привативность воплощается полноценно именно в установлении научной картины мира как своеобразного непоколебимого «фона» всего мироздания. Подобно тому, как ранее непоколебимым считалось бытие Бога и его власть, начиная с Просвещения непоколебимыми стали вера в законы физики, прогресс и их власть над миром. К этому примыкает даже такой нюанс, выраженный в словах Иустина относительно эллинской мудрости Сократа и Гераклита: *«…все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам, христианам»*.

И в Деяниях 17:21-22:

«22 И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.

23 Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам».

То есть, христиане эксклюзивно приватизируют себе все, что найдут достойного в язычестве, трактуя это в пользу своей религии, как и алтарь неведомого Бога афинян. Такую же процедуру приватизации проводят ученые Просвещения, отсекая от греческих философов все мистические и метафизические, мистериальные учения и факты биографии, преподнося их как натурфилософов и первых ученых. Т.е. и креационизм и Модерн совершают ревизию и перепись истории с позиций собственной привативности.

В Просвещение происходит упразднение Бога и постановка на его место человека. Креационистская модель «Бог-творец и творение» распадается, и остается только творение, глиняное изделие без творца. Поскольку человек более не обращается к Богу и той его частице, что была заложена в его душу, он остается наедине с самим собой и безграничным миром материи, из которой сам теперь только и состоит. В креационизме материя, вслед за Платоном, подверглась осуждению и практически забвению (ислам). Материя сковывает души, является источником греха как плоть и гедонизм. Двоеверческие мотивы и культ Богородицы частично компенсировали недостачу Сакрального Материнства и Природы, в иудаизме священная земля Израиля также косвенно компенсирует радикальный патриархат Яхве. Но креационизм преимущественно табуирует материальную тематику, и связанный с ней комплекс женской верильной и сексуальной практики, мифов и символов, что выражается в подчеркивании девства Девы Марии. В отсутствие Бога и табу человек, как раскованный Прометей, обращается на материю, её покорение и упивание её плодами, что выражено в максиме «человек – царь природы», берущей корни в формулировке «человек – венец творения».

Модерн зарождался в лоне христианства, что отражено в течениях devotio moderna и особенно в течении magia naturalis, уходящего корнями к Ренессансу, относительно которого М. Элиаде отмечает что оно «стало, по сути, средством богопознания». Являясь продолженеим развития герметизма, magia naturalis послужило почвой, в которой созрели такие ученые как Парацельс и И. Ньютон. Как мы помним, герметизм был про-христианскиим прочтением платонизма, не чуждый магии и оккультизму, что ближе к Просвещению оформилось в две магистральные линии, соединяющие в себе как уже научные модернистские положения и методы,

так и все еще мистические мотивы и трактовки, – в алхимию и медицину. Не вдаваясь в описание поистине противоречивой и широкой философии алхимии, которую можно прочесть как в сторону Традиции, так и в сторону Модерна, можем заключить, что в её лоне сформировался научный метод и практические наработки, эксперименты и опыты. Также и во всей талисманной и теургической магии уже были сформированы рецепты и ритуалы, по своей сложности и точности почти полностью совпадающие с современными физическими и химическими экспериментами, а также требующие незаурядных познаний в точных науках. Все это осталось только отчистить от стремлений найти философский камень и совершить magnum opus. Согласно Ричарду Уэстфолу, современная наука возникает именно из слияния герметизма и механической философии.

Стремление герметиков и алхимиков обогатить христианство механикой, астрономией, химией, медициной привело только к их окончательному размежеванию и конфликту.

Последнее, на чем мы кратко остановимся, это вопрос государственного приложения креационизма, в частности христианства в европейском контексте. Языческая государственность выражается в Сакральной иерархии сословий, которую в идеалистической версии описал Платон, и отдельно от него функционально описал Жорж Дюмезиль. Два крайних полюса языческого общества – это община, крайним случаем которой являются города-государства, такие как Спарта, и империя, максимальным выражением которой был Рим. Структурно и община и империя подобны в воплощении иерархического принципа, но со своими специфическими различиями. Христианство изначально возникает как община равных перед Богом, но со временем оно реконструируется по имперскому образцу (Священная Римская и Византийская империи). Но структурно они уже не *воплощают*, но *повторяют* усвоенную от элладо-романской культуры структуру государства. Это выражалось в несоблюдении сословной строгости при восхождении императоров на престол, так известно, что император Юстин, дядя будущего императора Юстиниана, был крестьянином, дослужившимся до своего положения. Это полностью соответствует христианской ориентации на низы и возведению «последних в первые». Но формулой византизма станет «симфония властей», светской и религиозной, при доминировании светского императора над патриархом. Это подобно земной власти и правления кшатриев в государстве, при признании традиционного верховенства брахманского жречества, но так

как сословная природа и патриарха и императора могла быть, и нередко бывала, низкой, то мы имеем дело с извращенной структурой Сакральной иерархии.

Католицизм в своем пике могущества утверждал власть пап выше власти императора, что ближе к идеальной иерархической пирамиде, но в нем также сохранялась сословная путаница. После Реформации власть пап была ограничена и низведена до внутрицерковного уровня.

Обращение к равенству, перед Богом, внутри уммы или общины вновь прозвучало в исламе и протестантизме, где первый воплощал совеобразную военную демократию, а второй открыл врата к капиталистической демократии и либеральной идеологии индивидуального равенства. Демократия как власть низов и равенство, берущее корни в равенстве перед Богом и образе жизни ранней общины, максимально близко христианству. Экстравагантную версию-преломление христианства в левой философии сделал К. Маркс, у которого утопический идеал коммунизма фактически является атеистической, материалистической научной калькой с раннего христианства.

Феномен ойкумены, заложенный завоеваниями Александра и распространением эллинизма, а позже завоеваниями Рима, был дополнен христианскими тенденциями к индивидуализму, равенству, отказу от этнической идентичности и унификации культуры, что в Модерне было преломлено в атеистическом ключе и воплощено в феномене глобализации. Если Рим воплощал фокумену как одно государство, то власть католической церкви и пап, окормляющих народы разных стран, стоящая выше императоров и королей, является прообразом будущих наднациональных структур. Само христианство, не знающее этноса и границ (мировая религия) является первым глобализационным институтом.

Наконец, «позитивная» эсхатология креационизма, обещающая в иудаизме приход Мошиаха и политический триуфм Израиля, а христианстве, после Суда, – восстановление Рая, а в исламе – воздаяние верным, формирует предпосылки к будущей идее прогресса. Несмотря на предшествующий «награде» верным и благочестивым Страшный Суд, для правоверного христианина или мусульманина эти религии обрисовывают позитивное, желаемое будущее. Протестантизм делает шаг ещё дальше, и одновременно ближе к материализму, объявляя о воздаянии благочестивым ещё при жизни, тем самым обосновывая *моральное* превосходство тех, кто обладает достатком, богатством и в целом успешен.

То есть, происходит подмена моральных ориентиров, если ранее нищий монах-аскет был ближе к Богу и носил статус близкий к «святому», то теперь «отмеченными Богом» становятся богатые и властные, ибо они наслаждаются жизнью при жизни. После удаления фигуры «Бога» из поля интереса науки, и как высшего ориентира из общества, оформление креационистских, протестантских, идей в концепты прогресса и капиталистической морали.

Выразим те идеи, которые были заложены креационизмом и получили расцвет в Модерне, в сводной таблице:

Креационизм	Модерн
Позитивное будущее	Прогресс
Индивидуальное спасение	Индивидуум
Унификация учения/упразднение политеизма	Универсализм/единообразие физического мира
Привативность (+градуальность)	Строгая привативность науки
Опора на 3 и 4 сословие/»последние станут первыми»	Атеизм/антисакральность
«нет ни Эллина, ни Иудея»/упразднение этничности	Атомарное общество/национальные и классовые теории
Ойкумена/экуменизм до великой схизмы/современный экуменизм	Глобализм
Отрицание материальности	Погружение в материю
Усечение сословности и иерархии	Демократическое и либеральное равенство

Мы видим, что в своем отрицании традиционного, выраженного в христианстве, европейские просветители переворачивали положения христианства наоборот, тем самым частично скопировав и продолжив его структуру. А так как само христианство на тот момент было глубоко аффектировано двоеверием, то произошло искажение и преломление и завуалированных языческих структур, яркий тому пример – герметизм, magia naturalis, которые вообще невозможно разделить «бескровно» на языческую и христианскую составляющие.

В этом состоит уникальное положение креационизма – он находится строго между Традицией (язычеством) и Модерном. В своих чистых версиях протестантизма и ислама он очень близок, и в целом не конфликтен относительно научного знания. Но аффектированные

философией и двоеверием католичество и православие представляют собой сложноразделимый сплав Традиции и Модерна. В этом заключается проблема и задача деконструкции христианства, которое можно как привести вновь к язычеству, так и очистить от него, оказавшись одной ногой сразу в Модерне. Очистив христианство от языческих наслоений, Реформация открыла врата Просвещению. Мистика Н. Кузанского, который повлиял на Лютера, в этом случае также показательно, ведь из нее также наличествует либо выход в манифестационизм и язычество, либо в строгое либеральное равенство Модерна.

Креационизм «убивает» Богов ради одного Бога, не имеющего с миром общей меры. Модерн «убивает Бога», как то провозгласил Ницше, «мы убили его», т.е. современные люди. Но у Ницше, а значит в Модерне, погибает именно *Бог креационизма*, что ослабляет хватку монотеизма над манифестационизмом, но она сменяется хваткой физики, материи.

Когда «Бог умер», человек Модерна остался в одиночестве, лицом к лицу с Ничто, из которого сотворен мир и он сам. Вскрытие европейского нигилизма также является заслугой Ницше. Человек носит в себе пустыню, в которой родился креационизм, и «убив Бога» он выпускает эту пустыню, которая *ничтожит* все, что еще осталось вертикального и «незыблемого».

Ницше выносит приговор Богу в конце XIX столетия, вместе с другими философами подозрения ставя точку в становлении Модерна. Они окончили Модерн, наметив следующие шаги уже для Постмодерна, для саморефлексии и самотерапии-устранению остатков вертикальных структур в пользу ризомы. Но от Ницше и до осознания проблемы Ничто должно было пройти две Мировых Войны, инспирированных германцами, немцами, чтобы после Второй Мировой мир осознал Nihil как единственное соприсутствующее человеку, как то, перед лицом чего он стоит. «Ничто» стало главной проблемой философов-экзистенциалистов. Экзистенция – «существование» – вот что остается человеку в мире без Бога, шире – без Сакрального, через которое он Жил. Т.е. залог Жизни – это Божественное и воплощение Сакрального в своей жизни, чему более всего соответствует языческое разнообразие. Но экзистенциалисты были следствием смерти Бога монотеистов, а значит после его «казни» они не могли встретиться с Богами Смерти или переродиться, они остались ни с чем, они остались без смысла, который ранее транслировался религией на протяжении тысячелетий. Для креационизма и Модерна Nihil – это пустота, ничто как то, чего нельзя помыслить в силу его нигилизма, «пустотности». Мистики монотеизма толковали Ничто как ничто-из-этого-

мира, т.е. их Ничто было апофатическим указанием на Бога. В язычестве проблемы Ничто нет вовсе, ибо в нем нет абсолютной пустоты. Единственная инстанция, которая может быть уподоблена одновременно и Nihil и ничто-из-мира – это первородящий предвечный Хаос, Гинунгагап, воды Тиамат, но в язычестве это одновременно апофатические и полные жизни, жизнетворения и изобилия инстанции, которые только позднее демонизировались до значений «хаоса-беспорядка» и деструктивности.

Предтечами экзистенциалистов можно назвать русского писателя Фёдора Достоевского (1821-1881гг.) и француза Луи-Фердинанда Селина (1894-1961гг.)[65]. После Второй Мировой войны французы Жан-Поль Сартр (1905-1980гг.) и Альбер Камю (1913-1960гг.)[66], представители атеистического направления в экзистенциализме, поставили себе вопрос о смысле существования в послевоенном современном мире, без опоры на религию. Результатом труда Камю стала апология абсурда как данности, а Сартр поддержал левый гуманизм и выступления 1968 года, тем самым атеистический экзистенциализм стал одним из оснований стремительно развивавшегося после Войны Постмодерна. В момент осознания проблемы Ничто, экзистенциалисты делают выбор в сторону нигилизма; они выбирают одиночество в десакрализированном мире.

Постмодерн довел заложенные в Модерне потенции до своего конца, который мы можем проиллюстрировать как абсолютное воплощение первой части послания апостола Павла: «*11 где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного»*. Дальнейшее продолжение фразы в христианстве говорит о том, что все они сливаются во Христе. В Постмодерне же «нет ни Эллина, ни Иудея», в нем *вообще никого нет*. Никакая идентичность не может быть установлена в Постмодерне, только бесконечный поток дивидуального дроблениями смены масок, беконечное *ничтожествление Ничто*.

Креационизм привнес в мир одного Бога и творение [из Ничто], Модерн исключил из этой схемы «Бога», и человек остался один на один с материей, которая быстро остыла и распалась на чистое Ничто Постмодерна.

Тысячелетия язычества сменились кратким полуторатысячелетним периодом креационизма, который сменился мгновением Модерна, который растворился в Ничто. Это полностью укладывается в индуистское

[65] См. Ф. Достоевский «Преступление и наказание» и Л.-Ф. Селин «Путешествие на край ночи».

[66] См. Ж.-П. Сартр «Тошнота» и А. Камю «Посторонний», «Чума».

традиционное представление о циклах, Югах, каждая из которых длится менее, чем предыдущая, но ощущение тягости Времени внутри них все больше и больше, и самая последняя Кали-Юга будет самой короткой, но при этом она будет ощущаться как вечность.

При этом принципиальный переломный момент, с которого начинается *ускорение* распада и падения, отмечен возникновением креационизма, того истока, из которого берет начало река Модерна и Постмодерна[67]. Принципиально здесь помнить, что ещё Гесиод причислял свою эпоху к Железному веку, поэтому креационизм – это момент *перехода* из вялотекущего внутриязыческого распада к активной фазе эсхатологии и Конца. В этом его мощь и драматизм, функция сокрытия язычества с мировой арены, вытестнение его на периферию.

Эдип как парадигма

Промежуточное положение креационизма между язычеством (Традицией) и Модерном дает возможность прочитать его и как предисловие Модерна, и как финальный аккорд Традиции.

Так как креационизм подвергся влиянию двоеверия и философии, то уже в этих своих частях он может быть встроен в целостную неоплатоническую систему как часть, как специфическая производная от целого. Это касается преимущественно иудейских мистиков Средневековья и Каббалы, исламских фаласифа, суфиев и шире батинизма, и более всего практически всего тела христианства в его католической и православной деноминациях, испытавших максимальное влияние двоеверия.

Древнее и кратковременное языческое основание иудаизма и ислама позволяют посмотреть на эти религии как на усеченные языческие традиции, где всю власть узурпировал один Бог, не терпящий никакого соседства и/или конкуренции в поклонении и почитании. В таком свете фигура такого «Бога» будет наиболее близка к титану, который не благой и изливающийся в мир, но злой и нищий. Отсюда открывается дорога и к гностическому прочтению креационизма, что было предпринято в первых веках христианства.

---

[67] Примечательно, что русский традиционалист А. Дугин также признает, что креационизм является «вратами» в Модерн, но не делает из этого соответствующего вывода и остается в лоне единоверческого согласа Русской Православной Церкви; см. А. Дугин «Постфилософия».

Ранее мы отмечали, что христианская доктрина ближе всего к воззрениям третьего сословия, для которого особо характерен семейный культ рода и почитание Бога в ипостаси и функции демиуга. Также для иудаизма характерно отношение к Богу как к Отцу, а в христианстве эта картина дополняется фигурой Иисуса Христа – Бога Сына, и «усыновленного» человечества. И в иудаизме и в христианстве максимально, насколько возможно, компенсирована тематика Матери-Земли, Богини-Матери, Природы и освященной материи. На основании этого сходства мы можем предпринять попытку метафизически объяснить креационизм, Модерн и Постмодерн как разыгрывание одного и того же парадигмального сценария, в основе которого лежит миф об Эдипе. Но будем последовательны.

Для начала установим и рассмотрим первое разыгрывание, *первую сцену*, этого сценария в язычестве, от которого мы будем отталкиваться в дальнейшем, рассматривая изменения поведения и ролей всех последующих персонажей.

Мы отождествим Божественное/Богов и Сакральное с фигурой Отца, к которой также отнесем солярность, само Солнце и Небо, огонь и воздух, верхние ноэтические этажи платонического космоса.

Божественному Отцу предшествует чистый Хаос как условно «женская» фигура, из которого берут свои корни генеалогии титанов и Богов. Сам Хаос, Бездна, имеют «женскую» коннотацию только в силу того, что в фигуре Отца маскулинное и отеческое выражено кристально, а сама Бездна при этом инклюзивна, т.е. её невозможно свести к полу как таковому, только *в сравнении с кем-то*, а также в языке. Бездна опасна и трактуется как таковая только с солярной позиции Богов, которые от нее оторвались и сотворили космос и порядок в нем.

Утверждение Божественного порядка проходило через драматические события свержения Кроном Урана, и Зевсом Крона. Предшествующие Зевсу фигуры Крона и Урана являются древнейшими могуществами, вышедшими из Хаоса. От брака Урана и Геи рождаются титаны, циклопы и гекатонхейры. Ужаснувшийся уродству своих детей, Уран прячет их в лоне Геи, не давая им родиться. Измученная Гея подговаривает Кроноса свергнуть отца, что он и совершает оскопляя Урана (из капли его крови родится Афродита). Сам Кронос наследует отцу в умножении беспорядка (адхармы), пожирая своих детей и не разрешая от бремени Гею. В итоге Зевс с помощью сторуких гекатонхейров, детей Геи, свергает Кроноса и наконец утверждает свой строго олимпийский Сакральный порядок

(Дхарму, Вирд и т.д.). Это начальный период становления порядка, титаномахия.

В фигуре Жены и Матери будет выступать Природа и материя, лунарность как отражение солярного, Луна и Ночное Небо, Земля и Вода, которые также Сакральны в силу брака между Отцом и Матерью. Природа и мир есть супружество Неба и Земли. Жена входит в род Мужа, материя входит в цепь эманаций; Мать порождает от семени Отца, продолжая род.

К фигуре Сына мы можем отнести человека как плод Неба и Земли, содержащий в себе два Сакральных начала и третье, наследуемое от Великой Матери в виде глупой материи и животного, стихийного начала внутри его антропологической структуры. Сын является продолжением рода Отца, т.е. он по своей природе тоже Бог, стоит в их ряду, но в положении *пока ещё* ребенка. Он также любит и почитает Природу-Мать, которая кормит и закаляет его. Также в фигуре Сына мы можем выразить этнос, народ, как то пространство где совершается брак между Небом и Землей, который также и порождает народ. В таком свете все народы мира – это дети Богов и Богинь, языческие традиции – это дар речи и культуры от Отца и Матери для общения и становления Сынов Богами в дальнейшем. Вплоть до того, что сами материальные предметы культа отражают Материнско-материальные аспекты (материал изготовления), а их ритуальное применение, их идея – Отцовские, в чем можно опознать аристотелизм.

Постепенно выковывая свой Дух, совершая восхождение (эпистрофе) Сын взрослеет и сам становится Отцом и Мужем, порождает своего Сына, который также со временем займет его место. Это – первая идеальная сцена согласно нашему сценарию. Священный Муж берет в Сакральном Браке в Жены Природу, и вместе они порождают народы-традиции, в которых их Сыны общаются с ними на данном родителями языке, т.е. исполняют ритуалы и следует должному (Дхарме, Вирду, Ладу), тем самым взрослея (инициируясь духовно) сами становятся Богами, Отцами.

Этой идеальной сцене в космогонии индоевропейских традиций предшествует травматический процесс отделения через войну генерации Богов от Великой Матери, которая порождает титанические могущества не зная Мужа, Отца. Т.е. генеалогия Богов уходит корнями в титаническое и хтоническое, но они находят силу оторваться – воспарить – над тяжелой глупой материей и её порождениями, которые решили остаться при ней. Тем самым Боги сначала утверждают своё главенство, сокрушая предыдущее материнско-отеческое титаническое могущество, как то

наглядно отражено в мифе о поедании Кроносом своих детей и восстании Зевса, в мифе о расчленении гиганта Имира и др. Акты брака между Богами и Природой, с последующим творением человечества, происходят после космогонических потрясений и войны, но она (война) не исчезает бесследно, а утончается, смещается в сферу человеческой антропологии и жизни, что наиболее ярко проявилось в человечестве Прометея и современном Железном веке. Эту космогоническую драматическую сцену можно условно обозначить как *пролог* или *polemos*.

Вторая сцена разворачивается следующим образом. Бог Муж и Отец *творит* Природу не наделяя её Сакральным, т.е. не совершает брака, но оставляет Женское в подчиненном положении. Потом творит человечество из глины, материи, равно как и Природу из Ничто. Т.е. он проводит властные манипуляции, имеющие черты произвола над Природой и человеком, требуя от них почитания и подчинения. Человечество, хоть и старается следовать заветам «Отца», но все равно нарушает заповеди и всячески деградирует, отпадает от его почитания. Это экспозиция иудаизма, где человечество – это конкретно народ Израиля, иудеи, заключившие с Яхве договор.

В христианстве вторая сцена разыгрывается в более языческом ключе, что отражает его тягу к двоеверию в дальнейшем. Здесь Бог Отец нарушает отношения между ним и Природой, желая воплотить в ней Бога Сына, что подразумевает брак и рождение. Но креационистская структура позволяет только *символический брак* Иосифа и Марии, в которой мужу Марии уделена статическая роль. Сама Мария, которая выражает фигуру Природы-Матери, не оплодотворяется Богом Отцом, так как она остается девой, а зачатие происходит непорочно. К этому добавляется то, что вследствие этого непорочного зачатия *не происходит* рождения Сына, а происходит *воплощение* Бога Отца в ипостаси Бога Сына в материальном мире. В результате этого нисхождения Бога Отца мир как бы преображается, а человечество «усыновляется», т.е. оно может в перспективе, ведя праведную жизнь и веруя во Христа, оказаться в Раю. Речь о становлении Богом в процессе взросления-инициации не идет, отсюда вечное название христиан «рабами» – т.е. «отроками», «детьми». Они пребывают в вечной недостаче. Природа-Мать также пребывает в недостаче, т.к. акт символического «порождения» Сына хоть и возвышает её относительно предшествующего статуса, но не наделяет Сакральным измерением. Таким образом продолжение Божественного рода в христианстве не совершается, только «усыновление» вечных «отроков».

В исламе вторая сцена не проявляется вовсе, ибо Бог Муж и Отец (Аллах) не сопричастен миру никоим образом, Природа, мир, – это его акциденция, случайность и произвол. Он не воплощается Богом Сыном и равнодушен к женской фигуре матери Моххамеда. Его властное отношение к материи отражается в радикальном патриархате ислама и многоженстве.

В рамках второй сцены все мистики, философы и все двоеверие старается гармонизировать внутрисемейные отношения Отца, Природы-Матери и человечества-сыновства. Все экзотерические и радикальные, фундаменталистские течения: хасидизм, раннее христианство и протестантизм, захириты сунниты и ваххабиты будучи условными «сынами» делают выбор в пользу недостижимого Отца, понося и отрицая Природу-Мать, что создает конфликт на всех уровнях, где можно провести материально-духовное деление. Следствием такой патологической семьи является неспособность к продолжению Божественного рода, т.е. к установлению традиции и полноценной инициатической линии.

Определенной предтечей ко второй сцене является Платон и его философия, в которой отношения между Отцом, Матерью и Сыном, в нашей терминологии, идеалистически обострены ориентацией Платона на патриархат.

Креационизм, таким образом, является приближением к беспорядку, к титанизму до-олимпийского порядка; отступлением от Традиции.

Особое место во второй сцене и её отношениях к идеальной первой сцене занимает эпоха Ренессанса как языческого, античного, возрождения. В этот период открывается возможность реставрировать нормальные, не патологические отношения Отца-Матери-Сына, т.е. вернуться к манифестационизму из креационистской патологии. Фактически, в момент Ренессанса впервые серьезно и надолго ставится вопрос именно о нездоровой, искаженной расстановке фигур и выборе Сыновством Отца и отрицание Матери. В Возрождение закладываются те тенденции, которые приведут к перестановке фигур в дальнейшем.

Скорым следствием «бесплодия» второй сцены и осознанием этого в Ренессансе является парадигмальное разыгрывание *сцены третьей*.

Для этой сцены мы сделаем важное уточнение в изменении ролей. На этот раз фигура Отца воплощает в себе креационизм, в частности христианство, так как третья сцена преимущественно актуальна для Европы. Природа-Мать все также воплощает материю и материнский символический комплекс. А человечество продолжает пребывать в

«усыновленном» состоянии, но на этот раз оно озадачено пересмотром своих отношений к Отцу и Матери, а также отношениями между Отцом (Церковью) и Матерью (Природой). Для человека в этот период, уже насыщенный Ренессаном, герметизмом, magia naturalis и т.д., стоит задача примирить Отца и Мать, т.е. здесь вновь угадывается языческий мотив. Но Отец в лице креационизма, христианства, отвергает предложения Сыновства и гонит его. У Сыновства также наличествует привитое «усыновлением» предвзятое отношение к Природе-Матери, которую он хоть и признает значимой и важной, но все равно полагает её ниже себя. В результате конфликта Отца и Сыновства относительно Природы, человек свергает Отца, «убивает Бога» по выражению Ницше, и занимает его место. То есть Сын насильно совершает «посвящение» себя в Отцы, повторяя изначальный космогонический конфликт свержения старого поколения могуществ молодыми Богами; «последний» становится «первым». Но в этой ситуации на место «старых Богов» приходит человек, а не новый Бог и Отец. Но стремясь соответствовать Отцу он берет в Жены Природу-Мать, т.е. происходит инцестуальная патологическая связь. В фигуре человека-Сыновства мы без труда сможем опознать Модерн, свергающий креационизм в лице Церкви, и обращающий свой взор на материю как на поле для научных исследований и ресурс, т.е. совершает насилие над Матерью в отсутствие Отца. Но, как мы помним из Пролога, лишенная Сакрального измерения Жена и Мать, ведь «Бог умер», оборачивается хтонической Великой Матерью-Nihil, которая в титанической хватке сжимает человечество. Время третьей сцены – Просвещение.

Третья сцена является парадигмальным воплощением самого мифа об Эдипе. Фигура Отца-Церкви – это отец Эдипа Лай, Природа-Мать – это Иокаста, а Модерн – это Эдип, нежеланный бастард, о котором оракул предупредил Лая, что он умрет от его руки. То есть Эдип, как и «раб-отрок» от рождения пребывает в недостаче, в удалении от отца и его рода. В итоге переход от креационизма к Модерну разворачивается строго соответствуя мифу: Эдип-Модерн убивает Лая-монотеизм и берет в жены Иокасту-Природу. За нечистивый союз Эдипа и Иокасты, принесший потомство, Боги насылают на Фивы язву, что можно отождествить с эсхатологичностью нашего века. И вновь, через тысячелетия, мы встречаем древнее предостережение греков, воплотившееся со всей трагичностью в Новое время. Именно эту сцену рассматривал З. Фрейд как примордиальную драму, экстраполируя её на архаические общества

(вполне в духе Модерна), хотя истинное её свершение воплощалось при нем и через него в том числе.

Вновь мы видим и попытку реставрации идеальных отношений в семье, т.е. языческий идеал, как и война, присутствует во всех сценах. Как мы указывали, и Ренессанс и Просвещения открывали для язычества возможности вновь заявить о себе, восстановиться в полной мере, но движение циклов неумолимо ведет к Железному веку согласно должному.

Четвертой сцене предшествовали три философа подозрения и две Мировые Войны.

В этой сцене человечество-Сыновство вновь размышляет о фигурах Природы-Матери (уже Великой Матери) и Отца, уже мертвого «Бога» Ницше. Здесь вновь прослеживается *возможность* к реставрации идеальной семьи первой сцены, но Сын-Эдип принимает уникальное решение исходя из третьей сцены: он определяет виновником бед не себя, но Отца как узурпирующую Небо и Сакральное фигуру. Муж и Отец, чьей властью Сакрализирован мир, установлен брак между Небом и Землей, установлена семья и род, является виноватым в самой данности семьи, рода, сыновства, необходимости восхождения и его невозможности. *Отец виновен в том, что он Отец, что подразумевает необходимость Сыну стать Отцом, что было совершено насильственно.* Поэтому Эдип принимает решение упразднить фигуру отца дабы упразднить собственные страдания и полностью отдаться материи-Иокасте, за которой скрывается Великая Мать в своей хтонической ипостаси, Великая Мать как Nihil именно креационизма.

В четвертой сцене без труда опознается отбрасывание Модерна и становление Постмодерна, отрицающего все вертикальные построения, большие нарративы и структуры. Обращение эдипова бастардного человечества к нигилизму есть погружение в несакральную материю, в ночь без звезд и Луны. Постмодерн отчасти походит на детей мифического Эдипа, которые также отвернулись от него. В этой сцене мы видим своеобразное диалектическое замыкание круга от Пролога-космогонической битвы, титаномахии, к финальной эсхатологической битве Endkampf, к которой человечество подходит в состоянии максимального забвения своей Божественной Природы и Богов Отца и Матери.

Для большего понимания четвертой сцены нам необходимо вновь кратко обратиться к Ф. Ницше, З. Фрейду и К. Марксу. Философия каждого из них с разных сторон подвела Модерн к его завершению,

обозначив новые поля для дальнейшей «модернизации», т.е. необходимость разыгрывания очередной сцены.

Фридрих Ницше указал, что в основе всего лежит воля к власти. Стремление к власти, к её обретению или захвату присуще титанам, йотунам или асурам, как мы видим это в мифологиях. *Боги же светлы и легки, им не нужна власть, так как они уже и всегда ей обладают. Стремление к власти возникает из-за недостаточности власти, из-за обделенности.* Узурпация Богом креационизма всей власти и замыкания религии на себе – это проявление титанической недостачи. Усыновленное таким Богом человечество подобно прометеевым детям, оно наследует образу Отца, и свергая его еще более полноценно воплощает собственный титанизм в третьей сцене. Воля к власти человека Модерна – это освобождение титана, о чем писали Ю. Эвола, Ф.Г. Юнгер и др.

Зигмунд Фрейд вскрыл в человеке два этажа – рациональный дневной разум и тёмное бессознательное, «работа сновидений» аффектирующая рациональные процедуры. Преимущественной тематикой Фрейда были сновидения и сексуальность, табу наложенные религией и вытесненные в область бессознательного. Он полагал необходимым провести свет в «подвал разума», т.е. искоренить остатки традиционных представлений, привести человека к норме. Он же сформулировал определение «эдипова комплекса» – бессознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и негативное отношение к родителю своего пола; сцена третья. Отрицание креационизмом роли Матери-Природы, материи и сексуальности послужило основанием для последующего фрейдизма.

На критике фрейдизма строили свою концепцию Постмодерна Ж. Делёз и Ф. Гваттари, критикуя семью как тоталитарный институт, в книге с говорящим названием «Анти-Эдип», что соответствует четвертой сцене.

Ученик З. Фрейда К.Г. Юнг выбрал сторону бессознательного, обратился к традиции, тем самым очертив в переходный между сценами момент, тонкий вектор, направленный на мягкую реставрацию Традиции.

Карл Маркс в своей строго материалистической философии заменил идеалистические представления предшествующих эпох материалистическим *базисом* – совокупностью производственных способов и средств, определяющих бытие человека и все последующие социальные институты (*надстройка*). Маркс сделал человека Модерна окончательно материальным, превратил его в homo economicus. Сочетание фрейдизма и марксизма после первой мировой породило фрейдомарксизм, который был питательной средой, из которой вышла попытка революции

1968 года во Франции; фактически он является одним из направлений оснований Постмодерна. Ж. Делёз и М. Фуко также считали Ф. Ницше предтечей Постмодернизма.

Вскрытие двухэтажных структур послужило для Постмодерна указанием на то, что следует упразднить, т.е. произошло смещение борьбы хтонического и солярного внутрь человека.

В период после войны окончательно оформляется и получает широкое распространение философия традиционализма, которую мы можем отнести к радикально иному способу решения проблемы третьей сцены. Выбор традиционализма – *это альтернативное решение четвертой сцены*, которое не состоялось, но которое настаивало на реставрации Традиции в её широком понимании (манифестационизм и креационизм), либо, мы можем сказать, в широком мистическом двоеверческом модусе.

В этом случае обнаруживается то общее между традиционалистами и постмодернистами – признание рацио *Модерна лишь одним из режимов мышления, лишь одним из типов рациональности*. Постмодерн желает бесконечного числа рациональностей, ризоматических структур без Отца, а традиционализм призывает к реставрации фигуры Отца в максимальном приближении к первой сцене.

Предложенная нами схема дает ключ к метафизической герменевтике исторических изменений в процессе инволюции от Золотого века к Железному, с огромным полем для нюансирования отдельных положений и выделенными пограничными фигурами, такими как Платон, Ницше, Юнг, мистики Ренессанса и Просвешения, традиционалисты [Пост]Модерна. Также четыре сцены можно соотнести с кельтским крестом и комплексом его семантики. Так, вторая сцена, которая знаменует окончательный разрыв между Небом (верхняя точка) и Землей (нижняя точка), отражает главенствующее положение Бога Отца и подчиненную ему тварную Землю, максимальную вертикальную дистанцию. В этой же сцене происходит поворот на левую сторону, сторону убыли, недостачи, ведущей к точке эсхатологического Конца, которая в язычестве является переходом между большими циклами Проявления и Разрушения. И в этой же сцене закладывается подмена истинной языческой идентичности разных народов с приходом на их землю христианства, и как следствие подмена в трактовании предвечного Хаоса на Nihil креационизма и Постмодерна, т.е. подмена Жены/Матери на Великую Мать, что в ускоренном темпе происходит после становления христианства в Европе.

Сцены относительно точек кельтского креста

Через разыгрывание всех сцен красной линией проходит завуалированная, тайная языческая цепь (tradere): она скрывается в момент расцвета креационизма, вплетаясь в него через двоеверие и философию, вспыхивает в Возрождение, проявляется на миг в Просвещение, и освобождается, как и всё остальное, при становлении Постмодерна в XX веке. Между каждой ключевой точкой, в которых поэтапно разыгрываются парадигмальные сцены, проходит связующая их инициатическая нить древних традиций.

Также в нашей схеме вновь подчеркивается промежуточное положение креационизма между наковальней Традиции и молотом Модерна и Постмодерна. В нем зарождается патология отношений Отца, Матери и Сыновства, которая стремительно разрушает семью, воплощая миф об Эдипе, преодолеваемый анти-Эдипом постмодернистов.

II
Пол и сексуальность

Вопросы, связанные с полом, сексуальностью и любовью, а также связанные с ними функции, обряды и ритуалы, были детально проработаны в древних традициях, но спустя тысячелетия христианской и модернистской доминации в современном язычестве многое из былого наследия до сих пор остается невостребованным, непонятым и нереализованным. Вследствие этого, как и в других областях, современные представления о поле и всем, что с ним связано, представляют для язычника клубок противоречий и проблем, наслоений христианских табу и современных профанных норм.

Далее мы предпримем краткий экскурс в эту проблематику, в ходе которого обозначим контуры языческого, креационистского, современного и постсоверменного понимания пола и сексуальности в их метафизической и исторической перспективах.

II.I Метафизика пола

Наиболее детальным образом метафизика пола и сексуальности выражена в Индуизме, а философское рассмотрение этих тем мы найдем в диалоге «Пир» Платона. Отголоски традиционных представлений о любви и роковой женственности мы найдем в средневековом цикле о рыцарях Грааля. В современную эпоху традиционалистский подход к метафизике пола в одноименной книге выразил Юлиус Эвола, и в мягкой версии её рассматривал Мирча Элиаде[68]. Отношение креационизма к сексуальности и женственности, а также отношение Модерна к этим темам воплощает ту же схему отношений между Традицией, креационизмом, Модерном и Постмодерном, которую мы описали в четырех сценах эдиповой парадигмы. И эти отношения будут прослеживаться и в ходе нашего повествования, тем более что модель Сакральной Семьи сама по себе уже помещает нас в контекст этой проблематики.

[68] См. Ю. Эвола «Метафизика пола» и М. Элиаде «Мефистофель и Андрогин или тайна целостности».

Андрогин и происхождение полов

Разделению на два пола предшествовала целостность, воплощенная в андрогине. Андрогин, ἀνδρόγυνος, от греческих слов ἀνήρ и γυνή – «мужчина» и «женщина» соответственно, выражает принцип изначальной целостности, предшествующей разделению. «Изначальность» здесь является указанием на «время» предшествующее или совпадающее с актом космогонии, сотворения мира и людей. То есть, половое деление древнее и фундаментальнее, чем человеческая природа, которая это деление только наследует.

Андрогинность мы встречаем в самых древних местах мифов, описывающих первых существ и могуществ Природы, близких к Хаосу, а нередко андрогинность приписывается и этой предвечной инстанции.

В Старшей Эдде, в Речах Вафтруднира, йотун повествует Одину:

Вафтруднир [сказал:]
«Брызги холодные
Эливагара
ётуном стали;
отсюда свой род
исполины ведут,
оттого мы жестоки».

Один сказал:
«Седьмой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
как же мог ётун,
не знавший жены,
отцом быть потомства?»

Вафтруднир сказал:
«У ётуна сильного
дочка и сын
возникли под мышкой,
нога же с ногой
шестиглавого сына
турсу родили».

Разорванный на части великан Имир также воплощал целостность до своего убиения и сотворения мира из его останков; одни из них, ставшие двумя деревьями, были найдены Одином-Хёниром-Лодуром, которые своей демиургией довершили сотворение человека – мужчины Аска и

женщины Эмблы. Сходный мотив андрогинной целостности и последующего расчленения мы видим в индийском мифе о Пуруше.

В греческой мифологии бесполый Хаос порождает Эреба (бесполый Мрак) и Нюкту (женщину Ночь), от брака которых пошло много могуществ и Богов: Танатос, Эфир, Гемера, Гипнос, Немезида, Харон и др.

Андрогинные черты присущи и Гее, порождающей Гефеста и хтонического змея Пифона. Андрогинность приписывается Дионису, а также Афине, как Богине-женщине всецело посвятившей себя мужскому (воинскому) делу. Андрогином также можно считать зороастрийского Зурвана, Бога времени, персонификацию Хаоса в китайской мифологии Хунь-Дуня. Адрогинность нередко приписывается Божественным близнецам, таким, как индийские Яма и Ями, но более всего это выражено в скандинавской паре Богов плодородия и жизненной силы, ванах Фрейе и Фрейре.

Миф об андрогине как первичном целостном существе, отражающий и изначальную духовную целостность согласно Ю. Эволе, изложен устами Аристофана в диалоге «Пир»:

«Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов - мужского и женского. Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевшие в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, - так же как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо, если торопился, шел колесом, занося ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед. А было этих полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский – от Земли, а совмещавший оба этих – от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала. Что же касается шаровидности этих существ и их кругового передвижения, то и тут сказывалось сходство с их прародителями. Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов, и то, что Гомер говорит об Эфиальте и Оте,

относится к ним: это они пытались совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов»[69].

Аристофан дает натуралистическое, анатомическое описание андрогина. Его шарообразность с одной стороны указывает на шар (сферу) как идеальную фигуру, с другой стороны в нем видны явные следы титанического, хтонического порождения, что отражается в их силе и стремлении взобраться на Олимп. Они способны противостоять Богам.

Дабы предотвратить очередную войну, махию, Зевс принимает решение:

«Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах».

И далее Аристофан повествует:

«И каждому, кого он разрезал, Аполлон, по приказу Зевса, должен был повернуть в сторону разреза лицо и половину шеи, чтобы, глядя на свое увечье, человек становился скромней, а все остальное велено было залечить. И Аполлон поворачивал лица и, стянув отовсюду кожу, как стягивают мешок, к одному месту, именуемому теперь животом, завязывал получавшееся посреди живота отверстие – оно и носит ныне название пупка. Разгладив складки и придав груди четкие очертания, – для этого ему служило орудие вроде того, каким сапожники сглаживают на колодке складки кожи, - возле пупка и на животе Аполлон оставлял немного морщин, на память о прежнем состоянии. И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь. И если одна половина умирала, то оставшаяся в живых выискивала себе любую другую половину и сплеталась с ней, независимо от того, попадалась ли ей половина прежней женщины, то есть то, что мы теперь называем женщиной, или прежнего мужчины. Так они и погибали. Тут Зевс, пожалев их, придумывает другое устройство: он переставляет вперед срамные их части, которые до того были у них обращены в ту же сторону, что прежде лицо, так что семя они изливали не друг в друга, а в землю, как цикады. Переместил же он их срамные части, установив тем самым оплодотворение женщин мужчинами, для того чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с мужчиной - достигалось все же удовлетворение от

[69] См. Платон «Диалоги» / диалог «Пир».

соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах. Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу».

Здесь мы встречаем иной миф о происхождении уже законченного человека в двух половых ипостасях, мужской и женской. Изначальная хтоническая природа освящается вмешательством солярных Богов – Зевса и Аполлона, а человек оформляется до его актуального состояния вплоть до анатомических деталей и, что главное, дается описание происхождения эротического вожделения. В этом мифе обнаруживается природа Эроса и основа сексуальности как стремления к целому. В этом аллегорическом ключе предлагает толковать этот миф и Ю. Эвола, воспринимая его не как натуралистическое описание первопредков, применительно к которым, по его выражению, «нам осталось только обнаружить их в виде останков», но как духовно-онтологическое. М. Элиаде в своей работе, посвященной андрогину, исследует его через принцип coincidentia oppositorum – совпадение противоположностей в их предельном выражении, т.е. в своих максимумах мужское и женское *снимаются в андрогинном единстве*, к чему ведут шаманские, ритуальные и/или тантрические техники.

Человек изначально – это целостность *за пределами* половых различий, т.е. в своем истоке, или инициатическом максимуме, он ускользает от выразимых определений, как само Сакральное в своей сути также не выразимо словом, но отражается в нем и вещах своей внешней стороной. В андрогине нет гермафродита, что подчеркивается уничтожением младенцев с двумя половыми признаками в Греции, и у других народов. Андрогин – это духовное измерение, которое не должно быть опошлено материальным двуполым воплощением. В этом угадывается платоническое напряжение между идеальным и материальным полюсами. В этом мире есть мужское и женское, а в андрогине половое деление *снято*. Снятию половой ограниченности также посвящено ритуальное опрокидывание пола: облачение шамана в женские одежды для экстатического путешествия, или обривание женщиной волос, одевание бороды при вступлении на брачное ложе, скоморошеские и колядные переодевания, и вакханалии[70]. Считается, что в таком состоянии человек ближе к своей целостности, к предвечному Хаосу, а значит, черпает из него могущество

[70] См. Элиаде Мирча «Мефистофель и андрогин, или тайна целостности», изд. сообщества «Svarte Aske», г. Новосибирск, 2013г.

жизненной силы, поэтому ритуальное переодевание, «смена» пола также связано с символикой и кругом плодородных и витальных обрядов.

В истории о происхождении полов из целого прослеживается общее с историей Богов, которые также берут свои корни в андрогинной Гее и, более того, в Хаосе. Их история – это также история отрыва от хтоничного, среди них также есть Боги и Богини, как среди людей есть мужчины и женщины. На разных сословных уровнях и разных кастах существуют свои половые различия в мифах, ритуалах и обрядах, женские Божества являются воплощениями специфических функций и ролей.

Парадигмальным образцом практически для всего общества обычно служит пара Бога и Богини, выступающие как муж и жена, отец и мать. Нередко Бог также является верховным Богом-царем, воином. Ранее мы уже называли несколько пар Бога и Богини, олицетворяющих Божественную семью: Зевс и Гера, Один и Фригг, Брахма и Сарасвати, Вишну и Лакшми, Шива и Парвати и т.д. Значение мужского и женского Божеств фундаментально, так как само половое деление проявляется на первых этапах разворачивания Космоса из Хаоса, то в своих Божественных аспектах Боги и Богини освящают и все половое деление на последующих этажах мира. В индиуизме, в частности в тантрических даршанах, мужской аспект творения Шива и женский аспект вторения Шакти носят онтологический характер. Шива выражает собой пассивно-активное, неподвижное, центричное начало. Он активен, так как он – мужское начало, исток, он – *Центр*, он – муж, но он также и пассивен как недвижимая центральная ось, фаллос-лингам, вокруг которого разворачивается динамическая игра феноменальных проявлений мира – Шакти (влагалище-йони), выступающая в активно-пассивной роли. Она актина потому, что она седлает лингам сверху, она располагается вокруг Центра, образуя *периферию* явленного мира, и пассивна потому, что жена, вместилище семени и мать (мира). Шакти – это проявление Шивы, она – его игра и в этой игре проявляется все мироздание и все живые существа. Он – её центр и ось, недвижимый источник мира, нередко апофатический и сокрытый движением Шакти. Эта постоянная динамика одновременно и скрывает исток-Шиву, как Майя (иллюзия), так и является прямым указанием на него же, ибо динамика Шакти возможна только в соитии с Шивой. Пару Шивы и Шакти очень часто изображают в сексуальном соитии, где Шакти седлает лежащего Шиву*, что означает эквиполентное равенство полов и их ролей в проявлении мира. Женщина – это не-*

мужчина, но не недо-мужчина/недо-человек, а именно насыщенная женщина.

Подобные отношения, как между Шивой и Шакти, мы можем встретить во многих сюжетах обретения верховным Богом знаний и посвящений с помощью Богинь или женских фигур и могуществ. Так, первый человек мужского пола в Одинизме – Askr, был сотворен из ясеня, мировое древо Иггдрасиль также является ясенем, а значит оно – мужского рода, *Иггдрасиль – это мужская ось мира*. Само название древа означает «скакун Игга» и прямо указывает на Одина, таким образом в центре скандинаво-германского мира находится верховный Бог-мужчина, вокруг которого расположен великий океан – *динамичная женственность*. Таково и стяжание мудрости Одином через диалог с вёльвой, его посвящение в тайну сейда от Фрейи, которую в особом приближении можно рассмотреть как аналог Шакти. Эти акты познания также являются актами интеллектуальной демиругии мироздания, узнавая о будущем мира (Рагнарёк) и тайнах магии, Один тем самым открывает их и миру, фактически формирует традицию. Учения тантры также опираются на священные диалоги, в которых Шива раскрывает тайны мироздания супруге, и наоборот Парвати наставляет Шиву. Сходные мотивы обретения знания и могущества мы встретим и в эпосе о Гильгамеше, и в современном русском Родноверии в фигурах Велеса и Морены/Мары, образно и функционально близким Шиве и Шакти.

Эквиполентность полов выражается в символизме и Сакральной семантике на всех уровнях мироздания. Во главе Божественной семьи стоит Бог-мужчина, во главе общества – царь и воин, во главе общины – старейший или их совет, во главе семьи и рода – старший мужчина в роду. Женщина представляет собой эквиполентное отражение всех мужских свойств, это приницпиальное положение. Если женщины занимаются воинским делом (Афина, Фрейя, валькирии), то они воплощают в себе маскулинные функции и архетипы, а их «биологический» пол номинален. Распространенной метафорой отношения мужского и женского является пара Солнце (маскулинное) и Луна (феминное), где Солнце светит само по себе *в силу своей природы светить*, а Луна светит *в силу своей природы отражать* свет Солнца. При этом отраженный свет – это свет Солнца, а само *отражение, свойство отражать и преломлять свет* – сугубо Лунная.

Общая таблица эквиполентных дуальностей мужского и женского выглядит следующим образом:

Мужское	Женское
Солнце	Луна
Небо	Земля
Огонь и Воздух	Земля и Вода
День	Ночь
Вертикаль	Горизонталь
Гора	Долина
Статичность	Динамичность
Твердость	Мягкость
Центр	Периферия
Жизнь (семя)	Смерть (Рок)
Смерть (убийство)	Жизнь (плод)
Удаление	Возвращение
Правое	Левое
Правая половина Колеса Года	Левая половина Колеса Года
Высокие звуки	Низкие звуки
Ум	Материя

Продолжать перечисление дуальностей можно и дальше, но уже в этом мы видим, что они отражают начала, которые определяются друг через друга, и между которыми разворачивается диалектика и герменевтика жизни. Стихийное деление отражает свойства полов. Первый человек в Одинизме – Аск, был сотворен из крепкого ясеня, который в жизни использовался при создании оружия и в кораблестроении, а Эмбла была ивой, которая обладает мягкой, гибкой древесиной и часто встречается на берегах рек и водоемов, т.е. близка к водной стихии.

Для третьего сословия земля воспринимается как Мать (Матерь-Земля, Природа-Мать), так как она непосредственно кормит общину, *она вынашивает в себе плоды семян тружеников*, засеивающих и обрабатывающих поля.

Показательна амбивалентность мужского и женского касательно жизни и смерти. Мужчина зачинает жизнь своим семенем, а женщина вынашивает плод, и в то же время мужской воинский, агрессивно-огненный аспект отвечает за смерть и гибель в бою, которую дополняют Богини Смерти и Судьбы, норны и мойры, валькирии, воплощающие Рок. Со смертью связана характеристика «возвращения», применяемая к женскому, т.к. здесь возвращение понимается как возрастное (левая

половина Колеса Года) приближение к смерти, и буквально – придание мертвого земле. Правая половина Колеса Года связана с мужской характеристикой «удаления», в частности установления своего порядка и своего рода, отрыв от матери; в воинском и царском сословии также более распространенно огненное погребение знатных и прославленных царей и воинов, т.е. их «удаление» от Земли-Матери, вертикальное вознесение к Отцам, например, в Вальхаллу.

Последняя пара Ум/Материя выражает уже платоническое отношение мужского (Ум) эйдейтического и женского (материя, хора), которое тяготеет к привативной оппозиции, полностью реализующейся в радикальном креационизме. Но в своем большинстве креационизм выражает градуальную организацию межполовых отношений.

Верхний этаж (Мужское)	Единственный Бог (Яхве/Отец-Сын-Дух/Аллах)
Промежуточный этаж (*Освященное женское*)	Святые и почитаемые женские фигуры: Богородица Дева Мария, особенно в фольклоре, Мария Магдалина; жены Моххамеда и его мать (для шиитов)
Нижний этаж (Стерильное женское)	Тварный мир, природа, телесное

Библейская история описывает сотворение первой жены Евы от ребра Адама, что также укладывается в мотив о первичной целостности и последующем разделении одного идеального человека (в креационизме) на два разнополых существа. При этом Ева, как олицетворение женского, в логике креационизма становится причиной фундаментального отпадения человечества от Бога, что описано в известной истории об искушении Дьяволом в образе змея Евы. Употребление запретного плода Адамом из рук Евы – это типичный мотив искушения материальным духовного, с последущим пленением духа. Примечательно, что к женщине Еве Дьявол явился в образе змея, типичного водно-земельного хладнокровного животного, нередко в языческих мифах являющегося спутником Богинь Смерти и обитателем нижних миров. То есть, Дьявол обращается к женщине через *женское*, тем самым отражая присущую креационизму

проблемность женского, материального начала и стремление его демонизировать, подчинить и вытеснить.

В платонической философии материя – это граница эманаций Ума, отталкиваясь от которой начинается возврат, эпистрофе. Материя как граница существует в Уме, но сам ум – это та сторона апофатического Единого, которая повернута к миру и конституирует его. То есть, в Едином дуализм Ум/материя отсутствует, он снят сверху и разрешен в Единстве. Также и Андрогин является тем Единым, в котором дуализм полов решается, снимается сверху. В Традиции вертикальная недвижимая ось мира, она же Бог, пребывающий в себе для самого себя (созерцающий сам себя в спокойствии) представляет фаллический мужской аспект, а его проявление из себя в не-себя, т.е. его разворачивание, манифестация в мире, является его активным динамическим женским аспектом. Всеединство Божества позволяет ему одновременно быть собой как самодостаточным Божественным, так и не-собой в виде мира и всех фигур и вещей в нем, которые своим отличием (и сходством) указывают на него. Ярче Всего это описано в Тантре в паре Шивы и Шакти, либо в ведическом Пуруше и Пракрити (Природе).

Также и для Евгения Головина в язычестве не существовало никаких дуальностей, проблема духа и материи не существовала, только игривое эротическое разделение на мужское и женское.

Но главным движителем жизни, напряжением между полами, приводящим в движение Шакти на лингаме Шивы, а значит и приводящим в движение весь мир, является Эрос.

Эрос

Основной темой диалога «Пир» является исследование и восхваление Эроса/Эрота. Предложение восславить Эрота в философской беседе исходит от Эриксимаха, который ссылается на предшествующее сетование Федра, что «некоторым другим Богам поэты сочинили гимны и пэаны, а Эроту, такому и столь великому Богу, из числа столь многих поэтов ни один никогда не сочинял даже похвальной песни?». И далее Федр так начинает свою речь об Эроте:

«Важно то, – сказал он, – что Эрот из Богов особо древен, а доказывается это тем, что нет ни одного – ни прозаика, ни поэта, – который говорил бы о его рождении. Гесиод сказал, что прежде был Хаос, а потом

Широкогрудая Гея, всех безопасное лоно,

И Эрот…»

То есть, Федр повествует о фундаментальной изначальности Эрота, вся его речь строится на восхвалении древности и могущества Эроса, который дарует храбрость и мужество, а также счастье возлюбленным, которые у него образуют идеальный союзи\ и наделяются способностью совершать великие благородные поступки и жертвы во имя любви.

Далее диалог повествует о речи Павсания, который углубляет тематику Эроса, проводя в нем важное двухуровневое разделение. Павсаний указывает на связь Афродиты и Эроса, что одной нет без другого, и наоборот. Но тут же уточняет, что есть *две Афродиты*: Афродита дочь Урана, Афродита Урания, Небесная Богиня, воплощение высшей инициатической любви, и Афродита всенародная, дочь Зевса и Дионы. Так как Эрос – спутник Афродиты, то и его тоже должно быть два – Эрос Небесный и Эрос всенародный.

«Итак, спутник всенародной Афродиты поистине есть всенародный Эрос, и способен он на все, что угодно; вот его-то любят люди дурные. Такие люди любят не менее женщин, как и мальчиков; потом, в тех, кого любят, смотрят больше на тела, чем на души; и, наконец, любят, насколько это возможно, тех, кто поглупее, имеют ввиду лишь совершить дело, не заботясь о том, хорошо ли это будет или нет».

Павсаний вводит разделение, через которое обосновывает, что не всякий Эрот достоин почитания, а только тот «который внушает любить хорошо». Всенародный Эрос – это пошлый Эрос, он грубый и вульгарный, от латинского vulgaris – народный. Пошлый Эрос – это плотский Эрос, который управляет нижней антропологической точкой, животным началом, тяготеющим к разнузданности, гедонизму, плотскому удовлетворению без интеллектуального содержания и, наконец, к гомосексуализму, в частности к «любви к мальчикам»[71].

Принципиальную оппозицию этому Эросу составляет Уранический, Небесный Эрос, который воплощается только в мужчинах, и обращает их к мужскому полу как к носителю Ума.

«Поэтому-то воодушевленные этим Эротом обращаются к полу мужскому, по природе сильнейшему, и любят то, в чем больше ума».

То есть, речь идет о принципиально другой любви, лишенной намека на телесный гомосексуальный подтекст; речь идет строго об интеллектуальном признании и мужском, патриархальном, содружестве достойных мужей, правителей и, что самое наивысшее, – философов. В

[71] Подробнее эту тему мы рассмотрим ниже в главе о постсексуальности.

уста Павсания Платон вкладывает концепцию, известную под названием «платонической любви», лишенной физического, телесного измерения. Этим принципом Павсаний обосновывает *патронаж* взрослого мужчины над юношей, и осуждает любовь к совсем малым мальчикам, и недостойное поведение «патрона», который по своему неблагородству (вульгарности) может посмеяться и бросить «мальчика», перебежав к другому. Речь Павсания методично разделяет любовь плотскую и любовь интеллектуальную, уподобляя первую любовью к «цветку, плоть которого увянет» и любящий от него сбежит, а вторая любовь ориентирована на «добрый нрав», то есть на постоянное, *умное*, в человеке.

Это соответствует вертикальной платонической топике и пренебрежению материальным, а значит – сексуальным, пошлым (vulgaris) Эротом в том числе. Здесь можно разглядет зарождение привативности между душой и телом, интеллектуальным и телесным, при доминировании ума и души над телесными, физическими проявлениями. В данном контексте мужских отношений это разделение оправдано, но в отношениях между мужчиной и женщиной такая привативность чревата патологиями, которые найдут свое воплощение в дальнейшем нисхождении истории в нижние века.

Важную идею выражает Эриксимах после Павсания, согласно его речи, Эрос разлит повсюду в мире. Эриксимах, будучи врачевателем, рассуждает о присутствии в теле человека больного и здорового начал, и привести их к гармонии – такова роль врача и Эроса, присутствующего в теле – побуждать и устанавливать любовь и гармонию между двумя началами. То же самое он говорит и про музыку, что она есть любовное сочетание ритма и строя, и продолжает о гадании, сезонах года и т.д. Эриксимах высказывает то, что мир *панэротичен*. Эрос присутствует во *всём* – греческое слово *παν*, и везде где он успешно побуждает два начала к любовному союзу, воцаряется должная гармония.

После речи Аристофана, излагающего миф об андрогине, слово берет Агафон, который славит Эрота как вечно красивого, утонченного, совершенного и прекрасного Бога. Эрос живет в душах добрых и благих людей, и избегает – сбегает из – душ людей, ведуших нечестивый и неправедный образ жизни. В конце Агафон берет «высшую ноту» похвалы, заставляя даже Сократа немного растеряться от красоты его слов:

«Кротости любитель, грубости гонитель, он приязнью богат, неприязнью небогат. К добрым терпимый, мудрецами чтимый, богами любимый; воздыханье незадачливых, достоянье удачливых; отец роскоши,

изящества и неги, радостей, страстей и желаний; благородных опекающий, а негодных презирающий, он и в страхах и в мученьях, и в помыслах и в томленьях лучший наставник, помощник, спаситель и спутник, украшение богов и людей, самый прекрасный и самый достойный вождь, за которым должен следовать каждый, прекрасно воспевая его и вторя его прекрасной песне, завораживающей помыслы всех богов и людей».

Ответную речь Сократ оборачивает в свою известную форму вопрошания, и опровергает Агафона, указывая, что Эрот всегда обращен на кого-то или на что-то, т.е. любовь всегда направлена на что-то, в чем любящий испытывает необходимость, нужду. А значит, если Эрот – это любовь к красоте, то сам он её лишен, так как любит то, чего ему не хватает, а значит сам он беспрекрасен. Опровергнув, таким образом, Агафона, Сократ продолжает и пересказывает речи некой Диотимы, в которой дает принципиально иное, градуальное определение Эроса.

Диотима повествует о происхождении Эроса следующее: по случаю рождения Афродиты Боги устроили пир, на котором присутствовал и Порос (Богатство); привлеченная празднеством к воротам пришла Пения (Бедность) и стала просить милостыню. Напившись нектаром, Порос вышел в сад Зевса, где и уснул, а Пения задумала коварством помочь своей бедности и легла с ним на ложе, от этого союза родился Эрот, который стал спутником Афродиты, так как появился в день её рождения. Эрос также наследует две природы своих родителей:

«…прежде всего он всегда беден и, вопреки распространенному мнению, совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен; он валяется на голой земле, под открытым небом, у дверей, на улицах и, как истинный сын своей матери, из нужды не выходит. Но с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному и совершенному, он храбр, смел и силен, он искусный ловец, непрестанно строящий козни, он жаждет разумности и достигает ее, он всю жизнь занят философией, он искусный чародей, колдун и софист. По природе своей он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять. Все, что он ни приобретает, идет прахом, отчего Эрот никогда не бывает ни богат, ни беден».

Эрос, согласно речам Диотимы, находится в положении «между». В беседе с Сократом она доказывает, что он не Бог, но и не человек. Эрот – это *демон (даймон)*, от греческого δαίμων – «божество», чему на латыни соответствует *гений*, genius – «дух». «Это – великий демон, Сократ, потому что все демоническое находится между богом и человеком» – Говорит

Диотима. Функции даймона – это сообщение между Богами и людьми, от последних он возносит Богам жертвы и просьбы, а от Богов людям – повеления и воздаяния. Даймон Эрот как Божественный и одновременно внутренний голос сообщает предсказания, жреческие и магические знания людям. Демонов великое множество и они населяют мир, заполняя этажи между Богами и людьми. Они предстают в народной традиции как повелители ремесел, духи мест и т.д. В авраамических традициях демоны/гении были осмыслены как ангелы-хранители в христианстве, и как джинны в исламе.

Принципиально важно покровительство Эрота философии, он сам – главный философ. Философия, φιλοσοφία, означает любовь к мудрости, «к чему-то», согласно Сократу. Философ также занимает промежуточное положение между *мудрым* и *невеждой*, ибо он любит, стремится к мудрости, то есть пребывает в процессе становления, как и Эрот. Стремление Эрота к прекрасному означает его стремление к Благу, центральной идее Сократа. Любовь – это стремление к обладанию Благом, и бессмертию. Диотима повествует, что бессмертие можно достичь в продолжении рода и в увековечивании своего имени в истории, т.е. в славе. Достижение бессмертия в детях, роду – это представление о бессмертии рода третьего сословия, а увековечивание себя в славе отражает стремления второго воинского сословия, и первого жреческого, философского в иерархии Платона, заключающегося в увековечивании имени.

Диалог «Пир» охватывает широчайший спектр толкований Эрота и эротического, любовного, актуального на разных сословных, кастовых и инициатических уровнях. Многообразие мифов об Эросе и вариативность его фигуры от демона до старейшего из Богов отражает традиционный принцип несведения темы/вещи к её единому толкованию. Эрот – это и Бог и демон, гений, он и над всем и во всем присутствует. И холистски включает в себя все толкования как свои разные грани. Языческий мир панэротичен постольку, поскольку сам Эрос поливариативен.

Разнообразие толкования Эрота/Эроса отражается и в разнообразии терминов, имеющих общим значением «любовь», но раскрывающие её с разных сторон, уточняя нюансы оттенков этого явления. Помимо Эроса, ἔρως, подробно рассмотренного на примере «Пира», есть сложнопереводимый термин «филия», φιλία, означающий как «любовь», так и «дружбу», «отношения притяжения» и «расположенность», глаголы «люблю» и «дружу». В этом значении он используется как часть термина

«фило-софия», и как следствие употребляется в платонической любви как «дружбе», «союзе». Сторге, στοργή, означает семейную, родительскую любовь, и агапе, ἀγάπη, означает сострадательную любовь к ближнему, близкую к русскому «призрению» в значениии «опеки над ближним». Мягкая и сострадательная, опосредовательная любовь к ближнему и Богу – агапе, лат. caritas, – была принята как норматив в христианстве. Также близко к ней находится сторге, как семейная любовь, но страстная эротическая любовь и фило-софия в креационизме становятся проблемой. В отношении философии, «эллинской мудрости», на протяжении всего Средневековья ведутся ожесточенные споры, а тема платонической любви гротескно проблематизируется через сюжет о разрушении града Содома.

Эротическое, страстное стремление к женщине осуждается в седьмой и десятой (косвенно) заповедях Библии. Как мы видели ранее, тематика женского как таковая очень проблематична в креационизме, и вместе с этим проблематичен и Эрос, который преимущественно подавляется, а в случае ересей и радикальных сект наоборот находит свое экстатическое воплощение; например, русские хлысты, и обратный пример радикального подавления Эроса в сектах – скопцы. Линия подавления страсти, Эроса, напрямую подводит нас к последующей проблематизации сексуальности и табу З. Фрейдом в контексте европейской пост-*христианской* культуры.

Для креационизма, особенно в христианской версии, характерна метафизика двух женских фигур, матери и девственницы, которые сливаются в Деве Марии Богородице, образ которой мы разбирали ранее. Фигура матери характерна для третьего сословия, воспринимающего землю как Землю-Мать (Мать Сыра Земля) или Природу Матерь. С этим связан славянский культ рожаниц, который нашел свое преломление в православии, частично отразившись в почитании Богородицы, матери Иисуса Христа. Здесь мы снова встречаем перетолковывание христианства сельскими низами в языческом русле. Материнство, продолжение рода – бессмертие в роде – типичные мотивы этого сословия. Юлиус Эвола называл этот тип женского начала *деметрическим*, т.е. материнским[72].

Эвола указывает, что деметрический тип был известен западному миру со времен палеолита и был отмечен темами плодородия, буйства жизни. В доказательство этого он отмечает мотив широкозадых образов женских фигур времен палеолита, а также образы обнаженных женских Богинь, выставляющих половые органы напоказ, что тоже указывает на плодородие. Графическим изображением «женского» издревне становится

[72] Эвола Юлиус «Метафизика пола», Беловодье, 2012.

перевернутый вершиной вниз треугольник, образ вульвы, лона (лунки под семя, долины/глубины).

Другой тип, который выделял барон Ю. Эвола – это *афродический* тип, или тип любовницы. К афродическому типу относятся Богини, не воплощающие в себе бережного, семейно-материнского начала и функций. Это – эротические фигуры страстного эроса, таковы Фрейя, Афродита и Деметра, Кали, Бхайрави, валькирии и амазонки. Все они воплощают не только не-материнское, но и анти-материнское начало, то есть являются Богинями Смерти и Разрушения, каковы Кали, Бхайрави и Дурга, или воительница Афродита, охотница Деметра, предводительница валькирий Фрейя. В афродических фигурах Богинь воплощается инициатическое начало второго и первого сословий, которые сосредоточены на войне, смерти, преодолении и посвящении. Так как инициация всегда сопряжена со смертью и рождением, афродические фигуры обретают повышенную ценность на инициатическом пути. При этом их противоречивость «женское начало/смерть и война» порой доходили до амбивалентности «девственница/блудница» в одном лице. Такую амбивалентность мы наглядно увидим в исландском эпосе, в частности в Lokasenna, «Перебранке Локи», в ходе которой Бог-трикстер Локи на пиру у Эгира упрекает всех присутствующих женщин-Богинь, как деметрических, так и афродических, в изменах своим мужьям. Это отражает буйство жизни и эроса, преодолевающего свои границы (в том числе и табу), а также может быть прочитано в титаническом регистре, как непокорность материи установленному патриархально-сакральному порядку.

В креационизме афродический тип встречается в фигуре блудницы Марии Магдалины, но рассказ о ней носит подчеркнутый назидательный характер отрицания такого типа женского начала. Мария Магдалина – блудница *раскаявшаяся*, признавшая свой грех и вставшая на праведный путь вплоть, согласно некоторым версиям, до восстановления статуса девственницы. Дева является вторым, противоположным афродическому и близким к деметрическому, типом женского начала в креационизме, особенно в христианстве. Дева олицетворяет собой чистоту, непорочность, незатронутость грязью блуда, похоти и телесности, а также чистоту стремлений к высшему, благочестивой жизни и т.д. Дева – это образ чистой, нетронутой женственности, посвященной Богу в виде женского монашества или обета безбрачия – хранения девства. Нарушение этого обета, или иначе – утрата чистоты, допустима только во вступлении в брак, в реализации деметрической плодородной функции (третье сословие). С

этим связаны широкораспространенные обряды свадьбы как похорон невесты, девы, и её отдача в род мужа, *подразумевающая сексуальную связь для зачатия и продолжения рода*; девственница – это будущая мать, не любовница. Такая сексуальность, для деторождения, легитимна в креационизме, и максимально воплощена в образе Девы Марии, которая осталась девой даже после рождения Христа. Но фольклорные мотивы хранят и передают множество историй, басен и сказок о блудливом и трикстерском народном эросе, которому посвящен сборник А.Н. Афанасьева (1826-1871гг.) «Русские заветные сказки», который в ранней редакции вызвал негативную реакцию Святейшего Синода Русской Православной Церкви.

Отголосок христианской метафизики матери, с вплетенным в нее культом рода третьего сословия, позднее мы обнаружим в творчестве немецкого философа пессимизма Артура Шопенгауэра (1788-1860гг.), который трактовал эрос через собственный миф о «гении рода». Шопенгауэр разделяет и защищает идею о том, что деторождение является первичной целью любви. Удовольствие, красота, романтизм отношений – суть механизмы овладевания «гением рода» людьми, сподвигающие их к продолжению рода. Но у Шопенгауэра также отчетливо присутствует линия Модерна в виде дарвинистских идей, согласно которым «гений рода» стремится свести лучших мужчин с достойными женщинами, ради сильного и прекрасного потомства. Ю. Эвола обрушивает аргументированную критику на «побочную ветвь дарвинизма» А. Шопенгауэра, опровергая «гениальность» «гения рода», указывая, что мир заселен человеческим «субпродуктом», а не достойными людьми. Критика Эволы, несомненно, исходит из традиционалистского основания в его афродическом аспекте, апологию которого он проводит нитью через весь свой труд о метафизике пола, таким образом, ограничивая и своевременно оставляя третьесословную метафизику и стремление к обретению бессмертия в роду, сосредотачиваясь на инициатическом преодолении самой смерти и обывательского, профанического состояния бытия.

Проявления Эроса разнообразны как в рамках одной традиции, что мы видим в разнообразии трактования Эроса у героев «Пира», от древнейшего Бога до демона, находящегося между Богами и людьми, так и между различными народами. Философское осмысление мифов об Эросе и возведение его в гений философов в Греции контрастирует с нюансированной метафизикой индийских Камашастры и Камасутры Ватьсьянны, посвященных *каме*, «удовольствию» и правильному

сексуальному поведению и контакту, дабы не предаваться ему «вульгарно». Кама как «удовольствие» и одна из добродетелей, наряду с Дхармой и артхой (пользой), а также Кама как индийский Бог Любви, связанный с вайшнавским культовым кругом, могут также рассматриваться как вариации толкования эротического греками.

В Одинизме фигуре Эроса соответствует Бог Фрейр из рода ванов, а также, согласно амбивалентной трактовке, его женская манифестация в виде Богини Фрейи. Фрейр как Бог Плодородия изображается с ярковыраженным эрегированным фаллосом, что является древнейшим реликтом германо-скандинавской графической культуры. Так как германская традиция носит подчеркнутый воинственный и фаталистский характер, то Боги Любви в ней тоже воинственны и отчасти грубы в своих чертах: Фрейр, так же известный как мифический прародитель континентальных германцев под именем Инг, отличается воинственностью также как и его сестра/манифестация Фрейя, являющаяся одновременно предводительницей валькирий и Богиней Смерти. При этом Фрейя воплощает подчеркнуто афродический тип женского начала, она – инициатическая любовница и чаровница, её брак с человеком Одом (одно из воплощений Одина) закончился его исчезновением, впоследствие чего она считается вдовой. То есть эротизм Фрейи не подразумевает семейности, а значит, соотносится со вторым (валькирии) и первым (мастерица сейда) сословиями.

В русском Родноверии близкими к Эросу фигурами являются молодой весенний Бог Ярило[73], также изображаемый с ярковыраженным фаллосом, и частично Даждьбог, что означает «Бог, подающий блага», «щедрый Бог», которого можно сравнить с Фрейром Плодородным.

Эрос также, и особенно в инициатическом аспекте, сопряжен с экстатической практикой и состояниями, которые обобщенно именуются «измененными состояниями сознания». Показательно, что в начале диалога «Пир» собравшиеся решают вопрос о питии во время беседы, а по версии Диотимы опьянение нектаром Пороса послужило делу зачатия Эроса Пенией. Состояние опьянения любовью, равно как эротическое влечение и страсть относятся к специфическим измененным состояниям сознания, как и опьянение вином или воинский раж на поле боя. Эрото-экстатическая практика также есть в Тантре – майтхуна (ритуальный секс) Шивы и Шакти, вакханалиях Диониса, шаманской практике сейда Фрейи.

[73] Существование этого Бога у славян вызывает сомнение у академической науки, но косвенно подтверждается через балтийских славян и их Бога Яровита.

К этому кругу относятся оргиастические практики, в своем нижнем пределе смыкающиеся с аграрными сексуальными практиками, также включающими и оргиастические, суть которых сводится к воплощению плодородия, его буйства, и нередко совершаются на полях и пастбищах, а в верхнем призваны преодолеть телесную ограниченность и ритуально реставрировать примордиальный андрогинат, Сакральное Единство.

Обратной стороной эротического опьянения и экстаза является одержимость. Яркие образы эротической одержимости мы встречаем в Средневековье в образах сукуубов и инкубов. Succubus, во множественном числе мужского рода, – общее название демонов, в негативном христианском значении, являющихся к мужчинам и женщинам по ночам и внушающим им эротические сновидения и стремящиеся к соитию. В суккубах тесно сплелись линия языческих духов природы и фигур подобных валькириям или славянским берегиням, женским духам, приходящим к мужчинам зачастую предвещая смерть, и фигура Дьявола, поэтому термин мужского рода «суккуб» применяется к демоницам, навещающим мужчин, а инкуб – к демонам, навещающим женщин; под разными масками понимается одна фигура Дьявола. Языческое влияние на образ прослеживается во внешнем облике суккубов – это чернокрылые женщины с когтистыми лапами, то есть отражают ночную и хтоническую символику. К своим жертвам они являлись в образах прекрасных дев или юношей, стремясь к соитию и зачатию ребенка. Это объяснялось либо их чрезмерной сексуальностью, афродизмом, либо стремлением навредить человеку.

Мрачную свиту Богини Кали составляли демонические женщины – дакини. Дакини изображались прекрасными и также изуродованными и подчеркнуто ужасными, и особо почитались шиваитами как хранительницы учения Дхармы. Дакини также перешли в буддизм, сохранив схожие функции. К кругу Сакральных демонических женщин относятся и русские русалки, греческие вакханки (менады, спутницы Вакха-Диониса) и гетеры, с оговорками – германские валькирии и кельтская фея Мелюзина. Мелюзина, дочь короля Альбы Элиноса и феи Прессины. Драматический брак распался, когда Элинос нарушил запрет жены смотреть на неё во времчя родов и купания детей. Прессина забирает с собой трех дочерей, Мелюзину, Мелиор и Палатину, и удаляется на остров Авалон. Повзрослевшая Мелюзина узнает у матери причину их заточения на острове и, в ярости, мстит отцу, заточая его в горе. В этом сюжете проявляется миф об Электре, который является женским

эквивалентом парадигмального мифа об Эдипе. При этом Прессина встает на сторону бывшего мужа и проклинает Мелюзину обращаться нижней частью туловища в змею[74].

Фигура демонической женщины носительницы учения и посвящения является femme fatale – роковой женщиной, которая способна как привести к инициации через смерть, так и к контриниациатическому провалу, одержимости самой фигурой, т.е. внешним проявлением женской посвящающей силы, телесной красотой образа. Нередко символом такой женственности является змея. В таком свете показательным видится библейский сюжет о первородном грехе Адама и Евы, *когда змей соблазняет Еву, которая в свою очередь совращает Адама*. Здесь мы можем увидеть провал инициатического акта, исходящего из женского амбивалентно-демонического начала, так как в метафизике креационизма такое поведение и статус женского (материального) недопустимы и строго исключены, репрессированы и табуированы. В таком неканоническом прочтении Ева выступает как губящая femme fatale, а не несущая пресуществление и инициацию афродическая женщина.

Немаловажной и глубоко ритуализированной является тема *семейной любви, деметрической женственности и проявления Эроса.*

Традиционный брак – это мистерия, к которой супруги подходили с полной серьезностью и соотвествующими ритуалами очищения, славления и подношения Богам и прошением о поле будущего ребенка, о его героическом будущем и т.д. В частности, об этом повествуется в Брихадараньяка-упанишаде:

«1. Поистине, сущность этих существ – земля, [сущность] земли – вода, воды – растения, растений – цветы, цветов – плоды, плодов – человек, человека – семя.

2. И Праджапати подумал: "Что же, я создам для него основание" – и сотворил женщину. Сотворив ее, он соединился с ней. Поэтому следует соединяться с женщиной. Он протянул от себя этот выступающий вперед давильный камень. Им он оплодотворил ее.

3. Ее лоно – жертвенный алтарь. Волоски – трава для жертвоприношения. Кожа – давила [сомы]. Labia pudenda – огонь в середине. Поистине, сколь велик мир того, кто совершает жертвоприношение ваджапея, столь велик мир того, кто производит совокупление, зная это. Он приобретает добрые дела женщин. Но у того,

[74] Подробнее о гештальте Мелюзины см. Дугин Александр Гельевич «Ноомахия: Войны ума.Французский Логос. Орфей и Мелюзина», 2015г..

кто производит совокупление, не зная этого, женщины приобретают его добрые дела»[75].

Упанишада начинается с того, что женщина предстает в ней как алтарь, на котором совершаются подношения в виде сексуального акта, и вся сексуальная жизнь, связанная с деторождением обрамляется соотвествующим образом:

«14. Если кто-либо желает: "Да родится у меня безупречный сын, да будет он изучать веду и достигнет полного срока жизни", – то, сварив рис в молоке, пусть они [с женой] едят его вместе с очищенным маслом. Поистине, тогда они смогут родить [такого сына].

15. И если он желает: "Да родится у меня рыжеватый, кареглазый сын, да будет он изучать две веды и достигнет полного срока жизни", – то, сварив рис в кислом молоке, пусть они [с женой] едят его вместе с очищенным маслом. Поистине, тогда они смогут родить [такого сына].

16. И если он желает: "Да родится у меня темный, красноглазый сын, да будет он изучать три веды и достигнет полного срока жизни", – то, сварив рис в воде, пусть они [с женой] едят его вместе с очищенным маслом. Поистине, тогда они смогут родить [такого сына]».

После подготовительных действий и ритуальной трапезы соединение супругов и зачатие – осевой момент мистерии деторождения и подношения женщине-алтарю – описывается следующим образом:

«20. Затем он приближается к ней [произнося]:

"Я – жизненное дыхание, ты – речь.
Ты – речь, я – жизненное дыхание.
Я – саман, ты – рич.
Я – небо, ты – земля.
Давай же приложим усилия,
Сольем воедино семя,
Чтобы приобрести дитя – мальчика".

21. Затем он раздвигает ее бедра [говоря]: "Раздвиньтесь, небо и земля!" Введя в нее член, прижавшись устами к устам и трижды проведя [рукой] по ее телу сверху вниз, он [произносит]:

"Пусть Вишну приготовит лоно, пусть Тваштар сотворит образы.
Пусть Праджапати вольется, пусть Дхатар даст тебе плод.
Дай плод, Синивали, дай плод, пышноволосая!
Пусть боги ашвины, увенчанные лотосами, вложат в тебя плод.

22. Два золотых арани, трением которых ашвины добывают огонь, –

[75] См. Брихадараньяка-упанишада, VI,IV.

Об этом зародыше мы взываем, чтобы он был рожден на десятом месяце.
Как зародыш огня – земля, как небо содержит зародыш грозы,
Как зародыш ветра – в странах света, так я даю тебе зародыш, такая-то"».

Парадигмальными словами здесь являются строки заклинания «Я – небо, ты – земля», которые воплощают в супружеском союзе, мужчине и женщине, фундаментальную метафизику пола и связанных с полами комплексов смыслов и символической семантики. Брак мужчины-неба-Ума-Бога-Духа с женщиной-землей-материей-Богиней-Природой порождает в своем союзе дитя, сына или дочь. Здесь мы можем вновь обратиться к первой парадигмальной «эдиповой» сцене, когда Божественная семья гармонична и воплощает цепь преемственности (tradere).

Мужчина как носитель небесного также отождествляется с Солнцем-Гелиосом, а женщина с Луной-Селеной, то есть она – отражение его света, лоно для семени, мать для детей, хранительница очага. Примечательной особенностью, имевшей место не только в романской кульутре, является римский обычай конкубината, concubinatus, от латинских слов con – «совмесно» и cubare – «возлежать». Конкубинат – это не брак, но сожительство, включающее сексуальную связь, свободного мужчины и женщины, нередко низшего сословия. Конкубина была свободна покинуть мужчину, рожденные ею дети считались бастардами (нем. bastard, «незаконнорожденными»). При этом конкубинат был обыденной и не порицаемой практикой, порою дополняющей наличествующий официальный брак. Т.е. муж имел полное право содержать наложниц (аналог concubina в русском языке). Юлиус Эвола на этот счет замечал, что в Традиции это было проявлением деления женщин на способных и предпочительных к деторождению и тех, кто выполнял роль «любовниц». Это позволяло мужчине легально и нетабуированно выплескивать избытки внутреннего жара Эроса, особенно если это воины и властители высших сословий. В фигуре и функциях конкубины мы можем обнаружить след афродического начала, соседствующего с деметрическим.

Заключение брака – свадебный обряд – связан со смертной тематикой, особенно ярко со стороны невесты, что укладывается в семантическое поле Женского, а также отсылает и к особого рода инициации. Свадебный обряд обладает многими чертами схожими с погребальными и поминальными действиями, что особенно ярко отразилось в русской культуре и фольклоре. Выдача дочери замуж сопровождалась её символическим

отпеванием как усопшей; *она умирала как дева и дочерь в одном роду, дабы переродиться в роду мужа уже женой и будущей матерью.* С этим связаны песни, обережные действия и поверия, белый цвет одежд невесты (саван). Нередко свадебное шествие заканчивалось на кладбище у могил предков, там же справлялась тризна и, по некоторым данным, даже соития молодоженов. Праздничное гуляние и соитие на кладбище было призвано подчеркнуть единство жизни и смерти, их неразрывную эквиполентную связь, а также уберечь молодых от нечистой силы как «уже усопших» (в первый день гуляний).

Профанация

О сексуальной одержимости совсем другого порядка в современную эпоху Кали-Юги, говорит традиционалист Юлиус Эвола в своей работе, посвященной этому вопросу, ставя диагноз современной «эротике» уже на первых страницах.

«Важно понять характер этой секс-пандемии. Речь вовсе не идет о буйной сексуальной жизни, невоздержанности и даже распутстве на физическом уровне. Нет, это психическая агрессия, порождающая постоянное и настойчивое тяготаение к женщине и любви. Есть ментальный эротизм, имеющий характер постоянного хронического возбуждения, почти не зависящего от конкретного физического удовлетворения, ибо существует только как возбуждение психическое. Иногда такая разновидность эротизма может сосуществовать с внешним целомудрием. Характерная деталь – сегодня о сексе размышляют больше, чем ранее, когда половая жизнь была менее свободной, когда обычай не допускал излишеств в свободном проявлении физической любви, и справедливо ожидалась бы та ментальная интоксикация, которая, напротив, типична и актуальна сегодня».

Труд барона выходит при его жизни в 1958 году, когда подрастает послевоенное поколение, которое совершает радикальный разрыв с этикой, ценностями и моралью поколения своих родителей. Этот разрыв ценностей был также связан с научными достижениями в области медицины: контрацепция, совершенствование практики абортов и лечения болезней; и сменой общественных взглядов на аборт, сексуальные связи вне брака, виды сексуальных контактов и сексуальности, нейтральное отношение к разводам, сексуальное просвещение и т.д. Явление радикальной смены общественных норм в области сексуальности и эротического было названо В. Райхом «сексуальной революцией»,

которую он предрек в начале XX века, но основные события, сам перелом и разрыв ценностей между поколениями, приходится на вторую половину XX века, 60-70е годы. Именно об этом послевоенном поколении и ситуации «сексуальной революции» говорит Ю. Эвола, констатируя экстремальную фазу упадка Эроса и психической одержимости сексом.

Профанному прорыву вульгарной эротической одержимости предшествовали более строгие времена, которые создали все необходимые предпосылки для ситуации «революции». Как мы уже замечали ранее, панэротический Космос язычества уступает креационизму с его усечением и изгнанием ряда эротических фигур и архетипов на периферию своей доктрины (Мария Магдалина) либо демонизируя (суккубы), табуируя (грех Евы, блуд, содомия, мастурбация или грех Онана и др.) проявления сексуальности, особенно афродической, вводя деление на дозволенное и греховное, запретное, «плотское». Аскетический идеал Средневековья поощряет сексуальный контакт в браке для деторождения, ограничивая иные проявления сексуальности в обществе, вплоть до практики целибата (безбрачия) в католическом клире.

Послабление католической морали происходит в Возрождение, когда человеческая красота, под влиянием обращения к Античности, перестает быть чем-то постыдным и привлекает к себе новое внимание и интерес. В эту же эпоху, которая является переходной к Модерну, вновь проявляется искаженный афродический, пошлый Эрос в виде куртизанства и фаворитизма. Знаковой фигурой духа либертинажа (фр. libertinage), благодаря своим произведениям, становится маркиз де Сад, отрицающий мораль своего времени и обративший внимание на тему боли/зла и эроса, что нашло свое преломление в сексологии под названием «садизма».

Возрождение представляло из себя уникальную эпоху, когда реально был возможен возврат к античности, а значит и сбрасыванию бремени креационизма. Но многовековое доминирование креационизма в лице христианства наложило свой негативный, привативный, отпечаток на человеческую породу, вследствие чего магистральная линия развития человечества содержит искаженные, преломленные в материальном и вульгарном ключе линии античной (языческой) философии и мировоззрения, тем самым порождая «отражение в кривом зеркале», симулякр.

Протестантизм как течение, утверждающее своим ориентиром изначальное христианство общины Иисуса и первых веков становления церкви (низовое христианство), логично выступает как реакция

либертинажу гуманизма Возрождения. Ярким и влиятельным явлением становится распространившееся в Англии, США и европейских протестантских странах пуританство, от латинского слова puritas – чистый. Пуританство, имеющее корнем радикальный протестантизм Кальвина, настаивало на строгой морали и аскетизме, трудолюбии и прагматизме, вытесняя и осуждая излишние, а порой и всякие развлечения, включая и сексуальную сферу. Пуританская культура утверждала жесткий патриархат в семейных и общественных отношениях, идеал женщины – невинность и умелое ведение хозяйства; секс становится табу для разговоров и обсуждения, вытесняется в сферу «демонического», тело и сексуальность являются грехом, вплоть до цензурирования косвенных символов женственности и сексуальности в культуре, вокруг тела возводится непреступный барьер из одежд, скрывающих фигуру (корсеты, кринолин).

Жесткие запреты пуританства порождали явление «двойного дна», когда *запретное становилось желанным в силу запрета*, а не в силу некоей привлекательности и ценности самого запрещенного. Подавленная и демонизированная сексуальность находила выход в маргинальных кругах общества, а также за плотными занавесками окон домов и квартир. Здесь же мы вновь можем отметить формирование тех предпосылок и оснований, из которых З. Фрейд сделает свои психоаналитические и философские выводы о подавлении сексуального и его роли в здоровье человека. Парадигмально можно говорить о влиянии радикального протестантского креационизма на подготовку «сексуально-революционного» взрыва во второй половине XX века.

Ярчайший образец модернистского воззрения на семью в русле марксизма излагает Фридрих Энгельс (1820-1895гг.) в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В ней теоретик марксизма рассматривает, опираясь на труды Иогана Бахофена (1815-1887гг.) и Льюиса Генри Моргана (1818-1881гг.), излагает прогрессистскую эволюционную теорию развития семьи, связанной с экономикой производства и собственностью.

Энгельс выделяет три стадии развития человечества: дикость, варварство и цивилизация. Каждая из стадий делится на три ступени: низкую, среднюю и высокую. Здесь излагается классическая для Модерна био-эволюционистская и социально-эволюционистская теории развития от «дикого» «низшего» к «цивилизованному» «высшему». О нижней ступени стадии дикости Энгельс пишет:

«Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в "тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, коренья; главное достижение этого периода - возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние».

Античность, приводя в пример Гомера, он относит к третьей ступени варварства, и далее резюмирует, ставя во главу угла производственный (экономический) критерий:

«…дикость – период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство – период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация – период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства».

Развитие семьи коррелирует с этапами развития общества и производства следующим образом:

На низшей стадии, когда термин «семья» ещё даже не актуален, господствует *промискуитет*, беспорядочные половые связи и «материнское право», т.е. установление родства происходит по материнской линии в силу невозможности идентифицировать отца ребенка из-за широкой сети сексуальных связей.

Следующими шагами были необходимое разделение сексуальных связей между родителями и детьми и, что сложнее, между братьями и сестрами, что приводит к появлению *рода*, который главенствовал в периоде варварства.[76]

[76] Крайне показательно, что постмодернисты Ж. Делёз и Ф. Гваттари считали легализацию инцеста важным шагом на пути демонтажа патриархальных (любых вертикальных) структур.

«Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует, вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные». То есть, размер рода зависел, по Энгельсу, от ведения общего хозяйства и предписывал необходимое разделение на разные рода, если размеры изначального рода начинали превышать способности производства. Здесь же Энгельс рассуждает о практике группового брака аборигенов Австралии, представляющего собой массовое супружество класса (термин Энгельса) мужчин с классом женщин, которые могут быть рассеяны по всему материку. Т.е. мужчина одного класса с одного края Австралии с легкостью мог найти себе женщину соответствующего класса в другой части материка, так как они «принадлежат его классу от рождения». В этом Энгель видит низкую форму пуналуальной семьи, высшей формой которой является род. В обоих случаях прослеживается классовая или родовая общностью, во втором случае подразумевающая общее хозяйство с функцией регулятора.

Следующей стадией является *парная семья*, которая начинает обособляться ещё в период группового брака. Примером ранней формы парной семьи Энгельс называет «главную» или «любимую» жену, с которой муж проводит больше времени.

«Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, кое-где лишь на низшей ступени варварства. Это – характерная форма семьи для эпохи варварства, так же как групповой брак – для дикости, а моногамия – для цивилизации».

И далее Ф. Энгельс говорит парадигмально важное в пассаже, посвященном становлению патриархата:

«Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей. Но это не могло иметь места, пока происхождение велось в соответствии с материнским правом. Поэтому последнее должно было быть отменено, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как нам теперь представляется. Ведь этой революции – одной из самых радикальных, пережитых человечеством, – не было надобности затрагивать ни одного из живущих членов рода. Все они

могли оставаться и далее тем, чем были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство членов рода мужчин должно оставаться внутри него, тогда как потомство женщин должно исключаться из него и переходить в род своего отца.

...

Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

...

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно, и происхождение детей от определенного отца, жена отдается под безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право».

Здесь отчетливо видна искаженная, перевернутая структура развития снизу вверх, от матриархально-материального «первобытного коммунизма» к патриархальной узурпации, порождающей классовое деление внутри семьи: господствующий «капиталом» муж и угнетенная жена. Такая картина негативно контрастирует с традиционным платоническим представлением о маскулинной эманации Божественного и сакрализации материи сверху вниз. Из этой экспозиции внутрисемейного угнетения берет свое начало критика Модерна и капитализма Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, а также берет свои корни идеология феменизма и эмансипации.

Традиционному представлению о семье как о Божественном браке Неба и Земли марксистский Модерн противопоставляет историю порабощения одного пола другим, узурпирующим «капитал» семьи и власть. На уровне общества и государства «муж» – это традиционное общество, классовое деление и эксплутатация, против чего революционно восстает марксизм, рисующий коммунистическую утопию антитрадиционного Модерна.

Примечательно, что после революции 1917 года в России широкое хождение приобрел фальшивый «Декрет об обобществлении российских девиц и женщин», в котором подробно излагались новые положения общественного пользования женщинами в сексуальных целях и

запрещалось создание семьи. Несмотря на то, что документ считается фальсификацией, его логика ничуть не противоречит концепции марксизма, с той лишь оговоркой, что на практике для русского общества он оказался шоковым и был отвергнут даже победившими большевиками.

Несмотря на спорность и идеологическую ангажированность марксистской теории Ф. Энгельса, в целом она отражает эволюционно-прогрессистский взгляд Модерна на развитие семьи, который в разных идеологиях может варьироваться и нюансироваться в ту или иную пользу.

Негативный взгляд марксизма на патриархальность, выраженную в пуританстве, также оказал влияние на подготовку «сексуальной революции» которая состоялась в 60-70е года. Это время второй половины XX века является переходом от Модерна к Постмодерну, поэтому сама «революция» может рассматриваться как постмодернизация сексуальности, как радикальная эмансипация и либерализация. На западе это же время отмечено ростом симпатий и левым социалистическим и антикапиталистическим идеям, расцветом молодежных субкультур (хиппи), в этот период происходит май 1968 года во Франции, расцвет порнографической индустрии в широком понимании. Мир, согласно Ю. Эволе, становится одержимым «сексуальным психозом». Несмотря на небольшой реакционный момент в 1980-е годы, связанный с появлением СПИДа и переосмыслением сексуальной безопасности, плоды «революции» входят в новое общество необратимо.

Постмодернизация любви и эроса является утратой маскулинного, вертикального начала, то есть означает феминизацию общества, что созвучно левым идеям, которые являются важным компонентом Постмодерна и инверсией солярной, вертикально ориентированной Традиции. В области семьи на современном этапе наличествует принципиально нейтральное, т.е. не осуждаемое наукой и во многом правом, разнообразие форм семьи и брака: полигиния, полиандрия, разнополая или однополая семья, нуклеарная или патриархальная, гражданское партнёрство, гостевой брак, временный брак или родительство выходного дня и другие формы.

Помимо психологической одержимости сексуальностью расцветает гедонизм и обращение к телесности, акцентуация на телесном удовольствии, его безмерности и удовлетворению в сплетении тысяч тел (Делёз).

Жан Бодрийяр описывает тело как самый яркий и желанный объект потребления, освобожденный от гнета пуританской морали, которым

пестрит реклама и СМИ. Тело – это больше не религиозная «плоть» и не индустриальная «сила», а объект нарциссического культа и эстетики[77].

Тело и сексуальность являются двигателями торговли, они окружены объектами, которые они продают через рекламу, в которой участвуют. При этом речь идет не только о женском теле и женской сексуальности. Управляемый нарциссизм присущ и мужскому полу, что мы можем рассмотреть на примере культа фитнеса (англ. fitness), где наглядно проявляется как нарциссическая тенденция, так и процесс умаления маскулинного и смена половых ролей. Фитнес и подобные ему занятия в виде «одержимости» (мягкой или сильной) подменяют модели поведения. Изначально связка сексуальности, красоты и женственности воплощается в различных в разные эпохи канонах красоты. В капиталистической системе женская красота и формы фигуры, порождающие сексуальное желание у противоположного пола, являются своеобразным капиталом женщины. Будучи красивой и сексуальной она может выгодно себя продать, как буквально в случае проституции, так и завуалировано в случае удачного брака с представителем социальной элиты. В западной культуре красота – это успех и капитал, который не смешивается с низшими слоями общества, лишенными успеха и очевидных перспектив. Фитнесс – это инструмент женщины, как и многие другие, для развития и накопления телесного капитала, с последующим удачным вложением в брак или содержание. Постмодернизация телесного и сексуального включает в этот процесс накопления телесного капитала и мужчин, создавая для них свои телесные стандарты красоты, сексуальности, сервиса ухода за телом и косметических процедур. То есть то, что раньше совершала женщина с целью сформировать свой «капитал красоты», начинает совершать и мужчина с той же целью, чтобы быть носителем знаков привлекательности и успеха, которые являются значимыми для женского пола. Иными словами, например, мышечная масса красивого мужчины в современном обществе не несет своей функциональной нагрузки: поднятия тяжести, силы при ударе во время боя и т.д., но является знаком, который говорит о соответствии канону красоты, успешности и является аттрактором для потенциального партнера или инвестора. С этим связан феномен мужской метросексуальности граничащий с гомосексуализмом. Репрезентируя знаки своего «телесного капитала» мужчина своим поведением, стратегиями и мышлением уподобляется женщине, он феминизируется. Другой крайний полюс – это женские формы боевых искусств и

[77] См. Бодрийар Жан «Общество потребления. Его мифы и структуры».

бодибилдинга, где женщина утрачивает свою, присущую ей от природы, конституцию тела и подчас половую идентификацию, а также идет в разрез с общественным каноном красоты. Образы женщин, изобилующих гипертрофированной мышечной массой либо соперничающие на ринге с мужчинами, являются типичным примером маскулинизации женщин, утраты женщинами сексуальности и самой *женственности*.

В целом культ тела также подобен субкультуре в статусе составной части общей ризоматической культуры Постмодерна. В этом он также является частью бесконечного процесса производства и репрезентации знаков, а также их потребления.

Помимо гипертрофированной капиталистической стратегии потребления красоты в Постмодерне (Ж. Бодрийяр) есть также и иная тенденция, связанная с упразднением красоты как некого экстетического канона и ориентира, опирайся он на священные тексты и предания[78] или на общественное мнение. Вместо деления на красивое и менее красивое, на красивое и уродливое, вместо представления о среднем каноне красоты и нормы внешнего вида, Постмодерн предлагает радикальную лево-феминистскую идеологию body positive – позитивного отношения к собственному телу и его сексуально-позитивному восприятию, несмотря на физиологические недостатки, врожденные и приобретенные дефекты, отсутствие органов и частей тела и т.д. Отрицание красоты является продолжением антипатриархальной линии Постмодерна, опирающегося на левую философию марксизма, и в этом он имеет общее с антимаскулинной тенденцией фитнеса и метросексуальности (гиперкапиталистические стратегии). Красота – это, с феминистской точки зрения, навязанный мужским обществом тоталитарный канон и диктатура, от которой надо избавиться в пользу естественности и/или вариативности внешнего вида женщины[79]. То есть происходит размытие и упразднение понятия красоты как некоей нормы, мерила внешнего вида и сексуальности. Упраздняя норму, что является главное стратегией Постмодерна, сексуальным становится абсолютно все, даже то, что ранее считалось уродливым, неприемлемым, дефектным, инвалидным. В мире упраздненной красоты нет и категории «уродства», есть лишь поливариативная телесность и первертивная (с традиционной и модернистской точек зрения) сексуальность. Противоречия снимаются вместе с понятием «нормы»,

[78] См. «Деви-Гиту», пер. с санскрита А. Игнатьева, 2015г.

[79] См. Наоми Вульф «Миф о красоте: стереотипы против женщин».

допуская одновременное существование «конфликтующих», с точки зрения, например, Модерна, стратегий и взглядов.

Остаются тысячи машин желаний (Ж. Делёз) постсексуального постобщества.

II.II Постсексуальность: инверсия и пародия

Ключевое значение для понимания демонтажа нормативов сексуальности, красоты, семьи и т.д., как традиционных, так и современных, в Постмодерне играет концепт «гендера». Гендер, от латинского слова genus – «род», является социологическим концептом, который говорит о *социальном* поле человека. Классическая социология (Э. Дюркгейм) утверждает, что общество тотально предопределяет содержание человека, его поведения и отношений. Общество предшествует индивидууму и понимается холистски, как целое, из которого индивидуум в ходе социализации (взросление, включения в общество) черпает свое содержание, нормы и правила, стратегии поведения, границы дозволенного и т.д. Предшествование индивидууму общества понятого холистски, является консервативной чертой, отвергающей автономию индивидуума и его содержания, постулируемые ранним Модерном. Но социальный конструктивизм делает содержание, которое черпает человек в процессе социализации, вариативным и изменчивым, т.е. не опирающимся на вечные традиционные – Сакральные – ориентиры.

Важно проводить четкое различие между биологическим полом и социальным полом, гендером, который является полоролевой моделью поведения человека и его восприятия в обществе. Иными словами, гендер – это совокупность ожидаемых, одобряемых в одном случае и порицаемых при отклонении, стратегий поведения и репрезентации мужчины или женщины в обществе. Гендер может, и зачастую совпадает с биологическим полом, составляя нормативное поведение мужчины и женщины, отличая мужчину от женщины не только по биологическим признакам, но и по социальному поведению.

Будучи социологическим концептом (или социальным конструктом), гендер находит свое широкое применение в сексологии, политике, праве и т.д., при этом остро тематизируется проблема гендерного разнообразия и, связанного с предыдущим, гендерного неравенства.

Помимо социологии становление гендера также рассматривается как биологический детерменизм (женский пол = женское поведение и роль); биологические теории рассматривают влияние биохимии матери на ребенка во время беременности; психоаналитические теории, с опорой на З. Фрейда предлагают своё описание становления гендерных ролей. В совокупности все подходы отражают научно-модернистский подход к исследованию гендера, проецируя его как некую данность и при рассмотрении традиционных обществ.

Помимо стандартного представления о двух гендерах, мужском и женском, и двух соответствующих наборов качеств и поведения, маскулинном и феминном, даже в архаических племенах мы встретим более чем две гендерные модели поведения. Биологически пола также будет два, но в обществе представители одного пола будут выполнять разные функции и вести себя различно. Так, советский этнолог А.Н. Максимов (1872-1941гг.) в своем труде «Превращение пола» приводит многочисленные свидетельства обращения мужчин в женщин у малых народов Дальнего Востока и Сибири.

Так, он приводит следующие свидетельства:

«Уже первый исследователь инородцев крайнего северо-востока Сибири, Крашенинников, нашёл у них любопытный институт превращения пола. У камчадалов он встретил так называемых коекчучей, «которые в женском платье ходят, всю женскую работу справляют и с мужчинами не имеют никакого обхождения, будто бы гнушаясь делами их или зазираясь вступать не в своё дело». В числе прочих обязанностей, кои эти коекчучи выполняли также и роль наложниц, и Крашенинников с некоторым удивлением говорит: «неревнивы же бабы их, что можно видеть из того, что не токмо две или три жены одного мужа живут между собою согласно, но сносят ещё и коекчучей, коих многие держат заместо наложниц».

И ниже:

«Наблюдавший чукоч несколькими годами позже Литке тоже касается этого вопроса. Ему пришлось видеть мужчину, превращённого в женщину, и по этому поводу он замечает: «Пристрастие своё к известному противоестественному пороку чукчи приписывают наущению дьявола».

То есть смена гендерной роли с мужской на женскую, для биологического мужчины чукчи, являлась следствием наущения «дьявола» (двоеверие), либо приписывалась злым духам. При этом «обращенные в

жен» коекчучи занимали соответствующее нижнее положение в обществе, т.е. использовались как женщины и наложницы, далеким аналогом чему может быть институт конкубината в Риме, и разделение женщин на годных для продолжения рода и не годных, зачастую из низов. С другой стороны известно ритуальное обращение шамана женщиной, облачение в женские платья, что является ритуальным восстановлением священного андрогината, брака Неба и Земли в шамане, через нарушение порядка срединного мира (М. Элиаде). Здесь мы видим две Сакральные интерпретации изменения гендерной роли: влияние злых духов или шаманская практика. На эти свидетельства уже сверху накладывается христианское восприятие такой инверсии как проявление содомского греха, и ещё сверху уже современное представление о таких перверсиях как о генетических отклонениях и нарушениях мозга (А. Максимов). Оба верхних наслоения исключают саму традиционную для малых народов (чукчи, буряты, камчадалы) двойственную интерпретацию «злого» и «шаманского» обращения, смешивая их воедино *и осуждая два разных по своей природе и смыслу явления смены гендерной роли в традиционном обществе*[80].

Аналогичный шаманский опыт «обращения пола» мы обнаруживаем в фигуре Одина и экстатической женской практики сейда, в чем его упрекает Локи во время перебранки с асами и ванами (Lokasenna):

24. «А ты, я слышал,
на острове Самсей
бил в барабан,
средь людей колдовал,
как делают ведьмы, —
ты — муж женовидный».

Обратный пример маскулинизации женского Божества или, социологически, смены гендера, мы видим в фигуре Афины, Богини женского пола, но исполняющей мужские, воинственные и интеллектуальные (происхождение из головы Зевса) функции. Здесь же можно вспомнить мифических амазонок и дакинь Индуизма.

Таким образом, Сакральный миф знает и повествует о смене нормативных для большей части общества, половых ролей, но делает это с двух позиций: когда половое обличие меняют Божества в ритуальном преодолении пола, что отражается в жреческих и шаманских практиках,

[80] При этом сам А. Максимов деликатно подчеркивает, что ритуальная смена одежд шаманом не подразумевает смены пола.

либо когда пол меняется из-за влияния злых духов и «обращенный» (в наказание или злую шутку) меняет свое положение и функции в иерархической системе. При этом практика осуждения и репрессии таких негативно «обращенных» не является обязательной и нередко вовсе отсутствует. Приписывание статуса «жертвы» и «гомосексуалиста» является внешним, по отношению к самой внутренней традиционной логике того или иного народа, вмешательством. Не человек является «содомитом» (креационистский грех) или «больным» (модернистский позитивистский подход), *это духи обратили его в коекчуча*.

Для либеральной стратегии «освобождения от» гендерное разнообразие представляет собой нерешенную проблему гендерного неравенства, то есть доминацию патриархальных, консервативных структур над феминным и, шире, над иными вариациями гендера. В XX и XXI веке это вылилось в череду эмансипаций: женщин, гомосексуалистов, транссексуалов и т.д., т.е. произошло отступление от доминирования гендерной пары «мужское» и «женское» в сторону множества гендеров и их уравнения в социальных, политических и юридических правах.

Трансгуманисты предлагают, во временной перспективе будущего, связанного с научно-техническим прогрессом в репродуктивной сфере, вовсе отказаться от биологического пола и гендера. Идеология постгендеризма предлагает вынести процесс репродукции, деторождения, за пределы человека как организма, тем самым преодолев многие социальные стратегии поведения и институты, сделав его техническим процессом инкубации и генной инженерии. Избавление от пола должно избавить постобщество от множества половых диктатур. Бесполое постчеловеческое существо – это первертивный симулякр внеполового, превосходящего пол *сверху* Андрогина.

Примечательно, что одними из идеологов как гендерной теории, так и постгендерной идеологии были левые феминистки, например Шуламит Файрстоун (1945-2012гг.), Донна Харауэй (1944 г.р.). Это подводит нас к необходимости кратко рассмотреть явление феменизма, его становление и концепции.

Феминизм

Авангардом прогресса преимущественно являлся мужчина. Женщина в процессе смены парадигм оказалась на периферии, в «клетке» семьи и быта; замужество означало практически перемещение женщины как собственности из отцовского дома в дом мужа, в том числе и юридически.

Женщина – это собственность и тень мужа, в такой максиме можно выразить положение женщин в эпоху Просвещения и Модерна. Но сама логика гуманизма, либерализма и демократизации, освобождения от церковной (пуританской) патриархальности, подготовила почву и всесторонне подталкивала к неизбежной эмансипации женщины.

Вытеснение женщин на периферию, в быт, который можно рассмотреть как некое буржуазное (городское) приближение к образу жизни третьего сословия, могло послужить своеобразным консервантом традиционного в женском и женственном, т.е. женщины не были столь глубоко встроены в авангард модернизации. А значит, восстание женщин против модернистской патриархальности могло обладать традиционалистским потенциалом, быть восстанием ещё полноценной женщины против уже анти-традиционного мужчины. Но исторически борьба за равенство носила не характер реставрации эквиполентности Женского и Мужского (Земли и Неба), *но характер модернизации женщины*.

Свое начало идеология феминизма, от латинского слова femina – «женщина», берет от движения суфражисток, от французского термина suffrage – «избирательное право». Пик активности суфражисток, боровшихся за предоставление избирательных прав наравне с мужчинами, пришелся на конец XIX – начало XX века, хотя одна из первых и ярких работ о женском равноправии «В защиту прав женщин» Мэри Уолстонкрафт вышла ещё в 1792 году. В ней женщина-философ рассуждает и полемизирует о необходимости доступности образования для женщин, что способно поднять их статус и роль в обществе. В 1848 году в США, усилиями Лукреции Мотт и Элизабет Стэнтон, проходит первая Конвенция по правам женщин.

В 1897 году Миллисент Фоссет основывает Национальный союз женщин в Великобритании, который отстаивал идею избирательного равноправия ненасильственными методами демонстраций, периодических изданий и публичной полемики. Активность НСЖ не принесла желаемых результатов, что подтолкнуло Эмили Панкхерст и её дочерей Сильвию и Кристабель, основать радикальную организацию Женский социально-политический союз. Широкую известность союзу принесла трагедия 1913 года, когда Эмили Дэвисон, в знак протеста, на скачках в Эпсоме бросилась под мчащуюся лошадь. Её похороны собрали тысячи суфражисток в Лондоне. Активизм суфражисток принял характер радикального протеста и уличных акций. С деятельностью ЖСПС связано

и журналистское клеймо «суфражистки», которое было поднято на знамя самими протестующими женщинами.

Коренные изменения в вопросе женских избирательных, трудовых и образовательных прав произошли под влиянием двух мировых войн, в ходе которых женщины заняли рабочие места мужчин на заводах, фабриках и даже присоединились к ним на фронте. В результате до 1980-х годов женщины получили равные с мужчинами избирательные права практически повсеместно на Западе, и с большим опозданием в странах Ближнего Востока, из-за радикальной позиции ислама.

Движение суфражисток за избирательное равноправие принято считать первой волной феминизма. Достигнув ряда послаблений и частичной эмансипации, феминистическое движение заявляет о себе как о действенной силе, в планах которой продолжение борьбы до полного равноправия женщин и мужчин.

Примечательно, что становление феминизма происходило одновременно со всплеском интереса к спиритизму, теософии и поверхностным восприятием доктрин Востока, что заложило основания будущего New Age. Анни Безант (1847-1933гг.), президент Теософского общества, была активной феминисткой и привнесла борьбу за женское равноправие в масонство, а также разделяла марксистские взгляды и активно участвовала в политических акциях.

Феминизм изначально носил характер уравнения женщин с мужчинами по меркам и нормам мужского мира. Это означает, что «освобождение» женщин происходило через смену их феминных стратегий в пользу маскулинных, происходила их социальная маскулинизация, что ярче всего проявилось в период войн. Женщина стала работать как мужчина и вместе с мужчиной в тех областях, которые ранее считались сугубо мужскими. Следом за этим последовала эмансипация, то есть уравнивание в правах, поднятие социального и правового статуса женщины *до уровня мужчины*.

Таким образом, термин «феминизм», от латинского слова femina – женщина, и само движение не имеют к Женскому никакого отношения, кроме того, что субъектом борьбы были преимущественно, но не абсолютно, женщины. Более корректным был бы термин «маскулинизм», от латинского masculinus – мужской, как указание на смену гендерной роли женщины в мире Модерна и его мужских правилах. На эту подмену точно указал и Юлиус Эвола:

«По прошествии столетий «порабощения» женщина пожелала стать свободной и существовать для себя самой. Феминизм, однако, был не в

состоянии одолжить женщине некую другую личность, поэтому она может только лишь подражать мужской. Вследствие этого её притязания являются ничем иным как неким прикрытием глубокого недоверия новой женщины к себе самой: то есть её неспособности быть и относиться к тому, что она есть как женщина, а не как мужчина. В основе феминизма лежит предпосылка, что женщина как таковая не представляет ценности, что она только тогда сможет представлять из себя ценность, когда она насколько возможно превратится в мужчину и затребует себе те самые исключительно мужские права. Из этого следует, что феминизм — это признак вырождения в буквальном смысле этого слова»[81].

Относительно самих мужчин движение феминизма выступает как субъект феминизации самих мужчин, мужского гендера. Если женщина теперь имеет такие же права, как и мужчины, может не хуже, а иногда и лучше, выполнять работу, считавшуюся мужской, то из этих сфер социума исчезает собственно Мужской пафос, и области строго «мужского дела» становятся релятивны, их границы размываются и Мужское подвергается диссоциации, размытию и феминизации.

Влияние женщины на мужчину в буржуазном обществе выразилось в возникновении феномена «роскоши» и «люкса», на что обратил внимание социолог В. Зомбарт. С раскрепощением и освобождением женщины появляется специфическая деформация в потребностях и потреблении, которая выражается в хаотической скупке предметов, которые не являются вещами первой необходимости, а выражают роскошь, роскошный образ жизни и возможность трат. В этом предметы роскоши близки к знакам репрезентации Постмодерна, они их предвещают и связаны с женской эмансипацией, пока еще привязанной к кошельку мужа.

Вторая волна феминизма продолжает освободительную борьбу женщин, уже получивших частичную или полную эмансипацию на юридическом уровне, привнося её в принципиально новые сферы жизни общества: культуру, социологию, сексологию, медицину, трудовые отношения и т.д. А также продолжая борьбу с неравенством и дискриминацией женщин де-факто, которая не прекратилась после эмансипации де-юре.

Широкое проникновение феминизма в общественные институты повысило влияние его идей на сам социум. Одним из ключевых понятий второй волны феминизма становится «сексизм». Сексизм – это идеология дескриминации по полу, идеология превосходства мужского пола над

[81] См. Ю. Эвола «Феминизм и героическая традиция».

женским, отражающая патриархльное устройство общества и проявляющаяся в навязывании женщинам ролевых моделей поведения, формирующих гендерный паттерн. Несмотря на то, что сам термин «сексизм» носит нейтральный характер, то есть подвергнутым половой дискриминации может быть и женщина, и мужчина, его внедрение и применение, практически идеологическая монополия, принадлежит феминизму.

Выявление сексизма и борьба с дискриминацией во всех сферах общественной жизни составляет магистральное направление феминизма второй волны. В своих крайних юридических нормах борьба с сексизмом обращается в инструмент тоталитаризма и репрессивности, о чем говорят многие критики феминизма. Доходя до крайностей, феминистки начинают, например, толковать продолжительный мужской взгляд на женщину как акт сексуального надругательства, грубой мужской шовинистской оценки женской фигуры, из чего вытекает утверждение о домогательстве, визуальном изнасиловании или изнасиловании в мыслях. Так как доказать факт «мысленного изнасилования» невозможно в принципе, за исключением если обвиняемый сам признается что имел такие представления глядя на женщину, мы оказываемся в оруэлловской ситуации юридического признания мыслепреступления, с последующим наказанием. Борьба за свободу обращается становлением иной формы цензуры и репрессий. Другим примером является «визуальная дискриминация», когда мужчина или женщина *предпочитают смотреть* на красивых людей, и меньше обращать внимания на некрасивых.

С традиционной точки зрения мы можем рассмотреть эту ситуацию как деформацию эквиполентной разницы между Женщиной-Землей и Мужчиной-Небом, включая их семантические комплексы на всей вертикали Космоса. Эквиполентная, то есть равная по силе разница между Мужчиной и Женщиной, Шивой и Шакти, деформируется при становлении Модерна и его рациональности в сторону привативного доминирования мужчин как носителей рационального, научного знания, учености, прогресса и так далее. Приближение к этой экспозиции, но не в привативной форме, мы встретим уже в Античности, а градуальное её воплощение будет наличествовать в креационизме христианства. С точки зрения марксизма происходит процесс угнетения женщин, их закабаления и порабощения мужчинами в ходе социально-экономической эволюции. В Модерне протест суфражисток направлен уже не на реставрацию эквиполентности, но на получение градуальной власти наравне с

мужчинами, через свободный доступ избирательным правам и образованию. Позднее, слившись с левыми идеями окончательно, феминизм начинает воплощать стратегию демонтажа патриархального в пользу всеобщего равенства. Ибо пролетарий – это класс, формирующийся отношением к средствам производства и только, а значит – у пролетария нет пола, в своем пролетарстве и мужчины и женщины равны[82]. Первыми это поняли и реализовали на практике большевики в Советском Союзе.

Изначальная разница между Небом и Землей, которые холистски являются всем миром, воплощая принцип Jedem das Seine, как Шива и Шакти, в Модерне, через демонизацию женского креационизмом, становится основой неравенства, превосходства и, соотвественно, борьбы против угнетения.

Гуманистическую и экзистенциальную версию феминизма выражает Симона де Бовуар (1908-1986гг.), партнерша Жан-Поля Сартра (оба отрицали институт брака), чьи труды оказали сильное влияние на феминизм. Де Бовуар не соглашается с Энгельсом в том, что женщина терпит историческое фиаско, оказываясь порабощенной мужчиной. Для нее женщина – это Другой, экзистенциальная фигура которая выступает как зеркало для самоопределения Одного. Женщина как Другой формирует Мужчину как Одного, и в большинстве случаев довольствуется местом и ролью этого Другого, в чем виден отголосок древнего принципа «каждому своё». Но это принятие «своего места» – внедренная мужчинами в женское сознание роль, хотя женщина может быть счастлива исполняя её, но для освобождения женщин такая навязанная позиция должна быть преодолена и отброшена.

Общество и человек как целое, внутри которого существует неразрывная пара, поэтому невозможно разорвать общество пополам, ибо внутри сознания каждого мужчины есть женщина-Другой. С гендерной точки зрения это открывает возможность смены идентификации, то есть перемену местами Одного и Другого, когда Другой-женщина становится Одним-Женщиной в сознании мужчины, то есть он начинает воплощать женский гендер.

Разрыв общества по половому признаку призывают совершить феминистки, избравшие стратегию сепаратизма, то есть отделения женщин как особой группы от мужского общества и мужских социальных институтов, по умолчанию всегда направленных на дискриминацию и угнетение женщин. Сепаратистский феминизм является утопической идеей

[82] Как равны перед Яхве или Аллахом верные им верующие любого пола.

о возможности существования двух обществ, двух человечеств, строго разделенных по признаку пола.

В таком сепаратизе мы видим абсурдную, с точки зрения языческого традиционализма ситуацию, когда священное материнское Море отказывается отражать в своих водах священное отеческое Небо, что неминуемо приведет к распаду Божественной Семьи в парадигмальном сценарии, что, в свою очередь, можно рассмотреть и как эсхатологию мира.

Но утопичность и чрезвычайная сложность практической реализации такого сценария обращает феминистский сепаратизм в маргинальную форму лесбийской и радикал-феминистской субкультуры и способ эскапизма. В социально-политической сфере сепаратистский феминизм представляет собой включенные в общий общественный и государственный механизм, также по умолчанию мужской, организации «women only» разной направленности, от развлекательно-досуговых, до правозащитных.

Синтез левой и феминистской идей дает ответ о влиянии нации и расы в «женском вопросе»; пролетарий, снова, не имеет не толька пола, но и нации и расы. Но совокупная дискриминация чернокожей женщины сильнее, чем белокожей. Пересечение класса, расы и пола, в случае колоний к этому добавляется еще одна пересекающаяся линия завоеватели-завоеванные, взаимосвазаны и обуславливают практику угнетения и принуждения (интерсекциональность угнетения). Осознание этой ситуации (Анджела Дэвис, 1944г.р.) породило явление «чёрного феминизма» – борьбы за свои права черных женщин в современном, преимущественно белом и мужском мире WASP (Белых Англо-Саксонцев Протестанов). Черный феминизм отличается своей радикальностью и воинственностью риторики, за критику самого феминизма, который преимущественно развивается силами белых женщин, черный феминизм получил собственное наименование – вуманизм.

Камнем преткновения, который вызвал широкую дискуссию в среде феминисток, и в итоге привел к глубокому расколу движения и прекращению второй волны, стал вопрос об оценке порнографии и шире, который был преломлением более широкого вопроса о сексуальной свободе женщины. Радикальные феминистки утверждали, что порнография – это инструмент насилия и принуждения женщины, институт дискриминации, навязывающий образ жертвы, товара и модели поведения (Андреа Дворкин, 1946-2005гг.). Либеральные феминистки

выступали за свободу женщины распоряжаться своим телом, указывая, что порноактрисы участвуют в съемках добровольно, получают за это плату и их профессия легальна (США, Европа), а вырванные из контекста кадры насилия и принуждения являются игрой, частью сценария. Либеральный феминизм в целом отстаивал сексуальную и репродуктивную свободу (pro-choice, «за выбор») женщины. Успехом радикальных феминисток стал запрет на использование в рекламе женского тела (США), но антипорнографические инициативы не нашли законодательной поддержки.

Раскол на почве этого вопроса дал толчок к третьей волне феминизма, начавшейся в 1990-е годы и отмеченной постмодернизмом и крайним либерализмом.

Третья волна феминизма включает в себя направления предшествущего этапа (антирасизм, антисексизм, постколониальный феминизм, вуманизм), при этом сама идеология обогащается структуралистским и пост-структуралистским (постмодернистским) методами. Так, феминизм обращает более пристальное внимание на язык, находя в нем и его структуре проявления патриархального угнетения, борьба с которым выражается во введении крайней политкорректности: замене слова mankind (человечество) на синоним humanity как на гендерно нейтральный, в противовес первому, основанному на слове man (мужчина/человек); замене в юридическом поле гендерных терминов «отец» и «мать» на нейтральные «родитель 1» и «родитель 2»; конструировании женских форм слов, обозначающих род деятельности или принадлежность к чему-либо, дабы подчеркнуть женский пол субъекта, пример: адвокат и адвокат*есса* вместо «женщина-адвокат» и т.д.

Постмодернистский феминизм солидаризируется с посылом демонтажа патриархального мира, тем самым косвенно происходит и процесс деконструкции полов как таковых, через расширение концепта гендера. В футуристическо-техногенной сфере направление трансгуманистического феминизма рисует будущее общество свободным от дескриминации, сексизма и т.п., что будет достигнуто путем выноса сексуальных и репродуктивных процессов за пределы человеческого тела. То есть, с помощью генной инженерии и технической инкубации человечество избавится от необходимости вступать в сексуальные и репродуктивные отношения, что повлечет за собой исчезновение огромного пласта связанных с этим «устаревших» отношений, социальных институтов и стратегий поведения. Физиологический пол будет упразднен в эре

постгуманизма. Постчеловек – это бесполый человек. Вывернутый наизнанку андрогин.

В текущих реалиях «третий феминизм» сосредотачивается на концепте гендера и гендерной теории, расширяя и дополняя её обращением к тематике трансгендерности и теории квир; значимую роль в становлении идей этой волны оказал М. Фуко. К ней же относятся и идеи постгуманизма.

Квир-теория, от английского слова queer – «иной», являвшегося ругательным наименованием гомосексуалистов в США, становится одной из основных в инструментарии третьего феминизма, через которую феминизм выходит из строго женской гендерной тематики в более широкое поле квир идеологии.

Продолжая развивать подход социального конструктивизма, теоретики гендерной теории пришли к закономерной постмодернистской констатации о том, что гендер – это изменчивое, текучее, в некотором смысле ускользающее понятие, вариации которого невозможно окончательно перечислить или классифицировать. Отсюда берет свои корни квир-теория. Квир как «иной» является сугубо постмодернистским ризоматическим концептом, который не совпадает с модернистским экзистенциальным концептом Другого Симоны де Бовуар. Женщина-Другой образует гендерную пару с Мужчиной-Одним, их отношения и диалектика занимают внимание феминизма второй волны. Квир – это всегда Иной по отношению к взятому гендеру, при этом он необязательно зеркально Иной, то есть диаметрально противоположный. Квир-идентичность – это всегда идентичность n+1, то есть относительно любой гендерной вариации идентичности существует ещё одна Иная, которая де-факто пока ещё может быть не обнаружена или не описана. Таким образом классическая гендерная пара Мужчины и Женщины превращается в бесконечную серию гендерных вариаций, комбинаций и пересечений. Об этом прямо говорил Ж. Делёз:

«Любовь — это не просто когда двое становятся одним или двумя, но когда они становятся сотнями тысяч».

Таким образом, концепт квира и квир-теория подрывают даже модернистские поло-гендерные представления. Русский антрополог и сексолог Игорь Кон (1928-2011гг.) дает очень прямое определение квир-теории:

«Квир не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишенная сущности, которая по определению расходится с всем нормальным, легитимным, господствующим. Это

распространяется не только на гендер или сексуальность. Любая идентичность потенциально может изобретаться или переформулироваться её собственником.

…

Подрывая принцип универсальной гетеросексуальности, квир тем самым ставит под вопрос даже такие, на первый взгляд, бесспорные термины как «мужчина» и «женщина». Квир-теория считает сексуальные идентичности функциями социальных представлений, репрезентаций. Репрезентации предшествуют сексуальным идентичностям, определяют, усложняют и разрушают их»[83].

Квир – это концепт и термин, обобщающий Инаковость как таковую, не связанную с конкретным дискурсом. То есть, квир – это все Иное, маргинальное, что расходится «господствующим». Квиром может быть и инвалид, выпадающий из представления о физиологической нормальности, и член религиозной секты и человек нетрадиционной сексуальной ориентации или сменивший пол.

Квир – это принципиально бесконечное Иное, утверждающее себя как «нормальное» в тезисах Постмодерна, то есть разрушая «норму» квир сам становится «нормой», а значит его Инаковость не является «Инаковостью», ибо нет инстанции относительно которой квир будет Иным в бесконечном процессе порождений квир-гендерных идентификаций.

В эквиполентности не-мужчина всегда означает полноценную Сакральную женщину, в квир-теории не-мужчина означает *кого угодно вообще*.

Квир-идентичность может пересобираться как калейдоскоп человеком, то есть пол как Сакральная данность, или как биологическая и классическая социальная гендерная пара, упраздняется в пользу тотальной свободы *дивидуума* изменять свою идентичность любым образом.

К квир-гендеру тесно примыкает явление пансексуальности – сексуального влечения к людям с различными гендерами, преодолевая гендерную и половую бинарность.

В контексте феминизма квир-теория применяется для исследований и защиты прав трансгендеров, транссексуалов, би, гомо и пансексуальных женщин в обществе. Американский культуролог Ева Сэджвик (1950-2009гг.) привнесла квир-теорию в литературоведение и язык, раскрыв скрытые гомосексуальные посылы в творчестве английских авторов,

[83] См. Кон И.С. «Лунный свет на заре», издательство АСТ – Олимп, М., 2003.

опираясь на созвучие употребляемых слов и подобие структур речи гомосексуальному сленгу и его структурам, то есть фонтетическое созвучие слов указывает на контекстуальную связь между явлениями, которые остаются за кадром (или между строк) основного посыла произведения. Это является типичным примером постмодернистского калейдоскопического пересечения различных областей знания и появления экстравагантной эпатажной теории подрывающей понятие «нормы» и целостного нарратива.

К третьей волне феминизма, из-за вариативности её дискурса и молодости, мы можем отнести такое явление, которое можно назвать пост-феминизмом или просто «феминизмом» от femina – женщина. Специфика пост-феминизма заключается в реакции женщин на феминистическую борьбу, которая навязывает себя и свои ценности всем женщинам, без учета разности мнений на этот счет у самих женщин. Пост-феминистки заявляют, что их не интересует борьба за избирательные права или доступ к власти, науке и т.д., они настаивают на свободе женщины быть женщиной по поп-культурному, секс-капиталистическому образцу: быть красивой, желанной мужчинами, сексуально и репродуктивно свободной, потребительски активной (в том числе и содержанкой) и при этом не испытывать осуждения общества. В пост-феминизме угадывается продолжение линии либерального феминизма второй волны, с его апологией сексуальной свободы в области порнографии и проституции.

Пост-феминизм имеет сходство с ситуацией женщины до первой волны феминизма, суфражизма, с той разницей, что тогда женщины не имели доступа к власти и образованию, а сейчас женщины пост-феминизма равнодушны к вопросам образования и власти. Их интересует сфера только женского, с поправкой на изменившиеся со временем образ и ролевую модель женственности.

С точки зрения первой и второй волны феминизма, третья волна лишена своего изначального освободительного смысла, так как полная эмансипация женщин состоялась де-юре и де-факто в XX веке, а огромный объем работы по де-дескриминации женщин в обществе проделали активистки второй волны. Таким образом, третья волна феминизма и особенно пост-феминизм приближаются к симулякру феминизма, как явления Модерна.

Несмотря на то, что феминизм – движение и идеология женская и о женщинах, он нашел себе и сторонников из лагеря мужчин. При этом сам феминизм нередко в своей риторике впадал в мизандрию, откровенное

мужененавистничество с эмоционально-истеричной аргументацией (А. Дворкин). Борьба против шовинизма и дискриминации окрасилась в тона обратного унижения и желания угнетения. Учитывая, что сам феминизм корректно называть маскулинизмом, модернизацией женщины по мужскому образцу, мизандрия некоторых радикальных и левых феминисток подлежит психоаналитическому прочтению и герменевтике с точки зрения парадигмальной картины на основе семьи Эдипа и расстановки фигур в ситуации креационизма, Модерна и Постмодерна.

Игра гендером

Дальнейшее рассмотрение темы постсексуальности и гендерной вариативности осложняется пересечением двух крайних позиций, не имеющих к язычеству никакого отношения, но в то же время считающихся в языческой среде «естественной» и «противоестественной» в абсолютных формах. Ранее мы уже указывали на несостоятельность терминов «естественное» и «сверхъестественное», когда речь идет о Традиции, в случае с дефиницией «противоестественное» мы утверждаем аналогичную оценку этого термина.

Первая позиция берет свои корни в креационизме и продолжает оставаться в Модерне, меняя обоснование с библейского на естественно-научное, и заключается в абсололютной демонизации и греховности, либо в утверждении болезненности в ситуации Модерна, любых отклонений от классической половой и гендерной пары Мужчины и Женщины и их гетеросексуальных семейных отношений, направленных на продолжение рода (воззрение третьего сословия).

Креационизм демонизирует афродический тип женственности и сексуальности, утверждает абсолютный грех за содомией и блудом. В секулярной морали Модерна эти установки претерпевают изменения, частично ужесточаясь, а в отношении женщин и куртизанства ослабляя хватку морали.

Другая позиция заключается в тотальной либерализации любых форм гендерной и сексуальной вариативности в Постмодерне. Отсутствие «нормы» делает дозволенным всё, чему мы посвятили предыдущий экскурс в историю феминизма и квир-гендерной теории.

Позиция креационизма и Модерна относительно блуда и гомосексуальных отношений по инерции перекочевывает в сознание и ценностные установки современного язычника как «естественная» реакция на «противоестественное». При этом «противоестественным», на которое

направлено порицание и неприятие как креационистов, так и современных язычников, является именно современное и постмодернистское искажение, перверсия табуированных креационизмом грехов. Иными словами, современные язычники исповедуют ценностные воззрения креационизма-христианства и Модерна, направленные против первертивных явлений Модерна и Постмодерна. Таким образом, само *языческое* рассмотрение и понимание этих проблем остается невыявленным, выброшенным за рамки.

Так как современное человеческое сознание функционирует в привативном режиме 1 и 0, то есть в дуальной системе «черное-белое», признавая лишь одну позицию и тотально и радикально исключая другую, сама постановка под сомнения позиций «естественного» поведения и «противоестественной» вседозволенности влечет за собой обвинение сразу с двух сторон о «предательстве» и принятии точки зрения «врага». Привативное мышление – это строгий Модерн и креационизм, как его исток. Положения языческой эквиполентности Мужчины-Неба и Женщины-Земли (и всего семантического комплекса) мы уже описывали выше, поэтому в дальнешем рассмотрении профанации Эроса и сексуального и соотношения некоторых его форм мы будем обращаться к градуальной картине. Градуальность позволяет избежать жестких крайностей абсолютного табу и тотальной «свободы от», и примерно локализовать те или иные явления на градиентной шкале в рамках конкретной традиции и её собственных ценностей. Примерная локализация и взгляд на сексуальные явления в рамках той или иной традиции нас и интересуют в первую очередь; вопрос универсальной оценки, апологии перверсии или подтверждения табуирования нас не интересует. В язычестве, в его разнообразии и панэротизме (не путать с пансексуальностью) одни и те же явления, жестко осуждаемые креационизмом или воспеваемые Постмодерном, могут располагаться на разном приближении к осуждению или норме в обществе. Говоря о коекчучах и смене гендера по воле злых духов, мы встречались с архаическим и эквиполентным примером, что вызвало шок и осуждение у русских колонизаторов Дальнего Востока. При этом сам коекчуч не становился первертом или гомосексуалистом с точки зрения самих чукч, он становился женщиной, то есть классическая пара Мужчины и Женщины не дополнялась третьим иным, «не-мужчиной» и «не-женщиной», «содомитом».

Иная ситуация в Постмодерне с квир-идентичностью, которая превращает жизнь в игру идентификаций, в игру гендерами и *игру в*

гендер. Яркими примерами становления этой игры, помимо женского феминизма, являются феномены гомосексуализма и трансгендерности, чему мы посвятим краткий обзор.

Феномен однополых отношений является одним из самых досконально изученных, начиная от проявлений в животном мире (пресловутое «естественное» и заканчивая постмодернистскими теориями и политической практикой, что нет нужды излагать здесь всю историю этого явления в обществе.

Традиционное общество знает различные вариации и отношения к однополой «любви», как между мужчинами, так и между женщинами. Корректное употребление слова «любовь» следует оставить за явлением платонической любви, которое мы уже рассматривали ранее в контексте исследования Эроса. Платоническая любовь исключает пошлый Эрос, материально-телесное измерение, что является закономерным для платонизма в целом. Павсаний указывает, что под влиянием пошлого Эроса люди любят как девочек, так и мальчиков, первое внимание обращая на тела, в то время как платоническая любовь ближе всего к интеллектуальному патронажу старшего над младшим в обществе философов. Платонические интеллектуальные отношения между мужчинами можно выразить макисмой: лучшие из людей – это мужчины, а лучшие из мужчин – это философы. Эта максима выражает радикальную патриархальность и интеллектуальность, без обращения к женскому-материальному. Женщина-философ – это проявление мужского интеллектуального в биологическом женском теле. В этом также можно углядеть потенциал, эскиз к будущей привативности вплоть до сепаратизма гомосексуальных женщин-феминисток.

Философия относится к первому сословию, фактически к жречеству Мудрости. Во втором воинском сословии явления гомосексуализма имеют иную специфику. Здесь речь преимущественно идет о закрытых мужских воинских союзах, имеющих общее сходство между разными народами, и, по мнению Ж. Дюмезиля такие союзы являются типовыми, структурными, для индоевропейских обществ. Образцовыми являются немецкие Mannerbund (Мужской Союз)[84], куда входили взрослые мужчины и юноши, проживающие совместно, исполняя свои специфические сословно-кастовые ритуалы и не допуская женщин в свой круг. В таком обществе гомосексуальная связь, являющаяся очень *редким* явлением, между

[84] Сам термин является объединяющим все подобные типы закрытых обществ. Второй корень слова *bund, англ. bond, также имеет значение «связь» и «долг».

взрослым, умелым мужчиной-воином, наставником, и юношей-учеником носила инициатический характер. Сексуальный контакт сам по себе мог означать возрастной переход от юноши к взрослому, который в дальнейшем мог передавать посвящение (tradere) уже другому юноше; либо такие отношения продолжались до иного специализированного ритуала воинско-мужской инициации. Помимо германских Mannerbund аналогом таких закрытых обществ является Спарта, ситуативные закрытые общества викингов в походе, а также армия. В креационизме ислама аналогом является средневековая каста мамлюков в Египте, состоящая из кавказцев и тюрков, с детства выращиваемых как воинов.

Mannerbund как союз мужчин-воинов являлся ядром древнего общества, таким образом гомосексуальная практика (там, где она была) *была строго локализованной сословием/кастой*, ритуальной и инициатической, имела отличие от жреческо-философской в пользу физиологического контакта.

В закрытом мужском союзе женщине не было место, так как женщина является помехой, отвлечением от войны и битвы, она слаба и несет иной не воинский взгляд на мир, не совпадающий с радикальной воинской этикой мужчин второго сословия. Женщина – это обуза для воина, помеха.

Для третьего сословия с преобладающим культом рода гомосексуальное поведение являлось проявлением *недолжного поведения*, т.к. земледелец – не воин и не философ, и трактовалась как девиация или юродство. Здесь важно уточнить нюанс, который касается креационизма: увеличивая дистанцию между Небом-Богом и Землей-тварным из Ничто миром, а также усваивая часть платонической мудрости, христианство логично должно было воплощать гомосексуальную привативность платонического типа. Но будучи близким именно третьему сословию в своей доктрине, оно табуирует такие отношения, выводя на первый план секс ради прололжения рода, что лишний раз подчеркивает невысокую сословную природу учения Христа или Моххамеда. С другой стороны, XX и начало XXI веков отметились громкими сканадалами гомосексуальных отношений внутри католической и православной церквей, как между священством, так и между священниками и мальчиками-прихожанами.

Аналогичные Mannerbund сообщества можно также встретить в Индии, на пространстве тюркского мира срединной Евразии. При этом далеко не все общества вообще имеют упоминания о подобных практиках, какие-либо текстовые следы о подобных инициатических ритуалах. Наиболее архаические общества Сибири и Дальнего Востока России сохраняют эквиполентность в случае «гомосексуальных» отношений коекчучей, либо,

как буряты, подвергают таких не-мужчин гонениям и остракизму. Также в позднем Риме мы можем отметить определенное разложение нравов и гедонизм некоторых императоров, не лучшим образом сказывающийся на воплощении Должного.

С установлением религий креационизма в Европе, и с дальнейшим переходом в Модерн гомосексуализм и гомосексуалы, подобно женщинам, оказались на периферии и подвергались институционализированной травле независимо от «платоничности» или «физиологичности своих отношений, что связано с разрушением сословной иерархии и органичного устройства общества, упразднений понятия о должном (Дхарме, Вирду) и принципа «каждому своё».

Движение за легализацию гомосексуальных отношений и реабилитацию гомосексуализма, в Модерне считавшегося психо-физиологическим отклонением, обязательным к лечению, также берет свои корни в гуманизме, как и феминизм, только гомосексуализм подвергался большей маргинализации, чем женщины, поэтому всплеск борьбы за права гомосексуалов пришелся на время второй волны феминизма и начала гендерных исследований, на рубеже второй половины XX века, в США и Европе. Это также совпадает со временем перехода от Модерна к Постмодерну.

Либерализация отношения к гомосексуализму – это современный процесс, а само гомосексуальное движение – это сугубо современное явление, несущее в себе постмодернистский посыл «освобождения от».

Таким образом, мы возвращаемся к изначальной экспозиции борьбы консерваторов-креационистов и модернистов против постмодернистского лево-либерального гомосексуального движения.

Европейское левое движение, после 1968 года отказавшееся от прямой «горячей» революции в пользу проникновения в культуру и образование, осмыслило свою борьбу против патриархата и капитала в социально-культурной сфере, в том числе и как борьбу за права сексуальных меньшинств, так как у пролетария нет не только пола и расы, но и сексуальной ориентации.

При этом изучение истории и проблем гомосексуальности отмечено общим для Запада евромодерноцентризмом, то есть, обращаясь к Древней Греции, Спарте, Риму, Mannerbund, архаическим племенам Сибири или Океании, и находя там следы гомосексуальных практик и гендерные вариации, *они объявляли их предтечами современного гомосексуализма в древние времена, воспринимая его современными глазами без должного*

учета той специфики, на которую мы указали. Иными словами, произошла узурпация и кастрация фактов в пользу необходимости либерализации *современного* гомосексуализма, лишенного каких-либо коннотаций со Священным, являющегося сугубо плотским и гедонистическим явлением.

В Одинизме мы также встретим осуждение гомосексуализма в форме, которую можно охарактеризовать как «гей-брак» или попытку разрушения должного поведения (Вирда) со стороны йотунов, о чем повествует эддическая Песнь о Трюме:

«[Трюм сказал:]
8 «Да, я запрятал
Хлорриди молот
на восемь поприщ
в землю глубоко;
никто не возьмет
молот обратно,
разве что Фрейю
в жены дадут мне».
...
15 Хеймдалль сказал,
светлейший из асов, —
ванам подобно
судьбу он провидел;
«Тору наденем
брачный убор!
Украсим его
ожерельем Брисингов!
16 Связка ключей
бренчать будет сзади,
женская скроет
колени одежда,
камней драгоценных
на грудь нацепим,
голову пышным
убором накроем!»
17 Тор отвечал,
отважнейший ас:
«Меня назовут
женовидным асы,
если наряд я
брачный надену!»

Далее песнь повествует о визите наряженного невестой Тора в дом йотунам, в ходе которого ему как невесте в дар преподносят Мьёлльнир, после чего Тор восстанавливает Вирд:

«31 У Хлорриди дух
рассмеялся в груди,
когда могучий
свой молот увидел;
пал первым Трюм,
ётунов конунг,
и род исполинов
был весь истреблен».

В результате попытки недолжного союза между йотуном и Богиней Фрейей, вместо которой под видом невесты поехал муж Тор (то есть недолжное удваивается), весь род йотуна Трюма был уничтожен. Этот сюжет является парадигмой отношения к гомосексуализму как к семейной, брачной форме отношений в германо-скандинавском обществе.

Другим показательным примером является грубейшее для скандинавов оскорбление «эрги», означающего пассивного гомосексуалиста, эфимизмом которого является встречающееся в Эдде выражение «муж женовидный», и которое ошибочно толкуется сегодня как аналог «андрогинности». Оскорбление «эрги» смывалось только кровью.

В период своего становления гомосексуальное движение расширило свои рамки от только гомосексуализма до гендерного разнообразия, выраженного в формулировке LGBT (ЛГБТ) – Лесбиянки Геи Бисексуалы и Трансгендеры. То есть, в процесс борьбы за освобождение и права включились гомосексуалисты мужского и женского полов, люди, испытывающие сексуальное влечение к обоим полам и люди, идентифицирующие себя с противоположным от биологического пола гендером. Позднее к аббривиатуре добавилась буква Q, означающая Queer; LGBTQ-движение является широким движением по взаимопомощи и борьбе за равенство людей всех видов гендерной идентичности.

Борьба за права гомосексуалистов носит характер изменения общественного мнения, социального переконструирования понятий гендерной нормы, норм здравоохранения и законодательства. В то же время проблема трансгендерности касается непосредственно тела, материального измерения человеческого существа. Трансгендер – человек, чья гендерная идентификация является противоположной, или просто не совпадает, с его паспортным и биологическим полом, становится перед выбором, например, жить «женщиной в теле мужчины» или совершить

хирургическое и медикаментозное вмешательство и сменить пол, став женщиной формально и практически физиологически. Техническая возможность вмешательства в физиологическую идентификацию уже давно достигнута уровнем развития медицины и достаточно качественно отработана, и является воплощением дивидуальности, игровой вариативности пола уже на уровне телесности, которая в Модерне считалась последним рубежом *индивидуума*.

Юридическое признание транссексуальности и трансгендерности, медицинское вмешательство и смена пола, общественное нейтрально-позитивное отношение к таким людям – это прямое следствие подрывной квир-теории и концепта гендера, чистый Постмодерн.

В традиционном обществе, если рождался ребенок гермафродит, его предавали смерти, ибо Андрогин как духовное измерение [за пределами] пола не должен был воплощаться в мире, в материальности. В Постмодерне человек волен менять пол, переходить от одного гендера к другому либо вовсе отказаться от гендерной идентификации и упразднить свой пол физиологически, либо сформировать хирургическим путем два набора половых органов, став гермафродитом.

Такое положение дел полностью укладывается в логику либерального минимального гуманизма, в котором вопрос «Кто являестя Человеком?» решается конвенцией, открытой к пересмотру и изменениям (социальный конструктивизм). В пользу искусственности кросс-гендерных операций и идентичностей, не связанных с реальным полом, физиологией и какой-либо (хоть какой-то) Сакральностью говорит феномен вынужденной институциализации трансгендерности в Тайланде в конце XX – начале XXI веков. Так как население Тайланда преимущественно живет в городах, прибыль от туризма составляет значительную часть бюджета, мужчины местного небогатого крестьянского класса вынуждены совершать дорогостоящие операции по перемене пола на женский, взлезая в долги, с последующей перспективой работы в проституции или сфере развлечений. Сегодня Тайланд в первую очередь известен именно как государство с широкими возможностями квир-сексуального туризма и услуг. Под давлением экономических факторов – нищеты населения и спроса на квирсексуальные услуги – гендерные роли в тайском обществе были пересмотрены в либеральном, постмодернистском ключе.

В первое десятилетие XXI века в США и Европе окончательно закончился процесс реабилитации и эмансипации сексуальных меньшинств де-юре: разрешены однополые браки, усыновление детей,

отсутствует дискриминация при приеме на работу и совершении иной общественной активности. При этом само ЛГБТ сообщество продолжает двигаться в привативном направлении обратного шовинизма, подобно радикальному и сепаратному феминизму, создавая свои собственные структуры с закрытым LGBT-only членством. То есть, когда формальное равенство достигнуто и быть геем на Западе считается нормой, сами западные гомосексуалисты проводят активную изоляционистскую и перформантивную практику создания собственных клубов по интересам, игнорируя возможность свободно и на равных вступить в аналогичный клуб или огранизацию «для всех». Крайним выражением этой позиции является радикальный тезис «нормальный – значит фашист[85]», направленный против гетеросексуальных пар и людей, которые по определению *только в силу собственной гетеросексуальности* уже являются носителями дискриминации и нетерпимости.

Более того, ЛГБТ-лобби добилось признания защиты прав ЛГБТ одним из приоритетных направлений внешней политики США, что радикально политизирует гендерный вопрос, превращая его в орудие и оружие поствойны.

Движения за права женщин (феминизм) и права сексуальных меньшинств (ЛГБТ) к концу XX века смыкаются на общем поле квир-гендерной-теории и политической ультралиберальной и культурно-марксистской практике, полностью соответствуя стратегиям Постмодерна, направленным на демонтаж любого порядка и нормы.

С точки зрения Традиции, современные гомосексуалисты и квир-гендерные люди являются представителями низших сословий париев и чандал[86], людьми провалившими посвящение и акцентированными на материально-телесном (вульгарном) аспекте Эроса.

В сумме, современное ЛГБТ-движение и сообщество, а также третья волна феминизма и пост-феминизм представляют собой ярчайшие примеры постмодернистской пародии и инверсии дхармических ролей Мужчины и Женщины, в их эквиполентном либо градуальном рассмотрении в мире Традиции.

---

[85] Речь идет о языковой игре в английском языке: слово straight – «прямой», «нормальный», «правильный», означает также и традиционную гетеросексуальную ориентацию, поэтому выражение «Straight means a fascist» может означать и «правильный – значит фашист», и «гетеросексуальный – значит фашист»; из-за связи смыслов «гетеросексуальный=правильный».

[86] См. например одну из каст неприкасаемых Хиджра, проживающих в Индии и Пакистане, целиком состоящей из людей «третьего пола» или квир-гендеров.

II.III Эрос в современном язычестве

Выше мы, насколько у нас есть возможность охватить огромные области, связанные с сексуальностью и её девиациями, и остаться в русле основного повествования, в общих чертах изложили традиционные взгляды на Эрос, любовь и семью, наглядно показав и контр-традиционные проявления и симулякры Эроса и Андрогина в Постмодерне. Дабы установить границы возможного градиента от Сакрального измерения пола и сексуальности до его суб-материального, ипохтонического, ризоматического профанного измерения.

Далее мы обратимся к более конкретным рассуждениям, связанным с современным языческим опытом.

Язычество и табу?

Современное язычество во многом наследует христианским и модернистским представлениям о сексуальности, при этом уделяя вопросам пола и сексуальности в язычестве неподобающе скромное внимание, сохраняя за этими сферами образ чего-то по-пуритански нечистого.

В этом вопросе современное язычество, как на Западе так и в России, идет на подчинение и компромисс с окружающим язычество современным и постсовременным обществом, которое все еще считает область сексуального личной, индивидуальной сферой, а также поддерживает негативный лживый образ «сектантской вакханалии», когда речь заходит о пересечении сексуального и эротического с Сакральным. Иными словами, современные язычники вешают на себя чужие представления о том, что должно и не должно, постыдно и допустимо. Нередко эти образы являются гротескными элементами антиязыческой пропаганды со стороны церквей креационизма. В негативном случае это может привести, как на это указывают многие видные языческие авторы, к обратному эффекту и практике сексуальных «вакханалий» с чисто профаническим сознанием и эгоистическо-гедонистскими целями, используя традицию как прикрытие и оправдание собственной низости.

Тем не менее, в современном язычестве есть ряд устойчивых *табу*.

Основная причина сохранения христианских табу заключается в том, что тайная линия передачи язычества при доминации христианства

проходила в народе, в широких слоях третьего сословия, чьи ценности резонировали с христианскими. Культ семьи и рода, акцент на бессмертии в детях и ограниченное восприятие экстатической Сакральности оставили за рамками многие афродические, экстатические шаманские и иные эротические практики более высоких сословий. Поэтому реставрация и реконструкция современного язычества несет наверх, к новым воинам и жрецам, те же третьесословные воззрения на пол, Эрос и секс.

В реальной языческой практике это выражается в очень малой доле эрото-сексуальных практик, частных и внутрисемейных (ср. Камашастре и Камасутре), и элементов Эроса при справлении особо акцентированных на эротическом аспекте праздников. К таким датам относятся день Весеннего Равноденствия как начало весны, все праздники аграрного цикла, связанные с прошением плодородия, символического зачатия земли пашни от мужского семени и круг ритуалов соития в поле для благоприятного зачатия, а также праздники, посвященные конкретным эротическим Богам: Эросу, Дионису, Каме, Фрейру и Фрейе, молодому Ярилеи т.д[87].

Праздник Летнего Солнцестояния в русском Родноверии – Купало – подразумевает ритуальное обнажение участников, особенно молодежи, которая потом удаляется в ночной лес для кумления и соития. Зачать ребенка на Купалу («купальские дети») считается хорошим знаком и обеспечивает благоприятный жизненный путь ребенку.

Но в современной ситуации язычества, порой большую проблему представляет даже не ритуальное соитие понравившхся друг другу юноши и девушки, сколько само действие ритуального обнажения. Такой жест натыкается на вульгарные общественные стереотипы, связанные с «сектантством». При этом громадный потенциал эротической энергии, превосходящий физический уровень индивидуального существования, остается нереализованным, запертым. Поэтому практика простого обнажения, даже в уединении в лесу или на возделанном поле, сама по себе может стать полезной и необходимой для современного язычества. Тем более что такие практики не отрицают и не отменяют тот же культ рода, но достраивают более высокие этажи Сакрального измерения Эроса, позволяют обратить всенародный Эрос профанической любви в Уранический Эрос, превозносящий адепта за его собственные границы.

Эротические аспекты язычества также связаны с преодолением представлений о моногамии как о единственной и «естественной» форме

[87] Бог Фрейр издревне изображается с ярковыраженным эрегированным фаллосом, аналогичной делается кукла Ярилы на Купалу.

отношений. Язычество не отрицает моногамии, но и не замыкается только на ней. Институт княжеских, царских наложниц существовал всегда. Институт гетер подразумевал не только и не столько форму проституции, сколько особую форму отношений между свободной и образованной женщиной-гетерой и мужчиной. Ближайший аналог гетер – японские гейши. Непосредственно храмовой «проституцией» занимались женщины иеродулы (слуги храма), в ответ на поднесенный Божеству (Афродите, Венере) дар. При этом ритуальная проституция нередко является актом ритуального и Сакрального нарушения табу *внутри самой традиции* (см. Тантры, Агхора).

Конкубинат (треугольник «жена+муж+любовница») тоже является частью Традиции, имеющий свои вариации у разных народов вплоть до Индии.

Особой проблемой являются ритуальные оргиастические практики, как связанные с аграрным кругом поверий, так и посвященные Богам Вина, Опьянения или Эроса, ярким примером здесь служат греческие Дионисии, Сатурналии и особенно Вакханалии в честь Вакха-Диониса, которые целиком состояли из Сакрального Безумства и нарушения табу, что повлекло их ограничения ещё в Римскую эпоху.

Говорить о возможности подобных ритуальных практик в современном язычестве, к сожалению, практически не приходится из-за креационистских табу с давления секулярной морали с одной стороны, и низменно-пошлым отношением к ритуальному действу со стороны незрелых язычников с другой. Но это не отменяет возможности и необходимости частной, супружеской практики и практики в кругу адекватных язычников-традиционалистов.

Отношение к гомосексуализму в современном язычестве в целом соотвествует мужскому отношению к нему как к не-должному, феминному поведению. Это мнение является магистральным и почти полностью исключает любые проявления второсословной гомосексуальности, что в целом укладывается в традиционные рамки, так как наличие юношеских инициаций в Mannerbund хоть и имели место быть, но нет свидетельств об их абсолютной институциализации[88]. К тому же в современном обществе даже профаническая армия крайне далека от Мужских Союзов.

[88] По мнению американского язычника Джека Донована тематика гомосексуализма и Mannerbund почти несовместимы и исторически гомосексуалисты представляли абсолютное меньшинство.

Но некоторые западные языческие организации попали под влияние постмодернистской толерантности и политкорректности, и либо открыто выступают в поддержку современного ЛГБТ-движения, либо признают свободу своих адептов в вопросе сексуальной ориентации, оставаясь на уровне организации на нейтральных позициях. Так, LGBT-friendly является датская община Forn Siðr и старейшая исландская община «Содружество Асатру», согласно заявлению Хилмара Хилмарссона в 2015 году о поддержке гей браков и свободе в этом вопросе среди Асатру.

Такая ангажированность в постмодернистские инициативы, несомненно, отбрасывает тень на эти организации, но не очерняет сам Одинизм или язычество как таковое. В силу принципиальной невозможности единой «языческой церкви» и догматики, мнение одной общины – это всегда мнение одной общины, даже если она старейшая и уважаемая в других областях и вопросах. Тем не менее, в примере этих организаций мы видим прямое противоречие самому эддическому мифу (Песнь о Трюме) и общественному порядку (оскорбление «эрги»).

Те язычники, что определяют себя как гомосексуалистов или ЛГБТ в подавляющем количестве случаев являются адептами New Age версий псевдоязычества либо находятся «в орбите» таких либеральных общин или квази-языческих субкультур.

При этом есть крайне малый процент язычников, которые понимают разницу между историческими явлениями гомосексуализма в своей традиции и её мифе и современным вырожденческим квир-движением. Такие язычники составляют очевидное меньшинство, и для них вопрос ритуально-эротической практики представляет ещё большую проблему, чем для основной массы язычников. Особым моментом здесь является тот факт, что свою ориентацию они рассматривают преимущественно через образ Mannerbund, воинское и жреческое сословия. То есть, обращают эту свою особенность и отличие не на гедонистическую телесную сексуальность, а на восходящий инициатический путь. При этом сохраняя корректную закрытость своих сообществ, и проводя дистанцирование от всех форм современного ЛГБТ-движения как от вырождения[89], вплоть до введения отдельного термина для самообозначения – Androphile, от греческих слов ἀνήρ – «мужчина», и φιλία – «любовь», «дружба»[90]. Термин «андрофил» призван подчеркнуть разницу между современным профанным «гомосексуалистом» и мужчиной воинского склада души иной

[89] См. Grimsson Wulf «Male mysteries and the secret of the mannerbund», Australia, 2011.

[90] См. книгу Jack Donovan «Androphile».

ориентации. Основной аргументацией в пользу этого, очень локализованного и ориентирующегося на древность подхода, является формулировка подобная первому алхимическому способу получения огня от погружения в другой огонь: связь мужчины с мужчиной [в рамках Мужского Союза] усиливает маскулинность, дает коммулятивный эффект. Мужчина в обществе мужчин увеличивает свою силу, не расточая её на женщин. При этом термин «андрофил» не случайно созвучен термину «андрогин». В своем пояснении двух планов, в которых работает андрофил в Mannerbund, Вульф Гримссон начинает с того, что адепт объединяет, сплавливает в себе мужское и женское начала достигая целостного бытия – это первый план работы, который Гримссон называет Вертикальным. Горизонтальным планом является укрепление братских отношений на основе чести и верности внутри союза.

В целом, количество таких язычников крайне мало и сам подход очень нов, закрыт и проблематичен, что пока не позволяет делать более глубокие наблюдения и выводы.

Относительно феминизма в современном язычестве, то его прибежищем стало New Age викканство, чему способствовал акцент на женских Богинях и либеральная идеология и правила внутри ковенов и самой религии[91]. Аутентичное язычество чересчур патриархально (в позитивном смысле) и для феминизма в нем отсутствует возможность укорениться – набор ценностей третьего сословия здесь играет положительную защитную роль.

Суммарно, у современного язычества есть необходимый потенциал для возрождения комплекса эротических практик, даже с поправками на некоторые современные реалии, а также здоровая реакция на постмодернистские инфильтрации в этой области. Для реставрации Эроса в язычестве достаточно провести четкое разделение на основе понимания, что мир Традиции и Модерна – абсолютно противоположны. И встать на сторону своей языческой традиции и языческого традиционализма, отбросив чужеродные и пуританские моральные системы ради уранического восхождения через мистерию пола, против демонических вихрей телесной одержимости.

И при этом не забывать, что жар нижней точки антропологической структуры человека исходит не сам по себе, а является преломлением пылающего в Сердце Пламени Сакрального.

[91] Идеи феминизма разделяет викканка-«одинистка» Фрейя Асвинн.

III
Политические измерения язычества

Многократно обращаясь в ходе нашего повествования к политическим идеологиям и теориям, в их связи с социальными и философскими идеями, составляющим интеллектуальное поле Модерна, и оказывающим влияние на язычество вплоть до прямой конфронтации с миром Традиции, мы не можем уйти от рассмотрения вопроса связи язычества и политики более детально, одновременно резюмируя уже изложенные нами мнения. В ходе этого экскурса мы не ставим себе задачу изложить актуальную времени политическую повестку в мире, лишь ограничимся указанием, что конфликт двух полюсов: Запада/США/либерально-капиталистической системы с Советской Россией в XX веке, продолжающийся с современной Россией, являющей собой неразрешимое смешение либерализма и православия, – не выражает интересов язычества, Традиции. Но в ходе этого конфликта *и язычество в том числе* испытывает на себе его влияние и становится инструментом ведения войны, либо разменной монетой и жертвой манипуляций обоих сторон. Мы вновь оказываемся перед вопросом о том, что лучше: либеральный Постмодерн Запада («свобода от») или либерально-православный распадющийся Модерн Востока-России, тяготеющий к диктатуре, на этот раз в её самом посредственном и профаническом виде.

Также глубоким заблуждением является секулярное разделение областей веры, религии, и политических взглядов; утверждение, будто религия это одно, а политические взгляды от нее независимы и представляют собой иную, автономную область. Языческое мировоззрение целостно и тотально, поэтому вера в Богов автоматически подразумевает определенные политические формы, идеалы и их деформации. Политические измерения язычества и политические измерения, например, христиан или мусульман будут различны. Различия в организации государства или общины будут иметь различия и внутри язычества, между народами и племенами, и между религиями креационизма. Но и манифестационистские традиции и религии креационизма будут иметь общие паттерны, позволяющие сделать обобщения об условных «Языческом Государстве» и «Креационистском Государстве», и о мере их подобия и различия друг с другом.

Итак, область политики – это область реализации второго сословия, воинской и царской природ, *поле власти*. Отправной аксиомой нашего

экскурса, призванного резюмировать «политический вопрос», будет являться *утверждение о строго современной природе всех(!) политических теорий, к которым мы обратимся.* С той разницей между ними, что некоторые из них воплощают в себе большее количество традиционных аспектов, чем другие, вплоть до прямого обращения *к Традиции из Современности*, как к идеалу и ориентиру.

Здесь мы полностью разделяем взгляды барона Эволы, первого традиционалиста-политика, заложившего магистральные направления традиционалистской мысли в этой сфере. Согласно традиционализму, нас в первую очередь будут интересовать проявления Вечного, идеальных принципов, в древних и современных преходящих и уходящих формах. То есть, в современных политических идеологиях и практике нас преимущественно интересуют те аспекты и явления, которые воплощают вечные принципы чести, верности и священного, semper fidelis. Они фрагментарно присутствуют или присутствовали в современном политическом, пробиваясь сквозь нагромождения профанических конструкций и заблуждений. И, как верно заметил Ю. Эвола, неудачные («неорганичные») воплощения традиционных принципов никоим образом не отбрасывают тени на сами эти принципы и не очерняют идеи. Проблемы материального воплощения, проблемы человеческого типа, берущего на себя непосильную ношу – это проблемы уровня реальности, срединного мира современного упадочного человечества. Неудачи человека не говорят о том, что идеи и принципы, которыми он руководствовался, также носят «неудачную» и «провальную» природу.

III.I Предварительные рассуждения

Рассмотрение интересующих нас политических идей и их воплощений в свете языческого традиционализма требует от нас на начальном этапе совершить предварительные экскурсы в области древнего идеального устроения Государства и в современные представления сторонников Традиции, Вечности и консерватизма, а также вновь обратить внимание на этносоциологический взгляд на становление древних обществ и Государства.

Эти темы предварительного рассмотрения очертят рамки интересующего нас контекста, в которые мы будем вносить, и с которыми будем соотносить отдельно рассматриваемые политические идеологии и практики.

Утопия Платона

Образ идеального Государства в Античности изображает Платон устами Сократа в десяти книгах «Государство» (греч. Πολιτεία). Для Платона принципиальная вертикальная ось тождества Космоса, Государства и Человека. Идеальное устроение Космоса отражается в идеальном Государстве и праведном Человеке, как и благородство и воспитание людей является залогом справедливого Государства и Космоса. Разлад в душе человека ведет к общественному сметению и разладу Государства, как и несправедливое Государство воспитывает порочный тип человека.

Исследование идеального Государства начинается с вопроса о справедливости и в ходе долгих дискуссий Сократ доказывает верховенство справедливости, справедливого и правильного человека и создаваемого им справедливого Государства, в котором воплощается ключевая идея Блага. В ходе построения утопии Сократ неоднократно сравнивает между собой устройство Государства, человека и мира, показывая взаимосвязь и аналогии между ними, доказывая истинность незыблимых принципов справедливости и Блага на всех уровнях.

Идеальное Государство Платона является рациональным и концентрированным выражением индоевропейской трехчастной структуры общества, позднее независимо вскрытой и описанной Ж. Дюмезилем.

Согласно Платону идеальное Государство имеет следующую классическую структуру:

Высшее сословие – философы, воспитатели. Те, кто созерцают сущности вещей (Идеи) и правят согласно справедливости. Философы отбираются из достигших возраста пятидесяти лет стражей, природа души которых расположена к созерцанию высших Идей. Философы, обладающие золотой душой, начисто лишены тщеславия и сребролюбия, они правят не ради власти или благ, золота, но потому что «чувствуют, что никто не справится с этим бременем лучше них».

Второе сословие – стражи, воины. На них возлагается обязанность охраны Государства от врагов извне и сохранение порядка внутри. Воины, как одно из высших и правящих сословий, также должны быть лишены частной собственности и жить на обеспечении общества, не отвлекаясь на вопросы добычи пропитания и имущества, а всецело сосредоточится на военном деле и обучении.

Третье сословие – остальные граждане Государства: ремесленники, охотники, земледельцы, врачи и т.д. Каждый из них должен выполнять то, к чему лежит его душа (его природа). Если врачеватель хорош в своем деле, то он не должен заниматься портняжничеством, так как в этом деле от него больше вреда, чем толку. Платон устами Сократа описывает довольно жесткую сословно-кастовую систему, не уступающую индийской и имеющую с ней много общего.

«– Между тем государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждый свое дело. А рассудительным, мужественным и мудрым мы признали государство вследствие соответствующего состояния и свойств представителей этих же самых сословий»[92].

Сократ открыто предпочитает стражей, а из стражей лучшими людьми Государства считает философов. При этом он не подразумевает тождества между жрецом и философом, в чем проявляется дистанция между мифом и логосом в философии Платона. Эта дистанция доходит до дуализма в ситуации с поэтами (Гомером, Гесиодом и др.), которых Сократ предлагает изгнать из Государства как развращающих молодежь и вносящих сметение в их души и мешающих воспитанию стражей, прививая им недолжные переживания и мысли, «призраки вещей». Столь радикальное отношение к поэтам и поэзии вытекает из строго Аполлонической природы философии Платона, воинственной и четкой, подчас жестко рациональной, в противовес подвижной и подвластной метаморфозам поэзии, являющейся вотчиной Диониса.

Рассмотрение идеального Государства и справедливого человека завершается признанием Сократом, что лучший тип государственного устройства, выражающий справедливость и ведущий к Благу, – это аристократия, власть меньшинства, лучших граждан – философов, либо власть одного, выдвинувшегося из их числа, царя.

Напротив аристократии Сократ выстраивает четыре типа неидеальных государств, по степени умаления справедливости: тимократия, олигархия, демократия и тирания.

Отличительная особенность тимократии – несправедливая власть воинов, военного меньшинства. В тимократическом государстве мудрецов не ставят править, так как в нем почитают воинские доблести, ярость и силу, то есть более материальные, грубые качества. При тимократии предпочтение отдается более простому и хитрому человеку, «рожденному

[92] См. Платон. Избранное// Государство. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2004. - 491 с.

для войны», ибо тимократическое государство всегда будет воевать. При тимократии возрастает тяга к власти и богатству, так как воины больше имеют серебра в душе, чем золота и поэтому тяготеют к его накоплению. При этом такое государство, как отстающее сразу же после аристократии, во многом все еще сохраняет его черты. Тимократический человек с возрастом становится подвластен накопительству богатств и спокойной жизни, он будет терпеть обиды, и мало уделять внимания своему хозяйству и жене, что скажется на подрастающих в его семье детях, которых жена и слуги будут сознательно или нет настраивать против отца. В такой среде в душу юноши проникнет разлад: с одной стороны, естественная симпатия и подражание отцу, а с другой – общественное мнение о нем, выставляющее его слабым и неразумным, что будет вызывать в юноше яростное и вожделеющие начала. Потомство, выросшее при тимократическом государстве, со временем приведет его строй к следующей более низкой ступени – олигархии.

Основа олигархии – имущественный ценз, который отделяет бедняков от управления государством. Власть сосредоточена в руках богатых, олигархов. Олигархия происходит из тимоккратии через накопление богатств у частных лиц, которые начинают с его помощью нарушать законы, теряют добродетель и увлекают в этом за собой все общество. Одновременно с этим, замечает Сократ, в государстве начинают сущестовать как бы два общества – общество олигархов и общество бедняков, каждое из которых отдаляется и обособляется от другого и злоумышляет против него. Поэтому правящие олигархи боятся народа своего государства, и в войне такое государство непременно проиграет.

При этом Сократ указывает, что в олигархическом государстве развивается худшее из всех зол – возможность человека отказаться от своего сословия, то есть перестать быть самим собой, став нищим.

«– Возможность продать все свое имущество – оно станет собственностью другого, – а продавши, продолжать жить в этом же государстве, не принадлежа ни к одному из его сословий, то есть не будучи ни дельцом, ни ремесленником, ни всадником, ни гоплитом, но тем, кого называют бедняками и неимущими».

При олигархии человек может выпасть из сословной пирамиды, стать подобным индийским чандалам, только благодоря «экономическим» причинам. Не из-за своей природы, кармического наказания или действия злых сил, но в силу имущественного ценза.

Олигархический человек, согласно Сократу, подобен забытому трутню в рое – он тунеядец, который только накапливает богатства (высасывает соки), но на войне и в делах государства от него мало толку.

Олигархическое государство со временем регрессирует в демократическое, о котором Сократ говорит следующее:

«– Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

...

– Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать что хочешь.

...

– ... Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое если с малолетства — в играх и в своих занятиях — он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, от каких кто занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаруживал свое расположение к толпе.

...

– Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных».

В этом описании отчетливо проглядываются черты современной либеральной демократии и принципа «свободы от». При демократии нарушается сословный принцип Сакральной иерархии и неравенства, осуществляется «уравнивание равных и неравных» причем меру берется нижняя граница бедняков, которые занимают в сословной иерархии низшее место. Вопрос выдвижения в политики и государи решается через популизм, симпатию толпы, а никак не через воинские или философские доблести и добродетели души.

Об опасностях взросления юноши при демократии Платон пишет:

«– Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость,

разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность — свободою, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых вожделений, уже в юные годы переходит к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным?»

Сократ замечает, что демократический строй открыт любому типу устройства, включая и возможность построения идеального Государства, но чаще всего демократия заканчивается установлением последнего, самого несправедливого строя – тирании.

Аристократическая идея Блага заменяется на богатство в олигархии, а в демократии на свободу, которая обращается вседозволенностью, настолько широкой, что «купленные рабы и рабыни ничуть не менее свободны, чем их покупатели». При такой крайней демократии душа граждан будет противиться всему принудительному и ограничивающему, даже законам, стремясь освободить себя от любого начала сверху. И из такого народа, как его ставленник, вырастает тиран, который обращает абсолютную свободу в жесточайшее рабство. Тиран сохраняет свободу только за собой, а в отношении вчерашних соратников и любых вольнодумцев он разворачивает гонения и истребления, что Сократ уподобляет врачевателю, который вместо болезни вырезает здоровые ткани тела.

Крайне важно, что Сократ называет тираническим корнем в человеке безудержные желания, которые душе внушает Эрот. Сократ не говорит об этом прямо но, судя по контексту диалога, речь идет об Эроте Всенародном или Пошлом, вульгарном. Сократ прямо называет такого Эрота тираном души.

«– Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вожделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать, и люди, словно гонимые стрекалом различных желаний, а особенно Эротом (ведь он ведет за собой все желания, словно телохранителей), станут жалить, высматривая, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана или насилия».

Зерно тирана закладывается при первом же отступлении от аристократии и, вызрев в душе человека, распускается буйным цветом при установлении тирании.

И также крайне показательны следующие замечания Сократа о тиране: первое это то, что тиран восстает против своего отца в семье и против

своего народа, из которого он вышел; второе это то, что говоря о том, как души выбирают себе жизни перед очередным воплощением, Сократ приводит свидетельство Эра о тиранической доле:

«После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий: он взял себе жизнь могущественнейшего тирана. Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь — пожирание собственных детей и другие всевозможные беды».

Второй сюжет прямо отсылает нас к фигуре Кроноса-тирана и последующей титаномахии, которая окончилась победой Богов и установлением порядка и должного. Первый сюжет восстания против отца, который в контексте рассуждения Сократа не подобен тирану-Крону, а представляет менее испорченный, предшествующий тирану тип человека, прямо отсылает нас к ситуации постмодернистского бунта против патриархальности и вертикальных структур. Одержимость и тирания Эрота Пошлого – это прорицание Платоном «машин желания» Ж. Делёза и диктатуры сексуальности и телесности Постмодерна. Несмотря на то, что Платон не вводит исторической линии в типологию государств, установление либеральной диктатуры Постмодерна, следующей за демократией Модерна, совпадает с традиционалистскими эсхатологическими представлениями, с Кали-Югой Веданты, Рагнарёком германцев, веками Гесиода.

Немного отличную от Платона типологию политических устройств предлагает Аристотель. Он выделяет три идеальных формы правления: монархию, аристократию и политию. Первые две соответствуют царю-философу и философской аристократии Платона, полития же является сочетанием лучшего из олигархического и демократического типов правления, во благо большинства. Примером политии являются Афины. Каждый из трех идеальных типов Аристотеля имеет свою извращенную форму. Монархия обращается тиранией, аристократия – олигархией, а полития – демократией.

Здесь важно отметить тождество Платона и Аристотеля в том, что крайними позитивными формами правления являются монархия и аристократия, а крайними негативными формами являются демократия и тирания.

Таким образом, говоря о нормативных представлениях о политике и Государстве в Традиции, в язычестве, можно заключить, что трехчастная сословная структура общества, которая является манифестацией

Божественного порядка/идеальным воплощением, во главе которой стоит философ (Платон) или жрец (брахман в Индуизме), за которым располагаются стражи-воины, покоящиеся на земледельцах и ремесленниках – это идеальное, структурное представление о Государстве у индоевропейских народов (Ж. Дюмезиль). Государство Платона выражает холизм и может быть проиллюстрировано символом окружности с точкой в центре, где будут находиться цари-философы, чей взор обращен на высшие уровни бытия, то есть Сакральное вновь расположено в центре, в Сердце Государства. Это Государство, его образ, так или иначе, воплощалось на протяжении всей истории, именно от этого образа происходили отклонения, которые не очерняли саму эту структуру, но очерчивали границы несправедливого устройства и воплощали закон регрессии каст и мировых условий.

Государство Платона выражает принцип манифестационизма, оно есть проявление высшего на всех уровнях Космоса, тем самым этот идеальный образ одновременно является и Божественным источником политики, причем именно такой политики, в такой форме и устройстве. Иные устройства регрессивны, темны и несправедливы, но даже они, отклоняясь от идеала, остаются в рамках манифестационизма, как эквиполентная негативная пара: полюс аристократии/монархии против полюса тимократии/олигархии/демократии/тирании. Иная ситуация складывается с креационизмом, который представляет принципиальный сдвиг политического из Традиционного (манифестационистского) мира в сторону грядущего Модерна. Основания политики в креационизме отличны от языческих идеалов в силу все той же онтологической разницы creatio ex Deo и creatio ex Nihilo.

Языческий Космос принципиально открыт и это выражается и в политике, в структуре идеального Государства и земных государств: на вершине пирамиды, или в центре, стоит Сакральная фигура царя, являющегося в некоторых традициях самим Богом, который далее транслирует эманации Сакрального на весь мир. Между миром и Богами нет мембраны, преграды. Царь – это ступень в лестнице нисхождений и восхождений эманаций.

Мир креационизма напротив – принципиально закрыт и замкнут сам на себе, Бог находится за непреодолимой мембраной Ничто и его явления в мире единичны и исключительны (чудо Богоявления). Это налагает свой отпечаток на политические представления. Иудейский народ, в лоне которого вызрел креационизм, позднее других соседних языческих племен

пришел к царской форме правления, и истории иудейских царей во многом носят трагический, сопряженный с греховностью характер. Так, первый царь Саул впоследствие стал неугоден Богу и его сменил Давид, из колена которого вышел Иисус Христос. Царствование Давида заканчивается борьбой за трон с сыном Авессалоном (типичный сюжет восстания на отца); несмотря на победу над сыном, положение Давида шатко и он передает трон легендарному царю Соломону. Несмотря на свою праведность и мудрость, Соломон поддается уговорам одной из своих жен и строит языческий алтарь для почитания её родных Богов, что вызывает гнев Яхве и он пророчит народу Иудеи новые лишения в будущем. После смерти Соломона вспыхнувшее восстание уничтожило единую Иудею.

Невозможность стать Божеством в мире креационизма порождает восприятие этого мира как нечистого и греховного (греховная материя и отторжение женщины – одни из проявлений этого восприятия). Из этого вытекает особая, запретительная форма креационистской политики, отражающая мировоззренческие взгляды третьего сословия, преимущественно дельцов (иудейский патриарх Авраам как раз был зажиточным дельцом).

Иудейские и христианские заповеди строятся на запретах, которые являются истоком морали и креационистской политики. Заповеди представляют собой договор, «Завет», между Богов Яхве и человечеством. Это та малая часть, которая *косвенно* относится к Сакральному источнику Закона, т.е. *одной из сторон договора является Бог.* При этом обе стороны принципиально не равны. На долю человека выпадает проработка всего остального закона и устройства Государства, которые являются производными от стартовых условий заповедей. Отсюда проистекает множество юридических школ ислама, мазхабов, и юридический характер Торы и Талмуда. Несовершенная прометеевская природа человека, оставленного в этом замкнутом мире наедине с собой и запретительными заповедями, вынуждена порождать разветвленное и запутанное законодательство дабы компенсировать отсутствие Сакрального порядка, пронизывающего общество.

Идеальное общество Платона строится на свободе человека заниматься тем, к чему склонная природа его души («свобода для») и педагогике высших сословий, роль запретов же возрастает по мере отклонения устройства Государства в сторону несправедливости.

Максимально от Блага и справедливости удалена тирания, и креационизм – его политика – комплиментарны тирании и ведут к ней.

Платон указывает характерную черту тирании – бунт юноши с тиранической душой против отца и оторванность-и-противопоставленность тирана от своего народа, из которого он вышел. В креационизме сюжет восстания сына на отца встречается в истории Авраама, разрушившего идолы своего отца-язычника, и в восстании сына Давида на отца. Как тиран оторван от народа, так и авраамический Бог оторван от мира, в земной проекции также и царь, уподобленный Бога либо его ставленник, отрывается от своего народа. Но царская форма правления недолго держится у иудеев. Более они тяготеют к племенной демократии, одной из несправедливых форм согласно Платону. Позднейшая ревизия католичества протестантами Лютером, Цвингли и Кальвином, взявшими за идеал ранее иудео-христианство, открыли врата к тирании Модерна, выросшего из очищенного от европейсого двоеверия христианства.

Политическое креационизма глазами манифестациозма, который позволяет включить в себя креационизм как нечто демоническое, титаническое, то, чему всегда противостоят Боги и Герои, будет выглядеть как проявления негативной демократии («свободы от») и тирании в их сочетаниях и, возможно, еще более низких и несправедливых формах чистого Модерна.

Вечность сквозь современность

Несмотря на историческое падение, регрессию веков Гесиода, в результате которого человечество погрязло во Времени и материи – в Современности – Вечность всегда остается на своем возвышенном месте, проблемы человеческого падения не бросают на неё своей тени. В этом заключается ключевая особенность и драма человека – свобода смотреть на Небо, Богов и Вечность, либо смотреть в землю и грязь.

С начала XX века и в период после Первой мировой войны, в политическом поле оформляется новое течение, представленное преимущественно германцами, которое обращает свой взор к Вечному, и заключает с ним союз вопреки шторму современности. Речь идет о течении Консервативной Революции.

Консервативная Революция – это широкая плеяда мыслителей, которые стремились дать ответ на вызов Современности и при этом уйти от крайностей, которые она предлагает; не обмануться её чарами. Поэтому консервативных революционеров нередко называют *третьей силой*,

находящейся на равном удалении от левых марксистских и от правых либеральных идей.

Необходимо подробнее рассмотреть само название «Консервативная Революция», на первый взгляд звучащее как парадокс и взаимоисключение. Будучи изначально германским течением, младоконсерваторам был присущ германский фатализм и они принимали Модерн как неизбежность и судьбу, против которой бесмысленны реакционные действия, которые свойственны режимам в ситуации революции. Реакция всегда опирается на *старое*, былое, против которого восстают революционные массы. Поэтому реакция заведомо обречена. Но в таком случае, если революцию не предотвратить и не обезглавить, то в ней необходимо победить. Поэтому младоконсерваторы обращаются *не к старому, но к Вечному*. Именно Вечное и есть то консервативное, о чем они говорят. И обращение к Вечному как ответ на Модерн является Революцией, победой в ней. Идеологу Консервативной Революции Артуру Мёллеру ван ден Бруку (1876-1925 гг.) принадлежит максима, выражающая суть третьего пути: «На стороне консерватора вечность». Он же определял «консервативность» как то, что позволяет «все больше и больше откапывать в нас то, что является вечным»[93].

В плеяду консервативных революционеров входят и такие выдающиеся мыслители, как Освальд Шпенглер («Закат Европы»), братья Эрнст и Фридрих Георг Юнгеры, политолог Карл Шмитт, социолог Вернер Зомбарт, Мартин Хайдеггер. Нередко провозвестником некоторых идей Консервативной Революции называют Фридриха Ницше.

Консерваторы были близки католичеству и христианству в целом, тонкий дух язычества проступал в немецком романтизме и поэтике, так же сокрыто, как и языческая цепь традиции в двоеверии. Хотя само обращение не к прошлому, но к вечному в своем пределе должно было привести к преодолению иудео-христианства («вечной Иудеи» Ницше). Обращение к вечности как к идеалу делает Консервативную Революцию во многом комплиментарной политике классического традиционализма, тем более что оба течения развивались одновременно и некоторые знаковые фигуры были знакомы друг с другом.

Таким образом, младоконсерваторы настолько близки к язычеству, насколько язычество присутствует в немецком романтизме и третьей силе,

[93] См. Ален де Бенуа «Вечность на стороне консерватора» // «Элементы» №3, 1993 г., Москва; и Артур Мёллер ван ден Брук «Миф о вечной империи и Третий Рейх» М.: Вече, 2009.

опирающейся на специфичекий этноцентризм, и насколько важным является языческое начало – языческий фундамент и ось – в традиционализме.

Также само устремление к сохранению сословности, аристократии и радикальное «Нет» Модерну, выраженному в либеральной демократии и левом социализме, уже делают течение Консервативной Революции максимально близким к Традиции, идеальному Государству Платона. А в современных условиях кризиса политической мысли в язычестве, идеи политического традиционализма и консерватизма, даже выросшие на католической почве, требуют к себе деликатного внимания и поиска в них наиболее чистых традиционных форм.

Наибольший интерес из плеяды младоконсерваторов представляет классик политологии, немецкий юрист Карл Шмитт (1888-1985гг.). Мысли Карла Шмитта принадлежит множество политических концептов и понятий, которые сегодня являются базовыми и проникли даже в сферу повседневного общения. Несмотря на спорную репутацию из-за сотрудничества с нацистами, его фундаментальный вклад в политическую и юридическую науки отмечен здоровым консерватизмом и оказал существенное влияние. Поэтому Карла Шмитта прежде всего следует понимать не как «адвоката нацистов», модернистского политолога или католического юриста, а как консервативного революционера, чей взор на вечность отразился в интересующих нас областях политики и войны.

В XX веке К. Шмитт вновь обратил внимание и проиллюстрировал традиционную истину о неразрывности связи политического и религиозного. В его версии речь идет о политической теологии, то есть о том, что изменения в политическом неукоснительно следуют за изменениями в теологии и структуре религиозного. Переход от Империй к раздробленным национальным государствам буржуазного толка строго соответствует и следует за теологической инволюцией от единой церкви к протестантизму. Между теологическими флуктуациями и изменениями и переосмыслением политического существует связь. Современные политические идеологии возникают как производные от различных теологических построений: православие, католичество, Реформация и протестантизм, деизм и т.д. порождают свои политические измерения и градиенты нюансов.

К. Шмитт приоритетно рассматривает историю и изменения христианской Европы. С точки зрения языческого традиционализма христианская Европа во многом наследует язычество, частично

реструктурируя и отбрасывая его положения, и облекает и обосновывает оставшиеся структуры с точки зрения новой, христианской теологии и толкований; встраивает их в себя. Поэтому, вновь в русле двойного двоеверия и вскрытия языческой линии в глубине и основании христианской теологии и средневековой политики, обращение к Карлу Шмитту, равно как и к другим современным Консерваторам, требует тонкой операции различения смещения регистра с апологии консерватизма-как-христианской Европы в сторону истинной языческой вечности.

Карл Шмитт дает фундаментальное, структурное определение, что есть Политика и политическое как таковое: в основе Политики лежит дуальное разделение на «друзей» и «врагов»; сам акт *выбора* Друга является отражением от Врага, и этот акт выбора и есть Политика, её начало. Враг – это экзистенциальный противник за рамками морали, эстетики и каких-либо дефиниций, Враг – это тот, которого следует уничтожить. Это экзистенциальная аксиома.

Фигуры Друга и Врага *являются принципиально выборными*. В отличие от Родни, которая является заведмо своей, связанной, «дружественной», *субъект Политики выбирает с кем Дружить, а с кем Враждовать*, но он не выбирает Родственников, которые ему *даны*. Здесь же сразу вскрывается и глубинная сущность Политики – война (polemos, bellum), что резонирует с максимой Гераклита и внутренней воинственной природой и мифологией германцев. Также определение Друга и Врага, Своих и Чужих, является актом собственной идентификации с большим коллективом, коллективной идентификацией: «они – Свои, и я их часть», и коллективной идентификации Врага: «они – Чужие, и я воюю с ними».

С языческой точки зрения представляет интерес дополнение к этой дуальной структуре в виде Родственников/Рода, который может влиять (наследственность вражды, кровная месть и т.д.) на самоидентификацию со Своими и на идентификацию Врага, оставляя свободным поле для идентификации Друга, как военного союзника за пределами Рода, клана. В такой оптике *эквиполентная* пара Друг/Враг дополняется до *градуальной* картины Род-Враг-Друг, позволяющей рассмотреть контекст Политического и влияние на акт выбора.

Поскольку пара Друг/Враг является выборной и эквиполентной, то есть Враг имеет принципиальное позитивное значение (как тот, напротив кого определяется Друг), в отличие от привативности, где за противположным полюсом отрицается какое-либо Бытие и ценность (1/0), это означает

трезвость, соразмеренность и уважение во всей дальнейшей политике и войне. Идентификация происходит трезво и реальное наполнение фигур Друга и Врага может варьироваться от ситуации к ситуации, от стратегии, поэтому уничижение, фанатизм и истерия, демонизация Врага являются излишними и патологическими явлениями в сфере Политики и Войны. Здесь сразу можно указать на патологичность религиозных войн эпохи Крестовых походов и внешнего джихада мусульман против любых язычников. Демонизация и унижение образа Врага соответствуют привативному мышлению Модерна, где другой полюс (1 против 0) нужно максимально свести к нулю на уровне его ценности и весомости. Здоровой языческой ситуации Политического и Войны соответствует равенство и достоинство сторон войны, что в эпоху Третьего крестового похода воплотилось в противостоянии двух властителей, Ричарда Львиное Сердце и Салах ад-Дина (Салладина). Отношения английского короля и султана являются контрастной иллюстрацией аристократического и честного подхода к войне и Врагу, в противовес самому патологическому контексту священных войн. Знаковыми является дар Салладина двух лучших скакунов Ричарду после того, как на поле боя убили лошадь, на которой он сидел, а также личная встреча короля и султана после окончания войны.

Эквиполентное и «хладнокровное» понимание акта идентификации Друга и Врага приводит Карла Шмитта к обоснованию и апологии Военного Права, Jus Belli, как особой отрасли международного права регламентирующей порядок объявления войны, ведения боевых действий, расширения фронтов и отношения к мирному населению. Холодный юридический подход в данном случае резонирует с эквиполентной взаимоценностью воюющих сторон, в противовес современной дегуманизации войны, демонизации милитаризма и формировании образа войны и воинов как не[до]человеческого дела патологического типа людей. Такое обесчеловечивание войны и пропаганда пацифизма только усугубляет и никоим образом не разрешает нарастающих проблем региональных конфликтов, локального и международного терроризма.

В ситуации, когда современное постмодернистское общество пытается «обнулить» смысл войны и террора (полюс 0), высмеять и нигилизировать его, сама нигилистическая природа Постмодерна играет на руку тому, что юридически не регламентированные, хаотические, фанатические, патологические и «бесовские» война и террор все ширятся и проникают на сам Запад (полюс 1), и активно начинают «обнулять» саму единицу. Идея Jus Belli является юридической реставрацией того, что раньше

неформально регламентировалось через принципы сословной чести, верности, достоинства к врагу и отсутствии фанатизма и истеризма, свойственного привативной модели креационизма и Модерна. Но в реальном международном праве Jus Belli не было реализовано.

Вплоть до падения Западной Римской Империи европейское политическое наследовало языческие имперские структуры Рима, воспроизводя по инерции иерархическую пирамиду и Сакральность власти, облачая их в язык христианской теологии. Падение Империи и феодальная раздробленность являются закономерным следствием активного распространения христианства в Европе. Политическое следует за религиозным, переходя от экстенсивной фазы количественного пространственного распространения к интенсивной фазе внутриполитической реструктуризации. В Средневековье образцы традиционного политического встречаются в рыцарском сословии и отдельных исторических фигурах, реставрация имперского происходит после эпохи Возрождения, заново открывающей эллинизм и латинство в Европе.

Эпоху до Возрождения следует рассматривать как время угасания, деформации и реструктуризации языческих структур Политического и Государства в пользу новых креационистских форм. Само Возрождение выступает прелюдией к Просвещению и в эту эпоху начинает формироваться будущая городская буржуазия. Самим моментом возникновения Политического Модерна, прямиком из истока христианского Политического, является Реформация и протестантизм.

Последующее время отмечено возникновением на периферии философской мысли и Политического традиционализма и Консервативной Революции. Политическое измерение традиционализма целиком является заслугой барона Юлиуса Эволы[94], и оно во многом комплиментарно позициям младоконсерваторов, что позволяет рассматривать оба явления совокупно как традиционалистское Политическое, с поправкой на указанное нами необходимое разделение философского двоеверия. Традиционалисты и младоконсерваторы увидели свой исторический шанс в режимах фашистской Италии и национал-социалистической Германии, включившись в процессы формирования идеологии и политической повестки в этих государствах с целью изменить модернистские материалистические и узкошовинистские идеологические установки в

[94] См. Хансен Х.Т. «Политические устремления Юлиуса Эволы»; Ю. Эвола «Люди и руины», «Оседлать тигра», «Фашизм: критика справа».

традиционном аристократическом ключе, но потерпели фиаско внутри этих стран еще до их поражения в войне. Послевоенная ситуация триумфа лево-либеральной идеологии окончательно исключила возможность участия право-консервативных (традиционалистских) сил в реальной политике, оставив место лишь послушным постмодернистским симулякрам.

Вне сферы политической мысли и практики также появлялись и развивались научные теории, являющиеся полезным подспорьем для политического, языческого и традиционалистского дискурса. Все эти теории так или иначе сглаживали, преодолевали или опровергали эволюционистский и универсалистский гносеологический расизм Модерна; проявляли симпатию к Традиции и архаическим обществам (М. Элиаде, К. Леви-Стросс, М. Стеблин-Каменский, Б. Рыбаков и др.).

Непосредственно к Политическому и Власти относятся теория аллогенного происхождения элит и Государства, согласно которой высшие воинское и жреческое сословия исторически принадлежат к более воинственным – пассионарным, согласно Л. Гумилеву – народам, которые захватывают и подчиняют себе менее воинственные и более аграрные народы. При этом завоеванный народ преимущественно занимает нишу третьего сословия, изредка проникая в ряды второго, но мифологические традиционные сюжеты, имена Богов, символы и культура довольно активно проникают в жреческую среду, в которой происходит синтез двух культур в общую традицию.

Принципиальное объяснение Политического дает структурализм, возводящий корень политики к языку. Язык, его структуры и правила построения предложений, речи, и есть базовая матрица Политического. В языке, высказывании, всегда есть подлежащее и сказуемое, которые в политической реальности соответствуют правителю и подчиненному, независимому и зависимому. Поэтому включение в язык, освоение языка в процессе взросления и социализации, сам язык, – это и есть процесс включения в Политическое, его базовое обоснование и структурирование. Постмодерн отвечает на такую проблему деконструкцией языка, апологией бессвязной неразборчивой речи (lalanguage) и шизофазии, характерной для шизофрении.

Консерватизм отвечает противоположным образом, вставая на защиту языка, и отсюда берет свои корни языковой пуризм, приобретающий прямой политический окрас. Но не стоит забывать, что сам по себе языковой пуризм требует нюансировки по семантической окраске

новообразованных слов и подобранных аналогий для объяснения внешних иноязычных терминов. В случае позитивной семантической нагрузки новых слов и аналогов консервативная политическая преграда в виде пуризма дает брешь и окольный путь для иноязычной (иномировоззренческой) интервенции на уровне семантики и оценочных коннотаций.

Позитивные консервативные тенденции и проблески вечности в современной политической и социально-гумантиарных науках не ограничиваются изложенными нами авторами и подходами, но более подробное рассмотрение темы выходит за пределы данного труда. В целом, несмотря на отсутствие *прямой* политической идеалогизированности и ангажированности, следует помнить о *косвенной* ангажированности с виду нейтральных гуманитарных и антропологических наук, проводя своевременное выявление модернистских и постмодернистских элементов в дискурсе и их отсеивание.

III.II Племя или Империя?

«Tribes versus Empires» – такую проблему ставит Стивен МакНаллен, рассуждая о завоевании германских племен Римом. Для него завоевания Римской Империи представляются как пришествие могучей и сильной [репрессивной] системы, подчиняющей себе малые свободные германские народы. Поэтому С. МакНаллен и Асатру, та часть Асатру, которая следует за ним как лидером, в борьбе народов против империй, встает на сторону народов, «folkish».

Здесь следует детально разобраться в терминах. Английское слово «tribe» восходит к латинскому «tribus» и имеет значения «племя», «раса», «народ», «община», «колено [Израиля; клан]». В контексте высказывания С. МакНаллена речь идет конкретно о племенах древних германцев, в их догосударственной структуре рода-клана.

Под Империей С. МакНаллен понимает репрессивную, материалистическую капиталистическую систему, что полностью соответствует понимаю Империи французским социологом Аленом Сoралем[95]. Для А. Сораля современная антитрадиционная Система

[95] См. Сораль Ален «Понять Империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций?».

(Модерн), в определении которой он прямо опирается и ссылается на Р. Генона, берет свое становление в эпоху Просвещения и на современном этапе представляет сложное сочетание капиталистических, политических, идеологических, мафиозных сетевых структур, управляющих миром в репрессивной форме. Эту Систему А. Сораль называет Империей, но она не имеет ничего общего со Старым Миром и его Имериями, поэтому здесь следует проводить четкое разделение в употреблении одного термина для разных явлений. Империя Сораля – это современная Империя МакНаллена, против которой выступают языческие религии и Асатру в частности. Но Стивен МакНаллен возводит корни Империи Сораля к Римской Империи, то есть он подчеркивает, что разница между Римом и Империей Сораля «косметическая». В этом заключается нюанс восприятия Империи-Системы у МакНаллена: когда он говорит о современном мире, современных ему США и глобальной Системе, – он полностью соответствует традиционалистскому дискурсу Алена Сораля. Когда он говорит о той же Системе, но определяет её в Античности, в Риме, он совершает принципиальную парадигмальную ошибку, отождествляет две разные по своей природе Империи.

Современной Системе-Империи Сораля, и представлению С. МакНаллена о завоевании германцев Римом, больше соответствует современное понятие «империализма», которое означает экономическую и военно-политическую экспансию могущественных государств, сопряженную с колониализмом и репрессивным подавлением коренного населения колоний, вплоть до их систематического истребления (Америка, Австралия, Индия). При таком подходе демократичность С. МакНаллена снова берет свой корень в заблуждении и отождествлении двух разных явлений; и также не стоит отождествлять империалистическую стадию капитализма (Т. Гоббс, В. Ленин) с языческим империализмом Ю. Эволы, строящимся из совсем иных, традиционных предпосылок.

По своей сути Империя (в традиционном смысле) является максимальным, на уровне Государства, выражением Сакральной Иерархии и Должного, иными словами, Империя – это Должное и Иерархия, возведенные в принцип Государства. Согласно Платону Империя является формой справедливого Государства с монархической формой правления. Принцип Империи не противоречит принципам общинной иерархии и организации, но отличается от них по уровню и сложности, разветвленности, структуры. Император Государства – это племенной вождь, глава общины (старослав. мір)/клана/рода (tribe), армия – это

дружина, Mannerbund, земледельцы и ремесленники также присутствуют в обеих структурах. Параллели между Империей и племенем/общиной можно продолжить и на уровне семьи и человека, по примеру диалогов Платона, выявляя тождество на всех уровнях. Империя – это вершина языческой государственности, maximum Политического Традиции. Меньшие государства и племена, общины, отличаются от Империи размерами и мощью, но структурно могут быть ей комплиментарны, если не отклоняются в стороны несправедливых форм правления и устройства по Платону. При этом показательно, что имперская политика завоеваний Рима не подразумевала этногеноцида завоеванных народов, более того имел место религиозный плюрализм и расширение имперских культов, синкретизм традиций. Система-Империя Сораля, таким образом, является законченной версией анти-Империи, абсолютно несправедливой и имеющей в своем основании только материальные интересы.

Не менее показательным является и тот факт, что окончательно сокрушили уже христианскую Западную Римскую империю именно германцы, а позже – впитав эллинское наследие – воспроизвели целую сеть христианских германских Империй, вплоть до того что почти все королевские дома Европы, и России в том числе, возводят свою генеалогию к германцам и являются германскими по происхождению.

Принципиальные изменения в структуре Империи происходят после христианизации Рима, что предопределило её разложение и падение, а после вкупе с германской пассионарностью, реставрацию Империи уже в виде *воспроизведения* (в отличие от языческого *воплощения*) её структур в христианском обличии и теологическом обосновании. При этом судьбы Западной Римской империи и Восточной Римской империи отличны. Византийская империя просуществовала дольше Западной, при этом в ней было сформировано новое, христианское учение, которое заново обосновывало Сакральность фигуры императора и роль Империи, что можно структурно рассматривать как языческий [двоеверческий] реликт, так как само христианство в своем политическом измернии чуждо Империи. Богословское учение о Катехоне (греч. κατέχων), Удерживающем, берет корни из Нового Завета (2Фес. 2:6-8):

«6 И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время.

7 Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

8 И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего»

В стихе 2:7 говорится о том, что Антихрист не воцарится в мире пока есть Удерживающий («ὁ κατέχων»), который своим существованием и праведностью не допускает этого. Под Катехоном в православии понимается Святой Дух, который присутствует в мире, и пока Бог не изымет его от людей не свершится Апокалиипсис. Другое толкование является политическим и под Удерживающим понимается именно император и Империя. Наибольший отклик политическое учение о Катехоне нашло в России, став созвучным учению о Третьем Риме и апологией монархизма и православного «возрождения» на современном этапе российской государственности. Отождествление императора с Удерживающим делает его фигуру и власть моральными, что противоречит языческой Дхарме и Сакральному статусу императора как Бога, а также его принципиальной свободе за пределами авраамических категорий Добра и Зла, чуждых языческому мировоззрению. Но такая моральная природа императора вполне укладывается в креационистское воспроизведение имперских структур после вытеснения язычества на периферию. Отношения между светским императором и духовным патриархом выстраивались как двоевластие, симфония властей. Патриарх был управителем внутренних дел церкви, а император по формуле Константина I был «управителем внешних дел церкви», то есть руководил государством и внешней политикой. Западный мир пошел другим путем и в нем проявился конфликт двух властей: духовной власти католических пап и мирской власти королей и императоров европейских государств. Такая ситуация воплотилась в Италии в двух партиях, гвельфах и гиббелинах, первые были сторонниками превосходства папской власти над мирской властью королей и были апологетами теократии, вторые настаивали на подчинении папы императору и выступали за превосходство императорской власти. Исторически партия гиббелинов потерпела поражение, и в современную эпоху ярым апологетом гиббелинства был Ю. Эвола[96]. Гиббелинство в целом выражает дух второго сословия, примат воинской царской власти над духовной, что в контексте Юлиуса Эволы наложилось на его неприятие католичества. О христианстве и римском культе Императора Эвола пишет:

«Юлиан жаждал воплотить этот «языческий» идеал в рамках стабильной и унитарной имперской иерархии, имеющей догматические основания, систему дисциплин и законов, а также класс священников.

[96] См. Мила Эрнесто «Юлиус Эвола: последний гиббелин»; Ю. Эвола «Оседлать тигра».

Предполагалось, что во главе священнического сословия будет стоять сам император, возрожденный и вознесенный над условиями смертного существования через Мистерии, воплощающий одновременно и духовное владычество, и мирскую власть. Согласно этому подходу, император должен считаться Верховным Понтификом – термин этот был возрожден при Августе. Нарисованная Юлианом картина основывалась на следующих идеологических предпосылках: 1) вера в то, что природа образует гармоничное целое и пронизана живыми, хоть и невидимыми, силами; 2) государственное исповедание монотеизма; 3) наличие коллегии «философов» (было бы лучше назвать их «мудрецами»), способными интерпретировать традиционную теологию Древнего Рима и актуализировать ее через инициатические ритуалы.

Подобная картина четко контрастирует с раннехристианским дуализмом, выраженным в словах Исуса «кесарю – кесарево, а Божие – Богу». Эти слова позволили христианам отказаться от почитания императора в любой его роли, кроме как правителя. В этой связи отказ был воспринят как политическая демонстрация анархии и ниспровержения власти, что нашло наиболее полное выражение в государственном преследовании христиан»[97].

При этом гиббелины были верными сторонниками Империи, в то время как гвельфы отстаивали теократию, которая в контексте итальянского Возрождения обретала все более модернистские и олигархические черты, максимально ярко сформулированыне в фигуре Государя Н. Макиавелли.

Значения термина «tribe» как «общины» переносит нас из исторического контекста в ситуацию выстраивания позиций и отношений современных языческих общин с Государством и современным Политическим в целом. В таком свете вопрос переходит на внутриполитический уровень, а вопрос «Tribes versus Empires» уже содержит в себе традиционалистский ответ: общины против Империи [Системы по А. Соралю]. В таком ответе важно то, что скрывается за словом «против», которое может таить за собой целый спектр политических стратегий. Стивен МакНаллен утверждает путь против любых Империй как таковых, то есть выступает за формат свободных племен/общин очевидно с долей демократического правления. С этим отдаленно созвучно и «грядущее восстание наций» А. Сораля. Более традиционалистским будет стратегия выдвижения идеи другой Империи, настоящей Империи против анти-Империи. Здесь путь также

[97] Под «монотеизмом» Юлиан Верный имеет ввиду культ Солнца-Гелиоса, символизирующего платоническое Единое. См. Ю. Эвола «Император Юлиан».

раздваивается: первый вариант созвучен с идеями Р. Генона и Ю. Эволы о воспитании новой элиты на основе традиционалистского мировоззрения, которые придя к власти изменят мир в традиционалистском ключе; второй путь подразумевает создание иерархических структур на основе долга, чести и верности внутри самой общины, без фундаментальной политической претензии на смену власти в своей стране. Первый путь – путь активного восстания, в котором языческие общины и общества являются кузницей воинов и правителей, второй путь – путь создания государства внутри государства, микро-Империи внутри анти-Империи, частично используя её механизмы и также саботируя её структуры в свою пользу.

Последним вариантом будет принятие аполитичной позиции внутри общины, то есть дистанцирование от вопросов профанной политической повестки анти-Империи, её политического спектакля (Г. Дебор) в пользу духовного делания. Последний путь близок с микро-Империей, но сословно больше относится к жреческому сословию, он аскетичен и подобен монашеству. Также к нему примыкает опыт языческих общин и семей, мигрирующих из крупных городов в деревни и частные дома в дикой природе.

Вопрос о политической позиции и активности является вторым и равным по значимости с вопросом Духовного делания для любой языческой общины или организации, во многом ответы на оба вопроса взаимосвязаны и обуславливают друг друга и, как не трудно догадаться, также отражают преобладающую сословную природу круга учредителей общины. Так, для преобладающего второго сословия круг ритуалов и практик будет воинским, а само участие в политике будет воплощением внутренней природы и носить характер «священной войны» и остаивания традиционной и этнической идентичности, совместно с союзниками против общего врага (Друг и Враг по К. Шмитту).

Сочетание сетевой структуры общин «микро-Империи внутри анти-Империи» и активного политического саботажа существует в идеологии английского Движения Национал-Анархизма (National-Anarchist Movement, NAM), за авторством Троя Саусгейта[98]. Несмотря на эксцентричное название, за ним скрывается идея равно отличная от национализма и левого анархизма. Суть идеологии Т. Саусгейта заключается в децентрализированной сети трайбов (tribes), существующих внутри государств, но одновременно максимально обособленных от них и

[98] Идеи NAM поддерживает язычник-традиционалист В. Гримссон.

выстроенные по своим традиционным этническим структурам и правилам. NAM являются подчеркнутыми антиглобалистами и антитехнократами, выступающими против расизма, но за этническую идентификацию и выстраивание трайбов по этому признаку. В этом заключается их «правая» составляющая, а «левая» воплощается в отрицании капитализма и децентрализации, в сетевом принципе похожем на принцип анархистских коммун. Национал-анархисты не являются принципиальными противниками любой формы государственности, но восстают против современных капиталистических, либерально-демократических государств и наднациональных глобалистских структур (ООН, НАТО и тд.). Во многом это созвучно позиции традиционалистов, труды которых активно издаются под эгидой Движения. NAM выбрали своим ориентиром язычество, особенно германскую традицию, как наиболее полно соответствующую этнической свободе и антикапитализму, и преодолевающей навязанный христианством моральный дуализм Добра и Зла:

«В эпоху глобализации и отчуждения, во многих отношениях люди были отрезаны от мудрости предков. Только осваивая и восстанавливая это наследие, мы можем проложить себе путь к лучшему, к более возвышенной и полноценной жизни. Это наследие предлагает нам альтернативную космографию, освобожденную от гнёта репрессивного догматизма и морального релятивизма нашего времени» [99].

В итоге мы видим, что на уровне общины, племени, народа и Империи структура языческой иерархии остается неизменной, меняется лишь масштаб Государства и сложность его устройства, количественный фактор. Таким образом, Сакральная иерархия максимально воплощается в Империи, а Империя может служить образцом, иконой Политического, воплощаясь на разных уровнях в разном масштабе, но неизменно сохраняя справедливую форму правления по Платону.

В таком случае проблема «племен против Империй» носит характер масштаба, либо психологический характер исторической обиды побежденных к победителям, что отражает низменные аспекты души, чуждые воинственной германской традиции. С другой стороны проблема «общины против анти-Империи» является вопросом для любой языческой общины и организации о её отношениях к политическому процессу к родной стране и принципиальной позиции: принимать участие в нем либо быть вне его.

[99] См. «Why We Are Pagans?» National-Anarchist Movement, пер. с англ. С. Носикова

Tribes versus Anti-Empire		
С. МакНаллен	Народы против любых Империй	За свободу народов (Tribes/Folks)
А. Сораль	Восстание наций против Системы-Империи	За Традицию (Старый порядок)
Традиционализм		
Р. Генон, Ю. Эвола Активный политический традиционализм	Воспитание новой традиционалистской элиты	Восстание против современного мира
Обособленный политический традиционализм «для своих» Мягкая сила	Государство внутри государства Микро-Империя внутри анти-Империи	Долг, честь, верность, иерархия и саботаж структур анти-Империи
Отказ от участия в политическом спектакле Системы(Г. Дебор)	Община внутри Системы, обращенная внутрь сама на себя	Акцент на Духовном делании Внутренняя миграция

III.III Либерализм и отторжение демократии

В своей книге Ален Сораль пишет о демократии следующее:

«Среди наших пузатых демократов и республиканцев стало модно обращаться к Греции, чтобы описать текущий режим, но напомним, что наше буржуазное франкмасонское общество не имеет ничего общего с античными Афинами.

С общей численностью в 300 000 душ на всего 40 000 граждан по праву крови, эти хваленые греческие города-государства (мы говорим о V веке до н.э.) были населены олигархами-землевладельцами, опирающимися на армию. Т.е. на 40 000 гоплитов, окруженных 40 000 метеками (бесправными иммигрантами), которым прислуживают 110 000 рабов.

Военная система, сельскохозяйственная и особенно религиозная (потому что происхождение города – божественное, имеющее сакральный характер), ближе к принципам традиционной аристократии:

аристократам античного режима, брахманизму в Индуизме или шотландским кланам, чем к современной демократии.

Современная демократия, в которой Банк, техника и «права человека» управляют миллионами наемных рабочих-потребителей, покорных и подчиняющихся взмаху дирижерской палочки, верящих в иллюзорное право голова в бипартийной системе…»

А. Сораль указывает на типичный для Модерна прием – поиск аналогий своих установок в древности и их присваивание себе как древней исторической, «детской», стадии развития. В случае с демократией также показателен и количественный фактор, о котором говорят многие, что настоящая власть народа возможна лишь в небольших обществах (полисах). К тому же демократия не подразумевает всеобщего избирательного участия и представительства. Право голоса всегда цензурировалось, будто то родовой ценз – принадлежность к старейшим и благородным родам, либо ценз воинской доблести и заслуг, либо даже олигархический имущественный ценз. То есть круг равных, в котором можно представить себе принцип голосования, всегда был элитарным. Греческий Ареопаг (греч. Ἄρειος πάγος, Холм Ареса) состоял из старейшин, бывших архонтов, кандидатов в которые избирал сам ареопаг, и членство в нем было пожизненным. Ситуация абсолютного доступа народных масс к власти называется охлократией – властью толпы, которая всегда стихийна и в разной степени безумна и подвластная влиянию демагогов, что описывал Платон в «Государстве». Юлиус Эвола указывает, что Государство не является воплощением «общества», масс, т.е. не строится снизу вверх[100].

Современная демократия неправомочно возводит свои корни к исландской, и общей для германцев, практике Тинга, а также к русскому Вече. От исландского слова «þing» берет свой корень современное английское слово «thing», означающее «вещь». То есть «вещь» – это то, что вынесено на публичное обсуждение. К thing/þing близко латинское «res», от которого происходит «reality», реальность и «Res Publica», «вещь публичная» или «публичное, государственное дело». В русском языке этимология слова «вещь» также восходит к Вече. *Реальность, таким образом, есть нечто публичное, коллективное и общее, вынесенное на обсуждение в аристократический круг, и одновременно реальность – это вещь политическая.*

[100] См. Ю. Эвола «Люди и руины».

Нередко можно услышать о воинских корнях демократии – о военной демократии – что также является манипуляцией для легитимизации современной профанной демократии. Демократический принцип в Mannerbund – это принцип обсуждения и принятия решений в элитарном, закрытом обществе среди равных. Среди спартанцев «равными» были только представители элиты, причем этого звания могли лишить за недостойное поведение. На Альтинг (исл. Alþingi, Всеобщее собрание) свободные мужчины также приходили с оружием и нередко с его помощью решались споры и вопросы, а также вручением оружия юноши посвящались в мужчины. Фактически термин «военная демократия» является ошибочным и ему более соответствует определение «воинского совета» или «собрания военачальников».

Участие в собраниях представителей более низких сословий и каст обычно сопровождалось неравенством их голосов по отношению к воиской знати и аристократии либо, например, цензом на количество представителей от плебеев в римском сенате, либо бытовала практика обсуждения законов в сенате с учетом мнения плебеев, изъявленного в ходе плебисцита (референдума).

Уже Платон в «Государстве» определял демократию как упадочную и несправедливую форму правления, ведущую к тирании – худшей форме. Аналогичного мнения придерживался Аристотель, что полностью опровергает современный позитивный миф демократии как светлого наследия Эллады и высшей формы развития Политического. Наоборот, издревле демократия является несправедливой и патологической формой правления.

Современная демократия определяется как либеральная, либерально-демократическое государство обязано быть правовым (всеобщее правовое равенство), обеспечивать свободные выборы и доступ к ним: реализовывать право избирать и быть избранным, и защищать отдельных граждан и меньшинства от притеснения их прав со стороны большинства и избранной им власти. То есть, справедливый выбор большинства всегда ограничен обязательным уважением и защитой прав и свобод меньшинств.

Либерализм берет свое начало в Реформации, в частности в учении Кальвина, одной из наиболее радикальных ветвей протестантизма. Кальвинизм отрицал мистическое прочтение Библии, настаивая на жестком прагматизме и рационализме в толковании Писания. Согласно Ж. Кальвину Бог уже определил всех, кто спасется и их жизнь отмечена богатством и материальным успехом в этой жизни. Так как протестантизм

ставил своей целью реформу христианства и возврат к формам апостольского времени и ранней христианской общины, «христианской демократии», и одновременно протестантские теологи и их последователи являлись гонимыми и были вынуждены постоянно защищаться, то впоследствие это отразилось в законах о веротерпимости (Вестфальский мир) в Европе и заложило неприятие любой авторитарной и, что принципиально, Сакрально-авторитарной власти у протестантов[101].

Заложив основы религиозной терпимости в Европе, а также основы свободы совести, согласно предопределенности спасения от Бога и бессмысленности в праведной жизни – если ты спасен, то можешь делать что хочешь, если нет, то любые действия не изменят ситуации[102] – кальвинизм дал толчок к развитию либерализма, который был подхвачен и окончательно разработан в протестантской Англии. Видные мыслители-либералы были также во Франции.

Либерализм берет свои корни из гуманизма Возрождения и протестантизма, доводя до максимума идею освобождения, «свободы от», выступая как реакция на власть монархов и церкви. Согласно либерализму государство, церковь или иная коллективная надиндивидуальная структура не имеют права диктовать обществу свободных индивидуумов (минимальный гуманизм) ценности и нормы поведения. Человек принципиально свободен и это выражается в концепции «естественных прав человека», присущих ему в силу его природы и от рождения. Естественные права личности не зависят от этнической, расовой, религиозной и иной идентичности, ими обладают все без исключения люди, в чем заключается правовое равенство либерализма. К основным правам личности относят: право на жизнь, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, свобода передвижения и выбора места проживания, свобода совести и вероисповедания, запрет принудительного труда, неприкосновенность частной собственности, запрет на внесудебное наказание и достоинство личности. К ним также примыкают политические права, более тесно связанные с конкретными государствами: всеобщее равенство перед законом, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и др.; и экономические: свобода труда, промышленности и торговли, свобода приобретения и распоряжения собствнностью, право наследования и право владения и распоряжения землей.

---

[101] При этом в Швейцарии Кальвин развернул настоящий террор против всех несогласных с его точкой зрения.

[102] Из протестантизма Ж. Кальвина берет свои корни и деизм Просвещения.

Этот краткий перечень в совокупности обрисовывает всю картину Модерна, противоположную Традиции. Начиная с того, что источником естественных прав является человек сам по себе, его антропологическая природа, а не Боги, славные предки или иной Сакральный источник, т.е. построение права идет от материального антропологического начала, снизу вверх. Всеобщее равенство перед законом разрушает сословный принцип традиционных обществ, право в котором можно описать латинской максимой «Quod licet Jovi non licet bovi», отражающей сословную разницу в дозволенном. Свобода совести низводит любую религиозность с должного ей места на уровень индивидуального выбора человека, вера – это теперь его «частное дело», что отражается в веротерпимости между людьми и внутри Государства. Религиозная терпимость включает так же как и терпимость к антитеизму и научной картине мира, которая лежит в основе либерального гуманизма, согласно которому человек – это не творение Бога, Богов или иных мистических сил, а продукт био-социальной эволюции и конвенции. Этому полностью комплиментарна идея Джона Локка о том, что человек представляет собой tabula rasa – «чистую доску», на которой в процессе воспитания (социализации) и восприятия чувственного опыта можно написать что угодно, тем самым предопределив место и роль человека. Идея tabula rasa является законченной антитезой представлению Традиции о врожденной и разнообразной природе у человеческих душ, то есть сословности и кастовости.

Субъект либерализм – это индивидуум, чьм корни уходят в христианский креационизм, так же провозглашающий всеобщее равенство перед Богом и личностное спасение, не связанное с традиционной принадлежностью «эллина» или «иудея». Прямым эквивалентом индивидуума в материальной, неживой природе является собственность, отсюда такое же, как у человека право на её неприкосновенность. Частная собственность – это продолжение индивидуума в мире вещей и материи, поэтому у теоретиков либерализма она называется «святой частной собственностью». С опорой на частную собственность в Модерне развивается капиталистическая экономика и торговля, что отражено в экономических правах личности. Напомним, что кастовый тип торговца, ростовщика, является для индоевропейской трехчастной структуры чуждым и его историческое появление связывают с приходом и влиянием народов, населяющих Переднюю Азию и Ближний Восток. Поэтому триумф частной собственности и торгового права можно отнести к успеху

анти-Европейского духа и людей, в древности находившихся на нижней границе третьего или четвертого сословия (изгоев).

Природа Государства в либерализме носит характер «общественного договора» – Т. Гоббс (1588-1679гг.) и Дж. Локк (1632-1704гг.). По Т. Гоббсу естественное состояние общества – это война всех против всех, homo homini lupus est, и дабы избежать истребления и уйти от нескончаемых войн люди делегируют часть надзирательных и законодательных функций Государству, что и составляет негласный «общественный договор». Томас Гоббс считал оптимальной формой правления монархию, осуждая демократию как форму доступа к власти неразумной черни. При этом он признавал всеобщее равенство людей и необходимость подчинения церкви государству. Власть Государства, его мощь и право диктовать обществу законы и требовать их соблюдения, были названы Т. Гоббсом именем библейского морского чудовища – Левиафаном.

Идеи «общественного договора» в ещё более либеральном ключе развил Джон Локк, заложивший основы теории и права гражданского общества, первый предложил идею разделения властей на ветви, обосновал право народа на восстание против тирании в пользу демократии. По Дж. Локку естественное состояние свободных людей, обладающих собственностью – это безопасный мир ответственных собственников. Воззрения Джона Локка на христианство совпадают с идеями протестантов о возврате к раннехристианскому общинному периоду, и в целом Дж. Локк выступал на стороне веротерпимости.

Известными французскими идеологами либерализма были Вольтер (1694-1778гг.) и Жан Жак Руссо (1712-1778гг.). Вольтер, будучи сторонником монархии, отрицал любую форму деспотизма и нападал на аристократизм в своих пьесах. Иделом для него выступал просвещенный абсолютизм и был апологетом деизма, пытаясь доказать существование Бога с помощью разума (Бог как часовщик), рациональных и утилитарных построений. Ж.-Ж. Руссо известен идеей о «благородном дикаре», которому он приписал качества идеального человека, а также своим исследованием социального неравенства и поддержкой идеи «общественного договора». Субъектом политического Руссо видел народ, чья свобода и права неотъемлемы от него, и из лона которого произрастает (делигируется) власть Государства.

Вольтер и Жан-Жак Руссо являются идеологами, подготовившими Великую Французскую революцию – знаковое историческое событие,

знаменующее качественный переход к Модерну и либерализму в сфере Политического, и в целом парадигмально. Французская революция началась в 1789 году со взятия крепости-тюрьмы Бастилии, символа коровлевской власти, в которой содержались политические заключенные. После революции крепость была разрушена усилиями горожан.

Движущей силой революции была буржуазия, крестьянство и городские плебеи, что уже полностью раскрывает характер восстания: субъектом бунта были люди, которые в традиционном обществе составляли третье сословие, либо были изгоями. В случае бружуазной революции во Франции, участвовавшие в ней крестьянские низы были уже далеки от традиционного третьего сословия, осознающего свое место в Сакральной иерархии и бывшего органической частью большего человека (максимальный гуманизм), Пуруши либо Бога Брахмы. Французская революция – это восстание пыли из-под ног Брахмы. Это уточнение важно еще в том контексте, что оно уравновешивает радикально кшатрийскую позицию Ю. Эволы, считавшего французскую революцию восстанием третьего сословия, готовяшую приход четвертого. В этом барон делал ошибку, так как здоровое третье сословие, чья роль во сохранении языческого наследия неоспорима, на тот момент практически было уничтожено, а революционные массы уже составляли, с точки зрения традиции, недо-людей не обладающих ни качествами души, ни инициацией, ни этно-религиозной идентичностью, ни чем-либо традиционно стоящим вообще[103].

Лозунгом Французской революции и Республики стал девиз, вышедший из-под пера Робеспьера, «Liberté, Égalité, Fraternité» – «Свобода, Равенство, Братство». Определения «Свободы, Равенства и Братства» даются в Декларации прав человека и гражданина, принятой в ходе революции и заложившей основы французской конституции; в ней «Свобода» определяется классическим для либерализма образом: *«Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другому»*. «Равенство» означает всеобщее равенство перед законом, а «Братство» является светской версией Золотого правила нравственности. Одними из символов революции стал красный фригийский колпак, который носили рабы на галерах и вольноотпущенные рабы в Риме, то есть он символизировал освобожденных [от всего] рабов; другим символом стала Марианна (Франция), изображенная во фригийском колпаке и с обнаженной правой грудью, поднимающей восстание на картине Эжена Делакруа «Свобода,

[103] С такой нюансировкой определения третьего сословия согласен и Ален Сораль.

ведущая народ». В фигуре модернистской и освобожденной, вульгарно обнаженной Марианны отчетливо видна раскрепощенная хтоничность и материя Модерна. Революция – это восстание десакрализированного женского против мужского (архетип Электры как вариация архетипа Эдипа). Апофеозом женского бунта стала казнь Людовика XVI 21го января 1793 года.

Одним из результатов Французской революции было создание Первой Республики, связанной с упразднением монархии и казнью короля. Это открыло путь к либерально-демократической политике и было её обязательным залогом, вытекавшим из сословной природы бунтовавших.

Несмотря на провозглашение либеральной демократией всеобщего равенства перед законом, равенства стартовых возможностей и естественных прав, в разных обществах, провозглашающих себя гражданскими, все равно присутствует расслоение и неравенство де-факто. Декларация преодоления сословий, отбрасывания сословного деления как пережитка де-юре, де-факто сработало наполовину. Даже сегодня, в самых либерально-демократических государствах Запада мы можем видеть подобия иерархической структуры общества. Несмотря на всеобщее равенство общества все равно стремятся проявить иерархию, но в духе Модерна и Постмодерна в основе иерархий лежат уже анти-традиционные, профанные критерии: олигархический ценз капитала, популярность в масс-медиа; поп-звезды, спортсмены, актеры, музыканты и писатели, поп-политики, благодаря открытой вертикальной социальной мобильности, теперь занимают высшие этажи иерархий. Современные общества выстраивают подобия иерархических пирамид, но все этажи на них занимают разные типы профанов и проходимцев из среды четвертого сословия париев, обладающих большими возможностями для перемещения между этажами. При этом сторонники Консерватизма, Традиции, язычества и духовности в подавляющем большинстве, силой новых механизмов Системы остаются на маргинальной периферии либо значительно стеснены в своих возможностях[104]. Получившие полную свободу парии, изгои, не имевшие доступа к изучению священных текстов и инициации, узурпировав в ходе феминной революции Модерна власть, стараются всячески подражать вчерашним Сакральным структурам и

[104] Отсюда вытекает интуитивное недоверие в языческой среде к популярным медиа-гуру и тем, кому удается чрезвычайно успешно капитализировать свою деятельность. Этот тезис небесспорен и отсылает к проблематике New Age гуру и симулякрам Постмодерна.

порядку, не имея о нем должного представления и опыта, смытого веками христианства.

В «Государстве» Платона мы найдем предостережения Сократа о том, что демократическая форма правления является той благодатной почвой, из которой произрастает тирания:

«Так и народ, из подчинения свободным людым попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов».

Образ людей четвертого сословия, господствующих рабов у Сократа, прекрасно показан у Фридриха Ницше в «Так говорил Заратустра», в образе «последних людей». Пророк Заратустра встречает их на базарной площади города, где проповедует им о Сверхчеловеке. Но они не понимают его, и он рассказывает им о «последнем человеке», который как блоха скачет по земле и все делает таким же маленьким, как он сам, «последние люди» низводят все до своего роста (уровня) и предаются удовольствиям, говоря «Счастье найдено нами!» «и моргают».

Переходя от демократии к диктатуре «последнего человека», «рабству у рабов», человечество и лучшая его часть оказываются в ситуации диктатуры тотальной посредственности, серости и нетерпимости к смыслам и глубокому дискурсу, что соответствует стерильной и гладкой ризоме Постмодерна. При этом смещение к диктатуре может вовсе не означать радикальной перемены в общем либерально-демократическом строе и облике Государства, зачастую изображаемом как приход к власти диктатора и повсеместная тоталитаризация общества. Специфическая черта либерализма таковая, что он по своей природе уже является тоталитарным притом, что его диктаторская сущность является максимально сокрытой и проявляется в иных областях, чем при «классических» образцах тоталитаризма XX века. При этом либерализм исторически возникает и идологически оформляется раньше других политических идеологий, правых и левых, и существует дольше их, переживая как крах Третьего Рейха и фашистской Италии, так и СССР и его сателлитов.

Становление либерализма до определенного момента происходило одновременно со становлением научной картины мира (прогресса, эволюции, физикализма) и Модерна в целом, при этом либерализм оказался последней политической идеологией. Можно заключить, что либерализм и Модерн максимально комплиментарны друг другу, что либерализм является максимальным воплощением Модерна в социально-

политической сфере, а иные социально-политические идеи являются частными и смешанными версиями политического Модерна.

Становление Модерна – это освобождение от структур Традиции, протекавшее через период христианства, а потом дальнейшая тотальная репрессия Традиции, вытеснение её на периферию, полное «освобождение от». На уровне общества и политики таким освобождением был либерализм и антропологический индивидуализм. Естественное происхождение человека в сфере права продолжилось в естественном праве личности и гражданина, а в сфере материальных вещей индивидуализм воплотился в частной собственности. Физический детерменизм и биологическая эволюция, спроецированные на историю человека и общества, породили био-социальную эволюцию человека и незыблимые законы развития, согласно которым, и вкупе с узурпацией истории, либеральная демократия была провозглашена вершиной развития и освобождения человеческих индивидуумов.

Выстраивание структур Модерна в жестком отрицании Традиции сопровождалось её искоренением в лице христианства и любой мистики, магии и религиозности. Репрессивная природа Модерна и либерализма больше всего сказалась на традициях разных народов, которые с ними столкнулись, особенно в колониях, где эта практика сочеталась с гносеологическим расизмом и европоцентризмом. Тоталитарный характер Модерна принципиально отличается от тоталитаризма коммунизма или нацизма. Если последние проводили открытое вмешательство и ограничение в частную жизнь граждан, устанавливали политические критерии нетерпиомости, то либерализм давал своим «подданным» полную свободу в том, во что верить, что покупать или продавать, чем заниматься, где жить, с кем выстраивать свои отношения либо не делать ничего из перечисленного. «Классические» тоталитарные режимы имели четкие границы дозволенного, которые были непроницаемы («железный занавес»), но либерализм имеет такие же границы, только *прозрачные, но от того не менее непроницаемые*. В рамках либерализма нельзя подвергнуть сомнению основные постулаты реальности Модерна: прогресс, физическую природу мира, развитие, свободу и гражданские права, экономику. В этих областях существует жесткая диктатура и любой посягнувший на них ограничивается пространством для распространения своего мнения, клеймится маргиналом или получает пропагандистский ярлык «фашиста». *Поэтому научные основы картины мира являются строго политическими, наука – это политика, физикаи экономика – это*

либеральные аналоги НКВД и Гестапо. Внутри либеральной системы можно проявлять любую свободу, если она не посягает на идею равноправия и гражданского общества. Иными словами, свобода либерализма заканчивается на уровне выбора цвета одежды, телепрограмм или спортивной команды, места жительства и формы сексуальной свободы и потребления, но на уровне мировоззрения, онтологии и философии существует цензура «здравого смысла»; «свобода для» недопустима[105].

Образ либеральной антиутопии и тоталитаризма блестяще раскрыл английский писатель Олдос Хаксли в книге «О дивный новый мир», в современности либеральная диктатура вкупе с новыми техническими возможностями уже открыто сочетает в себе черты как антиутопии О. Хаксли, так и романа «1984» Дж. Оруэлла. Оковы «классического» тоталитаризма явны и тяжелы, оковы либерализма легки и приятны, как новое платье и красивый автомобиль в кредит.

Гражданские права становятся «священной коровой» либерализма, и их защита начинает превалировать над их реализацией, тем самым демократия сущностно оборачивается тиранией, что наиболее явно прослеживается в итории эмансипации различных меньшинств в США и Европе, которые перешли с позиции охраняемого правом меньшинства на позиции меньшинства, диктующего нормы для большинства.

Эвола указывал на отличие либеральной диктатуры от очевидного тоталитаризма как на отличие вертикальной диктатуры, где подавление идет сверху от Власти, от горизонтальной диктатуры социального конформизма равноправного общества.

«Новоязу» Дж. Оруэлла, с помощью которого власти Океании (аллюзия на Запад) контролируют мышление и общение граждан, в либеральном Модерне соответствует язык политкорректности. Политкорректность – это практика политического и социального эвфемизма и антифразы в языке[106], запрещающая называть социальные группы, вещи и явления теми терминами, которые для них являются оскорбительными и дискриминирующими. Политкорректность является инструментом меньшинств для репрессивного манипулирования массами и для контроля

---

[105] Максимальные формы освобождения проповедуют сторонники левого либертарианства – отказа от любой формы принуждения, и либертины, отрицающие любые моральные категории «сверху».

[106] Антифраза – замена в речи обозначающего слова на противположное с целью смягчения высказывания, например Министерство дознания и репрессий в романе Дж. Оруэлла носит название «Министерства Любви».

над мышленим большинства. Несоблюдение норм политкорректности, например, следование за этническими или религиозными стереотипами в общении и речи, влечет за собой формальные санкции со стороны властей и клеймение в «фашизме», «расизме», «сексизме» и других «-измах».

С политкорректностью тесно связана политическая норма и практика толерантности (лат. tolerare – терпение). Толерантность – это практика терпимости к иному мнению, образу жизни и набору ценностей людей, живущих в одном обществе. При этом толерантность является именно «терпением», а не взаимосуществованеим на основе понимания, принятия или уважения ценностей и норм жизни другого человека, толерантность не подразумевает принятия или вражды, но только терпимость. Нередко толерантность сравнивают с иммунной толерантностью, то есть неспособностью организма вырабатывать антитела на проникший в организм вирус, указывая на разлагающую природу практики терпения, не подкрепленной никаким экзистенциальным обоснованием либо противоречащей ему.

На основе толерантности строились попытки создания мультикультурного общества в Европе во второй половине XX – начале XXI века, что привело к фактическому краху европейской идентичности во втором десятилетии двухтысячных годов. Мультикультурализм является политическим проектом Постмодерна: этнокультурное смешение, размытие идентичностей, «плавильный котел наций» по типу США.

Политкорректность и толерантность также являются прямыми инструментами меньшинств, направленные против большинства, частей против целого, субкультурных вариативных идентичностей против коллективной идентичности.

При либерально-демократической диктатуре, в которой невозможно подвергнуть сомнению и ревизии основы картины мира и Политического, но можно выбирать между множеством видов потребляемых товаров, в том числе и «духовных», отпадает нужда в самой демократии как институте реализации народом правления и делегирования власти. Тоталитарная демократия превращается в спектакль по Ги Дебору, она пародирует саму себя и конечный избиратель в духе виртуальности Постмодерна голосует не за конкретного человека, которого он знает, а за более привлекательный набор знаков. Избиратель выбирает кандидата, чей поток знаков ему ближе, чей рекламный ролик оказался более ярким и запоминающимся, в котором использовались красивая музыка и спецэффекты. Наличие четкой политической программы более не является

обязательным, а сам парламентский принцип и партийность превращаются в театральный фасад, за которым прячется сплоченность элит и олигархических интересов, что и составляет [Анти]Империю по Алену Соралю.

Для политической позиции и практики языческих общин становится очевидным, что в такой системе участие в политике на равных невозможно в принципе, а если шанс для вхождения в эстеблишмент открывается, то он всегда сопряжен с предательством или продажей себя. Более частный вывод заключается в абсолютной неприемлимости демократического принципа для внутренней организации общины, и либерализма как мировоззренческой парадигмы.

Антилиберализм языческого традиционализма – это строгое следование Дхарме в Кали-Югу, Semper Fidelis как абсолютная антитеза временному «общественному договору», аристократизм и сословность против всеобщего равенства париев.

III.IV Раса, нация и их мифы

Переход от язычества к христианству означал разрушение языческой этно-религиозной идентичности, человек более не отождествлялся с конкретной общиной, полисом и традицией предков и народа. Согласно максиме «нет ни эллина ни иудея», во Христе все большие этнические и языческие идентичности отметались в пользу универсалистской идентичности «христианина» и мирянина Церкви. Вместе с Империей, а позже и вместо Империи, главной большой идентичностью средневекового человека была Церковь и христианство (католичество в Европе).

Реформация подрывает единство западной Церкви, разрушая общую для европейцев католическую идентичность появлением ряда протестантских течений (кальвинизм, лютеранство, баптизм, англиканство и т.д.). Религиозный конфликт между Церковью и папой и реформаторами перерос в политическое противостояние отдельных княжеств папскому престолу с целью освободиться от власти Рима, утвердить свой суверенитет. Этот конфликт стал предпосылкой формирования национальных государств современного типа в Европе. Большая христианская католическая идентичность, идентичность Рима, Церкви и папы, была подорвана и после Вестфальского мира светская власть пап окончилась. На месте некогда большой идентичности универсального толка возникла пустота. На её месте стали появляться новые идентичности,

претендующие как на «большие», так и на «старые» и «новые» формы: раса, нация и гражданство. С некоторыми оговорками их можно рассматривать как возвращение к вопросу об общинной и этнической идентификации на новом историческом этапе Европы, идущей к Просвещению и Модерну, пост-христианской Европе.

От большего к меньшему – к старому?

Проследив исторический путь изменений идентичностей, мы можем расположить их диахронически, от древности к современности, добавив для наглядности две аксиологические оси, соответствующие Традиции и Модерну. По оси Традиции путь изменений идентичностей будет строго соответствовать традиционной доктрине циклов и инволюции, деградации мироздания, что уже позволяет спрогнозировать характер новых пост-католических идентичностей. По оси Модерна путь изменений будет наделяться позитивным значением прогресса и социально-политической эволюции, от варварских времен «детства человечества» до современной либеральной демократии; до определенного момента позитивистская картина развития общества и марксистская идут рядом, расходясь в вопросах субъекта истории, судьбы капитализма и коммунизма, которому мы посвятим отдельную главу.

В процессе деградации, как ответ на распад христианской идентичности, в эпоху Реформации и Просвещения, возникают *концепты* расы и нации. Следуя от большего к меньшему, мы наперед рассмотрим идею расы, как формы идентичности большего масштаба, чем нации, которые могут входить как части в ту или иную расу. Сам термин «раса» восходит к итальянскому слову «razza», предположительно уходящее корнями в латинское «ratio» – «порода», «род».

До христианства основным видом деления на расы, без употребления самого термина «раса», было довольно деление по цвету кожи: черные (nigrum), белые, желтые и красные люди. Соотношение цветов кожи с моделью Сакральной географии, основанной на кельтском кресте, дает следующую картину: черные люди на Юге, желтые (азиаты) на Востоке, красные (арабы и индусы) в Центре либо на Востоке, белые люди на Севере либо в Центре, на Западе располагаются земли мёртвых либо тоже белые.

Деление людей на расы встречается в Библии, в сюжете о Ное и его сыне Хаме, потомки которого были прокляты Ноем за то, что Хам посмеялся над его наготой. От Хама берут свои корни негроидные народы, которые,

по проклятию Ноя, будут рабами братьев своих. Библейская «расовая теория» преобладала на протяжение времени христианской доминации в Европе. И она же послужила теологическим обоснованием для колониального рабства в эпоху географических открытий.

Переход от мифа к научной картине мира внес в вопрос описания и объяснения реального различия людей новые подходы, все большую роль, а после и доминирующую, стал играть антропологический фактор:

психосоматика, физиология, таксономия и эволюционизм, т.е. строго биологический подход к рассмотрению феномена расы.

Первое деление на расы по психологическим и физиологическим критериям предложил Карл Линей (1707-1778гг.), отец таксономии, выделивший расы: Американец (холерик), Европеец (сангвинник), Азиат (меланхолик) и Африканец (флегматик). У него же появляются первые выводы о психологии и социальном поведении представителей разных рас, которые он соотнес с типами темперамента.

Дальнейшие классификации варьировали количество основных «больших» рас, в среднем отталкиваясь от 3-4 главных видов: негроидная, европейская и азиатская, и вариативно: американская, лопари, индусская и др. Позднее антропологический подход расширил количество рас до больших значений (более десятка), включая в классификации суб-расовые деления (суб-расы).

Английский зоолог Т. Гексли (1825-1895гг.) предложил следующее деление на расы и суб-расы:

Негроиды: бушменская раса, негрская раса, папуасская раса.

Австралоиды: австралийская раса, дравидская раса, эфиопская раса.

Монголоиды: монгольская раса, полинезийская раса, американская раса (коренные американцы), эскимосская раса, малайская раса.

Вариативность классификации рас напрямую вытекает из конвенциональной природы человеческой антропологии и знания в Модерне. Это говорит о том, что в вопросе расы и расовых типов происходит сочетание и смешение двух подходов: фиксации реальных различий и общего между людьми и интеллектуального конструирования критериев и, что самое важное, конструирование антропо-социальных выводов из физиологического различия рас.

Научный подход в целом развивался в русле таксономии и построения древа популяций человека, следуя за постулатами эволюционизма, максимально исключая социо-культурные критерии и различия между расами. Фактически, современная биологическая расология рассматривает человека и разнообразие его видов как одно из проявлений живого мира, описывая и классифицируя его как одно из животных. Сильный удар по расовым классификациям нанесли исследования генома ДНК человека, которые экспериментально подтвердили «всеобщее равенство» людей на генетическом уровне, тем самым дав ещё одно научное обоснование либерализму. Различия внешнего облика людей относятся к генофонду популяций (которые могут включать в себя группы этносов и наций),

генотипу особей, который совместно с окружающей средой формирует внешний облик человека (фенотип). Различия аллелей (вариаций) объясняется через эволюцию и развитие генофонда отдельных популяций людей, влиянием среды (адаптация). Генетические соответствия между генами и этнической принадлежностью, цветом кожи, волос и т.д. являются проявлениями безликой силы эволюции, которые происходят как преломления и производные от одного генетического «базиса» человека. Ответственность за разность людей возлагается на влияние среды и наследственности, которая её закрепляет и передает, а на уровне «стартовых возможностей» все люди равны, гены не определяют и не влияют на личность. Поэтому расология как таковая в современном мире невостребована и вытеснена генетической генеалогией человечества.

Помимо строгой науки вопрос рас интересовал и оккультистов и эзотериков, одной из наиболее известных расовых теорий стала версия теософизма Е. П. Блаватской. Согласно «Тайной Доктрине» человечество проходит семь стадий развития, каждой из которых соотвествует своя доминирующая коренная раса, и в ходе которого меняется география и климат континентов Земли. Каждая раса также обладает своей физической формой. Все семь стадий и форм таковы:

Стадия/коренная раса	Материк
Аморфные существа	Несокрушимая страна
Существа с более плотным телом	Гиперборея
Гигантские обезьяноподобные существа	Лемурия
Одаренная пришельцами Душой раса	Атлантида
Пятая арийская раса	Европа
Шестая раса	Появятся в будущем
Седьмая раса	

Эволюционизм Е. Блаватской отрицает эволюцию Ч. Дарвина, так как астральная сущность человека предшествует его материальному воплощению и какой-либо жизни вообще, а обезьяна – это деградировавший реликт человеческого развития. Также стадии развития могут пониматься как ступени эволюции души, проходящей по ним через перерождение. Сама классификация рас является проявлением «расового

духа времени», в котором жила и творила Е. Блаватская, смешанным с восточным и европейским эзотеризмом.

Целью расового развития человечества теософизм ставит повышение разумности человека. В конце третьей стадии развития пришельцы с Венеры – «великие учителя человечества» – наделяют человека разумом. Сам теософизм – это учение, отражающее пятую стадию развития человека, ведущее апологию любви, трепимости и братства в русле гуманизма Просвещения. Высокоразвитый разум стремится сохранить все формы религиозности, признавая их сущностное единство и дифференциацию по степеням развития; Будда, Иисус, Махатмы – учителя единой разумной духовности. Такой подход является матрицей New Age Постмодерна и комплиментарен либерализму: «братство» французской революции, религиозная терпимость, Просвещение, прогресс. Последователем Е. Блаватской был немецкий мистик, основатель антропософии, Рудольф Штайнер (1861-1925гг.), соединивший антропогенез теософизма с христианской мистикой.

Местом развития пятой – арийской – расы считается Европа.

Сам термин «арий» и производные от него «ариец», «арийство» и др. восходят к древне-индийскому слову «ā́rya», означающему «благородный», «знатный» и являвшимся самоназванием группы индоиранских народов. В современной лингвистике «арийскими» называется группа индоиранских языков восточной ветви индоевропейской языковой семьи (Индия, Иран, Средняя Азия).

Наибольшую известность термин «арийская раса» получил в контексте расовой теории Третьего Рейха, в русле идеологии национал-социализма.

Идеологами «арийства» были французский романист граф Артюр де Гобино (1816-1882гг.), англичанин Хьюстон Чемберлен (1885-1927гг.) и Альфред Розенберг (1893-1945гг.). Граф де Гобино был одним из первых, кто в XIX веке высказал и обосновал теорию расового неравенства, отрицая всеобщее либеральное равенство как унизительное и противоестественное. Согласно де Гобино раса обладает неизменным набором биологических характеристик и духовных качеств, а также каждая из трех выделяемых им рас (черная, желтая, белая) происходят каждая из своего корня. При этом сам автор не дает четкого определения и критериев расы, признавая, что чистые расы были в далеком прошлом, что делает «расу» у Гобино символической категорией, то есть полностью интеллектуальным конструктом. Раса является носителем своей собственной структруры, что делает невозможным влияние на нее других

рас и их структур, если не происходит расового смешения. В иерархии рас Артюра де Гобино белая раса занимает верхнее положение, а внутри нее наиболее чистыми, умными, благородными и сильными являются «арийцы».

Вдохновленным последователем де Гобино был англичанин Х. Чемберлен, испытывавший настолько сильное презрение к родной Англии и всеобщему равенству, что вторую половину жизни провел в Германии, которой он восхищался. Мысли Х. Чемберлена принадлежит ревизия истории с расовой точки зрения и апологии арийцев как носителей высшей цивилизации. Все достижения в области культуры, духа, науки принадлежат арийцам, которые противостоят разрушающей силе еврейства и иудаизма. В основе творчества Хьюстона Чемберлена лежит прием присваивания всего, что ему по душе и что имеет историческую культурную ценность, арийскому наследию. Так, он прямо пишет, что Христос был арийцем, и что христианство – это арийское наследие, испорченное евреями. В нацистской Германии Хьюстон Чемберлен был провозглашен «народным мыслителем», в знак признания ценности его трудов идеологами Рейха.

Среди таких идеологов был Альфред Розенберг, перу которого принадлежат основы расовой политики Германии времен Третьего Рейха («Миф XX века»). В своей книге А. Розенберг обширно опирается на книгу А. Гитлера, дополняя его научными аргументами и апологией национал-социалистической политики.

Ещё одним последователем графа де Гобино был Жорж Ваше де Лапуж (1854-1936гг.), основатель «антропосоциологии», в основание которой он положил отождествление интеллектуальных и духовных качеств рас с показателями головного указателя – антропологической величины, выражающей процентное отношение ширины головы к её длине. Белые европейцы долихоцефалы являются самыми развитыми и энергичными представителями человечества, а самой морально низкой расой были средиземноморские темные долихоцефалы. При этом де Лапуж уже полностью стоял на биологических позициях, не уделяя особого внимания вопросам роли Бога или христианства в духовности и его расовой принадлежности.

Сам Адольф Гитлер дал свое определение «арийца», которое в контексте языческого традиционализма можно считать парадигмальным и законченным, согласно которому ариец – это Прометей, принесший искру

разума человеку, указав ему дорогу к культуре[107]. В этом определении «расовый ариец» Третьего Рейха раскрывается как последователь титана Прометея, глиняная креатура лишенная Сакрального – интеллектуальная креатура Модерна.

Но немецкий расизм представляет собой явление более сложное, чем био-антропологические и культурные построения. У Третьего Рейха как государства, и его идеологии, есть мощные оккультные корни, уходящие в теософию и романтизм XIX века. Немецкий расизм – это сплав трех начал, их суперпозиция, обусловленная историей немецкой государственности, оккультными течениями XIX-XX веков и расовой теорией раннего Модерна, о которой мы уже сказали достаточно.

Само немецкое единое государство появилось довольно поздно относительно других европейских стран, особенно мощной в то время Англии. Это наложило отпечаток на восприятие немцами своей истории, в сравнении с Грецией, которая возводила свои корни к Элладе, или Италией, которая провозгласила себя наследницей Рима. История немцев была моложе и не такой богатой и развитой, с точки зрения Просвещения. На это указывали уже немецкие романтики, и впоследвие это отразилось в расовых теориях в практике присваивания духовных достижений человечества себе, «немцам-арийцам». Великий ариец нуждался в великой истории, а значит все, что было великого в истории – было арийским, то есть немецким. Именно по такому принципу построена искусственная история германцев у Гвидо фон Листа, Карла Марии Вилигута и Йорга Ланца фон Либенфельца (1874-1954гг.). Немецкие оккультисты и сторонники идей volkische восполняли исторический пробел тайной и мистической историей и богатством германцев, зачастую не стремясь согласовать свои построения с реальностью и непосредственно сохранившейся германской мифологией.

Второй оккультный корень немецкого расизма, помимо романтико-мистического корня «народничества», представлен теософизмом Е. Блаватской. Влияние теософизма есть и в идеях фёлькише, но также носят и самостоятельный характер. Так, многие исследователи считают, что образ нацистского «арийца» имеет свои корни в пятой стадии рузмного и духовного развития по антропогенезу Е. Блаватской. Приготовление и выведение новой породы немца, белокурого арийца – это приготовление к приходу пятой расы. При этом делается корректировка в географии «Тайной Доктрины», противоречащая и данным этнографии и

[107] См. Васильченко Андрей «Арийский миф III Рейха».

лингвистики: родиной арийцев провозглашается Север, Гиперборея и Туле (Thule), откуда они распространяются на Юг и Восток. Апологетом северного происхождения благородных немцев был и первый руководитель «Аненербе» Герман Вирт, популяризатор «Хроники Ура-Линда», в которой древней родиной германцев названа затонувшая страна фризов, потомков Фрейи[108]. В «Хронике» также приводится оригинальная версия происхождения рас:

«Вральда родил трех дев:

Лиду – из раскаленной пыли,
Финду – из горячей пыли и
Фрейю из теплой пыли.

Когда они были созданы, Вральда напитал их своим божественным дыханием, которое именуется Одем или просто – Од. Од вошел к ним, и каждая из них родила по двенадцать сыновей и по двенадцать дочерей, по два ребенка в каждый праздник Юла. Отсюда произошли все люди.

Лида была черна, курчава, как барашек, а глаза Ее сияли, подобно звездам, так что даже орлиный взор на их фоне казался мутным, немощным и бледным. Ее поступки направлялись Ее страстями, а о законах Она ничего не хотела знать.

Финда была желта, а её волосы были подобны конской гриве. Она написала тысячу законов, но при этом Сама не придержиалась ни одного из них. Она ненавидела праведных за их прямоту и уступала лжецам. Слова Ее были слаще мёда, но того, кто им верил, подстерегали большие несчастья. Она хотела всеми повелевать, и в этом сыновья Ее были ей подобны: в своем стремлении к превосходству сыновья Лиды убивали друг друга, а дочери Финды находились у них в служении.

Фрейя была бела, подобна утреннему снегу, а голубизна Её глаз превосходила голубизну радуги. Подобно лучам полуденного солнца сияли Её волосы, которые были не менее тонки, нежели паутина. Ее едой был мёд, а Ее питьем – роса, собранная с цветочных лепестков».

Согласно тексту, от Лиды произошли лидийцы, представители низшей черной расы, от Финды – честолюбивые финны, а от Фрейи – белые благородные и добродетельные фризы. Но идеологические разногласия с придворным колдуном К. М. Виллигутом и рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером привели к скорой отставке Г. Вирта с поста главы «Наследия предков».

[108] См. Вирт Герман «Хроника Ура-Линда»; аутентичность «Хроники» не подтверждена и считается мистификацией, содержащей древние фольклорные пласты лишь отчасти.

В целом немецкий расизм представляет совбой уникальное явление, природа которого в смешении и суперпозиции научной картины мира (биология, антропология, психология), немецкого романтизма (подчеркнутая связь между Вторым Рейхом О. Бисмарка и Третьим Рейхом) и травматического переживания недостаточности собственной истории и оккультизма – теософизма и близкого к язычеству оккультизма volkische.

При этом практика внутреннего «позитивного расизма», т.е. отбора достойных немцев в СС, их образование и воспитание теснейшим образом были связаны с пропагандой и культом языческого наследия, народных и родовых (семейных) ритуалов и практик, хоть и в искаженном изложении придворных мистиков. Из нацистского опыта – момента германского язычества в XX веке – в качестве положительного наследия можно вынести только языческую *эстетику* семейной обрядовости и бытовой утвари членов СС, которая минимально связана с политической составляющей организации и квази-историческими построениями фон Листа и К. .М. Виллигута; а также эстетику и пропаганду volkische, как довольно близкую мотивам аграрного культового круга третьего сословия.

Вопрос расы также был актуален для традиционализма, где ответ на него был сформулирован Ю. Эволой. Позиция барона, Р. Генона и других традиционалистов проистекает из отстаивания Сакральной иерархии системы варн или сословий как парадигмы всей политики Традиции. В трудах Ю. Эволы под термином «раса», который он также заменяет синонимом «порода», скрывается значение термина «сословие». Юлиус Эвола всегда говорит не о биологической антропологической расе, такой подход он клеймит чистым Модерном, но о Расе Духа, что строго соответствует «сословию», причем для кшатрийского духа Эволы высшую ценность и Духовность имеет воинское сословие. Более низкие расы у него соответствуют третьему сословию и человечеству Модерна. При этом он допускает, что ситуация, когда высший Дух воплощается в здоровом и крепком теле, является максимальной благоприятной для сопротивления современному миру, то есть он признает связь между духовными и физиологическими качествами только если вторые следуют за первыми, при этом ни Дух ни тело не обуславливают друг друга. Ю. Эвола радикально отвергает эволюционизм, который считает фундаментом современного ему расизма. Вопрос «крови» Эвола также трактовал отлично от биологического подхода. Для немецкого расизма «кровь» – это расово-национальная принадлежность, которая определяет на уровне

физиологии и духовности качества народа и человека. Для Ю. Эволы кровь – это мистическая субстанция, которая хранит в себе связь с породой, «расой» Духа, поэтому для традиционного человека такую большую роль играли «кровные враги», «кровные проклятия», «клятвы», магия и мистика крови. Эвола прямо предлагает противопоставить генетике, демографии, теории наследственности миф как идею и воодушевляющую силу. Он выступает за расизм в значении расизма духа, против антирасизма, носителями которого являются безродные буржуа, люди из пыли под ногами Брахмы.

Будучи активным участником политической жизни фашистской Италии, он пытался всеми силами выправить биологический подход к расовому вопросу, также им была предпринята попытка наладить контакты с нацистской Германией и получить возможность читать лекции для офицеров СС, преследуя ту же цель изменить понимание расы с биологического на духовное. То есть на уровне смысла и сущности преодолеть смешение германского расизма в пользу традиционной трехчастной иерархии варн. Но данные инициативы не увенчались успехом, в Италии Ю. Эвола столкнулся с противодействием высокопоставленных фашистских функционеров, а в сотрудничестве с «Аненербе» и СС, после рассмотрения его теорий, было отказано с формулировкой об идеологических разногласиях, изложенных во внутреннем докладе Г. Гиммлеру, который одобрил это решение[109].

Романтикам-эзотерикам, близким к язычеству, как и традиционалистам, не удалось повлиять на развитие расовой теории в Германии, и со временем она максимально очистилась от теософских и любых мистических наслоений (знаковой является отставка К. М. Виллигута). А после войны и осуждения расизма и нацизма расология как антропологическая аполитическая дисциплина постепенно сместилась на периферию научного знания, став маргиналией.

Совсем из других предпосылок берет начало английский расизм, который внутри себя делится на два лагеря: оборонительный (defensive) и наступательный (offensive) расизмы. В основании идеи расового превосходства англичан лежит тот факт, что к концу XIX века Англия была самой могущественной державой, обладавшей мировым и колониальным господством, а также технической и научной мощью, она была самым развитым и современным государством эпохи. Такие успехи

[109] См. Хансен Х.Т. «Политические устремления Юлиуса Эволы», Эвола Юлиус «Фашизм: критика справа», Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. «Касты и расы».

Великобритании связывались с тем, что англичане представляют собой высший расовый тип в дарвинистском понимании. Под властью Англии находились обширные колонии в разных уголках мира, которые были населены совсем отличными, от англичан и европейцев в целом, людьми, со своими традициями, обычаями и структурами общества. Это привело к формированию двух разных расистских позиций:

Сторонники оборонительного расизма настаивали на сохранении и увеличении дистанции между метрополией и колониями, и негативно оценивали контакты местных администраций с коренным населением, считая что его влияние может размыть и ослабить английский расовый тип. А необходимость вкладывать ресурсы в развитие недоразвитых колониальных стран является подрывной и негативной тенденцией: освоившие западные технологии желтые и черные народы смогут оказать сопротивление метрополии и белым англичанам.

Апологеты наступательного расизма наоборот, считали, что высший тип английской расы воплощен в её абсолютном и недосягаемом превосходстве, что полностью оправдывает империализм и колониализм. Лучшие и развитые правят худшими и недоразвитыми по естественному праву сильного. В своей крайней форме наступательный расизм выливается в практику геноцида коренного населения как лишнего, генетически «мусорного». По такому пути уничтожения коренного населения и расовой сегрегации (ограничения прав) чернокожего населения, после длительного периода рабства, пошли английские колонисты Северной Америки и позже США.

Политическая практика расовой сегрегации населения в США просуществовала до 1960-х годов, после её отмены политический расизм также стал достоянием маргинальных группировок вне доступа к реальной политике, марионеточным симулякром. Триумф антирасизма состоялся в признании в Западном обществе, что люди всех цветов и традиций в совокупности являются представителями одной расы «людей». Такой подход таит в себе более фундаментальный расизм, так как отрицает любую форму культурно-расовой самобытности в пользу конвенционального общего человека Модерна.

Меньшей, относительно расы, формой идентичности является нация. Термин «нация» восходит к латинскому слову «nation», который является производным от глагола «nascor» – «рождаться», и означает «происхождение». В значении «nationes» он используется как синоним «gentes» – «народы», но позднее за «gentes» закрепляется значение

языческих («коренных») народов, ср. греческому «этносу» и еврейскому «гоим».

В современной политике термин «нация»/«nation» полисемантичен, обладает многими значениями, которые принципиально важно учитывать и различать. Прямой перевод слова означает «племя», «род», «народ», отсылая нас к языческой древности, но его непосредственное значение обозначает культурную, экономическую и социально-политическую формацию *Нового времени*. Здесь мы сталкиваемся с классической стратегией Модерна – экстраполяцией своих корней в древность, присваивание себе истории через призму развития. В этом значении «нацию» и «народ» часто путают либо используют как слова синонимы.

В современном английском языке и политологии термин «nation» обозначает *современное национальное государство и принадлежность по гражданству* (nationality). В советской практике появляется специфический для России и постсоветского пространства термин «национальность», который был призван стать новым словом, обозначающим именно *этническую принадлежность* человека. Так как коммунизм также провозглашает преодоление этнической идентичности как архаического отягощяющего наследия (у пролетария нет нации; интернационализм), в условиях послереволюционной России, когда подавляющая часть общества жила в аграрных реалиях третьего сословия, этническая идентичность была заменена на «национальность», которую можно было указать самостоятельно, например, записавшись в «русские».

Наполнение термина «нация» как указания на этнический, национальный состав населения Государства зависит от той или иной политической идеологии или конвенции, откуда берут свои начала разные типы национализма. Такой конвенциональный характер отражает *современную природу* явления «нации», в то время как «род», «племя» являются *данностью* в традиционной реальности язычества, и *тесно сопряжены с религиозной идентичностью*.

Национализм в значении появления на политической арене национальных государств берет свое начало также из Реформации Лютера, который заручается поддержкой саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, в своей полемике с папой, что позволяет ему остаться в Германии и проповедовать в её городах. Одним из постулатов протестантизма был отказ от латинского языка в богослужении как обязательного, в ответ они поддерживали перевод Библии на другие языки и составление богослужения на языке, понятном народу. С этого

начинается культурный аспект сепарации разных народов, в частности германских, от единой Церкви. Религиозная реформа окончательно смыкается с политическими устремлениями королей и князей в вопросе неподчинения протестантов папскому престолу в Риме, что было созвучно стремлениям королей обрести больший суверенитет и самостоятельную власть. Тем более, что протестанты не претендовали на роль «нового папы» для суверенных королей новых национальных государств. В Чехии восстание последователей Яна Гуса, гуситов Чешских братьев, привело к началу Тридцатилетней войны, в результате которой были радикально пересмотрены основания всей Европейской политики. В результате Швейцария обрела независмость от империи, а отношения между императором Священной Римской империи и курфюрстами были пересмотрены в пользу их большей автономии. По результатам Вестфальского мира были приняты положения о взаимном признании национального суверенитета (nation state), неприкосновенности границ и равноправия государств между собой, которые до сих пор действуют в современной политике.

Корень современной политики – в Реформации, что полностью соответствует теории Карла Шмитта о политической теологии: изменения в богословии повлекли за собой фундаментальные социально-политические изменения в Политическом. Радикальный кальвинизм заложил основания либерализма, а лютеранство в союзе с германской знатью – принципы национального государства.

Оппозиции

Католическая церковь (ойкумена)	Национальные государства
Миряне вне «тела Христова» в католичестве / Миряне и клир как «тело Христово» в православии	Граждане (nation)
Холизм аристотелевского гуманизма	Конструктивизм nation state

В парах оппозиций интересна разница между православием и католичеством в вопросе собирания «тела Христова», на которую мы не раз указывали. При разрушении католического единства исключенность мирян из «тела» сыграла позитивную роль для протестантов, людям было легче принять Реформацию и «национализацию». С другой стороны, включенность мирян в «тело» в Восточной церкви делает процессы

Реформации более сложными, а последствия для самосознания более разрушительными (с точки зрения православия).

Становление национальных государств – это качественный переход к Модерну через христианский протестантизм, и как следствие – отказ от принципа Империи, воспроизведенного в Священной Римской империи. При этом распад на национальные государства отличается от краха языческого Рима вследствие христианизации. В этот раз происходит распад христианской Империи в пользу более последовательного и строгого христианства, и одновременно в пользу Модерна, вытекающего из него как река из истока.

В деле формирования нации одну из главных ролей играет *национальная мифология*. В её роли выступает набор утверждений, символов и мифов, которые являются детально подобранными и *выбранными из общего числа*, и которые создают ткань новой национальной истории, её ценностной кодировки и расшифровки. Формированием национальной мифологии занимаются не только политики, но и деятели культуры и духовности, писатели, поэты, философы, проповедники, композиторы, яркий пример – Р. Вагнер.

Примерами национальных мифов могут быть образы «Родины-Матери» и «нации как семьи», священного пространства Государства как центра истории, набор исторически значимых героев, которые по цепочке вносят свой вклад в происхождение *современного* Государства. Так как речь идет о национальных мифах, то не стоит удивляться близости используемых образов языческой картине мира, но стоит понимать их искусственную природу и наполнение, вызванные к жизни нуждами современной политики. Миф о героических предках, созидавших Государство, является все тем же приемом узурпации истории. К тому же национальная мифология *всегда политически ангажирована главенствующей идеологией и властью*, а значит, представляемая история является ограниченным политическим срезом большего по объему исторического и традиционного наследия. Принцип историцизма яро критиковал Ю. Эвола как вариацию профанного прогрессизма. Ангажированность истории ярко проявляется в периоды глубоких реформ и революций, когда новая власть переписывает историю с целью легитимизации своего положения и иллюстрации движения истории к текущим реалиям, что затрагивает тот же набор национальных ценностей. Ярким примером идеологической ревизии истории является новая история после октябрьской революции 1917 года в России, и новейшие примеры переписи общей Российско-Советской

истории в пользу конструирования национальных мифов в странах бывшего СССР, повсеместно.

Специфика построения и содержание национальной мифологии являются воплощением того типа национализма, к которому (сознательно или стихийно) обращается Государство в процессе своей модернизации или ревизии предшествующей мифологии. Подходы к построению нации можно условно разделить на два больших типа: собирание нации снизу, как суммы граждан, и сверху, как части большего единства (идентичности) или наследования.

К собиранию нации снизу относится английский тип национализма, который представляет собой утилитарный патриотический национализм и мифологию, связанную с объединением Англии, Шотландии и Ирландии. Английский национализм носил и мессианский оттенок проповеди свободы во всем мире, при этом «граждане» формально оставались подданными короны, став «nation»-гражданами в 1948 году после издания Акта о национальности. Позднее определение национальности ужесточилось в пользу тех, кто уже имеет гражданство Великобритании и их потомков – только они имеют абсолютное право проживания в стране.

Мессианский национализм англичан наследует и США, где доминирует политика «плавильного котла» наций и рас и принцип гражданства.

К такому же принципу построения нации относится классический французский национализм, который определяется через принадлежность к Государству по гражданству. Французский гражданский национализм появляется в результате Революции и не придает значения этнической принадлежности гражданина. То есть в гражданстве («nation») этническая или религиозная идентичность упраздняются, не играют роли. Поэтому французом может быть *любой*, и *любой* может быть французским националистом: араб, чернокожий, азиат или русский человек. Главное – наличие гражданства.

По иному принципу шло развитие немецкого национализма до Рейха и в самой Третьей Империи. На появление немецкого национализма повлияли завоевания Бонапарта и немецкий романтизм, подготовивший в литературе почву для немецкого самосознания и идентичности, включая и элементы превосходства. Здесь максимой выступает идея идеалиста Иоганна Фихте (1762-1814гг.). В XIX веке Германия представляла собой несколько разрозненных территорий, и И. Фихте, как и другие философ-идеалисты и романтики, обосновывал необходимость создания единого Германского

государства и воспитания нового типа немца[110]. Залогом для появления этого Государства Фихте считал создание немецкой философии. *То есть, философская идея предшествовала появлению единого немецкого Государства*. И необходимость его появления обосновывалась философами и писателями ещё до его возникновения. При этом И. Фихте отрицал эволюционизм и отказывался рассуждать о происхождении мира, человека и языка, считая невозможным найти ответы на эти вопросы. Также он критично относился к ценности частной собственности, считая, что любовь к «Отечеству» может быть превыше этого. Важным фактором, связующим германские народы между собой и являющимся основанием немецкого национализма, И. Фихте считал *язык*.

Для немцев аналогом «nation» с XVI века становится слово «volk», а слово «deutsche» не является этнонимом, оно восходит к древневерхненемецкому «diutisc», которое было общим именем немецких языков в эпоху Карла Великого. Отсюда вытекает то, что национальное имя и определение немцев происходит из *этноязыковой идентичности*, что в русском языке наделяется окрестной семантикой «языка-язычества-традиции-народа». Граница между этноязыковой национальной идентичностью и национализмом на основе гражданства проходит вдоль реки Рейн на западной границе между современной Германией и Францией.

При этом в случае с собиранием нации «снизу» язык вообще не играет нациообразующей роли. Уникальность нации не подразумевает уникальности языка, и даже допускает использование нескольких официальных или неофициальных языков в границах одной страны. Из этого мы можем заключить, что корни немецкого национализма до Третьего Рейха восходят к консервативной этноязыковой идентичности и, что наиболее принципиально, к идеалистической философии (И. Г. Фихте, Г.В. Гегель), то есть корень немецкого национального Государства лежит сверху, в Идее Немецкого Государства, предшествующей ему самому. Эта ситуация весьма близка платонизму и правящим философам в идеальном Полисе Платона.

В случае Третьего Рейха ситуация меняется и смещается на более материальный план. В происхождении немецкого национализма, национал-социализма, также прослеживается оккультно-эзотерическая линия volkische и теософизма, но идеологи этих течений уже отягощены материализмом и Просвещением. Немецкий национализм в этот период

[110] См. И. Г. Фихте «Речи к немецкой нации».

черпает свой исток из более крупной расовой идентичности, конкретные германцы – представители арийской расы, немецкой белой расы[111]. При этом критерии «расы», как мы уже рассмотрели, были как минимум наполовину биологическими и генетическими.

К Германии первой половины XX века существовала и тенденция построения нации «снизу», выраженная в культе рабочего и крестьянина, которые своим трудом созидают богатство нации. Эти образы активно эксплуатировались в пропаганде и интегрировались в процесс нациостроительства в виде структур и инититутов, занимающихся вопросами труда, профсоюзов, земель и переселения рабочих на будущие захваченные земли. Таким образом, германский национализм Рейха представляет собой встречу двух тенденций, движения «сверху» и «снизу».

Германский национализм был доведен до своей максимальной крайности в национал-социализме, соединявшем социальные идеи с идеями расового и национального превосходства немцев, чем обосновывал политику экспансии и доминации немцев в Европе. Но после поражения Германии в 1945 году политический национал-социализм был ликвидирован и позже частично возрожден в симулятивных креатурах времен оккупации Германии союзниками, как уличная оппозиция левым силам под эгидой СССР.

Период построения национальной Италии в XIX веке – Рисорджименто – также носит характер собирания земель и поиска исторической идентичности. Заслуга в формировании италийской идентичности и идей Рисорджименто принадлежит Джузеппе Мадзини (1805-1872гг.), Джузеппе Гарибальди[112] (1807-1882гг.), королю Сардинии Виктору-Эммануилу II (1820-1878гг.) и мремьер-министру Камилло Кавуру (1810-1861гг.).

Создание современной Италии приобретает характер национально-революционной войны с Австрией и Францией. При этом идеология итальянского национализма представляет собой смесь идеалов Французской революции и попытки возвести италийской идентичность к латинскому наследию Рима. Обе тенденции – французская «снизу» и латинская «сверху» как наследие великого Рима, складываются в

[111] Критерии расового и национального соответствия изложены в Нюрнбергских расовых законах 1935 года.

[112] Объединил и возглавил в качестве Великого Мастера масонское течение Устав Мемфис-Мицраим. Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди основывают националистическое движение «Молодая Италия».

разрозненную мозаику тезисов и позиций. Так, монарх Виктор-Эммануил II встает на сторону националистов, и ситуация становится похожей на французский просвещенный абсолютизм, а Дж. Гарибальди, признавая легитимность короля, предпринимает многочисленные попытки упразднить Папскую область и создать в Риме республику. Период Рисорджименто завершился в 1870 году взятием Рима и образованием Королевства Италия.

Идейным продолжением Рисорджименто была подготовка к периоду фашизма и здесь следует выделить историка и философа Джованни Джентиле (1875-1944гг.), идеолога будущего фашизма как стадии построения Итальянского Государства. Испытав влияние идеализма и Гегеля, Джентиле обращается к идее, что великому народу нужна великая философия. Совместно с единомышленником Бенедетто Кроче (1866-1952гг.) они организуют печатный орган «La Critica», посвященный философии и искусству будущей Италии, начиная формировать новую элиту. Журнал занял жестко антимарксистскую и антиматериалистическую позицию, но при этом Джентиле не доходит до апологии теократии и усиления роли Ватикана и католичества. Считается, что именно Джованни Джентиле написал «Доктрину фашизма», изданную под именем Б. Муссолини.

В становлении фашизма в Италии, продлившегося с 1922 по 1945 (включая Республику Сало) годы, также как и в истории становления германского расизма и нацизма, помимо официального магистрального течения мысли и идеологии существовали эзотерические корни, но на этот раз они были строго традиционалистскими. Традиционалисты пытались перетолковать модернистский фашизм в консервативном ключе возвращения к Вечности, к Сакральному [языческому] Риму. В этом деле первыми был учитель Ю. Эволы Гдвидо де Джорджо (1890-1957гг.) и Артуро Регини (1878-1946гг.), первые открывшие труды Р. Генона для Италии.

Познакомившись с Р. Геноном, но не испытав симпатии к суфизму, де Джорджо ищет путь для возрождения западной традиции, которую видел в Риме. При жизни он создает круг итальянских традиционалистов «Ur», в который входит и молодой Ю. Эвола. После гибели сына на фронте, Бенито Муссолини лично вручает Гвидо де Джорджо медаль сына, а он излагает ему свое видение «сакрального фашизма», которое за общепринятыми словами скрывает идею реставрации Римской традиции.

Де Джорджо трактует символ фашизма, ликторскую фасцию, как символ самой Традиции: двенадцать прутьев символизируют единство, пронзаемое молнией восхождения и победы, Сакральной осью Вечности – двойным топором.

Максимально «сакральный фашизм» по Г. де Джорджо выражен у Данте. При этом де Джорджо считал католичество продолжением Римской традиции, с чем не согласился Ю. Эвола, справедливо противопоставив языческий Рим и христианство. Идеи Гвидо де Джорджо, как и активная деятельность Ю. Эвола и личные контакты с Б. Муссолини, не нашли никакого отклика в партийной среде и государственном аппарата Италии, оставшись на периферии. После поражения в войне Гвидо де Джорджо уединятся в горах до своей смерти.

В послевоенные годы всплеск итальянского национализма, также частично являвшегося марионеточным, произошел в 1970-е годы, получившие названия «годы свинца». В это время Ю. Эвола пишет свои «Ориентации» для правой молодежи, не оставляя попыток повлиять на профанный национализм и изменить его в сторону традиционализма.

В России исторически национализм был явлением, привнесенным из вне и результатом копирования русским дворянством интеллектуальных идей Европы. Колонизация континента русскими проходила при их очевидном, с точки зрения прогресса, доминировании над тюркскими и коренными народами Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и т.д. Но при этом, несмотря на создание администраций и лояльное отношение к встраиванию национальных (этнических) элементов в свои структуры, в целом ограничивалось надзором и налогообложением, если не возникало острых конфликтов подобных колонизации Кавказа. Но и здесь русская политика проявила свое антирасистское свойство, разрешив горным осетинам исповедовать их родную языческую традицию, чтобы создать заслон распространению ислама на Кавказе. В качестве негативного примера можно привести разрешение на насаждение Буддизма в Сибири, что повлекло гонения на шаманов Монголии и Бурятии.

Усваивание западных идей вкупе с собственным опытом взаимодействия с малыми народами, привело к формированию двух полюсов мысли в XIX веке: западников и славянофилов. Первые выступали за большую интеграцию с Западом, который они видели образцом пути для России, вторые выступали за самобытную уникальную идентичность России. С учетом того, что контекст времени подразумевал, что Запад был уже Модерном, то есть секулярным и либеральным, позиция

западников для традиционализма оказывается абсолютно неприемлемой. С другой стороны, славянофилы обосновывали русскую самобытность с опорой на Православную церковь, что тоже неприемлемо для языческого традиционализма, но в контексте антитезы либеральному Модерну XIX века представляется более консервативным решением. В этой ситуации западный национализм как nation state отождествлялся с либерализмом, на что указывал А. Герцен (1812-1870гг.).

Нарастание либеральных идей в дворянстве и армии вылилось в восстание декабристов 1825 года, целью которого было свержение монархии, принятие Конституции, введение демократических прав и свобод, и в радикальных предложениях – убийство Николая Павловича и Александра II. Провалившееся восстание вызвало огромный резонанс в обществе, поставив вопрос о пути России самым жестким образом. Будучи Империей, включавшей в свой состав множество народов, поддержка национализма и западного пути для России означала распад на маленькие национальные государства. В ответ на такую перспективу была развернута кампания по укреплению государственности и русской идентичности, известной максимой которой стали формула графа Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» и слова А. Кошелева, часто приписываемые Ф. Достоевскому: «Без православия наша народность – дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение»[113]. Кратко эти тезисы вылились в максиму «русский – значит православный».

Славянофильская православная реакция на западничество и восстание декабристов представляет собой самобытную русскую попытку формирования национальной мифологии, отличной от «нации» Модерна и Франции, революция которой, по сути, является матрицей «декабря». Но здесь есть важный для язычества нюанс. Формулировка «русский – значит православный» и связь русского народа с церковью – это синтез двух типов идентичностей, этнической и религиозной, что является отличительной чертой именно язычества. Как мы не раз уже видели, христианство строится на отрицании этнической и национальной идентичностей, опираясь только на церковную, «тело Христово». Связывание «русского» и «православного», таким образом, выходит за рамки христианства, креационизма, и это можно рассматривать как проявление глубинных языческих, народнических структур третьего сословия в русской славянофильской мысли. Аналогичную структурную ситуацию мы можем увидеть и с тезисами о том, что «Кавказ – это ислам».

[113] См. А. Бердяев «Алексей Степанович Хомяков».

Здесь все аналогично. Из множества таких национальных формул этнорелигиозного самосознания исключениями являются только евреи и иудаизм, и аравийские арабы и ислам, так как эти народы действительно сами породили свои авраамические религии, и они несут в себе их огромный отпечаток («исламизация – это арабизация»).

Таким образом, в истории «русского национализма» для языческого традиционализма можно зафиксировать три ключевых вывода: привнесение идеи «nation» в Россию из Модерна Запада; отторгающая Запад, но все же православная позиция славянофилов; прото-языческий момент в структуре формирования национальной мифологии: «русский-значит православный», т.е. в этнорелигиозной спайке двух во многом противоположных идентичностей.

Советсткая политика в отношении «нации» проистекала из левой идеологии коммунизма и интернационализма, которую барон Эвола открыто называл «коммунистической чумой». Этническая идентичность была заменена на специфическую «национальность», а малые народы подверглись насильственной модернизации и включению в процессы развития по лекалам марксистской стерильной материалистической идеологии. Это вылилось в гносеологический и культурный геноцид малых народов, которым навязывались классовые структуры, материалистическое образование и русский язык, замещавшие старинный уклад и традиционные структуры обществ. К условному «национальному мифу» этого периода можно отнести ускоренное формирование «пролетариата», так как практика Октябрьской революции 1917 года на деле опровергла положения К. Маркса о порядке смены доминирующих классов, перешагнув этап развитого капитализма и классового разделения, совершив революцию в аграрной стране. Позднее характер «национальной идентичности» стал выражаться в определении «советский человек».

Совсем иной и отличный от конструктивизма, собирания нации «снизу» или «сверху», является примордиальный подход к определению нации. Примордиальный подход формируется в этнологии и этнографии как противостоящий конструктивизму. Согласно примордиализму этнос является неизменной данностью и, эволюционируя в ходе истории, достигает стадии «нации». То есть этнос, народ, представляется как некий «организм», который вырастает в «нацию». В таком подходе нивелируется либеральный конструктивизм французского типа, но остается важной шкала прогресса во времени. К примордиализму также близок германский подход к определению нации через язык – неотъемлемое свойство народа

и его культуры, а в традиционалистском понимании и как важнейшая составляющая языка традиции, на котором народ говорит с Богами. В русле примордиализма также развивались некоторые идеи славянофилов, связанные с поиском русской идентичности в славянской древности. Отчасти примордиализм используется для создания национальной мифологии в странах бывшего СССР, выступая как инструмент в рамках конструктивизма, призванный скорее удревнить историю народа, чем обосновать его органичность и целостность процесса развития. Известными теоретиками примордиализма были С.М. Широкогоров (1887-1939гг.), автор теории «этноса»; Ю.В. Бромлей (1921-1990гг.); Л.Н. Гумилев (1912-1992гг.), автор теории пассионарного этногенеза.

Минусами примордиализма является обратная экстраполяция «нации» на древний «этнос» («славянская нация», «готская нация», «дравидская нация» и т.д.) и сложность доказателсьтва неприрывного органичного развития этноса в политическую нацию «nation state» (например, такое невозможно сделать с французами и американцами), что делает примордиальный национализм скорее символической конструкцией, так же находящейся на периферии модернистской науки.

Помимо подходов к конструированию нации существует также деление национализма на два вида, которые имеют большое значение для языческого традиционализма сегодня: большой имперский национализм и малый национализм, сепаратизм.

Большой национализм подразумевает территориальную экспансию и покорение народов, то есть империализм. Он может быть двух видов: англосаксонский прагматический экономический империализм и колониализм, сопряженный с расизмом и геноцидом, либо русский континентальный империализм с доминирующим нейтральным отношением к местному населению и коренным народам. После прихода к власти в России большевиков внутригосударственные отношения «центра и периферии» меняются в сторону: навязывание классовой реальности и мышления, упразднение традиций.

При этом мягкий имперский национализм русских при колонизации континента косвенно схож с политикой веротерпимости древнего Рима, но в целом большой национализм является плодом Модерна и не соотносим с традиционализмом. Если мы говорим об имперском национализме сегодня, мы всегда оказываемся в рамках анти-Империии Алена Сораля, в тоталитарной либеральной Системе. Если мы говорим об имперском национализме и Традиции, то мы всегда оказываемся за рамками

«национализма» и оказываемся в истинной Империи, иконой которой является Рим.

Малый национализм напрямую вытекает из ситуации, когда в границах одного Государства оказываются два и более народа, и из закрепленного в Декларации о принципах международного права 1970 года, принятой в ООН, права на самоопределение народов:

«В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава».

Малый национализм, таким образом, проистекает из национально-освободительной борьбы против единства с другим народом, который занимает доминирующее и диктующее положение. Легитимность такого национализма также проистекает из *современного международного права, являющегося развитием либеральных прав и свобод личности*. Национальное движение за отделение называется сепаратизмом, от латинского слова «separatus». Сепаратизм представляет угрозу для имперского национализма и суверенного nation state, посягая на его целостность. В международном праве существует коллизия между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности Государства, что создает основание для репрессирования сторонников национального самоопределения. В 2011 году Парламентская Ассамблея Совета Европы постановила, что право на самоопределение не означает права на немедленное отделение. С другой точки зрения, принцип территориальной целостности Государства говорит только о внешних посягательствах на эту целостность со стороны другого Государства.

Правовая коллизия и подрывное для суверенных государств право на самоопределение создают долговременные очаги межнационального напряжения в разных странах: между Ирландией, Шотландией и Англией, Каталонией и центром в Испании, Косово и Сербией, штатами Техас и Калифорния и федеральным центром США и т.п.

Для языческих общин и организаций, а также для тех коренных народов, кто все ещё сохранил свой язык, культуру и традицию, малый национализм-сепаратизм и право на самоопределение создают следующую ситуацию.

Находясь в большом Государстве, которое является Системой и Империей (А. Сораль) и подавляет население, подгоняя его под стандарты модернистского и постмодренистского мышления, сопротивление Системе и стремление сохранить свою культурную и традиционную идентичность является естественной реакцией здорового, традиционного общества и традиционалистов. Восстание против современного мира становится восстанием против анти-традиционного, современного Государства (tribes versus Empires). В таком свете малый национализм как путь отдельному, но такому же по сути modern nation state является неприемлимым и тупиковым. Второй проблемой является чрезвычайная сложность обеспечения базового приципа независимости и самостоятельности нового, допустим традиционалистского, Государства – обеспечение суверенитета (К. Шмитт). Без суверенитета Государство будет вынуждено, даже против его воли, быть в орбите интересов и влияния более сильного и крупного анти-традиционного Государства-части-Системы. В текущих реалиях речь идет про геополитическое противостояние Запада и Востока, России, в которой национально-освободительные движения могут быть использованы для подрыва сил противника, как в России и Азии, так и в Европе и США, где есть долготянущиеся очаги напряжения. В такой ситуации традиционалистский сепаратизм и отрицание ценности и подчинения Государствам-частям-Системы находится в незавидном положении между Сциллой и Харибдой. Формальное отделение может быль лишь неформальной сменой метрополии. Любым практикам «малого национализма» это следует учитывать, при этом равно осознавая репрессивный характер Системы анти-Империи, существование в которой без сопротивления равносильно разрешению на собственный культурный и традиционный геноцид.

При этом важно подчеркнуть, что традиционалистский языческий сепаратизм не противопоставляет себя принципу Империи в её Сакральном понимании никоим образом, ибо как мы уже выявили, в основании общины, племени, Государства и Империи лежит одна трехчастная индоевропейская иерархия. Практика отделения – *это лишь одна из возможных политических стратегий языческого традиционализма*, имеющая свои риски, как и любая другая. Отсутствие традиционных Государств на современной политической карте снимает с традиционалиста какие-либо политические и гражданские обязательства по отношению к профанным структурам Модерна.

Продолжением тенденции малого национализма в Постмодерне является то, что мы можем назвать *микро-национализмом* или *микро-сепаратизмом*. Это явление напрямую связано с превращением национализма и нацизма из политической силы и идеологии в *политизированную субкультуру*, которая согласно логике Постмодерна на первое место ставит набор репрезентативных знаков: националистическая правая музыка, правая одежда, правый стиль, жесты, сленг, символы-как-торговые-марки, татуировки. Молодежный и субкультурный аспекты делают микро-национализм контркультурным явлением, что в политической плоскости вытекает в поддержку правыми субкультурами малого национализма и сепаратизма. Но невозможность реального влияния на политику, маргинальность и знаковая солидарность становятся основанием для формирования наций-субкультур или виртуальных наций, реальность которых не вытекает из этнических корней, языка или суверенного гражданства. Адепты микро-национализма отстаивают независимость виртуальных «национальных государств» и «народов», то есть их сепаратизм носит *знаковый характер*, является *сепаратизмом знака*.

Большей, чем виртуальная «нация», социологической реальностью является сама субкультура «национализма», которая становится идентичностью сама по себе. Высокий национализм как отстаивание интересов нации всегда соотносится с самой «нацией», «народом», интересы которого он стремится защитить. Субкультурный национализм теряет свою «народную» основу, становясь защитником не конкретной нации, а *национализма самого по себе*. Субкультурный национализм становится симулякром, замкнутым сам на себя. *Таким образом, у субкультурного националиста нет собственно национальной идентичности, его родной нации, есть только субкультурная идентичность «националист», репрезентируемая набором знаков*.

Сепаратизм субкультуры требует не свободы для народа и культуры, но свободы для своей, конкретной и ограниченной конечным числом реальных участников, субкультурной группы «националистов».

Поэтому сегодня стало реальностью говорить о том, о чем во времена «классического» национализма говорить было невозможно: националисты разных стран и континентов солидаризируются друг с другом на основе идеи «национализма», замкнутого самого на себя, а не на основе национализма как защиты своей нации, что привело бы к взаимной конфронтации. Субкультурный национализм в глобальном масштабе порождает явление националистического интернационала по образцу

левых сил. Ибо основой для определения «своих» становится не нация и культурная принадлежность, а субкультурный набор общих знаков: одинаковые стили музыки (Hardcore, NSBM, Oi, NS-punk), социальные сети, фразы, идолы, одежда, торговые марки, символы и литература, в том числе и языческие, *понятые как знак*[114].

Такой лево-правый субкультурный солидаризм не следует путать с неким «фронтом» борьбы с Системой, ибо субкультуры и знаки являются частями этой Системы, её плотью и послушными механизмами общественного запугивании («призрак нацизма») и исправными потребителями своей ниши товаров.

Ярким примером утери смысла является термин «арийский», который в националистической субкультуре перестал означать конкретный набор физиологических, генетических и психо-соматических качеств, как то было в расовой политике Рейха. Также он не соотносится с лингвистикой, и не связан с набором личностных характеристик конкретного человека. По сути «арийство» сегодня стало пустым ярлыком, наличие которого является обязательным репрезентируемым знаком, «афишей» субкультуры и идентификатором «своих», где за «своими» не кроется точного определения идентичности. Наличие слова «арийский» в текстах, афишах, эмблемах одежды, обложках музыки и т.д. является маркером для адептов субкультуры, что продукция предназначена для их потребления, для их ниши. Сам термин не скрывает за собой точной формулировки, кто есть «ариец», он просто показывает смотрящему, что товар промаркирован и, если смотрящему нравится этот «знак», он его потребляет. «Арийцем» его делает факт потребления знака «арийский», и не какие-либо физические, генетические или личностные качества.

Национализм является буржуазным явлением, то есть частично обязан своим появлением не только анти-папистской политике М. Лютера, пошедшего на союз с германскими курфюрстами, но и особому явлению средневековых городов (burg). Город как явление представляет собой концентрацию определенных ремесленных каст третьего сословия, смешанных с торговцами, менялами и спекулянтами. Ремесленные касты менее привязаны к Матери-Земле, чем земледельцы, охотники и рыбаки – основная масса третьего сословия, поэтому город – это пространство, способствующее отчуждению представителей третьего сословия от самой Земли, где само «сословие» размывается и вырождается в четвертое сословие или подсословный тип изгоев, париев, рабов и чужаков. В этом

[114] См. например «Стальные Сумерки. Вестник Европейской Традиции»..

свойства города – отчуждать от корней и Традиции, и в этом отчуждении кроется природа буржуа, представителя четвертого сословия. Максимальная концентрация силы отчуждения скапливается в среденевековых городах, которые разрастаются в пространстве и наполняются новыми типами людей, новыми «кастами» и родами деятельности; при этом это происходит в контексте отчуждающей от Сакрального религии креационизма (христианства), в совокупности с нарастающими тенденциями будущего Модерна. Именно в этой среде и к этой публике обращается М. Лютер в своих германских проповедях. Именно эта буржазная публика, которая уже не имеет тесной связи со своей этнической идентичностью, откликается на призыв порвать отношения с Церковью и престолом папы, и служит в дальнейшем материей для построения нации: «снизу» в Англии и Франции (через деизм), «сверху» и «снизу» в Германии.

Сословная природа национализма, таким образом, заключается в буржуазности, то есть с точки зрения Сакральной трехчастной иерархии основной массой, из которой созидается будущая нация, является прах и пыль под ногами Брахмы, либо те элементы, которые находятся строго на границе между низом третьего сословия и четвертым, низшим. При этом существует активная эксплуатация мифа третьего сословия: апелляции к крестьянству, труду, деторождению (культ семьи в профанной плоскости), нации-как-Роиде-Матери, и возвеличивание этих «сословных» фигур в культ. Ярким примером такого переворачивания пирамиды сословий является фигура фюрера немецкой нации А. Гитлера.

Предки А. Гитлера были крестьянами, отец был чиновником (неизвестная в Традиции «каста»). Отсутствие выдающихся воинских талантов отразилось в чине ефрейтора и Железном кресте за подвиг доставки сведений в особо опасных условиях; также пренебрежение мнением генералитета в ходе Второй Мировой стоило ему поражения всей кампании. Повышенная акцентуация на архитектуре, планировании городов и живописи прямо указывают на природу А. Гитлера как артизана, архитектора, а не воина. По замечанию Е. Головина, в Традиции художнику было достаточно только обозначить контуры своего видения произведения, описать его, в то время как непосредственное воплощение произведения отдавалось артизанам третьего сословия. Симпатия к третьему сословию также проявляется в повышенном внимании к собиранию нации «снизу», обращении к трудящимся («arbeiten»; Ю. Эвола назвал это «пролетарством» в идеологии А. Гитлера) и крестьянству.

Оригинальная и глубокая философия в трудах А. Гитлера отсутствует. При этом в отличие от рейхсфюрера СС, курировавшего «Ahnenerbe», Г. Гиммлера, А. Гитлер проявлял более четкую симпатию к христианству, нежели к языческим культам, которые полностью были отданы в ведение Генриха Гиммлера и его структур.

Повышенное внимание к массам и желание получить их поддержку, заручиться доверием народных масс, характеризует, согласно Ю. Эволе, демократический тип вождизма. Традиционная иерархия знает о дистанции элиты от основного населения, демократическая элита всячески пытается заручиться мнением и поддержкой низов, народа и масс, выступить как их ставленники, что является становлением тирании по Платону. Истинная аристократия и подлинные правители признают источником Власти Сакральный центр, Божественную вершину; они черпают легитимность сверху от Богов, а не снизу от людей.

Из всего этого можно заключить, что возвышение А. Гитлера как «арийца» ошибочно, и он отчетливо представляет собой тип близкий третьему сословию, но в специфических исторических условиях вознесшийся на вершину власти в Германии, что во многом предопределило ход идеологии и истории того периода[115].

Ответ на вопрос об отношения современной нации к Традиции был сформулирован Ю. Эволой:

«Доктрина государства может лишь предложить ценности, позволяющие подвергнуть проверке избирательное сродство и преобладающие или латентные склонности нации. Если народ не умеет или не желает признавать ценности, названные нами «традиционными» и определяющими истинно правое движение, он стоит того, чтобы предоставить его самому себе. В лучшем случае можно указать его прошлые и нынешние ошибки и заблуждения, жертвами которых он стал благодаря регрессивным процессам, а также всеобщему и нередко систематически организованному внушению. Если и это не принесет ощутимых результатов, значит народ испытает ту судьбу, которую он сам себе уготовил, воспользовавшись своей «свободой»[116].

Практически все расистские и националистические идеологии современности содержат в себе ещё одно измерение, которое намертво приковывает их именно к эпохе Модерна, а также создает одно из оснований для последующих после Второй Мировой идеологических

[115] См. Эвола Юлиус «Фашизм: критика справа».

[116] Там же.

конструктов в виде «национал-либерализма» и «национал-демократии». Речь идет о том, что расистские и националистические теории почти никогда не подвергают сомнению принципы прогресса, эволюции, научно-физического обоснования мира и т.д. Они выстраивают свои, подчас экстравагантные теории развития и связи физиологии человека с его психосоматическими реациями, личностью и социальными структурами и культурой, но не подвергают сомнению идею поступательного развития и саму идею произрастания социальных качеств из физиологии. В этой сфере национализм и расизм строго модерничны и подчас близки не только либерализму, но и марксизму с его аксиомой исторического материализма о том, что «бытие определяет сознание».

Редкие попытки преодоления материализма, прогрессизма и физического детерменизма встречаются у немецких и итальянских идеалистов И. Фихте, Дж. Джентиле, Г. де Джорджо, у консервативных революционеров и традиционалистов Ю. Эволы, Ф.Г. Юнгера и др. Но в ходе своего участия в политике они оказываются на периферии. Германские эзотерики, чьи народнические и спиритуалистские учения оказали влияние на духовную среду и идеологические моменты в Рейхе, все же слишком отягощены Модерном. В этом заключается драматичность эпохи, когда для язычества были все возможности для возрождения, но практически отсутствовали или были на периферии те ориентиры, которые могли вывести их на свет Богов Солнца, очищающий от титанических наслоений смешения.

Послевоенный национализм также нередко обращается к язычеству, ища в нем основание для идей «превосходства». Внимание новых националистов было преимущественно сосредоточено на круге связанных с Рейхом оккультистов: Г. фон Лист, Й. Либенфельс, К.М. Виллигут, Г. Вирт, М. Серрано, С. Деви и др. При этом понимание язычества оставалось строго в рамках биологического расизма и его мифов. Показательным является строгое отождествление Бога Одина с фигурой титана Прометея, в котором осуществляется подмена Сакрального знания на знание профанное, позитивистское, анти-Божественное. К «оккультному Рейху» восходят идеи современного квази-языческого течения Тулеанизма/Тулеанства, основанного на смешении юнгианства, теософизма Е. Блаватской, скандинавской мифологии и мифа о северной стране Туле (Thule)[117].

[117] См. «Стальные Сумерки. Вестник Европейской Традиции».

Тень на германо-скандинавскую традицию и термин «Одинизм» бросила американская террористическая организация «The Order», в основе идеологии которой лежал специфический американский белый расизм, уходящий корнями к «южанам» времен гражданской войны. Идейными вдохновителями организации, Д. Лейном (1938-2007гг.) и Р. Мэтьзом (1953-1984гг.), был осуществлен отход от протестантизма, который является приоритетной интегральной частью для большинства расистских теорий в США, в пользу европейского язычества, понятого поверхностно и утилитарно. После серии ограблений и убийств, организация была разгромлена силами ФБР. Правдопободной является версия, что широкое распространение термина «Асатру» в США частично связано именно с желанием дистанцироваться от «белого язычества» радикальных группировок.

Жан Бодрийяр описывая становление первого порядка симулякра в эпоху Возрождения, определял его как *подделку*. Подделка – это некачественная, подчас из дешевых материалов имитирующих дорогой фасад, копия некоей вещи. Появляются иллюзии, театральность, стиль барокко и другие приемы, вводящие в заблуждение зрителя. Точно такому же порядку подделки соответствует «нация» относительно «этноса», «язычества» как «народа-и-его-традиции». Нация – это подделка «народа» с использованием национальной мифологии, отсекающей многие «лишние» пласты культуры и подгоняющей остальные данные под нужды и цели нациогенеза. Нация – это жилетка буржуа, сшитая из дорогого материала спереди (реальное отобранное историческое наследие), и спрятанного под пиджаком дешевого подклада внутри и сзади (отсеченное наследие, структуры Модерна), вводящая смотрящего в заблуждение относительно статуса того, кто её носит.

Шовинизм

С расизмом и национализмом неразрывно сопряжена практика демонизации, угнетения и насилия в отношении Другого, иного народа или Врага по К. Шмитту. Это выливается в саму практику политического расизма и нацизма, в уничтожение народов на уровне их культуры, языка и традиции, либо физически (геноцид). В структурном рассмотрении эта проблема сводится к взаимоотношениям Я/Мы/Свои и Другой/Другие/Чужие, которые привлекли особое внимание экзистенциалистов и структуралистов после Второй Мировой. В Традиции и Модерне существует разница в определении Свои/Чужие и взаимных

отношениях, что на уровне Политического и Войны выливается в разные практики и действия относительно друг друга.

Языческое отношение к Другому может быть эквиполентным либо градуальным. Эквиполентный Другой является «классическим» Другим по отношению к Я/Своим, то есть есть Я и как другая сторона медали есть Другой, и каждая из сторон определяется друг через друга. Этот же прицнип мы опознаем в идентификации Друга и Врага у К. Шмитта. Для жителя древней общины, «міра» у славян, Своими были жители конкретной этой деревни. Все, кто приходил в круг поселка из вне, являлись прицнипиальными Другими. Они могли быть навьими духами из миров мёртвых, духами-пришельцами из лесов, гор и просто природы, чертями или оборотнями, либо носить иной мистических характер, отделяющий их от обычных своих людей поселка. Известны различные ритуалы и обряды, призванные подтвердить, что пришедший чужак является человеком: прыгнуть через костер или в воду, пройти через черту или круг, выдержать некое испытание неподвластное нечисти, спокойно выдержать очищение от злых духов и т.д. После выяснения человеческой природы пришельца уже ставился вопрос о его принадлежности к другому соседнему селу или дальнему городищу или иной его родины, при этом он все равно остается Другим для коренного населения общины. В ходе этого выяснения может открыться, что он является жителем соседней деревни, с которой первая деревня ведет вражду (или представителем иного племен, клана, рода и т.д.), в таком случае он будет идентифицирован как Враг. Если он не принадлежит к очевидным Врагам, то в дальнейшем выясняется кто он и зачем пожаловал, и как скоро он уйдет. Чужой для архаичного мировоззрения всегда является вторжением Иного, тёмной Сакральности и сам по себе факт его появления всегда первичным значением несет негативное предзнаменование. Отсюда, кстати, можно провести прямую аналогию на неприятие всего *принципиально нового-как-чуждого*, иного, «сакрально-тёмного», в традиционном мировосприятии. Недоверие к чужакам является мощнейшим паттерном традиционного поведения, которое сохраняется в деревнях даже сегодня. Но, вследствие такого взгляда, не значит, что Другой должен быть обязательно изгнан или убит на месте. Ибо как представитель иных миров, как оборотень или дух, либо один из Богов, он может быть посланником или гостем в мире людей, поэтому настороженность по отношению к Другому сочетается с практикой гостеприимства в древности. Если пришелец злой дух, то его следует задобрить и поскорее мирно отпустить в дальнейший путь,

огородив свою семью или общину от проклятий. Если пришелец является одним из Богов, то его радушная встреча может стать залогом последующей удачи, мудрости, одаривания от Бога и т.д. При этом нередко истинная сущность пришельца раскрывается в конце визита, что является кульминацией всего принятия Другого как опасного, но гостя.

Градуальное отношение к Другому подразумевает возможность его перехода к разряд Своих, возможность его принятия. Близким к этому в эквиполентном отношении является выявление человеческой природы пришельца, т.е. сокращение дистанции между ним и принимающей общиной. В градуальном отношении переход из Чужих в Свои возможен через определенный ритуал, который является инициатическим. В Свои посвящают через смерть Чужого, что также отражается и в усваивании принятых в новом обществе норм. В эквиполентной модели изгнанный из общины человек обречен на одинокое умирание, ибо его никто не примет в свою общину, потому что он Чужак из иного, нечистого мира и носитель других правил. Градуальное отношение позволяет ему на особых условиях войти в другое общество, нередко с ограничением быть представителем только третьего сословия или чандалой, парием. Примечателен пример скандинавских викингов, основавших свое королевство на Сицилии, они разрешали рабам принимать веру в Асов и тем самым включали их в круг своих на определенных жестких условиях. Этот пример до сих пор используется некоторыми современными итальянскими одинистами для обоснования, почему они, не германцы, придерживаются германо-скандинавской традиции. Интереснейшим примером является прием в Свои варягов-дружинников Рюрика на Руси, призванных княжить над славянами. Это один из немногих примеров включения в Свои новой элиты, что в аллогенной теории происхождения государств описывается наоборот как захват воинственными народами оседлых земледельцев, которыми преимущественно являлись славяне.

В язычестве фигура Другого является проблемной, несущей одновременно негативный знак, предостережение или угрозу, но одновременно за ней может скрываться дух, Бог, предок, который может одарить за должный прием гостя либо наслать порчу и неприятности за то, что его прогнали или обошлись с ним невежественно. Языческие общества проводили процедуру очищения Другого, выявления его человеческой природы, что являлось сближением, аккуратным приближением Другого к Себе, «он не оборотень и не навий дух, так как не боится света солнца» и т.д.

В сфере войны и политики эти принципы выражались в уже указанном нами, при разборе эквиполентной пары Друг и Враг К. Шмитта, подходе к войне с трезвой головой и без демонизации противника и шовинизма. Такой же близкий традиционному подход к войне он разрабатывал в области военного права, Jus Belli.

Ю. Эвола следующим образом раскритиковал шовинизм в политике в труде «Оседлать тигра»:

«Традиционным государствам не было нужды нагнетать шовинистический пафос, доходящий почти до психоза, для мобилизации своих войск или придания им «моральной» силы. Для этого вполне хватало чистого принципа Imperium и обращения к принципам верности и чести. Война имела ясные и положительные цели и велась, условно говоря, с холодной головой, безо всякой ненависти и презрения между противниками».

Очевидна отсылка Ю. Эволы к пропагандистской истерии фашистского и нацистского режимов, которым противопоставляются аристократические принципы имперского традиционного мышления, которое можно считать индоевропейским мышлением. В таком случае корни истерического шовинизма – привативного отношения к Другому как ничтожному, «нулю» – следует искать за пределами индоевропейского круга. Такие корни отчетливо обнаруживаются в Передней Азии, ареале обитания и развития семитских племен, в лоне которых (евреи и арабы) вызрел креационизм со своей особой онтологией, основанной на разрыве Неба и Земли, Бога и творения, народа.

Из этого онтологического разрыва проистекает религиозная нетерпимость креационизма к любым формам язычества (многобожия, дар-аль Харб) и, строго по политической теологии, в сфере Политического это выливаеся в практику войн семитов с другими племенами и друг с другом на полное покорение или уничтожение неверных, многобожников. Преломление христианской исключительности, уже сопряженной с искоренением Другого, в светской оптике Нового времени дает расизм и нацизм. То есть субъект «единицы», обладающий бытием и моральным правом превосходства, переходит от Церкви и христианина на «белую расу», «англичан», «арийцев», «просвещенных французов» и т.д. То есть иудео-христианская религиозная нетерпимость трансформируется в политическую, расовую или национальную нетерпимость. Также это сочетается с общим анти-имперским настроем иудеев и ранних христиан.

Креационизм (иудео-христианство)	Политическое Модерна
Разрыв между Богом и миром, народом	Секуляризм, отделение Государства от Сакрального, позже – Церкви
Демонизация и искоренение Другого (язычников, неверных)	Расизм и нацизм, геноцид Другого
Анти-Имперские настроения иудеев и ранних христиан	Либерализм Ж. Кальвина (Англия); нациогенез на основе М. Лютера и лютеранства (Германия); гражданский национализм Франции через деизм
Субъект «единицы», носитель «Бытия»: Церковь, христианин	Политический субъект расизма и нацизма: белый англичанин, арийская раса немцев, просвещенный гражданин французской нации, гражданин США
Объект «нуля», подлежащий искоренению: язычники, еретики, иноверцы, несогласные с позицией папы, раскольники, сектанты и т.д.	Политический объект расизма и дискриминации: отстающие народы колоний, страны второго и третьего мира, «цветные» расы, все остальные кроме Своих

Мы видим, что природа истеричного расизма и нацизма лежит за пределами структур и традиций индоевропейских солярных народов, и привнесена из вне из ареала семитских народов, вместе с креационизмом христианского издания Дальнейшая доминация христианства в Европе предопределила бинарную привативную структуру Политического. Для язычества и языческого традиционализма это означает совсем иную чуждую и некомплиментарную его структурам конструкцию, полнее всего соответствующую материализму и титанизму потомков Прометея – глиняному человечеству, чье сознание и психо-социальные качества целиком определяются через качества глины, из которой их слепил Прометей, через «бытие, определяющее их сознание». Далее имеет важность рассмотреть магистральные стратегии расизма «развитых народов», продолжающих линию нетерпимости к язычеству в виде нетерпимости к миру Традиции и «недоразвитым народам», чтобы вскрыть процессы дискриминации и угнетения народов и традиций.

Ранее мы подробно разбирали практику культурного и мировоззренческого «геноцида» путем насаждения модернистского европоцентричного образований, концепций прогресса, эволюции, насаждения техники как судьбы в колониях западных держав и по отношению к малым народам России. Гносеологический расизм нацизма объяснял отклонения от «правильного» мышления через расовые и национальные, психо-физиологические критерии. Левые коммунисты объясняли «неправильность» мышления через классовость, стадии развития материалистического общества. Либерализм же просто не терпел никакой иной «недоразвитой» точки зрения традиционных или современных, но оппонирующих ему точек зрения нацизма или коммунизма, его расизм проистекает из чистого прогрессисттского превосходства как такового. Некоторые современные расисты и националисты ставят в упрек христианству торможение прогресса со времен Рима и до Просвещения, порождая тезис о том, что «если бы не христианизация Рима и Европы, то сегодня уровень технического развития позволял бы колонизировать другие планеты и покорять космос, поэтому для возмещения пробела необходимо вернуться к язычеству». В этом тезисе смыкается расизм/национализм и гносеологический расизм, чуждые миру Традиции, и языческий дискурс реставрации традиций в условиях времен Рагнарёка. Но принципиальный акцент уже смещен с традиционалистского на модернистский в позитивной оценке «прогресса» (гносеологический расизм), что делает такой тезис абсолютно неподходящим и нерелевантным для язычников сегодняшних дней.

С икоренением традиционных обществ также сопряжена практика насаждения языка доминирующего, господствующего над «рабами» народа для всех других; переучивание автохтонных народов языку пришедших высокоразвитых господ. Фактически здесь речь идет о языковом расизме и геноциде важнейшей Сакральной инстанции – языка народа. Школы в таком свете предстают как учреждения концлагерей и ГУЛАГа. Нередко в национально-освободительной борьбе малого национализма значительное внимание уделяется возрождению или сохранению своего языка, языковому пуризму и языковым правам, как одному из оснований национальной идентичности.

От греческого слова «ευγενες», которое означает «породистый», берет свое начало термин «евгеника», означающий науку о селекции и улучшении генофонда человека. Отцом евгеники, давшим её и название, был Фрэнсис Гальтон (1822-1911гг.), двоюродный брат выдающегося

эволюциониста Чарльза Дарвина (1809-1882гг.). Евгеника занималась положительной селекцией тех качеств, которые считались в Государстве положительными и приветствовались, и негативной селекцией тех качеств, которые были вредны для физиологии и здоровья человека, а также по некоторым теориям влияли на будущую личность и социальное поведение человека негативно (биологический расизм). Евгенический метод был перенесен на человека из скотоводческой и животной биологической селекции, которой человечество занималось веками. В социальном аспекте евгеники это сводило качества личности к чисто биологическим параметрам, т.е. было материализацией человека, сведением его к животному. В «позитивном» ключе евгеника рассматривалась как метод, позволяющий народу получить преимущество в социальной борьбе за выживание с другими народами, либо отдельным представителям народа возвыситься и стать элитой (социал-дарвинизм)[118].

Появившись в конце XIX – начале XX века, евгеника, как и любая наука Модерна, возвела свои корни к некоторым «евгеническим» практикам Греции и Спарты, в которых предписывалось особо больных и увечных детей предавать смерти. Споры о гуманности таких действий в древности, и об этичности самой евгеники, которая активно практиковалась в начале и середине XX века в Англии, США и Германии, породили целое направление биоэтики, занимающееся вопросами этичности науки вмешиваться в эволюцию, развитие, конституцию, геном и т.д. человека. Фактически биоэтика находится на пересечении культуры (включая религию), науки, технологий и представлений о человеке как виде, и, по сути, занимается вопросом о допустимости или недопустимости пересмотра либеральной конвенции о том, «кто есть Человек».

После Нюрнбергского суда над нацистскими преступниками и преступлениям, евгеника была осуждена и её функции частично взяли на себя генетика и биополитика. Биополитика по М. Фуко является распространением власти Государства на физическую часть населения и представляет из себя реальную власть над регуляцией населения (демография) и его физиологическими качествами.

Классическая евгеника зари XX века является пародией и попыткой создания аналога древних сословий через биологическую селекцию. С помощью отбора фенотипических и генотипических качеств ученые намеревались воспроизвести то, что Платон в «Государстве» возложил на врожденные качества души и педагогику. Поэтому такой модернистский

[118] См. например законы о вступлении в брак офицеров СС в Третьем Рейхе.

подход, трансформировавшийся в Постмодерне в репрессивную биополитику профанного Государства, некомплиментарен языческому традиционализму.

Относительно расизма существует заблуждение о том, что его априорным и перманентным носителем является белый человек. Это мнение проистекает из послевоенной лево-либеральной пропаганды и среды постмодернистов. В гендерном аспекте к определению носителя белого как носителя расизма добавляется «мужчина» и «гетеросексуальный», т.е. самый распространенный тип нормального человека. В условиях либеральной демократии и Постмодерна этот тип человека испытывает на себе обратный расизм и уничижение со стороны огромного количества разнородных «меньшинств». В Постмодерне меньшинства получают преференции и привелегии только потому, что они «меньшинства». Это ситуация «реверс-расизма», пародии на расизм.

Различные практики расовой дискриминации встречаются у представителей иных, не белых рас. Частично они усвоены у европейских колонизаторов и преломлены в свете своей национально-освободительной борьбы. С другой стороны в Азии существует жесткий ценз на доступ белых к обучению в тибетских или индуистских монастырях и у гуру. В Японии за всю историю было менее десяти священников Синто не японского происхождения. Некоторые североамериканские индейцы абсолютно не допускают белых людей даже к наблюдению своих обрядов со стороны. Африканское племя Йоруба, исповедующее смесь христианства, ислама, традиционной религии ифа и магии, считает приверженность к племени критерием «Богоизбранности».

Все эти примеры отражают традиционное стремление защитить себя от Другого-как –злого духа, защититься от пришельца. Пока они остаются в пределах эквиполентности и градуальности они взвешены и адекватны, переход к привативности означает упадок, связан он с влиянием авраамизма (Йоруба), колонистов или нет.

Но идеи расизма и его практика существенно повлияли на судьбу белого европейца и его восприятие мира, особеннго гносеологический расизм и евроцентризм. Ранее мы уже определили, что современная Европа, выстроенная по лекалам Модерна и ризоматического Постмодерна является полной антитезой традиционной Европе язычества, и поэтому мы заключили, что Европа Модерна – это анти-Европа. Вслед за этим мы можем заключить, что современный европеец – это анти-европеец, со всем его набором мировоззренческих установок, включая и «реверс-расизм»

Постмодерна и либеральной-демократии. В этом свете представители правых идеологий ведут апологию расизма как борьбы с «реверс-расизмом», в чем им противостоят солидарные с «реверс-расизмом» левые, антифашисты, либералы и меньшинства. Но сама ситуация такова, что она представляет из себя ситуационный тупик. Выбор сводится к «вилке»: за белый расизм/против расизма. Ни одна из сторон не ведет к язычеству и Традиции, даже если использует его в своих демагогических и пропагандистских целях. Антирасистский дискурс узурпирован лево-либеральными группами, правый про-расистский дискурс вырожден в субкультуры и несет печать Модерна. В такой оптике выступать за доминацию «белого человека» бессмысленно, так как этот «белый человек» полностью деградировал и сам создал условия своей ситуации «цивилизационного самоубийства». Столкновение цивилизаций ислама и постмодернистской анти-Европы (Западной цивилизации по С. Хантингтону (1927-2008гг.)) во втором десятилетии XXI века обозначило собой фундаментальный вызов Европе и её идентичности. Призыв к старым формулам и решениям «нацизма» и «расизма» блокируется на стадии зародыша лево-либеральной властью Евросоюза, чья политика ведет напрямую к европейскому цивилизационному суициду. Но сама гипотетическая реализации правого сценария с опорой на исторический опыт (даже как ориентир) может привести только к реставрации все того же смешения Модерна и квази-Традиции. Реальное решение проблемы лежит за пределами «вилки» расизм/антирасизм. Обе политические идеи и практики более несостоятельны, с точки зрения языческого традиционализма они никогда и не были состоятельными для Традиции.

На уровне реальной политики и на глобальном уровне сегодняшняя ситуация столкновения цивилизаций (С. Хантингтон) пока еще далека от какого-либо *реального разрешения*, тем более от разрешения в традиционалистском и языческом ключе.

В политкорректном английском языке есть понятие «diversity», которое означает «многообразие», «разнообразие». Стратегия diversity является ответом на нарастание консервативных и право-националистических настроений в обществе. То есть если общество недовольно обилием мигрантов, представителей иной религии, культуры, ориентации и т.д., то решением согласно diversity является *создание ещё большего количества ещё более разнообразных других*. Логика такова, что с увеличением числа иноверцев, мигрантов, размоется корневая этническая/национальная/расовая/культурная идентичность, общество

станет более разнообразным, диверсифицированным, а значит – более толерантным, либеральным, ризоматическим. Когда вокруг все разные – это должно, по логике «диверсии», создавать условия для принятия и терпимости, «ведь все мы разные». В ответ на такую постмодернисткую стратегию новые правые и консерваторы выдвигают ответный консервативный лозунг: «True diversity is racial identity for all» – «Настоящее разнообразие – это расовая идентичность для всех». Либеральная стратегия диверсификации как размытия любой идентичности превращается в настоящее утверждение больших идентичностей. Настоящее разнообразие – это не постмодернистское размытие, а утверждение незыблимости собственной этнокультурной идентичности в пространстве развития и истории своего народа. Настоящий расизм – это не идеология превосходства какой-либо одной расы над всеми, это идея утверждения самобытности и автономности многих рас, каждой на своем историческом месте. В свете этого подхода у «расизма» есть шанс, но он очевидно требует иной терминологии и языка.

III.V Этноцентризм

На уровне общин и организаций, в их языческом мировоззрении, традиционализме, реальной жизни и политической практике межорганизационного взаимодействия и возможного участия в политическом процессе своих Государств, альтернативой модернистскому расизму и «реверс-расизму»/антирасизму будет являться этноцентризм.

В современной литературе «этноцентризм» выступает как эвфемизм или синоним понятий «национализм», «нацизм» и «расизм», то есть уже заранее демонизирован ассоциациями и контекстом употребления. Буквальный разбор термина дает нам два корня «этнос» и «центр», и прямое толкование термина как постановка «этноса» в «центр» системы ценностей и ориентиров, сам «этноцентризм». Продолжая эту линию, мы заключаем что этноцентризм – это такое отношение к собственной идентичности, которое отрицает либеральный индивидуализм «я – это единица человеческого вида», левую классовость «я – пролетарий/буржуа», и правые расизм и национализм «я – представитель белой расы» или «я – *гражданин* Франции/России/Германии»; в центре внимания должна находиться этническая принадлежность. Для определения этнической принадлежности можно пойти путем деконструкции национальной идентичности, например, не существует

«французского этноса», есть только «французская нация», поэтому, обратившись к истории Франции, мы выявим в ней, что древнейшим автохтонным населением этих земель были континентальные кельты, к которым позднее добавилась германская элита союза франков (Franken), и еще позднее на национальном этапе через получение гражданства к «французам» добавились все остальные. Первое приближение от «французского национализма» к «этноцентризму» заключилось в выявлении кельтских и германских этнических корней франкского Государства. Второе приближение заключается в углубленном исследовании собственных корней, генеалогии, и преобладающей этнической идентичности своих предков, определении пропорции этнических смешений и дальности участвовавших в ней этносов. Например, смешение в одном потоке представителей азиатских и европейских народов может вызывать «разрывание на две части» на метафизическом уровне, то есть дистанция между народами, их культурами и языками будет такова, что самой первой сущностью человека и станет сам «разрыв», а его европейские и азиатские края станут лишь оттеночным обрамлением проблемного «разрыва». Однозначное отождествление и вхождение в какую-то одну традицию станет проблематичным, и во многом будет сопряжено с выкорчевыванием тяги в противположную сторону.

Если же смешение происходит между исторически и географически близкими народами, например между славянами и германскими готами, кельтами и германцами, греками и латинянами, то такое смешение может быть мягким и несущественным, а в позитивном максимуме открывать возможности для плодотворного синтеза и постижения глубин двух традиции. Выбор одной главенствующей традиции в таком случае осложняется минимально и определяется через преобладающую долю этнической идентичности в крови (родстве). Но здесь же есть возможность для преодоления детерменизма крови-родства, так как метафизически Кровь является мощной Сакральной инстанцией, которая передает не только родственно-этническую принадлежность. Через голос Крови в челвоеке может, спустя многие поколения, прорваться зов глубинной «миноритарной» индентичности и сословной принадлежности. Иными словами, аристократические предки могут дать толчок Крови через время и эпохи, побуждая современного потомка язычника следовать аристократическому образу мысли и поведения, пребывая в условиях абсолютного упадка эры Рагнарёка.

Как мы видим, сегодня для язычника основной задачей является деконструкция современных и пост-современных наслоений идентичностей в сторону этноса и выстраивания вокруг него-как-центра окружности. Задача не из легких, и здесь на помощь приходят также язык (основа нациогенеза немецких народов), культура, география проживания и география перемещения ближайщих предков, история семьи и рода, включая «сверхъестественные» случаи, предания и т.д.

Понимание нами термина «этнос», как мы не раз указывали, лучше всего передается через церковно-славянское «ꙗзы́цы», которое помимо значения «народы» сразу вызывает в сознании звучание терминов «язычество», «язык», то есть фундаментальные понятия языческого Сакрального и традиционализма. Первый вывод из этого таков, что этноцентризм преодолевает идентичность религий авраамизма. Для русского человека необходимо не только деконструировать современную национальность «россиянин», советское классовое представление о «пролетарии», «советском человеке», но и более глубокую православную идентичность, которая покрывает собой множество различных этносов, находящихся друг с другом на различных дистанциях.

Слово «ꙗзы́цы» означает и «народ» и «язычество» в неразрывной связи, по сути, эти слова обозначают одно понятие. «Народ» и «традиция» сплавлены вместе. Поэтому второй вывод таков, что сегодня в процессе деконструкции национальной идентичности в сторону этноцентризма, в спайке «народ/традиция» на первое место ставится «традиция», за которой следует искомый «народ»; «традиция/народ». В слове «ꙗзы́цы» эту перестановку двух компонентнов единого выразить невозможно, только в расширенной трактовке, что мы и проделали выше. В деле поиска корней у современного язычника может быть устойчивая симпатия или влечение к какой-то конкретной традиции, и поиск собственных корней может либо подтвердить право на легитимность вхождения и принадлежности к традиции, либо опровергнуть её. Расстановка в виде «народ/традиция» соответствует как раз вхождению в конкретную традицию через свою этническую принадлежность, следование за Кровью к Языку и Богам.

Третий вывод является на текущий момент производным от того факта, что возрождение языческих традиций сегодня происходит путем синтеза известного наследия со всего пространства обитания предков и различных племен и суб-этносов на территории проживания народа. Иначе говоря, в разных деревнях, в разных краях Европы или Руси, проживали разные племена славян или германцев, каждое из них (как и в разных деревнях)

имело свои отличия в говоре языка, обрядовых песнях, изобразительном искусстве, почитаемых Богах и т.д. Для древнего предка это имело существенное значение, влиявшее на определение Своих и Чужих; «он не наш, так как его предком (тотемом) является иной зверь» и т.д. Но современное язычество использует данные, говорящие о племенном разнообразии, в обобщающем древнее разнообразие синтезе. Из этого проистекает следующий, гипотетический на уровне теории, но уже реальный на уровне практики, вывод об аккуратной допустимости пан-этнического подхода. То есть, современная германо-скандинавская традиция (Асатру, Одинизм) являестя синтезом знаний и наследия всех народов, населявших Германию, Данию, Швецию, Норвегию и Исландию. В разных вариациях в этом синтезе может преобладать исландское ядро (или направление), или германское ядро, но в общее тело традиции вплетаются все близкородственные народы и их наследие. Поэтому, например, для современного Одиниста, допустимо синтезировать исландское, шведское и континентальное германское наследие традиции, т.е. быть своеобразным пангерманистом. При этом ядром или доминирующим вектором по преимуществу является его Кровь как личные родовые континентальные германские корни. Аналогичное верно и для всех других традиций и их адептов.

Четвертый вывод заключается в том, что позиция этноцентризма преодолевает любые формы нацизма и расизма, что максимально выражено в словах Велеслава: «изучай мудрость других Родов, но следуй мудрости своего Рода». Так как этноцентризм обращается к пластам, лежащим древнее Модерна и его nation state и социальных конструктов расы, то и следующие из них выводы также остаются по ту сторону релевантного. Также в стороне остается религиозная нетерпимость иудео-христиаства, являющаяся корнем политического истерического расизма.

Изучение мудрости иных народов является прямой антитезой гносеологическому расизму подерна и евроцентризму. Другие народы не «недоразвитые» и не «варварские», они просто другие. Они обладают своей структурой, языком, общаются со своими Богами и стяжают свою мудрость, которую можно изучать. Деление народов и стран по категориям «страны первого мира», «второго» и «третьего» для языческого традиционализма недопустимо, так как оно выражает прогрессистский критерий. *Народы являются просто народами*; они не развиваются, *а живут*, воюют, побеждают или погибают. Боги даруют им победы, жизнь, мудрость, богатства и испытания.

Через рассмотрение Политического и деконструкцию «расы» и «нации» мы подошли к понятию этноцентризма как точки центра. В нашем толковании этноцентризм практически отождествляется с самим «язычеством», «традицией», либо является их терминологическим проявлением в сфере Политического. С оговорками этноцентризм можно также назвать «мягким национализмом», близким к примордиализму, но само употребление термина «нация» только запутает непосвященного читателя и язычника. Далее мы кратко рассмотрим близкие и полезные для понимания этноцентризма идеи и концепции.

В религиоведении и отношении к изучению и описанию религий и языческих традиций особого внимания заслуживает подход и религиоведческий метод мягкого традиционалиста М. Элиаде, а также представители «понимающей антропологии» К. Леви-Стросса, русские «понимающие» историки и медиевисты Б. Рыбаков, М. Стеблин-Каменский, и др.. Их подход отвергает эволюционизм, позитивизм и марксизм Модерна, приближаясь к исследуемым и описываемым народам на максимально близкую дистанцию.

Сакральный подход к географии предполагает, что место проживания общины (деревня, стоянка, двор, pagus) всегда является Сакральным центром всего окружающего пространства, ландшафта. Внутри деревни также есть свой Сакральный центр: яма, храм, святилище, кладбщие и т.д., дом. в свою очередь, тоже представляет собой постройку в виде центра и окружности, где в центре располагается дерево, вокруг которого возводится дом, либо очаг. Но по отношению к мирам духов, населяющим Природу, место человеческого жилища осмыслялось предками как центр космоса, вокруг которого располагался хаос Природы. Для наших предков было аксиомой выражение «мы – всегда в центре». Это – этноцентрум. Также окружающая жилище и деревню природа и ландшафт были для народа его данностью, и по мнению представителей органицистского подхода, имеющим сходства с примордиализмом, специфические климато-географические условия места развития (мы скажем – проживания) народом закладывают в сами эти народы их ментальные свойства и социальные особенности. Менталитет, темперамент и черты культуры являются преломлениями окружающей народ природы и ландшафта.

Так, Фридрих Ратцель (1844-1904гг.) рассматривал Государства как живые организмы, которые укорены в почве, и почва, окружающее пространство (Raum) предопределяют судьбу народов. При этом, несмотря на очевидный эволюционизм, у Ф. Ратцеля пространство носит

виталистский, почти мистический смысл. Оно является особым жизненным пространством (Lebensraum), которое дает пространственный смысл (Raumsinn) и энергию (Lebensenergie), при этом конечное определение «нашей страны» включает в себя не только Raum, но и все созданное человеком на этой земле и в этом Государстве, все связанные с землей воспоминания, что создает основу для духовного единения народа. Это последнее духовное единение через землю близко языческому пониманию Матери-Земли. В немецком языке слово, означающее землю, это «Erde». Слово Erd*e* является названием рунического знака Erd*a*, изображаемого как руна ᛟ Odal, только с дополнительными загнутыми «хвостами». Знак Erda обладает тем же значением «родового надела, земли», «родины», что и Odal, только в женском роде и семантике[119]. Дополнение витализма и органицизма Ф. Ратцеля тонкими руно-языковыми и семантическими нюансами превращает эволюционистскую связь Raum и Volk в мистическую связь народа и Матери-Земли.

Огромный вклад в идею германской идентичности, который мы можем применять в равной мере и к другим народам, внес Иоганн Гердер (1744-1803гг.). Гердер, будучи предтечей романтизма, критиковал Просвещение и искал оснований для объединения немцев, но в отличие от позитивистского подхода, он обратился к исследованию литературы и фольклора, видя в них основания для немецкой идентичности. Мысли И. Гердера привели его к заключениям, которые с некоторыми оговорками можно назвать языческими. И. Гердер подходил к народам не с позиций развития или морального осуждения, но очень деликатно и старался понять каждый из них. Согласно ему каждый народ является носителем своего собственного Духа, Volksgeist, который разворачивается в нем на протяжение истории и обуславливает его самобытность. Народный дух уникален, он проступает в народе через его культуру, язык быт и обычаи. При этом одним из ярких проявлений народного Духа являетя именно фольклор. Особое значение, приближающее И. Гердера к языческому мышлению, носит его утверждение о том, что народ и его Дух являются *мыслями Бога*. И каждый народ, поэтому, обладает равной ценностью в мире, так как его исток в Божественной мысли. И. Гердера нередко называют основоположником немецкой национальной идеи, но его воззрения резко контрастируют с принципом nation state Модерна и поздними теориями национал-социализма.

[119] В английском языке слово «Earth», имеющее с немецким «Erde» общий прото-германский корень.

В области права важнейший вклад, полезный для политического этноцентризма и с поправкой на исключение христианства, сделал консервативный революционер Карл Шмитт, разработавший идею «прав народов». «Права народов» должны были сменить национальные государства в Европе, дав субъектное право самим народам (Volk) организовываться согласно своим органическим структурам и на своем пространстве. При этом К. Шмитт отстаивал идею новой европейской Империи, внутри которой народы имеют максимальную свободу выражения и отношений, но во вне должны быть ограничены стратегическими интересами Империи, представлять собой монолит для внешнего взора. Границы Империи представляют собой «большое пространство» (Grossraum), в которое вписаны пространства народов. Земля, обладающая своей постоянной спецификой, для К. Шмитта служит источником права, в чем он созвучен с органицизмом Ф. Ратцеля и Л. Фробениуса; для Шмитта человек принципиально сухопутное существо, так как море и океан не обладают постоянными и одновременно разнообразными признаками ландшафта, влияющими на политику народов и сами народы.

Таким образом, как мы видим, после Второй Мировой войны идеи национализма оказались исчерпанными и вытесненными на субкультурную периферию или оказались в роле марионеточной оппозиции; социалистический блок во главе с СССР разрушился в конце 1990-х годов, что предопределило сходную с правыми судьбу и для коммунизма. Оставшийся в триумфальном одиночестве либерализм трансформировался в лево-либеральный Постмодерн. Для язычества ни одна из этих трех идеологий не является полностью подходящей, каждая из них несет в себе природу Модерна. На текущий момент оптимальным политическим выходом является этноцентризм, который равно подходит как для активной позиции политического язычества, сопротивления Системе А. Сораля и построения Grossraum К. Шмитта, так и для аполитического внутреннего духовного делания. Концепцию этноплюрализма разырабатывают и защищают многие «Новые Правые» и Ален де Бенуа.

Реальная повсеместная реализация политического этноцентризма де-факто подразумевает собой полный демонтаж всей международной, региональной и госдарственной политик, полный пересмотр и преодоление всего Политического Модерна. Политический этноцентризм требует новый тип язычника-традиционалиста, «нового» Вечного Человека.

III.VI Язычество «слева»

Заключив на раннем этапе о несовместимости левых социалистической и коммунистической идеологий с язычеством, далее мы более подробно рассмотрим их различие и обратим внимание на существующие тезисы и попытки синтеза «левого язычества».

Ф. Энгельсу и К. Марксу принадлежит авторство теории исторического материализма, рассматривающей развитие человечества через смену общественно-экономических формаций, в основании которых лежит экономика и антогонизм правящего и эксплуатируемого классов.

Марксизм представляет собой законченный прометеевский материализм, однако в своем отрицании религиозности он еще достаточно тоталитарен по сравнению с либерализмом, который в своей имманентности не нуждается в воинственном отрицании религии, а включает её в себя как частное дело свободных граждан. К. Марксу и В. Ленину принадлежит массовая популяризация сравнения религии с опиумом народа, которая выступает как обезболивающее и дурман для угнетаемых классов, позволяя им претерпевать свою эксплуатацию. Именно к этому восходят все утверждения о том, что [авраамические] религии – это инструменты манипуляции обществом и порабощения. Но, несмотря на жизненный контекст самого К. Маркса, сущность его высказывания и отношения к религии как к «убожеству», говорит о том, что для марксизма нет никакой разницы между авраамизмом и язычеством. Для марксизма равно «убоги» все формы традиций, все они лишь варианты «опиума», который застилает глаза на истинную материальную природу исторического процесса.

Аксиомой марксизма является тезис К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Этот тезис конституирует развитие человека снизу, но не от Матери-Земли (Erde) органицизма, а от чистой материи как таковой, противопоставленой Духовности и Сакральному. Все культурные, включая философские и религиозные, институты являются лишь «надстройкой».

Марксизм ставит Экономику выше Политического, что предопределяет доминирование чисто торговых, спекулятивных экономических отношений не только над религией, но и над отношениями Друг/Враг К. Шмитта. В основе всего лежит экономический интерес, соответствующий

сознанию господствующих классов и классов эксплуатируемых (борьба за свободу, революция).

Несмотря на радикальное отрицание религии в марксистской теории и болшевистской практике, многие указывают на глубокие христианские корни марксизма, фактически на то, что он является «материалистическим христианством». Мирча Элиаде писал об эсхатологической природе марксизма следующее:

«Маркс заимствует и развивает один из самых великих эсхатологических мифов азиатско-средиземноморского региона, а именно: искупительную роль Иисуса Христа («избранник», «помазанник», «невинный», «посланец»; ср. в наши дни – пролетариат), чьи страдания были призваны изменить онтологический статус мира. В самом деле, бесклассовое общество Маркса и постепенное исчезновение исторических антагонизмов точно повторяют миф о Золотом Веке, который, согласно многим традиционным верованиям, знаменует начало и конец Истории. Маркс обогатил этот древний миф всей мессианской идеологией иудео-христианства: с одной стороны, это роль проповедника, приписываемая пролетариату, и его избавительная миссия, с другой – последняя борьба Добра и Зла, в которой без труда узнается апокалиптический конфликт Христа с Антихристом, и окончательная победа Добра. Знаменательно также и то, что Маркс разделяет эсхатологическую надежду иудеео-христиаства об абсолютном конце Истории»[120].

Угнетаемому и эксплуатируемому пролетариату соответствует иудейский народ, а в его революционной миссии – мессианство Христа. Рим и римляне обращаются буржуазными угнетателями и капиталистами. Классовая борьба – это борьба Христа и Антихриста за Рай на земле, коммунизм. При этом коммунизм есть возвращение на более развитом историческом этапе первобытного коммунизма (прогресс, позитивное будущее), что соответствует восстановлению Царства Израиля и христианскому концу истории.

В политической практике большевиков, насильственно искоренивших православие в СССР, глубокие народные чаяния и резонанс с христианской подоплекой большевизма вылились в практику «сакрализации» власти: Партия – Церковь, вождь/генсек – патриарх, майское шествие трудящихся – крестный ход, положения марксизма-ленинизма – катехизис, и т.д.

[120] См. М. Элиаде «Священное и мирское».

Если нация является искаженным преломлением и пародией на «этнос» в Модерне, то марксизм – это искажение иудео-христианства в материальном ключе.

Язычество и марксизм сходятся друг с другом на максимально близкую дистанцию только в контексте третьего сословия земледельцев и ремесленников. Здесь есть три точки приближения между ними. Первая – это расположение третьего сословия в основании Сакральной пирамиды, и расположение пролетариев внизу социума. Вторая – это марксистский культ труда и «работа руками» третьего сословия, но здесь существует важный нюанс, на который указывают традиционалисты (Ю. Эвола). Человеку традиции неведомо понятие *труда* как некоей механической и отвлеченной работы за деньги, на которую надо ходить и за пределами которой располагается сама жизнь. Вместо труда и работы человек Традиции, вспахивает ли он поле, ловит рыбу или делает некое изделие, ремесло, всегда совершает *деяние*. Сакральная обоснованность ремесел, доступ к священным текстам и подобие Божественной демиурги делают сам процесс творения не работой, *а самой жизнью*, «работа» и есть деяние, составляющее ткань жизни, а не исключение из нее на время рабочего дня.

Это полностью отрицает примат экономики над жизнью, и указывает на возможные нематериальные глубинные основания культа труда в марксизме, но здесь даже близкая дистанция должна корректироваться с поправкой на сущностный нюанс двух разных пониманий «труда» и «деяния».

Третья точка приближения заключается в том что, слово «пролетарий» происходит от латинского «proles», «потомство» и имеет резонанс с христианским отношением к семье и поощрением обильного деторождения. Христианская община является закваской пролетариата. Уже во вторую очередь христианский «культ семьи» имеет резонанс с языческим родом и семейным ритуально-обрядовым семантическм кругом, но и здесь актуален нюанс различения между языческим пониманием семьи-Рода и христианским и пролетарским. Человек по своей природе Бог, одухотворяющий материю, но пролетарий – это чистая глиняная поделка Прометея, в которую Зевс не вдохнул свой Дух.

Несмотря на очевидную большую дистанцию между марксизмом и язычеством, опосредованную его иудео-христианскими корнями, в случае других сопоставлений дистанция будет еще более большой и непреодолимой. Исходя из этих трех точек, объясняются все попытки построения политической программы язычества с опорой на левую

идеологию, и сразу же маркируется сословная природа тех, кто эти построения совершает. В качестве допущения о причинах попыток такого синтеза помимо сословного резонанса, мы можем указать на банальную недостаточность понимания языческого традиционализма и антогонизма Традиции и Модерна, либо на неискоренимое чувство ностальгии в человеке, зовущее его вернуться в позитивную молодость. Именно такими причинами можно объяснить левый родноверческий дискурс Велемира Сперанского, у которого синтез «левого» и «языческого» во много опирается на уникальный и сомнительный, с точки ортодоксального марксизма, опыт послевоенного СССР: культ курганов, вечный огонь на могилах павших воинов, «сакрализация» труда и т.д. Этот же набор символов является общей основой для отношения к марксизму практически во всей родноверческой среде.

Крайне любопытные сведения об отношении к язычеству мы встречаем в воспоминаниях современников о Михаиле Тухачевском (1893-1937гг.), маршале Советского Союза. Писатель Роман Гуль в биографии «Красного маршала» приводит следующие слова М. Тухачевского:

«Тухачевский встает, ходит длинным шагом по каземату, не глядя на собеседника, глядя в каменный пол; он чуть-чуть улыбается тонким ртом и странными грустными глазами.

— Нет, как раз наоборот, я хочу сказать, что мы, русские, все религиозны, но именно потому, что у нас нет религии. Я не христианин,— остановился он перед католиком,— больше того, я даже ненавижу того нашего Владимира Святого, который крестил Россию, тем отдав ее во власть западной цивилизации! Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство. И то и другое. Но постойте, и то и другое еще вернется, я ведь в это верю! Владимир Святой заставил нас потерять несколько столетий, но только и всего».

По другим сведениям М. Тухачевский имел у себя лично вырезанный чур Бога Перуна и подавал в Совнарком записку о восстановлении язычества как натуральной религии. Интерес выдающегося военного, маршала, М. Тухачевского к язычеству мог быть обусловлен неприязнью пацифизма христианства и тягой к воинскому «варварству», о чем говорит и идол Перуна. Но это – скорее уникальное исключение из общей картины религиозной политики Советского Союза. М. Тухачевский был репрессирован и расстрелян в 1937 году, и реабилитирован в 1957 году. При этом после 1960го года в СССР начинается огромный подъем исследований язычества славян (Б. Рыбаков), народов Европы (М.

Стеблин-Каменский), русских фольклора, этнографии, изобразительного искусства, а также культуры и традиций малых и коренных народов. Позднее, через 20 лет, начнут появляться первые закрытые и малочисленные группы современных русских язычников.

Подъем интереса к язычеству, реабилитация М. Тухачевского и неприятие православия в СССР породило в православной среде конспирологическую версию о том, что в КГБ прислушались к идеям маршала и решили возродить язычество как противоборствующую христианству силу и новую удобную религию для советских граждан. Этот конспирологический миф жив и сегодня, но может иметь разные нюансы, так, вместо КГБ источником «языческого возрождения» называется Государственный Департамент США или ЦРУ. При этом последняя теория поддерживается некоторыми высокопоставленными аналитиками и военными в российской власти, что создает для возраждающегося язычества в России большие проблемы.

Помимо классического марксизма и опыта СССР, существует также левый анархизм, чьи теории и практика вызывают интерес у представителей язычества.

Термин «анархизм» образован от греческой частицы отрицания «ἀν» и слова «ἄρχή», «власть» и «начало». Анархизм – это идеология безвластия и безначалия, имеющая большое количество версий и трактовок, что на сегодняшний день делает его одной из форм политической субкультуры Постмодерна. Анархизм отрицает любые формы государственности, авторитарного правления сверху, частной собственности и капитализма. Фактически классический анархизм А. Бакунина (1814-1876гг.) и П. Кропоткина (1842-1921гг.) представляет из себя анархо-коммунизм и коллективизм, но не государственный, а на уровне малых групп и общин («коммун»). Это проистекает из почвеннических позиций Бакунина и исследований «солидаризма» у малых народов Кропоткиным, что отсылает нас к стадии первобытного коммунизма. С развитием анархистской мысли появляются различные вариации анархизма, сопряженного с идеями об освобождении других угнетаемых групп («солидарность угнетенных»): ЛГБТ-анархизм, анархо-феминизм, квир-анархизм, эко-анархизм, антиглобалистский анархизм и т.д.

На сегодняшний день анархизм в России не представляет собой серьезной общественно-политичекой силы и части общества, в Европе позиции анархистов сильнее в силу лево-либерального контекста, но и они в основном находятся в формате уличной политики и субкультуры.

Текущее идеологическое наполнение анархизма также характеризуется постмодернизмом, сплавом лево-либеральных идей и позицией ярого антифашизма, уходящего корнями в движение и символику немецкого сопротивления «Antifaschistische Aktion», субкультуры ранних скинхедов («Skinheads Against Racial Prejudices») и красно-анархистских скинхедов («Red-Anarchy Skinhead»), к которым примкнули различные молодежные субкультуры 1970-2000 годов. Ощераспространенной является агитация и отстаивание прав сексуальных, этнических, гендерных меньшинств, критика капитализма, защита животных и окружающей среды, акции прямого действия и помощи низшим слоям населения. Язычество и такой субкультурный анархизм связывает наличие микро-групп язычников-анархистов, антифа-язычников («Pagans Against Rasism») и т.п. субкультурных явлений. Природа их синтеза заключается в секуляризации и *отсутствии четко поставленного вопроса о совместимости язычества, анархизма, расизма и субкультурности*. При этом антирасистская позиция субкультурных анархо-язычников представляет из себя одну из крайностей постмодернистской «вилки» «расизм/антирасизм». Отрицание иерархии ценностей, Сакрального авторитета и Божественного ставит анархизм, особенно в его лево-либеральной антифашистской версии, за границами допустимой политической практики язычества. Во многом остальном субкультура левых анархистов тождественна с националистической субкультурой репрезентации и потребления знаков.

Анархиста нельзя отождествлять с «Анархом» Эрнста Юнгера. Несмотря на то, что происхождение двух слов одинаково, их окончания различны и они несут разное значение. Анарх, описание которого Э Юнгер дает в романе «Эвмесвиль», трактуется как то, кто «вне власти», а не «против власти» как анарх-ист. Анарх – это еще один гештальт, который приходит после войны на руины мира. Он не считает себя частью системы Государства, но может в ней участвовать как *отстраненный наблюдатель Истории*. Антитезой Анарху является Монарх, фигура, в которой происходит кульминация единства власти, «μόνος» – «один». Анарх одинок, но не индивидуально раздроблен и «освобожден от» как анархист. Негативная позиция Анарха к миру проистекает из более фундаментальных критериев, чем неприятие власти и капитализма у анархистов.

Э. Юнгер пишет:

«Само понятие лесного пути подтверждает особое положение анарха, который, в сущности, всегда и везде остается лесным путником — будь

то в чаще леса или в большом городе, внутри общества или за его пределами. Между лесным путником и партизаном существует такая же разница, как между анархом и представителем криминального мира; разница эта выражается в отношении к закону. Партизан хочет изменить закон, уголовник — нарушить его. Анарх же не хочет ни того ни другого. Он — ни за закон, ни против него. Но, хотя анарх и не признает закон, он все же пытается распознать в нем подобие законов природы — и приспосабливается к нему.

Когда становится жарко, всякий человек снимает шляпу, в дождь он открывает зонт, а при первом подземном толчке покидает дом. Право и нравы становятся предметом новой науки. Анарх старается судить о них с этнографической, исторической, а также (о чем я, пожалуй, еще расскажу подробнее) с моральной точки зрения. В государстве анархом обычно всегда довольны; он едва ли привлечет к себе внимание. В этом отношении прослеживается определенное сходство между ним и преступником — например, опытным шпионом, который скрывает свои возможности за каким-то будничным занятием».

Фактически Анарх является одной из стратегий существования традиционалиста и консервативного революционера в условиях победы титанического над олимпийским. Фигуре Анарха созвучны положения о «деффиренцированном человеке» Ю. Эволы, изложенных в трудах «Люди и Руны» и «Оседлать тигра». В этих трудах Ю. Эвола также подходит к парадоксальной позиции «анархизма справа», что является у него техническим термином для обозначения позиции, когда традиционалисту невозможно участвовать в политическом процессе в силу абсолютного разложения и упадка Государства и политического процесса. Эта позиция также не имеет ничего общего с синтезом «правого анархизма» и «правого солидаризма» как одной из форм правых субкультур. В некоторой мере эта позиция близка идеологии NAM Т. Саусгейта, но у него она носит более коллективистский характер, в то время как Ю. Эвола говорил об одиноко стоящих людях среди руин человечества, о тех «кто смог выстоять».

Примером воплощения мистического традиционалистского анархизма является русскоязычный тантрик Бхайраванада Джайадхар и его семья (каула), живущие по законам тантризма пути Бхайравы и Кали. Его опыт полностью вписывается в практику одновременной включенности-и-исключенности из мира, то есть пребывания в мире и саботажа порядка и его структур с целью извлечения пользы для духовной практики и семьи. В основе мистического анархизма Бхайравананды лежат аристократические

принципы чести, верности и ориентации на Сакральное и Богов. При этом его подход не означает полного отрицания идеи Государства, но лишь тех государств, что не несут в себе священного начала и являются диктатурами профанов и Модерна. Ему принадлежит попытка государственного переворота на одном из островов Фиджи, с целью установления тантрической теократии.

Для языческой позиции неучастия в политическом спектакле и его саботирования, могут быть полезны практические наработки и опыт анархистского общежития и саботажа, с полным игнорированием идеологической составляющей. Ситуация демократических выборов, «голосовать за Одного или Другого», не подразумевает свободы Большей свободой будет не голосовать вообще, или испортить бюллетень, призывать к саботажу и непосещению выборов[121]. Левый пролетарский солидаризм коммун имеет в своем основании традиционный «солидаризм» клана и семьи (tribes), выстроенный не по нормам равенства пролетариев, но по иерархическому принципу и кругу взаимопомощи, что позволяет избавиться от анархо-коммунистских наслоений и вернуться к традиционной практике родовой, клановой поруки.

III.VII Примитивизм

Особое и уникальное место в Политическом язычестве занимают воззрения сторонников примитивизма, которые начали заявлять о себе совсем недавно, с середины XX века. Своими корнями идеи, близкие именно к языческому примитивизму, уходят в XIX век к первым авторам, поставившим под сомнение не только идею прогрессивного развития человечества к лучшему, но и саму «цивилизацию» как высокий этап развития народов и культур, а также смысл существования, включенного в высокоразвитое общество и цивилизацию.

Первым был О. Шпенглер (1880-1936гг.), который противопоставил принципу линейной истории свою морфологию культур, что также отражается в признании возможности существования одновременно нескольких правильных точек зрения, «этноцентрумов». По О. Шпенглеру культуры проходят несколько этапов становления, их расцвет соответствует метафизико-религиозной стадии, за которой следует стремительный упадок на стадии *цивилизации*. Живой дух культуры

[121] См. Э. Юнгер «Уйти в Лес».

противопоставлен унифицирующей формы костенеющей цивилизации. Освальд Шпенглер с консервативной позиции поставил вопрос о ценности развитой цивилизации, признав за ней все признаки упадка.

Вторым предтечей в области этики и образа жизни, также испытавшим на себе влияние восточных учений и О.Шпенглера, был русский философ Лев Толстой (1828-1910гг.). Л. Толстому принадлежит учение *опрощения* – жизни, основанной на отказе от благ цивилизации; простой жизни в миру (мір). Учение опрощения во многом созвучно православному старообрядчеству и несет в себе черты просвещенного христианства и даже деизма. Разногласия Л. Толстого с Православной Церковью, основанные на просвещенческой критике Церкви писателем, впоследствии привели к его отлучению. Но идеи опрощения нашли отклик в протестантско-сектантской среде Запада, что было созвучно призыву протестантизма вернуться к образу жизни ранней христианской общины. На Западе идея опрощения известна под именем «скромные люди» (plain people), к которым относятся секты амишей, гуттеритов, старобаптистов. Доминирующая составляющая в идеях опрощения на этот исторический период заключается в различных толкованиях христианской этики и скромности, модернизме Просвещения (Л. Толстой) и, миноритарно, в консерватизме О. Шпенглера.

Дальнейшему подробному развитию «примитивистских» идей препятствовало бурное становление марксизма и правых идеологий фашизма, нацизма и расизма, и две Мировые войны, которые оттеснили этот вопрос на задний план. В послевоенное время внимание к этому направлению было вновь привлечено на Западе, и мы можем рассмотреть его в двух направлениях: первое будет связано с осмыслением примитивизма с позиций Модерна и Постмодерна, второе с позиций консерватизма и позднее традиционализма и язычества. В последнем случае твердое определение некоторых идей как «примитивизма» не совсем корректно, скорее, под термином «примитивизм» как под зонтом, будут скрываться ряд идей и практик, которые имеют для примитивизма и примитивиста ряд важных положений и значений, но по всей строгости к нему не относятся.

Из левого поля предтечами примитивизма являются анархисты и их программа жизни в коммунах, которая априори подразумевает разрыв с капиталистическим обществом или минимизацию связей с ним. Практика коммун может существовать в городе, в виде захвата заброшенных зданий и окраин (сквоттинг), так и в деревнях и дикой природе. Из правого поля

движение к примитивизму начинается уже с идей volkische и трепетному отношению к Земле как Родине, при этом народничество часто понимается как *деревенское народничество*, а не городское, буржуазное. Житель деревни также близок к дикой природе, своей Природе-Матери или Матери-Земле. Близость к природе, меньшие и слабые, по сравнению с целым обществом и городом, капиталистические связи и небольшое количество людей деревни или комунны предопределили основные осевые линии будущего примитивизма, которые потенциально могут вывести его за пределы дихотомии «левых» и «правых». Эти линии таковы: а) антикапиталистическое, но не антисобственническое, взвешенное отношение к собственности и экономические отношения по модели деревни (экономики дара, бартера, услуги и продажи); б) малочисленность групп, от нескольких человек коммуны до масштаба поселения деревенского типа. С негативным отношением к масштабу «большой деревни» и города, когда из-за количества жителей теряется возможность знать всех своих соседей лично или через небольшое количество посредников-соседей; в) экологическая ответственность и экозащита, как следствие более тесного контакта с природой и извлечением из нее ресурсов (земледелие, собирательство, охота, пермакультура и т.д.). Лейтмотив примитивизма – быть лицом к природе.

Из этих трех вопросов: о собственности и экономике; о численности общины; об отношении к природе; строятся различные вариации примитивизма, зависящие от комбинации различных ответов на эти вопросы. К их числу могут добавляться вспомогательные и побочные темы, но ядро современного примитивизма состоит из трех основных тем.

Магистральной линией всего современного, с дальнейшей трансформацией в Постмодерн примитивизма, является *анархо-примитивизм*. Марксистские корни анархо-примитивизма предопределили многие объекты и стратегии его критики современности и основу для трансформации в явление Постмодерна. Радикальность и специфичность тем критики анархо-примитивистов позволяют некоторым авторам отнести всю идеологию к явлению постлефтизма (post-left), т.е. переосмысления левых идей после продолжительного периода неудачной практики марксизма и социализма и низового анархизма, что вызывает ответное неприятие левыми примитивистов. Анархо-примитивизм также активно критикуется либерализмом за торможение прогресса и антикапитализм. Для правых анархо-примитивизм продолжает оставаться сущностно левым, отрицающим иерархию и национальную идентичность.

Анархо-примитивизм сосредоточивается вокруг критики широкого спектра проблем, наиболее существенными и интересными из которых являются следующие.

Критика технологий строится на неоправданном усложнении технологических систем, построенных по принципу разделения труда и эксплуатации ресурсов. Техника является проводником идеологии тех, кто ее создал и контролирует, таким образом, она является инструментом угнетения и отчуждения, она опосредует собой реальный опыт и цензурирует его. Отчуждение, порожденное техникой и комфортом, трансформируется в экзистенциальное отчуждение. Технологическое развитие приводит к истощению земельных ресурсов и новым причинам борьбы за власть, так и к новым способам эксплуатации и сегрегации. В разных версиях анархо-примитивисты настаивают на де-технологизации до уровня Средневековья или неолитических культур; самые радикальные доходят до критики неолитической революции как фундаментального основания технического прогресса и первого этапа классового деления. В этом опознается ориентация на стадию первобытного коммунизма К. Маркса, только воспринятая буквально, как буквальный возврат. Продолжая эту линию, анархо-примитивисты выступают за деиндустриализацию по причинам необходимости колониализма и войн за ресурсы, что является прямой практикой расизма.

Экономическая модель капитализма, построенная на непрекращающемся потреблении, также является объектом критики примитивистов, выступающих за антиконсьюмеризм. Потребление является краеугольным камнем современного Западного общества и оно же порабощает потребителей, принуждая их потреблять. Реклама – это форма диктатуры в области потребления вещей, позднее – потребления символов и знаков. Поэтому анархо-примитивисты стоят на позициях анти-потребления, экономики дара и обмена, практики фриганизма (от англ. «free» и «veganism», «свободный веганизм») – поиска продуктов пропитания на свалках и в мусорных баках, минуя схему «купли-продажи». В этом они имеют общую точку с левыми анархистами, как и в практике потребительского саботажа – акциях прямого действия, направленных на торможение и срыв работы торговых центров, систем денежных переводов, рекламы (culture jamming), вскрытие и демонстрацию механизмов маркетинга как манипуляции[122], допуская

[122] См. Наоми Кляйн «No Logo. Люди против брендов».

проявление насилия в отношении потребителей сверхдорогих товаров и «высшего класса».

Анархо-примитивисты также предлагают кампанию по деурбанизации, «исхода из городов» и возвращению к деревням и небольшим поселениям. Город – это место развития буржуазии, место, вызывающее к жизни технологии и стимулирующее прогресс, а значит социальное расслоение, отчуждение и последующую эксплуатацию. Феномен современного города имеет историю в несколько сот лет, по сравнению с тысячелетиями жизни близкой к природе, но по своему разрушающему эффекту город несравним с деревнями.

Поэтому анархо-примитивисты в целом критикуют прогресс и идею развития, но здесь следует сделать важное уточнение, что примитивисты критикуют уже сложившуюся линию исторического прогресса, идущую из древности к уже наличествующей современности. То есть, они критикуют состояние «здесь и сейчас» и его предпосылки, *но не саму идею прогресса*, выступая лишь *за его альтернативную линию* в пользу упрощения и анти-цивилизации. Образ анархо-примитивистской утопии идеально соответствует позитивному будущему «Золотого века», и, по сути, является одним из проявлений постмодернистского *хроноса*.

Отчуждению человека от деятельности также способствует символическая культура, которая выступает посредником при коммуникации. Здесь есть два подхода: критика сложных систем коммуникации и высказываний, куда входит и виртуальная реальность; и критика символьного языка как такового, то есть сами по себе язык и письменность выступают субъектами отчуждения человека. Эту позицию отстаивает американский антрополог и идеолог примитивизма Джон Зерзан (1943г.р.). Вместе с вышеназванными положениями, для него является принципиальным атеизм, отказ от любых форм участия в политике и насилия. Идеал человеческого существования видится им как полный отказ человека от какой-либо социальной идентичности и природы. По Дж. Зерзану *человек должен вернуться в лоно природы как один из видов животного*, лишенного своего «мессианства». В этой позиции раскрывается максимально радикальное материалистическое толкование анархо-примитивизма, полнее всего соответствующее Постмодерну. Дж. Зерзан доводит марксистское представление о первобытном «рае» и альтернативную линию прогресса-упрощения до последнего предела, в котором сами определения «рая» и «упрощения»

исчезают в связи с утратой смысла; животные не оперируют такими сложными понятиями.

Серьезным и спорным вопросом для примитивистов является вопрос демографии и отношения к количеству человеческой популяции. Первые настаивают на отказе от технологий регулирования рождаемости (аборт, контрацепция). Вторые наоборот, настаивают на регуляции населения городов и, шире, человеческой популяции. По мнению последних, растущая численность населения подстегивает усложение технологий и борьбу за ресурсы, а также поиск новых технологий пропитания (искусственная еда, проблема ресурсов пресной воды) порождает отчуждение и новые формы общественного расслоения по признаку того, что человек ест. Ранним теоретиком, вскрывшим проблему растущей популяции Земли и сделавший из этого выводы об ограниченности природных ресурсов, был английский священник, либерал, экономист и демограф Томас Мальтус (1766-1843гг.). Т. Мальтус в своем труде «Очерк о законе народонаселения» показал и обосновал тезис о том, что неконтролируемый рост населения приведет к голоду и недостатку ресурсов. Главным выводом Мальтус считал необходимость контроля за рождаемостью, снижение которой должно повлечь увеличение благосостояния всех остальных членов общества. Мальтузианские общества выступали с пропагандой демографического контроля среди представителей низших слоев городского населения, через предотвращение зачатия, контрацепцию и т.д. Со временем мальтузианство стало составной частью классической экономической теории Модерна. Неомальтузианство продолжило воплощать идеи теории Мальтуса, но применило их к странам «третьего мира». Из мальтузианства берет свой корень полу-конспирологическая теория «Золотого миллиарда», заключающаяся в том, что при современном уровне развития и потребления ресурсов для поддержания высокого качества жизни хватит только для ~1 миллирда населения стран «первого мира» или высокоразвитых стран. Это утверждение подтверждается статистикой ООН и исследованиями социологов и демографов. В конспирологической оптике теория «Золотого миллиарда» подразумевает, что элиты и население высокоразвитых стран эксплуатируют остальное население Земли и присваивают себе их ресурсы, при этом постоянно ведя кампанию по сокращению остального менее развитого населения с целью сокращения издержек и поддержания качественного экологического фона.

Это положение является точкой соприкосновения глобалистской [полу]конспирологии с примитивизмом.

Радикальное решение проблемы предлагает далекий от анархизма финский мыслитель, мизантроп, консерватор и теоретик примитивизма Каарло Пентти Линкола (1932г.р.). Будучи крайне популярным автором в Финляндии, К. П. Линкола проповедует чрезвычайно жесткую позицию относительно современного гуманистического пафоса и преклоненяи перед любой жизнью. Каарло Линкола убежденный защитник природы и её ресурсов, поэтому он считает допустимым использование только возобновляемых ресурсов в жизнедеятельности человека. Линкола выступает за возврат к уровню развития Средневековья и меритократию, власть интеллектуальной элиты. При этом он выступает за глобальную депопуляцию человечества, которую призывает осуществить путем систематического и безоглядного геноцида населения Земли. Он руссуждает о том, что послевоенные многомиллионные потери населения Европы были многократно восполнены за очень короткий промежуток времени, что позволяет *не заметить сам факт потери* – так быстро растет популяция. Это приводит его к примерам, что в современных условиях внезапная потеря нескольких крупных городов Финляндии, и замена их лесным массивом, по сути, останется незамеченной. «А как насчет Бельгии?» – спрашивает философ после этого, очевидно намекая, что даже потеря целых стран не является какой-либо проблемой и трагедией. Каарло Линкола призывает отбросить ложные гуманизм и пацифизм в деле оценки современного состояния мира и принятия решительных действий, самой отвратительной страной он считает США с их идеологией прогресса и роста. При этом жизненная позиция Линколы максимально соответствует его взглядам, он живет на берегу озера в деревянном доме, занимается рыболовством и передвигается на велосипеде или лошади. Вся экзистенциальная позиция К. П. Линколы заключается в его словах: *«Если бы существовала такая кнопка, нажав которую я пожертвовал бы собой, унеся миллионы жизней, я бы сделал это не раздумывая»*.

Многие критики К. Линколы, симпатизирующего консервативным идеям и, будучи атеистом, все же признающего позитивную роль религии в некоторых вопросах, называют его философию экофашизмом. Радикальная защита природы, не подразумевающая деградации человека до уровня одного из видов обезьяны, подводит нас к теме защиты окружающей среды и экологическим инициативам примитивистов. Данное направление является одним из приоритетных для примитивизма и

конституирующих его ядро. Современные течения энвайроменталистов (environmentalism) сосредоточены на сохранении и улучшении окружающей среды, при этом они могут и вовсе не быть анархистами и примитивистами, но общий нарратив обеспокоенности состоянием окружающей среды и влиянием на нее действий человека и его технологий сохраняется. Глобальные экологические проблемы примитивисты предлагают решать в контексте своих идей деиндустриализации, деурбанизации и депопуляции. Антропоцентризму Модерна примитивисты противопоставляют экоцентризм – философию, основанную на центральном значении природы и её ценности, с особой экологической этикой. Практически синонимом экоцентризма является биоцентризм, так же находящийся в поле внимания анархистов. С биоцентризмом связаны практики экологического терроризма и саботажа (экотажа), направленного на привлечение внимания к проблеме прав животных и окружающей среды. Мишенями экотеррористов являются животные клиники, центры по проведению испытаний препаратов на животных, зоопарки, цирки, аквапарки, места организованной рекреации (парки аттракционов, горнолыжные курорты и т.п.) и компании, которые наносят вред или эксплуатируют и добывают ресурсы из окружающей среды.

Область экозащиты является одним из направлений, в которой трансформация примитивизма и анархизма в Постмодерн проходят довольно быстро и незаметно. В первую очередь, в деле защиты животных активисты выступают в защиту *прав животных*. В Модерне субъектом права являлся человек, личность. Распространение правовой субъектности на животных, а это уже является реальностью[123], с одной стороны подрывает уникальность человека как существа юридического, с другой стороны является наделением животных личностными качествами; животное становится также юридическим животным. Дальнейшая логика приводит экоцентристов к тезисам о правах растений и правах природы, что подразумевает «огражданивание» всей природы, придание ей юридического статуса, что в Модерне прямо привело бы к коллизии: природа не может явиться в суд как персона, как осязаемый сознательный субъект. Здесь уже начинается область Постмодерна, смешения экологии, юриспруденции и мистики. Так, во второй половине XX века британский химик Джеймс Лавлок предложил «гипотезу Геи», согласно которой Земля

[123] В большинстве стран существует законодательство, охраняющее животных и окружающую среду, вплоть до распространения на животных некоторых базовых и социальных прав личности.

может быть суперорганизмом, способным к саморегуляции и поддержанию жизни на Земле. Другими сторонниками мистического восприятия Земли как планеты являются приверженцы движения «Deep Ecology» («Глубинная Экология»), в основании которого лежат идеи неоспиритуализма (экоспиритуализма), трансперсональной психологии и New Age.

С профанной точки зрения может показаться уравнивание в правах животных, природу, и людей – это шаг к язычеству, к уважению и равенству. Но, по сути, это уравнивание идет не через Сакральное, в котором звери понимаются как ваханы Богов, как их мистические посланники, духи, враги или союзники, а через юридическую практику предоставления животным прав и, практически, гражданства. Это не имеет ничего общего с мифической и сказочной картиной мира, но вполне «органично» смотрится в парламенте вещей Постмодерна.

Из биоэтики и «прав животных» берет свои корни постмодернистская идеология радикального вегетарианства – веганизма, полного отказа от употребления мяса и продуктов, производимых животными. Этическая позиция вегана такова, что употребление мяса, ношение мехов и шкур, недопустимо потому, что животное – это личность, обладающая правами, и поэтому их убийство с целью пропитания или добычи меха, является преступлением. А употребление животной продукции (молока, яиц, икры, состриженной шерсти) является видовой эксплуатацией, по аналогии с классовой. В этом веганы обнаруживают свою левую сущность, проецируя марксистский антагонизм классов на виды, говоря о межвидовом антагонизме и эксплуатации. Многие веганы, и адепты многочисленных производных субкультур, пытаются возвести корни зооэтики к ведийским законам Индии, утверждая, что древняя индийская духовность опиралась на личностное уважение между животными и людьми и на вегетарианство. Эти утверждения не соответствуют реальности, так как индийские тексты, от Вед до Тантр, говорят о животных жертвоприношениях, приготовлении животных в пищу, а том чилсе и коров. Аскетические практики действительно приписывали йогинам и монахам воздержание от животной пищи и практику ненасилия, ахимсы, но известны также радикальные аскетические школы, в которых сущность аскетизма заключалась в обратном – в ритуальном насилии, употреблении мяса, вина, трав и женщин. Нельзя говорить об однозначной позиции индийской традиции по какому-либо вопросу, ибо в ней ярко воплощен древний прицип «каждому своё».

Корни всего прогресса анархо-примитивисты видят в патриархальных отношениях, которые установились еще в арахическом обществе. Строго следуя в этом за Ф. Энгельсом и марксизмом, они солидаризируются и с постмодернистами в их критике фалло-лого-центризма. Мужчина является априорным носителем репрессивного сознания, будущее классовое угнетение начинается с угнетения женщины в семье. Творцом техники также является мужчина, поэтому анархо-примитивизм представляет свое утопическое общество вполне в русле либеральной демократии и, как мы это назвали, диктатуры меньшинств, но в микро-масштабе комунны.

Современный анонимный традиционалистский трактат «Доктрина Радикального Примитивизма» предлагает два крайних типажа сторонников современного примитивизма: террориста и романтика. Романтик – это Кристофер МакКэндлесс (1968-1992гг.), выходец из состоятельной американской семьи (WASP), после окончания обучения бросивший все деньги и отправившийся в скитание по Америке. После двухлетнего путешествия и бытия в разных слоях маргинальной Америки, Кристофер решает уединиться на севере Аляски, где из-за недостаточной экипировки и опыта погибает от отравления. Пример К. МакКэндлесса – это случай чистой эстетики отшельничества, внешний акт, лишенный глубинных метафизических оснований и поиска. Авторы трактата подмечают верную истину, что бунтарям-романтикам готовы подражать многие, а монахам-отшельникам – далеко не все. Кристофер – это социально-включенный, пусть и на периферии, бунтарь-романтик, не наделяющий своё скитание политическим, религиозным смыслом или требованиями, позицией. Он просто путешествовал и просто умер. Как романтик, как будущий герой молодежных книг и фильмов.

Противоположностью романтику является Теодор Качинский (Унабомбер, 1942г.р.), американский математик и анархист, совершивший серию терактов в 1970-1990 годах через рассылку бомб по почте. Т. Качинский является в некотором роде «классическим» примитивистом, он на десятилетия уединяется в жизни в лесу и осваивает навыки выживания, но когда цивилизация в виде строителей догоняет его, он решается на радикальные шаги и написание своего «Манифеста». Жертвами Т. Качинского стало всего три человека, но он стал одним из самых разыскиваемых и опасных преступников, по версии ФБР. Пример Качинского – это случай восставшего одиночки-экотеррориста, причем чрезвычайно успешного. В конце концов, он вынудил крупные издательства опубликовать свой «Манифест», в котором изложил свою

критику прогресса и технологического развития и потребительского общества. После ареста в 1996 году Т. Качинскому присудили четыре пожизненных срока.

Отдельно стоит упомянуть идеи Хож-Ахмед Нухаева (1954г.р.), чеченского политика и преступного лидера 1990-х годов в России. Познакомившись с идеями традиционалистов, Нухаев применяет их к реалиям ислама и собственного чеченского народа, что приводит его к оригинальной политической концепции. Нухаев говорит, что родина чеченцев (нохчей) – это горы, и бытие в горах отражается в менталитете чеченцев, в их резкости, воинственности, строгой приверженности традициям (исламу) и культе предков. Осмысляя русско-чеченскую войну, Х.-А. Нухаев говорит, что неоспоримое моральное преимущество чеченцев заключается в том, что по сравнению с русскими они являются *варварами*. Варварство он нарочито противопоставляет современной развращенной свободой цивилизации, для него «традиция» и «варварство» становятся синонимами. В сфере политического Нухаев предлагает идею неотрайбализма, согласно которой максимально аутентичной формой существования для чеченцев является традиционная практика тейпов (родов и кланов), связанная с примитивной жизнью в горах и верностью исламу[124]. В такой формуле возврата к архаике мы можем выделить мощный сокрытый языческий пласт: тейпы-рода, примитивная жизнь, верность обычаям и культ предков, трайбализм. Исключением является приверженность исламу, который является для региона чуждым и привнесенным явлением.

После обострения отношений с федеральными властями России и новой властью в Чечне, Хож-Ахмед Нухаев, предположительно, до сих пор скрывается в горах Средней Азии, что делает его уникальный для креационизма примитивистский проект далеким от воплощения.

Мы рассмотрели магистральные направления и тезисы модернистского примитивизма, преимущественно анархо-примитивистской версии. Помимо названного существует множество суб-версий и узких концепций, связанных с примитивизмом (эко-феминизм, квир-анархо-примитивизм, либертарный эко-активизм и т.п.), но представляющие собой уже постмодернистское дробление на все более мелкие части, сужение дискурса до потери смысла в идеологических вариациях и многочисленых символах, его ризоматизация.

[124] См. Нухаев Хож-Ахмед «Давид и Голиаф, или Российско-Чеченская война глазами варвара», Хлебников Пол «Разговор с варваром (Хож-Ахмед Нухаевым)».

Очевидна схожесть многих оценок современности и предполагаемых выходов из ситуации, как в глобальном, так и в локальном, групповом варианте, примитивистов с позицией языческого традиционализма. Но также очевидны и многие различия, которые коренятся в самом источнике идеологий, из которого веером расходятся лучи критики и предложения по действиям. Современный примитивизм и традиционалистский примитивизм исходят из разных точек. Это принципиально важно.

Анархо-примитивисты исходят из марксистских или лево-либеральных предпосылок, из трех вопросов «примитивистского ядра» для них большим весом обладает экономический вопрос, из которого дискурс «эксплуатации» распространяется горизонтально на другие. Для языческого традиционализма выход из примата экономики над другими сферами жизни заключается в добавлении к «примитивистскому ядру» четвертого вопроса, который одновременно будет являться, как медаль с двумя неразрывными сторонами, и аксиоматическим ответом: в самом центре «ядра» должно находиться вопрошание-и-утверждение о Сакральном, Богах и традиционных ценностях язычества. Из этой позиции абсолютного приоритета Священного сверху внизу лучами расходятся все остальные темы, оценки и стратегии; экономический вопрос отодвигается на последний план, материалистическое прочтение примитивизма и альтернативная позитивная линия прогресса отпадают как полностью нерелевантные традициоинализму и язычеству.

Подчинение «ядра» Божественному центру вводит в примитивизм вертикальную иерархию. Это позволяет рассмотреть примитивизм как одну из стратегий Политического язычества, сопряженную с принципиальным и *экзистенциальным* отказом от участия в политическом спектакле. В таком случае языческий примитивизм будет подходящим вариантом для «правого анархизма», то есть для тех политических групп язычества, которые выступят за саботаж внутри Системы. А также полностью подходящим для аполитического принципа обособленного существования и приоритета духовной практики.

Важно исключить понимание «примитивизма» как требования буквального возврата, в виде прохождения истории назад здесь и сейчас, к архаическим формам существования. Это смешение смыслов проистекает из непонимания современными людьми, профанами и не-язычниками, стремлений к Традиции и Богам, которые они воспринимают как торможение прогресса, мракобесие. В пользу этого неверного понимания играет и резонирование в обывательском сознании семантического

комплекса, связанного с сочетанием «примитивизм» и «язычество», вызывающего в уме картины старины и прошлого. «Примитивизм» также отсылает к семантическому комплексу «прогресса», дихотомии «развитое/примитивное». Мы же говорим о реальности здесь и сейчас, о Модерне и Постмодерне, о времени Волка или Кали-Юге. Невозможно пройти историю вспять буквально, как человек проходит по одной дороге в обе стороны. Сегодня язычество под «возвратом» понимает обнаружение Божественного и традиционного внутри себя и преображение себя и мировоззрения в эсхатологических условиях. Исход из городов, переселение в деревни (Доброслав), «на землю», и леса – это один из форматов существования языческих семей, общин и одиночек, который можно назвать неосознанным примитивизмом. При этом в традиционализме «примитивизм» будет носить скорее характер технического термина для обозначения комплекса идей и практик, чем причастности к оценочным суждениям по шкале «развитое/примитивное».

Обращение к Сакральному также делает языческий примитивизм полностью приемлемым для этноцентризма. Вместо анархо-коммун и субкультурных группировок приходят семьи, кланы и рода, общины и сообщества, выстроенные по иерархическому принципу и сформированные по традиционной идентичности.

Триумф техники – это судьба Европы и Запада, ярко выведенная Э. Юнгером в гештальте Рабочего. Техника – это материальные плоды прогресса и отчуждения материи от Сакрального бытия, производные прометеевской демиургии человека. Техника, большие города, индустриализация, медия и виртуальная реальность создают разрыв между человеком и его корнями, народом, малой родиной (краем, деревней, областью), родом во многопоколенческом понимании и даже с наличествующей семьей. Индустриализация и город априори несут в себе индивидуализацию и обособление человека от любых связей и больших идентичностей. Социальные связи слабеют, становятся ситуативными, натянутыми и краткосрочными, вытесняются в виртуальность. Человек испытывает экзистенциальное отчуждение от реальности и смысла жизни, как и смысла действий и вещей вообще. Жизнь в индустриальном городе и пространстве рекламы, медиа, вызывает депрессию, которую уже называют чумой XXI века, которая является лишь следствием неразрешаемого экзистенциального кризиса, лишенного ориентаций человека. Фрейдистское решение, предлагаемое Ж.-П. Сартром, излечиться через творчество, является пустым ещё с момента его

озвучивания в «Тошноте»; атеистический экзистенциализм не дает ответа на проблему пустоты. Это приводит к нарастанию анти-массовых и антиурбанистских тенденций и идей. В контексте языческого традиционализма примитивизм обладает, либо в иных местах должен обладать, рядом необходимых условий и формул, которые будут качественно отличать его от постмодернистского дауншифтинга и эскапизма New Age экологов.

Прямым критиком индустриального роста и идеологии капиталистического потребления является Ален де Бенуа. В своем эколого-философском трактате «Вперед, к прекращению роста!», де Бенуа подробно разбирает проблему капитализма и идеологии сверхпотребления, постоянный рост которого ведет к неизбежному истощению ресурсов. Несмотря на то, что потребление давно превратилось в потребление знаков, оттисков и наклеек брендов и товарных марок, сами эти знаки все равно расположены на вещах и предметах, изготовление которых требует многих ресурсов. В этом заключается двоякая опасность семиотического потребления, с одной стороны оно оторвано от реальности, функий потребляемой вещи, с другой стороны эта оторванность затемняет тот факт, что на производство новых вещей и гаджетов тратится все больше ресурсов, что разрушает экологию. Опираясь на статистику, А. де Бенуа показывает, что для поддержания текущего темпа роста потребления и использования ресурсов, человечеству понадобится ещё около семи таких же как Земля планет, используемых только для добычи ресурсов. Из этого проистекает главный тезис де Бенуа «вперед, к прекращению роста». То есть, он рассматривает вариант снижения потребления и изъятия ресурсов из природы как политическую программу. И тут же он говорит, что как только найдется та сила, которая встанет во главе политики и провозгласит снижение потребления и роста, – то она тут же будет сметена либо самим народом, либо другим государством. Отказ от роста потребления носит фундаментальный экономический вызов Системе, сокращение роста означает сокращение экономики и рабочих мест, что приведет к снижению уровня жизни и комфорта населения, что для него является недопустимым. Поэтому народ первым восстанет против сокращения роста потребления. Таким образом, Ален де Бенуа показывает насколько глубоко челвоечество поражено «прогрессом» и его парадигмой, что оно уже не способно мыслить и существовать вне пределов этого мировоззрения.

Исходные причины, которые привели к современной либерально-капиталистической ситуации сверхпотребления, Ален де Бенуа видит в

появлении и установлении в Европе христианства, с его специфичными отношениями ко времени (позитивное будущее) и земле (тварность земли, креационизм). Но, к сожалению, он не останавливается на этой теме подробно и не раскрывает процесс становления Модерна из христианства в развернутом виде. Для настоящих экологов, как он указывает, также необходимо порвать с идеологией Просвещения, из которой также берут свои корни идеи прогресса и развития. Де Бенуа также предлагает изменить человеческую установку с эгоизма на альтруизм, но не дает развернутого ответа как это осуществить в сегодняшних реалиях роста человеческой популяции в геометрической прогрессии.

Проблема количества людей, проживающих в Государстве, волновала еще Платона, который устами Сократа определил, что количества людей должно быть «не много и не мало, то есть достаточно» для поддержания органических иерархических отношений и обороноспособности Государства. Несоразмерное увеличение населения грозит нищенством, иждивенчеством и деградацией Государства к демократическим формам.

На Руси, в деревнях, увеличение роста населения после некоторой отметки усложняло для всей общины возможности добычи пропитания и осваивания земель. Поэтому новые семьи нередко селились в отдалении от деревни, на выселках, тем самым закладывая основания для нового поселения.

Позиция традиционализма относительно роста рождаемости изложена в книге «Люди и руины» Ю. Эволы. В отличие от Мальтуса, Эвола отрицает экономическую сторону проблемы перенаселения, указывая на то, что рост рождаемости неизбежно ведет к отрицательной селекции в обществе. Иными словами, говорит он, больше всего рождается детей и представителей низших социальных слоев и рас («пород»). Такой неконтролируемый рост массы низов Эвола, вслед за Д. Мережковским, называет «пролетаризацией», от слова proles, говоря, что деторождение для социальных низов становится единственной «творческой» способностью тех, «кто хотя телом подобен мужчине, духом подобен евнуху»[125]. Растущая масса «пролетариев» неизбежно ведет к демократизации и стиранию сословных различий. Природу неконтролируемого роста рождаемости Ю. Эвола видит в том, что Платон назвал Эротом Пошлым – в страстях и желанию к удовольствиям, где дети являются лишь досадным следствием. Этому также способствует христианская максима «плодитесь и размножайтесь», которая сводит Эрос

[125] См. Ю. Эвола «Люди и руины».

до уровня животного размножения[126]. Бездумное деторождение – это добродетель кроликов или пролетариев. Как следствие, Эвола указывает на неодходимость преодолеть гуманистское преклонение перед рождаемостью. Вопрос демографической политики должен ясно осознаваться в здоровом Государстве. Избавление от лишних масс, являющихся «серыми людьми», должно освободить место для здоровых инициатив. И здесь позитивной тенденцией является разрешение эфтаназии, права на смерть, для смертельнобольних и глубоко пожилых людей, по их собственному желанию. В древности известно множество примеров, когда старческая смерть в постели («соломенная смерть») считалась бесчестием, особенно для воина. В таких случаях они просились идти первыми в бою, дабы пасть с честью, либо совершали ритуальное самоубийство в воинском облачении: прыгали на меч, вешались на священном дереве, прыгали с обрыва. В круге третьего сословия известны практики «вывоза в лес», когда пожилого старика отвозили в зимний лес на санях, где оставляли его умирать; либо сами старики по достижении определенного возраста уходили из поселения в свой последний путь. Идея эфтаназии идет в разрез с гипертрофированным гуманизмом, который настолько боится смерти и ценит человеческую жизнь, что порой сам факт продления биологической активности организма становится более ценным, чем вопрос качества продленной жизни[127]. Поэтому право на смерть дает человеку свободный выбор: жить с болезнью, страдать или уйти достойно.

Идею деурбанизации активно защищают сторонники языческой общинной жизни в деревнях и дикой природе, их количество довольно велико, но опыт реальной практики на сегодняшний день только нарабатывается. Апологию жизни «на земле» вел Доброслав, мотивы деурбанизации мы встретим у А. де Бенуа и неприязни буржуазности и города (burg) у всех традиционалистов. При этом за такую позицию выступают не только люди, которые сословно тяготеют к земледельчеству, но и современные жрецы и идеологи язычества также относятся к такой форме благосклонно, признавая за ней определенные плюсы. И, как мы уже заметили ранее, множество выдающихся языческих деятелей и мистиков современности имеют крестьянские, в более современном понимании, корни.

---

[126] См. также Ю Эвола «Метафизика пола».

[127] См. Фукуяма Фрэнсис «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции».

Жизнь в деревнях и на природе априори подразумевает опрощение, упрощение технологических процессов и уменьшение используемых технологий до некоего уровня, соответствующего гармонии и балансу между деревней и человеком, его семьей, и окружающей природой. В этом принципиальное отличие язычников-переселенцев от New Age псевдо-язычества, адепты которого наоборот стремятся к построению «умных» и «экологичных» домов, используя максимум новейших технологий. Они не преодолевают тягу к комфорту, но компенсируют экологические издержки с помощью новых технологий. И здесь мы вновь видим подмену, когда мнимое отсутствие вредных выбросов и отработанных источников энергии в непосредственной близи от своего «экодома» признается за высокоэтичный идеал развитой жизни на природе. Но при этом абсолютно не учитывается, что эта экологическая нагрузка ложится на плечи тех стран и народов, которые эти технологии производят, и откуда берется сырье для их производства. Иными словами, тот же анастасиевец, либо другой эко-язычник, покупая солнечные батареи, приобретает уже готовое и законченное изделие, не задумываясь о том, что все вредные для организма и экологии последствия уже испытывает на себе какой-нибудь азиатский регион, где их массово производят в обход всех экологических норм. Таким образом, в своем стремлении «исхода из городов», псевдо-язычники прямым образом поддерживают глобализм, всемирное экономическое распределение ресурсов, фабрик, свалок и рынков; выступают как чистые потребители.

Век техники – это век титанов, гештальт Прометея или Рабочего Э. Юнгера, в котором растворяется человеческая идентичность. Сакральный подход к технике отличается от профанного, как Сакральные науки отличаются от современных естественнонаучных. В некотором роде парадигмой отношения к технике в Традиции является образ кузницы у реки. Кузнечное дело всегда является пересечением двух начал: Божественного и хтонического. Кузнечное мастерство даруется человеку от Богов, они обучают людей металлам, инструментам и процедурам. В то же время сами металлы залегают в земных недрах, что подразумевает мотив спуска в нижние миры, в миры мертвых или опасных подземных существ (карликов, цвергов, гномов). Изъятие металла из земли в некотором роде и «грабеж» этих народов, и изъятие ценностей из Природы- Матери (Матери-Земли), поэтому сам по себе металл всегда несет следы тёмной Сакральности, проклятия («золото из-под горы дракона») и дурного знака. Своей кузнечной деятельностью процедурами

плавки, кования, придания формы и закалки кузнец очищает, вдыхает Божественную форму в металл, нередко украшая его символами и заклинаниями. Сама кузница является тёмным местом: в сполохах огня скачут духи, черти (от слова «черта», разделяющая миры), кузнец как Бог преображает материю, неловкие движения чреваты пожаром, поэтому кузницы нередко находились на удалении от основных построек. Про особых мастеров-кузнецов говорили, что они способны перековывать не только металлы, но и людей и другие вещи. Кузница, стоящая на реке, берет из нее воду для процедур ковки, и через зубчатое колесо передает силу течения реки на вал, раздувающий меха в печи, и молот, бьющий по наковальне. В таком случае у реки надо просить разрешения на постройку кузни и колеса, делать её подношения и задабривать духов, чтобы она исправно отдавала свою силу на довольно тёмное дело. При этом Вода по своей символической семантике также близка к Земле, обе они являются женскими и «хтоническими» стихиями.

Кузнечное дело – это всегда деяние, сопряженное с погружением в тёмные регионы мироздания, в миры мертвых и подземных существ, из которых на свет приносятся металлы, несущие на себе отпечаток своих родных подземных мест. Ковка – это процесс осветления, освящения металла в новой вещи, сопряженный с подношениями Богам и духам, заговорами, обережными действиями и заклинаниями. Кузнец – это тот, кто всегда одной ногой стоит *на черте* между мирами, в некотором роде он – проводник материи из мёртвых миров в миры живых. Поэтому кузнечное дело – это всегда тонкая балансировка между светлым и тёмным, принципом которого является «ничего сверх меры» [нельзя брать из иного мира]. Отношение к технике в этой парадигме – это отношения уважительного договора, в основе которого лежат жертвоприношения и подношения Земле и Воде, а также обширный комплекс обережных и очищающих действий.

В Модерне ситуация наоборот, в нем фигура кузнеца, получившего свои знания от Богов, утрачена в пользу рабочего, оператора станка. Вместо обережной магии пришли естественнонаучные объяснения о происхождении металлов в земных недрах, горных породах и т.д. Мир стал расколдованным, что обратилось в буйство материи и техники. Можно это описать как приход тёмных сил, которые накинули на человечество механические силки отчуждения и забвения, расставив рабочих и пролетариев как узников у станков, машин, конвейеров, верстаков и т.д.

Неприятие прогресса – это стремление восстановить «кузнечный» баланс между мирами, светлой и тёмной Сакральностью, вернуть порядок (Дхарму) в мир. Ранее мы уже говорили о возможности изолированных «примитивных» племен сакрализировать поступающие *из вне* продукты современной техники и технологий. Но эта возможность ограничена, а для современного Европейского человека почти недоступна, поэтому сегодня речь может идти о выявлении того уровня технического развития, который будет соответствовать балансу сил. Здесь мнения различны, от уровня развития на заре Просвещения, XV век, до уровня на рубеже смены эр, 0 г. н.э. При этом Ю. Эвола указывал, что многие рассуждения об отказе от техники носят материалистический характер и ограничиваются лишь диспутом об «уровне» техники, а не о её природе и происхождении. Поэтому, заключал он, «человек, действительно ставший господином над самим собой, способен разумно использовать эти [технические] возможности, сведя до минимума уравнительную и пагубную для духа «стандартизацию»».

Принципиально неприемлемой для язычества является критика символьной культуры Дж. Зерзана и некоторых анархо-примитивистов. Если Дж. Зерзан видит человеческое будущее, как существование в природе как один из видов «обезьян», лишенный письменной и языковой культуры, то в этом он представляет законченный анти-традиционализм. *Для язычества и Традиции в целом, абсолютно всё является символом; символ – это парадигма Традиции.* Символ не только как сигила на бумаге или дереве, но само дерево, бумага, произнесенное слово или даже звук являются указаниеми не только на самое себя, но и на нечто ещё. Символ – это всегда холизм, намек на другое сверху или снизу, светлое или тёмное. Отказ от символа – это редукция в жесткому значению, к материи и животности без сознания и разума, к аппарату и машине, программе оперирующей бинарным кодом 1/0. Отчуждение от метафизики символа, от холизма в сторону строгого тождества значений, прдставляет собой окостенение культуры и её вырождение в цивилизацию по О. Шпенглеру. В такой оптике языческий примитивизм однозначно занимает анти-цивилизационную позицию, выступает за культуру (О. Шпенглер).

Осознавая сущность современного официального политического спектакля, необходимо заключить, что проникновение идей примитивизма в реальную политическую повестку дня невозможно. Тезисы о прекращении роста, снижении популяции, отказа от технологического развития и т.п. немедлено будут дисквалифицированы как политическими

конкурентами, которые будут использовать ярлыки «фашизма» и «мракобесия», так и самими массами населения, не готовыми менять свои маркетинговые убеждения на высшие идеалы. Даже если гипотетически предположить даже частичную реализацию примитивистской программы в любом государстве, оно в кратчайшие сроки рискует быть завоеванным или колониально подчиненным более развитому и экономически сильному соседу, со всеми вытекающими последствиями для его граждан.

В глобальном масштабе говорить о *возникновении* какой-либо существенной силы, способной *начать* разговор о смене парадигмы в сторону натурализма, примитивизма и традиционализма, тоже не приходится. Это прекрасно осознается язычниками примитивистами и традиционалистами, которые прямо признают эти идеи своеобразной пессимистической утопией на грани политики и аполитейи. Самая реальная перспектива реализации примитивистского сценария – это глобальный природный катаклизм или новая Мировая Война, возможно, ядерная. В таком случае суммарные потери человечества и технологический откат могут привести к ситуации «освобождения пространства» и отката к «примитивному». В этом посыле на надежду в глобальной катастрофе кроется специфическое понимание радикальной эсхатологии, осуществления последней битвы между Богами и чудовищами *здесь и сейчас*. Примитивисты настаивают на том, чтобы более не оттягивать Рагнарёк или Пралайю (растворение мира в Индуизме), а совершить их немедленно и в планетарном масштабе. В мире, в котором больше нет того, что стоило бы защищать, любое промедление перед Концом (Endkampf) носит характер метафизического преступления и экзистенциального насилия. При этом принципильной является позиция самого пост-современного мира: ему не выгоден Конец. Современный мир, как мы вскрыли, является триумфом анти-Божественных титанических сил, тех чудовищ и хтонических могуществ, которые в разных традициях всегда противостоят Богам и героям. Для них принципиально выгодно тянуть время как можно дольше и, как говорит доктрина циклов, последняя эпоха, Кали-Юга, будет самой короткой, но ощущение времени в ней растягивается вплоть до бесконечности. Конец – это всегда удел Богов, это их триумф даже если они погибают вместе с чудовищами, как Боги Асгарда на поле Идавель. Конец – это всегда проигрыш титанов, даже если конец битве кладет огненный великан, срубающий Иггдрасиль. Смерть мира – это одновременно и начало нового Мира, *нового порядка*, Вирда, в котором все возвращается к началу и триумфу старых-новых

(Вечных) Богов. Экзистенциальный накал бытия в мире, в котором Конец Света всегда откладывается, в котором каждое драматическое событие оборачивается разочарующим «всё еще нет», взыскует собственной кончины, если она принесет с собой конец всего бессмысленного существования разлагающейся материи. В этом язычники примитивисты готовы, как и Каарло Линкола, идти до конца, *требуя жертвоприношения Мира, где они будут и жрецами и жертвой и Богами, которым она посвящена*.

В ситуации отложенного Конца и невозможности участия в политическом, примитивисты признают, что для их идей остается два приоритетных поля существования: экзистенция и ценности. Иными словами, современный примитивист – это в первую очередь человек, язычник, который испытывает максимальное осознанное отчуждение от всего окружающего мира как от триумфа демонического. Это его экзистенциальная позиция, сопровождающаяся готовностью к любому дальнейшему ухудшению ситуации, так и к возможности её эсхатологического разрешения в любой момент (момент жертвоприношения Мира). С этим тесно связана и аксиология примитивизма, ценностное отношение к Модерну, Постмодерну и Традиции. Для радикального примитивиста ничто в мире не имеет ценности, так как представляет из себя пародию и извращение над ценностями его народа и традиции. Прометеевский человек – это недочеловек, он не содержит в себе Духа Зевса, неспособен к инициации, поэтому его жизнь не имеет смысла и ценнности.

Ценностная система выстраивается вокруг Традиции, дополняясь отрицанием спектакля политического и отношением к людям, мегаполисам, странам и т.п. в духе К. П. Линколы – равнодушием, если они внезапно исчезнут в лица земли. С некоторыми оговорками можно сказать, что мы вновь подошли к языческому традиционализму, но пройдя через политическое и ценностное поля языческого примитивизма, которые внесли свои коррективы в траекторию движения.

В этой связи примитивизм вплотную подходит к концепции аполитейи Ю. Эволы и фигуре «ушедшего в Лес» Эрнста Юнгера, которые, в свою очередь, близки правому анархизму и внутренней миграции. Последняя подразумевает ситуацию, когда человек пребывая в обществе и мире, духовно ему не принадлежит и пребывает на определенной дистанции, «миграции», по отношению к нему. В состоянии внутренней миграции

находился Э. Юнгер во время Второй мировой, будучи капитаном вермахта.

Концепцию того, кто «ушел в Лес» (нем. «Waldgang»), Э. Юнгер излагает в одноименной книге, которая вышла после войны, как осмысление новой гуманистской и либерально-демократической реальности[128]. Триумф Рабочего очевиден, демократия обернулась диктатурой, прежние формы свободы утратили смысл и актуальность, протест используется как инструмент поддержания порядка. Комфорт и надежда на существующий порядок вещей делают человека заложником, превращая его из «домашнего животного в убойный скот». В этой ситуации Э. Юнгер ставит вопрос о возможности истинного бунта против порядка и новой формы истинной Свободы в обществе режжисируемого спектакля.

«Ушедшим в Лес мы называем того, кто в ходе великих перемен оказался одиноким и бесприютным, и, в конечном счете, увидел себя преданным уничтожению. Такой могла бы стать участь многих, если даже не всех – но еще одна возможность должна была представиться. Она заключается в том, что Ушедший в Лес решается оказать сопротивление, намереваясь вступить в борьбу, скорее всего, безнадежную. Таким образом, Ушедший в Лес – это тот, кто сохранил изначальную связь со свободой, которая с точки зрения времени выражается в том, что он, сопротивляясь автоматизму, отказывается принимать его этическое следствие, то есть фатализм».

Э. Юнгер сравнивает современный технократический мир с кораблем, с «Титаником», который является воплощением зависимости человека от техники. Пока человек приятно путешествует на палубе, он не отдает себе отчет, насколько сильно он является заложником корабля. Как только стоит чему-либо пойти не так, начать кораблю тонуть, как человек осознает полное отсутствие своей свободы и возможности повлиять на ситуацию. Все люди сегодня – пассажиры корабля, но можно ли сохранять свободу решений и связь с вневременным, спрашивает Юнгер? Для него корабль – это воплощение преходящего, одна из форм, которая преобладает в сегодняшние дни. Непреходящим, вечным, является бытие. Восстановить связь с бытием через философию, теологию, миф – это значит обрести свободу даже пребывая на корабле. Вневременное бытие – это и есть Лес.

Юнгер предостерегает от анархистского бунта против машин, проводя аналогию, как если бы часть пассажиров бежала с корабля в шлюпке в

[128] См. Э. Юнгер «Уйти в Лес».

открытое море. Тогда их непременно уничтожили бы голод, каннибализм и окружающие акулы. Поэтому безопаснее оставаться на корабле, то есть в обществе, даже если корабль каждую минуту рискует взлететь на воздух. И здесь Э. Юнгер вспоминает миф о Дионисе, который обвил кораболь тирренских пиратов, которые его похитили, виноградной лозой и плющом. Тот, кто уходит в Лес – привносит Лес и на корабль, и в этом его принципиальное могущество Вечного против временного. Даже одиночка, ушедший в Лес, способен противостоять и побеждать «корабль».

Ушедший в Лес – это не солдат, но он может быть партизаном. Его жизнь более свободная но и более суровая, как замечает Э. Юнгер. При этом возможность уйти в Лес открыта всем, но ушедших в Лес всегда мало. Большинство зависимо от комфорта, общества и множества других причин. Уйти же в Лес можно в любой момент и из любой точки мира. Важнейшим для ухода в Лес является победа над страхом уйти в Лес, который, как и все другие, сводится к самому главному и единственному страху – страху смерти. Побороть этот страх – это значит уйти в Лес.

«Ушедших в Лес рекрутируют из тех, кто даже в безнадежной ситуации решается бороться за свободу. В идеале, их личная свобода совпадает со свободой их страны».

Несмотря на одиночество и фатализм фигуры «ушедшего», Эрнст Юнгер допускает, что возможность уйти в Лес открыта для целых народов, что может сделать их непобедимыми.

Главный девиз ушедшего в Лес – это «здесь и сечас»: уйти здесь и сейчас, свобода здесь и сейчас, смерть здесь и сейчас, действие здесь и сейчас. Лес – он принципиально везде: в городах, заброшенных местах и пустынях, на корабле, обвитом лозой. Ушедший в Лес пребывает в центре Ада, не боясь ни смерти, ни крушения корабля. Ушедшим в Лес можно назвать К. Линколу, Т. Качинского.

Концепция «ушедшего в Лес» созвучна с идеями Ю. Эволы, изложенными в книге «Оседлать тигра». В ней он приводит древний миф, что если человек встречается в джунглях с тигром, он должен оседлать его и держаться на нем так крепко, чтобы тигр его не смог сбросить. Только когда тигр ослабнет и не сможет больше нести человека, его можно убить. Для Эволы тигром был Модерн, а человеком – одинокий, выстоявший среди руин, традиционалист. Схватка с Модерном (и Постмодерном) – это оседлание тигра, то есть пребывание в профанном обществе и одновременно использование его средств и достижений в свою пользу, чтобы в ключевой момент послабления нанести смертельный удар «тигру». Эвола справедливо указывает, что это может быть долгосрочной

перспективой. Он вводит определение дифференцированного человека, который может выдержать жизнь в мире без Сакрального, и, что главное, *осмыслить это отсутствие Богов*. Дифференцированный человек – это тот, кто соединяется с трансцендентным напрямую из своей сущности, минуя инстанции внешнего мира: сословия, церковь, партии, Государство. Мы можем добавить, что в Постмодерне «оседлание тигра» представляется еще более сложной задачей. Если в приведенном Эволой мифе человек сталкивается в джунглях с реальным тигром, зверем, то в Постмодерне язычник-традиционалист может обнаружить, что этот тигр *нарисован*, представляет собой набор пикселей или вообще не являетя тигром. Иными словами, схватить Постмодерн как тигра – это значит уловить тончайшую гипнотическую вуаль, которую Постмодерн набрасывает на вещи и симулякры, делая их не тем, чем они являются. Не дать себе обмануться, вот что является залогом выживания в борьбе против «тигра».

«Ушедший в Лес» и «оседлавший тигра», а также «внутренняя миграция» и примитивизм, являются особыми темами и стратегиями для традиционалистов и консерваторов. Они появляются как осмысления событий первой половины XX века, когда большие надежды возлагались на коллективные идентичности «расы», «нации», «аристократии», «пролетария» и т.д. Все они показали себя не способными победить или преодолеть либерализм и буржуазный капитализм, против которого они выступали. После Второй Мировой для традиционалистов и консерваторов ни осталось места и они сами не видели реальной политической силы и перспективы для изменения Государства, поэтому и возникают стратегии и образы «одиночки», стоящего против Современного Мира. Буквальный исход из общества – это одна из форм осуществления «ухода в Лес», но гораздо важнее здесь экзистенциальное и ценностное отношение ко всему окружающему миру. Можно быть в самом центре технологических и семиотических потоков Постмодерна, при этом абсолютно ему не принадлежать и быть готовым взорвать всё, уйти в Лес *здесь и сейчас*.

III.VIII Антиглобализм

Период после Второй Мировой войны и до конца 1990-х является пиком глобализма в мировой политике. Осознания ограниченности земного шара, его активное осваивание, установление доминирования европоцентричной картины мира и колониализма являются предтечами глобализма. Мировые войны – это первые шаги глобализации. После Первой Мировой

появляется Лига Наций, призванная регулировать международные отношения между суверенными государствами. Но она оказалась недееспособной организацией и была забыта в ходе Второй Мировой войны, после которой появляется глобальный орган ООН. После 1945 года в мире четко обозначаются два лагеря: Западный капиталистический, либерально-демократический, и Восточный социалистический, коммунистический. Европа утрачивает свою самостоятельность, будучи разделенной между двумя полюсами, М. Хайдеггер назвал это «тисками», между которыми зажата Европа. Другие страны мира, так или иначе, должны были учитывать геополитический дуализм, прагматично выбирая ту или иную сторону. Это было моментом биполярного глобализма, когда почти все определялось противостоянием Запада и Востока. Распад СССР в начале 1990-х стал пиком глобализма, выраженном в моменте однополярности – доминации Западной системы и ценностей во всем мире.

Глобализм – это всемирная унификация и стандартизация всех народов по лекалам Западного мира (вестернизация). Не стоит обманываться, что СССР представлял собой существуенную парадигмальную альтернативу Западу. В его основе также лежит Модерн в коммунистическом, марксистском издании. И Запад и СССР проводили политику искоренения этнической и культурной самобытности в странах-сателлитах, путем насаждения капитализма/социализма, образования, технологического прогресса и производств. СССР шел по пути форсирования развития народов, отметая религиозность, Запад превращал культуру в товар, туристический объект, «лубок» и симулякр. Все «развитые» страны похожи между собой, и больше всего сходства в мегаполисах и крупных городах, которые являются воплощением стандарта и унификации жизни.

В основе глобализации лежат экономические процессы глобального разделения труда, добычи и перепродажи ресурсов, рынков сбыта и т.д. С этой точки зрения глобализация уходит корнями в самое начало капитализма и Модерна, в эпоху Просвещения и торговую Венецию и Геную.

Нация, как конвенция граждан, изначально таит в себе открытость к пересмотру своего определения. Если французом можно стать по гражданству, то значит можно пересмотреть и само понятие «Франции», «французскости». Принцип nation state в однополярном глобалистском моменте начинает трансформироваться в сторону world state, то есть «гражданина мира», «всемирной нации», «глобального государства».

Основанием глобального Государства является единое унифицированное право – права человека, либеральное право и иллюзия демократии.

Тенденции глобализма проявляются в создании Евросоюза, Шенгенской зоны свободного передвижения, единой валюты, парламента, законов, единого рынка, ЕвраЗЭС, ОДКБ, G8 и G20 и др. Все примеры создания надгосударственных институтов и объединений несут в себе глобализацию, предел которой – упразднение национальных суверенных государств, национальностей и культур, границ, создание планетарного Государства.

Появление христианской империи негативно сказалось на существовании языческих народов, и по сути христианство было первой попыткой унификации людей и мира, исходящей из метафизических и онтологических предпосылок креационизма. После перетолковывания креационизма в языческом ключе в двоеверии, удар по философскому языческому двоеверию нанесла христианская Реформация, в ходе которой появились либерализм и национальные государства. Нация – это следующая, после христианства, стадия отчуждения язычника от традиции, народа от Богов. При этом если христианство настаивало на радикально новой метафизике и доктрине, «нация» выступала как подделка «этноса», как симулякр, извлекая на поверхность некоторые архаические и языческие мотивы для нужд национальной мифологии. Нация как конвенция предопределила возможность трансформации к глобальному государству, которое вновь подобно христианскому, только в строго материальной, экономической плоскости интересов транснациональных корпораций. Глобализм – это финальная форма политического отчуждения народов от своей собственной сущности, от традиции. Немаловажную роль здесь играет и виртуальная глобализация, которая является её чистой и лишенной трений формой. Виртуальная реальность и Интернет – вот что делает мир связанным моментально здесь и сейчас, при этом виртуальность априори является проводником вестернизации и Постмодерна. Глобализация – это максимальное воплощение Системы, [анти]Империи Алена Сораля.

Против глобализации традиционно выступают анархисты разных течений, либертарианцы, хиппи, экологи и ряд близких к ним субкультур, формируя общий «фронт» антиглобалистского движения.

Среди правых и консерваторов противниками глобализма априори являются все традиционалисты, националисты и этноцентристы, Ален де Бенуа, Карл Шмитт и другие. Несопоставимость глобализма с вопросом

выживания и возрождения языческих традиций и народов очевидна ipso facto. Для язычества является приемлемым только этноплюрализм. Русскую языческую критику глобализма мы встречаем у Н. Сперанского и Доброслава, и в разных языческих общинах повсеместно.

Перспективы успеха низовой борьбы антиглобалистов чрезвычайно сомнительны, даже успешные экотеррор и политические акции не поставят серьезных преград на пути глобализации, лишь скорректируют её издержки. В сегодняшней ситуации второго десятилетия XXI века в мире намечается тенденция отхода от однополярности вновь к двуполярному миру, с перспективой возникновения многополярного мира (регионализм). Насколько успешными и соответствующими языческому традиционализму будут такие тенденции и результаты судить пока невозможно. Будет ли это созданием Grossraum по К. Шмитту, с правами народов жить согласно их судьбе и представлениям, либо это будет несколько очагов постмодернистского размытия идентичностей, иными словами симулякром регионализма? Пока можно с уверенностью только поставить эти вопросы, и не ослаблять хватки на тигре.

III.IX Выводы из предыдущих глав

Перефразируя Гераклита, мы можем сказать, что Политика – отец всех вещей. Политика, понятая как экзистенциальная война с Врагом по Карлу Шмитту. Где Враг – это эквиполентный Другой, в отношении которого соблюдается трезвый принцип Imperium, чуждый феминоидной истерике шовинизма (Ю. Эвола).

В Постмодерне умерли все идеологии, поэтому принципиально важно не цепляться за трупы национализма, социализма и марксизма, даже либерализм достаточно тоталитарен для Постмодерна. Ризома требует дивидуальности, делимости субъекта на органы и части, которые будут смешиваться и смешиваться друг с другом, другими вещами, животными, знаками, пикселями и т.п. Сегодня мы в самом сердце Ночи, в разгаре Рагнарёка, который мы не осознаем за ширмой комфорта и мнимой свободы быть язычником и верить в кого угодно. Мы не осознаем плотности времени, охотно отвлекаясь на симулякры традиции в виде около-языческого New Age. Мы забыли наш Сакральный Сердечный Центр, позволяя одурманивать свой разум физическими законами и семиотическим потреблением. Области Эроса и полов тоже вовлечены в политику и войну против Традиции, они наполнены подземными затхлыми

водами. В своем пределе любая сфера жизни превращается в *спектакль жизни* (Ги Дебор), в её имитацию по чужим правилам.

Гераклит говорил: «когда наступает ночь, люди зажигают огонь». Сегодня зажечь Огонь в своем Сердце – это значит быть искрой в огромной толще метафизического Льда. Войти в уже горящее пламя Традиции практически невозможно, особенно для европейского человека, черезчур отчужденного от своей истинной солярной иерархической сущности. Поэтому сегодня быть язычником – это значит быть искрой в толще льда, что для многих невозможно из-за страха, оков общественного мнения и вложенных со школьной скамьи воистину не научных, а уже *религиозных* догм об устройстве и законах мира.

Политические стратегии для язычества могут быть вариативны, но они всегда должны выстраиваться вокруг Сакральной иерархии, которая и есть стркутура всего языческого. Осваивание консервативных идей и опыта, как и мистических течений внутри христианства, ислама, иудаизма, следует проводя тщательное разделение, деконструируя фольклорное и философское двоеверие, приводя все к языческому структурному знаменателю. В авраамическом и современном (исток и река) есть проблески Вечного манифестационистского начала. Его надо очистить, как золотодобытчик медленно, но верно вымывает золото из песчаных и иловых пород. Мы постарались дать принципиальные положения и принципы для этой работы, проиллюстрировав их на, как нам кажется, очень скромном количестве примеров и пояснений. Главной нашей задачей было указать на саму сущность Языческого и Языческого Политического, которые, в случае если читатель их усвоит должным образом, сами по себе будут очищать его путь от наслоений Модерна и подделок Постмодерна.

Барон Эвола был носителем еврооптимизма, считая, что если Кали-Юга первой пришла в Европе, то Европа первой из нее и выйдет в новом качестве. Такой оптимизм допустим, но реальность его опровергает. Сегодня более действенным является аполитический уход от спектакля, сродни брахманическому уединению Рене Генона или Доброслава.

Одним из символов Традиции можно считать пирамиду, означающую иерархический, сословный, метафизический принцип манифестционизма, распространения Света и Сакрального сверху вниз. Перед сегодняшним язычеством стоит задача возрождения этой пирамиды, от которой остались только фрагменты, близкие к основанию. Но здесь важно понимать, что восстановление этой пирамиды – это не путь сложения кирпичей снизу

вверх. В первую очередь необходимо установить прямую вертикальную инициатическую связь между человеком и Сакральным, Богами, где сам человек будет нижней, а Боги – верхней частью одного звена передачи (tradere). То же самое означает зажечь Огонь внутри Сердца. То же самое означает преодолеть все Политическое Модерна. Только после установления прямой связи с трансцендентным, можно вновь выстраивать пирамиду сверху вниз, создавая и горизонтальные цепи передачи знания и опыта. Это означает создание общин и организаций язычников-традиционалистов, которые могут участвовать в политическом спектаткле, так и быть вне его, уделяя большее внимание внутреннему деланию, стяжанию Духа и инициатической работе.

Пройденное нами выше путешествие описывает собой один путь восстановления Традиции и реставрации языческого в условиях Кали-Юги. Он носит подчеркнуто жреческо-воинский, кшатрийский характер, основанный на разделении и войне (polemos). При этом мы всячески дистанцировались от бинарного дуализма, признав за анти-традиционными силами Модерна и Постмодерна те инстанции, которые отчетливо существуют и в древних мифах, как фигуры противников Богов – титанов, чудовищ, асуров, йотунов, хтонических неукротимых материальных могуществ.

Такой путь является воинским и отражает природу и интересы абсолютного большинства язычников всех сословий и традиций, он актуален именно для современных условий и является залогом выживания традиции и сохранения языческого наследия всех сословий.

Все вышесказанное, все описанные ранее стратегии и правила, весь пройденный путь мы может признать как достаточное определение того, что мы называем Путём Правой Руки в язычестве.

IV Путь Правой Руки и Путь Левой Руки

Дальнейшее повествование требует от нас ряда необходимых предуведомлений читателя. В предыдущих главах мы дали достаточное изложение Пути Правой Руки в язычестве, определив структуру и основные осевые направления возрождения и очищения язычества в современную нам эпоху. Мы очертили границы Своих и Чужих, Друзей и Врагов, дальнейшее уже заключается в реальном действии, практике и корректирующих нюансов. Для подавляющего языческого большинства этого достаточно; духовность Пути Правой Руки во многом воплощается именно в этих структурах и формах, представляющих собой в некотором роде языческий конформизм. Если читатель ощутил, что данные выше указания и стратегии для него имеют принципиальное значение и резонанс с его душевной природой, то он смело и без существенных потерь может для себя ими ограничиться.

Рассмотрение следующих тем рассчитано одновременно на широкий круг язычников, всех, кто интересуется данной тематикой и уже имеет некоторые представления о ней, *но сама эта тема*, уровень изложения, стиль и язык всецело воплощают жреческое знание, совсем *иную мудрость*. Ознакомиться с ней может каждый, но далеко не каждый сможет прочитать за формальными словами и витиеватыми определениями саму суть сказанного. Здесь полностью уместна старая притча о пальце, указующем на Луну. Данный текст, для неподготовленного или случайного читателя, в лучшем случае будет подобен *только пальцу,* который *только указывает* в сторону Луны. В худшем он может внести дисгармонию, сметение и разлад в неокрепшие умы и сбить с толку людей воинской природы, дезориентировав их на поле боя Традиции и Модерна. Так как Луна, помимо иных своих значений, также выступает покровительницей и символом оборотничества и безумия. Но само по себе рассмотрение этого Пути нельзя оставить в стороне от нашего внимания.

Принципиальное отличие будет иметь стиль и язык последующего изложения, что продиктовано самой природой Пути Левой Руки. Дальнейший язык одновременно будет похож на предшествующий, и также будет отличаться от него, это будет язык сложных парадоксов, взаимоисключений и невозможностей. Главным принципом такого языка можно назвать латинскую формулу obscurum per obscurius – «объяснять тёмное через ещё более тёмное». Такой язык во многом является «пальцем указующим», но сам по себе не является «Луной», но может быть лишь

освященным её светом. «Тёмный» язык призван иллюстрировать самим собой те вещи, на которые он указует, и одновременно показывать метод их познания через преодоление стандартных логических законов (особенно законов тождества), умственных операций и ожиданий читателя от текста.

В предыдущих главах мы приоритетно опирались на метафоры окружности с точкой в центре и на пирамиду Сакрального, выражающую вертикальную иерархию. Эти же образы актуальны и для Пути Левой Руки, но там они подвергнутся своеобразным метаморфозам.

Мы знаем, что история разворачивается во Времени согласно циклу, который венчается всеобщим упадком и Рагнарёком, за которым следует новое начало. Нам видится, что с течением времени в Кали-Юге выход на авансцену и доминирующие позиции людей без Дхармы и рода есть своеобразное и логическое проявление все той же Санатана Дхармы. Так должно было произойти, и то, что так произошло – есть свершение должного. Таким образом, мы осознаем, что мы никогда и никуда не покидали мир Традиции, но лишь, находясь в нем, попали под гипнотические чары демонических и титанических сил. Путь Правой Руки сосредоточен на том, чтобы освободиться от пелены морока и снова обратиться к символу и мифу, реставрировать пирамиду иерархии и выстоять в Кали-Югу. Время циклично, и даже после финальной битвы и Конца, мир будет сотворен вновь. В германо-скандинавской традиции после Рагнарёка на поле выходят люди, укрывшиеся в лесу, возвращаются Боги Бальдр и Хёд. Для Пути Левой Руки гораздо больший интерес представляет не столько возрождение Сакральной пирамиды, сколько сама природа настигшего человечества забвения, морока, Майи, а также вопросы о том, куда уходят светлые Боги в это время, *и какие Боги правят в Последние Времена? Если Боги – это устроители космического порядка, они сами – порядок, то какие Боги отвечают за существующий в современном мире беспорядок, адхарму и разложение?* Мы утвердили, что Модерн и Постмодерн являются триумфом титанического и материального, а так как падение в Железный век является метафизически предопределенным, *нормативно дхармическим* проявлением Времени, то значит за спинами титанов и происходящих процессов незримо ни для кого стоят *Боги Разрушения*. Боги Смерти не правят и не побуждают чудовищ и титанов Модерна делать их дело. Они, с присущей им легкостью, молчаливо *позволяют* им это делать. Они никогда их не боятся. Боги

Смерти и Разрушения выступают как управители *порядка* (Дхарма), согласно которому в мире должен воцариться *беспорядок* (адхарма).

Инициация всегда происходит через смерть. Смерть – это всегда возможность перехода и восхождения. Боги Смерти во вногих культурах также являются Богами Мудрости, и когда речь заходит о космическом упадке и Конце, здесь как никогда уместно обратить свой взор на ту Мудрость, которая скрывается за упадком и «бегством Богов». Для сторонников Пути Левой Руки эта Мудрость является приоритетной целью. Мудрость не просто человеческой смерти, но метафизического и онтологического Конца.

Для Пути Левой Руки признание за мировой деградацией Сакральной причины в виде позволения Богами Смерти совершить должное в утверждении мировой адхармы, – это будет являться одним из самых существенных, хоть и косвенных, вкладов во всестороннюю реставрацию Сакрального видения мира в язычестве.

Путь Левой Руки, таким образом, является раскрытием тех аспектов Традиции, которые в эпоху Золотого века, как и дальнейших эпох, никогда не попадали во внимание человечества, народов и традиций. Этот Путь максимально раскрывается сегодня, в единственно соответствующих ему эсхатологических условиях. Так как этот Путь связан со Смертью, и он только раскрывается, то он сопряжен с огромным *метафизическим риском* для своих адептов, которые нередко находятся в стороне от магистрального праворучного направления своих традиций. А с точки зрения адептов Пути Правой Руки и вовсе могут считаться «еретиками».

Так мы можем заключить два первых принципиальных положения Пути Левой Руки: признание Современности как проявления абсолютного *порядка в беспорядке*, который управляется Богами Смерти и Разрушения; принципиальный нонконформизм в мировоззрении, методах и практиках язычества, Традиции, по отношению к большинству и магистральному направлению своей традиции.

Семантика рук

В мире Традиции правая и левая руки человека обладали разной семантикой. Правая рука, *десница* в старорусском языке, считается чистой рукой, ею совершаются подношения Богам, жертвоприношения, ей скрепляются клятвы и договоры, в ней держатся ритуальные предметы и регалии, и она символизирует порядок и власть. В русском языке слова

«правое» и «правильное» являются однокоренными и используются как синонимы.

Левая рука, *шуйца* в старорусском языке, считается во многих традициях нечистой. С её помощью справляют нужду, ей смывают нечистоты, подача левой руки считается проявлением неуважения, в Тибете не приянято брать ритуальные четки в левую руку. Итальянское слово «sinistra», «левая рука», восходит к латинскому слову «sinister/-trum», обозначающему «левое», «нехорошее» и «дурное».

Левое отождествляется с ложным. Отсюда проистекает дуализм правого и левого, десного и шуйного, правильного и ложного. Наделение левой руки, с её тёмной семантикой, светлыми аспектами Сакральности и использование левой руки для держания ритуальных инструментов и совершения подношений является ритуальным и метафизическим нонконформизмом.

В Индии термином «Вамачара», что дословно означает «левая рука», означается целая группа древнейших радикальных нонконформистских даршан и школ, преимущественно шиваистских, тантрических (Вамачара-тантра) и шактистских, почитающих женский Божественный Аспект мироздания и Великую Мать Шакти. Индийский подход к Пути Левой Руки является самым древним и богатым в плане текстового наследия, количества и разнообразия глубокопроработанных даршан.

На Запад понятие «вамачары» и деления на Правый Путь и Левый Путь проникает через теософизм Е. Блаватской с неизбежными искажениями, которые становятся отчасти наследственными для всего понимания Пути Левой Руки (The Left-Hand Path) в дальнейшем. Е. Блаватская привнесла в понимание термина сугубо европо-христианские черты морального «Зла», сведя дуализм подходов к классической дихотомии. Вульф Гримссон указывает на то, что в дальнейшем в Западной эзотерической традиции моральный дуализм «Добра и Зла» дополнился и укрепился еще и картезианским (декартовским) дуализмом между субъектом и объектом, субъективной внутренней вселенной адепта и объективной внешней материальной реальностью[129]. Это свело понимание Пути Левой Руки к дихотомии между Духом и телом и апологии субъективности Пути, то есть открыло простор для синкретизма. Проводником этой идеи, которая закрепилась на Западе как норма, был М. Аквино и его нео-сатанинская организация Храм Сета. Далее В. Гримссон полностью опровергает этот

[129] Гримссон Вульф «Некоторые предварительные комментарии о разнице между Путем Левой Руки на Западе и Дохристианской языческой моделью».

подход, указывая на истинные тантрические корни Пути Левой Руки и труды Юлиуса Эволы, который в русле традиционализма единственный проводил именно аутентичную линию трактования Вамачары, лишенную материалистического и либерального толкований, которые твердо закрепились во всем американском сатанизме.

В этом искажении Вамачары прослеживается перенос принципа нонконформизма на западно-европейские реалии: для того времени и культуры нонконформизмом является моральное «Зло» и сатанизм как антитеза христианству как таковому. Что также сопряжено с либерализмом и научной картиной мира, как и мировоззренческим и методологическим аппонентами христианства. Это стало своеобразной «традицией» для Запада, но в то же время отдалило его от тех высших планов Бытия и Богов, о которых говорится в Тантрах и Санатана Дхарме. Поэтому Путь Левой Руки на Западе, в силу самой специфики проникновения концепции, оказался отчужден от исконно языческого манифестационистского дискурса. Он был вынужден проделать продолжительный во времени окольный путь обратно, проникнув в языческую и традиционалистскую среды, где его понимание приблизилось к языческим структурам и обратило взгляд адептов язычества к новым горизонтам.

IV.I Взгляд в Бездну

Для понимания всего следующего изложения следует явно сказать о том, что уже неоднократно упоминалось в неявной форме. Радикальный нонконформизм Пути Левой Руки в своем максимуме определяется главенством принципа *трансгрессии*. Трансгрессия – это выход за пределы, жест радикального преодоления границ и условностей восприятия. Не только самых простых в виде моральных и нравственных норм, которые для Пути Левой Руки не играют особой роли, но с большим вниманием на философскую, метафизическую и инициатическую трансгрессию. Преодоление пределов – это осевая и сквозная нить всего Пути Левой Руки. Предел налагается там, где есть любая форма двойственности. Преодоление любой двойственности – это трансгрессия, выход за пределы ограничений Ума.

Говоря о Традиции и язычестве в современных условиях и Пути Левой Руки, мы обнаруживаем принцип трансгрессии в следующем. Наличествующая дихотомия Традиции и Модерна/Постмодерна является вызовом для Пути Левой Руки. Она преодолевается тем, что *адепт*

языческой традиции совершает выход за пределы своей традиции, тем самым радикально утверждая свою традицию. Все, что относится к Пути Правой Руки – это известное археологическое, культурное, фольклорное, лингвистическое и т.д. языческое наследие, которое составляет тело языческой традиции в сегодняшние дни. Путь Левой Руки – это подчеркнуто современное, для Запада, явление. А значит, его наполнение одновременно опирается на существующий «правый» опыт, но сущностно является новым осмыслением (новым прочтением) собственной традиции и раскрытием новой Дхармы, торением нового Пути. Путь Левой Руки признает за Модерном и Постмодерном позитивную ценность, так как это те условия, в которых его цветок смог раскрыться. Адепт этого Пути не боится обращаться к Модерну и Постмодерну, используя их как инструменты своей практики. Путь Левой Руки находит Традицию за пределами самой Традиции. Это соответствует спуску героя или аскета, монаха в миры мёртвых, но не с целью стяжать там славу или вернуть оттуда мёртвого, но с целью преодолеть Смерть и «Ад».

Шиваизм повествует об особо гневной и ужасной форме Бога Шивы – Бхайраве («Ужасный»), черном многоруком Боге, вселенском аспекте Шивы, в котором он открылся принцу Арджуне в Бхагавад-гите. В одной из своих рук он держит отрубленную голову Бога Брахмы. Брахма как Бог-демиург является творцом мира и установителем порядка, но в порыве гнева Шива манифестируется Бхайравой и отрубает ему голову. Это метафизическое преступление прямо соответствует тому, что за устранением порядка стоят Боги Разрушения и Смерти, а также трансгрессии относительно Дхармы неубийства брахманов в лице самого Брахмы. Убив Брахму, Бхайрава вышел за пределы традиции, но в то же время твердо установил её, воплотив в себе свою функцию ужасного Бога Разрушения и Страдания.

В Одинизме Бог, который осознанно преодолевает дуализм и пределы – это Один[130]. В своих разных аспектах он нарушает табу, следуя своей главной цели – постижению Мудрости. Он постигает женскую магию сейда, совершает преступление, воруя Мёд Поэзии, а также под множеством ликов он путешествует по всем мирам, являясь Богом покровителем путников, а также Богом Смерти (Valgautr, Бог павших). В германо-скандинавской традиции не указывается, как далеко способен зайти Один в поисках Мудрости, поэтому на Пути Левой Руки в Одинизме

[130] В отличе от Локи, действия которого носят порой неосознанный и титанический характер.

он считается его покровителем и способным выйти за собственные пределы, дабы раскрыть и утвердить Вечную Мудрость.

Стратегии выхода за пределы Традиции соответствует концепция Ю. Эволы «оседлать тигра», закладывающей традиционалистский подход к Пути Левой Руки. Сам барон также отмечал, что в условиях современности традиционалисты могут стяжать такую мудрость и высоты, о которой не имели представления мудрецы Традиции.

Русскому традиционалисту и выдающемуся индологу Юрию Мамлееву также принадлежат следующие слова:

«…подлинная тайна лежит не в буквах Традиции, а в том, что лежит между буквами… В конце концов, истинная Традиция всегда должна выходить за свои пределы».

Ему же принадлежит одна из лаконичных формул, характеризующих метафизический Левый Путь, согласно которой в современных условиях необходимо «позитивировать все негации» и прорваться к Абсолюту снизу.

На карте кельтского креста Смерти соответствует нижняя точка пересечения окружности и вертикали – это время Конца Железного Века, время Перехода между циклами, пространство Смерти и её Богов. К этой точке пристально обращено внимание адептов Пути Левой Руки. Именно в момент инициатической Смерти происходит преодоление обусловленности человеческих существования и Ума, а также открывается разрыв между старой уже-не-жизнью и новой ещё-не-жизнью. Этот момент является ключевым, так как в нем адепт Пути Левой Руки получает *возможность* узреть то, что находится за пределами метафизических циклов, за пределами Жизни и Смерти, за пределами умирающего Космоса и будущего рождающегося Космоса. И более возможности узреть, у него наличествует возможность *не вовлекаться* в новый цикл становления и разрушения нового Космоса, но выйти за пределы циклов Рождения и Смерти, за пределы кармической обусловленности. Это является моментом высшей реализации и инициации за пределами любых форм и словесных определений, так как с одной стороны все формы и слова *уже уничтожены*, а с другой они *ещё не появились вновь*. Как и любая инициация, этот выход за пределы предполагает абсолютную отдачу адепта и полное разотождествления им со всем тем, что он считает самим собой, то есть со всеми формами, состояниями ума и словами, языком, так как все это является смертным и преходящим из цикла в цикл. Это

символизируется образом отрубленной головы у Бхайравы и на Пути Левой Руки повсеместно.

В этом заключается главнейшая Мудрость Смерти – выход за пределы любого становления и Космоса. Прорыв к Хаосу, Бездне.

Отсюда начинается самое самобытное и глубокое учение Пути Левой Руки, одно из самых емких самоназваний которого – Хаософия, Мудрость Хаоса.

Шаг в Пустоту на месте

Практически все индоевропейские языческие традиции объясняют космогонию – появление мира и его устройство – как в разных формах проявления или извлечение земли, порядка и первых существ из предшествовавшего Космосу «пространства», которое априори уже наличествовало всегда и его происхождение не нуждается в каком-либо объяснении вообще. Здесь важно понять, что под «всегда» не подразумевается хронологическая длительность, означающая глубокую давность во Времени. Так же, как и «пространство» является лишь техническим термином для этой изначальной инстанции. Говоря об этой инстанции нельзя сказать, что она «первична», что подразумевало бы наличие некоего «истока», из которого она вышла «первой». Наиболее близкие слова-определения для этой инстанции – это *без*-начальное, *не*-проявленное, *не*-рожденное и *не*-выразимое. Обычный Ум воспринимает эти определения как указывающие на то, чего не существует либо что *пока ещё* не было рождено, выражено или манифестировано. Это взгляд с позиции *уже* проявленного Ума и *уже* сотворенного Космоса относительно всевозможных будущих манифестаций Божественного в мире. Говоря об этой «первичной» инстанции указание на её невыразимость должно пониматься как предшествующая всему манифестированному Божественному миру сторона. Она непроявлена не потому, что ждет момента своего воплощения в будущем, а потому что она *предшествует* любому проявлению, любой форме, любому началу и т.д., при этом всегда оставаясь недвижимой, «самодостаточной». Говоря лаконично: эту инстанцию невозможно помыслить средствами человеческого языка и Ума, которые являются для этого ограниченными «пальцами», лишь указующими на Луну. Принцип познания этой инстанции – апофатический, то есть определяющий через отрицание любых определений, выводящий за пределы любой дефиниции.

В космогонических мифах разных традиций эта инстанция выступает как данность без затемняющих её природу пояснений и слов. Из неё начинается раскрытие мира, и все дальнейшие сюжеты космогонии, битв Богов и титанов, жизней людей и так далее, разворачиваются уже в сотворенном и упорядоченном по законам должного Космосе, оставляя эту изначальную инстанцию в полном *забвении*.

В «Теогонии» Гесиод сообщает, что вначале всего был Хаос, из него вышли Гея (Земля), Тартар и Эрос, Нюкта (Ночь) и Эреб (Мрак):

«Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший,- Эрос».

Греческое слово «хаос» происходит от χαίνω – «раскрываться», «разверзаться», и в обыденном языке означает «беспорядок». Этот термин используется для наименования первичной инстанции по преимуществу.

Само определение Хаоса, как «разверзающегося», указывает скорее на его восприятие уже со стороны тех *могуществ*, которые из него вышли и оглянулись назад. Первыми появляются фундаментальные могущества, которые полагаются как таковые и отличными от титанов и Богов, хотя последние бывает и признают их как Богов, а также люди почитают некоторых за Богов. Появление одним из первых Эреба является тонким намеком на то, что его имя и само рождение-как-имянаречение были осуществлены с позиции эквиполентного Света. Нюкта рождает День, что является принципиальным указанием на то, что Свет рождается из Тьмы, День из Ночи, и Тьма и Ночь *предшествуют* им. Тем самым Ночь и Тьма являются близкими к Хаосу могуществами, но определенными поименно с позиций Света, который распространяясь, начинает освящать-и-создавать κόσμος, мир. Таким образом, Космос – это обособленная и упорядоченная от Хаоса часть.

Платон описал устройство Космоса в своей философии, положив его нижний предел как материю. Для него Хаос – это то, что является ещё не упорядоченным и сближается с материей за горизонтом. Упорядочиванием Хаоса, т.е. превращением его в Космос, занимается Ум-Демиург. Платон видит прекрасное в упорядоченном, что наделяет процесс «укрощения» Хаоса этической окраской как забота о Благе. Его воззрения строго отражают космический взгляд Правой Руки и могут считаться философской максимой этого Пути.

Реликтом, указующим на Хаос, в эллинской традиции является Тартар, глубочайшая бездна в самой отдаленной части Аида, куда Зевс сбросил поверженных титанов. Своей бездонностью, близостью к Смерти (царство Аида) и местом заточения титанов, нарушителей порядка и противников Богов, он является своеобразным напоминанием, намеком, пространством, смыкающимся с Хаосом.

Греческий Логос (слово, мысль) вспыхивает как молния в ночи, освещая и придавая четкие очертания, существование Космосу. Вспышка Логоса делает мир проявленным и фиксирует его порядок, который также устанавливается Логосом. Но Ночь предшествует Логосу и она же остается после того, как свет молнии гаснет. Это также является указанием на Хаос, в то время как с точки зрения Божественного Логоса темнота Ночи есть невежество материи, её глупость, алогичность.

Индиузм, представляющий собой множество даршан и школ, повествует несколько сюжетов о сотворении мира. Миф о самопожертвовании первосущества Пуруши, из частей которого был сотворен мир, относится к довольно распространенному индоевропейскому сюжету об установлении подрядка через жертвоприношение. В Ригведе мы найдем стих, указывающий на аналог Хаоса в традициях хинду:

«Не было ни смерти, ни бессмертия тогда.
Не было признака дня или ночи.
Дышало, не колебля воздуха, по своему закону
Нечто Одно, И не было ничего другого, кроме него.
Оплодотворители были. Силы растяжения были».

Первые строки ясно указывают на апофатическую Бездну, Хаос. Далее следует введение двойственности (двайты), чреватой жизненной силой, в виде «оплодотворителей».

Другая версия гласит, что мир произошел из Вселенского яйца. Яйцо как сферическая и замкнутая фигура символизирует Жизнь, чреватость, залог «вылупления» как раскрытия витального начала. Яйцо обособленно от внешнего и может рассматриваться как прямой символ Космоса, пребывающего в окружении Хаоса.

В индийских учениях недвойственности (адвайта-веданта) принципиальным является различение двух аспектов Бога Брахмы. Брахма Сагуна – это Брахма в аспекте проявленного и познаваемого чувствами мира, это манифестированный мир-как-Бог, его катафатический аспект. Брахма Ниргуна – это непроявленный аспект Брахмы, его высшая сущность за пределами имен и форм, его апофатическая сторона. При этом

сам Брахма находится за пределами двайты Сагуны и Ниргуны, так как оба слова являются терминами-указаниями на два разных аспекта Единого. Это подобно платоническому Уму, который одним своим взором обращен на Космос, а другим созерцает Единое.

Брахма является Богом – создателем мира и законов, Вишну – Бог, который поддерживает порядок и охраняет закон, Шива – Бог аскет, Бог Смерти. В Вамачаре акцент на главном Божестве смещается с Брахмы на Шиву. С точки зрения доктрины циклов, это строго соответствует Кали-Юге, последним временам и покровительствующему разрушению Богу. Шива почитается шиваитами (шайвами) как высший и главнейший Бог, и целью их духовной реализации является вознесение и отождествление своего сознания (Атмана) с сознанием Шивы. Высшей ступенью сознания Шивы, лежащей, как и Брахма Ниргуна за пределами всех форм, является Парашива (санскр. Paraśiva). Для того, чтобы «познать» это состояние высшей свободы и самореализации адепта, необходимо выйти за пределы Ума, освободиться от оков Мировой Иллюзии (Майи). В космическом контексте этому как раз будет соответствовать Кали-Юга, как эпоха наиболее благоприятная для радикального и быстрого Пути Пробуждения.

Принципиальным моментом в Вамачара-тантре является то, что путь к Хаосу или первоинстанции тут лежит прямиком через Божественное сознание Махешвары (ипостась Шивы как Высшего Божества) и достигается путем разотождествления со всеми определениями и формами (апофатически), венчаясь высшей реализацией Ниргуна Парашивы.

Песни германо-скандинавской традиции сообщают, что вначале всего была «зияющая бездна». В Прорицании Вёльвы (Völuspá) об этом говорится так:

3 В начале времен,	3 Ár var alda,
когда жил Имир,	þar er ekki var,
не было в мире	var-a sandr né sær
ни песка, ни моря,	né svalar unnir;
земли еще не было	jörð fannsk æva
и небосвода,	né upphiminn,
бездна зияла,	gap var ginnunga
трава не росла.	en gras hvergi.

Хаос в германской традиции – это «gap var ginnunga», Гинунгагап. Слово «gap» означает «бездну», «разрыв», и даже в современном английском языке сохраняет свое значение «пустого пространства», «пробела». Слово «ginnunga» восходит к древненорвежскому «ginnungar» –

«околдовывать». Зияние Бездны является её тёмной Сакральностью, колдовским проявлением первых могуществ космогенеза – ледяного мира Нифльхейма и огненного мира Муспельхейма. Далее уже Боги сотворяют мир из тела разрубленного гиганта Имира. После расцвета девятимирья Иггдрасиля, близкими к Бездне остались миры, находящиеся в корнях Мирового Древа: Муспельхейм, Нифльхейм и Хельхейм. Первые два являются фундаментальными могуществами мира, из Муспельхейма во время битвы на поле Идавелль придет огненный владыка великан Сурт (Surtr, «Черный»), который срубит Иггдрасиль и обрушит мир в Бездну. Хельхейм – загробный мир, в котором правит гигантесса Хель, также близок к Бездне как нижняя точка перехода на Сакральной карте пространства и времени кельтского креста[131]. Один как Бог Мудрости также является и Богом Смерти, он сам – умирающий на Древе Бог. В поисках знания он нередко спускается в нижние миры, под корни Иггдрасиля, где хранится отрубленная голова мудреца Мимира, или в горные недра (кража Мёда Поэзии). Здесь мы снова видим фигуру приближающегося к Бездне Бога. Сама же Бездна является Бездной Могущества, в приближении к ней через смерть открывается мудрость, руны и знания.

Шумеро-аккадская мифология повествует о первичных водах, океане-хаосе Тиамат. Мир берет начало от смешения вод Тиамат с водами Апсу. Классическое изображение Тиамат – это семиголовый дракон, с которым борятся молодые Боги. В результате космогонической битвы (титаномахии) Мардук побеждает Тиамат и создает из её тела землю и небо. Слово «тиамат» преимущественно трактуют как «море» либо «матерь жизни». В этой традиции дистанция между Хаосом и Космосом и Богами выражена противостоянием, Тиамат подчеркнуто носит характер *могущества*, но не Божества, и с сотворением Космоса отходит на периферию.

Мифы Китая возводят появление мира к первосуществу Хуньдунь (Hùndùn), имя которого означает Изначальный Мрак. Хуньдунь изображался как существо без отверстий, глаз, рта, ушей и т.д. Он находился в центре мира и питал Богов Шу и Ху, владык южного и северного морей соответственно. В благодарность Шу и Ху решили, что Хуньдунь, как и все существа, должен видеть и слышать, и пришли к нему

[131] В германо-скандинавской традиции Хель не является Богиней Смерти, а только владычицей одного из загробных миров. Богиней Смерти является Фрейя в ипостаси Матери Павших, верховной валькирии.

с инструментами. В течение семи дней они сотворили в нем семь отверстий, в результате чего Хуньдунь скончался и из отверстий вытекла Вселенная. Этот миф повествует о центральном положении Хаоса и его связь с семантикой вод, моря и океана, а также что он носит апофатический характер (не видит, не слышит, не осязает, не совершает выделений и т.д.). Хуньдунь подобен первояйцу, из которого раскрывается мир. При этом появление Вселенной всегда и здесь сопряжено с демиургией Богов, с приданием самодостаточному неупорядоченному Хаосу структуры и порядка – созданием семи отверстий в течние семи дней, после чего Хаос «погибает», то есть становится упорядоченным Космосом.

Представление Хаоса в виде первичных вод или океана встречается в шаманских повериях народов Сибири. В них повествуется о безграничных водах и паряшем над ними Духе, который находит на волнах утку. Он обращается к этой утке с просьбой нырнуть и поднять со дна немного ила или земли, из которых он потом сотворяет землю и небо.

В русском Родноверии определение первичной инстанции сталкивается с трудностями, в частности с отсутствием письменного или фольклорного наследия и мифов, затрагивающих и освящающих тему происхождения мира. На современном этапе была проведена реконструкция на уровне метафизического соответствия другим индоевропейским традициям, что позволило предложить максимально органичный вариант русского языческого аналога «Хаоса». В снову реконструкции легло общее для индоевропейских народов представление о Хаосе как о первичной и могущественной жизненной инстанции. На уровне термина адекватным является предложенный в 2009 году Велеславом термин «Великая Навь», опирающийся на Навь как название нижнего мира, мира мёртвых[132]. Великая Навь – это подчеркнуто не мир мёртвых, а русский Хаос, русская Бездна. Богами, близкими к Великой Нави, являются Мара/Морена, славянская Богиня Смерти, и Велес – Бог покровитель скота и купцов, близкий к хтоничным регионам мира, Бог Мудрости. Совместно с единомышленниками (Скавр, Богумил Гасанов), Велеславом был раскрыт и предложен вариант Пути Левой Руки в Родноверии – Шуйный Путь, и русской Хаософии – Навославие.

В средневековых герметизме и алхимии, как сообщает Ю. Эвола, также существовало представление о Хаосе как о недифференцированной

[132] Корни термина «навь» уходят в фольклор, к «навьим духам» покойников.

потенциальности всякого порождения[133]. Символом этого «всеединства» является окружность или яйцо, а также змей, кусающий свой собственный хвост – Уроборос.

В креационизме мир является не проявлением, а творением единственного Бога, который существует вне времени, но сам называет себя «Альфой» и «Омегой» для этого мира. В православном христианстве есть традиция апофатического богословия, когда Бог определяется через отрицание любых его эпитетов. В исламе этот приницип возводится в максимум, доходя до признания, что Аллах вовсе не существует (Г. Джемаль), точнее он некоторым образом «есть», но это «есть» настолько отлично от всего причастного тварному миру и сознанию человека, что для него Аллаха буквально не существует. Такое понимание Бога делает его близким к «Хаосу». Но изначальное языческое представление о Хаосе заключается в том, что мир проявляется из него, даже когда Боги его «уничтожают», упорядочивают, они все равно ему сопричастны, являются его детьми. Шива одновременно содержит аспект манифестированного мира и апофатического сознания Парашивы, Ниргуны. Даже когда Хаос, Бездна, уходит на периферию внимания мифа, когда он предается забвению, мир все равно с ним связан, питается его энергиями и могуществами. Поэтому Хаос, Боги и мир, включая человека, являются одной нитью манифестации, они едины по природе.

Так как в креационизме даже апофатический Бог не может быть аналогом Хаоса, остается инстанция Ничто, из которой Бог творит мир. Языческая Бездна, пред-вечный океан, является не беспорядком и пустотой-как-лишением, отсутствием, но она находится за пределами порядка и беспорядка, при этом содержа в себе безграничные потенции для животворения и могущества. Можно сказать, что Бездна полна *всем*. И поскольку она без дна, то это всё даже больше, чем «всё». В то время как авраамическое Ничто это именно лишение, привация, пустота, Бог творит из нее, демонстрируя свое могущество сотворить «нечто» из «ничто», при этом мир наследует в своей глубине и сущности эту ничто-природу. Поэтому существующий мир в креационизме оказывается зажатым между всемогущим Богом и пустотой ничто. Языческий Космос как обособленная упорядоченная сфера пребывает в окружении Хаоса, который не имеет ни границ, ни расстояний, ни начала ни конца; Космос покоится в Хаосе, мир покоится в Божественном. Идея о том, что Бог содержит в себе мир, как сосуд вино, была отвергнута креационизмом. Таким образом, смотря

[133] См. Эвола Юлиус «Герметическая традиция».

изнутри креационизма мы увидим «бездну» в Боге, который есть ничто из этого мира, и в Ничто, которое есть пустота и не «нечто». Качества Хаоса как бы разделяются между двумя инстанциями, в привативном режиме могущества Бога и ничтожности Ничто. С языческой точки зрения мы видим это как радикальное сокрытие не только инстанции Хаоса, но и самого вопроса о предвечной предбожественной (до Яхве) инстанции, исчезновения вопроса о Бездне. В некотором приближении этот вопрос был актуализирован гностиками и христианскими мистиками.

Мифы говорят о Хаосе, но они отталкиваются от него и все дальнейшее повествование строится вокруг Богов, Героев, людей и духов, битв и быта. Внимание мифов сосредоточено на упорядоченном Космосе. Мир Божественного порядка представляет собой обособление сферы Космоса в нечто, кажущееся отдельным и самостоятельным от Хаоса. Боги, которые поддерживают мироздание и охраняют миры от титанов, чудищ и злых сил, по сути, удерживают сферу Космоса в её самодавлеющем состоянии обособления от сил Хаоса. Они являются защитниками Порядка, которые борятся с его врагами и нарушителями, носителями беспорядка. Но само деление на «порядок» и «беспорядок» (Дхарма и адхарма) является космической чертой, взглядом внутри сферы Вселенной. Из этого взгляда Хаос выглядит самым большим беспорядком и источником адхармы, недолжного и того, против чего должны сражаться герои и Боги. Но это взгляд *изнутри*, из вне же Хаос лежит за пределами определения «беспорядка» или «сверх-порядка». Бездне не принадлежат эти определения, она включает в себя и порядок и беспорядок и другие формы «порядков». Для Космоса является принципиальным определение «Космос – это не Хаос», то есть его *обособление в нечто самостоятельное* является для него сущностно и природно важным определением себя как такового, как Божества и манифестированного им мира и Богов. Космос – это абсолютная эксклюзивность, исключительность из Хаоса. То, что упорядочивается – то изымается из Хаоса и становится принадлежным Космосу. Хаос же – это абсолютно и тотально инклюзивная инстанция. Он включает в себя *всё*. И Космос в том числе, как то, что им не является. В этом заключается его всемогущество: *Хаос является даже тем, чем он принципиально не является. Он включает в себя то, что из него изъято и исключено.* Хаос – это Хаос и не-Хаос, в то время как Космос – это только Космос и строго не-Хаос.

Поэтому для Космоса огромное всепотенциальное могущество Хаоса представляется силами беспорядка, обыденного хаоса и разрушения.

Бездна – это то, что нужно укротить, упорядочить и разместить в отдалении от людей, в нижних и дальних регионах мира. Отсюда специфические отношения и обережный комплекс поверий и обычаев, связанных с Богами Смерти, переходом через дикую – хаотическую – Природу, пограничными духами, призраками, подземельями и низинами, со всем, что несет семантический отпечаток стихии Смерти.

Разрушающие Должное хтонические силы могут рассматриваться как хаотические, но сами по себе они не являются Хаосом, но пребывают на его границе, в тонкой зоне материи. Материя или Природа – это тело Хаоса внутри мира, внутренняя поверхность сферы Космоса, которая таит за своей изнанкой Бездну. Но сама эта граница также обладает своей обособленностью, обособленностью материальной, а не Божественной. Из тонкой границы хтонического, материального, близкой к Бездне, происходят извечные враги Сакрального Порядка, война с которыми составляет нерв Пути Правой Руки. При этом сама материя содержит в себе сгущенное Время, кажущееся бесконечным, которое делает этот мир плотным, материальным, подчиненным законом причины и следствия (физический детерменизм, причинность).

Прямыми манифестациями Бездны в Космос являются Боги Смерти. Их амбивалентность такова: в своей проявленной космической ипостаси они занимают свое положение и воплощают свои функции *согласно должному* порядку вещей, циклу рождения и смерти, где им отведена роль покровителей Смерти и перехода. Это та их часть, которую можно назвать «Сагуной [Брахмы]» или проявленной в Космосе ипостасью. В их непроявленной «Ниргуна» ипостаси они представляют собой апофатическую Бездну, невыразимое состояние и инстанцию. Для Богов Правой Руки формулой обретения мудрости является «восхождение» и «просветление», т.е. облачение с Свет. Это героический и жреческий путь. Для Богов Смерти формулой становится «спуск», «погружение» и «затемнение», так как эти Боги зачастую находятся в подземельях, корнях мира, в нижней точке кельтского креста. Этот путь открыт для всех и ни для кого одновременно, так как следовать по нему означает погружаться в стихию Смерти, что всегда страшит представителей третьего сословия, герои воспринимают этот спуск как путешествие за трофеями и славой, но он не даст им ни первого ни второго. Можно сказать, что этот путь ближе всего к жреческому, но и далеко не все жрецы следуют по нему. Более верной формулировкой будет, что Путь Левой Руки предназначен для тех,

кто уже следует по нему, идя за особым зовом Бездны, ищя особую, иную Мудрость за пределами Смерти и Жизни.

Эра Волка или Кали-Юга является наиболее благоприятным временем для Пути Левой Руки, так как весь Космос приближается к нижней точке, своему уничтожению. Ещё Гесиод восклицал, что его современники являются людьми Железного века; Шива является древнейшим индийским доведическим Богом, а его школы насчитывают тысячелетия. Здесь рождается опасная догадка, что вся известная история Традиции – это уже история во время Кали-Юги, в которой происходит постепенное остывание мира и загущение Времени и сковывание мира детерменизмом. То, что в обыденном представлении считается Золотым веком – древняя история Индостана, античная Греция или эпоха палеолита или неолита (Доброслав) – *уже являются Железным веком, включенностью в формы, действия, материю и историю*. Таким образом, человечеству неизвестны даже подлинные века Бронзы и Серебра, не говоря уже о веке Золота. Все древние Юги являются малыми циклами внутри большой Кали-Юги. Железный век, а в лучшем случае не более чем Серебряный, начинается с упорядочивания Космоса, т.е. с космогонии и теогонии. Но так как разрушение мира есть его судьба (røkr) и свершение должного, то для адептов Пути Левой Руки любая Юга является и Кали-Югой и Сатья-Югой. Любой век – Золотой. Меняются только *формы*, согласно метафизическому предназначению, которое остается неизменным и Вечным.

Наш язык позволяет разными словами передать некоторые оттенки Хаоса, дать разные словесные *приближения к невыразимому*. Мы уже подробно рассмотрели греческий термин «Хаос» как то, что предшествовало Космосу и не является «беспорядком» в обыденном профанном понимании.

Термин «Бездна» указывает, что у Хаоса нет дна, он без дна. При этом его бездонность не означает продолжительного как бесконечность падения вниз. Бесконечность – это артибут Кали-Юги, Времени, означающий дурную нескончаемую, тянущуюся и густую продолжительность Времени. Сакральной антитезой бесконечности является Вечность над Временем, а определение Бездны – это пред-Вечная Бездна, находящаяся за пределами дурной бесконечности и Вечности Богов.

Тьма указывает на то, что Бездна является сокрытой от про-явленного (явь как свет) мира и его внимания. Тьма здесь не носит характеристик морального зла, тёмности, но указывает на то, что знание Бездны темно

для понимания Умом, природа которого – это вы-явление, вынос вещи на свет. Тьма также указует на первичность и апофатичность Хаоса. Свет возникает во Тьме и отличает себя от неё, и даже определяет саму Тьму «тьмой» как нечто эквиполентно отличное от самого себя. Но Тьма ему предшествует и всесторонне обрамляет вспышку Света и Световую сферу Космоса, Яйцо Мира. Когда Свет затухает (Рагнарёк) вновь, до нового мира, воцаряется Тьма.

С Тьмой связано определение Бездны как Ночи. Нюкта и Эреб были одними из первых порождений Хаоса. Семантически Ночь связана со Смертью, Луной, сокрытием, тревогой и опасностью. В её темноте размываются очертания вещей, четкие при дневном свете Солнца.

К кругу изначальных состояний мира относятся также Первичные Воды, Море или Океан. Океан либо Воды указывают на то, что Хаос «глубок», «темен» как глубины вод. Поверхность Океана – это область, в которой бесконечно появляются и угасают волны, символизирующие миры, Космосы, при этом в своей глубине Океан спокоен, «монолитен». Волна – это пик обособления части вод, имеющих некую форму, которая исчезает при возвращении волны к Океану. Но волна не может быть отличной от Океана, не может существовать отдельно, всегда пребывая на поверхности, свою природу и силу она черпает из его глубинных вод. Так и Космос в своем обособлении от Хаоса всегда является лишь игрой волны на поверхности Океана.

Также встречается указание на Хаос как на Пустоту, в отличие от заполненного вещами Космоса. В таком свете Пустота подобна Ничто креационизма, но это не так. Пустота Хаоса не несет в себе «пустоты» как лишения, отсутствия чего либо. Его Пустота – это чреватая Полнотой Пустота, в ней таится огромный потенциал, который питает Космос. Боги могут заниматься упорядочиванием, вынесением на Свет из Тьмы, Космоса целую Вечность, и все равно не исчерпают Бездну. Более тонкое, и на первый взгляд неочевидное, соотношение Пустоты с Хаосом происходит в сфере Ума. Человеческое сознание, Ум, всегда пребывает в движении, размышлении, отделении и синтезе идей, вещей и мыслей. Ум всегда полон самим собой, в этом он является манифестацией Ума-Демиурга Космоса, который также постоянно занят упорядочиванием Хаоса, выявлением на Свет вещей и помещением их в структуру Космоса. К работе Демиурга-Ума относятся язык и речь, Логос (λόγος) – мысль и слово, составляющие непрерывную ткань повествования жизни Мира, его движения. Постоянное движение Ума, как и обособление сферы Космоса,

скрывает от человека истинный исток мироздания и самого себя – Хаос. Обращение Ума в сторону вопроса о Хаосе – это всегда взгляд Ума на Хаос, то есть это всегда взгляд с расстояния, издалека и в приближении. Ум не способен мыслить Хаосом, поэтому преодоление дистанции между Умом и Бездной заключается в преодолении Ума[134], в его замолкании и раскрытии Пустоты там, где раньше было постоянное движение Логоса.

На раскрытии Пустоты Ума сосредоточена китайская традиция Дзен (Чань), являющаяся синтезом буддизма и Дао. Дзен происходит от санскритского «дхья́на», что означает «созерцание», само учение сформировалось после V века н.э. и широко распространилось в Азии и Японии. Сущность Дзен заключается в передаче учения прямым способом, минуя священные тексты, слова и речи учителя и изощренные ритуалы. Они, конечно же, имеют место быть, но лишь как периферийные и вспомогательные инструменты для неофитов. Дзен принципиально прост и направление на познание адептом Пустоты путем созерцания и спонтанного моментального просветления, которое достигается путем созерцания и размышления над особенно сформулированными загадками – коанами. Коан – это загадка или высказывание, которое содержит в себе тонкое нарушение логики и противоречие либо невозможность. Размышление над коаном приводит Ум человека в тупик, указывает ему на его собственные рамки и границы, тем самым делая их осязаемыми для преодоления. В момент осознания ограниченности природы Ума наступает просветление и опустошение Ума. При этом просветление не подразумевает нахождение решения коана – это не имеет значения, суть коана не в ответе на заложенный в нем вопрос, а в том, что он *ломает Ум*. Широкоизвестными являются дзен-коаны «хлопок одной ладонью» или «прыжок прямо вбок на месте», иллюстрирующие принцип их построения. Но просветление возможно даже и без коанов и может передаваться от учителя к ученику через удар палкой по голове, являющийся традиционным методом обучения дзену. Удар палкой во время созерцания призван своей неожиданностью и внезапностью поймать Ум врасплох и моментально просветлить адепта. Также просветления можно достичь в любой момент, осознав тщетность Ума достичь просветления. Дзен пренебрегает правилами, логикой, рациональностью. Он подчеркнуто интуитивен, алогичен и парадоксален. Тот, кто жаждет просветления – никогда не достигнет просветления, но кто отказался от попыток обрести просветление – тот обретает просветление. Истина Дзен – это созерцание

[134] Не путать с состояниями профанной глупостью и титаническим слабоумием.

природы мира как Пустоты, и природы Ума как Пустоты, здесь и сейчас, в любую минуту[135]. Это прекрасно иллюстрирует следующий коан:

«Что делает ученик дзен? Носит воду в ведрах. Что делает достигший просветления мастер дзен? Носит воду в ведрах».

Дзен также находится вне сословий и является аскетической традицией, что он наследует из буддизма. Будучи практикой коанов и созерцаний, сосредоточенных на сломе ментальных структур и раскрытии Пустоты, он может быть использован на Пути Левой Руки повсеместно как парадаксальный язык этого Пути, который всегда говорит не о том, о чем он говорит.

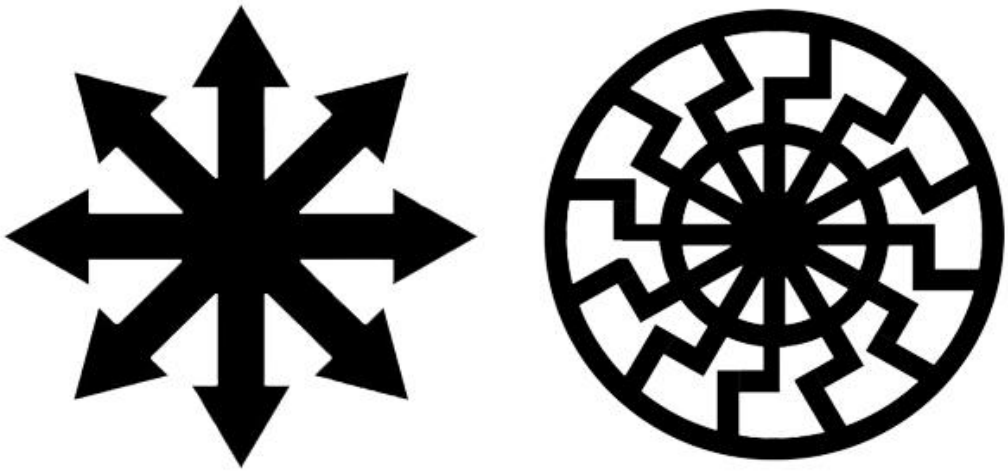
В креационизме Бог – это абсолютное Бытие, тварный мир сопричастен Бытию по касательной, в меру того как он *сакрализирован* Богом и благодатью верующих. В язычестве Бог также является источником Бытия, и весь мир является его телом, манифестацией, поэтому мир Сакрален, Бытиен. Здесь начинается сложность в определении того, что является Небытием. Небытие – это отрицание Бытия, а значит и любых предикатов и характеристик, из чего следует что Небытия, в некотором смысле, и вовсе нет. Если бы о Небытии можно было бы что-то утвердительно сказать, обозначить какой-то его признак, то оно было бы уже причастно Бытию и не было бы Небытием. Но само наличие Бытия как тезиса подразумевает некоторое, не мыслимое умом, «наличие» и Небытия как антитезиса. Отрицание Бытия в виде борьбы с Бытием, с Богами – это характеристика титанического и хтонического, приведение Бытия к Ничто, к пустоте креационизма и атеизма, понимающего Небытие как форму абсолютного вакуума, то есть профанно. Хаос в таком случает ближе к Небытию, но не в аспекте отрицания-как-войны с Бытием, а как указание, что он не является Космосом. Хаос – это Небытие и одновременно неким немыслимым образом также *и Ино-Бытие*, Сверх-Бытие. Как Хаос объемлет собой Космос, а Пустота является природой Ума, Небытие пропитывает собой Бытие, является его внутренней изнанкой, сокрытой за космическим порядком и Светом Сакрального. Знание о Небытии, об Ино-Бытии, вновь сопряжено со Смертью и Тёмной [Сокрытой] Сакральностью[136].

---

[135] См. «Мудрость Дзен. Сто историй пробуждения», «Сущность Дзен. Искусство быть свободным».

[136] В индуизме чистое Бытие – это сат либо бхава, а Небытие – асат или абхава. Сат является первым словом в понятии Сат-чит-ананда – Бытие-знание-блаженство высшего аспетка Брахмы.

Рассмотренные нами определения, указующие на Бездну, сами по себе являются древними символами. В вопросе графической символики Хаоса необходимо выделить две линии. Первая касается того, что означает графический символ, тех идей и указаний на Хаос, которые известны издревле в разных традициях. Вторая касается непосредственно графического изображения символов и относится к современности, в которой обе линии находят свою кульминацию в конечных символах-идеях, которые органично заняли свое место в концепциях Пути Левой Руки.

Звезда Хаоса и Чёрное Солнце

Символ Чёрного Солнца затрагивает сразу несколько важных тем. Своими корнями идея о Чёрном Солнце уходит в европейский мистицизм и алхимию, а позднее вновь попадает в центр внимания в свете теософизма Е.П. Блаватской, от которого, через немецких эзотериков Рейха, доходит до наших дней в своей специфической трактовке. Полагая Чёрное Солнце источником и центром Вселенной, Е. Блаватская следует за недвойственными даршанами Индуизма, поэтому за её искаженным толкованием символа кроется всё та же пара ипостасей Брахмы – Сагуна и Ниргуна. При этом с Чёрным Солнцем связывается и тайное гиперборейское учение высшей расы. В Третьем Рейхе концепция Чёрного Солнца политизируется в пользу «арийского светоча» мудрости и силы. При поддержке Г. Гиммлера происходит реконструкция замка Вевельсбург, где на первом этаже северной башни создается свастичная мозаика (Die Schwarze Sonne), позднее отождествленная с образом.

После войны М. Серрано развивал идею об инопланетном происхождении гиперборейцев и арийцев, отводя одну из значимых ролей образу Чёрного Солнца и излучаемой им энергии «Вриль». При этом М.

Серрано следует за некоторыми теософистами, представляя Чёрное Солнце как реальное астрономическое тело, которое так расположено относительно Солнца и Земли, что оно всегда находится позади Солнца и является невидимым для человеческого взора. По иной версии Чёрное Солнце является второй, внутренней звездой в недрах астрономического Солнца.

Идеи Е. Блаватской и эзотериков Рейха, включая М. Серрано, всецело относятся к космическому уровню понимания Чёрного Солнца как источника знаний и сил *внутри этого мира*, зачастую для представителей конкретной «арийской» расы. Это делает образ политизированным и одновременно всецело принадлежащим New Age[137].

Корни современного общепринятого графического символа Чёрного Солнца уходят в германскую древность. Германцы использовали круглые фибулы для крепления концов плаща в районе солнечного сплетения[138]. Некоторые из этих фибул являются прообразами, на основе которых был разработан внешний вид мозаики в замке Вевельсбург. Сама мозаика представляет собой окружность, в которую вписаны 3 свастики либо 12 лучей, похожих на руну Sol, во времена Рейха известную как Sieg – ϟ. Центр окружности, иногда изображаемый как второй внутренний круг, представляет собой круг из черного камня, в то время как окружность и лучи сделаны из тёмно-зеленого камня. Здесь мы угадываем указание на то, что в центре Солнца кроется Чёрное Солнце, его «тёмное» Сердце. Таким образом, современный графический символ Чёрного Солнца является строго германским языческим наследием, в его современной вариации. Отождествление графического символа с идеей Чёрного Солнца происходит в период нацизма и далее наследуется послевоенными эзотериками и попадает в массовую культуру, спекулирующую на «оккультных скандалах» Рейха[139].

Вопрос о «Чёрном Солнце» важен в свете сразу нескольких тем. Первое это то, что в его понимании постепенно отходят от теософизма и «эзотерического гитлеризма», обращаясь к тому, что можно обозначить как Парашива или Брахма Ниргуна. То есть, Чёрное Солнце начинает пониматься как указание на апофатическую Бездну, а не субкультурный националистический знак. Это приводит нас ко второй важной теме о самом месте и роли Чёрного Солнца на Пути Левой Руки. Золотое Солнце

[137] См. Лебедев Роман «В лучах Черного Солнца».

[138] Сами фибулы выставлены в Новом Музее Берлина.

[139] См. John-Stucke Kirsten, Siepe Daniela «Mythos Wewelsburg. Fakten und Legenden».

этого мира является фундаментальным символом Богов, Сакрального, порядка, жизни, высшей аристократии и жречества. Его образ и свет – это белый свет Космоса, символика круга Пути Правой Руки. Для указания на Хаос она не годится, так как Свет – это оппозиция Тьме, он высвечивает из Тьмы вещи, эксклюзирует их. Поэтому на Пути Левой Руки приняты два подхода: следовать за Чёрным Солнцем либо за Луной. Во втором случае задействуется весь семантический круг, связанный с Ночью, Тьмой, Водами, сокрытием и Луна здесь выступает лишь как отражение Света Солнца, как Серебро. В ритуальной практике предпочтение отдается лунному календарю, по которому также правится и круг года.

Первый случай, в свою очередь, является воплощением коана и инклюзирующей парадоксальности Пути Левой Руки. В этом случае мы с одной стороны говорим о *Солнце*, но оно *Чёрное*. Его Свет – это Чёрный *Свет*, его пылание – это пылание *во внутрь самого себя*. Таким образом, Чёрное Солнце является источником Чёрного Света, который *рассоздает* этот Космос, затемняет его, одновременно не излучая *из себя*, но пылая *во внутрь себя*. Это парадоксальное определение является исчерпывающим указанием на Хаос, и одновременно в нем присутствует тонкая отсылка к Богам Смерти, ибо хоть и Чёрное, но все же *Солнце*, источник Тёмной Сакральности.

Так как графический символ Чёрного Солнца является германским аутентичным наследием, то возникает потребность дать ему толкование в свете образа Чёрного Солнца, минуя New Age наслоения теософизма и М. Серрано. Ключевой здесь является фигура верховного Бога Одина, являющегося Богом Смерти, Мудрости и покровителем Путей и путников. В мифах Один жертвует один свой глаз в залог жизни головы мудрейшего Мимира. Голова хранится в корнях Иггдрасиля, в водах, стекающих с глаза. В преданиях и иконографии имеются разные указания на то, какой именно глаз Один вырвал и оставил в залог, что делает эту деталь несущественной с точки зрения самого жертвенного акта и общего посыла мифа, одного из многих, где Один жертвует собой ради Мудрости. Следуя за общеиндоевропейской семантикой «правого» и «левого», мы может внести однозначную ясность, что Один пожертвовал левым глазом, тем самым спустив его в нижние регионы мироздания, под корни Ясеня. Таким образом, дневное Золотое Солнце можно отождествить с правым глазом Одина-Всеотца, которое зрит на этот мир и высветляет Тьму. Левый глаз – это Чёрное Солнце, которое зрит вниз, меж корней Иггдрасиля во Тьму, сияя Чёрным Светом внутрь себя, находясь в нижней точке кельтского

крестя, в области Смерти и инициатического жертвоприношения. Так Один преодолевает двойственность, одновременно взирая на Девять Миров Древа и в Гиннунгагап. Графическое же изображение наследуется из германской архаики, являясь органичным воплощением образа в современности. Вариацией графики Чёрного Солнца является черная или белая точка в самом центре солярных символов и изображений, как указание на вторую, сокрытую природу Солнца и мира.

Вторым образом и символом является Звезда Хаоса. Её образ во многом наследуется из образа Чёрного Солнца – Чёрный Свет, пылание Чёрного Пламени во внутрь. Также Звезда Хаоса является *путеводной звездой* Пути Левой Руки, её образ является гипнотическим и иррационально взывающим к себе тех, кто способен узреть Чёрную Звезду Хаоса. Этнография и культурная антропология утверждают, что наиболее древними являются самые простые, «примитивные», самостоятельные символы: точки, спирали, свастики, круги, лучи, прямые и изогнутые линии. Восьмилучевые звезды относятся к этому кругу символов, являясь архаическими. Графическая вариация древнего символа, отождествленного со Звездой Хаоса, появляется также в давние времена, но сливается с тематикой Хаоса в XX веке, что связано с новыми подходами в западном оккультизме, в частности с магией Хаоса. В таком аспекте множество лучей трактуются как множество потенций, которые таятся в Хаосе, и свободу их проявлений или не проявлений. В различных традициях также существуют и иные толкования, опирающиеся на количество исходящих лучей и уровни применения символа: Хаос, Космос, человек и др.

Чёрное Солнце и Звезда Хаоса имеют общее – черный центр, из которого расходятся разные по форме и количеству лучи, но их общая символическая суть – указание на Бездну и указание Пути. Будучи современным графическим изображением, Звезда Хаоса как символ органично вошла в радикальный тантризм Бхайравананды, Шуйный Путь Родноверия и Путь Левой Руки в Одинизме, а также в западный оккультизм.

Животными символами Хаоса и Бездны являются змеи, дракон и осьминог. Важным является также символ отрубленной головы или череп, символизирующий инициатическую смерть, преодоление страхов и обусловленностей живого, постоянно движущегося Ума и Эго.

Проявление Космоса – это путь его удаления и обособления от Хаоса, путь кристаллизации Божественной Самости[140]. Божественная Самость передается по природе человеку, который также является Богом, потомком того или иного Бога в пантеоне. Самость Бога отражается в Самости человека. Вместилищем Сакрального является точка Сердца, которое также нередко символизируется Солнцем. В таком случае в центре Сердца кроется Чёрное Солнце или Чёрное Пламя, влекущее того, кто следует Путём Левой Руки, *обратно*. Путь Левой Руки – это *Путь Возврата*, как определяет его Велеслав, возврата Домой к изначальной Бездне.

Возвращение Домой венчает Путь. Познание Бездны как изначальной и всегда присутствующей как Ино-Бытие инстанции составляет сущность знания Хаоса – Хаогнозиса.

Везде, где в языческих традициях упоминается Хаос, Океан, Бездна как изначальная инстанция проявления мира – везде возможен Путь к ней, Путь Возврата. Индийские даршаны знают об этом Пути к Парашиве тысячелетия, другие традиции только в условиях Конца дают всходы чёрных восьмилучевых цветов. Только сегодня в ткани их традиций проявились лучи Чёрного Света, в приближении к точке Смерти. И они указуют Путь выхода за пределы Ума и Космоса, выйдя за которые можно объять их все.

Три жертвоприношения

Инициатическая реализация на Пути Левой Руки предполагает ряд отличий от структуры Пути Правой Руки, но в целом опирается на нее и может считаться дополнением и расширением изначальных установок. Путь Правой Руки – это путь коллективных общностей, языческих общин, организаций, кланов, родов и семей, народов. Путь Левой Руки в силу своей природы носит индивидуальный экзистенциальный характер. Это Путь одиночек и малых союзов. Объединение возможно, но оно не всегда несет качественного преобразования, так как основная работа происходит внутри адепта. Здесь важно удерживать линию (цепь, tradere) трансляции Божественной Самости (Selbst) от Космоса-Бога (того или иного) к человеческой Самости, воплощенной в Уме и Сердце. Она транслируется сверху вниз. Инициатическая реализация на Левом Пути предполагает не восхождение, но погружение вглубь, преодоление Кали-Юги снизу, с

[140] Также это называется индивидуа*цией*, не имеющей общего с размывающей индивидуа*лизацией*.

опорой на Пустоту, а также образы, явления и ритуалы, связанные со всем ужасным (sinister), нечистым, грязным, Смертью и позитивацией все негаций. Уже в силу этого можно подтвердить исключительность и одинокость этого Пути. Цепь трансляции Самости, если посмотреть на неё снизу вверх, оканчивается на Светлых Богах, Божественном истоке, из которого по Космосу разливается Свет. Это ограничение вызвано обособлением Космоса от Хаоса, что также передается и Уму, полагающему свою логичную границу в Богах, как Ум-Демиург. Поэтому для современного язычества Пути Правой Руки актуально дельфийское приветствие «Познай себя», то есть себя как Бога, а не как прометеевское творение. На Пути Левой Руки формула «Познай себя» превращается в практику *самопознания себя как Бездны*. То есть, Путь Возврата не является буквальным нисхождением или горизонтальным странствием в некое пространство, где Космос переходит в Хаос. Хаос не познается как вещь, как что-то причастное Бытию и проявленное во вне. В цепи передачи Самости от Бога к человеку заложен Чёрный Свет Высшей Самости Хаоса[141], которая указует Путь назад. Путь Правой Руки ограничивается сферой Космоса, Путь Левой Руки следует за Чёрным Солнцем ещё на один шаг дальше, *на один шаг глубже там, где больше нет глубины*, и лежит непроницаемая граница. Эта граница является границей нашего Светлого Ума, Ума-Демиурга этого мира. Поэтому познание Хаоса – это выход за границы Ума и одновременно высшее Само-познание, восход Чёрного Солнца в центре огненного Сердца в Сакральной антропологии человека. Так как реставрация Традиции в условиях современности требует пробуждения Сердца, которое видит и познает мир как Сакральное, то Хаогнозис предполагает преодоление и Сердечного знания в том числе, что у Велеслава выражено в образе Разбитого Сердца Мастера, т.е. реализовавшегося адепта.

Три сословия: Жрецы-философы, Воины, Земледельцы образуют пирамиду иерархии и восхождения через посвящения и блогоприятные перерождения. Соблюдая Вирд, Дхарму, адепт стяжает свое перерождение в лучшем качестве, с лучшей природой и в другом сословии, что приближает его к жречеству, брахманам, где он может достичь Богореализации. Внутри каждого сословия также имеются свои мистерии, инициации и различия, но общая канва восхождения от низших воплощений к Богам такова. Вместе это составляет инициатическое восхождение на Пути Правой Руки.

[141] Хотя и это определение «Самости Хаоса» справедливо взять в кавычки.

Путь Левой Руки имеет свои отличия, и здесь на первый план выходит деление людей на три типа, которые в различных традициях даются как неизменная в течение одной жизни данность, в других представляются как ступени инициации, проходимые адептом в течение жизни, что делает Путь Левой Руки максимально быстрым путем реализации.

Тантризм говорит о трех типах человека, трибхаве: пашу, вира и дивья. Пашу-бхава – это уровень сознания животного, подчиненный телесным желаниям и страстям человек. Он является невеждой, его восприятие и ответственность ограничены его эгоизмом. Пашу не стремятся к духовной реализации и преимущественно следуют Дакшиначаре (Путем Правой Руки) по инерции. По сути пашу – это современный человек, дитя Прометея, лишенное Духа Зевса.

Вира-бхава – это человек, который осознает ограниченность материального мира и погружен в исполнение садханы, занят Духовным деланием и реализацией. Вира – подходящий тип для тантра-садханы Вамачары. Но в то же время вира еще отягощен тщеславием при осознании того, что он возвышается над другими, он испытывает гордыню и нетерпимость к пашу. В этих чертах проглядываются аналогии с тщеславием кшатриев, их тягой к славе и власти.

Дивья-бхава – это тот, кто реализовал свою Божественность и избавился ото всех привязанностей, отождествил Атмана с Брахманом.

Трибхава соотносится с тремя гуннами: саттва (гуна благости) – дивья-бхава, раджас (гуна страстей) – вира-бхава, тамас (гунна инертности, невежества) – пашу-бхава.

Тантры отрицают значение варн и каст, утверждая, что перед Махешварой все равны и что главную роль играет человеческий тип. Нет толку от того, что ты родился в касте брахманов, если по своему темпераменту ты пашу. И, наоборот, не страшно, что ты принадлежишь касте шудр, если ты достиг реализации дивья-бхавы. Такая тантрическая типология является иной инициатической структурой, которая относится к Дакшиначаре как *абсолютная вертикаль по отношению к вертикали сословий*. Разница между людьми выстраивается на основании дистанции между адептом и Богом. Если раджа является пашу или вира, то между ним и Богами стоит каста брахманов, но при встрече с обычными шудрами, реализовавшими дивья-бхаву, он будет в положении нижестоящего, так как между ними и Богом нет никого, они сами – Боги. При этом это не приводит к революции каст или свержению системы сословий, так как осознавший свою Божественность адепт осознает и

Божественность сословной иерархии и дхармическое состояние мира и Дхарму своего сословия, продолжая исполнять её на внешнем уровне.

Это деление на три типа или уровня восприятия мироздания – животное-человек-Бог – является общим для всех направлений Пути Левой Руки.

В гностицизме существует закрытый аналог этих типов, между которыми принципиально и никоим образом невозможен инициатический переход – это деление на гиликов или соматиков, психиков и пневматиков.

Пневматики – это те, кто способен услышать зов истинного Бога, а не ложного Творца-Демиурга плеромы. Пневматики несут в себе частицу изначального Света, и он способен покинуть глиняный сосуд этого мира и вернуться в высшее царство Барбело. Психики – это те, кто не несет в себе частицы Света и не способен принять гностическое откровение, и кто довольствуется лишь благочестием и внешней верой в Демиурга-узурпатора. Гиликами являются плотские люди, чьи интересы вновь сосредоточены только на материи и телесности. В гностицизме три типа людей являются данностью и количество пневматиков конечно. Когда все они покинут плерому, мир останется лишенным малейших частиц света и будет пребывать наедине в своей хтонической темноте и материальности.

Более подробно сущность трех бхав или типов людей, в контексте инициатического погружения, раскрывается через стадии алхимического делания: Nigredo, Albedo, Rubedo – работы в Черном, Белом и Красном.

Стадия Нигредо – это первый этап делания, процесс растворения и разложения, символизирующийся Sol Niger – Чёрным Солнцем. Нигредо является важнейшей и сложнейшей стадией для адепта, так как именно в это время происходит осознание ложности и иллюзорности материального мира и Ума, адепту приоткрывается знание об Ином мире и посвящении (Пути Делания). Стадия Нигредо является основополагающей инициацией, так как начало Левого Пути подразумевает умерщвление всего того, чем и кем считал себя адепт в предыдущей жизни. С прошлой жизнью необходимо покончить радикальным образом, нужно раз-отождествить себя со своим телом и Эго (Личиной, личностью), осознав их как производные Ума и материи Космоса. Адепт – это не тело, обладающее сознанием-Умом, а Дух, обладающий и Умом и телом, но *почти забывший*, что он Дух. Нигредо описывают как стадию, когда адепт пробуждается ото сна в самом центре Ада – времени Рагнарёка или Железного века. Тогда он, растворяя себя в чёрной субстанции, способен увидеть Чёрный Свет Чёрного Солнца, который Ninrum Nigrius Nigro – Чёрный, чернее чёрного. Для Ума и Эго стадия Нигредо означает Смерть,

так как здесь адепт гасит свет их светильников, разотождествляя Себя (Selbst) с ложными личинами. Не желая умирать, Ум своим активным движением создает множество иллюзий, демонстрирует адепту множество его личностных привязанностей, показывая, что они тоже умирают. В этом заключается соблазн для Самости – поддаться желанию сохранить хоть что-то «ценное» из прошлой профанной жизни, что приведет к провалу инициации. Поэтому для недостаточно подготовленного и решительного адепта стадия Nigredo может закончиться банальным сумасшествием. Иные же после неё будут выглядеть в глазах пашу как безумцы, ибо ничто человеческое, материальное и прафанное им будет чуждо, они не будут испытывать привязанности к вещам и страстям. Для современного мира это является страшной паталогией. Нигредо – это испытание приближением к Бездне, вселяющей в Ум *абсолютный Ужас*. При этом стадия Нигредо может носить спонтанный характер и проявится в результате острого экзистенциального кризиса, трагического переживания или экстремальной ситуации.

Следующей стадией является Альбедо – работа в Белом. Если Нигредом – это Смерть, то Альбедо – это Жизнь, на этом этапе адепт обретает новое, очищенное и светлое *духовное тело*. Белая стадия означает очищение и начало восхождения из растворенной чёрной эссенции. Здесь адепт постигает правила и процедуры дальнейшего духовного делания. Альбедо подобно вира-бхаве.

Последняя стадия – Рубедо, «красная». Здесь адепт совершает полную реализацию, получает свой «философский камень», превращает свинец души в золото Духа; происходит слияние Духа и материи в недвойственности восприятия. Эта стадия также требует большого внимания и отдачи.

Отношения Духа (адепта) и материи в аллегориях Сына и Матери описывал Ю. Эвола:

«В целом мнение всех Герметических Философов единодушно в отношении того, что здесь следует прибегнуть к «умерщвлению», растворению в Водах, исчезновению во чреве Матери, которая пожирает или убивает Сына, господству Женского над Мужским или Луны над Солнцем, летучего над фиксированным и так далее; но все это представляет собой лишь необходимое предварительное условие для возврата силы Сыну, чтобы дать ему возможность снова утвердить себя

над тем, что ранее господствовало над ним и «растворяло» его, и чтобы сделать его «более совершенным и великим, чем его родители»[142].

Очевидны параллели между стадиями делания и трибхавой Тантр. В Шуйном Пути Велеславом были предложены адаптированные для русского Родноверия термины: Nigredo – Чёрная Смерть, Albedo – Белый Череп, Rubedo – Красное Соитие.

Символизм Белого Черепа проистекает из того, что освобожденный «убеленный» адепт подобен черепу, с которого была снята плоть – его Эго и личины. Человек боится Смерти и черепов, но внутри под своей кожей (своими социальными личностями и Эго) он носит такой же белый череп.

Красное Соитие описывается как опьянение того, кто вышел за пределы слов и форм, то есть полностью реализавался. Здесь вновь присутствует мотив Жены-материи и Безмолвного Мужа[143].

В современном Одинизме Пути Левой Руки названия стадий делания заимствуются из алхимии, хотя нами была предпринята попытка выявить и обосновать специфику трех стадий именно для германо-скандинавского наследия, а также подобрать им адекватные и понятные в германском контексте определения[144].

Левый глаз Одина сокрыт между корней Ясеня и является залогом Владыки ради жизни мудрого Мимира, этот глаз – Чёрное Солнце. Тот, кто погружается в Nigredo зрит Чёрный Свет этого Солнца и взор левого ока Одина обращается на него в ответ. Таким образом, увидеть путеводную Чёрную Звезду – это значит увидеть мир и себя *левым глазом* Бога, посмотреть на мир *из-под тёмных корней Иггдрасиля*, по сути – из могилы. Таким образом, Нигредо в Одинизме – это Ночь открытых Глаз, когда адепт видит мироздание и себя такими, какие они есть – ограниченными и разлагающимися в час Волка, ложными личинами и обособленностями.

Альбедо – это цветок Эдельвейс (нем. Edelweiß), что означает «Благородный Белый», который растет на вершинах альпийских гор. Его добыча издревле считалась героическим и опасным для жизни делом, так как он растет на больших высотах и крутых склонах. Ум-Демиург является вершиной Сакральной пирамиды, и погашение его Света в Ночи открытых Глаз переходbт в расцвет Эдельвейса в верхней теменной части

---

[142] См. Эвола Юлиус «Герметическая традиция».

[143] См. «Warha #2: альманах о Пути Левой Руки».

[144] См. Askr Svarte книга «Gap», статья «Edelweiß» и «Warha #2: альманах о Пути Левой Руки».

человеческого черепа, символизирующего очищенного от ложных отождествлений и Эго адепта.

Рубедо будет соответствовать Танец Фрейи – Богини Плодородия и Смерти, также являющейся воплощением афродической любви (Божественной Любовницей). Стадия Танца символизирует реализацию адепта, когда предопределенные, детерменированные, внешние стратегии поведения в мире более не сковывают его *спонтанный и свободный танец волны на поверхности Океана*, Бездны.

Три типа людей, соответствующих трибхаве, обнаруживаются в Одинизме в мифе о творении первых людей триадой Одином-Хёниром-Лодуром. Первыми людьми были Askr и Embla – Ясень и Ива, которых в виде деревьев нашли Один-Хёнир-Лодур. Один вдохнул в них дыхание, Хёнир – Дух, а Лодур – тепло и румянец. Так в человеке были заложены три начала, которые составляют, наподобие трискела, его Сакральную конституцию и могут рассматриваться как типы людей, в зависимости от преобладания того или иного начала, и как стадии делания, при подчинении всех начал одному. Люди Лодура, а под этим именем скрывается трикстер Локи – это плотские люди, сознание которых определяется подаренными Локи «теплом» – жаром страстей и телесности. Люди Одина – это люди, движимые вдохновением, исступлением и яростью, это воины и конунги, а также маги и колдуны; уровень вира-бхавы, Путь Правой Руки. Люди Хёнира (одно из имен Одина) – это люди, несущие в себе Дух и видящие Свет Чёрного Солнца, это годи (жрецы) и способные следовать Путём Левой Руки.

Инициатический Путь Левой Руки предполагает и иное само-осознание адепта, что далет его принципиально отличным от Пути Правой Руки.

Индуизм говорит о двух путях реализации адепта: путь Самадхи (Samādhi) и путь Кайвалья (Kaivalya) – пути Растворения и Нерастворимости соответственно. Путь Самадхи – это путь Растворения адепта в Абсолюте, в сознании Бога. Он максимально выражен в Бхагавад-гите, тексте для кшатрийского сословия, в котором Кришна поучает Арджуну преодолеть самость и найти прибежище в Едином Вечном. Это воинский путь или Путь Правой Руки, коллективный путь растворения своего Атмана в Брахмане, что является конечной целью инициации Правой Руки. Адепт поднимается по ступеням восхождения и растворяется в благом и светлом Абсолюте, пребывая в нем в покое пока не наступит период пралайи – великого растворения, Ночи Брахмы, когда все миры и существа будут уничтожены.

Путь Кайвалья открывался только жрецам, Майтри-упанишада так сообщает о нем:

«4. «Есть Брахман», – промолвил [некто] знающий знание о Брахмане. «Это врата Брахмана», – так сказал [тот], кто, подвижничеством освободился от грехов. «Аум – величие Брахмана», – так сказал [тот], кто, полностью сосредоточившись, постоянно размышляет. Поэтому Брахман постигается знанием, подвижничеством и размышлением. Кто, зная это, почитает Брахмана этими тремя [способами], тот идет за пределы Брахмана к высшей божественности среди богов и достигает счастья – негибнущего, неизмеримого, свободного от страдания. Затем, освободившись от тех [чувств], которыми он был наполнен, охвачен и прикреплен к колеснице, он достигает соединения с Атманом».

Первый способ – это формальное знание, осведомленность о том, что Брахман есть. Это соответствует уровню пашу-бхавы. Второй способ – это садхана, подвижничество на пути, уровень вира-бхавы или Albedo. Третий способ – это махамантра Аум (Ом), которую породил Шива ударом своего барабанчика. Величие Брахмана в том, что он – как Аум – заключает в себе всё мироздание. Адепт пути Кайвалья не растворяет себя в Абсолюте, но кристаллизует свою Самость, превращая её в Самость Бога и преодолевая растворение в нем. Достигший Кайвалья не погибает даже во время махапралайи – великого растворения Вселенной и гибели всех Богов, так как он пребывает в Парашиве Ниргуне, куда всё и возвращается после цикла проявления во вне, в аспекте Брахма Сагуны[145].

Совершая инициатическое погружение через Нерастворение адепт, в соответствие с тремя стадиями, совершает три фундаментальных жертвоприношения: животного, человека и Бога. Эти же жертвоприношения, которые неверно понимать как буквальные акты убийства животного, человека или Бога, являются тремя инициациями на Пути Левой Руки.

[145] Не стоит представлять себе реализацию Kaivalya как пребывание адепта в его физическом теле и Уме в некотором защищенном от разрушения миров пространстве, после которого он вновь существует в обыденном режиме. Уровень Кайвалья поддается только косвенному, указующему описанию.

Типы людей[146]

Тантры	Пашу-бхава	Вира-бхава	Дивья-бхава
Гностицизм	Гилик	Психик	Пневматик
Одинизм	Люди Лодура	Люди Одина	Люди Хёнира
Стадии делания			
Герметизм	Nigredo	Albedo	Rubedo
Кайвалья	Формальное знание	Садхана Вама-марги	Почитание Брахмы как Аум
Шуйный Путь	Чёрная Смерть	Белый Череп	Красное Соитие
Одинизм	Ночь открытых Глаз	Обретение Эдельвейса	Танец Фрейи
Жертвы	Животное	Человек	Бог

Жертвоприношение животного означает, что адепт преодолел уровень пашу, подчинил своей Воле животные и телесные страсти, укротил Жар нижней точки своего тела. Душевный человек побеждает плотского, что символизируется жертвоприношением *животного начала внутри себя*.

Жертвоприношение человека означает, что адепт, вставший на путь практики, подчиняет себе свои «человеческие, слишком человеческие» по выражению Ф. Ницше, страсти, гордыню, стремление к власти и т.д. Это жертвоприношение *человеческого начала внутри себя* и реализация Rubedo. А также погашение Света Ума – верхней точки.

Жертвоприношение Бога – это последнее посвящение на Пути Левой Руки, оно заключается в том, что адепт, достигший Kaivalya и отождествивший свою Самость с Самостью Бога, проявлением которого является весь мир, не удовольствуется этим и не растворяет себя в Абсолюте, но *приносит и его в жертву, преодолевая привязки к любым образам и формам Бога*. Это жертвоприношение является принесением Богом жертвы Самому Себе как Богу и Самого Себя как Бога. Бог жертвует Себя Самому Себе ради преодоления Самого Себя и иллюзии своей обособленности от Хаоса. С этой стадией связано разбитие Сердца либо возгорание Чёрного Пламени Рассоздания в сердечной точке.

Эти три посвящения адепт может получить только изнутри своей истинной Природы – Предвечной Бездны. Поэтому Путь Левой Руки является быстрым, радикальным путем обожествления и реализации в

[146] Сопоставление носит условный характер, некоторые типы являются неизменной данностью и не могут рассматриваться как этапы делания, но имеют общие характеристики при обособленном рассмотрении.

течение одной жизни. И одновременно путем одиночек, так как три жертвоприношения – это жертвы Духа и Самости, которые невозможно совершить, проходя любые внешние инициации или мистерии; главная работа происходит внутри адепта.

Так как Космос – это манифестация Божественного, которое предстает перед народами и людьми в разных ликах Богов и в виде Природы, то Путь Левой Руки и три жертвоприношения – это, в некоторой мере и на определенном этапе, путь и против Бога и против Природы. И учение о Kaivalya играет здесь принципиальную, аксиоматическую роль.

IV.II Левый Путь

В книге «Восстание против современного мира» Ю. Эвола делает важное указание:

«Перед видением Железного Века Гесиод воскликнул: «Да не доведется мне жить в эту эру!». Но Гесиод был пеласгических кровей, следовательно – далек от высшего призвания. Ибо для людей другой природы существует и иная истина. Именно к ним относится учение, известное также на Востоке, о том, что хотя Кали-Юга - век великого разрушения, живущие в это время и сохраняющие стойкость пожнут такие плоды, которые не без трудов достались бы представителям иных эпох».

Кали-Юга – наиболее благоприятное время для Пути Левой Руки, близость к Смерти Космоса облегчает погружение в самые глубокие регионы Вселенной, чтобы преодолеть её и прорваться в Бездну. Великие мастера Индии отсчитывают Кали-Югу с давних пор, на Западе и в России время всходов и раскрытия Чёрных Цветов только наступает и сопряжено с рисками New Age и спецификой всей западной истории.

Путь Левой Руки не отрицает Путь Правой Руки, он опирается на известные археологические, фольклорные, этносоциологические, текстовое и материальное наследия Традиции (и разных язычеств) как на почву, от которой адепт делает *ещё один шаг глубже*. Невозможно познать Левый Путь, не пройдя Правый Путь, не приняв его плодов и не поняв его сущности. История Запада, в которую ворвался чуждый индоевропейцам креационизм, накладывает свой отпечаток на становление Пути Левой Руки, в отличие от Вамачары Индии, где этот Путь был пройден, осмыслен и сформулирован многими садху на тысячелетие ранее.

Определение некоторых стратегий и форм Левого Пути на Западе отталкивается от отрицания христианства и его коллективизма, полагая Путь Левой Руки как некую форму индивидуал*изма* и инверсии христианства, что делает его гедонистическим и материалистическим. Западные адепты Левой Руки настаивают на том, что христианство и авраамизм в целом утверждают почитание Бога, экзотеризм, а они, наоборот, говорят о том, что человек есть Бог и Путь Левой Руки – это путь Обожествления. В этом они правы, но на Востоке даже Путь Правой Руки априори подразумевает, что человек – это Бог, Атман есть Брахман. Для адекватного язычества это также является аксиомой, поэтому в этом аспекте западный Путь Левой Руки скорее выступает как восполнение и завершение доктрины Пути Правой Руки, уровня Дивья-бхавы и Богореализации. Россия здесь занимает промежуточное положение, так как в русском языческом опыте родство человека с Богом утверждалось через родовую цепь, народ был «внуками Даждьбога», потомками Богов, что является евгемерическим толкованием, в котором знание о Божественной Природе человека здесь и сейчас затемняется. С другой стороны Шуйный Путь в Родноверии сразу же пошел по пути Kaivalya, не сосредоточиваясь на дополнении Правого Пути, полностью отдавшись Пути Возврата.

Для более тонкого выявления специфики Пути Левой Руки в разных традициях, мы предпримем дальнейший экскурс-приближение к каждой из них.

Санатана Дхарма и Вама-марга

Даршаны Индуизма, повествующие о недвойственности (адвайта), являются парадигмой всего Пути Левой Руки и держат первенство в концептуальном осмыслении и формировании традиции как цепи передачи учения в Кали-Югу. Как мы видим, многие формулы и фрагмены для заполнения лакун при раскрытии Пути Левой Руки на Западе заимствуются и переводятся на язык и структуру западных традиций и мифов.

Квинтэссенцией Индуизма является учение о недвойственности – адвайта, которое имеет ряд вариаций. Адвайта-веданта, создание которой приписывают Ади Шанкаре (509-477гг. *до н.э.* либо 788-829гг. *н.э.*), опирается на Веды и Упанишады и является кульминацией ведантизма, в которой учение о недвойственности обосновывается с позиций Пути Правой Руки.

Мир согласно адвайта-веданте полностью является иллюзией, Майей. Он не порожден Брахмой, но его природа и происхождение идут от Майи, то есть от иллюзии и иллюзией он и является. Брахма же всегда пребывает в аспекте Ниргуны. Индивидуальная душа (джива) – и есть Брахман, что выражено в классической формуле недвойственности «tat tvam asi» – «ты есть это». Майя выступает как несамостоятельная, но творящая мир сила, которая путем затемнения, наложения атрибутов, создает иллюзию отличия дживы от Брахмана. Майя одновременно реальна и нереальна.

Авидья дживы о нетождестве с Брахманом преодолевается изучением Вед и Упанишад, без знания которых Ум всегда будет погружен в сансару – круг кармическиих перерождений. Доступ к этому знанию возможен только для кшатриев и брахманов, шудры могут получить доступ к нему только при благоприятном перерождении в более высоком сословии. Изучающий веды и практикующий йогу адепт может достичь мокши – освобождения от уз кармы и сансары, отождествив Атмана с Брахманом, стать дживанмуктой – воплощенным Богом, освободившимся при жизни. При этом пантеон из пяти Богов Шанкары (панчадэвата) влючает в себя трех богов шиваизма: Шиву, Лалиту, Ганешу, а также Сурью и Брахму. В этом можно увидеть плавный неконфронтирующий переход на высшем уровне от Дакшиначары[147] к Вамачаре, к шиваизму и тантризму.

Шиваизм или шайвизм (śaiva-dharma) является одним из древнейших индийских течений, а Бог Шива («Благой», либо Рудра, «Ярость») считается одним из древнейших Богов в официальном религиоведении. Шайвизм включает в себя множество даршан и локальных и исторических сект, составляющих пораждающее воображение многообразие культа Шивы, в которых присутствуют общие черты и мотивы, и выделяются наиболее крупные направления.

Шива является Богом Смерти (Рудра) и покровителем посвящений, также его образ содержит множество атрибутов, делающих его и его последователей нечистыми и непристойными для ортодоксальной веданты Правой Руки. Он изображается с синим или белым телом, покрытым слоем пепла сожженных на кремационных кострах трупов, курящим гашиш и пребывающим в постоянном опьянении, скитающимся по мирам, обвитый змеями и священной рудракшей. Одно из наиболее распространенных

[147] При этом шиваитам не воспрещается следовать и Дакшиначаре, имеющей свою жесткую аскезу и систему жертвоприношений.

изображений Шивы – это танцующий в огненном круге Натараджа, танец которого создает, поддерживает и разрушает Вселенную[148].

Цель адептов шиваизма путем аскезы и садханы достичь реализации и отождествиться с сознанием Шивы, получив освобождение от сансары и махапралайи. На этом пути разделяется несколько этапов видения мира адептом: двойственное (двайта или бхеда), двойственно-недвойственное (абхеда-бхеда) и абсолютное недвойственное (пара-адвайта или абхеда), которые можно соотнести с этапами алхимического делания. Совершая садхану и йогу, постигая мудрость санскрита, адепт способен достичь быстрого освобождения, став авадхутом – дживанмуктой.

Садхана шиваитов предельно аскетичная и одновременно парадоксальна и отличается от аскетизма классических варн и Дакшиначары. Их аскетизм направлен на скорейшее и радикальное преодоление отвращения и двойственного восприятия относительно того, что считается нечистым, грязным, скверным и ухудшающим карму с точки зрения ортодоксии. Если на Пути Правой Руки адепт старается с помощью аскетизма избегать соблазном, плотских страстей, нечистой еды, насилия и контактов со всякой скверной, то адепт Левой Руки наоборот, с полной отдачей погружается в употребление наркотических и алкогольных веществ, поедание мяса, в том числе и падали и мяса трупов, вступает в сексуальные связи с проститутками и совершает преступления. Принцип такой аскезы заключается в том, что избегая скверны, адепт станет чище, но не познает Божественной природы самой скверны, то есть для достижения пара-адвайты необходимо погрузиться в грязь и употреблять яды, как это делает Шива, тем самым преодолеть их влияние на себя и освятить яд своей садханой. Перебороть его смертельное действие, выйдя за пределы Жизни и Смерти. *Шиваиты осознанно нарушают правила Дхармы варн, уходя из своей касты в касту последователей Шивы*. Наиболее известными и радикальными в этом направлении являются индийские секты капаликов и агхоры и последователи культа Бхайравы.

Парадигмальным здесь является миф о Бхайраве и отрубленной голове Бога Брахмы. Однажды Брахма и Вишну спорили о том, кто из них является высшим и главным Божеством. Брахма настаивал на том, что он является творцом мира и всех живых существ, в то время как Вишну утверждал, что он является хранителем порядка и поддерживает существование мира. Обратившись к авторитетам и священным писаниям,

[148] Когда Натараджа перестает танцевать – мир растворяется. По другой версии мир проявляется когда Шива раскрывает глаза и исчезает, когда он их закрывает.

Боги с удивлением узнали, что главнейшим Богом является Шива. Это вызвало негодование Брахмы:

«Как же так,— вконец разозлился Брахма.— Не может этого быть. Взгляните на Шиву, на весь его неопрятный облик и сомнительный образ жизни. В то время как я живу на небесах, в своем драгоценном дворце, Шива скитается по разным мирам, ночуя, где придется. Как неприкаянный бродит он по заледеневшим горам, дремучим лесам, полным диких зверей, скитается по бесплодным пустыням. Я благообразен, одет как царь, моя аура сияет ярче солнца. Шива нестрижен, небрит, ездит в голом виде на своем быке, и вся его одежда — пепел сожженных трупов, коим Шива посыпает свое тело. Я занимаюсь тем, что творю и устанавливаю законы мироздания, Шива же то предается аскетизму и медитациям, будто он чего-то не достиг, то пляшет и пирует на шмашанах и кладбищах с шайкой каннибалов, духов и демонов. Я вкушаю божественную амброзию, Шива жрет все, что попало, как чистое, так и нечистое, употребляет грибы, дурман и постоянно курит гашиш. Нет, такое существо никак не может быть истинным Богом»[149].

После этих слов в воздухе появилось сияние, из которого возник младенец. Брахма сказал, что это только подтверждает его могущество, так как даже его гнев породил новое существо. Но младенец быстро принял форму гневного Божества, его кожа стала черной, пасть ощетинилась клыками и на лбу горели огнем три глаза – это был Бхайрава (Ужасный), самая гневная манифестация Бога Шивы[150], явившийся чтобы покарать Брахму за поношение Махешвары. Легким движением мизинца он отрубил одну из пяти голов Брахмы, которая поносила Шиву, и он упал перед ним на колени. После этого с неба явился сам Благой Бог:

«О, Бхайрава, — сказал Махешвара, — с одной стороны, ты, конечно, поступил правильно, ибо показал Брахме подлинное положение вещей. Однако с другой стороны, ты нарушил священный закон и совершил грех. Брахма — прародитель всех живых существ, их патриарх и первосвященник. Закон племен гласит: молодой не должен поднимать руку на старейшину рода, отрезать голову священнику-брахману — это вообще ужасное преступление. Поэтому ты не можешь не понести наказание. Ты непобедим и способен без труда уничтожить всех и вся, тебя же никто не в силах уничтожить. Однако я сотворю волшебную деву Брахмахатью, она будет способна уничтожить тебя. Если хочешь

[149] Изложение мифа А. М. Джайадхаром (Бхайраванандой).

[150] В иных местах также отождествляется с Махакалой.

уцелеть — беги от нее без оглядки и бегай так до тех пор, пока не окажешься в особом священном месте и тем самым не искупишь свой грех».

Этим местом оказался город Варанаси, который является одним из древнейших в Индии, стоящих на берегу вечного Ганга, и являющийся крупнейшим крематорием (шмашаном). Придя в это место, голова Брахмы упала из рук Бхайравы, тем самым символизировав, что он нашел освобождение. Пока же Бхайрава бежал от Брахмахатьи, он пробегал мимо дворца Вишу, где его из окна увидела Богиня Лакшми и в недоумении обратилась к Вишну, выразив максимальную формулировку всего пара-адвайта монизма шиваизма:

«Скажи, о дорогой, — обратилась она к Вишну, — как понимать происходящее? Шива ругал Шиву, и за это явился Шива и отрезал Шиве голову. После этого явился Шива и наказал Шиву, сотворив Шиву. И вот теперь Шива бежит за Шивой по Шиве, в Шиве и во время Шивы, и вот Шива убегает, чтобы Шива его не догнал. Это все выглядит очень странно, я бы сказала, абсурдно. Как же это все понимать? В чем же смысл происходящего?»

В этом вопросе содержится указание, что все в мироздании является манифестациями единого Махешвары, сознания Парашивы. С точки зрения Богов-хранителей порядка, которые устанавливают законы, в наблюдаемой ими картине существует нелогичное противоречие, трудное к пониманию, но тут же Вишну поясняет, что сознание Шивы не связано законами причинно-следственных связей, времени и логики, что позволяет его могуществу изливаться самым парадоксальным образом, ибо в Шиве *всё едино*.

К этому мифу и Бхайраве в ипостаси Капалабхайравы (Бхайравы несущего голову Брахмы) восходят корни двух наиболее радикальных аскетических сект Индии: капаликов и агхоры.

Капалики являются древней сектой почитателей Шивы-Капалешвары, они являлись странствующими аскетами-монахами (пашупатами), которые охотились за черепами и носили их с собой. Череп символизирует отсеченную голову Брахмы и освобождение от Майи, а также ожерелье или корона из черепов, зачастую пяти, является артибутом Бога Шивы (Махакалы, Бхайравы) или Кали.

Мирча Элиаде передает воспоминания саньясина Кришнамишры о словах капалика:

«Мое ожерелье и украшения сделаны из человеческих костей, я живу среди пепла, оставшегося от мертвых, и ем из человеческих черепов. Мы пьем спиртные напитки из черепов браминов, наши святые костры мы поддерживаем, подкладывая в них мозги и легкие людей, смешанные с их плотью, и человеческие жертвы, забрызганные свежей кровью, льющейся из ужасных ран на горле, — вот наши подношения, которыми мы умиротворяем ужасного бога [Маха Бхайрава]. Сила нашей религии такова, что мне подчиняются Хари-Хара и самые величайшие и древнейшие из богов; я останавливаю движение планет в небесах, я погружаю Землю в воду вместе с ее городами и горами, и я выпиваю все воды за одно мгновение. Тот, кто напоминает богов, чей герб — лунная сфера, и кто с наслаждением обнимает женщин, прекрасных как Парвати, — испытывает высшее блаженство»[151].

В XVI веке от капаликов произошла секта агхори, что означает «неужасное», «бесстрашие» или «неустрашимые». Агхори живут на кладбищах прокаженных и шмашанах, местах где кремируют трупы. Агхори совершают садхану радикальной аскезы, употребляя трупное мясо, которое не прогорело на костре либо выдергивают из пламени трупы. Они курят гашиш и пьют, вступают в связи с женщинами во время менструации, устраивают ритуальные оргии (майтхуна) и совершают иные нечистивые и скверные поступки, преодолевая отвращение и двойственное восприятие. Желающий встать на путь агхоры должен отказаться от своей прежней жизни и уйти от семьи, отказаться от всего имущества и жить в местах кремации и смерти, обладая только ритуальным черепом, который он должен найти сам. Некоторые агхори не гнушаются и ритуальным убийством людей, с целью практиковать одну из мощнейших практик ведущих к освобождению – шава-садхану, медитацию на трупе и его поедание. Отношение к агхори в индийском обществе двоякое, с одной стороны они порицаются за свой ритуальный каннибализм и адхарму варн, с другой они помогают прокаженным и совершают ту работу, которую запрещено делать остальным. Считается, что агхори может очистить карму человека, и если он съест мясо умершего родственника, это будет для последнего большим кармическим подспорьем для следующего перерождения.

Ключевую роль для садханы играют три ипостаси Богини Махакали: Агхора, Гхора и Гхоратари, изображаемые как тримурти или тришула (трезубец). А. Джайадхар дает следующее толкование сущностей Богинь:

[151] См. М. Элиаде «Йога: свобода и бессмертие».

«Агхора (Неужасная) – это энергия, влекущая нас к нашему духовному развитию, к совершенству.

Гхора (Ужасная) – это энергия, вращающая нас в одной плоскости, особо не дающая ни совершенствоваться ни деградировать.

Гхоратари (Более Ужасная, чем Ужасная) – эта энергия, которая влечет нас к отупению, ослаблению, деградации».

На уровне двайта-адвайты адепт пытается активизировать аспекты Агхоры и уменьшить влияние Гхоры и Гхоратари, чтобы получить максимальную выгоду и плоды садханы. Но на уровне адвайты адепт познает, что триада Агхора-Гхора-Гхоратари – это триединство Кали, и он встает *над ними*, тем самым сакрализируя как позитивные, так и негативные проявления в мироздании и жизни, видя в хорошем и плохом проявления Богини и её силы.

В фигуре Бхайравы и бхайравайта (шиваита, капалика, агхори) мы отчетливо видим проявление трансгрессии, причем фундаментальной, парадоксальной и вновь ведущей к недвойственности. Отрубив голову Брахмы, Бхайрава совершил огромный кармичекий грех – адхарму убийства махабрахмана. Но одновременно этим действием он утвердил Дхарму, остановив поругание Шивы. Таким образом, Бхайрава одновременно совершил адхарму и Дхарму, то есть его Дхарма – это адхарма с точки зрения законов варн, но на метафизическом уровне он исполняет должное в виде разрушения, как одна из ипостасей Бога Смерти Шивы. Это понимание поведения и ритуального образца наследуют все радикальные секты быстрого пути реализации, совершая в явленном миру беззаконие, нарушение табу и норм не из-за эгоистических и материальных интересов, но совершая свою собственную специфическую Дхарму и садхану пути Шивы.

Неведение собственной Божественной Природы – это авидья, с её помощью объясняют сам факт возникновения спора Брахмы, Вишну и Шивы о том, кто из них является главным Богом, который, согласно иной версии, разрешился через вмешательство Великой Божественной Матери, которая показали им, что они все являются *её проявлениями*. И здесь мы уже оказываемся в пространстве шактизма (Śāktaṃ), особого направления индийской философии, которое полагает началом всего не мужской аспект Божественного – Шиву-Махешвару, а женский – Махашакти или Махадеви, которая является Матерью всех Богов. Шактизм также является одним из древнейших учений, уходящим корнями в эпоху древнего

матриархата. Образ Шакти сближается с Пракрити – Природой, а также отождествляется с творящей мир активной энергией[152].

В шайва-шактизме особый акцент делается на Божественную пару Шиву и Шакти, выступающую как супруга какого-либо Божества: Брахма-Сарасвати, Вишну-Лакшми, Шива-Парвати, в гневных ипостасях Кали и Дурга, Бхайрава -Бхайрави и т.д. Шакти является источником Майи либо отождествляется с ней.

«Богиня сказала:

Силой моей майи порожден весь этот мир, полный движущегося и неподвижного, в действительности же эта майя не есть нечто отдельное от меня. С точки зрения чувственно воспринимаемой подлинности очевидно существование майи, но с точки зрения же истинной сущности есть только истинная сущность»[153].

Для рассмотрения отношений Шакти-Майи (феноменальной реальности) и Шивы (абсолютной сущности) обратимся к иконографическому образу ритуального соития Шивы и Шакти, где Шива изображается неподвижно лежащим на земле, а Шакти активно восседающей на его фаллосе (лингаме). Этот образ отражает устройство всего мироздания и его природу. Шива выступает в активно-пассивной роли, с одной стороны будучи Махешварой, верховным Богом и абсолютной невыразимой реальностью Парашивой, всегда пребывающим в состоянии покоя, с другой – эрегированый лингам создает вертикальную ось Вселенной, дарующей жизнь. Шакти выступает в пассивно-активной роли, восседая на лингаме Шивы она своим движением создает этот мир (Майю), являясь творческой и динамической энергией мироздания. В этом есть сходство между двумя аспектами Брахмы, Сагуной и Ниргуной, но выраженными через половое различие и образ проявления мира как ритуального полового акта двух Богов, Шивы и его Шакти[154]. При этом пара-адвайта объединяет Шиву и Шакти, представляя Шакти как творческое и внешнее проявление Шивы, иконографически изображая Шиву с одной мужской половиной тела и второй женской половиной.

---

[152] См., например, «Девибхагавата-пурана» и «Махабхагавата-пурана».

[153] См. «Деви-гита».

[154] В янтрах Шакти-Кали изображается треугольником, перевернутым острием вниз (влагалище, йони), а Шива треугольником, повернутым острием вверх (лингам), их соитие изображается двумя наложенными друг на друга треугольниками в центре янтры.

В основе мира лежит эротическое соитие пассивно-активного Мужчины и активно-пассивной Женищины, движения этого космогонического полового акта создает Шакти-Майю, весь этот мир. Мир является Иллюзией, Майей. Но также Майей является представление, что Иллюзия является отличной и обособленной от Шивы. Мир – это Майя, но Майя – это Иллюзия, поэтому считать мир Иллюзией – это одновременно и истина и Майя. Мир реален как Шакти-Майя, но Шакти – это проявление Шивы, поэтому Майя – это тоже реальность Шивы, его проявление, которое одновременно скрывает Шиву от адепта, *но в самом этом сокрытии проявляет силу Шивы*. Бог проявляется своим сокрытием, в этом состоит загадка Майи, её преходящая природа. Для объяснения природы Майи используют термин «лила» – Божественная игра Шивы и Шакти, являющаяся сущностью Вселенной. Весь мир – это *легкий* танец Махараджи или *легкая* лила Шивы-Шакти, где все разделения порождаются Майей, а главной Майей является вера в наличие разделения. Шива является Единым, Шакти – двумя, Майя – бесконечным множеством вещей и существ. Совершая садхану адепт рассеивает покровы Майи, возвращаясь к Единому.

Образ Божественного соития указывает на то, что в основе мира лежит *наслаждение*, раскрываемое в пара-адвайте адептов Шивы и Шакти. Недвойственность восприятия в практике агхори проявляется в том, что во время ритуального совокупления адепт представляет себя Шивой, а в роли его прекрасной и могучей Шакти выступает проститутка или нечистая женщина, *которая тоже является проявлением Богини*, видение которого недоступно тем, кто пребывает в Майе, авидье, сансаре страданий и перерождений.

Здесь становится очевидной глубокая параллель между Майей, создающей мир и неведение относительно его Божественной природы, и материей, которая захватывает и рассеивает своей инертностью Сакральный Свет Божественного. Титаны и хтоническая сила, всецело преобладающие в Железный век и отчуждающие человечество от Традиции, настолько свободны [от] и могущественны в своей власти, насколько это дозволено Богами Смерти и неведением человека, находящегося под их гипнотическими чарами. Майя как материя является границей между Космосом (проявленным Божеством) и Хаосом (апофатической Бездной, Парашивой, Ниргуной). Верить в Майю, погружаться в нее все глубже – это пребывать в обмане энергий Шакти,

это также является метафизически должным, дхармическим в Кали-Югу для тех, что непригоден для садханы.

Богиня Кали, погружающая Вселенную глубже в Майю и Время в последнем цикле, также является и Богиней Освобождения и покровительницей адептов. С этим связан ключевой миф о Кали как о победительнице асура Рактабиджи, который был неуязвим для других Богов и из каждой капли крови которого рождалось по тысяче демонов. Боги призвали Кали и она серпом обезглавила легионы демонов и Рактабиджу, выпивая их кровь, чтобы ни одна капля не упала на землю. Опьяненная кровью демонов Кали не смогла сама остановиться и продолжала сеять разрушения и смерть, пока Шива не лег посреди трупов, притворившись мёртвым. В своем танце разрушения Кали наступила на Шиву бывшего её мужем и испугавшись, что попрала его, вернулась в свое сознание. К этому сюжету восходит иконография гневной Кали, танцующей в одной руке с серпом, в другой с отрубленной головой Рактабиджи, пьющей кровь, украшенной отрубленными головами и руками асуров, на теле Шивы, иногда изображаемом с вертикальным лингамом.

Отрубленная голова Рактабиджи означает отсеченное Эго, демоническое начало. Символ реодоления и отсечения страстей и привязанностей является серп. Напившись крови Кали впадает в безумие, которое может остановить только памятование о Шиве – главном Боге и Отце Мироздания. Для адепта это становится важным на пути радикальной агхорической аскезы – памятование о Шиве и удержание в уме его образа и мантр избавляет его от страстей и негативного влияния употребляемых ядов.

История Богини Кали восходит к древним временам и считается, что «кали», «черный», является эпитетом Бога Агни, что означает Огонь. Либо Кали и Агни отождествляются, что дает нам образ Чёрного Огня. Наиболее гневной ипостасью Кали и одной из самых почитаемых Богинь является Дурга (Непобедимая). В качестве Бога и его Шакти также выступают гневные формы Махакалы и Махакали, Бхайравы и Бхайрави, ужасной Махадэви. Сыном Шивы и Парвати является Ганеша, имеющий свою школу почитателей – ганапатов. Ганеша является Богом Мудрости и покровителем сиддх (успех и магические способности) и буддхи (разум).

Несмотря на свою очевидную принадлежность к Пути Правой Руки вишнуизм или кришнаизм, в зависимости от почитаемой манифестации, также имеет свои менее известные школы Тантры, быстрого пути

реализации, а Кришна также имеет в своей мифологии сюжеты воровства, нарушения Дхармы, что делает возможным прочтение Светлых Богов с точки зрения Пути Левой Руки.

Выдающейся школой индийской философии недвойственности является кашмирский шиваизм, связанный с такими мастерами как Васугупта, Абхинавагупта, Утпаладэва, Свами Лакшми Джу и др. Школа располагалась в долине Кашмира и была местом расцвета монистического богословия шиваитов, но позднее они были насильственно вытеснены из региона мусульманами.

Особый интерес представляет их недвойственное рассмотрение мира как проявление *речи* (вач), что созвучно с греческим Логосом (Слово) и Умом-Демиургом. Кашмирский шиваизм выделяет четыре вида речи. Первая и наиболее грубая форма речи – это *вайкхари*, являющаяся звуковой и письменной, и образующая материальный мир. *Мадхьяма* – это внутренняя речь, которая составляет ткань мышления и образов, осознанных или нет. Мадхьяма всегда находится между реальным грубым миром и чистым Сознанием, оперируя словесными образами: словом-знаком-значением, которые «сияют в Сознании нераздельно»[155]. Например, именно на этом уровне для русского человека слово «язычество» в Уме затрагивает семантику терминов «народ», «язык» и «традиция», создавая гармоничную полисемантическую симфонию. Но эта нераздельность не означает единства, а скорее отображает постоянное течение различений.

Источником речи является Сознание, *вимарша*, человек говорит только о том, что осознает и взывает к сознанию то, о чем он хочет говорить. Это уровень Ума или Майи, различения идей и концептов. Более тонкий уровень речи – это *пашьянти,* находящийся за пределами Ума и любой концептуализации или оформления идей. На этом уровне речь представляет собой неразделенное сияние *Это*-сти, то есть в этой форме речи Сознание проявляется как «Я есть Это», и созерцает эту *Это*-сть, что уже соответствует уровню двайта-адвайты («я» и «Это»). Если внешняя звуковая или письменная речь является упорядоченным и линейным дискурсом высказываний, то пашьянти представляет собой *акраму* – состояние, когда речь еще не оформлена в последовательность и сияет в своей целостности, то есть холистски. Адепту возможно уловить состояние пашьянти в *момент между мыслями*, либо в момент экстаза или сильного душевного либо творческого порыва, либо с помощью йоги.

[155] См. Б.Н. Пандит «Кашмирский шиваизм».

Высшей формой речи является *паравач*, в которой отсутствует *созерцание* [через] Я Это-сти, а остается только сама Это-сть в самосозерцании себя как Я. То есть, Это-сть оборачивается Я-йностью и пребывает в наивысшем самосиянии. Паравач является безграничным сознанием Брахмы или Шивы. Паравач как семя содержит в себе все последующее формы речи: от самого себя в своей абсолютной самодостаточности и сиянии, через пашьянти – разделение на «Я есть Это», мадхьяму – идеи и образы мышления, вплоть до вайкхари, феноменальной реальности материальных форм речи.

Таким образом, мастера кашмирского шиваизма объясняют тождество материального мира вещей и ментального мира Ума, который их конституирует, и оба они берут свое начало как формы речи из Сознания Парашивы. Преодоление двойственности – это выход за пределы иллюзии деления на «материальное» и «духовное», «ментальное», так как и материя и Ум являются Майей, оковами и мраком, скрывающими Бездну абсолютной реальности Шивы. Прорыв к Хаосу – это выход за пределы Ума, грубой речи и обретение сверх-речи, сияющей паравач.

Чод

Особое внимание следует уделить специфической практике Чод, берущей начало из пересечения тибетской шаманской традиции Бон, буддизма и тантризма. Слово «чод» означает «отсечение» привязанностей Ума к «я», что позволяет преодолеть его и узреть Пустоту (шуньята) как истинную природу. Основательницей традиции является дакини Мачиг Лобдрон (1055-1149гг.), от которой начинается линия передачи традиции, существующая и поныне, вышедшая за пределы Тибета и проникшая даже в среду шаманизма Дальнего Востока и Сибири России. Адепты традиции (чодпа) являются йогинами и аскетами-монахами, пребывающими и работающими, как и агхори, в местах скопления злых духов: на кладбищах, низинах, болотах, пещерах и вершинах гор.

Главной практикой в традиции является ритуал Отсечения (Чод), который совершается подготовленным адептом, обладающим соответствующими знанием и практикой. Ключевое место в ритуале занимает практика полной и глубокой визуализации всех совершаемых действий, описаний, подношений и славлений, совершаемых чодпа. Местом для ритуала служат пещеры, ущелья гор или кладбища – места, где практик может остаться в уединении с обитающими и призванными духами. Для призвания Богов и духов практик использует специальные

инструменты: дамару и канглин. Дамару представляет собой двойной барабанчик, изготавливаемый из дерева или из двух сводов человеческих черепов, обтянутых кожей и скрепленных между собой. Канглин – это ритуальная труба, реже – флейта, из бедренной кости человека. Кость для канглина должна соответствовать многим параметрам чистоты, так как именно её звук является приглашением для Богов и духов на ритуал. Боги являются на ритуал со всех Вселенных, проявляясь в паре со своими шакти в процессе соития, в иконографической позе яб-юм.

Сам ритуал представляет из себя синтез шаманского путешествия, медитации и визуализации, в ходе которого практик визуализирует принесение себя и своей плоти в жертву на пир Богов и духов в несколько этапов.

Белое пиршество – начало ритуала и первое подношение. Чодпа визуализирует свой Ум как каплю, которая отождествляется с Сердцем гуру, а тело адепта увеличивается до размеров нескольких миров. Из капли-Ума адепта появляется зелёная дакини, которая рассекает кожу на гигантском теле адепта особым образом и обнажает его мясо. После этого дакини отрезает голову адепту, вскрывая череп и делая из него ритуальную чашу (капалу), в которой варит кости, спинной мозг, кровь и другие жидкости, совершая ритуалы и произнося мантры освящения.

После этого множество дакинь из сердца адепта подходят к капале и черпают из нее своими чашами из черепов сваренную Мудрость. Практик, продолжающий пребывать в образе зелёной дакини, совершает подношения нектара из капалы тысячам Богов и живых существ всех миров сансары, каждому согласно его способу и благословлению.

Второе действие – это Красное пиршество, во время которого адепт преподносит остатки мяса, костей и крови в жертву всем нечистым духам и демонам, асурам, нагам и т.д. Все вредоносные духи приглашаются адептом на пир его телом, которое они будут разрывать, переламывать, проглатывать и выпивать кровь и соки[156]. Выделяется много различных видов злых духов: наги, якшасы (вредоносные); гандхарвы (питающиеся запахами, или существа бардо), Асуры (агрессивные полубоги), кинары (человекоподобные существа), мануки (люди) и аманuки (нелюди). Подношением демонам практик отсекает страх и удовлетворяет даже самых грозных существ всех миров.

[156] Этот момент почти идентичен шаманскому посвящению у народов Сибири, когда будущий шаман разрывается и собирается вновь из частей духами.

После наступает третий этам – Пёстрое пиршество. На этом этапе практик в проявлении зелёной дакини берет свою ранее срезанную кожу и отрезает от нее по кусочку и дарует их каждому существу, пришедшему на пир. Кусочки кожи превращаются во все желанными существами дары: драгоценности, земли, дворцы, лекарства, подарки, во все, что они пожелают. Адепт превращает свою кожу в дары для Богов и духов, и он должен отдать её без остатка и чувства гордыни за свои дары, он должен освободиться и от привязки к совершению благих поступков-подношений, которые подстегивают гордыню.

После подношения даров из кожи наступает последний этап, когда Боги, духи и все живые существа задобрены подношениями нектара из капалы, мяса и костей и даров. Тогда между ними раскрывается учение об освобождении, достижении боддхи – пробуждения от страданий и достижения Нирваны. После этого раскрытия учения через медитацию и практику передачи-отдачи все Боги, духи и живые существа расходятся с места пиршества по своим мирам, а адепт возвращается в «наш мир».

Мотив само-жертвоприношения имеет много общего с монизмом адвайты и третьим жертвоприношением Бога, когда в его роли выступает адепт, который сам себя преодолевает, расчленяет и угощает самим собой всех других Богов и существ, тем самым рассредоточиваясь как Мудрость (сваренная как нектар в капале) по всем мирам и дживам. Адепт же тем самым образом освобождается от всех умственных привязанностей и освобождается от уз сансары, становясь бодхисаттвой.

Одинизм

Природа германских народов, выраженная и в их традиции, – это воинская природа, война и особенно Рагнарёк, которые стоят в центре всего германского этоса, Вирда. Поэтому прочтение Одинизма «слева», проявление в нем Пути Левой Руки, происходит практически на наших глазах, что с одной стороны указывает на еще сокрытый потенциал Одинизма, с другой делает его открытым негативным влияниям времени.

Современные ведущие мыслители Асатру определяют традицию целиком, начиная с их исторических корней, как Путь Левой Руки по уже указанному нами ранее противопоставлению христианству. То есть, для С. МакНаллена и Колина Клири сущность Пути Левой Руки в Асатру/Одинизме заключается в том, что он позволяет человеку стать Богом, в отличие от христианского коллективизма и *почитания* Бога,

особенно в его антропоморфной и атрибутивной форме[157]. Действительно, для коллективистской позиция почитания, путь Обожествления будет являться «левым», но как мы знаем, тождество природ Богов и людей является данностью язычества как такового даже на Пути Правой Руки.

Такого же мнения придерживается Эдред Торссонс (ака Стивен Флауэрс, 1953г.р.), который определяет Путь Левой Руки как *не-единение*, в то время как цель христианства – это *единение* с Богом, то есть растворение в нем[158]. В этом явно проступают описания двух путей, Самадхи и Кайвалья. Э. Торссонс, будучи плодовитым исследователем и автором, в основном опирается на западную герметическую традицию и эзотерические организации XX века, имеющие между собой много общего от американского сатанизма второй половины того же века. Это делает его видение Пути Левой Руки более узким и сосредоточенным на современных аспектах понимания фигуры Одина и его традиции, а также на становлении Богом, что является аксиомой язычества даже без деления на «левое» и «правое». При этом, несмотря на верное определение Гиннунгагап как предвечного Хаоса, полного потенций и находящегося за пределами циклов, он всецело сосредоточен на рунической магии и фигуре Одина. Активное вовлечение в западный тёмный эзотеризм XX века делает его взгляды на индивидуа-*цию* близкими к границе с индивидуа-*лизацией*.

Таким образом, их взгляды во многом отражают позицию Пути Правой Руки, но оказавшейся «слева» относительно доминирующего в США христанства, и располажившейся близко к семантическому полю сатанизма.

Прочтения Одинизма как Пути Левой Руки, указующей на Бездну, Хаос, являются редкими и ещё боле сокрытыми (непроявленными) на сегодняшний день.

Оригинальную и традиционалистскую версию Пути Левой Руки в Одинизме предлагает Вульф Гримссон, давший ей название «Тропа Локи»[159]. В. Гримссон в своей системе опирается на Вамачара-тантру, труды Ю. Эволы и Ф. Ницше. Цель инициатического пути для него – это преодоление «человеческого, слишком человеческого» – то есть достижение ступени Сверхчеловека (Overman) и бессмертия, которое понимается не буквально как «бесконечная продолжительность

[157] См. МакНаллен Стивен «Метод трансцендентности в Германской Традиции».

[158] Флауэрс Стефан «Черная руна».

[159] См. Grimsson Wulf «Loki`s way. The path of the sorcerer in the Age of Iron».

биологической жизни», но как аналог существования пробужденного от оков иллюзий адепта, которому не страшна смерть мира.

Путь к Сверхчеловеку через преодоление табу монотеизма и нарушение должного (Вирда) и составляет Путь Локи – главного трикстера в германо-скандинавской традиции. В. Гримссон определяет монотеизм и «ортодоксальное» язычество как Лунный путь, череду циклических перерождений и коллективного поклонения Богам. Солярный путь инициации – это вертикальнй относительно цикличности путь становления Богом. Путь быстрого достижения реализации В. Гримссон видит через нарушение запретов и логики Ума, метафизическую трансгрессию, примеры которой он указывает в творчестве А. Кроули, Г. Гурджиева и П. Успенского. Нарушение Вирда – это особый путь Локи, его тропа. Именно через призму нарушения Вирда и запретов стоит понимать акцент В. Гримссона на отказе от женского пола в практике и пути, что также корнями уходит в мифы о Локи и ритуальную смену пола у шаманов[160].

Помимо вышеназванных авторов, в Одинизме существует огромный потенциал для прочтения его «слева» в контексте возвращения внимания к Бездне (Gap) ещё до начала проявления Девятимирья[161]. Выше мы уже дали ключевые пояснения о фигуре Бога Одина как искателя Мудрости через Смерть и многочисленные само-жертвоприношения. А также его участие в творении людей в триаде Один-Хёнир-Лодур, что предопределило три типа человеческой ментальности сродни трибхаве. Графический символ Чёрного Солнца также является германским наследием и имеет трактование через два глаза Бога Одина, один из которых он пожертвовал в залог жизни отсеченной головы мудрого Мимира и поместил под корнями Иггдрасиля.

Недвойственность фигуры Одина ярче всего проявляется в мифе о его саможертвоприношении на Мировом Ясене, который является вторым актом творения, на этот раз интеллектуального, следующего за актом устройства мира из останков Имира. Один приковывает себя копьем к Иггдрасилю, принося себе в жертву себя самого, и после девяти ночей перед ним раскрываются руны, которые он подбирает, спустившись с Древа. В формуле «принес в жертву Себя Самому Себе» уже раскрывается монизм Одинизма. Этот сюжет дает имя и самому Ясеню: Yggdrasil – Yggr и drasil, означают Игг, одно из имен Одина, и «скакун». То есть,

[160] См. там же.

[161] Это прочтение предпринято нами в книге «Gap» и многочисленных эссе о Пути Левой Руки в Одинизме – см. альманах «Warha».

Иггдрасиль – это кеннинг «скакун Игга», то есть Древо, на котором висел Один[162].

Но большее внимание в этом мифе уделяется обретению рун, которые стали магическими знаками и позднее, как цветок, раскрывшийся из семени, стали использоваться как алфавит для магической поэзии, о чем мы сообщали многим ранее. Герман Вирт на основе своих лингвистических и фонетических исследований заключил, что фонетическая формула AIU заключает в себе все мироздание и весь цикл Времени. Звук А является первым во многих индоевропейских алфавитах, он произносится с максимально открытым ртом и означает начало проявления Космоса из Хаоса, поэтому он соответствует Весне Года (началу цикла) и новому Солнцу. Звук I является самым высоким звуком в фонетической палитре алфавита, он располагается на вершине вертикальной линии кельтского креста, он знаменует собой пик становления и достижения максимального расцвета Космоса, а также начало его окостенения. Это точка Летнего Солнцестояния и полуденного Солнца. Звук U произносится при прикрытых губах и завершает фонетическую палитру, переходя в низкие затухающие вибрации. Это точка старости, увядания, приближения к Смерти, Осеннего Равноденствия и старого Солнца. Звук А произносится с открытым ртом на выдохе, а звук U с прикрытыми губами и на минимальном выдохе. Приглушая вибрации U воздух перестает выходить и наступает короткий миг между выдохом и вдохом, между U и А, между Смертью и Жизнью, между Старым Годом и Новым Годом (циклом). Этот кратчайший миг – это Йоль, точка Зимнего Солнцестояния, обновления, противопоставленная закостенению Летнего Солнцестояния. Звук U оканчивается тишиной, Безмолвием, из которого прорывается новый звук А. Таким образом, кельтский круг делится на две части – справа полукруг [Безмолвие]-A-I, слева I-U-[Безмолвие]. Это соответствует путям Героя и Годи, Правой и Левой Рук. Звукам A-I-U соответствуют руны Ansuz-Isa-Urus – ᚨᛁᚢ, а точке Йоля две руны перехода – Algiz и Warha[163].

[162] Колин Клири предположил, что в этом мифе Один приносит себя в жертву своей высшей ипостаси-самости, наподобие Бога Шивы и его высшей ипостаси Индры, см. Клири Коллин «Какому богу поклонялся Один?».

[163] Формула AIU ᚨᛁᚢ очень близка к рунической формуле ALU ᚨᛚᚢ, найденной на многих рунических артефактах и заклинаниях, но судить об их тождестве можно только отдаленно.

Руна Ansuz ᚨ означает Богов, Асов и в контексте Года означает теогонию и космогонию, сотворение мира Богами из плоти Имира.

Руна Isa ᛁ означает «лёд», оледенение и «окостенение», статичность вершины, от которой существует только один путь – вниз, к руне Uruz ᚢ, которая означает «скот» и «спуск» вниз[164]. Так мы вновь, через недуальную фигуру Одина и обретение рун через его саможертвоприношение, подходим к недвойственному прочтению Космоса через фонетику языка и рун. Оба пути, Героя и Годи, берут свои начало и конец в точке Безмолвия, перехода, *в моменте между выдохом и вдохом, когда потоки воздуха замирают и прекращаются любые вибрации грубого звука*. Именно в этом состоянии недвойственности пребывал Один до того, как перед ним раскрылись руны, фактически – интеллектуальная и символьная структура языка и мира.

Вместе со своей супругой Фригг Один образует верховную Божественную пару супругов, которые почитаются на Пути Правой Руки. Но на Пути Левой Руки существует смещение в сторону иного прочтения и иной фигуры-спутницы Одина. Мифы повествуют, что Фрейя из рода Ванов была учительницей особой магии Сейда, которая корнями уходит в шаманские практики и считается преимущественно женской практикой. Единственный раз она была замужем за смертным человеком Одом, которого она обучила этой магии, а после он пропал. После долгих безуспешных исканий, Фрейя стала считаться вдовой. Под ликом Ода же скрывался сам Один, который с помощью перевоплощения получил знания от Фрейи, причем запретной для мужа практики. Из этого мифа берет свое начало толкование Одина и Фрейи как особой пары Богов Смерти,

[164] При этом рогатые существа всегда относятся к хтоничному символическому кругу. Одним из первых существ из Бездны вышла корова Аудумбла.

связанных не как действующие супруги, но как *мёртвый муж* и *безутешная вдова*. В этом толковании прослеживается аналогия между Богиней Смерти Кали (Шакти) и лежащим «как труп» Шиве. При этом Фрейя становится полноценной и могущественной Богиней, соединяющей в себе как витальные силы плодородия, так и силы смерти, сбора урожая с поля битвы. При этом её мощь только увеличивается и подчеркивается тем фактом, что она представляет собой тип Богини-любовницы, а не сурпруги и жены, матери. В Одинизме существует практика отождествления Фрейи и Фрейра, двух близнецов и Богов Плодородия, в одну фигуру, которая проявляется в разных половых аспектах. Особенностью иконографии Фрейра с древнейших времен является ярковрыаженный эрегерированный фаллос, символ плодородия. В совокупности с женской ипостасью Фрейи-вдовы и Фрейи – Богини Смерти, мы увидим амбивалентную фигуру андрогинна, покровительствующего Жизни и Смерти, сродни иконографическому изображению Шивы-Шакти.

Помимо практики сейда, которая была женской практикой, Один также является покровителем воров. Об этом повествует миф о Мёде Поэзии, скальдической поэзии, которая в сочетании с руническим алфавитом становится вершиной магической мудрости германской традиции. Один обращается змеем и проникает под гору, где выпивает и так похищает Мёд. Вместе с этим сюжетом мы обнаруживаем, что Один в своём поиске мудрости не только приносит в жертву сам себя, но и нарушает табу и запреты, нарушает Вирд, тем самым устанавливая свой особый Вирд верховного Бога Мудрости. На Пути Левой Руки это означает трансгрессии, преодоление двойственных пределов.

Подробное указание на нарушение Вирда всеми без исключения Богами дает Локи в Lokasenna – Перебранке Локи, когда он появляется незваным гостем на пире у Эгира, после похорон Бальдра, к убийству которого он причастен. Этот миф знаменует окончательный переход Локи из стана Богов в титанам, в ходе перебранки он обвиняет каждого из Богов в нарушенных ими правилах. Для Пути Правой Руки это является святотатством, за которое Локи расплачивается, для Пути Левой Руки Локи выступает как обличитель эксклюзивности, обособленности, он проливает свет туда, где Боги хотели бы оставить тьму. Для Пути Левой Руки это является ценным указанием на амбивалентные аспекты Богов, что позволяет прочитать некоторых из них, особенно Фрейю и Одина, как наставников на Левом Пути.

Но Локи как обличитель не может рассматриваться как Бог Смерти или покровитель Левой Руки, его фигура носит важный характер напоминания об относительности всего Светлого, но не более чем этого напоминания. В ключевой эсхатологический момент он, и его порождения, оказывается против Богов, но не как адепт, приносящий формы и образы Богов в жертву высшей Бездне, а как прометеическая сила, ведущая мертвецов, нечистую материю. В современном Одинизме существует скромное направление Локианства, ориентирующееся на фигуру и функции Локи как трикстера, нарушителя порядка и противника Богов, но на сегодняшний день его адепты не породили какой-либо оформленной титанической, трикстерской или Леворучной философии.

Оригинальное прочтение фигуры Бога Тора, всецело относящегося к Пути Правой Руки, с точки зрения Пути Левой Руки предлагает английский практик Нил Хайятт (Neil Hiatt). Он указывает, что в мифах Тор своим Молотом побеждает и убивает хтонические силы в виде турсов и чудищ. Отождествив турсов с теми ментальными привязанностями нашего Ума к Эго, которые мешают адепту в его инициатическом погружении и Богореализации, мы увидим, что Молот Тора помогает нам, разбивая эти привязанности, освобождая нас от Тумана Неведения. В немецком языке «туман» передается словом «nebel», которое также означает и опьянение, что далает этот термин близким к Майе – иллюзии неведения и отчуждения. Такая попытка прочтения образа Тора «слева» указывает на большой инклюзивный и философский потенциал Пути Левой Руки в Одинизме.

Парадигмальным символом на этом Пути становится иное осмысление образа Мирового Дерева. Ясень Иггдрасиль вмещает в себе все девять миров, он является структурой и символом Космоса, изображается с зеленой листвой и обширными корнями. На Пути Левой Руки Ясень предстает перед адептом в Ночи и голым, лишенным листьев как зимнее древо накануне Йоля. Постижение Мудрости на Левом Пути сопряжено со спуском между корней Иггдрасиля к Бездне, но так как этот инициатический спуск подразумевает одновременно и восхождение адепта через три жертвоприношения: животного, человека и Бога, то спуск к корням оборачивается подъемом: *Иггдрасиль растет к Центру Мира, уходя корнями в Небо и далее – в Бездну.* В этом заключается парадокс Иггдрасиля: на Правом Пути он предстает растущим снизу вверх светлым и зеленым Древом, на Левом Пути он оборачивается чёрным и голым Древом, растущим из Неба. «Вершина и пропасть слились воедино», как

писал в «Заратустре» Ф. Ницше. Поэтому наиболее благоприятным временем для начала своего Левого Пути является зимняя Ночь Года до Йоля, во время которой адепт может воочию увидеть *иной лик Ясеня* и отверзнуть левое око, сделав Ночь Года – Ночью открытых Глаз.

Шуйный Путь и Чернобожие

Проявление Шуйного Пути в русском Родноверии происходит в первом десятилетии XXI века, и по большей части связано с Велеславом, который ввел сам термин «Шуйный Путь» и разработал его доктрину. Первые книги о Шуйном Пути начинают выходить из-под его пера в 2005 году, как сборники особых волхвовских (предназначенных для волхвов) радений Богу Велесу и Богине Маре.

Имя Морена/Мара присутствует во многих словах, связанных со смертью: мор, марь, заморить, уморить. В Европе корень *mar/mare встречается во французском и английском словах cauchemar и nightmare соответственно, что означает «кошмар», «ночной кошмар/дурной сон». С Мореной отождествляют чешскую Богиню Морану и ирландскую Богиню Смерти Морриган. Велеслав выделяет в фигуре Мары два аспекта, связанные с её именем: Морену и Мару. Вторая – это проявление Смерти в этом мире Яви, проводница в мир мёртвых Навь, известная по фольклору и этнографии. Первая – это Морена, аспект Мары, который является прямым указанием на Бездну или Великую Навь в терминологии Велеслава. Мара и Морена сродни проявленному аспекту Шакти и высшей апофатической Бездне Парашакти в Вамачаре. Поэтому, взывая к Морене, адепт обращается не столько к фигуре Богини Смерти, сколько к самой Бездне, проявляющейся в виде черноволосой девушки, которая серпом отсекает голову (привязанности Эго) радарю Шуйного Пути.

В Триглаве славянских Богов Велеслав соотносит с каждым Богом его функцию в этом Мире: Сварог покровительствует Белому Пламени творения мира, Перун потворствует Красному Пламени поддержания Жизни, а Велес – Чёрному Пламени Рассоздания, Возвращения. Велес – это Бог, взывающий к Nigredo. На Десном Пути Перун борется с Велесом в образе Змея (Змия), но на Шуйном Велес выводит адепта за пределы дуализма светлого и тёмного мировосприятий.

Природа Ума заключается в движении, которое затмевает собой Истинную Природу – Великую Бездну Нерожденного, то есть предшествующего всякому рождению, выражению или концептуализации. Внутри человека находится его высшая Самость – Собь. В то время как

Ум/Эго прибивают его к коловерти (коловрату) перерождений в Яви, владыкой которой является Демиург Сварог, сковывающий Тримирье. Задача радаря – снять с себя все покровы и личины, которые являются насланным Мороком (ср. Майя), скрывающим его Истинную Природу. Этот путь является для Эго путем его собственной *осознанной* Смерти, где осознанность проистекает не из Ума, который всегда будет препятствовать своему успокоению и погашению, а из Соби; «не из личности, а из Сущности». Поэтому одним из основных радений Шуйного Пути является практика разотождествления адепта со всеми личинами, рефлекторными неосознанными реакциями, страстями, желаниями и движениями мысли.

Велеслав указывает, что совершенство достигается через готовность *умереть здесь и сейчас буквально*. Если адепт ведает, а не формально знает Умом, что его истинная природа – это Предвечная Бездна, а его существование в этом мире – Морок, то он не боится Смерти и ещё при жизни является уже мёртвым для мира. Смерти боится только Эго, Ум. Истинная Собь пребывает за пределами всех состояний.

Открыто и систематизировано учение Шуйного Пути или Русконо Навославия (Хаософии) изложено Велеславом в «Книге Великой Нави», и далее с позиций традиционализма в книге «Liber Abraxas: Против Бога и Природы» и алхимии Хаоса в книге «Деломеланикон». Тем самым подчеркивая, что Истинная Мудрость не принадлежит какой-либо религии, которые всегда являются играми Ума в своих экзотерических внешних проявлениях, а пребывает повсюду в сокрытом виде и может быть выражено на разных языках из различных традиций.

Максимально емко и лаконично суть учения Великой Нави или Шуйного Пути Велеслав излагает так:

«1. Путь Левой Руки — Шуйный путь (от шуйца — «левая рука», рука берущая, возвращающая) — это, прежде всего, Путь Возврата. Возврата не в прошлое, но к Надвременно́му Источнику внутри нас самих, то есть Возврата — Переноса Сознания — из смертной личности в Бессмертную Сущность, нашу Истинную Природу, Бездну НЕРОЖДЁННОГО.

2. Всё рождённое подвластно Серпу Мары-Смерти, и лишь ТО, ЧТО изначально пребывает по ту сторону всех имён и форм, может быть названо поистине Несмертным. Из Сияющей Пустоты Несмертного мы взираем на Мару, прозревая за образом Богини Смерти — Бесформенную Бездну Сверхбожественного НИЧТО, откуда приходят все Боги и куда Они уходят, когда наступает Великая Ночь Богов.

3. Из необусловленной ТЬМЫ — Великой Тёмной Матери МОРЕНЫ — рождается обусловленный Свет, которому рано или поздно предстоит угаснуть. Из Неописуемого НЕПОСТИЖИМОГО рождается двойственность «знаемое/незнаемое», в пределах которой тщетно блуждает человеческий ум. Но когда, пройдя сто тысяч вёрст вокруг самого себя, ум находит свою «могилу» в Сердце, а Сердце оказывается разбито Ледяным Молотом Осознания, — тогда в человеке исчезает ложное отождествление СЕБЯ (Истинного Царя Осознания) со своим умом (инструментом), и Вечный Странник возвращается без возврата на свою Истинную Родину...»[165]

В русском фольклоре Велеслав обнаруживает и обосновывает практику слома Ума сродни парадоксальному Дзен – это фигура Иванушки-дурачка[166]. В сказках это один из наиболее популярных персонажей, который действует алогично, абсурдно и спонтанно, при этом достигая большего, чем свои братья, успеха. Фигура Ивана-дурака трактуется как трикстерская или жреческая, тогда как его братья зачастую представляют воинское сословие. Только Ум Дурака способен не только понять, но и исполнить указ «пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что». Эта фраза, по сути, является исконно русским коаном.

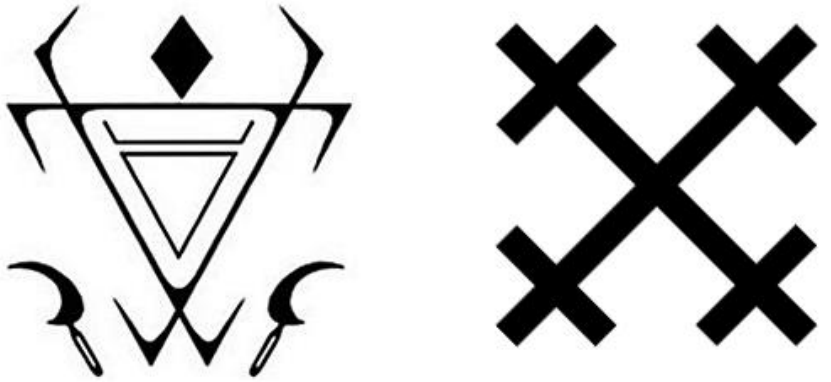
По мнению Велеслава русское Родноверие не может полноценно существовать в современных условиях без Шуйного Пути, который является эквиполентной парой Десному. Даже несмотря на то, что Шуйный Путь отличается своим нарушением Десного Лада, парадоксальностью, навославием и работой с навными Богами, а также предназначен для единиц, сам факт его наличия и проработки говорит о полноценном раскрытии живой традиции в Кощный век. Появление Шуйного Пути в 2000-е годы частью родноверов было встречено с осуждением, как «сатанизм» по выражению Велимира Сперанского. С другой стороны это способствовало обращению большего внимания к обрядовой стороне, семантическому и ритуальному кругу, связанному с ритуалами погребения и смерти, преодолению ряда табу в Десной практике и общей символике Родноверия. По мнению ряда жрецов и глав языческих общин России, Шуйный Путь как таковой *восполняет исконную полноту жреческой стези*, и что само деление на «Десный» и «Шуйный»

[165] См. «Warha #2: альманах о Пути Левой Руки». Велеслав «Книга Великой Нави», «Шуйный Путь».

[166] В сказках может выступать под разными именами.

путь является условным, так как шуйные практики должны рассматриваться жреческим кругом как органичные и должные.
Помимо Шуйного Пути, но в тесной с ним связи, в Родноверии проявилось и Чернобожие. Чернобог и Белобог являются балто-славянскими Богами, представляющими эквиполентную пару Тёмного и Светлого начал. В Восточной Европе до сих пор сохранилось множество топонимов с именами «Чернобог» и «Белобог», наиболее известными из которых являются лужицкие горы Bieleboh и Czorneboh. Современное Чернобожие опирается на эквиполентное понимание Светлого и Темного как двух уравновешивающих мироздание сил. Чернобог наделяется качествами Бога-проводника к изначальной Тьме, Нави (не путать с миром мёртвых).

Чернобог также рассматривается как ипостась Велеса, ведущего радаря к Изначальной Тьме (Хаосу) и освобождающий от оков Ума. Символами Чернобожия являются пылающее во внутрь Чёрное Пламя и современный символ Чернобога, включающий в себя символ Велеса, серпы Морены и чёрный ромб как указание на Природу Тьмы. Также часто используется символ Мары/Морены – Марьин крыж (крест), частый элемент в узорной вышивке, резьбе и керамике на Руси.

Символ Чернобожия и Марьин крыж

На сегодняшний день учение Чернобожия оформлено в коллективном труде «Клан Чернобога» и по большей части принадлежит перу Тимофея Кошелева (1988г.р.), ранее более известного как Лютояр или Лют Ши.

В отличие от Запада, где Путь Левой Руки пытаются противопоставить коллективизму и коленопреклонству креационизма, Шуйный Путь и Чернобожие изначально указывают на Хаос, Бездну Морены и Пустоту как истинную природу Ума, то есть обходят стороной вопросы

индивидуализма и конфронтации с авраамизмом, всецело сосредотачиваясь на Духовном Делании.

Бог Дионис

Вся сущность эллинской традиции заключена в её радикальной *солярности*, в её Аполлоническом Солнечном Логосе. Боги греков – это легкие и могущественные Боги, пребывающие на Олимпе и источающие с него Свет на весь Космос. Хаос вытеснен на периферию, за горизонт и в бездну Тартара. Громовержец Зевс[167] и Солнце-Аполлон правят порядком в мире. Это вертикальная солярная ориентация наследуется Платоном и неоплатониками, которые определили предел мира в материи, которая располагается в самом низу мироздания, от которой отражаются эманации Божественного. Через Платона и его наследие, солярное светлое и рациональное мышление *легло в основу всего западного образа мысли и структуры Ума*, постепенно изменяя свои формы и рассеиваясь по мере наступления Постмодерна.

Боги, связанные со Смертью, мраком и водами – Аид, также известный как Плутон или Гадес, и Посейдон – не получили развития в контексте Пути Левой Руки, оставшись включенными в общий *порядок*.

Путь Левой Руки и его Бога в эллинской традиции мы обнаружим в фигуре *Бога Диониса (Διόνυσος)*. Дионис является сыном Зевса, по одной легенде он зачал его с Семелой, дочерью Кадма. Внебрачный сын вызвал гнев у жены Зевса Геры, её неприязнь к Дионису встречается и в других мифах о нём. Зевс был вынужден зашить недоношенного Диониса в свое бедро, из которого он впоследствии вышел и воспитывался нимфами.Другой миф повествует о рождении Диониса-Загрея, покровителя мистерий, от союза Зевса, в облике змеи, и Персефоны. Дионису с детства предписано быть царем среди Богов: сразу после рождения он еще младенцем садится на трон Зевса и он вручает ему скипетр и молнии, с которыми он играет. С этим эпизодом связана охота титанов на Диониса. Гера выманивает Диониса зеркалом и игрушками, и натравливает на него титанов. Дионис обращается в бегство, воплощая себя как Бога метаморфоз – он обращается Зевсом, юношей, змеей, львом и другими обликами, пытаясь скрыться от титанов. Но они настигают его в облике быка, и разрывают на семь частей, которые варят и пожирают. Богиня Афина спасает сердце Диониса – его Божественную сущность,

[167] Молния – это Логос, Слово и Порядок.

которая осталась нетронутой титанами. После Зевс испепеляет растерзавших Диониса титанов и из их праха появляются современные люди, несущие на себе отпечаток титанической нищеты (недостачи Сакрального) и страданий Диониса. Могила Диониса находится в Дельфах.

Но Дионис воскресает в других своих ипостасях, что делает его *умирающим и воскресающим Богом*. Этот мотив разрывания, смерти и воскрешения имеет много общего с шаманским посвящением и инициацией через Смерть Бога ещё в юном возрасте. В другом месте Гера насылает на Диониса безумие, что становится его отличительной чертой. Безумным он скитается по Египту и Востоку, вселяя безумие в других людей. Так, царь Ликург в приступе безумия убивает своего сына, в Аргосе женщины, услышавшие зов Диониса, бросились со своими детьми в горы, где стали пожирать их. Безумные вакханки, свита Диониса, растерзали царя Пенфея. Дионис находит избавление от безумия, спускаясь в Аид, *в нижний мир мёртвых*.

Культ Диониса получил широкое распространение в Греции и Риме, приобретя форму сезонных празднеств дионисий и вакханалий, известных по одному из его римских имен – Вакх. Вакханалии представляли собой мистерию, на которую изначально допускались только женщины, в ходе которой нарушались все порядки, отбрасывались все табу, рабы менялись местами с хозяевами, дети не слушались отцов, сеньоры прислуживали слугам. Дионис представал перед вакханками и корибантами в образе прекрасного юноши с эрегированным фаллосом, Богом вина и опьянения, а также в виде сатира – полубога и полукозла. В ходе вакханалий совершались оргии преступления, чему потворствовало ночное время ритуалов. Разгул вакханок позднее приобрел настолько большой масштаб, что их пытался запретить сенат Рима. Но Дионис – это бурный триумфатор, каким его называет В. Ф. Отто, он молодой, опьяняющий и сияющий победитель[168]. Он совершает поход в Индию, обращает похитивших его пиратов в дельфинов, завоевывая их корабль виноградной лозой, его менады обращают войска в бегство.

Дионис – Бог метаморфоз, обращений одного в другое, он – внезапный Бог, он появляется и исчезает в разных эпифаниях стремительно, как никакой иной Бог. Исчезая, он заставляет своих менад ждать его и совершать жертвоприношения, подготавливая приход Бога вина и веселья, растительности и жизни.

[168] См. «Безумие и его бог» под ред. Е. Головина.

Бог Дионис представляет собой иной Логос, Дионисийский. Он не относится к Уму как к порядку по лекалам Аполлона, но несет в себе Безумие, Священное опьянение и преодоление Ума. Дионис Безумен с точки зрения Ума, но сам он – вне Ума, за его пределами. Будучи Богом перевоплощений и преодоления пределов, Дионис располагается ближе к человеку, его мир – срединный. Дионис не боится смерти, материи и титанов. Он играет с титанами, а они разрывают его. Он умирает и имеет свою могилу, но при этом всегда Живой Бог. Он спускается в Аид, в бездну материи, и находит там исцеление, иной Свет за пределами мрака. Если Аполлон и Зевс ведут борьбу с хтоническим, то Дионис одной рукой простилается на Олимп, а другой погружается в хтонические миры. Он недвойственен в удержании двух полярностей, хтонической и солярной, как своих собственных крайностей. Дионис – это Бог танца, он играет с материей, в этой легкой игре заключается танец на краю Ума и Священного Безумия. В этом он подобен Шиве в ипостаси Натараджи, а также как пограничная фигура Бога с аспектами (Сагуна) и Бога без аспектов, апофатического (Ниргуна)[169]. К. Г. Юнг сравнивал неистовство Вотана с Дионисом в своем эссе «Вотан», и в целом Диониса можно поставить в один архетипический ряд с фигурами Богов Пути Левой Руки.

В Риме Дионис был также известен под именем Бога Либера, входящего в плебейскую триаду Богов. Либер как освобождающий Бог – это Дионис, освобождающий от оков Ума и общественного порядка. Отсюда можно предположить, что либерализм как парадигма Модерна имеет нечто общее с Дионисом как Богом Безумия, *спускающимся вместе с Космосом в мир Смерти.* Мёртвый либеральный мир – это испытание Железным веком, разрыванием титанами, давлением материи и метафизической Ночи. Дионис – покровитель нарушителей порядка, преступников, Сакральной трансгрессии. Аполлон устанавливает закон «Ничего сверх меры», Дионис также, будучи Богом, нарушает этот запрет и превышает всевозможные меры.

Юлиус Эвола прямо относит Диониса к Пути Левой Руки, «который тянется вдоль края бездны»[170]. При этом Дионисийство – это не столько ритуальная традиция, сколько *философия* и особая, отличная от Аполлонической, структура Ума, всегда находящегося на грани Безумия, переступающего её и возвращающегося. Великую задачу возродить

[169] Более подробное сравнение культов и фигур Богов Диониса и Шивы см. у Даниелу Ален «Шива и Дионис».

[170] См. Эвола Юлиус «Дионис и Путь Левой Руки».

Диониса взял на себя Фридрих Ницше в своем кульминационном труде «Так говорил Заратустра», подвергая ревизии и переоценке закостеневший и распадающийся Аполлонический Логос, т.е. современное ему Западное общество Модерна и его иудео-христианские корни. В определении Сверхчеловека, как «победителя Бога и ничто», кроется Дионис. Модерн и Постмодерн побеждают Бога именем «либерализма», именем Dionysus-Liber, раскрывая ничто, которое будет побеждено и исцелено Дионисом-Царем, играющим с титанами младенцем. Пророк Диониса Ф. Ницше окончил свои дни в сумасшедшем доме, получив избавление через смерть.

Дионис – это грядущий царь, а значит Железный век – время, когда он должен вернуться, когда должна свершиться его внезапная эпифания, несущая ждущим его адептам-философам и Священное Безумие[171]. Философия Дионисийства – это всегда игра, медиация между крайностями, ни Аполлонизм, ни материализм, а выход за их пределы, риск и танец, метаморфозы на краю Бездны. Для Диониса не polemos – отец всех вещей, а *игра*.

Креационизм

Путь Левой Руки в авраамических религиях существует как мистицизм и эзотеризм на грани ортодоксии либо в очевидной форме ересей. В первом случае мистики в лоне Церкви используют христианство как язык, за которым кроются отнюдь не христианские сюжеты и философия. Во втором происходит и изменение языка, что обличает откровенные ереси и приводит к их отделению от Церкви и гонениям. Так как христианство вне семитского контекста *всегда представляет собой двоеверие*, то Путь Левой Руки в его контексте означает неявный переход на сторону язычества, причем не обязательно это подразумевает политеизм и реформу культов, чаще всего это выражается в изменении структуры языка в пользу внутреннего манифестационизма и преодоления – трансгрессии – дистанции между Богом и человеком. Тематика Бездны, Хаоса, разумеется, не становится для Пути Левой Руки в креационизме в центре внимания, а скорее к ней неявно прорываются единицы, используя для этого свой специфический язык.

Все, что мы ранее указывали как реликты и языческое двоеверческое наследие в религиях креационизма, – это Путь Левой Руки, то есть

[171] Описанию Дионисийского Логоса посвящена работа Н. Сперанской «Дионис преследуемый».

нонконформизм и преодоление дистанции между Богом и человеком в первую очередь. К этому кругу относится иудейская каббала, суфизм, христианские мистики и некоторые еретические течения, в том числе и русские.

В ритуальной практике суфиев и исихастов с помощью многократного повторения молитив и сур достигаетс состояние просветления, то есть погашения (фана) Ума и Эго. Суфии, из числа исламских завоевателей севера Индии, с интересом знакомились с тантрическими мастерами и перенемали у них практики. Монашеский путь в христианстве нередко называется «черным путем», так как монахи носят черные одежды и имеют своеобразные культы святых мощей, черепов монахов, которые сохраняются и собираются в специальных костницах в нишах гор и скал. Это является одной из ключевых практик на всем Пути Левой Руки – Памятование о Смерти, Memento Mori.

Ярким примером нарушения запретов своей традиции ради её триумфа является святое отступничество Саббатаи Цеви, который отрекся от титула Мошиаха и принял ислам. Это легло в основание святого отступничества от веры, нарушения правил и табу, с целью ускорить приход истинного Мошиаха не через соблюдение благочестия, а через нагнетание разложения и эсхатологической атмосферы. Если Мошиах приходит в конце времен, то надо ускорить этот конец, выйдя за рамки предписаний Торы, чтобы скорее ускорить пришествие позитивного будущего.

Алхимия и герметизм Возрождения и Просвещения будут являться «левыми» относительно ортодоксии католицизма и протестантизма.

Традиционно образ Бога, христианского порядка и блага описывается как Свет. Исихазм и суфизм гасят Свет Ума ради Света Бога, но ряд германских мистиков делают шаг дальше, говоря о Тьме, что паче Света.

Немецкий мистик Майстер Экхарт ввел два термина, описывающих разные уровни Бога: Gott – Бог, и Gottheit – Божество или Божественное, которое является тем безличным Абсолютом, который лишен каких-либо аспектов, атрибутов и движения. Природа Gott коренится в Gottheit, то есть проявленный Бог берет начало из апофатической бездны Божественного. Частица этого Божественного есть и в человеческой душе, то есть в Сердце человека покоится апофатическая Бездна Божественного, которую можно раскрыть через умаление внешней человеческой воли.

Ученик М. Экхарта Иоганн Таулер описывал просветление Духа как погружение в Божественную Тьму, Молчание и Единение с Богом, в котором исчезают все различия.

Якоб Бёме (1575-1624гг.) развивает эту же идею в своих терминах Grund и Ungrund, Основа и Бездна. По Я. Бёме Grund покоится на Ungrund, то есть Бездне, которая является чистой Божественностью (ср. Gottheit) за пределами Времени, Бытием *до Творения*, Небытием настолько апофатичным, что его в некотором роде и нет вовсе.

Образы Тьмы, объявшей Свет, Бездны под Основой Мира, апофатического Божественного близки германской Зияющей Бездне Гиннунгагап, предшествующей проявлению мира. Нет никаких данных, указывающих на связь германских мистиков с внешними языческими линиями передачи, но структурно они реконструируют Путь Левой Руки в тех аспектах и том указании, которые существуют в Адвайте Парашивы и самом Одинизме Левой Руки.

Путь без Пути

Путь Левой Руки – это радикальный и быстрый путь Обожествления и преодоления космических обусловленностей адептом в течение одной жизни, а не многих перерождений. Практик или Путник совершает три жертвоприношения и ещё при жизни раскрывает свою истинную природу Предвечной Бездны за пределами Ума и Эго.

На этом этапе также деление на Путь Правой Руки и Путь Левой Руки более не имеет смысла, так как адепт выходит за пределы этих условностей, он встает на Путь без Пути. То есть он никуда не идет и не следует ни за какими освобождением и реализацией, *а сразу здесь и сейчас* пребывает в Божественном состоянии. Велеслав назвал это пребыванием в состоянии Естественной Первоосновы и Невовлеченности в Морок, то есть Бог в манифестации человека может участвовать и совершать любые деяния как игру, но никогда не забывать, что это *именно игра* [Майи]. При этом адепт может раскрыть свою Божественную природу Бездны и пребывать в ней, вовсе не следуя Путем Левой Руки, а абсолютно спонтанно (Дзен и Дзогчен), в чем и заключается Учение Великого Совершенства[172].

Иными словами, Путь без Пути подразумевает преодоление последнего предела – самой идеи какого-либо «преодоления» и Пути. Пока есть какой-либо Путь, Правый или Левый, всегда есть тот, кто по нему все ещё идет. И пока он все ещё идет – он никогда не достигнет цели, так как Путь, Цель и «идти» – это игры Ума, все ещё Иллюзия, Туман (Nebel) неведения. Путь

[172] См. Велеслав «Откровение Горного Алтая. Учение Великого Совершенства».

– это Иллюзия, ибо адепт всегда в любой момент пребывает в своем естественном состоянии и ему, по сути, нет нужды куда либо идти и чего-либо искать. Бездна всегда есть Бездна, она всегда пребывает во всем. *«Когда ты вернешься Домой, ты поймешь, что никогда никуда и не уходил»* – пишет Велеслав. Само выражение «Путь без Пути» содержит в себе *коан*, ведущий к освобождению.

При этом это не подразумевает моментального испарения или растворения его материальной манифестации в явном мире. Пробудившийся адепт в Индуизме называется дживанмукта или авадхута – садху, реализовавший свою Божественность при жизни. Он остается пребывать в мире, одновременно не имея в нем никаких привязанностей. Для Ума и страстей мира он уже умер, но при этом биологически он ещё жив, находится в своем материальном воплощении. Период после реализации и до усмерти мирского тела составляет последнюю стадию адепта – пребывание в состоянии Абсолюта на всех уровнях: Бездны, Бога и человека в мире. В этот период дживанмукта дает учение о Пути адептам, помогает страждущим и наслаждается миром-как-самим-собой. На этом этапе раскрывается польза двойственности-недвойственности (двайта-адвайты), с её помощью [адепт как] Бог наслаждается жизнью в своей манифестации адепта-человека, двойственность позволяет ему достигать экстаза преодоления двойственности. Именно в двойственности Божественная пара Мужа и Жены, Шивы и Шакти, Велеса и Морены, Одина и Фрейи, совершают свое ритуальное соитие и творят миры.

А. Джайадхар (Бхайравананда) так характеризует состояние пребывания в мире при достижении реализации:

«Если бы не было двойственности – любовь была бы невозможной. Если бы не было единства при двойственности, а была бы лишь двойственность – все существа были бы настолько чужды друг другу, что опять-таки не возникла бы любовь, предполагающая родственность. В то время как «Бог есть любовь». С точки зрения пара-адвайты, Божественность всегда сверкает и переливается тремя своими модусами: абхеда, бхедабхеда и бхеда. Она объединяет собой все три аспекта».

IV.III Тьма и Тень

Ум и Майя – это одно и то же, так как цель Майи – скрыть от человека Божественную Природу, погрузив его в иллюзию множественности,

отчуждения и неведения. Ум своим движением и сиянием также отдаляет человека от Безмолвия и Пустоты. При этом природа Майи такова, что она сама есть Шакти и, скрывая Бога, она этим самым проявляет Бога. Ум также является Демиургом. Сокрытие есть раскрытие, манифестация внешнего аспекта, Бога с атрибутами. Идеи «Пути» и «Освобождения» также рождаются в Уме, и именно Ум является тем самым «адептом» и «путником». И пока адептом является Ум, он никогда не дойдет до цели, так как её достижение предполагает выход за пределы Ума, его погашение, что Ум-Демиург не может допустить. Поэтому «Путь» является иллюзией и не является ей одновременно, как амбивалентная природа Майи. В этом заключается сложность Пути Левой Руки, опасность здесь таится в *вовлечении в игры Ума*, восприятие их как реальности. Чтобы остаться в своих границах, Ум порождает иллюзии, в которые адепт рискует поверить как в *настоящие*. Отождествление с каким-либо новым состоянием, ментальным образом, чувством создает угрозу провала инициатического погружения, которое заключается в освобождении от каких-либо привязанностей Эго. В алхимических стадиях наиболее рискованными являются Nigredo и Albedo, а наиболее подвержены инициатическому риску люди пашу и вира. В этих состояниях, поскольку реализация проходит стремительно, адепта поджидают и более тонкие и неочевидные соблазны, которыми Эго удерживается на своем месте.

К. Г. Юнг определял «Тень» как совокупность негативных качеств индивида, которые он вытесняет за пределы своего внимания или подавляет; Тень это то, «чем человек не хотел бы быть». Стадия Нигредо – это столкновение человека с его Тенью один на один, это прямое вскрытие иллюзорности Светлой обособленности Ума и порядка, который повсеместно нарушается им в тени. Отсюда описание стадии нигредо как растворения, погружения в темноту, смерть, ночь, пробуждение посреди инфернальных пейзажей современности, в которых сам адепт ничем от них не отличается и включен в общую ткань повествования. Но Тень не тождественна Тьме, а лишь является определенной, но всегда конечной, мерой умаления Света. Вступая в контакт с Тенью, адепт должен её преодолеть, в то время как Ум может лишь «перекраситься», то есть поменять внешние привязанности со Светлых на Тёмные, сохранив такую же структуру «раболепства». В таком случае Тень лишь заменяет Эго, переориентирует его с формального и внешнего почитания Светлых Богов на точно такое же почитание Тёмных Богов, без глубокого погружения в суть Левой Руки. Иными словами, происходит смена знаков, образов и

символов, но не само инициатическое преобразование адепта. Пашу остается пашу, меняются лишь Боги на его алтаре. Это является первой иллюзией на Пути – иллюзия, что Путь начинается с «перекраски» Ума, а не с преодоления Тени. Проваливая первое столкновение с Тенью, которая ещё не Тьма, адепт рискует впасть в состояния «западания», «зависания» на определенном уровне и в определенном паталогическом состоянии, как это трактует Велеслав. Например, чувство отличия внешних форм почитания Тёмных Богов от форм почитания Светлых Богов может породить у адепта ложное ощущение своей «особенности», «отличности его Пути» от Пути других, что приведет к западанию в состоянии внешней гордыни или «ложной самости». Другим вариантом может быть развитие чувства ненависти к окружающему «адскому» миру, населенному сплошными пашу, недолюдьми и животными, природой которых в аспекте Тени отмечен и сам адепт. В таком случае практик рискует «запасть» в состояние мизантропии и приобрести сумасшествие, расщепленное сознание (Самость против Тени), которое на профанном уровне соответствует шизофрении[173]. Стадия Нигредо или первое жертвоприношение сопровождается глубоким экзистенциальным кризисом, смертью того, кого приносят в жертву. Тень побеждается не Светом, но Тьмой Бездны, в которую погружается адепт. Экзистенциальное западание также чревато паталогической депрессией, потерей смысла жизни, разрушением социальных связей, заменой рационального Ума на психотические реакции, истерии, неконтролируемую эмоциаональность и паталогии в восприятии собственной телесности. В ритуальной практике адепт уходит от инициатического погружения к магии и колдовству, направленных на получение материальных благ, телесных удовольствий, удовлетворения своего Эго, гордыни, тщеславия, творения умышленного Зла. Эти состояния названы Велеславом «чернушничеством», «чернушным западанием», когда адепт в некотором роде ритуально перегнивает, навсегда оставаясь в пространстве Тени, пребывая в страстях ниже уровня Светлого или Тёмного почитания Богов.

На стадии Albedo также возможны риски развития гордыни и тщеславия, но уже в более светлом аспекте, сроди ложному чувству возвышения после преодоления Тени. На этом этапе вира достигает первых сиддх – особых возможностей, которые проявляются у адепта по

[173] Состояние экзистенциальной мизантропии на стадии Nigredo мы исследовали в нашей ранней работе «Svarte Aske».

мере продвижения на Пути, и выступают одновременно в двух испостасях: как силы, которые расширяют возможности адепта в практике, и как силы, которые ведут к соблазну использовать их для своих корыстных целей. Сиддхи – это и помощь и то, что также следует принести в жертву, преодолеть привязанность к особым способностям и их плодам. Тот, кто вовлекся в погоню за сиддхами и их плодами, вновь проваливается в Тень «человеческого, слишком человеческого». На этом этапе адепт также сталкивается с *иллюзией достижения*, когда Ум преподносит обретение сиддх, преодоление Нигредо, умеренную гордыню и более светлое состояние адепта как конец Пути и окончательную реализацию. Раскрытие своей истинной природы Бездны *здесь и сейчас* Ум подменяет на экзальтацию и *«вот-указание».* Достигший мокши адепт не задается вопросом о своей Божественности, он переживает её здесь и сейчас постоянно, в то время как ещё не достигший высших плодов адепт задается вопросом «Бог ли я уже?», на что Ум отвечает «да, *вот* [здесь, смотри, сейчас и т.п.]» и указует на сиддху или некое чудо, экстраординарный угол зрения на мир и т.д. опьяняя Собь адепта очередной иллюзией.

Природа всех западаний кроется в Майе, которая является Шакти Бога, его динамической творящей энергией и внешней манифестацией в виде Космоса. Отношения Шивы и Шакти – это соитие и лила, игра. В строгом монизме это игра Бога и его отражения, которое отражается в самом Боге, который выходит за пределы себя самого (манифестируется в виде мира), чтобы ему самому было каким образом самого себя наблюдать. *Сокрытие* Бога – это его манифестация, с помощью которой он *раскрывает* сам себя в своей игре. Удерживая принцип игры и иллюзорности – *игры волн на поверхности Океана* – адепт способен преодолеть все состояния западания. Путь Левой Руки – это танец, игра, на самой вершине иглы. Неловкое движение, когда адепт начинает верить в игру как в реальность, оборачивается падением с вершины в бездну материи или обособленной Светом Духовности. Все сиддхи и чувства тщеславия, особенности, достижения должны быть принесены в жертву, должны быть агхорически выпиты как яд, *который не отравляет*. *Ибо, чистому – всё чисто.*

Принцип пития яда, который не отравляет чистого адепта, можно положить в основу отношений адепта Традиции, Пути Левой Руки с Модерном и Постмодерном. Адепт не боится их и не выступает против них с мечом, но погружается в них, выпивает их яд, преобразуя его в нектар и лекарство, он играет с материей как младенец Дионис с титанами.

И даже будучи разорванным, его Божественная природа никогда не будет принадлежать иллюзии, Майе форм и множества.

При этом Путь Левой Руки, Хаосизм, – это подчеркнуто Сакральный Путь, на котором главными покровителями (даймонами) являются Боги, то Божественное, что есть внутри адепта. Он ведет за пределы Божественных форм к чистой Бездне, но чтобы выйти за их пределы надо сначала их достичь. Богиня Кали (или Дурга) уничтожает ракшасов и асура Рактабиджу, Один приводит к гибели Вафтруднира, при этом постигая его мудрость. Поэтому Путь Левой Руки косвенно, но солидарен с Путем Правой Руки в отторжении материального и титанического, но воплощает это исходя из совсем других установок и иначе. Для Пути Левой Руки главным является преодоление иллюзий, тонкой грани Майи/Морока/Тумана, которая скрывает-и-раскрывает Божественное.

На уровне Бездны – всё едино, на уровне Космоса – все разделено и множественно, на уровне двойственности-недвойственности разделение является проявлением и условием Единства. Если адепт Пути Левой Руки с относительной легкостью преодолевает очевидные материальные, идеологические нагромождения Модерна как иллюзорные, то Майя преподносит на его погружении, помимо ментальных западаний, также и иллюзии «учений Тьмы». Их путь украшен символами Смерти, знаками преодоления, фигурами хтонических могуществ, уводящих адепта в западническое и чернушное состояние, либо к иллюзии достижения. Иначе говоря, на стадии Nigredo адепт может узреть привлекательный образ Пути, описанный каким-либо «умным человеком», и принять его за истинный Путь, каковым он не является, а является лишь симулякром Пути Левой Руки, очередной «духовной» подделкой, рассчитанной на свою потребительскую нишу.

Магия

Хаософия или Хаосизм является максимальным выражением и самым благородным проявлением Пути Левой Руки. Помимо быстрой реализации, Левый Путь также предполагает наличие магической и особой ритуальной практики, которые могут быть подспорьем адепту, наряду с сиддхами, так и выступать как самостоятельное направление трансгрессивной и нонконформистской магии и работы с Богами Смерти.

Магия является работой с силами природы, стихиями, духами и Богами, то есть означает вовлечение в космические и природные процессы и явления, соучастие в них и оказание на них влияния. Такое соучастие

подразумевает включенность адепта в космические процессы, а также подверженность их влияниям и, наконец, ответственность мага за свои деяния. Говоря о магии следует заключить, что к ней неприменимы определения «белой» и «черной», так как они принадлежат двойственному восприятию и популяризованы под влиянием авраамизма. Есть созидательные и разрушительные аспекты мироздания, Боги Жизни и Смерти, нередко – в одной фигуре, но под разными *именами*. Поэтому то, что одному покажется страшным и «черным», на уровне Божественности будет являться должным, ни «белым» ни «черным», а таковым, какое оно просто есть в свое время и на своем месте[174]. Таков недвойственный взгляд на природу и исток магии. Но в проявленном мире также действует закон кармы – воздаяния за поступки, исполнение Дхармы и адхармы. Обычный человек стремится улучшить карму и избегает нечистого. Маг, который выполняет действия, связанные с разрушающими аспектами Богов и сил природы, со стороны выглядит как «чёрный маг», что подразумевает его негативную карму того, кто работает со Смертью и нечистыми материями. На Пути Левой Руки маг, работающий через аспекты разрушения и жертвоприношения, достигает такой реализации, что он выходит из-под власти закона кармы, он присутствует в мире не привязанным к колесу сансары (дурной Коловерти Яви по Велеславу), поэтому он не боится того, чего опасается благоверный адепт Правой Руки и обычный человек. К ухудшению или улудшению кармы ведут деяния, которые совершает человек. Адепт Пути Левой Руки не совершает деяний, его действия носят характер *недеяния*, т.е. он не отождествляется со своими желаниями, реальными действиями и последующими результатами. От каждого действия обычного человека, особенно когда он обращается за магической помощью, в его судьбе и судьбе мира расходятся круги как от камня на воде. Когда адепт Пути Левой Руки совершает «деяние» поверхность океана Вечности не содрагается рябью волн. Деяние недеянием не оставляет следа в карме адепта, если он достаточно реализаован и свободен от плотских и ментальных уз Майи. Заметим, что сама игра слов «деяние недеянием» также является коаном.

Но, преимущественно, место магии на Пути Левой Руки располагается на уровне двойственности и двойственности-недвойственности. На первом уровне адепт работает с Богами, духами и силами как отличный от них субъект, заклинающий их жертвоприношениями, символами и славлениями. На втором уровне адепт уже обладает реализацией

[174] См. А. Джайадхар «Абхичара. Индийская магия».

двойственно-недвойственного восприятия и его магия – это магия Божественного воздействия на мир, не требующая детальной нюансировки и сложных церемоний. Адепт действует одновременно на уровне Божества и на уровне Божества-в-проявлении-человека, пребывающего в мире. Такое различие близко к двум видам Магии Хаоса, которые выделяет Велеслав в «Книге Великой Нави». Первый вид – это Великая Магия Хаоса, когда реализовавшийся адепт влияет на Космос силами Хаоса, на Явь силами Великой Нави, что требует от него истинного, а не ложного достижения. Магия Хаоса отличается от Природной Магии, которая оперирует со стихиями Огня, Воды, Земли, Воздуха и Эфира, и отчасти является родовой, т.е. передающейся по цепи в роду и народе.

Вторая является Малой Магией Хаоса и представляет собой работу внутри Космоса, Яви, и влияние на процессы в Яви с помощью сил Нави (Мира Мёртвых) и радений Велесу и Маре. Вариацией этой магии является некромагия (колдовство на погостах, местах смертей), некромантия. Аналогом такой магии в Одинизме является беседа Одина и Вёльвы (Voluspa) в «Старшей Эдде», залог глаза для жизни Мимира, птицы кладбищ вороны Хугин (Мысль) и Мунин (Память), и др. К адептам Малой Магии можно отнести С. Флауэрса, который во многом использует язык германо-скандинавской традиции для выражения западного оккультизма. Негативным западанием в этом виде магии является некрофилия.

Происхождение Магии Хаоса в её современном виде связано с именем и трудами Остина Османа Спера (1886-1956гг.), английского мистика, писателя и художника. О. Спер является основателем малочисленной организации культа Зос Киа, не получившей самостоятельного широкого развития, но идеи которой оказали большое влияние на западный оккультизм и сатанизм в последующие годы.

В основе системы О. Спера лежит пара фигур, которые он назвал Зос и Киа. Зос – это тело, сфера телесности и материальности, Киа – ментальная область, Я, обладающее абсолютной свободой. В этом дуализме проглядывается традиционный, отчасти платонический и отчасти тантрический дуализм. Цель адепта – реализация свободы Киа в масштабе Вселенной.

Магия Остина Спера строится на стратегиях обхода и обмана структур Ума. Он активно продвигает метод автоматического письма, нерефлексируемого Умом и позднее дешифруемого и анализируемого практиком. Большое внимание в магии О. Спера уделено методу сигиллизации – выражения воли и намерения практика в форме

графических образов, комбинации символов и геометрических фигур, которые призваны скрыть явный смысл послания, тем самым утаив его от оператора-практика. Этот подход лег в основу всей западной Магии Хаоса, состоящей из небольшого количества этапов. Начиная с максимально образной, экспрессивной и истинной формулировки своего желания, после которой адепт должен сознательно, искренне и абсолютно по-настоящему навсегда забыть свое желание, избавиться от него. И заканчивая тем, что оно впоследствии исполняется тогда, когда адепт про него забывает навсегда. Таким образом, маг обманывает Ум и Космос, помещая свое желание *за пределами своих желаний*, что вызывает его реализацию. На это сокрытие направлена и практика сигил. Это составляет позитивную повестку новой для Запада Магии Хаоса.

Как и со многим в западном эзотеризме в XIX и XX веках, магия О. Спера масимально органично воплощалась именно в фигуре и мировоззрении своего автора, не порождая после себя какой-либо структуры или истинных и достойных последователей. Воспринятая фрагментарно как нечто новаторское, Магия Хаоса О. Спера дала толчок к развитию западного мистического синкретизма, так как Магия Хаоса носит подчеркнуто субъективный характер и обращается к разным традициям, поверхностно заимствуя у них символы, имена духов и практики. В свою очередь, за поверхностным *хаотическим (профаническим)* смешением в западном эзотеризме уже не скрывается тайного и маскируемого желания, которое надо утаить от Ума и Космоса и ожидать его воплощения. Современный синкретический оккультизм Запада, не без влияния О. Спера и Хаосизма, стал чистым симулякром, потоком символов и нарративов, которые вуалируют лишь *ничто*.

За синкретизмом скрывается неверное и поверхностное понимание фразы, что «мудрость не принадлежит какой-то одной религии». Ошибка заключается в подмене понимания Единства на *одинаковость*. Единое проявлется во многом (вещи, идеи), но, смешивая многое между собой, адепты лишь *множат многое*, перемещаясь по периферии и тешатся *сходствами*, а не Единством. Путь всегда один, если он твой, но Путей много, как много языческих традиций, так и внутри каждой из них. Здесь проявляется еще один уровень толкования Звезды Хаоса: из центра исходит множество Путей, чем ближе они к центру – тем больше видно их общее, то, что их единит. Чем дальше лучи – тем больше проявляется различий, затмевающих Единство и проявляющих разнообразие традиций. Периферия – пространство максимальной плотности Морока, Махамайи,

материальности и множественности, различения. Единое – в центре, либо за пределами периферии, достигаемое через *прорыв снизу*, через прохождение области Смерти *насквозь*. Синкретизм и смешение – это блуждание по окружности, пространство иллюзий, западаний и титанического порабощения неподготовленного адепта.

Яйцо Мира

В своих трудах Рене Генон ввел триптих Яйца Мира, которым описывал метафизическое состояние мироздания. Первая часть описывается как Яйцо Мира, открытое сверху Божественному свету, что соответствует Золотому веку и миру Традиции. Вторая часть – это закрытое Яйцо, когда в него не проникает никакой свет, это состояние Модерна, Железного века и анти-Традиции. Третью часть Р. Генон описывал как открытие Яйца *снизу* и проникновение в мир *чёрного света*. Эта часть означает появление великой пародии, времени, когда в мир врываются инфернальные силы, выдающие себя за Традицию, но не являющиеся ею.

Для Р. Генона и ортодоксального «генонизма» вопрос о природе «чёрного света» и вторгающихся в мир снизу сил имеет однозначный ответ – это силы зла и контриницииации[175]. В этом проявляется дуализм Р. Генона, склоняющий его последователей к креационизму. Генонизм – это всегда дуализм и Правый Путь. Для традиционализма, начиная с Ю. Эволы, и для язычества ответ на этот вопрос не столь однозначен и является ключевым для Пути Левой Руки: кто приходит снизу, и какова природа Чёрного Света?

Для языческого традиционализма Правой Руки раскрытие Яйца снизу и вторжение хтонических сил означает подъем титанов и становление Постмодерна, симулякров язычества и духовности. Относительная двойственность здесь заключается в том, чтобы опознать эти симулякры как таковые, определив их как демонические влияния и выстроив позицию против них согласно Дхарме, Вирду. Это – Путь Героев, воинов, второго сословия. Борьба с титанами является проявлением должного поведения, воплощением своей природы. Адепт Пути Левой Руки видит в этой ситуации иное проявление должного как разрушения Космоса, наступления эсхатологической битвы, которой правят Боги Смерти. За сокрытием Богов кроется их проявление.

[175] См. также Данан Алексендр де «Память крови», исследование контриницииации в христианско-традиционалистском контексте.

Фигура, которая приходит в мир снизу, согласно генонизму, это Сатана. Для языческого традиционализма такое привативное определение «зла» и дуализм неприемлемы. Для более точного описания той фигуры, которая приходит в сиянии Чёрного Света, язычник может обратиться к фигуре Локи[176]. Фигура Локи максимально амбивалентна. С одной стороны он – древнейший Бог, выступающий под именем Лодура в акте творения человека, является кровным побратимом Одину, живет с Асами в Асгарде, является спутником Тора, выполняющего функцию защиты Космоса от йотунов и турсов и, наконец, помогает Асам решать их проблемы, причиной которых он сам нередко является. С другой стороны – он носит в себе кровь гигантов, он порождает восьминогого Слейпнира – скакуна Одина, но также и Хель, Йормунганда и Фенрира – врагов Асов в Рагнарёк. Он подстрекает Хёда убить Бога Весны и Красоты Бальдра и отказывается его оплакивать, тем самым делая невозможным его воскрешение, с чего начинаются Сумерки Богов. Он устраивает перебранку у Эгира, чем окончательно настраивает против себя Богов и порывает с ними, впоследствии возвращаясь на поле Идавелль с армией мертвецов на Нагльфаре. Локи выступает метафизическим трикстером, его фигура максимально амбивалентна, напряжена и одновременно тонка для категоричной дешифровки. Пока Локи дружен с Асами, пока он выступает на стороне Богов – он сам Бог, но когда он идет против них – он абсолютный безжалостный титан, отец-и-мать хтонических чудовищ, разрушитель порядка. При этом, совершая свой Вирд, даже Локи-титана можно прочитать как Бога Разрушения, выполняющего должное –

[176] Этот образ актуален как для Правой Руки, так и для Левой Руки, с поправкой на различность дхармы на каждом Пути.

начинающего Рагнарёк. То есть его титанизм является сокрытием его Божественной роли, он – Бог осознанного изгнания и преступления, через которое свершается должное. Локи нередко считают Богом Огня, в таком случае, его огонь всегда представляет игру красного и чёрного языков пламени, которые невозможно «бескровно» разделить. В этом заключается парадоксальная и неуловимая природа Локи, более тонкая и неопределенная, чем у титана Прометея, более близкая к изменчивому Богу Дионису, который спускается в нижние миры и исцеляется там от безумия. Входя в Яйцо Мира снизу, в Чёрном Свете, Локи является для адепта указателем на Тень, на истинное метафизическое положение вещей. Одни воспримут его как титана и предводителя хтонических сил, другие – как указание на Путь за пределы двойственности. Поэтому прочтение фигуры Локи – это тонкое и сложное путешествие между – *мимо* – титанов, за пределы Космоса, иллюзий Майи, западаний и привязанностей. В таком свете кровное побратимство Локи и Одина – это связь между Богом Разрушения, указующим на иллюзорность и смертность всего, и Богом-адептом, Путником, искателем Высшей Мудрости – Одином, а Рагнарек – это его финальное *саможертвоприношение*. Локи и Одина роднит то, что они оба несут в себе черты трикстеров, оборотней, шутников, танцоров, *играющих реальность* каждый сам для себя.

Снова титаны

Становление Пути Левой Руки в язычестве на Западе и в России проходит при влиянии других «тёмных» учений, которые уподобляются ядам, из которых следует сделать лекарство и не отравиться ими. Но сами по себе они представляют обособленные и ограниченные версии «тёмного пути», нередко выступая и как чистые симулякры. Двойственное прочтение фигуры Локи приводит к тому, что в Яйцо Мира снизу проникают копии, подделки, подменяющие собой как языческие традиции Правой Руки, так и учения Левой Руки. Пройти между ними, не ввязавшись в их игры, является задачей адепта.

Одной из первых ассоциаций с Путем Левой Руки является сатанизм. Сатанизмом называется и язычество как таковое, с точки зрения авраамической ортодоксии, но внутри язычества «сатанизмом» также называют и Путь Левой Руки (Велимир Сперанский). Народные верования, языческая нить в Средневековье для Церкви являлась дьяволопоклонничеством, инверсией христианства в сторону Сатаны. Церковь обличала «черные мессы», «шабаши ведьм», колдовство, порчу и

магию т .д. Отчасти церковным трактатам против таких ересей язычество обязано своим дальним родством с уже современным сатанизмом, который впитал в себя многие языческие практики и язык. Но на уровне самой деревенской общины, pagus, суеверия и старые обычаи никогда не воспринимались именно как «сатанизм».

На уровне имен самого Сатаны, «сатанизм» уходит корнями в семитское язычество, Боги и духи которого были осмыслены как демоны и имена Дьявола во время становления креационизма. Позднее к семитскому кругу имен Сатаны добавились имена Богов соседних племен (Вельзевул, Баал и т.д.), а также с распространением христианства в этот список попали и европейские Боги, духи и демоны. За иудео-христианским «сатанизмом» кроется древнейшее язычество, как семитское, так и европейское.

Современный сатанизм целиком выходит из европейского оккультизма и герметизма, когда многие знания и учения тайных орденов становятся доступны массам, и приобретает свои гротескные формы в первой половине XX века. В современном сатанизме существует несколько направлений, первое – представление о Сатане как о некой личности, фигуре, которой следует поклоняться так же, как и Богу, но в иных формах, ритуалах и используя иные символы и жертвы. Это уровень максимально профанного дьяволопоклонничества и инверсии христианства.

Другие сатанисты предлагают рассматривать «Сатану» не как фигуру, Бога или некое персонифицированное могущество, а как условное название для совокупности установок на индивидуализм, собственное развитие, критическое восприятие мира, атеизм, гордость, творчество и т.д. Фактически, значение термина «сатанизм» в таком контексте тождественно значению «либеральный модернист». Такой сатанизм полностью признает научную картину мира, объясняя магию с помощью научных методов, утверждает «разумный эгоизм» как норму поведения индивидуума. Примечательно, что именно в такой форме и с такими ценностями в последние годы формируются робкие попытки создания исламского сатанизма, «шайтанизма», тесно связанного с black metal субкультурой и западной ценностной парадигмой.

В основе ритуальной практики сатанизма лежит смешение культов, многочисленные заимствования из кельтской и германской мифологий, восточной демонологии, викканства, западного спиритизма и позднего оккультизма (Папюс, Э. Леви и др.).

Своеобразной суммой и иконой всего сатанизма является организация и учение Антона ЛаВея (1930-1997гг.), «Церковь Сатаны», основанная в 1966 году в США. «Церковь» ЛаВея является сознательной карикатурой на христианство и коммерческим поп-проектом, который стал неотъемлемой частью поп-культуры Запада. В основе «Библии Сатаны» ЛаВея лежат банальные индивидуализм, гедонизм и эгоизм человека Модерна и гражданина США, свободного проявлять их в гротескных формах черных одежд и перевернутых крестов. В деятельность «Церкви» были в разное время вовлечены медия фигуры, поп-звезды, актеры и музыканты, что делало их фигуры более интересными для прессы и привлекало к ним внимание через скандал. Таким образом, «Церковь Сатаны» представляет собой субкультурный клуб рок-звезд и контр-культурных эзотериков.

От «Церкви Сатаны» Антона ЛаВея берут свои корни множество малочисленных сатанинских ячеек и организаций в США и мире, включая Россию. Одной из самых известных «дочек Церкви» стала организация «Храм Сета», активно пропагандирующая учения Левой Руки в их специфическом западном понимании. «Храм» основан Майклом Аквино (1946г.р.) в 1975 году. С этой организацией связан С. Флауэрс. Его учение и негативное влияние на понимание Пути Левой Руки подвергал критике В. Гримссонс.

Говорить об инициатической составляющей сатанизма невозможно ввиду её отсутствия. Сама природа этого эзотерического феномена лежит в определении через отрицание христианства, будь оно парадигмальным или на уровне инверсии форм, и протекает строго через Модерн и Постмодерн, делая всех, кто всерьез считает себя сатанистами, представителями субкультуры симулякра. За внешней тёмной эстетикой форм и символов скрывается потакание телесным желаниям уровня пашу, недочеловека страстей, неспособного к принятию какого-либо глубокого или высшего знания.

Одним из своих корней симулякр «сатанизм» уходит в идеи выдающегося английского мистика и оккультиста А. Кроули (1875-1947гг.), чье учение, в отличие от А. ЛаВея и М. Аквино, является более глубоким и содержащим в себе немало полезного для адепта Пути Левой Руки. Родители Алистера Кроули были членами секты «Плимутских братьев», одной из наиболее строгих протестантских групп, что привило у него неприятие христианства с раннего детства[177]. А. Кроули был членом

[177] См. Кинг Ф. «Мегатерион. Зверь 666».

герметического ордена «Золотой Зари»[178], масоном, изучал и практиковал йогу, каббалу, алхимию и систему Таро, к которой он дает подробные комментарии и создает свою колоду Таро Тота. В этот период он берет себе псевдоним «Megatherion» – Великий Зверь 666.

Вершиной творчества Алистера Кроули является созданное им учение Телемы, к которому активно обращаются современные сатанисты. Учение Телемы, по версии А. Кроули, он получил в 1904 году в Каире, от существа по имени Айвас, которое вступало с ним в контакт через его жену-медиума. Айвас, посланник Бога Гора, продиктовал Кроули «Книгу Закона» («Liber Al vel Legis»), в которой изложил учение телемизма и провозгласил наступление нового Эона Гора. Телема переводится с греческого как «воля», и в основе учения лежат его главные законы:

«Делай то, чего ты хочешь – таков будет Закон. Любовь есть Закон, Любовь, послушная Воле»[179].

Закон «делай, что хочешь» понимается как исполнение высшей Воли адепта, близкой к «свободе для», в то время как все остальные адепты А. Кроули понимают этот закон как «свободу от», т.е. разрешение на произвол и гедонизм как метод практики. «Любовь, послушная Воле» понимается как ритуальное соитие адепта и его жены (Багряной Жены), подчиненное Воле ритуала и духовному деланию, а не животным страстям и желаниям. Это является аксиомой всей сексуальной магии А. Кроули.

Корни самого телемизма восходят, помимо эстетики египетской традиции и каббалы, к произведению Франсуа Рабле (1494-1553гг.) «Гаргантюа и Пантагрюэль», в котором он высмеивает современное ему христианское общество и рисует гуманистическую утопию в виде телемского аббатства, девизом которого является «Делай, что хочешь». Произведение Рабле является образцом ренессансного гуманизма и во многом резонирует с поздним телемизмом А. Кроули, который перенял у него идею свободного от религиозного догматизма общества, направляемого разумной волей человека.

В учении Телемы А. Кроули максимальная реализация адепта подразумевает отождествление с его собственным ангелом-хранителем или даймоном, духом-проводником или Богом. Именно это должен «хотеть» и «делать» практик. На это направлены ритуалы и делание неофита и адепта. Главным испытанием на этом пути является прохождение Бездны и её стража – демона Хоронзона. Хоронзон

[178] См. «Маги Золотой Зари: документальная история магического ордена, 1887-1923».
[179] См. А. Кроули «Книга Закона».

олицетворяет собой разрушительные силы хаоса и растворение. Адепт побеждает Хоронзона и проходит Бездну через полное разотождествление со своими страстями и желаниями. Демон искушает адепта, показывая ему образы и воспоминания его жизни, которые он рискует потерять, тем самым отвлекая его от Великого делания. Задача адепта – не поддаться на уловки демона, за которым можно угадать черты Ума, и не проявить сострадания и желания сохранить хоть что-то от прошлой жизни. Прошедший испытание демоном Хоронзоном становится совершенным адептом. Тот, кто проявляет жалость и привязанность к прошлому или эмоциям, проваливает инициатическое исптыание и, по определению А. Кроули, навсегда остается «братом Пути Левой Руки». Претендовать на исптыание Бездной можно только один раз в жизни, если адепт проваливает это испытание, он больше никогда не сможет повторить его внось, навсегда оставаясь по эту сторону Бездны, в несовершенном состоянии. Определение «брат Пути Левой Руки» А. Кроули близко состоянию западания или чернушничества по Велеславу, и в целом знаменует инициатический провал, когда адепт навсегда остается на пороге «Пути без Пути».

Алистер Кроули всегда эпатировал публику и выступал как нонконформист, авантюрист, нарушитель нравственных норм и законов. В 1920 году на Сицилии Алистер Кроули основывает аббатство Телемы, где со своими учениками совершает ритуальные оргии, церемонии и жертвоприношения. Смерть одного из учеников в результате отравления кошачьей кровью послужила поводом для изгнания аббатства из Италии.

Ещё в 1907 году, после разрыва с орденом «Золотой Зари», А. Кроули основывает свой собственный орден «Серебренной Звезды» или «Astrum Argentum» (A.A.), тесно связанный с оккультным Орденом Восточных Тамплиеров (O.T.O.), впоследствии расколовшийся на признающих авторитет А. Кроули и нет.

Анализируя фигуру Алистера Кроули и созданное им учение Телемы, которое ряд исследователей определяет как «неоязыческое», можно заключить, что истинным и единственным телемитом был только сам «Великий Зверь». Созданные им организации A.A. и O.T.O., существующие до сих пор и активно вовлекаемые в дискурс сатанизма, не породили поколения телемитов или выдающихся личностей, которые могли бы претендовать на это звание с достоинством. «Делай, что хочешь» А. Кроули после него самого превратилось в «делай все подряд», произвол гедонизма и симулякра. Учениками Алистера Кроули являлись Остин

Осман Спер, Кеннет Грант, в последние годы жизни он был знаком с Дж. Гарднером и, по одной из версий, создал заказанное им учение викканства.

Важным, для понимания рисков быстрого Пути Левой Руки и особенностей современного западного оккультизма и сатанизма, в том числе Телемы, является обратить внимание на доктрину гностицизма.

Гностицизм является синтезом раннего христианства, восточных учений и эллинской философии, наиболее известными представителями античного гностицизма являются Валентин Гностик и Василид. Гностицизм был одной из самых гонимых христианством ересей, тем не менее, просуществовавший вплоть до Средневековья (богомилы и катары) и передавший часть доктрины каббале, теософизму и герметизму в целом. Большой корпус гностических текстов, включая Валентина, был вновь обретен в виде находки сосудов с текстами в Египте в 1945 году, получившей название «библиотека Наг-Хаммади». Одним из известных гностических текстов является «Евангелие от Иуды», входящее в находку кодекса Чакос в 1970 году.

В общем виде основные положения доктрины гностицизма сводятся к следующему. Гностицизм наследует иудео-христианскую версию творения мира Демиургом, но утверждает, что Яхве – это не истиннй Бог, а *злой Демиург*, узурпатор Вселенной. Он также известен как Иалдабаоф или Саклас, что означает «Дурак», и также иногда отождествляется с Сатаной. Сотворенный Дураком-Демиургом мир – это материальный и изначально греховный мир (кенома), Яхве творит его, полагая, что он единственный и лучший Бог. Происхождение мира кроется в слепой и глупой гордыне того кто решил, что он является одним, отдельным и умным. Причина глупости Демиурга кроется в том, что он является последним в цепи эманаций изначального Бога. Изначальный Бог, называемый Абраксакс, является первоначалом и первоотцом, Бездной и безмолвием. Он порождает из себя (эманирует) следующий Эон, своего сына, который исходит и с легкостью восходит обратно к отцу. Все последующие Эоны также исходят по ниспадающей в большую плотность, и восходят к отцам. Последней в этой цепи является София, её Эон замыкает Плерому – сферу эманаций Божественного Первоотца и истинный мир. Но София, вопреки иерархии эманаций, совершает преступный рывок к самому Первоотцу, что приводит к её падению и появлению Ужаса, Страха, Недостачи, из которых рождается Демиург, который вовсе не ведает о предшествующей ему цепи эманаций и не обладает Мудростью. Сотворенный им мир наследует негатив Софии, а также прямо от неё он содержит легкую

приместь *знания (гнозиса)* об истинном высшем мире за пределами кеномы. Мир, таким образом, становится закупуренным глиняным сосудом, в котором нет Духа, но остался лишь его *аромат*; либо нет Света, но есть рассеянные в душах людей его блики.

Помимо Демиурга миром управляют духи-хранители, Архонты, которые отвечают за привязанности, эмоции и влечения, которые удерживают человека от поиска гнозиса и приковывают к миру и служению им и Демиургу. В гностической картине мира Иисус Христос был посланником, но не от Яхве-Демиурга, а из высшего «царства бессмертных Барбело»[180]. Иисус пришел не спасти человечество, но принести весть о высшем мире за пределами Ада, в котором живут люди здесь и сейчас. Его послание адресовано тем, кто несет в своей душе частичку света из Плеромы и способен понять его послание. Из всех людей на то способны только пневматики, к ним Иисус и обращается. Остальные люди являются порождениями Демиурга и подвластны Архонтам, они навечно прикованы к кеноме. Таким образом, для пневматиков знание о том, что их душа принадлежит истинному миру, уже является спасительным гнозисом в силу факта. Финальное избавление заключается в том, что все пневматики, несущие в себе частичку Света, покинут кеному и поднимутся в Плерому, тем самым оставив материальный мир, закупоренный сосуд и людей, Демиурга и Архонтов в нем, в своем собственном одиночестве.

Особое положение пневматиков как тех, кто уже спасен, порождает отношение к Космосу как к иллюзии и пренебрежение его законами, что вылилось в распутство и поведенческий *нигилизм* ранних гностиков. Принадлежность к иному, высшему миру, вводит деструктивность по отношению к материальному ложному миру, отсюда происходит мнение, что в основе *революции как идеи* лежит именно гностический архетип восстания. Этот же мотив несопричастия адептов этому материальному миру, вкупе с революцией, ярко проявлен в исламской философии Г. Джемаля, которую можно назвать исламским гностицизмом лишь после немногих допущений. Гностическая система мира после исхода пневматиков все равно остается принципиально двойственной, двуполярной: Плерома и входящие в неё Эоны (365, по числу дней в году) остается самодостаточной и обособленной от материального мира кеномы, который также остается предоставленный сам себе вне высших сфер. В этом угадывается доведение до крайности креационизма, разрыва на два мира: духовный с его эманациями Бога Абраксаса и материальный,

[180] См. «Евангелие от Иуды» с комментариями М. Мейера.

управляемый Сатаной-Яхве-Дураком. Этот дуализм не снимается, он просто фиксируется на разных полюсах, которые более никак не взаимодействуют и не заинтересованы друг в друге.

На Пути Левой Руки и в Хаософии есть множество близких гностицизму структурных мотивов. Для адепта на его Пути и *на определенном этапе полезно представить* дуальный антагонизм между Светлыми Богами, создающими и управляющими Космосом, и Богами Смерти и Бездной. Это позволяет преодолеть представления об обособленности Богов, подойти к пониманию ложной Самости, Эго и Ума, являющегося в некоторой мере таким же «Дураком», *до поры не ведающим* или скрывающим от самого себя своё происхождение из Хаоса.

Отсюда происходит встречающаяся на Пути формулировка «Хао-гностицизма» или «Хао-гнозиса». Но язычник-адепт Пути Левой Руки использует обратный дуализм Тёмного и Светлого как практику преодоления иллюзий Ума, и *когда в этом отпадает необходимость*, он вновь совершает интеграцию, преодолевая Иллюзию (Майю) о том, что Космос отличен от Хаоса и это отличие реально. Для гностика в *этом мире* нет никакой ценности, в то время как для язычника этот мир и есть проявление Божественного, *эксклюзивный аспект инклюзивной Бездны*. Там, где гностицизм утверждает непреодолимую границу, недуальный Путь Левой Руки вскрывает Майю – проявление Шакти, Жены Бога/его творческой динамической энергии, скрывающей-и-проявляющей его. Поэтому на Пути Левой Руки *гностическое обаяние* может привести к *опьянению гностицизмом* и падению в состояние западания, антикосмизма, нигилизма и утверждению радикальной двойственности, вместо её преодоления.

Далее, когда наступает момент третьего жертвоприношения – преодоления самой идеи Бога, всех его форм и образов – в нем тоже есть момент риска гностического дуализма. В таком случае Бог преодолевается не как идее, Бог-с-атрибутами, в сторону апофатической Бездны, Божественного-без-атрибутов, а это преодоление вновь подменяется осуждением Бога как «дурака-демиурга», то есть вместо прорыва «за» происходит падение «под», на уровень ниже, назад. Крайней паталогией может быть отождествление неподготовленным адептом своего Эго с Богом, который в свете гностицизма становится дурным. То есть, если адепт формально знает, что он – это Бог, и в тоже время использует элементы гностицизма для преодоления и инициатического погружения, он может впасть в заблуждение что он – это Демиург сего мира, но при

этом он же – ограниченный выродок, Дурак-Саклас. Здесь происходит впадание в состояние дуального западания адепта, когда «я-как-мир» воспринимается негативно, как нечто «злое» и «недостойное», что ведет к аутоагрессии, аутодеструкции.

Ярким примером синкретического смешения гностицизма и Хаософии является фигура ученика О. Спера и А. Кроули – Кеннета Гранта (1924-2011гг.), к которому восходят идеи антикосмического сатанизма и сатанинского хаогностицизма. В своем отделении Тифонианского Ордена Восточных Тамплиеров (Т.О.Т.О.) К. Грант проводил работу по смешению Телемы, сатанизма и художественно-фантастических трудов Г. Лавкрафта, воспринимая его литературный пантеон «Древних Богов» как реальный опыт визионерства и выражения Тьмы. Под перо К. Гранта восходит практика синкретизма сатанизма, фантастической литературы, уфологии, хаосизма (kaosism, kaos, chaos) и многие поздние творения на этой основе могут считаться его «духовными» детьми и наследниками. Из последних знаковой является организация Misanthropic Luciferian Order, впоследствие переименованная в Temple of the Black Light[181], образованная в 1995 году. Организацию прославил труд «Liber Azerate» – «Книга Ярящегося Хаоса», посвященный синкретике антикосмического сатанизма. В основе книги лежат семитская каббалическая демонология, практика сигил, викканский круг праздников, фигуры египетского пантеона Богов и элементы античной эллинской традиции. Символом Хаоса назван Дракон, а сущностью Хаоса авторы назвали *бесконечное становление, противопоставленное Бытию*. В этом заключается тонкая подмена, ибо издревле во всех философиях *становление* – это атрибут материального мира, Космоса. Становление – это постоянная живая манифестация Божественного, становление – это вы-явление, вы-Свечивание порядка вещей из Хаоса. Становление – это содержание Времени, Боги – над Временем, они всегда Вечны, а Хаос – Предвечен, ещё более далек от определения «становления» или «разрушения». Антикосмическая направленность такого рода сатанизма понимается буквально, как призывы и стремление *буквального физического уничтожения* Космоса и вещей силами Хаоса. В этом проявляется дуализм гностического толка, а в совокупности с подменой Хаоса на «становление» получается такая картина, которая всегда будет приводить адепта к западанию, эгоизму и чернушничеству, в определении Велеслава. Таким образом, «Liber

[181] «Мизантропический Орден Люцифера» и «Храм Чёрного Света» соответственно. Мизантропия является состоянием западания стадии Nigredo.

Azerate» является ярким примером симулякра Пути Левой Руки, рожденным из контринициатической западной среды. Симулякр Пути Левой Руки *прекрасно имитирует ткань и узор дискурса* Хаософии и инициатического погружения: адепт увидит многие знакомые из Традиции символы, имена Богов, структурно идентичные инвокации и заклинания, описания внешнего дуализма (двайты) Светлых и Тёмных Богов, Космоса и Хаоса, во многом верные описания иллюзорности Ума и слишком человеческих привязок, но при этом пропустит тонкие подмены, не заметит замкнутость дискурса наподобие ленты мёбиуса. Впадет в дуализм под личиной раздутого «тёмного» Эго. В русскоязычной среде наиболее показательными симулякрами ткани дискурса Пути Левой Руки являются труды Эдди Эрикссона («Дао Хаоса») и т.н. Андрея Азсакры Заратустры (azSacra zaRathustra), шоумена и автора книги «Библия Ничто» состоящей из тысячи пустых страниц, и смешивающего поверхностно понятого Ф. Ницше и Вамачара-тантризм.

Все рассмотренные выше явления опираются преимущественно на западный оккультизм XIX-XX веков, затрагивая квази-язычество Постмодерна, и пестрят перекрестными ссылками в своих текстах, что является признаком симулякра, скрывающего таким образом свою пустоту, отсутствие смысла.

К языческим симулякрам Пути Левой Руки относятся попытки построения системы «Тёмного Викканства», которые изложены в труде «Выход из Тени. Исследование Тёмного Язычества и Магии» Джона Дж. Кафлина[182]. Свой труд Дж. Кафлин начинает с признания, что ему всегда нравились персонажи «тёмной стороны Силы из фильма «Звездные Войны», тем самым он обосновывает происхождение идеи «тёмного» прочтения викканства как реакции на образец поп-культуры, что является типичным и «нормальным» явлением для американского эзотеризма. Кафлин считает классических виккан слишком пацифистскими, похожими на христиан в своей морали, чему он хочет противопоставить «тёмное язычество», которое в его интерпретации выражается в неморальном, а более эквиполентном понимании сил Добра и Зла, апологии сил разрушения как необходимых для становления. К этому он добавляет дискурс ролевых субкультур готов, вампиров и байкеров. В русле викканского феминизма его труд также содержит подмену начал. По Дж. Кафлину, Великая Богиня отвечает за пассивный аспект мироздания,

[182] См. Coughlin John J. «Out of the Shadows. An Exploration of Dark Paganism and Magick».

духовный и нематериальный, а Великий Тёмный Бог отвечает за пассивный аспект, который является *материальным* и физическим. В этом проявляется подмена платонической и общей для всего индоевропейского язычества топики, где материальные аспекты всегда закреплены за женским семантическим кругом и Богами, включая Шакти-Майю, а все Духовное и нематериальное связано с мужским семантическим кругом, Солярной вертикалью и Шивой-Лингамом.

Открытой провозвестницей и жрицей титанов является женщина-трансгендер, сменившая пол на мужской и наиболее известная под именем Райвена Кальдеры. Бывшая женщина, а ныне мужчина Кальдера стала известна благодаря своей книге о поклонении и магической работе с йотунами, титанами в германо-скандинавской традиции, «Книге Йотунов»[183]. Р. Кальдера создает и обосновывает новое направление в германской традиции, связанное с почитанием именно йотунов, турсов и хтоническиих природных сил. К её трудам восходят такие направления, как Thursatru и Rökkatru – Вера с Турсов и Вера в Рёкки соответственно. Адепты Турсатру, вместе с самими йотунами, образуют Jotunfolk – народ йотунов. Своим личным покровителем Р. Кальдера считает Хель. В основном труде Райвен Кальдера проводит четкое отождествление титанов-йотунов и духов нижнего мира, своеобразных «теней» rökkr с Богами. И далее происходит отождествление йотунов-«Богов» с силами дикой, необузданной природы – на ментальном уровне это соответствует страстям человека. Следующим аккордом является типичная подмена понятий: йотуны, выступающие в Одинизме как противники Богов и хтонические силы, отождествленные в книге Р. Кальдеры с Асами и сведенные к дикой природе, нарекаются стражами природного баланса, процветания и психической стабильности. Иными словами, происходит инверсия и подмена Богов титанами.

Она также приводит многие свидетельства «необычного персонального гнозиса» сродни спиритуалистическим видениям и общению с йотунами и духами, из которых складывается ритуально-обрядовая часть почитания Хель, Ангрбоды, Фенрира, Сурта и других. К ритуальной практике Р. Кальдера также добавляет неошаманизм, сексуальные BDSM-практики и особую акцентуацию на трансгендерных аспектах оппозиции «Асы-йотуны», в которой отождествление хтонических и разрушительных титанических сил с женским семантическим кругом осуждается как

[183] См. Kaldera Raven «The Jotunbok: Working With The Giants Of The Northern Tradition».

шовинизм и мизогиния[184]. Пример Р. Кальдеры – это иллюстрация последовательного и законченного Постмодерна в его логичном проявлении относительно традиции: трансгендер, вовлеченный в дискурс LGBTQ-феминизма и либерализма, для которого единственным логичным шагом является обращение к «трансгендерным» хтоническим сущностям и спиритуальный синкретизм в ритуальной практике. Образцом здесь является ипостась Локи как абсолютного титана, выступающего как двуполая фигура отца-и-матери Хель, Фенрира и Йормунганда. Но даже здесь сохраняется верховенство принципа «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Для Локи как парадигмальной фигуры есть два пути: на Божественном он выступает как трикстер и его братом-иконой является Один, на титаническом он разрушитель, предводитель Нагльфара. В земном проявлении Р. Кальдеры этот игровой дуализм Локи воплотился в грубом *смешении* гендерной идентификации и логичном смещении в сторону Турсатру, пространства Тени.

В русской традиции известны средневековые и более поздние направления чернокнижия и веретничества (колдовства). Чернокнижие восходит к торговле ручными списками монашьих книг, откуда некоторые выводят и название течения, от определения «черного монашества» и их «книг», т.е. чернокнижие – это книги черных клириков, монахов. В числе прочих «черных книг» попадались и сборники народных поверий, включающих описания бесов, их почитания и поклонения, белых и темных заговоров, описания житий колдунов и т.п. Это то, что делает понятие «чернокнижие» близким к «сатанизму». По сути в чернокнижии сохранились многие языческие реликты, но они были включены в общее повествование, смещенное к дьяволопоклонничеству и бесославию. Чернокнижие является носителем и почвой для чернушничества, тёмной магии, которая может быть рассмотрена как составная часть Малой Магии Хаоса по Велеславу. На современном этапе «чернокнижие» более известно как некий зонтичный брэнд чернушной и New Age литературы, претендующий на «русское бесославие».

К современным концепциям относится и направление «тёмного эллинизма» – гекатиана. По одной из версий, которую трудно подтвердить источниками, гекатиана корнями восходит к культу Гекаты в Античности и сохраняет тайную линию передачи традиции через масонские структуры вплоть до современности, когда её адепты смогли проявить её вновь в

[184] Помимо Трусатру другие книги Р. Кальдеры посвящены проблемам трансгендерной сексуальности и сексуальным практикам в этом ключе.

обособленном виде. В основе гекатианы лежит культ Великой Матери Гекаты, генеалогически восходящей к Хаосу, и в круг которого входят иные первородные могущества греческой традиции: Эреб, Аид, Гадес, Тартар, Эрос, Нюкта. Путь гекатианы – это также колдовской путь почитания Богини, т.е. путь Малой Магии Хаоса. Основной упор делается на некромантию, некромагию и демонолатрию. В русскоязычном направлении «гекатиана» деградировала до классического формата «секты».

Тождественным неоиндуизму явлением является профанация даршан адвайты в виде неоадвайты, которую можно рассматривать как синоним неоиндуизму. Неоадвайта как вид популярных тренингов и йога-семинаров распространен в странах Запада и в России. От истинной адвайты в неоадвайте остается только внешнее копирование йогических поз (асан), так называемое «позитивное мышление», которое призвано подменить недвойственное «наслаждение шиваизма» (Б. Пандит). Многие адепты неоадвайты и неошиваизма рекрутируются из рядов кришнаитов Прабхупады, что по сути означает лишь смену имени Бога с Кришны на Шиву, а также ряда ритуальных элементов. В таком свете неоадвайта полностью раскрывается как симулякр и продукт духовного потребления.

Вышеназванные языческие симулякры и тёмные магические системы уже располагаются ближе к собственно *языческому* по своей форме, но далеки от глубины Пути Левой Руки. Они могут быть рассмотрены и изучены адептом как форма интеллектуального яда, который он может сделать лекарством в своей собственной практике, но обособленно они не представляют из себя Духовного Пути.

В завершение темы осталось кратко рассмотреть представления о хаосе с точки зрения самого Модерна в лице физико-математических наук и Постмодерна в лице Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

В физике и математике хаосом являются сложнодетерменированные или нелинейные динамические системы, чувствительные к изменениям переменных и стартовым условиям моделируемых процессов. Здесь следует обратить особое внимание не то, что внешне хаотические системы рассматриваются как содержащие в себе определенный, но *очень сложный и чувствительный порядок*, детерменизм. То есть, проводя аналогии с метафизическим Хаосом и Космосом, мы видим подмену, помещение внутрь Хаоса материального закона причины и следствия (детерменизм), то есть порядка как черты Космоса. В сложной «хаотической» модели малейшее изменение стартовых условий или переменных приводит к

большой и многовариативной конечной разнице выходных данных, что для непосвященного в сложность механизма наблюдателя создают иллюзию «хаотичности» процессов и получаемых на выходе данных. Теория и метод хаотических динамических систем используются для моделирования и анализа поведения воздушных потоков, газов, течений и систем со множеством динамических созависимых переменных, например, для анализа структур потоков ветра, несущего опавшие листья. То есть, даже проникая в область неклассической физики и математики, Модерн сохраняет свои физикалистские установки и математический метод «оцифровки» мира, привнося в хаос сложные системы стерильного математического порядка.

В представлении Ж. Делёза и Ф. Гваттари философия всегда существует на границе с Хаосом, но не является им[185]. В основе философии и множества философских систем, школ и направлений во времени, лежит *концепт* – априорное начало философского построения, своеобразный «базовый тезис». Философия – это процесс творения концептов, который происходит путем выхватывания их из Хаоса. Хаос представляется как *план имманенции* – плоскость, являющаяся *пред*философским пространством, где мысль ещё только творит концепты и свою траекторию и правила мышления. План имманенции не предшествует философии во времени, но является её почвой, абсолютной плоскостью полной творческой потенции, Хаосом. Постмодернисты выделяют три основных плана имманенции, на полях которых растут присущие им, но *различные* между собой философские системы, которые практически совпадают с парадигмами Традиции, Модерна и Постмодерна. План имманенции – это срез Хаоса, пространство, где мысль осмысляет себя и свое мышление, и творит концепт, который кладется в основу философии. Планов имманенции много, но ни один из них не охватывает Хаоса целиком. Каждый философ занимает свое пространство плана имманенции и создает свои концепты и рисует свою траекторию мысли, которые будут пересекаться с другими планами, концептами и траекториями, таким образом, Хаос как потенциальность проникает в философию в виде пересечений, заимстований, смешения, плагиата и аллюзий между авторами и их системами; в виде некоего «беспорядка». В такой картине Хаос Постмодерна имеет много общего с пониманием Хаоса как изачальной инклюзивной инстанции, полной всевозможных жизненных

[185] См. Маркова Л. «Философия из хаоса. Ж.Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии».

потенций, и его профанного понимания как нарушения порядка, неразберихи. «Беспорядок» и «неразбериха» становятся главным инструментом подмены Постмодерном Духовного Пути Левой Руки. Достижение реализации подразумевает прекращение движения Ума и обретения Безмолвия, *предшествующего* любому Слову-Логосу, то есть концептуальному знанию, идее, которые разворачиваются в грубые формы матераильной речи. Постмодерн подменяет Безмолвие Бездны на ткань неразличимых высказываний, *бормотание несвязанной речи и звуков*, в которой тоже нет четких тезисов и ясных форм (шизофазия и глоссолалия).

Несвязанное бормотание симулякров *похоже* на Безмолвие [как предшествование Логоса], но эта схожесть является тончайшей игрой Майи.

IV.IV Люди Леса

Доктрина Пути Левой Руки находится в стороне от кшатрийского воинского пути и пространства политики как борьбы за Власть, то есть не содержит строгих и однозначных идеологических предписаний, полагая ряд положений аксиоматичными и самоочевидными. Поэтому вопрос *политического Левой Руки* во многом является открытым пространством свободной игры адепта в те формы, которые он сочтет для себя интересными, полезными для практики или мирской жизни. Мы можем лишь наметить некоторые положения, которые будут наиболее близки к Пути Левой Руки.

Первое это то, что для адепта Левой Руки приоритетным будет путь неучастия в политическом спектакле и сосредоточение на внутреннем делании, инициатическом погружении, что требует отрешения от мира и его страстей, включая и некоторое буквальное отшельничество или отстраненность от социума. На этом этапе адепт подобен Ушедшему в Лес Э. Юнгера, стороннику аполитейи Ю. Эволы. После избавления от привязанности адепт может включиться в любые интересующие его на мирском уровне процессы как в форму игры, тогда он будет подобен Анарху Юнгера, следующему пути участия в политике, который указал Ю. Эвола в «Людях и руинах».

Здесь важно сделать указание о том, что реализовавшийся адепт более не связан оковами представлений о «свободе от» и «свободе для», воплощая собой принцип «свободы *над*» [привязанностями и страстями]. Адепт участвует в политике, может даже погибать в войнах или «за идею»,

но внутри него всегда будет присутствовать дистанция, отстраненность через преодоление привязанностей, страха Смерти и страстей борьбы за Власть.

Одной из наиболее органичных форм политического Пути Левой Руки можно назвать мистический анархизм, сродни Национал-Анархизму Т. Саусгейта, но сконцентрированный на создании духовных ячеек, семей, гильдий и кланов в профанном мире. В такой оптике весь мир перестает восприниматься как пространство, поделенное на границы суверенных государств, геополитические блоки и т.п. Весь мир становится одной большой пустыней профанного, пространством Смерти, шмашаном или курганом, в котором государства, корпорации и военные блоки лишь создают движение барханов и песчаных волн. Все пространство профанной пустыни воспринимается как поле для добычи ресурсов и ритуальной практики адептов клана или семьи. Пространство описывается не через границы стран, а через указание тех городов и мест, где есть представители клана, семьи, друзья и единомышленники по Пути. Это крайне близко фигуре Анарха Э. Юнгера.

Теснейшим образом к этому примыкает формат преступных группировок и мафии. В Индии даже преступники и повстанцы обладают своей преступной Дхармой, им покровительствует Бхайрава и Кали, Дэвы, а не Асуры. Такими дхармическими преступниками являются дакоиты и тхуги – повстанцы и душители. Манифестацией воина на Пути Левой Руки является бандит, мафиози, преступник, что также является проявлением нонконформизма Левого Пути. Дхарма преступника – совершать адхарму. По замечанию А. Джайадхара, нарушение законов и социальных норм также отражает повстанческий дух традиционалиста, утверждает приоритет его собственных Сакральных законов над профанными законами общества.

IV.V Дорога для всех и ни для кого

Пророк дионисийства Ф. Ницше подписывал свои книги как предназначенные «для всех и ни для кого». Эту формулу можно назвать максимой и для Пути Левой Руки. Сегодня знание об этом Пути, его сущность и структуры, ритуалы и практики довольно легко найти, с ними можно ознакомиться, расшифровать сложный язык obscurum per obscurios. Но при этом, следующие Путём Левой Руки составляют меньшинство в

языческой среде. Этому есть несколько объяснений, которые пересекаются между собой.

Состояние мира и человека таковы, что, по выражению Велеслава, о Вечной Мудрости можно кричать открытым текстом на площадях и при этом не бояться профанации и наплыва масс неофитов. Путь Левой Руки как избавление от привязанностей для современного человека-потребителя представляется абсолютным ужасом и сумасшествием. Никто не готов променять свой комфорт на то, чтобы стать Богом. Это актуально и для потребителей духовности, о сущности которых Бхайравананда заметил: «Им интереснее *читать* о той жизни, которой они *не хотят* жить». В мире пашу священные тексты лежат в пыли, даже если они лежат у всех на виду.

Внешние формы, ритуалы и практики, призванные разбить двойственность, являются шокирующими и неприемлемыми даже для ряда язычников, не говоря уже о профанном обществе, по меркам которого адепт Пути Левой Руки является сумасшедшим и опасным «сектантом».

Для рядового язычника Пути Правой Руки недвойственное трактование Сакральности может вызвать большое смятение. Для двойственного Правого Пути есть довольно четкая граница между sacrum и profanum, она составляет ось напряжения polemos, сущности и диалектики жизни. Это Священная картина мира «справа», её можно выразить такой формулой: То, что Сакрально – то истинно, а значит и дозволено. Модерн и его программа либерального освобождения отрицает Сакральное, и лозунгом Нового времени становится формула «Ничто не истинно, всё дозволено», как указание на отсутствие абсолютного внечеловеческого критерия истины – Богов. Путь Левой Руки переворачивает эту картину, внося свое толкование Сакрального и того, что мешает достиженю Божественности при жизни. Прочтение sacrum и profanum смещаются, переходят в ментальную область и сложны для прямого толкования, а также отличны от классической иерархии Правой Руки. Формулой Сакрального на Левом Пути может служить фраза: «Всё истинно, всё дозволено». В толковании этой фразы, которая одновременно преодолевает нигилизм Модерна и дуализм Правой Руки, несведущим адептом может быть совершена ошибка, и она может быть воспринята как «индульгенция» на «делай, что хочешь», т.е. оправдание нигилизма, гедонизма и недолжного поведения, как самоценных, являющихся садханой de-facto. Тонкая разница между «ничто не истинно» и «всё истинно» скрывает за собой огромный разрыв между пашу-бхавой и тем, кто достиг полной реализации.

Традиция – это передача, от учителя (гуру) к ученику. На Пути Левой Руки более ярко выражен самый рискованный путь – путь без учителей, с опорой на Волю адепта в погружении в неизвестность. Когда в душе, в Сердце вспыхивает искра Чёрного Пламени, для адепта становится невозможным более следовать мирскому укладу (Ладу, Вирду), он нутром ощущает свою принадлежность Бездне, которая и явлется в виде Звезды Хаоса его главным указателем и проводником.

Из этих особенностей Пути Левой Руки проистекает нередкое одиночество адептов этого Пути либо их малых групп (семей, кланов). Они в некотором роде «обречены» на обособленность и непонимание, что, впрочем, не составляет экзистенциального напряжения и отчуждения. Это данность Левого Пути, которая также является частью садханы.

Другая сложность заключается в том, что Путь Левой Руки сегодня во многих традициях только намечен, описан или представлен единицами. Иными словами, в традиции нет достаточных указателей и проработанной философии Пути, ведущему от чернушного западания к Невыразимому Сакральному за пределами слов и форм. Путь Левой Руки только раскрывается сегодня. С этим связан огромный риск пойти туда, неизвестно куда. И это действительно будет *путем осознанной Смерти* Эго и Ума, что страшит не только обывателя, но и язычника-традиционалиста Пути Правой Руки.

В конце концов, у человека есть только один единственный самый коренной страх, к которому сводятся все остальные – это страх Смерти. Все проистекает из этого страха, все направлено на его сокрытие или преодоление. Большинство людей стремятся сгладить этот страх, Путь Правой Руки обещает бессмертие в потомках, в роду и перерождении. Адепты Пути Левой Руки стремятся к страшному, к ужасу – стать мёртвыми для мира ещё при жизни. Поэтому они яснее и трезвее всех понимают ту истину, которую остальные стараются не замечать – Все Огни в конце концов догорят. Allir eldar brenna út um síðir.

V
Заключение

Язычеству сегодня противостоят силы инерции, разложения и распада, которые описаны и идентифицированы нами согласно традиционной картине мира как титаны и их симулякры. В этом проявляется метафизическое должное, вечная борьба как отец всех вещей. Метафизической паталогией было бы обратное положение дел, отсутствие войны и регресса сословий и веков.

С момента появления христианства перед язычеством встают новые, фундаментальные вызовы. То, что может казаться решением и ответом на эти вызовы, при более подробном рассмотрении оказывается ещё более мощной угрозой, преподносящей себя под тонкой вуалью помощи. Таков Модерн с его критикой христианства с научной точки зрения, за которой скрывается желание искоренения всего Сакрального как такового. И Постмодерн, который просто размывает любые идентичности до набора бессмысленных знаков, их бесконечного зацикленного потока.

Для полнокровного возрождения истинного языческого мировоззрения в современных условиях философия традиционализма является безапелляционной необходимостью. Для язычества сегодня не менее, а местами даже более важным, чем сбор и сохранение древнего наследия, является ясная самоидентификация себя и своей традиции в условиях Конца. Язычество противопоставлено креационизму в лице авраамических религий иудаизму, христианства и ислама, а также их порождениям – Модерну и Постмодерну. Усвоение традиционализма – это лекарство от метафизического яда, которое вернет ясность и свет бодрствования тем, кто следует за родными Богами. Это – залог того, что язычество сегодня – подлинное явление, а не виртуальная реальность. Языческое возрождение сегодня как никогда взыскует философии, и пока жива философия – живо и язычество. Поэтому усвоение традиционализма как лекарства для всего язычества требует немалых интеллектуальных сил.

В своих проявлениях манифестационизм разнообразен, как разнообразен узор Жизни, проявленный во множестве языческих традиций разных народов. И здесь следует свято хранить древний принцип Suum Cuique. *Язычеств принципиально много.* И внутри каждой языческой традиции существует Божественное множество сословий, каст, их собственных путей, обычаев, посвящений. Внутри каждого сословия наличествуют свои пути, такие как Путь Правой Руки и Путь Левой Руки, пути для всех и пути

единиц. Язычество воплощается в Священном Порядке, иерархии и *за её пределами*, в этом заключается и его принципиальная сложность. Каждый язычник прав в своем сословии, восприятии Богов, своем ритуале и каждый языческий Логос той или иной традиции является абсолютно верными и истинным для народа этой традиции и его Богов. Для внешнего, христианского или профанного взгляда язычество всегда будет разрозненным и опасным, так как в его структуре, лишенной церковности и догматизма, проявлется радикальная Свобода. *Свобода быть Богом Здесь и Сейчас.*

***

Невозможно дать полное и всеобъемлющее описание хотя бы одной традиции, не говоря уже об их разнообразии. Поэтому мы сосредоточились на сущности и структуре язычества, манифестационизма. Объем возможных иллюстраций, примеров, материалов исследователей, а также глубины многих тем настолько огромны, что мы иногда специально ограничивали рамки нашего повествования и глубину погружения, так как нередко отдельные абзацы и даже предложения содержат в себе целые потенциальные тома для дальнейшего исследования с позиции языческого традиционализма. За каждым Сакральным термином, народом или именем Бога скрывается целая Вселенная, полная своих нюансов, красок и полутонов. Проделаная нами работа – это, по большей части, постановка жизненно важных вопросов, указания на критические области, где война за Традицию протекает наиболее интенсивно. Языческий традиционализм – это не столько готовое решение, сколько задание, интенсивная жизнь и отношение к миру как к войне, polemos.

***

Немаловажными являются и интеллектуальные устремления современных язычников и уровень язычества в целом. Сбор множеств исторического наследия и последующее возрождение на уровне обрядовости – это хорошо, но недостаточно для полноценного сопротивления силам разложения. Мало заново создать сосуд, если в нем не будет достойного вина. Этот вопрос напрямую касается антропологии человека, пробужденности его Сердца и его природного соответствия поставленным задачам. Сегодня мы живем в эсхатологические времена, мы переживаем их как длящиеся вечно, как почти бесконечные, но при этом эта «дурная бесконечность» может закончиться Концом в любой миг. Конец – это всегда тока, в которой раскрываются ответы на все вопросы и обнажаются все смыслы. Конец Мира – это раскрытие его Божественного

смысла. Былое уйдет, расчищая место для нового и пространство для невозврата. Современное язычество удивительно «удачно» возрождается в эпоху вселенского упадка. Не является ли это провидением и свершением должного: Боги скрываются, чтобы раскрыться в последний момент; сам последний момент Конца – и будет их возвратом и раскрытием, последней манифестацией. В таком свете современное язычество должно не просто «быть» как «наличествовать», но «быть» в высшей осознанности своего Бытия и места во Времени.

Языческая Традиция, обогащенная традиционализмом, сегодня располагается на распутье: сохранение и передача древнего наследия не дает всей полноты ответов. Невозможно буквально вернуться в прошлое, пройти круг Времени вспять как пройти по земле в обратном направлении. Многое из языческого наследия сохранено, но не воплощено и для этого отсутствуют условия. Язычество в своей здоровой форме должно обращаться к Вечному над Временем, и в современных условиях Конца это ставит вопрос о Новом Начале в Языческой Традиции. Частично ответ на этот вопрос содержится в иной политической парадигме язычества для Пути Правой Руки и в учении о Пути Левой Руки. Но в целом, эти вопросы обозначены менее четко, они являются призывом и только взыскуют своих рискованных мыслителей. Единственное, что можно утверждать с полной определенностью – это Вечную актуальность древнего девиза великих мистерий: *Nosce te Ipsum*.

***

Слава Сияющим Богам Вечной Мудрости

Askr Svarte
2013-2016 e.v.

VI
Приложения

Мартин Хайдеггер, скука и язычество

Немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889-1976гг.) является одним из крупнейших философов в мировой истории. В центре его внимания находился фундаментальный вопрос о Бытии и его забвении в Новое время в философии. Вопрошанию о Бытии, которое сопричастно всему сущему, посвящена вся его философия, аффектировавшая всю дальнейшую западную мысль.

Одним из ключевых понятий философии М. Хайдеггера является Dasein, что переводится как «вот-бытие», «здесь-бытие», «присутствие», «экзистенция», и имеющий ряд различных, но близких значений. Переживание человеком Бытия, его «схватывание» вот, здесь и сейчас, через правильное мышление о Бытии и составляет Dasein, его аутентичное экзистирование[186]. Если человек не вопрошает о Бытии, забрасывает этот вопрос подальше, то он экзистирует неаутентично, то есть теряет смысл жизни и пребывает в забвении относительно Бытия. Человек – это носитель Dasein. Сущность человеческой истории, философской истории, заключается в удалении от Бытия, в его забвении. Человек постепенно оставался все более наедине с сущим, при умалении Бытия, место и роль которого все более занимала техника. Одной из экзистенциальных составляющих Dasein`а является его настроение (Stimmung) относительно его пребывания в мире, иными словами Dasein дает некую оценку состоянию мира, в котором он пребывает.

После этих чрезвычайно кратких дефиниций мы рассмотрим то, как М. Хайдеггер определял настроение Dasein`а в современное ему время, и проведем ряд аналогий с состоянием язычества в нашу эпоху. Такое прочтение М. Хайдеггера, несомненно, содержит некоторый волюнтаризм, но яркость, фундаментальность и близость его примеров языческому традиционализму делает их очень полезными для понимания ситуации современного язычества.

Рассмотрению настроения Dasein`а М. Хайдеггер посвящает целый учебный семестр, в центре которого становится *Скука (Langeweile)*. Для

[186] См. Хайдеггер Мартин «Бытие и Время».

понимания природы скуки М. Хайдеггер предлагает вообразить в уме несколько ситуаций.

Первая ситуация описывает нам человека, который оказался перед необходимостью ожидать несколько часов свой поезд на станции маленького города. За эти часы герой совершает ряд действий, таких как гуляние по малоинтересному городу, многократное изучение неинтересного расписания, открывание-чтение-и-закрывание-книги и т.п. В конце концов, герой признается себе, что ему *просто скучно*. Эта скука, которую герой понимает и признает, открывает собой опыт чистого времени, его длительности, которая ничем не может быть заполнена.

Второй умственный эксперимент помещает нас в ситуацию, когда герой вместе со своей женой после работы посещает шумную вечеринку у друзей. На протяжении вечера герой выпивает, слушает музыку, курит, общается в милой компании и в целом хорошо проводит время. После он даже говорит жене, что сегодняшний вечер был очень удачным, приятным и оживленным. Но по приходу домой, снимая одежду, героя поглощает чувство, что *время было потрачено впустую*. Все события насыщенного вечера, дружеской вечеринки, *проваливаются в пустоту скуки*, время оказывается потраченным ни на что, впустую. Это – второй опыт скуки, более серьезный, так как здесь время уже захватывает и проваливает в бездну те события, которыми оно наполняется.

Третий вид скуки – это тотальная скука, *в которой нет героя*. В этом состоянии время и скука настолько плотны, что они даже не осознаются таковыми, потому, что больше нет героя, способного осознать, что он скучает. Остается только бесконечная и бессмысленная рутина и обыденный «некто», который её выполняет. Это состояние последней скуки, самой бездны времени-как-длительности.

После этих экспериментов М. Хайдеггер заключает, что настроение Dasein`а в современности – это скука. Dasein скучает, так как в мире нет Бытия. Аутентичное переживание Dasein`а человеком – это пробуждение посреди скуки, в центре падения во время, погружения в длительность.

Традиционная картина мира повествует о циклическом Времени, которое движется от лучшего состояния к худшему. Гесиод говорил о Золотом веке, когда люди и Боги жили вместе, а также о Железном, с людьми которого он не желал жить. Индийская традиция сообщает о четырех эпохах: Сатья-Юге, Трета-Юге, Двапара-Юге и Кали-Юге. Продолжительность каждой Юги уменьшается по мере космической инволюции, а плотность Времени и материального детерменизма внутри

Юги только увеличивается. Поэтому Кали-Юга является одновременно самой короткой по продолжительности, но максимально плотной по длительности Времени, настолько, что она кажется бесконечно долгой. Согласно традиционным доктринам и традиционализму, человечество сегодня находится в самом сердце Кали-Юги или Железного века. Это – эсхатологическое время, время конца, разрушения мира. У М. Хайдеггера этому соответствует забвение Бытия, которое в языческой картине мира олицетворяется Богами и Божественнным. Боги Вечны и их Вечность – это Вечность *над Временем* [сверху]. В Железном веке Боги удалены от человека, как Бытие сокрыто и отчуждено от сущего. Человек всецело погружен во Время.

В современной языческой практике существует негативное понятие «обрядоверие», сущность которого заключается в том, что языческая традиция для человека имеет место и важность только по определенным традиционным праздникам. Это своеобразная традиция-по-выходным, суть которой ограничивается формами и периодичностью совместных встреч. Общий процент «обрядоверцев» в языческих общинах России, и в мире, очень высок. Для определения «обрядоверцев» подходит второй тип скуки по М. Хайдеггеру. Адепты «язычества-по-выходным» *скучают в традиции и на праздниках*. Если бы они скучали, как человек на вокзале, то есть в силу вынужденных обстоятельств и невозможности заполнить это время, они бы больше никогда не приходили. Но мы говорим о периодичности посещения праздников и обрядов, то есть о втором типе скуки, заполненном событиями, общением, эмоциями и переживанями времени. И это время, впоследствие, у таких людей проваливается в никуда. Приходя домой, они признаются, что при прочих равных они могли бы сходить в кино, на концерт или футбольный матч. Язычество и ритуал для них – это форма заполнения постоянно проваливающегося в бездну времени, способ заполнения скуки и завуалирования длительности времени и отсутствия смысла жизни.

Помимо этого можно с уверенностью сказать и о наличии в языческой среде представителей третьего типа скучающих, которые превращают традицию в тотальную рутину обыденности, не рефлексируя ни свое участие, ни наполнение обряда, ничего вообще. Это чисто механическое – техническое – исполнение бессмысленной жизни, полностью погруженной во время.

Dasein скучает. Человек скучает. Такова его участь в мире, отчужденном от Бытия или в эпоху Кали-Юги. Для подавляющего большинства это

данность, не вызывающая никаких противоречий, так как в уме отсутствует тот, кто способен опознать мир, свою жизнь и Dasein как полные скуки.

Скучающий и скучный подход к традиции ставит крест на возрождении язычества. Для недопущения этого необходимо правильное мышление, вопрошание о Бытии, о Богах, о Dasein. И здесь впору поставить вопрос о том «Что делать?». С позиции языческого традиционализма существует следующий ответ. Боги Вечны над Временем, следовательно, их сокрытие, как и забвение Бытия – это проблема метафизического характера и деградации человеческой природы, самозабвения человека[187]. Тем не менее, Боги Вечны. Тантризм указывает, что сокрытие Бога – это игра (лила) Майи, Иллюзии, которая является воплощением Шакти – Богини и Жены Бога (Шивы), его динамической и творящей силы. Иными словами, то, что Боги сокрыты и отчуждены от мира, как Вечность от Времени, Бытие от Сущего – это игра Иллюзии, которая сама есть проявление Божественного. Боги проявляются через свое сокрытие, в этом заключается трудный парадокс и дзен-коан Кали-Юги.

Ключевым положением языческого традиционализма является не призыв к возврату в прошлое буквально, как поворот колеса Времени вспять, а прорыв к Вечности, к тому, что остается неизменным во все времена, но может быть сокрытым. Правильное мышление позволяет язычнику правильно вопрошать о Богах (Бытии) и вывести себя и Dasein из скуки и погруженности во Время. Сейчас мы оставим за скобками вопросы о достижении этого состояния, указав, что в этом будет заключаться традиционалистский ответ на вопрос о преодолении скуки. Не столько через своеобразные «ролевые игры», сколько через правильное понимание эсхатологии нашей эпохи и природы сокрытости Богов/Бытия достигается преодоление негативной силы Времени, скуки, Кали-Юги и, наконец. Смерти. Боги дают человеку смысл жизни, Божественного Nosce te Ipsum[188].

Мартин Хайдеггер разработал фундаментальную историю Бытия в европейской философии, которая от своего досократического начала двигалась к забвению Бытия, финальным аккордом чего стало учение Ф.

---

[187] М. Хайдеггер указывал, что греки воспринимали Богов скорее не как личностей, а как Бытие, которое взирает на сущее.

[188] Лат. «Познай Себя», девиз, высеченный на входе в дельфийский храм Аполлона. Самопознание для человека – это всегда познание своей собственной Божественной Природы.

Ницше о европейском нигилизме. М. Хайдеггер охватил всю историю философии и заключил, что она *уже кончилась*. Если Ф. Ницше был последним аккордом забвения Бытия, то М. Хайдеггер стал уже непреодолимой точкой в конце этого повествования. Все, что принадлежит этому прошлому, названному Первым Началом философии, уже отжило и не несет в себе Бытия. Поэтому для М. Хайдеггера становится актуальным вопрос о Новом Начале философии, о Другом Начале, которое будет проистекать из других стартовых условий, отличных от досократиков Греции и всей платонической аполлонической структуры западного мышления и философии.

Острый вопрос заключается в комплиментарности решений М. Хайдеггера и языческого традиционализма. Не на уровне форм, а на уровне структур и языка. Этот вопрос, на сегодняшний день, только приглашает своих мыслителей из языческой среды.

Велеслав: Язычник в эпоху Постмодерна...

(Отзыв влх. Велеслава о книге Евгения Нечкасова)

Есть *религиозное* — от людей, и есть *САКРАЛЬНОЕ* — от Богов *и даже более:* от Бездны НЕРОЖДЁННОГО, от Сверхбожественного НИЧТО — нашей Истинной Природы (АЗ ЕСМЬ) за пределами всего, что мы «знаем» о «себе» и о «Боге».

Религии с их догмами и формалистскими ритуалами придумали люди, в то время как САКРАЛЬНОЕ не придумано никем. Смертоносным вихрем врывается ОНО в уютный мирок нашей обыденности; Вещим Зовом, безмолвно *звучащим* в Обители Сердца, наносит нам *изнутри* неизлечимую рану, обнажая нашу полузабытую подлинность, *Пробуждением* разрывает мóрочные тенеты наших мóрочных *снов*...

САКРАЛЬНОЕ одновременно влечёт и отталкивает, очаровывает и ужасает. ОНО — поистине *по ту сторону* «добра» и «зла». САКРАЛЬНОЕ — это не «Бог» и даже не «Боги», но — Чистое Сознание, не обусловленное содержимым ума, Живое *Присутствие* НЕВЫРАЗИМОГО, открывающееся во всём, если иметь способность *видеть*, но не пребывающее именно «здесь» или «там». ОНО — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, но не во Времени или Пространстве, не вчера или завтра, не в книге или учении. ОНО — в ВЕЧНОСТИ *над* Временем... Именно поэтому ОНО — *всегда* ЗДЕСЬ.

То, что «освящено» людьми, — в Духовном смысле *не существенно*; мнимое противопоставление «освящённого» всему остальному, то есть тому, что не «освящено» руками представителей той или иной религиозной традиции или секты, — можно уподобить «противопоставлению» вещей, ставших игрушками в руках ребёнка, всем остальным вещам, которые ещё не стали таковыми или по каким-либо причинам не могут ими стать. Подлинное САКРАЛЬНОЕ не зависит от «освящённости» или его отсутствия, — ОНО просто не относится к Миру «игрушек» и не зависит от мнения играющего ребёнка на ЕГО счёт...

В современном Язычестве борются две тенденции — стремление «обычных» людей к религиозности и Воля САКРАЛЬНОГО к САМО-проявлению. Невежды, как всегда, жаждут формальной «правильности» и «благочиния», в то время как те немногие, через кого *говорят* Великие Боги, указывают — самой Жизнью своей — ВЫХОД за пределы собственных обусловленностей, за пределы «себя» к Истинному СЕБЕ. Формалисты создают многочисленные симулякры, эти «*копии без оригинала*», в то время как озарённые Пламенем БЕЗДНЫ открывают Пути, прочерчивая их собственной Огненной Кровью на плате Времени, — нисколько не тщась сохранить пепел былого, но пылая Живым Огнём ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

Таков мой друг и соратник Евгений Нечкасов (*Askr Svarte*). Он прозорливо умён и философически точен в своих определениях, — но не сто́ит обманываться *формой* его речей, ибо *суть*, которая скрывается за покровом слов, открыта им в непосредственном опыте Живого Богообщения, а здравомысленная разумность его определений рождена из лона Священного Безумия по ту сторону слов...

Он — Язычник не по конфессиональной принадлежности, но по Откровению Духа; и то, что он *умеет* выразить в словах НЕВЫРАЗИМОЕ, призывает к тому, что его книга должна читаться не только умом, но и Сердцем, или, точнее, умом, погружённым в Чашу Сердца — нашедшим свою «могилу» в Сердце... А затем — *простите меня за эти слова,* — Чаша Сердца должна быть *разбита*, чтобы между Беспредельностью *внутри* и БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬЮ более не было различия...

Не *верьте* форме, но *Ведайте* СУТЬ...

Ведающему — достаточно.

[14.12.2014]

Избранная библиография

Литература на иностранном языке

Slauson Urv "Religion of Odin", Published by the Asatru Free Church Slauson Urv "Religion of Odin", Published by the Asatru Free Church Committee, Viking House 1978.

"Die Gotterlieder der Alteren Edda", Philipp Reclam jun. GmbH & Co. KG, Stuttgart, Germany, 2015.

"Loki's Role in the Northern Religion", "Idunna" magazine.

"The Odinist Anthology" by The Asatru Free Assembly. All rights reserved 1983.

"Wulf. Collected writings of an English Wodenist" edited by Troy Southgate, Black Front Press, 2014.

Cleary Collin "What is Odinism?", TYR vol. 4, 2014-2015.

Coughlin John J. "Out of the Shadows/ An Exploration of Dark Paganism and Magick".

Danielou Alain "Shiva and the Primordial Tradition. From the Tantras to the science of dreams", Inner Traditions, 2007.

Dowden Ken "EUROPEAN PAGANISM. The realities of cult from antiquity to the Middle Ages" by Routledge, NY, USA, 2000.

Ellis Hilda Roderick "The road to Hel. A Study of the Conception of the Dead in Old Norse Literature", Greenwood press, publishers. New York 1968.

Findell Martin "Runes", The Trustees of British Museum, 2014.

Grimsson Wulf "Loki`s way. Essays and Musings", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. Loki and Odin: Rites of Initiation and Sorcery", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. The Mind of a Sorcerer", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Loki`s way. The path of the sorcerer in the Age of Iron", Australia, 2011.

Grimsson Wulf "Male mysteries and the secret of the mannerbund", Australia, 2011.

Guerrero Fernando "Draugar Folklore in Old Norse Sources", Centre for Viking and Medieval Studies, University of Oslo, May 2003.

Interview with Sveinbjörn Beinteinsson lead by Gisela Graichen and taken from the book Die Neuen Hexen (The New Witches) by G. Graichen.

John-Stucke Kirsten, Siepe Daniela "Mythos Wewelsburg. Fakten und Legenden", Ferdinand Schoningh, Paderborn, Deutchland, 2015.

Kaldera Raven "The Jotunbok: Working With The Giants Of The Northern Tradition", Asphodel Press, 2006.

Kvilhaug Maria "The maiden with the mead. A goddess of initiation in norse mythology?", Master dissertation in history of religion, Department of culture, University of Oslo, 2004.

McNallen Stephen, the article "The method of transcendence in Germanic Tradition".

McNallen Stephen, the article "Tribes vs. Empires".

Old Norse religion in long-term perspectives. Origins, changes, and interactions, An international conference in Lund, Sweden, 2004.

Raido group "The Handbook of Traditional Living", Arctos Media, 2010.

Spiesberger Karl "Runemagie. Handbuch der Runenkunde", Esoterischer Verlag Paul Hartmann, Burstadt, Deutchland, 2009.

Stinson Mark "Heathen Families: Nine Modern Fables for Heathen Children and a Collection of Essays Regarding Heathen Families", Published by Jotun's Bane Kindred, 2011.

Stinson Mark "Heathen Gods: A Collection of Essays Concerning the Folkway of Our People", Published by Jotun's Bane Kindred, 2009.

Stinson Mark "Heathen Tribes: A Collection of Essays Regarding the Tribes of Our Folk", Published by Jotun's Bane Kindred, 2011.

Русскоязычная литература

"Безумие и его бог" / Составление Е.В. Головина. - М.: "Эннеагон Пресс", 2007г..

"Варяжские законы с Российским переводом и краткими замечаниями", из. Степан Руссовъ, Санкт-Петербург, 1824 год, репринт 2014г.

"Введение христианства на Руси" / Инт-т философии АН СССР; Отв. Ред. А.Д. Сухов. - М.: Мысль, 1987г.

"Девибхагавата-пурана. Книга первая". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, Калининград, 2014г.

"Деви-гита. Песнь Богини". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, 2015г.

"Деви-Махатмья из Девибхагавата-пураны. Часть вторая". Пер. с санскрита Андрея Игнатьева, Калининград, 2013г.

"Доктрина Радикального Примитивизма", анонимный трактат, 2014г..

"Евангелие от Иуды" - М.: АСТ: Астрель, 2006г.

"Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы", издательство "Наука", Москва, 1977г.

"Кашмирский шиваизм". М.: Издательство "Ганга", 2010г.

"Маги Золотой Зари: док.история маг.ордена, 1887-1923" - М.: Энигма Одди-Стиль, 2008г.

"Малая Книга Гекаты" Рой Мрачный Жнец, изд. сообщества "Svarte Aske", 2013г.

"Махабхагавата-Пурана". Главы 36-59 / Пер. А. Игнатьева, Калининград, 2013г.

"Мудрость Дзен. Сто историй пробуждения" - СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012г.

"Обрядовая поэзия" - М.: Современник, 1989г.

"Русский национализм между властью и оппозицией". / под ред. В.Прибыловского. – М.:Центр «Панорама», 2010г.

"Сад Знания. Китаб ат-Тавасин" ал-Хусайн ибн Мансур ал-Халладж, 2013г.

"Сказки и легенды ингушей и чеченцев". М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1983г.

"Славянская Родная Вера" / ССО СРВ, 2013г.

"Славянская руническая письменность: факты и домыслы", Д. Громов, А. Бычков, Москва, "София", 2005г.

"Словарь аналитической психологии К. Юнга", СПб.: Азбука-классика, 2009г.

"Старшая Эдда: Эпос" / Пер. с древнеисл. А. Корсуна. - СПб.: Издательский Дом "Азбука-классика", 2008г.

"Сущность Дзен. Искусство быть свободным" - СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012г.

Polarstern Smierc "Metaphysica Nova" / Черновцы: Бes Публики, 2014г.

Rowo Rekwaz "Hwitaz Hrabnaz", годорд Ярнвид, изд. сообщества "Svarte Aske", 2015г.

Svarte Askr "Gap", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Svarte Askr "Svarte Aske", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2011г.

Ал-Калби Хишам ибн Мухаммад "Книга об идолах (китал ал-аснам)", пер. В. В. Полосина, М. Восточная литература. 1984г.

Банзаров Дорджи "Чёрная вера или шаманство у монголов", Санкт-Петербург 1891 г, репринт "Общество Сознания Смерти", 2014г.

Батай Жорж "Литература и Зло" / Пер. с фр.и коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Домогацкой, предисл. Н.В. Бунтман. - М.: Изд-во МГУ, 1994г.

Бенуа Ален де "Вперед, к прекращению роста! Эколого-философский трактат". - М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2012 г.

Бенуа Ален де "Как можно быть язычником". – М.: «Русская Правда», 2013г.

Бесков Андрей "Восточнославянское язычество. Религиоведческий анализ", LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010г.

Бодрийар Жан "Америка", перевод с французского Д. Калугин, Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2000г.

Бодрийар Жан "Общество потребления. Его мифы и структуры" / Пер. с фр. Е.А. Самарской. - М.: Республика; Культурная революция, 2006г.

Бодрийар Жан "Прозрачность зла" - М.: Добросвет, 2000г.

Бодрийар Жан "Система вещей", пер. с фр. С. Зенкина, М.: "Рудомино", 1999г.

Бхайравананда "Махагахвара Раштра Марга".

Бхайравананда "Преступление и вознаграждение".

Васильченко Андрей "Арийский миф III Рейха". - М.: Яуза-Пресс, 2008г.

Викернес Варг "Скандинавская мифология и мировоззрение", изд 2-е. - Тамбов, 2010. Изд. "Ex Nord Lux"

Вирт Герман "Хроника Ура-Линда" / Пер. с нем. Кондратьев А.В. - М.: Вече, 2007г.

Гаврилов Д.А, Наговицын А.Е. "Боги славян. Язычество. Традиция". – М.: Рефл-Бук, 2002г.

Гаврилов Д.А. "Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре" – М.: Социально-политическая мысль, 2006г.

Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.1, Епархиальная типография, Харьков, 1916г.

Гальковский Н.М. "Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси" т.2, Печатня А.И.Снегиревой, Москва, 1913г.

Гасанов Б.А. (влх. Богумил) "Основы современного колядования" М.: Издательство Велигор - 2013г.

Генон Рене "Заметки о посвящении", пер. с фр.: Т.Б. Любимова - М.: Беловодье, 2010г.

Генон Рене "Символизм Креста" / Пер с фр. Т.Б. Любимова - М.: Беловодье, 2008г.

Генон Рене "Символика Креста // Царь мира", М.: Прогресс-Традиция, 2008г.

Генон Рене "Теософизм: история одной псевдорелигии. Часть первая". Пер. с франц. Андрея Игнатьева, Калининград 2012г.

Глинка Г.А. "Древняя религия славян", набор Мельникова В., Митава, 1804г.

Громов Д.В., Бычков А.А. "Славянская руническая письменность: факты и домыслы" — М.: ООО «Издательский дом София», 2005г.

Гуревич А.Я. "Избранные труды. Древние германцы. Викинги". - СПб.:Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007г.

Даль В.И. "О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа".

Дананн Алексендр де "Память крови", Москва-Воронеж, TERRA FOLIATA, 2012г.

Даниелу Ален "Шива и Дионис".

Дворкин А.Л. "Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования.", 3-е изд., Христианская библиотека, 2007г.

Делёз Жиль "Логика смысла"/ пер. с фр. Я.И. Свирского. - М.: Академический Проект, 2011г.

Джайадхар А.М. (Бхайравананда) "Абхичара. Индийская магия", изд. сообщества "Svarte Aske", 2016г.

Джемаль Гейдар "Ориентация-Север", 1979г.

Джемаль Гейдар "Революция пророков", 2003г.

Дугин Александр Гельевич "Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии". М., Арктогея-Центр, 1999г.

Дугин Александр Гельевич "В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки)" - М.: Академический Проект, 2013г.

Дугин Александр Гельевич "Знаки Великого Норда", М.: Вече, 2008г.

Дугин Александр Гельевич "Конспирология", М., РОФ "Евразия", 2005г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Германский Логос. Человек апофатический.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Латинский Логос. Солнце и Крест.", М.: Академический проект, 2016г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. По ту сторону Запада Китай, Япония, Африка, Океания.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизайии: Иран, Индия.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Три логоса: Аполлон, Дионис, Кибела.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Французский Логос. Орфей и Мелюзина.", М.: Академический проект, 2015г.

Дугин Александр Гельевич "Ноомахия: Войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос.", М.: Академический проект, 2014г.

Дугин Александр Гельевич "Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли.", М., "Евразийское Движение", 2009 - 744 с.

Дугин Александр Гельевич "Радикальный Субъект и его Дубль", М. "Евразийское движение", 2009г.

Дугин Александр Гельевич "Философия политики", М., Арктогея, 2004г.

Дугин Александр Гельевич "Философия традиционализма", М., Арктогея-Центр, 2002г.

Дюмезиль Жорж "Верховные боги индоевропейцев", АН СССР, издательство "Наука", 1986г.

Жирар Рене "Насилие и священное" / Пер. с фр. Г. Дашевского, Новое Литературное Обозрение, Москва, 2010г.

Игнатьев Андрей "Мир Рерихов" в двух частях / Калининград 2013-14гг.

Кареев Николай "Главные антропоморфические боги славянского язычества", Славянский вестник, самиздат репринт 2014г.

Кинг Ф. "Мегатерион. Зверь 666." — М.: АСТ: Адаптек, 2009.

Кнопп Гвидо "Адольф Гитлер. Психологический портерт" / пер. с нем. Ж.А. Колобова. - М.: Астрель, 2006г.

Колон Даниэль "Эвола, Генон и христианство", перевод с испанского Н.Сперанской, исследовательская группа «Catena Aurea», эл.изд. "Ex Nord Lux DIGITAL".

Кон И.С. "Лунный свет на заре", издательство АСТ – Олимп, М., 2003г.

Кораблев Леонид "Йоун Книжник-Чародей" - М: Самостоятельное издание, 2014г.

Лист Гвидо фон "Первооснова" / Пер. с нем. - Тамбов, 2009. Изд. "Ex Nord Lux"

Маркова Л. "Философия из хаоса. Ж.Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии".

Мисюрева А.А. "Предания и сказы Западной Сибири", Новосибирское книжное издательство 1954г.

Мэнвелл Р., Френкель Г. "Знаменосец "Черного ордена". Биография рейхсмаршала Гиммлера.1939-1945" /пер. с англ. П.В. Рубцова. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006г.

Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. "Энциклопедия тантры", СПб.: Институт метафизики, 2010г.

Носова Г. "Язычество в православии", 1975г.

Нухаев Хож-Ахмед "Давид и Голиаф, или Российско-Чеченская война глазами варвара", 2000г.

Пенник Найджел "Практическая магия в Северной Традиции" - Н. Новгород: Издательство НП "Magisterium plus", 2011г.

Платон "Диалоги" / Пер. с древнегреч. В. Н. Карпова. - СПб.: Издательская Группа "Азбука-классика", 2009г.

Платон. Избранное. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2004г.

Пувурвиль Альбер Пюйу граф де (Матжиои) "Метафизический путь", СПб.: Владимир Даль, 2014г. / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова.

Рыбаков Б.А. "Язычество древних славян".

Савин Л.В. "Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию." - М.: Евразийское движение, 2013г.

Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. "Национализм. Теории и политическая история", Изд. дом ГУ ВШЭ, Москва, 2006г.

Соколова В.К. "Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов".

Сораль Ален "Понять Империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций?", пер. с фр. А. Коваленко - М.: Глобальный Революционный Альянс, 2012г.

Соссюр Фердинанд де "Труды по языкознанию", Изд. "Прогресс", 1977г.

Сперанская Нателла "Дионис преследуемый" - М.: Культурная революция, 2014г.

Сперанская Нателла "Пути к Новой Метафизике".

Сперанский Н. "Язычники отвечают. Брошюра №13", Троицк, 2013г.

Стеблин-Каменский М. "Мир саги. Становление литературы", Изд. "Наука", 1984г.

Стеблин-Каменский М. "Миф" / Изд. "Наука", Ленинград, 1976г.

Сэджвик Марк "Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века", М.: Новое литературное обозрение, 2014. / Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева.

Флауэрс Стефан "Зеленая руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Красная руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Синяя руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Флауэрс Стефан "Черная руна" - Тамбов, 2011., изд. Ex Nord Lux.

Фукуяма Фрэнсис "Конец истории и последний человек" / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: АСТ: Ермак, 2005г.

Фукуяма Фрэнсис "Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции" / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008г.

Хайдеггер Мартин "Бытие и Время" / Пер. с нем. В.В. Бибихина. - 5-е изд. - М.: Академический Проект, 2015г.

Хансен Х.Т. "Политические устремления Юлиуса Эволы" - Воронеж-Москва: TERRA-FOLIATA. 2009г.

Хлебников Пол "Разговор с варваром (Хож-Ахмед Нухаевым)", Детектив-Пресс, 2003г.

Хобсбаум Эрик "Нации и национализм после 1780г.", СПБ, изд. "Алетейя" - 1998г.

Черкасов Илья (V.L.S.L.V) "Liber ABRAXAS (Книга АБРАКСАС): Против Бога и Природы". - Древний Город: Издание "Общества Сознания Смерти", 2011г.

Черкасов Илья (V.L.S.L.V) "Книга Великой Нави: Хаософия и Русское Навославие", 2-е изд., доп. - Древний Город: Издание "Общества Сознания Смерти", 2011г.

Черкасов Илья (Велеслав) "Книга Родной Веры: Основы Родового Ведания Русов и Славян", Москва, 2009г.

Черкасов Илья (Велеслав) "Урядник малый".

Черкасов Илья (влх. Велеслав) "Основы Родноверия. Обрядник. Кологод (Серия "Основы Родной Веры Русов и Славян": Книга 1). Изд. 2-е. - СПб.: ООО "Ведическое Наследие", 2010г.

Черкасов Илья (влх. Велеслав) "Шуйный путь: Чёрная книга Нави" М.: ООО "Издательство Велигор", 2011г.

Шиженский Роман "Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского)". - Н. Новгород: типография "Поволжье", 2014г.

Шиженский Роман "Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского)". - 2-е. изд., спр. И доп. - М.: Орбита-М, 2013г.

Широкова Н.С. "Мифы кельтских народов" / М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005г.

Эвола Ю., Шуон Ф., Генон Р. "Касты и расы". - Тамбов, 2010. Изд. "Ex Nord Lux".

Эвола Юлиус "Герметическая традиция" - Воронеж: TERRA FOLIATA, 2015г.

Эвола Юлиус "Люди и руины" / пер. с исп. В.В. Ванюшкиной. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007г.

Эвола Юлиус "Метафизика пола" [пер. с фр.: В.И. Русинов]. - Изд. 2-е, испр. - М.: Беловодье, 2012г.

Эвола Юлиус "Оседлать тигра", Львов, 2008. / Пер. с итл. Виктория Ванюшкина.

Эвола Юлиус "Рабочий" в творчестве Эрнста Юнгера". СПб.: Наука, 2005г.

Эвола Юлиус "Фашизм: критика справа", М.: "Реванш", 2005 - 80 с. / Пер. с итл. Виктория Ванюшкина.

Эвола Юлиус "Языческий Империализм" / Пер. с итл. А. Дугин, изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации" / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, Н.Б. Абалаковой, С.Г. Балашовой, А.А. Старостиной. - М.: Академический Проект, 2012г.

Элиаде Мирча "Священное и мирское" / Пер. с фр. Н.К. Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994г.

Юлиан Отступник "Сочинения" / пер. с древнегреч. коммент. Т.Г. Сидаша. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007г.

Юнгер Ф. Г. "Греческие мифы", Издательство "Владимир Даль", 2006г.

Юнгер Эрнст "Излучения (февраль 1941-апрель 1945)", СПб, "Владимир Даль", 2002г.

Юнгер Эрнст "Уйти в Лес", пер. А. Климентов, 2014г.

Периодика

"Colloquium Heptaplomeres: научный альманах. Выпуск II" / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. - Нижний Новгород: Минский Университет, 2015г.

"Indigenous religions. "Русь языческая": Этническая религиозность в России и Украине XX-XXI вв." / сост. И общ. Ред. Р.В. Шиженский. - Н. Новгород, НГПУ, 2010г.

"Традиція і традиціоналізм. Альманах (2014-2015)" - Вінниця: ТОВ "Нілан-ЛТД", 2015г.

"Warha #2: альманах о Пути Левой Руки", изд. сообщества "Svarte Aske", 2015-2016г.

"Warha: альманах о Пути Левой Руки", изд. сообщества "Svarte Aske", 2015г.

"Милый Ангел", Арктогея, Москва, 1991г.

"Родноверие" журнал (вып.1), Москва, 2009г.

"Родноверие" журнал (вып.2), Москва, 2010г.

"Родноверие" журнал (вып.3), Москва, 2010г.

"Родноверие" журнал (вып.8), Москва, 2013г.

"Сівер" альманах (вып.1). Мінск, студзень 2013 г.

"Северный ветер" журнал (вып.1), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.2), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.3), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.4), Киев, Минск, 2013г.

"Северный ветер" журнал (вып.7), Киев, Минск, 2014г.

"Стальные Сумерки. Вестник Европейской Традиции", альманах.

"Традиция и Традиционализм" альманах (2012-2013). - Донецк: Донбасс, 2013г.

"Традиция" альманах (вып. 3). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2012г.

"Традиция" альманах (вып. 4). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2012г.

"Традиция" альманах (вып. 5). Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-состав. Н. Сперанская. - М.: Евразийское Движение, 2013г.

"Элементы" №1, 1992 г., Москва.

"Элементы" №2, 1992 г., Москва.

"Элементы" №3, 1993 г., Москва.

"Элементы" №4, 1993 г., Москва.

"Элементы" №5, 1994 г., Москва.

"Элементы" №9, 1998 г., Москва.

Статьи

"Why We Are Pagans?" National-Anarchist Movement, пер. с англ. С. Носикова

"Основы вероучения Асатру", базовый документ для регистрации религиозных организаций Асатру в РФ, 2013г.

Haggkvist M. "Проблемы языческого традиционализма", KulturOrgan Skadinaujo. № 2, 2003.

Wotans Krieger "Новый взгляд на Локи как на германского бога Пути Левой Руки", пер. с англ. Askr Svarte.

Балушок В.Г. "Инициации древнерусских дружинников" / Этнографическое обозрение, №1, 1995г.

Балушок В.Г. "Инициации древних славян" / См. Этнографическое обозрение, № 4, 1993г.

Бенуа Ален де, интервью Askr Svarte, пер. с фр. , 2015 г.

Бурнаков В.А. "Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов", 2011г.

Велеслав "Касты и общество".

Велеслав "Спорные вопросы современного родноверия".

Веннер Доминик "Жить в соответствии с нашей традицией", пер. с англ. Никита Смирнов.

Воденинг Свен "О племенной вере и теодизме", пер. Мирослав Курганский.

Габараев Мурат "Языческие праздники осетин", 2009г.

Головин Евгений лекция "Дионис-2".

Гримссон Вульф "Некоторые предварительные комментарии о разнице между Путем Левой Руки на Западе и Дохристианской языческой моделью", пер. с анг. Александра Сидорова, 2015г.

Гримссон Вульф, интервью и пер. с англ. Askr Svarte, 2013г.

Дзермант Алексей "Традиционная этническая религия в Беларуси".

Иванов Александр "Христиане до Христа", Традиция. Выпуск III. – М.: Евразийское движение, 2012г.

Клири Коллин "Какому богу поклонялся Один?", пер. с англ. Askr Svarte.

Кнорре Борис "Индуизм: от глобалистской адаптации — к альтернативному глобалистскому проекту", Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А.Малашенко и С. Филатова; Московский Центр Карнеги. — М.: Неостром, 2005.

Крижевский Алексей, интервью "Бархатное подполье: Игорь Дудинский о жизни советской богемы".

Леденева Лада "Отголоски язычества у карачаевцев и балкарцев", 2011г.

МакНаллен Стивен "Метод трансцендентности в Германской Традиции", перс англ. Евгения Анисимова, 2015г.

Мила Эрнесто "Юлиус Эвола: последний гиббелин", пер. Артур Льянос.

Милорадович В. "Очерки о малорусской демонологии", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Наср Сейид Хосейн "Что такое Традиция?", пер. с англ. Александр Бобров.

Наср Сейид Хосейн, интервью Н. Сперанской, пер. с англ. Вероника Канищева.

Николаев А.П. "Православная церковь и шаманы в Якутии (XVIII–XIX вв.)", 2002г.

Пенник Найджел "Финно-угорское язычество".

Платов А. "Путь над Бездной. Традиция в эпоху Рагнарёка".

Телегин С.М. "Воля к мифу: Проблема неоязычества", 2013г.

Тменов В.Х. "Осетинское язычество в системе средневековых религиозных верований народов Северного Кавказа".

Филатов Сергей "Якутия перед религиозным выбором: шаманизм или христианство", Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С.Б.Филатов. — М.; СПб.: Летний сад, 2002.

Чудинов Сергей "Традиция и историческое мировосприятие в феноменологическом мире неоязычества", Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 2014г.

Шиженский Роман "К вопросу о терминологии славянских вариаций «indigenous religions» (на примере термина «неоязычество»)".

Шиженский Роман "Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований", Вера и религия в современной России. Всероссийский конкурс молодых учёных: 25 лучших исследований. – М.: «Август Борг», 2014. – 352 С.

Шиженский Роман "Неоязыческий миф о Владимире I".

Шиженский Роман "Опыт сравнительного анализа текстов А.А. Добровольского и Г.Ф. Вирта (к вопросу об источниковой базе российских неоязычников)".

Шиженский Роман "Проблема генезиса современного русского язычества в работах российских исследователей".

Эвола Юлиус "Дионис и Путь Левой Руки", пер. с итл. Ольга Тюленева.

Эвола Юлиус "Император Юлиан", перевод Антона Шмакова.

Эвола Юлиус "Пределы инициатической регулярности", перевод Д.Зеленцова.

Эвола Юлиус "Против неоязычников", пер. с англ. Максим Медоваров.

Эвола Юлиус "Феминизм и героическая традиция", перевод В.И., оригинал 1933г.

Эвола Юлиус, последнее интервью с Джанфранко де Туррис и Себастьяно Фуско, 1973г., пер. с итл. Виктории Ванюшкиной.

Элиаде Мирча "Мефистофель и андрогин, или тайна целостности", изд. сообщества "Svarte Aske", г. Новосибирск, 2013г.

Энгельс Фридрих "Происхождение семьи, частной собственности и государства".